

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри

ГЛАВА I

Причины, по которым миссис Лайтфут Ли решила провести зиму в Вашингтоне, многие сочли бы нелепыми. Она обладала завидным здоровьем, однако объясняла, что климат столицы должен подействовать на нее благотворно. В Нью-Йорке ее окружали полчища друзей, но ей вдруг понадобилось свидеться с теми немногими, кто обитал на берегу Потوماка. Только самым близким она честно призналась, что не знает, куда деваться от ennui [1 – Скука (фр.)]. После смерти мужа, случившейся пять лет назад, нью-йоркское общество ей опостылело; она полностью утратила интерес к изменениям курса акций и почти полностью – к их держателям; она предалась серьезным размышлениям. Чего они стоят, эти скопища мужчин и женщин, таких же однообразных, как дома из бурого песчаника, в которых они живут? В отчаянии она прибегла к крайним мерам: принялась читать немецких философов в оригинале, и чем больше читала, тем больше впадала в уныние, убеждаясь, что бездны духа ни к чему, решительно ни к чему не привели. Проговорив целый вечер о Герберте Спенсере с каким-нибудь весьма образованным комиссионером-трансценденталистом, она приходила к выводу, что в подобном времяпрепровождении так же мало толку, как во флирте, которому отдавала дань в юности с каким-нибудь привлекательным молодым маклером, и даже наоборот, поскольку флирт мог привести – и в конечном итоге привел – к брачному союзу, а философствование ни к чему не вело, разве только к еще одному вечеру в том же роде, поскольку философы-трансценденталисты были [2 – Трансценденталисты – сторонники идей, распространяемых членами литературно-философского кружка, группировавшегося вокруг публициста и философа Р. У. Эмерсона (1803–1882), который утверждал ценность духовного мира, противопоставляя его сугубо утилитарному взгляду, согласно которому в основе деятельности человека лежит эгоистический интерес, стяжательство. Сочетание «комиссионеры-трансценденталисты» носит явно иронический характер. (Здесь и далее прим, перев.)] по большей части людьми пожилыми и, как правило, женатыми, а если занимались еще и бизнесом, то к вечеру их клонило в сон. Тем не менее миссис Ли не щадила усилий, чтобы воплотить свои познания в практических делах. Она окунулась в филантропию: посещала тюрьмы, инспектировала больницы, изучала труды о пауперизме и преступности, и до такой степени забила себе мозги статистикой порока, что перестала различать добродетель. Наконец душа ее восстала, а силы иссякли. Этот путь тоже никуда не приводил. Миссис Ли заявила, что утратила чувство долга, и пусть все нью-йоркские нищие и преступники, сколько их ни на есть, приберут к рукам все железные дороги Америки, ее это никоим образом не касается. Какое ей до этого дело? Что ей до Нью-Йорка? Она не видит в этом городе ничего, что нуждается во спасении. С какой стати благоговеть перед массой? Почему миллион похожих друг на друга людей должен быть ей интереснее кого-нибудь одного? Какую побуждающую силу способна она вложить в душу этого гигантского миллионнорукого чудовища, чтобы оно стало достойным ее любви и уважения? Религию? Тысяча могущественных церквей изощраются на этом поприще, как только могут, так где уж ей изобрести новую веру, вдохновенным пророком которой она могла бы стать. Честолюбие? Высокие идеалы? Стремление ко всему возвышенному и чистому? Ее коробило от одних этих слов. Разве сама она не снедаема честолюбием? Разве не терзается тем, что не находит предмета, которому могла бы принести себя в жертву?

Честолюбие – истинное честолюбие – или просто беспокойный нрав был виной тому, что миссис Ли разгневалась на Нью-Йорк и Филадельфию, Бостон и Балтимору, американский образ жизни вообще и жизнь как таковую в частности, определить трудно. Чего ей недоставало? Не положения в обществе, потому что по рождению она принадлежала к весьма уважаемой филадельфийской семье. Отец ее был известным священником, а муж – отпрыском одной из ветвей виргинских Ли [3 – Клан богатых плантаторов-рабовладельцев из штата Виргиния. Из семейства Ли вышел главнокомандующий армией конфедератов генерал Р. Э. Ли (1807–1870).], которая в поисках состояния переместилась в Нью-Йорк, где и обрела его, во всяком случае в таких размерах, чтобы удержать молодого человека в этом городе. Его вдова занимала в свете достаточно прочное положение, которое никем не оспаривалось, и, хотя не выделялась среди соседей по части интеллекта, ходила в женщинах умных. Она была богата, по крайней мере настолько, чтобы пользоваться всеми удовольствиями, какие деньги могут предоставить благоразумной женщине в американском городе. Владела собственным домом и собственным выездом, хорошо одевалась, держала отменного повара и следила за тем, чтобы меблировка комнат отвечала

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org последним образцам декоративного искусства. Она несколько раз отправлялась в Европу, проведя в путешествиях не один год, и вернулась домой с пейзажем в зелено-серых тонах кисти Коро, так сказать, в одной руке и коллекцией персидских и сирийских ковров и шитья, вкуче с японской бронзой и фарфором, – в другой. На этом она сочла Европу исчерпанной и открыто признала себя американкой до кончиков ногтей. Она не знала, да и не стремилась знать, где лучше жить – в Америке или в Европе, не питая горячей любви ни к той, ни к другой и охотно браня обеих, но имела твердое намерение получить от американской жизни в полном объеме все, что та могла ей дать, – хорошее и плохое, испив ее до дна, и была полна решимости обрести все, что только там есть, и воспринять все, что только можно оттуда извлечь.

– Я знаю, – декларировала она, – в Америке добывают нефть и выращивают свиней: и то и другое я видела на американских пароходах. И еще говорят, в Америке добывают серебро и золото. Женщине здесь есть из чего выбрать.

Тем не менее, как уже упоминалось, первые шаги миссис Ли не увенчались успехом. Вскоре по приезде она заявила, что если Нью-Йорк можно считать городом нефти или свиней, то золота жизни ее глаза там не обнаруживают. Не то чтобы в Нью-Йорке недоставало разнообразия – разнообразия лиц, занятий, целей и мыслей. Но все они, достигнув определенной высоты, останавливались в развитии. Их рост ничем не стимулировался. Среди знакомых ей мужчин, как дальних, так и близких, насчитывалось с дюжину, чье состояние исчислялось суммой от одного до сорока миллионов. Что они делали с этими деньгами? Что такого, чего не могли делать другие? В конце концов, нелепо тратить больше, чем необходимо, для полного удовлетворения всех потребностей: не станешь же жить в двух домах на той же улице или разъезжать в карете, запряженной шестериком, – это вульгарно! А отложив определенную сумму, полностью удовлетворяющую все потребности, что делать с остальным? Нарращивать капитал? Вот уж что означало расписаться в собственной несостоятельности. Миссис Ли как раз и сокрушалось то, что капитал неизбежно наращивался, ничего не меняя и не улучшая в его владельцах. Отдавать деньги на благотворительность и общественные работы? Мысль сама по себе похвальная, но вряд ли разумная. Миссис Ли прочитала достаточно трудов по политической экономии и о пауперизме, не оставивших сомнений, что общественные работы должны вестись за общественный счет, а чрезмерная благотворительность приносит столько же зла, сколько и добра. Даже если весь ее капитал пошел бы на общественные нужды, чего бы она этим достигла? Разве только умножила и упрочила пороки человеческой природы, которые ее сокрушали. Ее нью-йоркские друзья не могли ответить на эти вопросы и лишь повторяли распространенные среди американцев банальности, которые она с презрением отвергала, заявляя, что при всем своем восхищении знаменитым путешественником господином Гулливером не может, с тех пор как стала вдовой, принять бробдингегскую доктрину, гласившую, будто тот, кто взрастит два колоса там, где раньше рос один, заслуживает большего признания человечества, нежели все политики, вместе взятые. Добро бы философ выдвигал условием, чтобы колосья отличались повышенным качеством!

– Но с чего мне делать вид, – заявляла она, – будто я в восторге видеть двух ньюйоркцев на месте одного. Фу, какая нелепость! Да больше чем о полутора мне и подумать тошно!

Тут подросли ее бостонские друзья и высказали мнение, что главное, чего ей не хватает, так это высшего образования. Пусть совершит паломничество по университетам и художественным школам. На это миссис Ли отвечала с нежнейшей улыбкой:

– А вам известно, что у нас в Нью-Йорке богатейший в Америке университет и единственная его беда – что ни за какую плату не удастся заполнить его алчущими знаний? Может быть, вы хотите, чтобы я вышла на улицы и зазывала туда молодых людей? А если эти язычники не пожелают принимать истинную веру? Вы можете дать мне право обращать их огнем и мечом? Предположим, вы меня таким правом облекли. Предположим, я загнала всех шалопаев с Пятой авеню в университет, где их тщательно обучат греческому и латыни, английской литературе, этике и немецкой философии. Что дальше? Вы в Бостоне превосходно справляетесь с этим делом. Но скажите чистосердечно, каков результат? Не иначе как у вас блестящее общество, а Бикон-стрит[4 – Одна из главных улиц Бостона. Здесь – символизирует бостонский высший свет.] кишит поэтами, учеными, философами и государственными деятелями! Ваши званые вечера, надо полагать, искрятся остроумием. А ваша пресса, наверное,

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org переливается всеми красками. Только почему-то мы, ньюйоркцы, об этом ничего не слышали. Правда, мы не частые гости в вашем обществе, но, когда случается там бывать, оно не кажется намного лучше нашего. Право, вы ничем не отличаетесь от прочих американцев. Достаете до тех же шести футов и на том останавливаетесь. Ну почему, почему никто не достиг высоты хотя бы дерева и не способен отбрасывать тень?

Рядовой член нью-йоркского общества, которому такие пренебрежительные речи в устах его верхушки были отнюдь не внове, огрызнулся с присущим ему непробиваемым здравомыслием:

– Что этой вдовушке нужно? Видно, у нее голова пошла кругом от всех этих Мальборо-хаус и Тюильри. Уж не мнит ли она себя рожденной для трона? Читала бы лекции о правах для женщин. Или шла бы на сцену, коли ей так нейметя. Ах, ее не устраивает то, что годится другим? Но это еще не причина читать нам наставления: сама ведь знает, что ни на дюйм не выше остальных! И чего она думает добиться своим острым язычком? Много ли у нее самой за душой?

За душой у миссис Ли было, разумеется, не слишком много. Она жадно и без разбора заглотила тьму книг, чередуя один предмет за другим. Рёскин и Тэн рука об руку с Дарвином и Стюартом Миллем, Густавом Дро и Алджерноном Суинберном резво покружились у нее в голове. Она даже потрудились над отечественной литературой и была, пожалуй, единственной женщиной в Нью-Йорке, знавшей кое-что из отечественной истории. Разумеется, назвать подряд всех президентов она вряд ли могла, но знала, что по конституции власть делится на исполнительную, законодательную и судебную; понимала, что президент, спикер и председатель Верховного суда – лица значительные, и невольно задавалась вопросом, не сумеют ли они решить ее проблему и не те ли это могучие, дарящие тень дубы, о которых она мечтала.

Здесь, скорее всего, и коренилось ее беспокойство, неудовлетворенность или тщеславие – каким бы словом вы ее состояние ни назвали. Ею владело чувство, присущее пассажиру океанского парохода, который не находит себе покоя, пока не спустится в машинное отделение и не потолкует с механиком. Ей хотелось увидеть собственными глазами, как действуют исходные силы, потрогать собственными руками гигантский механизм, приводящий в движение общество, измерить собственным умом мощностъ движущих сил. Она твердо решила проникнуть в самое сердце великой тайны американской демократии и правления. Такова была цель, а куда она приведет, мало заботило миссис Ли, поскольку жизнью она не слишком дорожила, исчерпав, пользуясь ее же выражением, две на своем веку и закалившись настолько, что стала нечувствительна к невзгодам и боли.

– Чтобы, потеряв мужа и ребенка, женщина сохранила стойкостъ духа и разум, она должна стать либо твердой как сталь, либо мягкой как воск. Я теперь крепче стали. Ударьте по моему сердцу падающим молотом, и он отскочит вверх.

Возможно, исчерпав мир политики, она вновь устремилась бы куда-нибудь еще, но пока не бралась предугадывать, куда направится и чем займется. В настоящий момент она решила выяснить, какие удовольствия можно получить от политики. Ее друзья не преминули спросить, какие удовольствия рассчитывает она найти в полуграмотной среде обывковенных людей, представлявших в Вашингтоне свои избирательные округа, настолько бесцветные и скучные, что по сравнению с ними Нью-Йорк выглядел новым Иерусалимом, а Брод-стрит – Платоновской академией. На это миссис Ли отвечала, что, если вашингтонское общество и впрямь окажется столь серым, она будет только в выигрыше, так как с превеликой радостъю вернется в родной Нью-Йорк, чего более всего на свете себе желает. Однако в глубине души миссис Ли посмеивалась над скептиками, вообразившими, будто она едет в Вашингтон в погоне за примечательными людьми. Ее привлекало совсем иное: столкновение интересов – интересов сорокамиллионного народа и целого континента, сконцентрировавшихся в Вашингтоне и управляемых, сдерживаемых, контролируемых людьми обывковенного склада (или, напротив, не поддающихся их влиянию и контролю), гигантские силы управления и механизм общества в действии. Короче, ее притягивала Власть.

Пожалуй, в ее уме несколько перепутались мощностъ машины и сила машиниста, властъ и власти предержажие. Пожалуй, больше всего ее манило то, что составляет главный интерес человека в политике, и, сколько бы она это ни отрицала, именно жажда власти ради самой власти ослепляла и сбивала с пути

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org эту женщину, успевшую исчерпать все занятия, обычные для ее пола. Но к чему копаться в движущих ее мотивах? Сцена перед ней была открыта, занавес подымался, актеры стояли готовые выйти на подмостки, и миссис Ли оставалось лишь, затесавшись в толпу статистов, наблюдать за ходом действия и сценическими эффектами, слушать, как читают свои монологи трагики и бранится в кулисах режиссер.

ГЛАВА II

Первого декабря миссис Ли села в поезд на Вашингтон и уже около пяти вечера входила в нанятый ею новый особняк на Лафайет-сквер[5 – Площадь в Вашингтоне, на которую выходит фасад Белого дома.]. При виде аляповатого варварства обоев и драпри она пожала плечами и следующие два дня провела в отчаянной борьбе за благоустройство среды своего обитания. В результате этой схватки не на жизнь, а на смерть убранство обреченного дома подверглось полному разгрому, словно в нем поселился дьявол. Ни один стул, трельяж или ковер не остался на прежнем месте, и посреди страшнейшего развала новая хозяйка оставалась такой же невозмутимой, как статуя Эндрю Джэксона[6 – Конная статуя Эндрю Джэксона (1767–1845). седьмого президента США, установленная на Лафайет-сквер в 1853 г.], смотревшая на нее с площади, и отдавала приказания не менее решительно, чем когда-либо сей герой. К концу второго дня победа увенчала ее чело. Новая эра, более высокое понятие о долге и целях бытия воссияло в запущенном языческом капище. Богатства Сирии и Персии излились на унылые уилтонские ковры; расшитые кометы и золотое шитье из Японии и Тегерана унижали и прикрыли тоскливые суконные гардины; странная смесь из эскизов, акварелей, вееров, вышивок и фарфора была повешена, прибита, приклоплена и прислонена к стенам. Наконец, домашний запрестольный образ – мистический пейзаж коро – занял отведенное ему место над камином, и на этом была поставлена точка. Под ласковыми лучами заходящего солнца, вливавшимися в окна, мир воцарился в возрожденных апартаментах и в душе их хозяйки.

– По-моему, Сибилла, этим можно обойтись, – сказала она, обозревая арену своих действий.

– Придется, – отвечала Сибилла. – У тебя не осталось ни единой свободной тарелки, ни веера, ни шали. И если тебе вздумается прикрыть еще что-нибудь, останется лишь посылать на улицу и скупать у старых негритянок их пестрые платки. Но какой от всего этого прок? Ты полагаешь, твое убранство понравится в Вашингтоне хоть одной душе? Они сочтут тебя помешанной.

– Но существует еще и чувство долга перед самой собой, – невозмутимо возразила миссис Ли.

Сибилла – мисс Сибилла Росс – приходилась Маделине Ли сестрой. Но даже пронизательнейший психолог вряд ли обнаружил хотя бы одну черту или особенность, в которой «ни совпадали, и именно по этой причине сестры были верными подругами.

Маделине исполнилось тридцать лет, Сибилле – двадцать четыре. Маделина с трудом поддавалась описанию, Сибилла была вся как на ладони. Маделина была женщиной среднего роста, с изящной фигурой, величаво посаженной головой и копной каштаново-золотистых волос, обрамлявших лицо, выражение которого постоянно менялось. Действительно редко случалось, чтобы глаза миссис Ли сохраняли тот же оттенок на протяжении двух часов кряду, однако по большей части они казались скорее синеватыми, чем серыми. Злые языки, завидовавшие ее улыбке, утверждали, будто она намеренно развивала в себе чувство юмора, чтобы щеголять своими зубами. Возможно, так оно и было; во всяком случае, Маделина вряд ли приобрела бы привычку разговаривать жестикулируя, если бы не знала, что руки у нее не только прелестны, но и выразительны. Подобно всем женщинам из Нью-Йорка, она одевалась согласно моде, однако с годами стала проявлять стремление к рискованной оригинальности. Поговаривали, будто она неуважительно отзывалась о своих соотечественниках, ставя им в вину слепое поклонение золотому тельцу – господину Варту[7 – Знаменитый парижский модельер, имевший филиалы своей фирмы в США.], и даже выдержала жестокую баталию с одной из своих приятельниц, известной модницей, когда та получила – и приняла – приглашение на полуденное чаепитие к Варту». Все это, однако, объяснялось просто: миссис Ли обладала художественными наклонностями, которые, как известно, если вовремя их не пресечь, невесть

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org куда могут завести. Пока они не причинили ей вреда. Скорее, наоборот, помогли созданию своеобразной атмосферы, окружающей лишь считанных женщин, – атмосферы, столь же невыразимой, как вечерняя заря, неуловимой, как дымка в бабье лето, и существующей лишь для тех, кто живет чувством, а не разумом. Сибилла обходилась без атмосферы. Воображение стусевывалось, не делая и попытки воспарить там, где появлялась Сибилла. Девица более простодушная, прямая, жизнерадостная, недалекая, сердечная и сугубо практическая редко ступала по земле. В ее уме не было места ни для надгробий, ни для путеводителей; она не стала бы жить ни в прошлом, ни в будущем, даже проводи она дни в церквах, а ночи в гробницах. «Она, слава богу, не так умна, как Маделина!» Маделина не слишком усердно посещала церковь: проповеди ее раздражали, а священники болезненно действовали на ее легко возбудимую нервную систему. Сибилла же, напротив, верила просто и истово; она принадлежала к общине Святого Павла и смиренно склонялась перед отцами-паулистами [8 – Католические священники, входившие в общину Святого Павла, основанную в Нью-Йорке в 1858 г.]. На балах ей всегда доставался лучший в зале партнер, и она принимала свой успех как должное: ведь она просила об этом бога! Во всяком случае, это укрепляло в ней веру. Маделина тактично остерегалась посмеиваться над сестрой или прохаживаться на счет ее религиозных воззрений. «Время терпит, – рассуждала она. – Сибилла сама порвет с религией, когда религия ее разочарует». Что же до регулярного посещения церкви, Маделина сумела без особого труда примирить их привычки. Сама она не бывала в церкви годами, утверждая, что служба порождает в ней антихристианские чувства. Но Сибилла обладала редким по тембру голосом, хорошо поставленным и разработанным. Маделина сама настояла, чтобы сестра пела в хоре, и благодаря этому маленькому маневру разногласия между ними в выборе пути стали не так заметны. Маделина не пела в церкви и, следовательно, могла не идти туда вместе с сестрой. Этот возмутительный софизм как нельзя лучше пришелся к месту: Сибилла искренне приняла его как самоочевидный рабочий принцип.

Маделина была воздержанна в своих привычках. Не сорила деньгами. Не выставляла себя напоказ. Предпочитала реже ездить в карете и чаще ходить пешком. Не носила бриллиантов, не одевалась в парчу. Но при всем том производила впечатление женщины, живущей в роскоши. Ее сестра, напротив, выписывала туалеты из Парижа и постоянно в них щеголяла, украшала себя драгоценностями, как это предписывалось модой; она простодушно следовала всем требованиям света, подставляя свои округлые белые плечи под любую ношу, какой бы парижским диктаторам ни вздумалось их обременить. Маделина ни во что не вмешивалась и неизменно оплачивала счета.

Не прожив в Вашингтоне и десяти дней, сестры уже чувствовали себя там вполне на месте и, без всяких усилий со своей стороны, плыли в потоке светской жизни. Общество отнеслось к ним благосклонно, да у него и не было причин отнестись к ним иначе. Врагов ни Маделина, ни Сибилла не успели нажить, должностей они не занимали и старались как могли понравиться washingtonскому свету. Сибилла недаром проводила каждое лето в Ньюпорте, а зиму в Нью-Йорке: ее лицо, фигура, голос, движения в танцах были безупречны. Правда, политика не являлась сильной ее стороной. Однажды ее все-таки уговорили посетить Капитолий и посидеть минут десять на галерее в зале сената. Какие впечатления она вынесла, осталось неизвестным: с чисто женским тактом она сумела уйти от ответов. Правда, честно говоря, у нее было весьма туманное представление о законодательном собрании – как о чем-то среднем между тем, что происходит в церкви и в опере, и поэтому мысль о том, что ей предстоит увидеть своего рода спектакль, крепко засела у нее в голове. Она так и не переменила этого мнения и считала, что сенат – место, куда приходят произносить речи, наивно полагая, что речи эти приносят пользу и каждая преследует важную цель. Но поскольку они ее не интересовали, в другой раз слушать их она не пошла. Впрочем, подобное представление о конгрессе имеет широкое распространение, и многие конгрессмены его разделяют.

Ее сестра отличалась большим терпением и отвагой. В Капитолий она ходила ежедневно, по крайней мере недели две. К концу этого времени у нее несколько притупился интерес, и она предпочла знакомиться с дебатами по «Ведомостям конгресса», которые прочитывала утром. Чтение это оказалось делом трудоемким и не всегда благодарным, и миссис Ли стала сначала опускать скучные абзацы, а затем за отсутствием увлекательных предметов в конце концов разрешила себе опускать и все остальное. Тем не менее у нее еще достало энергии нет-нет да отправляться на галерею в сенате, если ее предупредили, что ожидается выступление блестящего оратора по вопросам,

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org касающимся всей страны. Слушая, она не пьянела от восторга, когда восторгаться было нечем, но когда было чем, восторгалась от души. И слушала молча, но с неослабным вниманием. Ей хотелось понять, как действует государственный механизм и каковы свойства тех, кто им управляет. Одного за другим подвергала она этих людей проверке, испытывая, так сказать, кислотами и огнем. Несколько сенаторов выдержали пробу и остались живыми, хотя и сильно покоруженными, так как в их составе обнаружилась изрядная примесь грязи, и лишь один из огромного числа тех, кто прошел через ее тигели, сохранил достойный вид, чем и привлек ее внимание.

Поначалу миссис Ли часто посещала конгресс в сопровождении Джона Каррингтона, вашингтонского адвоката лет сорока, который, будучи по рождению виргинцем и дальним родственником ее покойного мужа, называл себя кузеном и держался почти интимного тона, чему она не препятствовала: Каррингтон вызывал у нее добрые чувства, к тому же был человеком, с которым судьба обошлась сурово. Он принадлежал к тому злосчастному поколению южан, которое вступило в жизнь в годы Гражданской войны, и, пожалуй, на его долю выпало даже больше невзгод, чем остальным, поскольку, как большинство образованных виргинцев старой вашингтонской школы, он с самого начала понимал, что при любом исходе Виргиния и он будут неизбежно разорены. В двадцать два года рядовой мятежной армии, он, вооруженный мушкетом, участвовал в одной или двух кампаниях, затем был произведен в ротные в своем же полку и закончил службу в штабе некоего генерал-майора, всегда тщательно исполняя все, что считал входящим в свои обязанности, но никогда не испытывая при этом особого восторга. Когда мятежные армии сложили оружие, он вернулся на родную плантацию – благо ехать пришлось недалеко, поскольку она находилась всего в нескольких милях от Аппоматокса, [9 – Город в штате Виргиния, где 9 апреля 1865 г. основные военные силы Конфедерации под командованием генерала Ли сдались генералу Гранту, в результате чего Гражданская война 1861–1865 гг. закончилась.] – и сразу же засел за книги по юриспруденции, а вскоре, предоставив матери и сестре самим по мере сил управляться с их разоренной плантацией, занялся адвокатской практикой в Вашингтоне, рассчитывая таким образом прокормить и себя и их. В целом ему это удавалось, хотя первое время будущее, казалось, утопало во мраке. Дом миссис Ли был для него оазисом, а ее общество, к собственному его удивлению, возвращало веселое расположение духа. Правда, веселость эта носила весьма сдержанный характер, и Сибилла, несмотря на дружелюбное отношение к Каррингтону, утверждала, что умирает с ним от скуки. Однако Маделина находила в скучном мистере Каррингтоне много привлекательного: испив из чаши жизни куда больше различного сорта вин, чем ее сестра, она научилась ценить приходящие с годами тонкий вкус и аромат, которые недоступны небу помоложе и поглубже. Каррингтон имел обыкновение говорить очень медленно, словно с усилием, но сохранял особое достоинство – по мнению кое-кого, закоснелость – старой виргинской школы, а двадцать лет постоянного груза ответственности и несбывшихся надежд придавали его манерам оттенок озабоченности, граничившей с глубокой грустью. Самой же привлекательной его чертой было то, что он никогда не говорил – и, по-видимому, не думал – о себе самом. Миссис Ли полностью ему доверяла.

– Он – личность, – говорила она. – Таким я представляю себе Джорджа Вашингтона, когда ему было тридцать.

Как-то декабрьским утром, ближе к полудню, входя в гостиную миссис Ли, Каррингтон осведомился, не собирается ли она в Капитолий.

– Сегодня, – сказал он, – там будет возможность послушать последнюю, по всей вероятности, замечательную речь нашего замечательнейшего государственного деятеля. Право, стоит пойти.

– Еще один прекрасный образец нашего отечественного сырья? – спросила Маделина, которая только что оторвалась от чтения Диккенса и его знаменитой картины американской государственности [10 – Имеется в виду книга Ч. Диккенса «Американские заметки» (1842), где в гл. VII дается весьма нелестное описание Вашингтона и обеих палат конгресса.].

– Именно так, – ответил Каррингтон. – Колосс Прерий из Пеонии, возлюбленный сын Иллинойса, человек, которому прошлой весной не хватило всего трех голосов, чтобы быть выдвинутым кандидатом в президенты и который потерпел поражение единственно потому, что мелкие интриги много эффективнее большой игры. Словом, достопочтенный Сайлас П. Рэтклиф, сенатор от Иллинойса и рано или поздно кандидат в президенты.

- А что означает П.? – поинтересовалась Сибилла.
- При мне ни разу не произносили его второе имя. Думается, оно означает Пеония или Прерию. Что-нибудь в этом роде.
- Не тот ли это господин, чья внешность так поразила меня, когда мы были в Капитолии на прошлой неделе? Крупный, дородный, выше шести футов роста, сенатор в полном смысле слова, величественный, с массивной головой и весьма правильными чертами лица? – осведомилась миссис Ли.
- Он самый, – подтвердил Каррингтон. – Непременно пойдите его послушать. Он – главный камень преткновения для нынешнего президента, который знает, что не будет иметь покоя, пока его не убогит. Все считают, что Колоссу Прерий будет предложено на выбор возглавить либо государственный департамент, либо казначейство. И если он согласится, то несомненно предпочтет казначейство: он политик с головы до пят и захочет обеспечить себе контроль над ближайшим общенациональным конвентом.
- Миссис Ли получила удовольствие от дебатов, а Каррингтон – от того, что сидел с нею рядом и по ходу обменивался замечаниями о выступлениях и выступавших.
- А вы сами знакомы с сенатором Рэтклифом? – спросила его Маделина.
- Более или менее. Мне несколько раз приходилось быть консультантом при возглавляемых им комиссиях. Он превосходно ведет заседания. Всегда внимателен и, как правило, любезен.
- Откуда он родом?
- Из Новой Англии. И, кажется, из весьма почтенной семьи. Уроженец одного из штатов по реке Коннектикут – не то Вермонта, не то Нью-Гэмпшира, а возможно, и Массачусетса. Точно не знаю.
- И человек с образованием?
- Да. Он получил нечто вроде классического образования в местном колледже. Думается, достаточное для его нужд. Но по окончании колледжа сразу отправился на Запад и, будучи совсем молодым, да еще только-только из горнила аболиционизма, бросился в разгоравшееся там движение против рабства и после долгой борьбы поднялся на его волне. Сейчас бы он так не поступил.
- Почему?
- Стал старше, опытнее, осмотрительнее. Да и времени осталось мало. Вам видно отсюда, какие у него глаза? Типичные глаза янки. Глаза и уши янки – вот как я его называю.
- Не оскорбляйте янки, – возразила миссис Ли. – Я сама наполовину янки.
- Какое же здесь оскорбление? Не станете же вы отрицать, что у янки есть глаза?
- Охотно допускаю, и даже в том смысле, какой вы вкладываете в это слово. Только не виргинцам судить об их выражении: тут виргинцы плохие судьи.
- Отчего же? Холодные, стальные, свинцово-серые глаза, чаще небольшие, скорее располагающие, когда в хорошем настроении, и дьявольски злобные, когда во гневе, а еще страшнее, когда заражены подозрением. Тогда они смотрят на вас, как на гремучую змею, которую чем скорее раздавить, тем лучше.
- Разве сенатор Рэтклиф избегает смотреть людям в лицо?
- Он смотрит, но взглядом, не выражающим приязни. Его глаза словно спрашивают, какую пользу он сможет из вас извлечь. Так, вице-президент дает ему слово. Послушаем. Какой резкий голос, не находите? Такой же, как и взгляд. И манеры резкие, под стать голосу. Да и весь он резкий, жесткий.
- Жаль, что он держится таким стопроцентным сенатором, – сказала миссис

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
ли. – А так он мне даже нравится.

– А, вот заговорил о сути дела, – продолжал комментировать Каррингтон. – Заметьте, как ловко он обходит острые углы. Вот что значит быть янки! Да у него явный дар лидера. Заметили, как умело он поворачивает в нужную сторону? Президенту польстил и уверил в своей лояльности, а партию свою сплотил и указал, каким путем идти. Посмотрим, посмотрим, что скажет на это президент. Десять против одного в пользу Рэтклифа. А, с места подымается этот непроходимый осел из Миссури! Пойдемте.

Спускаясь по ступеням на Пенсильвания-авеню, миссис Ли вдруг обратилась к Каррингтону:

– Мистер Каррингтон, – сказала она таким тоном, словно все это время сосредоточенно обдумывала сложный вопрос и теперь наконец пришла к решению. – Я хочу познакомиться с сенатором Рэтклифом.

– Вы завтра встретитесь с ним на обеде у сенатора Клинтона, – был ответ.

Сенатор от Нью-Йорка, достопочтенный Скайлер Клинтон был давним поклонником миссис Ли, а его жена приходилась ей кузиной, более или менее дальней. Клинтоны не стали медлить с уплатой по аккредитиву, по которому миссис Ли, таким образом, могла с них получить, и пригласили ее с сестрой на званый обед, собравший самый цвет Вашингтонского политического мира. Мистер Каррингтон как свойственник нью-йоркской гостии также был в числе приглашенных и чуть ли не единственный среди двадцати гостей, за кем не значилось ни должности, ни титула, ни избирательного округа. Сенатор Клинтон принял сестер – очаровательных представительниц его избирательного округа – с распростертыми объятиями. Он жал им руки, с трудом подавляя желание прижать к груди: сенатор не скрывал своего расположения к хорошеньким женщинам и за столетия не обошел вниманием ни одной сколько-нибудь миловидной особы, появлявшейся в штате Нью-Йорк. Одновременно он шепотом, на ушко, принес миссис Ли свои извинения: увы, он вынужден отказаться от удовольствия вести ее к столу. Вашингтон – единственный город в Америке, где такое возможно! Но что поделаешь, Вашингтонские дамы требуют строжайшего соблюдения этикета! С другой стороны, ему служит печальным утешением то обстоятельство, что она окажется в выигрыше: он поручает ее лорду Скаю, британскому посланнику – «человеку исключительно приятному и не обремененному узами брака, каковыми, увы, связан ее покорный слуга». По другую же ее руку за столом, добавил любезнейший хозяин, «я осмелюсь поместить мистера Рэтклифа, сенатора от Иллинойса, чью превосходную речь, по моим наблюдениям, вы вчера слушали с жадным вниманием. Мне подумалось, что вы будете не прочь завязать с ним знакомство. Я не ошибся в выборе?»

Маделина заверила его, что он угадал ее сокровенное желание, и мистер Клинтон, повернувшись к Сибилле, умудрился выразить ей еще более теплые чувства:

– Что касается вас, дорогая – дорогая Сибилла, я, право, не знаю, что сделать, чтобы обед доставил вам максимум удовольствия. Вашей сестре я вручил корону и искренне сожалею, что не располагаю диадемой для вас. Однако я сделал все, что было в моих силах: вас поведет к столу первый секретарь русской миссии граф Попов – очаровательный молодой человек, а по другую руку, дорогая Сибилла, будет сидеть помощник государственного секретаря, с которым вы уже знакомы.

Помедлив положенное время, гости разместились за обеденным столом, и, усаживаясь, миссис Ли уловила на себе мгновенный взгляд серых глаз сенатора Рэтклифа.

Лорд Скай держался на редкость приятно, и в любое другое время миссис Ли вряд ли пожелала бы себе лучшего собеседника и проболтала с ним весь обед. Высокий, стройный, лысоватый, чуть нескладный и говоривший с запинкой в тщательно выработанной запинаящей английской манере, к которой прибегал всякий раз, когда ему это было выгодно; зоркий наблюдатель с недюжинным умом, который обыкновенно скрывал; острослов, предпочитавший смеяться своим остротам молча и про себя; дипломат, успешно носящий маску полной откровенности, лорд Скай пользовался в Вашингтоне огромной популярностью. Его знали за беспощадного критика американских нравов, но он умел облекать насмешку добродушием, и его колкости соответственно только прибавляли ему

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org популярности. К американкам он относился с нескрываемым восхищением, хваля в них все, кроме голоса, и не гнушался нет-нет да пройтись насчет некоторых черт своих соплеменниц, чем, несомненно, льстил их американским кузинам. Лорд Скай был бы счастлив целиком посвятить себя миссис Ли, однако приличия требовали уделить внимание и хозяйке дома, к тому же он не мог отказать ей во внимании, будучи дипломатом до мозга костей, ведь она была женой сенатора, а сенатор – председателем комитета по иностранным делам.

В тот же момент, когда лорд Скай повернул голову в сторону своей другой сотрапезницы, миссис Ли принялась за Колосса Прерий, который как раз ел рыбу и пытался понять, почему британский посланник обходится без перчаток, тогда как он, принеся в жертву свои убеждения, сидит в самой большой и самой белой замшевой паре, какая нашлась на Пенсильвания-авеню. Обида от мысли, что среди светской публики он чувствует себя далеко не в своей тарелке, портила настроение, и в тот момент он как никогда сознавал, что подлинное счастье можно обрести лишь среди простых и честных сыновей и дочерей труда. Тайная зависть к британскому посланнику всегда жжет душу американского сенатора – истинного демократа, поскольку демократия, в правильном ее истолковании, есть не что иное, как управление народом силами самого народа на благо сенаторам, и всегда существует опасность, что британскому посланнику такой политический принцип окажется не по плечу. Лорд Скай рисковал совершить два ложных шага сразу – нанести обиду сенатору от Нью-Йорка, обойдя вниманием его жену, и оскорбить сенатора от Иллинойса, завладев вниманием миссис Ли. Молодой англичанин непременно оступился бы дважды, но лорд Скай был знатоком американской конституции. Жена сенатора от Нью-Йорка и на этот раз нашла его обворожительным, а сенатор от Иллинойса пришел к убеждению, что истинному достоинству даже в фривольных и модных кругах пренебрежение не грозит: американский сенатор является большой величиной, представителем суверенного штата, а штат Иллинойс по размаху не уступает Англии – разумеется, если для удобства опустить Уэльс, Шотландию, Канаду, Индию, Австралию и еще десяток-другой островов и континентов. Короче, сенатору Рэтклифу было совершенно ясно, что лорд Скай не угрожает ему, даже в обществе милых дам. Разве миссис Ли не дала ему понять, что положение американского сенатора не имеет равных себе в мире?

Уже через десять минут этот преданный государственным делам деятель был у ее ног. Миссис Ли недаром ознакомилась с сенатом. С безошибочным чутьем она угадала общую для всех сенаторов черту – неутолимую и наивную жажду лести, порожденную ежедневным потоком похвал, исходивших от политических друзей и приспешников, и постепенно превратившуюся в такую же потребность, как для пьяницы рюмка спиртного, которую он заглатывает с тупой ухмылкой несказанного удовлетворения. Маделине достаточно было взгляда на лицо сенатора, чтобы понять: бояться грубой лести не надо. И только чувство самоуважения – ее, а не его – поставило некоторые пределы при использовании этой женской наживки.

Миссис Ли обратилась к сенатору, держась внешне просто и серьезно, со спокойным достоинством и явным сознанием собственной силы – верный признак того, что она была в высшей степени опасна.

– Вчера я слушала вас в сенате, мистер Рэтклиф, – начала она, – и рада, что мне предоставился случай сказать вам, какое сильное впечатление произвела на меня ваша речь. Она показалась мне совершенной. И, надо думать, сильно повлияла на умы, как вы считаете?

– Благодарю вас, мадам. Надеюсь, мое выступление послужит сплочению нашей партии, но пока мы еще не успели определить, каковы результаты. На это потребуется еще несколько дней.

Сенатор говорил в своей сенаторской манере – чеканной, снисходительной и чуть настороженной.

– Знаете, – продолжала миссис Ли, обращаясь к нему, словно к высокоценимому другу, и заглядывая прямо в глаза, – знаете ли, ведь мне все без исключения говорили, что я буду поражена, насколько Вашингтон оскудел политическими талантами. Но я не поверила, а послушав вашу речь, окончательно убедилась, что это не так. А как по-вашему, в конгрессе сейчас меньше способных политиков, чем прежде?

– Как вам сказать, мадам. Нелегко ответить на ваш вопрос. Управлять страной стало нынче сложнее, чем раньше. Многие изменилось. В общественной жизни

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org сейчас действует много очень даровитых людей, гораздо больше, чем бывало. Но и критиковать их стали куда острее и чаще.

– Скажите, я ведь не ошибаюсь, когда нахожу в вас сходство с Дэниелом Уэбстером[11 – Уэбстер Дэниел (1782–1852) – американский государственный деятель, государственный секретарь США (1841–1843, 1850–1852).]? Я имею в виду вашу ораторскую манеру. Ведь вы, кажется, из тех же мест?

Миссис Ли коснулась слабого места сенатора Рэтклифа: голова его формой действительно напоминала голову Уэбстера, чем он, как и дальним родством с Истолкователем конституции, втайне гордился. Сенатор решил про себя, что миссис Ли женщина большого ума, а она, воспользовавшись тем, что ее собеседник скромно признал упомянутую ею близость, тут же повернула разговор на ораторское искусство Уэбстера, а вскоре перешла на обсуждение достоинств Клея и Калхуна[12 – Клей Генри (1777–1852) – американский государственный деятель. Калхун Джон (1782–1850) – американский государственный деятель; вице-президент США (1825–1832).]. Сенатор обнаружил, что его соседка по столу – светская дама из Нью-Йорка в изысканном туалете, с голосом и манерами завораживающе мягкими и благородными – читала речи Уэбстера и Калхуна! Она не нашла нужным сообщить сенатору, что по ее просьбе честный Каррингтон снабжал ее их сочинениями, отчеркивая те места, с которыми ей стоило ознакомиться, зато в течение разговора внимательно следила за тем, чтобы нить неизменно оставалась в ее руках, и, умело и с юмором критикуя уэбстеровское красноречие, не преминула заявить:

– Мои суждения, пожалуй, немного стоят, – обронила она с улыбкой, глядя прямо в глаза довольного Рэтклифа, – но, сдается мне, наши отцы ценили себя непомерно высоко, и если вы меня не разубедите, то я останусь при мнении, что та часть вашей вчерашней речи, которая начиналась словами: «Наша сила – в этой пусть запутанной и перемешавшейся массе отдельных принципов, в волосах полуспящего исполина, имя которому партия», ни в чем – ни по языку, ни по образам – не уступает речам Уэбстера.

Сенатор от Иллинойса, словно огромный двухсотфунтовый лосось, потянулся к этой кричаще яркой приманке. Его белый жилет лишь серебристо сверкнул, когда он медленно всплыл на поверхность, заглотив крючок. Ему и в голову не пришло нырнуть или сделать усилие, чтобы вырвать из себя колючую снасть. Напротив, он смиренно подплыл к ногам Маделины и позволил ей вытащить себя из родимой стихии, словно это было ему в радость. Оставим бедолагам-казуистам решать, вела ли Маделина честную игру, не обременила ли столь грубой лестью свою совесть и может ли женщина, не унижаясь, пойти на такую бесстыдную ложь. Самой ей даже мысль о лжи показалась бы оскорбительной. Она защищалась бы, говоря, что вовсе не возносила Рэтклифа, а только побранила Уэбстера, и в своем неприятии старомодного американского красноречия ни в чем не покривила душой. Правда, отрицать, что намеренно позволила сенатору сделать заключения, весьма далекие от тех, каких придерживалась сама, она не могла. Как не могла отрицать, что заранее обдумала, как польстить ему в пределах, нужных для ее целей, и была довольна тем, что ей это удалось. Еще прежде, чем они вышли из-за стола, сенатор полностью оттаял: заговорил естественно, умно и не без юмора, позабавил миссис Ли несколькими иллинойскими историями, обрисовал чрезвычайно свободно политическую ситуацию в стране и кончил тем, что выразил желание навестить миссис Ли, если сможет надеяться застать ее дома.

– Субботними вечерами я всегда дома, – сказала миссис Ли.

В ее глазах он был верховным жрецом американской политики, человеком, облеченным знанием смысла таинств, владевшим ключом к политическим иероглифам. Через него она надеялась измерить глубины государственности, извлечь из ее илистого дна жемчужину, за которой гонялась, таинственную драгоценность, запрятанную где-то в недрах политики. Она жаждала понять этого человека, вывернуть его наизнанку, поставить на нем свой эксперимент, используя, как молодая поросль физиологов использует лягушек и кошек. И что бы там в нем ни обнаружилось – хорошее или дурное, – цель ее была во всем этом разобрататься.

Ну а он? Он был пятидесятилетним вдовцом с Запада, обитавшим в Вашингтоне в жалких меблированных комнатах, заваленных официальными документами и посещаемых разве что политиками и искателями должностей с Запада. На лето он уединялся в своем дощатом домишке с белеными стенами и зелеными

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org ставнями, окруженном несколькими квадратными футами неухоженной травы и белым забором. Обстановка внутри была еще скуднее – железные печурки, клеенчатые коврики, холодные белесые стены, и в качестве единственного украшения – большая литография, портрет Авраама Линкольна в гостиной. Все это в Пеонии, в штате Иллинойс! О каком равенстве между ними можно было говорить? О какой надежде для него? О каком риске для нее? И все же мистер Сайлас П. Рэтклиф был вполне под пару Маделине Лайтфут Ли.

ГЛАВА III

Миссис Ли быстро вошла в моду. Ее гостиная стала любимым местом, куда устремлялись мужчины и женщины, постигшие искусство заставить ее дома – искусство, которым владел далеко не каждый. Чаще всех ее посещал Каррингтон, на которого смотрели почти как на члена семьи, и если Маделине требовалось взять из библиотеки книгу или за столом не хватало мужского общества, он неизменно, чего бы это ему ни стоило, обеспечивал ее и тем, и другим. Таким же неустанным посетителем ее гостиной был старый барон Якоби, болгарский посланник, без памяти влюбившийся в обеих сестер, как всегда влюблялся в каждое хорошенькое личико и ладную фигурку. Остроумный и циничный, этот прожившийся парижский *coque*[13 – Плут (фр.).] уже несколько лет обитал в Вашингтоне, где его удерживали долги и высокое жалованье, хотя не переставая сетовал на отсутствие оперы и время от времени выезжал по каким-то таинственным делам в Нью-Йорк. Он не пропускал ни одной новинки французской и немецкой литературы, особенно романы, знал или по крайней мере встречал всех знаменитостей века – от героев до негодяев, хранил в памяти тьму забавных историй, превосходно разбирался в музыке, не боясь указывать Сибилле на недостатки в ее пении, и, будучи знатоком по части изящных безделиц, подтрунивал над мешаниной из всякой всячины, выставленной напоказ Маделиной, однако нет-нет да приносил ей то персидское блюдо, то старинное шитье, уверяя, что они очень хороши и сделают честь ее дому. Старый грешник, он любил все порочное, но соблюдал условности, принятые в англосаксонском обществе, а как человек умный, не навязывал своих мнений другим. Он охотно женился бы на обеих сестрах сразу – охотнее, чем на одной из них, но, как сам однажды с жаром сказал Сибилле: «Будь я на сорок лет моложе, мадемуазель, вам следовало бы петь для меня свои арии не столь равнодушно!» Его друг господин Попов, молодой русский живого ума и веселого нрава, с резко выраженными калмыцкими чертами, влюбчивый и впечатлительный, как девушка, страстно любил музыку и часами висел над фортепьяно, когда за ним сидела Сибилла. Он познакомил ее с русскими песнями и научил их петь, но, если говорить начистоту, ужасно утомлял Маделину, которой из-за него приходилось играть роль дуэньи при младшей сестре.

От него сильно отличался другой завсегдагой их гостиной, мистер С. С. Френч, член конгресса от штата Коннектикут, жаждавший действовать в политике как истый джентльмен и очищать от скверны общественные нравы. Он держался прогрессивных принципов и, увы, крайне самодовольного тона – весьма богатый, весьма неглупый, весьма образованный, весьма честный и весьма вульгарный молодой человек. Ему в равной степени нравились и миссис Ли, и ее сестра, которую он доводил до бешенства, называя с покровительственной фамильярностью «мисс Сибилла». Своей сильной стороной мистер Френч считал умение поддразнивать – или, как он выражался, «подкусывать», – но на его игривые, хотя скажем прямо, малоудачные попытки острить даже у миссис Ли порой не хватало терпения. Когда же на него нападал возвышенный стих, Френч принимался рассуждать в таком приподнятом тоне, словно выступал в дискуссионном клубе какого-нибудь колледжа, и это окончательно выводило всех из себя; но при всем том он был чрезвычайно полезен: всегда исходил последними политическими сплетнями и проявлял тонкий нюх, когда дело касалось дележки партийного пирога.

Фигурой совсем иного рода был мистер Харбист Шнейдекупон, коренной житель Филадельфии, но постоянно обретавшийся в Нью-Йорке, где, подпав под чары Сибиллы, пытался завоевать ее сердце, посвящая в тайны денежного обращения и теории протекционизма, к каковому питал большое пристрастие. Чтобы поддерживать в мисс Росс интерес к этим предметам, он периодически наведывался в Вашингтон, где запирался у себя с представителями различных политических партий и давал роскошные обеды членам конгресса. В свои тридцать лет он владел изрядным состоянием. Он был высокий, худощавый, с блестящими глазами на гладко выбритом лице, заученными манерами и чрезмерной говорливостью. Он слыл любителем внезапно менять свои мнения на

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org противоположные – отчасти чтобы доставить себе удовольствие, отчасти чтобы поработать общество. Сегодня ему нравилось подвизаться в роли художника и рассуждать по всем правилам науки о картинах, которые сам малевал, завтра – разыгрывать литератора, который в высоких нравственных целях пишет книгу «О благородной жизни», послезавтра – предаваться спорту: участвовать в скачках, играть в поло, вводить в моду галстук о четырех концах. Последним его увлечением был журнал «Ревю протекционизма», служивший интересам американской промышленности, который он издавал в Филадельфии и сам редактировал, видя в этом ступень на пути в конгресс, кабинет и Белый дом. Одновременно он обзавелся яхтой, и его приятели-спортсмены заключали между собой пари, которая из двух его затей – журнал или яхта – первой пустит его на дно. Однако при всех своих эксцентричностях он оставался славным малым и забавлял миссис Ли простодушными излияниями любителя от политики.

Куда более возвышенный тип человека являл собой мистер Натан Гор, уроженец Массачусетса, статный, красивый мужчина с седоватой бородой, прямым точеным носом и ясными пронизательными глазами. В молодости он имел успех как поэт, чьи сатиры наделали немало шума; их и теперь вспоминали за воинственность и остроту отдельных строк. Затем он посвятил многие годы глубокому изучению Европы, пока благодаря своему труду «История испанцев в Америке» не оказался во главе американских служителей Клио и не получил место посланника в Мадриде, где провел без малого пять лет к вящей пользе для себя, сделав таким путем вернейший для американского гражданина шаг к обретению права на почет и уважение, а также государственной пенсии. Смена правительства вновь низринула мистера Гора в сферу частной жизни, но после нескольких лет затворничества он вновь появился в Вашингтоне, чтобы вернуться к прежней деятельности. А поскольку каждый президент считал престижным держать на жалованье хотя бы одного из пишущей братии, шансы мистера Гора достичь поставленной цели стояли весьма высоко, особенно если учесть, что он пользовался решительной поддержкой у большинства массачусетского лобби. Был он невероятно эгоцентричен, до мозга костей себялюбив, крайне тщеславен, но мудр, как змий, умел держать язык за зубами, умел искусно польстить и выучился воздерживаться от сатиры. Свободно высказываться он позволял себе лишь в кругу проверенных друзей, но миссис Ли пока к ним не относилась.

Таковы были мужчины, постоянно посещавшие ее гостиную, да и в женщинах там не было недостатка. Впрочем, ее гости и сами способны описать себя не в пример лучше, чем любой незадачливый романист.

Обыкновенно беседа текла сразу двумя ручейками: один вился вокруг Сибиллы, другой – Маделины.

– Ми-и-сс Росс, – сказал граф Попов, входя в гостиную в сопровождении молодого красавца иностранца, – пользуюсь вашим разрешением представить вам моего друга графа Орсини, секретаря итальянской миссии. Ведь вы сегодня принимаете? Кстати, граф Орсини тоже поет.

– Очень рада познакомиться с графом Орсини. Хорошо, что вы пришли попозже. Я сама только что вернулась с визитов. На редкость тупое занятие! В конце я уже хохотала до слез.

– Вы находите смешным обычай делать визиты? – осторожно осведомился граф Попов.

– По правде сказать, да. Я ездила вместе с Юлией Шнейдекупон, ты же знаешь, Маделина, Шнейдекупоны ведут свой род от царей Израилевых, а гордости в них больше, чем у самого царя Соломона на вершине славы. Ну и вот, заходим мы к одной особе, невесте откуда взявшейся; и представьте себе, что я чувствую, слыша вот такой диалог: «Что это у вас, милочка, за фамилия?» «Шнейдекупон – моя фамилия», – отвечает Юлия, вытянувшись во весь рост, прямая как стрела. «А из ваших знакомых кто-нибудь бывает в моем кругу?» «Вряд ли», – зло отрезает Юлия. «То-то я не припомню, чтобы когда слышала такую фамилию. Ну да ладно. С меня не убудет. Только надо же мне знать, кто мне делает визиты». Со мной чуть истерика не приключилась, когда мы вышли на улицу. А Юлия так и не смогла понять, что тут смешного.

Граф Орсини, который был не вполне уверен, что сам понимает, что тут смешного, только любезно улыбался, скаля зубы. Ничто в мире не может сравниться с двадцатипятилетним секретарем итальянской миссии по части наивного тщеславия и детской самовлюбленности. Однако, чувствуя, что, если

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org, он будет хранить молчание, эффект, произведенный его красотой, пожалуй, может пострадать, граф Орсини все же решился задать вопрос.

– Вы не находите, что общество в Америке, ну, как бы это выразиться, несколько странное? – пробормотал он.

– Общество? – презрительно фыркнула Сибилла. – В Америке, как и в Норвегии, не водится гадюк.

– Гадюк, мадемуазель? – переспросил Орсини, и лицо его приняло тревожное выражение человека, которому предстоит, рискуя собой, шагнуть на тонкий лед и который решает ступать мягко. – Какие гадюки! Одни голуби – вот как бы я их назвал.

Благосклонный смех Сибиллы обратил в уверенность зыбкую надежду, что ему удалось сострить на незнакомом языке. Лицо графа Орсини просияло, к нему вернулось самообладание, и он несколько раз повторил про себя: «Какие гадюки – одни только голуби!»

Но чуткое ухо миссис Ли расслышало слова сестры, уловив снисходительность в тоне, которая была ей не по нутру. Бесстрастные физиономии лощеных посольских секретарей, казалось, подтверждали как само собой разумеющееся, что светское общество возможно только в Старом Свете. И миссис Ли вмешалась в разговор с такой горячностью, что вызвала переполох в честной компании голубков и голубиц.

– Есть ли общество в Америке? Есть, и превосходное. Но у него свои правила, и новое лицо редко в них разбирается. Я поясню их вам, мистер Орсини, чтобы уберечь от ошибок. «Общество» в Америке – это все честные, добросердечные женщины с ласковыми голосами и все хорошие, смелые, благопристойного поведения мужчины от Атлантического океана до Тихого. Каждому из них открыт доступ во все города и веси, и от каждого зависит, как он или она воспользуется этим предоставленным им – но только лично, без передачи по наследству – правом. У этого правила нет исключений, а те, кто кричит: «Мы из колена Авраамова», только дают пищу юмору, который в изобилии производит наша страна.

Оробевшие молодые люди, не понимавшие, что значит эта эскапада, уставились на хозяйку, пытаясь изобразить согласие, тогда как она, манипулируя щипчиками для сахара, откалывала над чашкой кусочек рафинада и явно не сознавала, как нелепо выглядела со своей речью. Сибилла с недоумением смотрела на сестру: не в ее привычках было столь энергично размахивать национальным флагом. Впрочем, каким бы ни было молчаливое неодобрение ее слушателей, миссис Ли, задетая за живое, его не замечала; лишь одно ее волновало – мысли, которые она высказала! Последовала пауза, затем нить разговора была вновь подхвачена там, где ее оборвала скрытая насмешка Сибиллы.

Явился Каррингтон.

– Вы из Капитолия? – спросила Маделина. – Что вы там делали?

– Охотился в кулуарах, – прозвучал ответ в обычном для Каррингтона полусерьезном тоне.

– Уже? Ведь конгресс в новом составе заседает всего два дня! – воскликнула миссис Ли.

– Ах, мадам, – отвечал Каррингтон с невинным ехидством, – конгрессмены те же птицы небесные, и поймать их можно лишь на самого раннего червячка.

– Добрый день, миссис Ли. Рад еще раз приветствовать вас, мисс Сибилла. Сердцем которого из этих джентльменов вы нынче лакомитесь? – прозвучало с порога.

Таков был изысканный стиль мистера Френча, упивавшегося своими шуточками, которые ему угодно было называть «подкусыванием». Он также прибыл из Капитолия в надежде на чашку чая и толику светской беседы. И хотя по лицу Сибиллы было ясно, что ей хочется побольнее уязвить мистера Френча, она предпочла не расслышать его слов. Он же тотчас подсел к Маделине.

- Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
- Вы вчера видели Рэтклифа? – поинтересовался он.
 - Да, – сказала Маделина. – Он был у нас вместе с Каррингтоном и еще несколькими джентльменами.
 - И говорил о политике?
 - Ни слова. Мы в основном говорили о литературе.
 - О литературе? Что он в ней понимает?
 - Об этом соблаговолите спросить его самого.
 - Н-да, в забавное положение мы попали. Никто решительно ничего не знает о новом президенте. Жизнью клянусь, мы все тут до единого в полном мраке. Рэтклиф уверяет, что и ему известно не более, чем остальным. Только я этому не верю. Такой прожженный политик, как он, наверняка держит все нити в руках. Не далее как сегодня один из сенатских служителей шепнул моему коллеге Каттеру, что вчера самолично отослал от него письмо Сэму Граймзу из Норт-Бенда, а уж Граймз, как всем известно, – молодчик из президентской свиты. Ба, мистер Шнейдекупон! Как поживаете? Давно ли прибыли?
 - Благодарствуйте. Сегодня утром, – отвечал мистер Шнейдекупон, входя в гостиную. – Безмерно счастлив вновь видеть вас, миссис Ли. Как вам и вашей сестре нравится в Вашингтоне? А я, знаете ли, привез в Вашингтон Юлию. И сейчас шел к вам, полагая найти ее здесь.
 - Она только что ушла. Они вместе с Сибиллой все утро ездили с визитами. Она сказала, будто вы рассчитываете, что она поможет вам в переговорах с сенаторами. Это правда?
 - Совершенная правда, – подтвердил мистер Шнейдекупон смеясь. – Только пользы от нее – ни на грош. Я пришел вербовать на эту службу вас.
 - Меня?
 - Да, вас. Видите ли, мы надеемся, что сенатор Рэтклиф займет пост министра финансов, и нам очень важно, чтобы он держался твердой линии касательно денежного обращения и тарифов. Вот я и приехал, чтобы установить с ним отношения, как говорят дипломаты. Для начала мне хотелось бы пригласить его отобедать у Велкли, но он, как известно, очень осторожен в таких делах, и единственный шанс залучить его – это устроить обед с присутствием дам. Для того-то я и привез сюда Юлию. Я также постараюсь заручиться согласием миссис Скайлер Клинтон. И очень надеюсь, что вы и ваша сестра не откажетесь помочь Юлии.
 - я? На обеде для лоббистов? Как можно!
 - А отчего же нет? Вы сами и назовете остальных гостей.
 - В жизни не слыхала ничего подобного. Впрочем, такой обед, наверное, будет забавным. Сибилла, конечно, не пойдет, а я, пожалуй, подумаю.
 - Помилосердствуйте. Юлия шагу не сделает без Сибиллы: она не сядет без нее за стол.
 - Ну, хорошо-хорошо, – заколебалась миссис Ли. – Пожалуй, если заручитесь согласием миссис Клинтон и сестра ваша тоже там будет... А кто еще?
 - Назовите, кого желаете.
 - Но я никого не знаю!
 - Помилуйте. Вот хотя бы Френч. Он, конечно, не очень силен по части тарифа, но для данного случая вполне подойдет. Потом можно позвать мистера Гора: у него всегда найдется что сказать в собственных целях, и он, надо думать, не откажется сказать кое-что и в наших. Остается подобрать еще двух-трех человек, ну а я позабочусь о том, чтобы кто-то был про запас.
 - Пригласите спикера, мне хотелось бы с ним познакомиться.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Превосходно. Еще Каррингтона и моего пенсильванского сенатора. Вот и все места за столом заполнены. Не забудьте: у Велкли, в субботу, в семь.

Пока такая беседа шла в одной половине гостиной, Сибилла музицировала в другой и, исполнив несколько романсов, упростила Орсини сменить ее за фортепьяно и доказать, что мужчина может петь, не нанося тем самым ущерба мужеству и мужской красоте. Однако подоспевший как раз барон Якоби раскритиковал обоих. Прибыла и мисс Сорви – известная в узком кругу как мисс Сорвиголова, – по обыкновению поглощенная флиртом с очередным посольским секретарем, и, неожиданно для себя увидев Попова, тотчас уединилась с ним в дальнем углу, меж тем как Якоби и Орсини продолжали терзать Сибиллу, сражаясь друг с другом у фортепьяно. Все болтали без умолку, не дожидаясь ответа собеседников, пока наконец миссис Ли не выпроводила их из гостиной, заявив: «Мы люди не светские и обедаем в половине седьмого».

Сенатор и в самом деле побывал у миссис Ли с вечерним воскресным визитом. Пожалуй, было бы не вполне точно, если бы мы сказали, что они весь вечер беседовали о литературе. Но о чем бы ни шел между ними разговор, сенатор Рэтклиф все больше восхищался миссис Ли, которая, сама того не предполагая, оказалась более опасной соблазнительницей, нежели любая завзятая кокетка. Да и что могло быть притягательнее для утомленного политика, тяготившегося одиночеством, чем покой и свобода, которые он вкушал в гостиной миссис Ли; а когда Сибилла, усевшись за фортепьяно, спела несколько простых мелодий, пояснив, что это величальные песни – «славицы», и она исполняет их, потому что сенатор – приверженец или, во всяком случае, слышит приверженцем добрых старых традиций, сердце мистера Рэтклифа переполнилось отцовскими или даже, скорее, братскими чувствами к этой очаровательной девушке.

Вскоре братья-сенаторы стали примечать, что у Колосса Прерий появилась привычка то и дело поглядывать на галерею для женщин. А однажды мистер Джонатан Эндрюс, специальный корреспондент нью-йоркского «Небесного свода», в высшей степени благожелательного к конгрессу, остановил сенатора Скайлера Клинтон и с растерянным видом задал ему такой вопрос:

– Скажите, пожалуйста, что стряслось с нашим Сайласом П. Рэтклифом? Минуту назад я разговаривал с ним об очень важном предмете, о котором должен сегодня же сообщить его мнение в Нью-Йорк, как вдруг он замолчал на полуфразе, вскопился с места и, даже не взглянув в мою сторону, покинул зал заседаний. А сейчас я вижу его на галерее, где он беседует с какой-то неизвестной мне дамой.

Сенатор Клинтон не спеша приложил к глазам оправленный в золото лорнет и посмотрел вверх в указанном направлении.

– О, да это миссис Лайтфут Ли! – воскликнул он. – Пожалуй, пойду перемолвлюсь с нею словечком. – И, повернувшись к специальному корреспонденту спиной, вслед за сенатором из Иллинойса с чисто юношеской прытью помчался вон из палаты.

– Ну и дела! – пробормотал мистер Эндрюс. – Какой бес вселился в этих старых болванов? – И, глядя вверх на миссис Ли, углубившуюся в беседу с сенатором Рэтклифом, почти неслышно добавил: «Может, лучше заняться этим сюжетцем?»

Когда мистер Шнейдекупон заявился к сенатору Рэтклифу, чтобы пригласить его на обед, он застал этого джентльмена с головой заваленного работой и вовсе не склонного, как сразу же объяснил, вести беседу. Нет, ему сейчас не до званных обедов. При нынешнем положении общественных дел он считает невозможным транжирить время на подобные развлечения. К сожалению, ему приходится отвечать отказом на любезное приглашение мистера Шнейдекулона, но есть веские причины, заставляющие его в настоящее время воздерживаться от светских удовольствий. Из этого правила он сделал лишь одно исключение, и то по настоятельной просьбе старого друга, сенатора Клинтон, при совершенно особых обстоятельствах.

Мистер Шнейдекупон был глубоко огорчен – тем паче, сказал он, что намеревался просить мистера и миссис Клинтон оказать ему честь отобедать за его столом, так же как и еще одну очаровательную леди, редко появляющуюся в свете, но которая почти уже дала свое согласие прийти.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Кто такая? – поинтересовался сенатор.

– Некая миссис Лайтфут Ли из Нью-Йорка. Вы вряд ли ее знаете. А вот я просто преклоняюсь перед нею. Тончайшего ума женщина, какой мне еще не приходилось встречать.

Холодные глаза сенатора с выражением крайнего недоверия остановились на открытом лице посетителя.

– Мой юный друг, – произнес он торжественно, прибегая к глубочайшим нотам своего особого сенаторского голоса, – у мужчины в мои годы есть иные занятия, кроме женщин, какого бы тончайшего ума они ни были. Кто еще будет у вас за столом?

Мистер Шнейдекупон перечислил гостей.

– Так вы говорите – в субботу, в семь?

– В субботу, в семь.

– Боюсь, я вряд ли смогу прийти, тем не менее наотрез отказываться не стану: вдруг в этот час у меня откроется такая возможность. Впрочем, на меня не рассчитывайте – нет, на меня не рассчитывайте. Всего доброго, мистер Шнейдекупон.

Человек весьма недалекий, Шнейдекупон не глубже ближних своих проникал в тайны вселенной и, уходя от Колосса, ругательски ругал «дьявольскую надменность, которую напускают на себя эти сенаторы». Он дословно пересказал миссис Ли весь разговор, считая это своим долгом, так как боялся обвинения в том, что под ложным предлогом залучил ее к себе на обед.

– Вот такое мое счастье, – сетовал он. – Наприглашал тьму народу, чтобы познакомить с интересным человеком, а он мне заявляет, что скорее всего не придет! Но почему, в конце концов, не сказать, как все люди – «да» или «нет». У меня десятки знакомых сенаторов, и все на одну статью: только о себе и думают.

Миссис Ли улыбалась натянутой улыбкой и лила умиротворяющий бальзам на его уязвленные чувства: у нее нет сомнений, что обед пройдет как нельзя лучше – с сенатором или без; она, во всяком случае, приложит к этому максимум усилий, а Сибилла наденет последнее полученное из Парижа платье. Но лицо у нее осталось чуть грустным, и мистер Шнейдекупон поспешил провозгласить ее чудом из чудес, умнейшей женщиной на свете – да-да, он так и сказал Рэтклифу, а теперь еще добавил бы – самой обязательной, даром что этот пентюх смотрел на него, словно на зеленую обезьяну. Миссис Ли выслушала все с милой улыбкой и при первой же возможности отослала молодого человека домой.

Когда Шнейдекупон удалился, она в раздумье прошла по комнате. Ей было ясно, что означала перемена в тоне Рэтклифа. Она не сомневалась, что он придет на обед, и знала почему. Неужели у нее завязывался «роман» с человеком на двадцать лет ее старше, политическим деятелем из Иллинойса, этой глыбой – тучным, лысым сенатором с серыми глазами и похожей на уэбстеровскую головой, проживающим в Пеонии? Даже мысль об этом представлялась ей нелепой до невероятности! Однако в целом тут было нечто занятное. «Надо думать, сенаторы не хуже других мужчин способны постоять за себя», – решила она. Больше всего ее заботило, чем это грозит ему: она жалела его и мысленно перебирала те последствия, к каким в его годы могло привести большое, всепоглощающее чувство. Душа у нее была не на месте, но думала она не о себе. Впрочем, это исторический факт, что пожилых сенаторов странным образом влечет к молодым и красивым женщинам. Умеют ли они постоять за себя? И какая из двух сторон скорее нуждается в защите?

Когда в следующую субботу Маделина с сестрой прибыли к Велкли, они застали беднягу Шнейдекулона в малоподходящем для гостеприимного хозяина состоянии.

– Он не придет! Я же говорил вам – не придет! – плакался он Маделине, сопровождая ее в зал. – Нет, если я когда-нибудь стану коммунистом, то единственно ради удовольствия прикончить сенатора!

Маделина попыталась успокоить беднягу, но он не унимался и за спиной

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org Клинтона на чем свет стоит поносил сенат. Наконец он позвонил в колокольчик и приказал старшему официанту подавать обед, и в это мгновение дверь отворилась и на пороге появилась дородная фигура Рэтклифа. Взгляд его немедленно отыскал Маделину, которая с трудом сдержалась, чтобы не рассмеяться: сенатор был одет не по-сенаторски тщательно, с бутоньеркой в петлице и на этот раз без перчаток.

После неистовых восторгов, с какими мистер Шнейдекупон описал сенатору достоинства миссис Ли, ему ничего не оставалось, как просить Колосса Прерий вести ее к столу, что он сделал не мешкая. То ли это обстоятельство, то ли шампанское, то ли какие-то необъяснимые флюиды подействовали на сенатора, но он выглядел на десять лет моложе. Лицо его сияло, глаза горели; казался, он решил доказать свое родство с бессмертным Узберстером, состязаясь с ним в искусстве общительности. Он тут же ринулся в разговор, смеялся, шутил, острил, рассказывал анекдоты, подражая говору янки и западному диалекту, разыгрывал острые полемические сценки из политической жизни.

– Ну и чудеса, – прошептал Кребс, сенатор от Пенсильвании, перегибаясь через стол к Шнейдекупону. – Вот уж не подозревал за Рэтклифом таланта потешать собеседников.

А мистер Клинтон, сидевший подле Маделины по другую руку, сказал ей тихо, на ушко:

– Боюсь, моя дорогая, это ваша вина. В сенате мы от него ничего подобного не слышим.

Что и говорить, сенатор Рэтклиф забрался еще выше: он с таким чувством описал последние минуты жизни Линкольна, что у присутствующих на глазах навернулись слезы. Все другие гости рядом с ним полностью ступевались. Спикер, забившись в угол, в одиночестве вкушал утку, пил шампанское и голоса не подавал. Даже мистер Гор, не имевший обыкновения скрывать свое пламя под тем или иным колпаком, на этот раз не пытался взять слова и восхищенно аплодировал речам своего визави. Злопыхатели, пожалуй, скажут, что мистер Гор видел в сенаторе Рэтклифе возможного государственного секретаря. Как бы там ни было, но именно он обратился к миссис Клинтон со словами, предназначенными ей одной, но прозвучавшими на весь стол:

– Блестяще! Какой оригинальный ум! Какое впечатление сенатор произвел бы за рубежом!

Воистину так! Ибо, не говоря уже о том впечатлении, какое сенатор произвел на своих сотрапезников, в нем обнаружилось нечто значительное, острый практический ум, дерзкая независимость и широта в суждениях о том, что он знал. Единственный человек за столом, слушавший его с холодной головой и критической враждебностью, был Каррингтон. Однако его отношение к Колоссу Прерий объяснялось, скорее всего, ревностью: целый вечер Каррингтон находился в крайне дурном расположении духа и даже не давал себе труда скрывать раздражение.

– Не внушает этот человек доверия! Нет, не внушает, – ворчливо заявил он сидевшему с ним рядом Френчу.

К несчастью, эта реплика пробудила во Френче желание вывести Рэтклифа на чистую воду, и он тут же в своей фамильярной манере, соединяющей самонадеянность с высокими принципами, набросился на сенатора и стал «подкусывать» по поводу реформы государственной службы – предмета почти столь же опасного в разговоре о политике в Вашингтоне, как вопрос о рабстве в довоенное время. Френч числил себя в реформаторах и не упускал возможности насаждать свои взгляды, но, увы, был борцом в легком весе, и его наскоки выглядели смешно, так что даже миссис Ли, горячо сочувствовавшая реформам, порою, слушая его, склонялась на другую сторону. На этот раз стоило Френчу выпустить по Рэтклифу свои туповатые стрелы, как коварный противник тотчас сообразил, какие возможности тут перед ним открываются, и решил не отказывать себе в удовольствии расправиться с мистером Френчем, тем более что знал, как это потешит всю компанию. И миссис Ли, при всей своей приверженности реформам и некотором смятении, в которое ее повергали грубые приемы Рэтклифа, не могла, хотя ей и следовало, досадовать на Колосса Прерий, когда тот, опрокинув Френча наземь, продолжал валять и валять его в грязи.

– Вы, разумеется, достаточно хорошо разбираетесь в финансах и производстве, мистер Френч, чтобы сказать: каким продуктом славится Коннектикут? Что замечательного дает стране?

Мистер Френч отвечал, что, по его скромному мнению, продуктом, лучше всего отвечающим такому определению, являются государственные деятели.

– Ошибаетесь, сэр! Даже тут попали пальцем в небо. Сейчас я побью вас вашим собственным оружием. Вот так! Даже малые дети в стране знают, чем славится Коннектикут. Это кузница различных штучек-дрючек янки, поделок и подделок, часов, которые не идут. А ваша реформа гражданской службы – еще одна штучка-дрючка янки, фальшивая поделка, часы в парадном корпусе, но без механизма. И вы это знаете. Ведь вы из старой школы коннектикутских коробейников. Сколько лет ходили со своим негодным товаром, пока не попали в конгресс! А теперь тащите эту дрянь из всех ваших карманов, и мало того, что хотите сбить ее по своей цене, так еще читаете нам мораль и обвиняете во всех грехах, когда мы от нее отказываемся. Ладно, мы не мешаем вам промышлять своим товаром в собственном штате. Морочьте там избирателей, сколько душе угодно. Набирайте себе голоса. Но нас-то не агитируйте: мы ведь знаем вас как облупленных, да и сами умеем играть в такие игрушки.

Сенатор Клинтон и сенатор Кребс хихикали, от души одобряя расправу над беднягой Френчем, которая чинилась вполне на уровне их представлений об остроумии. Они тоже были не чужды упомянутым Рэтклифом штучкам-дрючкам. Его жертва пыталась отбиться, заверяя, что промышляет стоящими вещами, что товар у него с гарантией, а уж тот последний предмет, о котором сенатор вел речь, гарантирован условиями, принятыми обеими политическими партиями.

– В таком случае, мистер Френч, вам не хватает начального школьного образования. Подучите алфавит. Впрочем, если не верите мне, спросите моих коллег, много ли шансов провести ваши реформы, пока американские граждане являют собой то, что они есть.

– Да, уж мой штат навряд ли вас приветит, – прорычал, не скрывая насмешки, сенатор от Пенсильвании, – коли изволите туда сунуться.

– Полно, полно, – вступился за Френча прекраснодушный мистер Клинтон, благожелательно сверкая очками в золотой оправе. – Не будем к нему слишком строги. Наш друг старается из лучших чувств. Пусть не все, что он предлагает, разумно, но ведь все – от доброго сердца. Я больше вас в этом разбираюсь и вовсе не отрицаю, что дела у нас идут из рук вон плохо. Только, как сказал мистер Рэтклиф, вина тут в народе, не в нас. С народом работайте, Френч, с народом, а мы, поверьте, ни при чем.

Френч и сам уже жалел, что выскочил, и потому удовольствовался еле слышной репликой в сторону Каррингтона:

– Свора старых ретроградов, черт бы их побрал.

– В одном они все-таки правы, – отвечал ему Каррингтон, – и дали вам добрый совет. Не лезьте к ним с вашими реформами, иначе сами первым под них попадете.

Обед кончился так же блестяще, как и начался, и Шнейдекупон был наверху блаженства. Он особенно увивался вокруг Сибиллы, посвящая ее во все свои надежды и страхи, связанные с возможными изменениями в финансах и тарифах.

Едва дамы поднялись из-за стола, как Рэтклиф, отказавшись от сигары, заявил, что вынужден поспешить домой, где его ждут посетители; он только простится с дамами и сразу уйдет. Однако когда чуть ли не час спустя джентльмены перешли в гостиную, они застали там Рэтклифа, который все еще прощался с дамами, с удовольствием внимавшими его прибауткам, а когда наконец он и впрямь собрался уйти, то как нечто само собой разумеющееся сказал миссис Ли:

– Завтра вечером вы, полагаю, как всегда, дома.

Маделина улыбнулась, кивнула, и он удалился.

Когда в тот вечер сестры возвращались домой, Маделина против обыкновения

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
всю дорогу молчала, а Сибилла позевывала и как бы в извинение говорила:

– Мистер Шнейдекупон, конечно, милый и добрый, но провести с ним целый вечер – это слишком. А что за ужас сенатор Кребс! Слова из него не вытянешь. И пил он сверх всякой меры. Впрочем, глупее, чем есть, от вина не стал. Нет, господа сенаторы мне ни к чему! – И, выдержав паузу, добавила скучающим голосом: – Ну как, Мод, надеюсь, ты достигла, чего хотела? Насытилась политикой? Проникла в сердце твоей великой американской тайны?

– Думается, я очень близко к ней подошла, – сказала Маделина, отчасти отвечая себе самой.

ГЛАВА IV

В воскресенье к вечеру разбушевалась непогода, и требовалась истинная тяга к общению, чтобы ради него подвергнуть себя ударам ветра и дождя. Тем не менее несколько близких друзей миссис Ли по обыкновению собрались в ее гостиной. Не преминул явиться верный Попов, и мисс Сорви примчалась провести с дорогой Сибиллой часок, но, поскольку провела весь вечер, уединившись с Поповым, обожаемая подруга, надо думать, в чем-то ее разочаровала. Явился и Каррингтон, припожаловал и барон Якоби. Шнейдекупон с сестрой, отобедав у миссис Ли, остался и после обеда, и Сибилла с Юлией принялись обмениваться мнениями о вашингтонском свете. Мистеру Гору тоже пришла на ум счастливая мысль, что, коль скоро от его отеля до дома миссис Ли всего шаг-другой, он может с равным успехом развлечься в ее гостиной, как и вкушать одиночество в своих апартаментах. Наконец в урочный час появился и сенатор Рэтклиф и, усевшись подле Маделины с чашкой чая в руках, вскоре получил возможность наслаждаться беседой с нею наедине – остальные гости, словно по уговору, занялись друг другом. Под гул их разговоров мистер Рэтклиф быстро перешел на доверительный тон.

– Я зашел сказать: если вам угодно послушать острые дебаты, приходите завтра в сенат. Меня предупредили, что Гэррад, сенатор от Луизианы, готовится устроить мне разнос за мою последнюю речь. Если так, я вряд ли останусь в долгу. А в присутствии такого критика, как вы, сумею выступить лучше.

– Разве я такой уж добрый критик? – спросила Маделина.

– Кто сказал, что критика должна быть доброй? – отвечал сенатор. – Справедливость – вот душа подлинной критики, и ничего, кроме справедливости, я от вас не прошу и не жду.

– А есть ли прок от ваших выступлений? – поинтересовалась она. – Эти речи и впрямь помогают вам приблизиться к цели или разрешить трудности?

– Как вам сказать. Сейчас мы оказались в тупике, хотя долго так продолжаться не может. Впрочем, не побоюсь довериться вам – но, разумеется, вы не станете пересказывать это ни одной душе. Так вот, мы приняли меры, чтобы ускорить события. Несколько джентльменов, и я в том числе, написали письма, предназначенные для президента, хотя и не ему адресованные, цель которых побудить его как-то высказаться, чтобы стало ясно, чего нам ждать.

– О, – рассмеялась Маделина, – я уже неделю об этом знаю.

– Знаете? О чем?

– Да о том, что вы послали письмо Сэму Граймзу из Норт-Бенда.

– И что же вы знаете о письме, которое я послал Сэму Граймзу из Норт-Бенда? – спросил Рэтклиф в почти резком тоне.

– Вы и представить себе не можете, какое у меня превосходное сыскное агентство, – сказала миссис Ли. – Конгрессмен Каттер выудил у некоего сенатского служителя, что получил от вас для отсылки письмо, адресованное мистеру Граймзу из Норт-Бенда.

– И конечно, Каттер тотчас поведал о своем открытии Френчу, а Френч побежал к вам. Все ясно. Знай я об этом вчера, он не так легко от меня бы

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org отделился. Я предпочитаю сам рассказывать вам о своих делах – без его прикрас. Впрочем, я сам виноват. Дернуло меня довериться служителю. Здесь ничего нельзя надолго сохранить в тайне. Однако главное мистери Каттеру осталось неизвестным: то, что подобные письма и с той же целью написали сразу несколько джентльменов. Среди них ваш друг Клинтон, сенатор Кребс, ну и еще один-два.

– Мне, наверное, лучше не спрашивать, что там написано?

– Почему же? Мы договорились изложить наше мнение в очень мягком и примирительном тоне и тем самым побудить президента приоткрыть нам свои намерения, прежде всего чтобы не действовать ему наперекор. Я в своем письме нарисовал отчаянную картину, показав, каково воздействие нынешнего положения на нашу партию, и дал понять, что лично мне от него ничего не надо.

– И каков, вы полагаете, будет результат?

– Думаю, нам удастся найти выход, – отвечал Рэтклиф. – Беда в том, что у нынешнего президента очень мало опыта, а подозрительности хоть отбавляй. Ему кажется, мы пустимся во все тяжкие, чтобы связать ему руки, и он готовится опередить нас в этом. Я лично с ним не знаком, но те, кто его знает и способен судить о нем здраво, говорят, что, несмотря на некоторую узость взглядов и упрямство, человек он – честный и поладить с ним можно. Я не сомневаюсь, что столкнулся бы с ним за какой-нибудь час. Но пойти к нему я не могу – об этом не может быть и речи, пока он сам меня не позовет, а позвать меня – значит уже пойти на соглашение.

– В таком случае чего же вы опасаетесь?

– Что он затеет войну с подлинными лидерами партии, чтобы угодить мнимым, таких сюсюкающих человечков, как ваш приятель Френч, и, ни с кем не советуясь, сделает нелепые назначения. Кстати, вы сегодня виделись с Френчем?

– Нет, – ответила Маделина. – Боюсь, он обиделся на то, как вы обошлись с ним вчера. Вы были с ним чересчур грубы.

– Вот уж ничуть, – сказал Рэтклиф. – Наши реформаторы и не такого заслуживают. Ведь задев меня, он имел в виду бросить мне вызов. Я это сразу услышал по его тону.

– Но разве реформы и впрямь так уж невозможны, как вы это изображаете? Так уж совершенно неосуществимы?

– Реформы, которых жаждет Френч, не только полностью неосуществимы, но и нежелательны.

– Однако что-то, несомненно, все же можно предпринять, чтобы пресечь коррупцию, – настаивала миссис Ли, и серьезность ее тона подтверждала – для нее это вовсе не светский вопрос. – Неужели мы обречены всегда быть во власти воров и хапуг? Неужели порядочное правительство несовместимо с демократией?

Горячность, с которой она говорила, привлекла внимание Якоби.

– Что вы обсуждаете, миссис Ли? – спросил он через всю гостиную. – Речь, кажется, идет о коррупции?

Все мужчины немедленно наострили уши и поспешили окружить сенатора и миссис Ли.

– Я спросила сенатора Рэтклифа, – пояснила она, – куда мы придем, если по-прежнему не будем бороться с коррупцией.

– Осмелюсь просить разрешения выслушать ответ, который даст вам на это сенатор Рэтклиф, – сказал Якоби.

– Вот мой ответ, – заявил Рэтклиф. – Ни одно представительное правительство не может быть ни намного лучше, ни намного хуже того общества, которое представляет. Очистите от скверны общество, и вы очистите правительство.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Но, пытаясь искусственными мерами очистить правительство, вы только усугубляете беду.

– Ответ, достойный государственного деятеля, – сказал барон Якоби, отвечивая сенатору светский поклон, но в тоне его звучала насмешка. Тогда Каррингтон, слушавший этот обмен репликами с потемневшим лицом, вдруг повернулся к барону и спросил, как тот толкует слова сенатора.

– Ах! – воскликнул барон, окинув его убийственно ядовитым взглядом, – чему послужит мое толкование? Вы, американцы, считаете себя неподвластными действию всеобщих законов. Вам нет дела до опыта прошлого. Я живу на свете семьдесят пять лет, и всегда – среди коррупции. Я коррумпирован сам, но имею смелость признаться в этом, а вы, американцы, – нет. Рим, Париж, Вена, Петербург, Лондон – все коррумпированы, только Вашингтон – чист! Так вот позволю себе сказать, что за всю свою жизнь не видел страны, где бы так процветала коррупция, как в Соединенных Штатах. У вас даже дети заражены ею и знают, как обманывать. Все ваши большие города – коррумпированы, и ваши городки, и сельские округа, и законодатели штатов, и судьи. Везде мошенничают, обирая государство и частных лиц, крадут деньги и скрываются, очистив общественную казну. Разве что в сенате не берут деньгами. Вы, господа сенаторы, любите трубить о том, что вашим великим Соединенным Штатам, которые есть вершина цивилизованного мира, нечему учиться на примере коррумпированной Европы. Вы правы, совершенно правы! Великим Соединенным Штатам примеры не нужны. Мне искренне жаль, что я не проживу еще сто лет. Если бы мне тогда вновь приехать в Вашингтон, какое огромное удовольствие я бы получил – несравненно большее, чем сейчас. Я всегда получал тьму удовольствия, живя среди коррупции, а та *parole d'honneur!* [14 – Слово чести (фр.).] – горячо вскричал старик, взмахнув рукой, – по части коррупции Соединенные Штаты оставляют далеко позади и Рим при Калигуле, и церковь при папе Льве X, и Францию при Регентстве.

На этом барон закончил свою речь, которую произносил стоя, прямо в лицо сенатору Рэтклифу, сидевшему напротив; он с удовлетворением отметил, что все собравшиеся умолкли и слушали его с глубоким вниманием. Барону, видимо, было в удовольствие злить сенатора, и он с удовлетворением отметил, что сенатор откровенно злится. Бросив на барона разгневанный взгляд, Рэтклиф сказал – скорее, буркнул, – что не видит оснований так толковать его слова. Разговор сразу увял, и все, кроме барона, облегченно вздохнули, когда Сибилла по просьбе Шнейдекупова села за фортепиано и исполнила, как она объявила, гимн. Едва она кончила петь, как Рэтклиф, которого филиппика Якоби, видимо, вывела из себя, сославшись на неотложные дела, поспешил удалиться. Несколько погодя и остальные все разом откланялись; в гостинной остались только Каррингтон и Гор, который, перейдя на место подле Маделины, сразу был вовлечен ею в разговор о предмете, всегда ее занимавшем, а в данный момент гвоздем засевшем у нее в голове.

– Ну и разнес наш барон сенатора, – несколько неуверенно начал Гор. – Интересно, почему Рэтклиф позволил ему так топтать себя?

– А как вы это объясняете? – спросила Маделина. – Скажите мне, мистер Гор – вы, мерило нашей цивилизованности и литературного вкуса, – скажите, прошу вас, как понимать то, что сказал барон? Кому и чему верить? Мистер Рэтклиф, по всей видимости, честный и разумный человек. Разве он способствует коррупции? Он верит в народ или говорит, что верит. Так что же – правду он говорит или лжет?

Гор был достаточно искушен в политике, чтобы не попасться в подобного рода западню. Он уклонился от прямого ответа:

– Мистер Рэтклиф занят практическими делами; его задача – составлять законы и консультировать президента. Исполняет он это отменно. Политика, равного ему в решении практических вопросов, у нас нет, и несправедливо требовать, чтобы он к тому же брал на себя роль борца за правое дело.

– Так! – резко вмешался Каррингтон. – Но незачем ему и мешать такой борьбе. Незачем, проповедуя добро, противодействовать наказанию зла.

– Он осмотрительный политик-практик, – возразил Гор, – и в любой новой политической тактике видит первым делом ее слабые стороны.

– Кто же в таком случае прав? – вновь спросила Маделина со вздохом

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
отчаяния. – Все мы не можем быть правы! Половина людей с умом заявляет, что мир идет прямехонько к своей гибели, другая – что, напротив, совершенствуется с каждым днем. И те и другие не могут быть правы. В моей жизни есть только один вопрос, – продолжала она смеясь, – ответ на который я во что бы то ни стало должна и буду знать. Я должна знать, избрала ли Америка верный путь. И сейчас это для меня сугубо практический вопрос: я должна знать, верить ли мне в мистера Рэтклифа. Если я отвергаю его, все остальное тоже летит за борт, потому что он – лишь представитель системы.

– Отчего же не верить в мистера Рэтклифа, – сказал Гор. – Я сам в него верю и не боюсь это сказать.

Но тут вмешался Каррингтон, в чьих глазах Рэтклиф с некоторых пор олицетворял дух зла, и заметил, что сам мистер Гор, сдается ему, следует и другим путеводным звездам, понадежнее, чем Рэтклиф, меж тем как Маделина с чисто женской пронизательностью нанесла удар по слабому месту в броне мистера Гора, спросив напрямик, а верит ли он в ту систему, которую представляет Рэтклиф:

– Вы – лично вы – считаете демократию лучшей формой правления? И считаете, что всеобщее избирательное право увенчалось успехом?

Понимая, что загнан в угол, мистер Гор принялся выкарабкиваться из него с энергией отчаяния.

– Все это сложные материи, – начал он, – и я неохотно касаюсь их в свете. Все равно, что требовать ответа на вопрос, верите ли вы в бога, загробную жизнь, откровение – предметы, о которых каждый предпочитает размышлять наедине с собой. Вы спрашиваете меня о моем политическом кредо. Извольте, я изложу его вам. Единственное условие – я излагаю его только вам, и вы не станете ни повторять, ни цитировать мои слова со ссылкой на автора. Да, я верю в демократию. И принимаю ее. И буду верно служить ей и защищать. Я верю в демократию, потому что эта форма правления, как мне представляется, есть неизбежное следствие всех иных, бывших до нее. Демократия подтверждается тем фактом, что массы сейчас поднялись на более высокий уровень духовного развития, чем когда-либо прежде. А к этой цели и направлена вся наша цивилизация. Мы должны делать все, что в наших силах, чтобы ей помочь. Лично мне хочется увидеть результат. Я допускаю, что демократия – всего-навсего эксперимент, но это единственный путь, по которому обществу стоит идти, единственная концепция его функций, достаточно широкая, чтобы удовлетворить его стремления, единственный результат, который стоит усилить и риска. Всякий другой возможный шаг есть шаг назад, а я не хочу повторять прошлое. Мне радостно видеть, что общество берется за проблемы, которые никому не позволяют стоять в стороне.

– А если ваш эксперимент не удастся? – спросила миссис Ли. – Если вследствие всеобщего избирательного права, коррупции и коммунизма общество уничтожит себя?

– Ах миссис Ли, желал бы я, чтобы вы в свободный вечер посетили со мной обсерваторию и поглядели на Сириус. Вы когда-нибудь наблюдали неподвижную звезду? Астрономы, кажется, насчитывают до двадцати миллионов видимых глазом звезд и бесконечное множество миллионов невидимых. И каждая звезда – это солнце, подобное нашему, с планетами, подобными нашей Земле. Вообразите, что одна из этих неподвижных звезд вдруг становится ярче. Почему? А потому, объясняют вам, что не нее упала одна из сопутствующих ей планет и сейчас сгорает в ее пламени. Для планеты этой все кончено, ее возможности исчерпаны. Любопытно, не правда ли? Но какое это имеет, значение? Все равно как если бы на вашей свече сейчас сгорел мотылек.

Маделина даже вздрогнула.

– Мне не подняться до высоты ваших теорий, – сказала она. – Вы витаєте среди бесконечных величин, а я – существо конечное.

– Вовсе нет! Но я верую – только, пожалуй, не в старые формы, а в новые. В человеческую природу, в науку, в выживание наиболее приспособленных. Будем же верны своему времени, миссис Ли! Если девятнадцатому веку предстоит поражение, умрем его солдатами. Если же ему суждена победа, встретим ее во главе его колонн. И уж во всяком случае, не среди шептунов и ворчунов. Вот так. Кажется, я точно доложил свой катехизис. Вы этого хотели. А теперь,

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
сделайте милость, забудьте все, что я сказал. Я утрачу свою репутацию в Вашингтоне, если это кредо выйдет наружу. Спокойной ночи!

На следующий день в урочное время миссис Ли появилась в Капитолии, куда после настоятельной просьбы Рэтклифа не могла не прийти. Пошла она туда одна: Сибилла наотрез отказалась даже близко подходить к Капитолию, а просить о такой услуге Каррингтона при данных обстоятельствах Маделина сочла для себя неудобным. Но Рэтклиф не выступал. Дебаты неожиданно были отложены. Однако он поднялся к миссис Ли на галерею, попросил разрешения посидеть с нею и, оказав еще большее, чем накануне, доверие, сообщил, что получил ожидаемый от Граймза ответ, к которому было приложено письмо от нового президента к мистеру Граймзу по поводу сделанных Рэтклифом и его друзьями авансов.

– Письмо пренебрежительное, – заявил сенатор, – а в одной своей части, пожалуй, даже оскорбительное. Мне хотелось бы прочитать вам из него несколько строк и услышать ваше мнение, как их толковать.

И, вынув из кармана листок, он прочел следующее:

«Не могу также не принимать в соображение, что эти трое сенаторов (он имеет в виду Клинтона, Кребса и меня, – пояснил Рэтклиф), что эти трое сенаторов являются, по всеобщему признанию, наиболее влиятельными членами так называемого сенаторского кружка, снискавшего себе недобрую славу. И хотя я всегда буду с должным уважением относиться к поступающей от них информации, мне необходимо по-прежнему пользоваться полной свободой действий, прислушиваясь к советам как этих, так и других политических деятелей, но в любом случае я буду прежде всего следовать желаниям американского народа, которые не всегда верно представляют его номинальные представители».

– Ну, что скажете на этот бесценный образчик президентского стиля?

– По крайней мере ему нельзя отказать в смелости, – сказала миссис Ли.

– Смелость – одно, а здравый смысл – другое. Этим письмом мне наносится намеренное оскорбление. Он уже однажды перебежал мне дорогу. И теперь готовится перекрыть ее снова. Это – объявление войны. Что, по-вашему, мне делать?

– То, что лучше всего для общественного блага, – сказала Маделина очень серьезно.

Взгляд Рэтклифа выразил такое нескрываемое восхищение – невозможно было ошибиться или не заметить выражение его глаз, – что миссис Ли в смятении отпрянула. Она не была готова к столь откровенному проявлению чувств. Мгновенно его лицо приняло жесткое выражение.

– Но что лучше всего для общественного блага?

– Это вам виднее, – сказала Маделина. – Мне ясно одно: если вы поддадитесь личным чувствам, то совершите ошибку еще большую, чем президент. А теперь мне пора идти: у меня еще тьма визитов. В следующий раз, мистер Рэтклиф, уж будьте верны вашему слову.

Когда они встретились в следующий раз, Рэтклиф зачитал ей абзац из своего ответа мистеру Граймзу из Норт-Бенда.

«Каждый, кто стоит во главе партии, – писал Рэтклиф, – неизбежно подвергается нападкам и совершает ошибки. Я – в чем совершенно прав президент – не являюсь исключением из общего правила. Полагая, что только великие партии добиваются великих результатов, я неизменно жертвовал своей личной позицией, если она не встречала всеобщего одобрения. Этого принципа я буду держаться и впредь. Поэтому президент может с полной уверенностью рассчитывать на мою бескорыстную поддержку любых начинаний моей партии, даже если они будут предприняты без моего ведома».

Миссис Ли слушала очень внимательно.

– И вы ни разу не отказались идти вместе с партией? – спросила она.

– Ни разу, – твердо сказал он.

– Значит, для вас нет ничего дороже верности партии? – И она устремила на него задумчивый взгляд.

– Ничего, кроме верности нашей стране, – прозвучал ответ еще тверже.

ГЛАВА V

Для молодой очаровательной женщины привязать к своему шлейфу видного государственного деятеля и водить его за собой, как ручного медведя, не в пример увлекательнее, чем навязывать ему себя и ходить у него на поводу, словно индейская скво. Таково было первое важное политическое открытие, которое сделала в Вашингтоне Маделина, и оно оказалось ценнее, чем вся немецкая философия, доселе ею проштудированная, вместе с полным изданием трудов Герберта Спенсера в придачу. Не могло быть сомнений, что честь и звания, полученные за служение на общественном поприще, при зрелом размышлении не стоили потраченных усилий. Маделина поставила себе за правило ежедневно читать, в порядке очередности, жизнеописания и письма американских президентов и их жен – тех, следы существования которых ей удавалось обнаружить. Какое грустное зрелище ей представилось, начиная от жизни Джорджа Вашингтона и кончая последним избранником на этот пост! Сколько дрязг, сколько разочарований, какие непростительные ошибки, какие дурные нравы! Ни один из них – людей, стремившихся к высоким целям, – не избежал противодействия, поражений и, как водится, оскорблений. Каким мраком веяло от черт таких признанных предводителей, как Калхун, Клей и Уэбстер, какие различные варианты поражения и неудовлетворенных желаний они собой представляли, какое сознание собственного величия и сенаторской гордыни, какую жажду лести, какое отчаяние от приговора судьбы! А чего все они, в конце концов, достигли?

Все они были деятелями сугубо практическими. Им не приходилось решать великих философских проблем или даже вопросов, выходящих за рамки норм повседневной морали и текущих обязанностей. Но как все они старались напустить побольше туману! Как изошрялись в возведении помпезных строений, которые только заслоняли горизонт! Может быть, Америке было бы лучше без них? Да уж хуже быть не могло! Есть ли на свете бездна глубже той, что открылась под ногами нации, – бездна, к краю которой они ее подвели?

Одна история повторяла другую, и от их однообразия у Маделины устала голова. Она поделилась своими мыслями с Рэтклифом, и он откровенно признался, что удовольствие, доставляемое политикой, – в обладании властью. Он согласен: Америка вполне обошлась бы и без него. «Но здесь я стою, – заявил он, – и буду стоять [15 – «Но здесь я стою...» – первая половина известного изречения Мартина Лютера (1483–1546) – «Здесь я стою, и не могу иначе», – из его речи на Вормском рейхстаге в 1521 г.]». Пустое морализирование вызывало у него мало сочувствия, а всяческие утопии в политике – лишь должное в государственном деятеле презрение. Да, он любит власть и хочет быть президентом. Вот и все.

Порою трагическая, порою комическая сторона брала верх в уме Маделины, а порою она не знала, плакать ли ей или смеяться. Вашингтон, как ни один другой город в мире, изобилует наивно-нелепыми проявлениями человеческой натуры; несуразными бедолагами – мужчинами и женщинами, – над которыми жестоко смеяться и смешно плакать. К счастью, респектабельная публика редко сталкивается с тяжелыми случаями; лишь малосущественные социальные происшествия попадают ей на глаза. Однажды миссис Ли отправилась на вечерний прием в Белом доме – первый, который давал президент. Сибилла наотрез отказалась толкаться среди толпы, а Каррингтон деликатно объяснил, что, увы, еще недостаточно «реконструировался» и не чувствует себя вправе явиться пред светлые очи президента. Миссис Ли согласилась взять в спутники мистера Френча и, перейдя в его сопровождении через Лафайет-сквер, присоединилась к людскому потоку, вливавшемуся в двери Белого дома. Заняв место в конце длинного хвоста, они наконец удостоились войти в зал для приемов, где очутились перед двумя манекенами, то ли из дерева, то ли из воска, почти не проявлявшими признаков жизни. То были президент и его супруга, застывшие у дверей в напряженной и неловкой позе; на их лицах не значилось даже следа мысли, зато механическим движением заводных кукол оба протягивали правую руку веренице посетителей. Миссис Ли чуть было не рассмеялась, но смех замер у нее на губах. Президент и его жена явно не

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org видели в этой процедуре причины для смеха. Они стояли у дверей, два автомата – представители общества, дефилировавшего перед ними. Маделина взяла Френча под руку.

– Отведите меня куда-нибудь, – попросила она, – откуда можно наблюдать этот спектакль. Вот сюда! В этот угол! Нет, мне и в голову не могло прийти, как это дико выглядит!

Френч, решив, что она имеет в виду нелепый вид мужчин и женщин, набившихся в гостиные, поспешил отпустить несколько – применительно к собственному тонкому пониманию юмора – топорных острот насчет проходивших мимо. Однако миссис Ли не была расположена поддерживать его усилия и даже слушать его бонмо. Она тотчас его прервала.

– Благодарю вас, мистер Френч. Теперь ступайте. Мне хочется побыть одной. Придите за мной, пожалуйста, через полчаса.

Она осталась там и стояла, не отрывая глаз от президента и его жены, пожимавших и пожимавших руки бесконечно движущемуся людскому потоку.

Какое странное это было зрелище и каким гнетущим был образ, запечатлевавшийся в ее сердце! Какое жестокое предостережение честолюбцам! И никто во всей толпе, кроме нее одной, не сознавал карикатурности этого парада. Для них он был надлежащей частью в обязанностях президента, и ничего смешного в этом не было. Они видели в нем демократический обряд – в этом шутовском обезьянничании монархических ритуалов! Мертвенная скука, царившая в залах, казалась им такой же естественной и непреложной, как церемонии в Эскуриале придворным Филиппов и Карлов [16 – Речь идет о пышных церемониях и празднествах при дворе испанских королей из династии Габсбургов (1516–1700). Эскуриал – дворец в Мадриде.]. Но на Маделину это зрелище производило впечатление ночного кошмара, видений курильщика опиума. Внезапно ее пронзила мысль: а что, если американское общество пришло к своему концу? Вот оно – воплощение и мечта одновременно! И миссис Ли содрогнулась в душе.

– Именно так! Наконец я достигла цели! В недалеком будущем мы все превратимся в восковые фигуры, а наша речь – в попискивание заводных кукол. Мы будем кружить и кружить по свету и пожимать друг другу руки. Никто ни к чему не будет стремиться ни в этом мире, ни в том. Нет, это хуже, чем любые муки Дантова «Ада». Какая ужасная картина вечности!

Внезапно, словно сквозь дымку, перед ней возникло печальное лицо лорда Ская. Он пробирался к ней, и его голос вернул ее к действительности.

– Ну как вам нравится такого рода увеселение? – спросил он в своей уклончивой манере.

– Наши увеселения оставляют грустное впечатление – они вполне под стать духу нашего народа, – отозвалась она. – Тем не менее мне, право, здесь интересно.

Минуту-другую они стояли молча, наблюдая медленно змеившийся танец Демократии.

– Как вы думаете, – вдруг сказал лорд Скай, – кто этот человек – вон тот длинный, тощий с дамой по каждую руку?

– Вот тот? – спросила она. – Ну, наверное, чиновник из какого-нибудь вашингтонского департамента или член конгресса, скажем, от Айовы с женой и свояченицей. Их вид коробит ваши аристократические чувства?

Он бросил на нее взгляд, полный шутивого смирения:

– Вы хотите сказать, эти дамы одной масти с вдовствующими графинями? Совершенно справедливо. Да и мой аристократический дух уже не тот, миссис Ли. Я даже готов, если прикажете, пригласить их на обед – при условии, что и вы на него придете и займетесь ими. Правда, последний раз, когда я пригласил к обеду некоего члена конгресса, он ответил запиской, нацарапанной карандашом на моем же конверте, сообщая, что приведет с собой двоих друзей, очень респектабельных джентльменов – избирателей из города Йеху [17 – Намек на низкий нравственный и интеллектуальный уровень

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org американских избирателей. Йеху – полностью деградировавшие человеко-подобные существа, которых наблюдает Гулливер во время пребывания в стране благородных лошадей Гуингнмов (Дж. Свифт «Путешествия Гулливера», ч. IV).] или другого ему подобного, – природных аристократов, как писал он.

– Надеюсь, вы их приняли?

– Разумеется. Как не познакомиться с двумя природными аристократами. К тому же они могли оказаться более приятными сотрапезниками, чем их представитель. Они не преминули прийти – очень респектабельные джентльмены, один в голубом галстуке, другой в красном, у каждого торчало по бриллиантовой булавке в рубашке и волосы приглажены волосок к волоску. За обедом они молчали, ели мало, пили и того меньше и вели себя благовоспитаннее, чем я. Прощаясь, оба в один голос предлагали мне свое гостеприимство, когда я приеду в Йеху.

– У вас не будет недостатка в гостях, если вы будете продолжать в том же роде.

– Не уверен. Сдается мне, их сверхучтивость – просто от неотесанности. Они не знали, как себя держать, вот и старались выглядеть скромно. Единственная беда – я ничего не мог выудить из них. Интересно, пригласи я их жен, с ними было бы так же скучно?

– А как было бы в Англии, лорд Скай?

Он взглянул на нее с высоты своего роста из-под полуопущенных век.

– Вы знакомы с моими соотечественницами? – сказал он, по-английски чуть растягивая слова.

– Отнюдь. Я почти совсем их не знаю.

– Тогда перейдем к предмету не столь серьезному.

– Охотно. Я все жду, что вы поделитесь со мной, почему у вас такой печальный вид.

– Вы спрашиваете об этом из дружеских чувств, миссис Ли? У меня и впрямь печальный вид?

– Невыразимо печальный. И меня гложет любопытство: почему?

Британский посланник флегматично обвел глазами зал, остановив долгий взгляд на президенте с женой, все еще механически пожимавших чужие руки, и вновь, обернувшись к Маделине, посмотрел ей прямо в лицо, но ничего не сказал.

– Мне нужно знать ответ на эту загадку, – настаивала она. – Меня этот вопрос просто душит. Почему мне не грустно, если я вижу тех же людей, когда они заняты делом или предаются веселью – коль скоро они на это способны? В церкви или лекционном зале? Почему здесь они производят на меня впечатление каких-то жутких фантомов?

– Не вижу никакой загадки, миссис Ли. Вы сами и ответили на собственный вопрос: они не заняты делом и не предаются веселью.

– Прошу вас, отвезите меня сейчас же домой. У меня вот-вот начнется истерика. Вид этих двух мучеников у дверей просто непереносим. Не верится, что они реальны. Нет, хоть бы вспыхнул пожар! Хоть бы разверзлась земля! Хоть бы кто-нибудь ущипнул президента или дернул за волосы президентшу!

Миссис Ли не стала повторять опыт с посещением Белого дома и еще долгое время спустя не проявляла восторга, упоминая резиденцию президента. Сенатору Рэтклифу она выразила свое мнение в резких словах. Тщетно сенатор пытался ей разъяснить, что народ имеет право посещать своего избранника на высший государственный пост, а он обязан их принимать, и раз так, то из всех возможных принятая форма является наименее неприемлемой.

– Кто дал им такое право? – возмущалась миссис Ли. – Откуда оно взялось? Зачем оно им? Не морочьте мне голову, мистер Рэтклиф! Президент – такой же гражданин, как и все прочие. Кто вбил ему в голову нелепую мысль, что ему

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
нужно быть не гражданином, а дурной копией королей. Наши правители никогда не делали из себя посмешища! Что ему, мало жить как все и исполнять свои обязанности? Неужели он не понимает, что выставляет себя шутком гороховым?

Миссис Ли даже позволила себе заявить, что желала бы стать президентшей с единственной целью – положить конец этим глупостям. Уж ее никто не заставил бы участвовать в подобных спектаклях. Ах, публике бы это не понравилось – что ж, пожалуйста, пусть конгресс подвергнет ее импичменту и отстранит от должности. Все, чего она потребует, – права выступить в сенате в свое оправдание.

Так это было или не так, но в Вашингтоне у подавляющего большинства сложилось впечатление, что миссис Ли ничего так не желает, как обосноваться в Белом доме. Известная лишь узкому кругу, где редко – даже среди близких людей – высказывалась по глубоко интересовавшим ее вопросам, Маделина слыла умной интриганкой, преследовавшей свои цели. Бесспорный факт, не подлежащий сомнению, что все обитатели Вашингтона принадлежат либо к пребывающим в должности, либо к кандидатам на должность, и те, кто не заявляет прямо о своей цели, повинны в попытке – весьма глупой! – обмануть общественное мнение. Правда, существует немногочисленная группа и таких, кто, видимо, составляет исключение из общего правила, но и им суждено рано или поздно ему подчиниться. Что до миссис Ли, то ее относили к кандидатам на должность. Вашингтонцы считали само собой разумеющимся, что миссис Ли выйдет замуж за Сайласа П. Рэтклифа. Ничего удивительного, если Сайлас П. Рэтклиф будет рад заполучить в жены светскую образованную женщину с двадцатью, а то и тридцатью тысячами долларов годового дохода. И вполне естественно, если миссис Ли примет предложение человека, который на сегодняшний день занимает первое место среди общественных деятелей и, что особенно лестно, имеет шанс стать президентом – к тому же мужчина еще сравнительно молодой и недурной наружности. Так что в этом деле ей было обеспечено сочувствие всех благополучно озамуженных женщин, которые уже не могли быть ей соперницами, тем паче что для них жена президента была куда важнее самого президента, в чем они, говоря начистоту, – увы, в Америке это мало кому известно! – не так уж далеки от истины.

Находилось, однако, немало и таких, кого не устраивал этот благожелательный, но явно светский взгляд на предполагаемый брачный союз. Многие дамы сурово осуждали поведение миссис Ли и не колеблясь объявляли ее наглой и зарвавшейся авантюристкой, каких еще не видывал свет. К несчастью, такая респектабельная и достопочтенная леди, как миссис Скайлер Клинтон, тоже почему-то разделяла эту точку зрения и отнюдь не стремилась ее скрывать. Она справедливо возмущалась суетностью кухни и возможным возвышением ее в ранге и чине.

– Если Маделина Росс выйдет замуж за этого старого мужлана, за этого политического проныру из Иллинойса, я в жизни ей не прощу, – сказала она мужу.

Мистер Клинтон сделал попытку оправдать Маделину и даже рискнул напомнить, что разница в годах тут не больше, чем в их собственном случае. Но миссис Клинтон безжалостно отвергла его доводы.

– Я по меньшей мере, – сказала она, – не заявлялась в Вашингтон в качестве вдовы, поставившей себе целью замарьяжить первого кандидата в президенты, и в своем недостойном нетерпении не разыгрывала спектаклей на публику, сидя на галерее в сенате. Миссис Ли должно быть стыдно. Она холодная, бессердечная кошка, в которой нет ничего женского.

Мисс Виктория Сорви, постоянно то шелестевшая, как ветерок, то журчавшая, как ручеек, с полным безразличием к тому, о чем и о ком говорила, имела обыкновение, навещая миссис Ли, передавать обрывки сплетен и разговоров. Произнося что-нибудь особенно бесстыдное, она любила, рисуясь, чуть запинаться и изображать из себя такую ленивую простушку. Ей доставляло огромное удовлетворение слышать, что Маделину обвиняют как раз в тех грехах, какие постоянно одолевали ее самое. Многие годы весь Вашингтон числил крошку Сорви чуть ли не в самых пропащих: она только и делала, что нарушала всевозможные правила и приличия, приводя в ужас все добропорядочные семьи, и ничего толкового от нее не ждали. При всем том нельзя отрицать, что Виктория забавляла общество и обладала своеобразной привлекательностью, а потому ее повсеместно терпели. И вот, видя, как миссис Ли низводят до ее собственного уровня, она испытывала ни с чем

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org несравнимое удовольствие и тщательнейшим образом пересказывала Маделине обрывки разговоров, подслушанных в различных гостиных.

– Ваша кухня, миссис Клинтон, говорит, что вы ко-ошка, миссис Ли.

– Этого не может быть, Виктория, миссис Клинтон не способна говорить про других гадости.

– А миссис Марстон сказала: это все потому, что вы ухватили жи-ирную крысу, а она только мышо-онка.

Столь неожиданная слава, естественно, раздражала миссис Ли, в особенности когда в газетах стали появляться корреспонденции, сначала краткие и туманные, а вскоре следом попространнее и порешительнее трактующие матримониальные планы сенатора Рэтклифа вместе с описаниями ее особы, выходящими из-под пера сотрудничавших в прессе дам, которые в глаза ее не видели.

При первом знакомстве с подобной заметкой Маделина просто разрыдалась от унижения и гнева. Она хотела завтра же покинуть Вашингтон, и даже мысль о Рэтклифе вызывала в ней неприязнь. В этой газетной писанине заключалось нечто непостижимо вульгарное, нечто необъяснимо оскорбительное для чувства женского достоинства, и ее всю передернуло, словно она коснулась ядовитого паука. Но когда первое острое чувство стыда прошло, Маделина воспрянула духом и поклялась, что не сойдет с пути, на который ступила, сколько бы яда и вульгарности ни выплеснули на нее Соединенные Штаты, накопившие их в изобилии. Она не собиралась выходить замуж за сенатора Рэтклифа. Ей нравилось его общество, льстило его доверие, и она надеялась, что сумеет предотвратить официальное предложение с его стороны, а если нет, то по крайней мере оттянуть до последнего возможного момента. Никакие реки желчи и злословия не отпугнули бы ее от Рэтклифа, и она отказывалась от него по иным и куда более важным причинам. В своей отчаянной смелости она зашла даже так далеко, что посмеивалась над своей кухней, миссис Клинтон, допуская и даже поощряя ее мужа оказывать себе внимание на публике и рассыпаться в комплиментах с истинно юношеским пылом, что, без всякого сомнения, должно было распалить и уязвить безукоризненную леди, его жену.

Человеком, которого в высшей степени удручал ход развернувшихся событий, был Каррингтон. Он уже не мог скрывать от себя, что влюблен в Маделину со всей страстью, на какую способен дорожающий своим достоинством и честью виргинец. С ним, во всяком случае, она не кокетничала, не льстила ему и не поощряла его ухаживаний. Однако Каррингтон, в одиночку сражавшийся с судьбой, нашел в ней доброго друга, всегда готового прийти на помощь, когда помощь была нужна, щедро дававшего деньги на любое дело, стоило ему за него поручиться, к тому же дававшего с сочувствием, которое часто дороже денег, а там, где деньги и сочувствие не могли помочь, помогавшего предприимчивостью и добрым советом. Каррингтон знал миссис Ли лучше, чем она знала самое себя. Он подбирал ей книги, доставлял списки последних докладов из Капитолия и департаментов, знал о владевших ею сомнениях и колебаниях и, насколько был способен в них разобраться, содействовал их разрешению. Человек крайне скромный, пожалуй, даже застенчивый, Каррингтон не осмеливался претендовать на роль официального возлюбленного, гордость же не позволяла ему даже помыслить о том, чтобы поменять свою бедность на ее богатство. Ему тем паче было непереносимо видеть, что Маделина тянется к Рэтклифу, чья сильная воля и безудержная энергия явно оказывали на нее влияние. Он видел, что Рэтклиф всячески демонстрирует свои преимущества, потакает всем слабостям Маделины, выказывая ей доверие и почтительность, и что в недалеком будущем она либо должна будет выйти за него замуж, либо обрести репутацию бессердечной кокетки. У Каррингтона были свои причины дурно думать о сенаторе Рэтклифе, и он вознамерился помешать его браку с Маделиной, хотя знал, что имеет дело с врагом, которого нельзя убрать с дороги и которого нимало не страшит любое число соперников – сенатор от Иллинойса был вполне способен уничтожить их всех до единого.

Рэтклиф никого не боялся. Он не даром сам пробивал себе в жизни дорогу и знал цену трезвой голове и твердой уверенности в себе. Именно благодаря этой его грубой американской складке да сильной воле он благополучно держался, минуя все западни и ловушки, в кругу друзей миссис Ли, где соперники и враги окружали его со всех сторон. На их территории он чувствовал себя жалким школяром, но стоило ему заманить противника в собственные пределы – в сферу практической жизни, – и он, как правило,

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org учинял ему изрядный разгром. Практический ум и сильная воля – вот чем он завоевал миссис Ли, которая была в достаточной мере женщиной, чтобы считать: кто бы ни был у ее ног, это только служит ей к украшению, а с нее достаточно, если сильный пол чувствует ее превосходство. Мужчины имели цену, когда были сильны и умели восхищаться женщинами. Если бы сенатору хватило выдержки всегда держать свои нервы под контролем, его дела здесь шли бы как нельзя лучше, но постоянные усилия, требовавшиеся от него, чтобы контролировать себя в политике, притупляли его внимание в частной жизни. Молчаливое благоговение Маделины перед высокой культурой раздражало его, и он, случалось, подобно бульдогу, показывал зубы, хотя всякий раз получал за это ответный удар, каким благовоспитанная кошка пресекает слишком вольное с ней обращение, – расправа, невинная на вид, но не обходящаяся без пролития крови. Так, однажды вечером сенатор более обыкновенного был не в духе. Посидев некоторое время в мрачном молчании, он поднялся, взял со стола книгу, взглянул на заглавие и перевернул несколько страниц. Как на зло это был том Дарвина, взятый миссис Ли в библиотеке конгресса.

– Вы разбираетесь в такого рода вещах? – резко произнес сенатор тоном, в котором звучала насмешка.

– Не вполне, – весьма сухо ответила миссис Ли.

– А к чему вам в этом разбираться? – не унимался сенатор. – Какой от такого учения прок?

– Возможно, оно научит нас быть скромнее, – сказала Маделина, не оставаясь у сенатора в долгу.

– Каким образом? Утверждая, что мы происходим от обезьян? – сердито спросил он. – Вы полагаете, что произошли от обезьян?

– Почему бы нет? – сказала Маделина.

– Почему бы нет? – повторил Рэтклиф, отрывисто смеясь. – Нет уж, мне ни к чему такие связи. Или, может, вы хотите ввести ваших дальних родственников в наше общество?

– Пожалуй. Они внесли бы в него больше оживления, чем многие нынешние его члены, – тут же нашлась с ответом миссис Ли, сопровождая его милой улыбкой, таившей угрозу.

Но Рэтклиф не внял предостережению. Напротив, выпады миссис Ли только подогрели его, а когда он терял над собою власть, то впадал в сугубо сенаторский, даже, если угодно, уэбстеровский тон.

– Такие книги, – начал он, – позор для цивилизации. Они унижают и искажают нашу божественную натуру. Они хороши лишь для азиатских деспотий, где человек доведен до уровня скота. Мне понятно, когда Дарвина принимают такие господа, как барон Якоби: он и его хозяева только и делают, что попирают человеческие нравы. Мистеру Каррингтону, несомненно, тоже должны прийтись по вкусу подобные идеи: он ведь верит в священную доктрину, по которой негров непременно нужно сечь. Но чтобы вы – женщина, призывающая к милосердию и исповедующая принципы свободы, – объединились с ними... Невероятно! Непостижимо! Недостойно вас!

– Вы чересчур суровы к обезьянам, – сухо отвечала Маделина, когда сенатор кончил свою тираду. – Вам ведь от них никакого вреда. В общественной жизни они не участвуют, голосом не пользуются. Кстати, будь у них право голоса, вы первый стали бы восторгаться их умом и порядочностью. Впрочем, мы все должны быть им благодарны: ну что бы мы делали в этом печальном мире, не оставь они нам в наследство своей тяги к веселью.. и любви к тирадам.

Рэтклиф, надо отдать ему должное, умел сносить щелчки, по крайней мере те, что получал от руки миссис Ли, и его нечастые взрывы неповиновения неизменно сопровождались усиленным послушанием. Но, позволяя миссис Ли исправлять присущие ему недостатки, он не допускал никаких поучений со стороны ее друзей и неизменно ставил их на место. Однако и этого ему было мало. То ли потому, что он почти ничего не знал вне круга своего непосредственного опыта, то ли потому, что не доверял себе, стоя на чужой почве, но он явно старался свести любой спор к собственному уровню. Маделина так и не могла ответить на вопрос, делал ли он это, считая, что

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
так ему выгоднее, или с целью скрыть свое невежество.

– Барон весьма заинтересовал меня рассказами об обществе в Бухаресте, – говорила, например, Маделина. – Я и понятия не имела, что там умеют так весело проводить время.

И слышала от Рэтклифа в ответ:

– Жаль, что я не могу познакомить барона с обществом в Пеонии. Он нашел бы там блестящий круг истинно природных аристократов.

– Барон говорит, политики у них – острейшие малые, с головой, – добавлял мистер Френч.

– А в Болгарии есть политики? – недоумевал сенатор, чьи представления о том, как Румыния географически соотносится с Болгарией, не отличались четкостью и который вообще полагал, что все подобные народы живут в кибитках, одеваются в овечьи шкуры шерстью вовнутрь и питаются квашеным молоком. – Так у них есть политики?! Хотел бы я видеть, как эти острейшие малые справились бы у нас на Западе!

– И впрямь, – подхватывала миссис Ли. – Представьте себе: Аттила и его орды заправляют выборами у индейцев.

– Превосходно! – вторил ей Френч, громко смеясь. – Во всяком случае, барон сказал: таких продувных бестий, как его друзья-политики, во всем Иллинойсе не сыщешь.

– Он так и сказал? – восклицал Рэтклиф с гневом.

– Точно так. Правда, миссис Ли? Только я ему не верю. А вы? Как по-вашему, мистер Рэтклиф, если чистосердечно? Ведь уж вы-то знаете об иллинойских политиках все до тонкости. Как вы думаете, эти «якоби бестии» и впрямь справились бы с собранием выборщиков в Иллинойсе?

Рэтклиф терпеть не мог, когда ему подпускали шпильки, в особенности по затронутому вопросу, но сдержался и не ответил на выходку Френча, которой тот лишь сквитался с сенатором за его «поделки-подделки». Рэтклифу же было важно отвести разговор от Европы, литературы, искусства, а шпильки Френча играли ему в этом на руку.

Слабой стороной сенатора было слепое невежество по части нравственных законов, и, понимая это, Каррингтон тешил себя надеждой, что миссис Ли, рано или поздно разглядев в Рэтклифе такой изъян, придет от него в ужас, а потому считал – главное, дать сенатору возможность разоблачать себя. Редко вступая в беседу, Каррингтон неизменно стремился выводить соперника на чистую воду. Однако ему вскоре пришлось убедиться, что Рэтклиф превосходно разбирается в подобном рода тактике и не только не сдает, а напротив, улучшает свои позиции. Иногда его дерзость просто ошеломляла, и даже когда Каррингтону казалось, что сенатор безнадежно запутался в расставленных ему силках, тот одним рывком стряхивал с себя охотничьи путы и уходил еще более неустранимый и опасный, чем когда-либо прежде.

Если же миссис Ли загоняла его в угол, он чистосердечно признавал ее обвинения.

– Да, ваши слова в значительной части справедливы. В политике много отталкивающего и тягостного, много грубого и дурного. Да, не буду скрывать – хватает и бесчестности и коррупции. И мы должны делать все, чтобы этого зла стало как можно меньше.

– Вы, верно, сможете указать миссис Ли, как ей за это взяться, – вставил Каррингтон. – У вас богатый опыт. Помнится, я слышал, что вам однажды пришлось употребить весьма крутые меры против коррупции.

Рэтклиф, которого, по всей видимости, почему-то не обрадовал этот комплимент, бросил на Каррингтона ледяной взгляд, таивший угрозу. Но вызов принял и с ответом медлить не стал:

– Да, было дело, и теперь я об этой истории весьма сожалею. А историю эту, миссис Ли, которую я вам сейчас изложу, знают в Иллинойсе поголовно все

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org мужчины, женщины и дети, так что у меня нет причин ее смягчать. В самые тяжкие дни войны стало ясно, что в Иллинойсе может взять верх партия мира – с помощью подлога, как мы считали. – но, так или иначе, нужно было любой ценой спасти положение. Упусти мы тогда Иллинойс, наверняка упустили бы и президентские выборы, а весьма возможно и Соединенные Штаты. У меня, во всяком случае, не было сомнений, что судьба войны зависит от результата голосования.

А я был тогда губернатором штата, и вся ответственность лежала на мне. Контроль над северными округами и подсчетом голосов в них оставался в наших руках, и мы дали команду нескольким счетчикам не подбивать итоги до наших распоряжений, а когда стало известно, какие цифры получены в южных округах и точное число голосов, нужных, чтобы обеспечить нам перевес, мы послали телеграмму, и они подытожили голосование так-то и так-то, тем самым перекрыв голоса противника, и мы одержали победу. Вот так все и было проделано, а поскольку я теперь уже сенатор, то имеются все основания полагать – мои действия в штате одобрили. Я не горжусь этой операцией, но вновь поступил бы точно так же и даже похуже, если бы считал, что спасаю страну от раскола. Разумеется, мистер Каррингтон вряд ли меня одобрит. Он, кажется, тогда отстаивал свои требования реформ, сражаясь против правительства.

– Точно так, – сухо подтвердил Каррингтон. – И победа осталась за вами.

Каррингтон не достиг цели. Тот, кто совершает убийство ради отечества, уже не убийца, а патриот, даже если долей в добыче получает место в сенате. И смешно ожидать, чтобы дамам захотелось копаться в мотивах, побудивших к действию патриота, спасшего родину, и выяснять, как в те смутные времена происходило его избрание в сенат.

Враждебное чувство, которое питал к Рэтклифу Каррингтон, не шло, однако, в сравнение с той ненавистью, какую пылал к сенатору барон Якоби. Почему барон относился к нему с такой яркой предвзятостью, объяснить нелегко, но все дипломаты и сенаторы – враги от природы, а тут еще Рэтклиф оказался на пути Якоби как поклонника миссис Ли. Старый дипломат, пристрастный и циничный, презирал и ненавидел американского сенатора, который, на его предубежденный европейский взгляд, представлял собою тип деятеля, сочетавшего крайнюю самоуверенность и деспотичность с чрезвычайно узкой образованностью и низменным личным опытом – сочетание, какое редко встречалось среди членов правительств ведущих держав. Страна, которую представлял Якоби, не имела каких-либо особых отношений с Соединенными Штатами и, надо полагать, держала миссию в Вашингтоне главным образом, чтобы обеспечить барона должностью, и, стало быть, ему не нужно было скрывать свои антипатии, напротив, он считал, что на нем лежит своего рода обязанность выражать презрение дипломатического корпуса к сенату, которое его коллеги, даже если разделяли его чувства, были вынуждены скрывать. И эту обязанность он исполнял с исключительной добросовестностью. Он не упускал ни единой возможности вознить своей полемической рапиры в уязвимые места неуклюжего и тощего сенаторского достоинства. Ему доставляло удовольствие вновь и вновь искусно уличать Рэтклифа в невежестве на глазах у Маделины. Для этого он расцветчивал свою речь историческими аллюзиями, цитатами на доброй полудюжине иностранных языков, ссылками на известные исторические события и, делая вид, что его старческая память не способна воспроизвести их во всех подробностях, обращался к достопочтенному сенатору, который, несомненно, все прекрасно знает и может ему их подсказать. Его вольтеровская физиономия сияла учливой улыбкой, когда он выслушивал ответы, неизменно обличавшие невежество сенатора по части литературы, искусства, истории. Наконец барон достиг апогея, когда однажды вечером Рэтклиф, услышав выдержку из Мольера, которая показалась ему знакомой, пустился, на свою беду, рассуждать о пагубном влиянии этого великого человека на религиозные взгляды своего времени. Мгновенно, каким-то шестым чувством, уловив, что сенатор спутал Мольера с Вольтером, Якоби с любезнейшей миной вздернул беднягу на дыбу и до тех пор истязал свою жертву мнимыми разъяснениями и расспросами, пока Маделина не сочла себя некоторым образом обязанной вмешаться и положить конец этой сцене. Бедняга постоянно подвергался нападкам, даже когда не попадался в западню. В таких случаях барон, нарушая границы, атаковал Рэтклифа на его территории. Так, когда тот в очередной раз защищал свою доктрину верности партии, Якоби срезал его, высмеяв примерно таким образом:

– Ваш принцип, господин сенатор, абсолютно правилен. Я так же, как и вы,

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org был страстным приверженцем своей партии – католической церкви; я принадлежал к ультра-монтанам[18 – Последователи ультрамонтанства, направления в католицизме, добивавшегося неограниченного права для папы римского вмешиваться в религиозные и светские дела любого католического государства.]. Ваша партийная система – прямой сколок с нашей; ваш национальный конвент – тот же Вселенский собор; вы, как и мы, подчиняетесь его решениям, невзирая на доводы разума; и сами вы, мистер Рэтклиф, ну чем не кардинал? Кстати, кардиналы – все люди даровитые. Я многих из них знавал; лучшие наши друзья. Правда, они не были реформаторами. А вы за реформы, господин сенатор?

Постепенно при виде старого барона Рэтклифа охватывали страх и ненависть, но, к какой бы тактике он ни прибегал, она оказывалась бессильной против этого неуязвимого циника из восемнадцатого века. Если сенатор пускал в ход опробованные в конгрессе приемы запугивания и властного окрика, барон только улыбался и поворачивался к нему спиной или произносил несколько фраз по-французски, чем еще больше бесил своего оппонента, который ни слова из сказанного не понимал, зато знал, что Маделина все понимает и пытается подавить улыбку. Взгляд его серых глаз становился все холоднее и тяжелее: до него стало доходить, что барон Якоби следует продуманному со злобой изобретательностью плану, цель которого – изгнать его из дома миссис Ли, и он поклялся страшной клятвой, что не даст этому иностранцу с обезьяньим лицом восторжествовать над собой. Впрочем, у Якоби было мало надежды на успех.

– Что может сделать старик? – откровенно жаловался он Каррингтону. – Будь я на сорок лет моложе, этот мужлан вряд ли бы здесь распоряжался. Ах, если бы я мог вернуть себе молодость! Если бы мы были в Вене!

Из чего Каррингтон справедливо заключил, что в былые времена, когда подобные действия еще не вышли из моды, старый дипломат непременно нанес бы сенатору оскорбление и всадил ему пулю в сердце.

ГЛАВА VI

В феврале потеплело, повеяло летом. В это время года в Виргинии нередко сквозь набухшие мокрой крупой и снегом тучи вдруг прорывается лето. Дни, а порой и недели держится температура июня, на ранних побегах распускаются не боящиеся мороза цветы, и только голые ветви в лесу выражают свое несогласие с подобными фокусами в природе. Мужчин и женщин охватывает истома; жизнь – словно в Италии – пьянит все чувства и полыхает всеми красками, и кажется, что тебя окружает теплая, почти осязаемая, заряженная разнообразными возможностями атмосфера. Нежная дымка висит над Арлингтоном, порою смягчая даже резкое сияние, исходящее от белых стен Капитолия. Кажется, стихает сама борьба за существование; весна набрасывает на общество свой нежный покров, и молодые дипломаты, не сознавая, что творят, предлагают глупеньким барышням вступить в законный брак; кровь оттаивает в сердце и бежит по жилам, словно ручейки сверкающей воды, сочащейся из каждой ледяной сосульки, из каждого снежного кома. И кажется, что весь снег и лед, все жестокое в человеке, все ереси и расколы, все, что нагорожено в мире дьяволом, уступило силам любви и вновь возродившемуся теплу чистого, беззлобного, доверчивого добра. В этом новом мире не должно быть места коварству – тем не менее его в нем полным-полно. Больше, чем в любое другое время года. Именно в эту пору два огромных саркофага, белеющих по оба конца Пенсильвания-авеню[19 – Имеются в виду Капитолий и Белый дом.], исходят густой атмосферой купли-продажи. Старое уходит, новое появляется. Богатство, должности, власть идут с торгов. Кто даст больше? В чьей ненависти больше яда? Кто лучше умеет интриговать? Кто успел проверить самые грязные, самые гнусные, самые черные политические сделки? Тому и достанется награда.

Сенатор Рэтклиф был поглощен делами и находился в дурном расположении духа. Полчища искателей мест преследовали его по пятам и осаждали даже дома, добиваясь подписи под рекомендациями. Новый президент должен был прибыть в понедельник, и в ожидании его прибытия интриги и перетасовки, душой которых был сенатор Рэтклиф, шли полным ходом. Корреспонденты надоедали с вопросами. Братья сенаторы зазывали на совещания. В голове гудело от собственных дел. И резонно было предположить, что в такой момент ничто не могло оторвать сенатора Рэтклифа от игорного стола политики. Тем не

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org менее, когда миссис Ли обронила, что собирается с небольшой компанией, включавшей британского посланника и некоего ирландского джентльмена, гостившего в британской миссии, отправиться на субботу в Маунт-Вернон [20 – Поместье Джорджа Вашингтона в Виргинии.], сенатор, к удивлению Маделины, изъявил горячее желание поехать туда вместе с ними. Он объяснил, что политический штурвал уже не в его руках и что, начни он за него бороться, девять шансов из десяти, только наделает ошибок, что друзья ждут от него какого-то шага, когда предпринять уже ничего невозможно, поскольку все подготовлено и решено, и что поездка в Маунт-Вернон в обществе британского посланника – лучшее времяпрепровождение, какое он может себе пожелать: по крайней мере ему удастся скрыться хоть бы на день.

Лорд Скай взял за правило, когда собственная его фантазия по части светских увеселений иссякала, спрашивать совета у миссис Ли, и никто иной, как она, предложила ему развлечь ирландского гостя, о чьих увеселениях не щадя сил хлопотал лорд Скай, поездкой в Маунт-Вернон, пригласив также Каррингтона на роль гида и мистера Гора ради разнообразия. Ирландский джентльмен, носивший титул лорда Данбега, был разорившимся пэром и ни богатством, ни известностью не отличался. Лорд Скай представил его миссис Ли и некоторым образом передал на ее попечение. Данбег был молод, недурен собой, достаточно широко образован, но чересчур привержен фактам и не страдал избытком чувства юмора. Он улыбался примирительной улыбкой, а рассказывая о чем-либо, принимал отсутствующий вид или, напротив, приходил в крайнее возбуждение; оговорившись, он тотчас улыбался, словно предупреждая упрек, и часто так быстро сыпал словами, что они сами себе перекрывали путь. Возможно, его манеры были несколько смешны, зато у него было доброе сердце, разумная голова и титул. Все это вместе обеспечило ему благосклонный прием у Сибиллы и Виктории Сорви, которые не пожелали допустить в свою компанию ни одной женщины, хотя не высказывали возражений против общества мистера Рэтклифа. Что же до лорда Данбега, то он оказался восторженным поклонником генерала Вашингтона и, как сообщал по секрету всем и каждому, жаждал изучить американское общество в основных фазах его развития. Он с удовольствием присоединился к небольшой компании друзей миссис Ли, и мисс Сорви про себя решила, что уж одну фазу она ему покажет.

Утро выдалось теплое, небо смотрело ласково; небольшой пароходик стоял у тихого причала, где с десяток негров лениво наблюдали за приготовлениями к отплытию. Первыми прибыли Каррингтон с миссис Ли и молодыми барышнями, которые, облокотясь о перила, стали ожидать своих спутников. Затем подкатил мистер Гор, одетый с иголки, в перчатках, в легком весеннем пальто: мистер Гор очень внимательно относился к своему внешнему виду и немало гордился своей приятной наружностью. Вслед за ним на борт поднялась миловидная блондинка с голубыми глазами, облаченная во все черное. Она вела за руку девочку, и Каррингтон поспешил подойти к ним и пожать даме руку. Когда он вернулся к миссис Ли, на ее вопрос, кто эта дама, он ответил с полуулыбкой, словно стесняясь такого знакомства, что дама эта – его клиентка, хорошенькая вдовушка, которую знает весь Вашингтон.

– В Капитолии вам каждый о ней расскажет. Она была женой известного лоббиста, который умер года два назад. Конгрессмены ни в чем не могут отказать хорошенькому личику, а она – их идеал женских прелестей. Правда, и весьма взбалмошная особа. Муж ее болел совсем недолго и, к великому моему удивлению, по завещанию назначил меня своим душеприказчиком. Думается, им руководила мысль, что он может доверить мне свои бумаги, весьма важные и многих здесь компрометирующие, тем паче что он не успел их разобрать и уничтожить те, которые подлежали изъятию. Так что, как видите, мне приходится заботиться о его вдове и ребенке. К счастью, они вполне обеспечены.

– А как ее зовут? Вы не назвали ее имя.

– Бейкер, миссис Сэм Бейкер. Но мы, кажется, отчаливаем, и мистер Рэтклиф останется на берегу. Схожу к капитану – попрошу его обождать.

Все пассажиры – человек двенадцать, в том числе и два английских графа, в сопровождении лакея, державшего в руках аппетитную корзину с припасами, – уже прибыли, и матросы взялись было за сходни, когда к пристани подкатила коляска, из которой выскочил мистер Рэтклиф и поспешно поднялся на борт.

– Вперед! Полный ход! – скомандовал он матросам-неграм, и в следующую секунду пароходик двинулся в путь, разрезая грязноватые воды Потомака и

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org посылая в небо жидкую струю дыма, словно недавно изобретенная новая каминыца, приближающаяся к храму национального божества. Рэтклиф принялся оживленно объяснять, с каким трудом он вырвался от просителей, сказав, что его ждет британский посланник, и пообещав скоро вернуться.

– Знай они, куда я еду, – заверял он, – и вы увидели бы, как это суденышко заполонило искатели мест. Одних иллинойцев хватило бы, чтобы похоронить вас в водяной могиле.

Рэтклиф был в приподнятом настроении духа и полон решимости насладиться свободным днем, и, когда они проплывали мимо арсенала, охраняемого одиноким часовым, а затем стапелей с единственной, уже не пригодной для плавания деревянной канонеркой, он, указав лорду Скаю на эти свидетельства национального могущества, пригрозил в случае чего применить к нему высшую меру дипломатической расправы – отправить восвояси на американском фрегате. И пока на одном борту наслаждались сенаторским юмором, на другом Сибилла и Виктория, призвав на помощь мистера Гора и мистера Каррингтона, содействовали духовному развитию лорда Данбега.

Найдя наконец на палубе место, где можно было удобно расположиться и оставаться хозяйкой положения, мисс Сорви, приняв более, чем обыкновенно, смиренный вид, с серьезнейшей миной выжидала момента, когда ее титулованный сосед даст ей возможность проявить на нем свои чары, которые, по ее убеждению, должны были открыть новую фазу в его существовании. Мисс Сорви принадлежала к тем молодым особам, изредка встречающимся в Америке, которые, не имея, по-видимому, цели в жизни, якобы гонятся за мужчинами, хотя на самом деле к ним равнодушны, и тешат себя нарушением приличий. Если Виктория и обладала добродетелями, то тщательно их таила, главное же удовольствие в жизни видела в том, чтобы насмехаться над миром и над самой собой.

– Какая величественная река! – воскликнул лорд Дан-бег, когда пароход вышел на середину широкого русла. – Вы, наверное, часто совершаете по ней такие прогулки?

– Ни разу не бывала здесь до сегодняшнего дня, – не моргнув глазом солгала мисс Сорви. – У нас эту речку ни во что не ставят: чересчур мала. В Америке привыкли к рекам куда больше и шире.

– Боюсь, вам не понравятся наши английские реки: по сравнению с этой они лишь ручейки.

– Вот как? – сказала Виктория, изображая легкое удивление. – Неужели? В таком случае я не хотела бы быть англичанкой. Я не мыслю жизнь без больших рек.

Лорд Данбег выпучил глаза и позволил себе дать понять, что это не совсем разумно.

– Ну разве что я была бы графиней! – задумчиво продолжала Виктория, устремив глаза на Александрию и не обращая внимания на Его Светлость. – Пожалуй, будь я графиней, я бы на это пошла. Графиня – такой прелестный титул.

– Титул герцогини считается выше, – пробормотал, запинаясь, лорд Данбег в крайнем смущении: он не был приучен к игривой женской болтовне.

– С меня вполне достаточно титула графини. Это звучит отменно. Странно, что он вам не нравится. – Данбег искал глазами, куда бы скрыться, но он был обложен со всех сторон. – Я, наверное, чувствовала бы огромный груз ответственности, доведись мне выбирать графиню. Скажите, как вы это делаете?

Лорд Данбег издал нервный смешок, присоединившись к взрывам дружного смеха. Сибилла воскликнула: «О, Виктория!», а мисс Сорви продолжала без тени улыбки.

– Нет, Сибилла, – журчала она на одной и той же монотонной ноте, – пожалуйста, не перебивай меня. Мне чрезвычайно важно знать, что скажет лорд Данбег. Он же понимает: мною движет чисто научный интерес, но я непременно должна знать, как выбирают графиню. От этого зависит счастье моей жизни. Ну

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
как бы вы рекомендовали другу выбрать себе графиню?

Такая беззастенчивость начала забавлять Данбега, и он собрался было удовлетворить любопытство мисс Сорви, изложив несколько правил для выбора графини, когда Виктория внезапно перескочила на другой предмет.

– Скажите, лорд Данбег, кем бы вы хотели быть – графом или Джорджем Вашингтоном?

– Разумеется, Джорджем Вашингтоном, – учтиво ответил несколько опешивший граф.

– Да? – томным голосом спросила Виктория с наигранным изумлением. – Ужасно мило, что вы так говорите, только вы, конечно же, так не думаете.

– Нет, я именно так думаю.

– Не может быть! Вот уж чего никогда не предположила бы!

– Почему же, мисс Сорви?

– Вы не похожи на человека, которому хочется быть Джорджем Вашингтоном.

– Позвольте еще раз спросить – почему же?

– Пожалуйста! Вы когда-нибудь видели Джорджа Вашингтона?

– Разумеется, нет. Он умер за пятьдесят лет до моего рождения.

– Я так и полагала. Вот видите: вы же его совсем не знаете. Ну скажите нам, в общих чертах, каким, по-вашему, был Джордж Вашингтон.

Данбег, поскольку его попросили, дал лестное описание наружности Вашингтона, соединив в ней портрет кисти Стюарта и гриновскую статую Юпитера с чертами генерала Вашингтона, стоящую перед Капитолием[21 – Стюарт Гилберт (1755–1828) – американский художник, создавший целую портретную галерею своих современников, в том числе портрет Дж. Вашингтона (1795). Гринуоу Горацио (1805–1852) – американский скульптор, автор статуи Вашингтона, установленной перед Капитолием.]. Мисс Сорви выслушала ирландского лорда с выражением превосходства, несколько смягченного терпимостью, а затем сообщила ему следующее:

– Все, что вы тут сейчас наговорили, сплошная чушь – прошу прощения за вульгарное слово. Когда я стану графиней, я непременно займусь своим языком. Но, если сказать по правде, генерал Вашингтон был обыкновенным фермером с очень грубыми чертами, тощий и неуклюжий, очень необразованный и очень скучный – к тому же дурного нрава, ругался самыми скверными словами, а после обеда всегда бывал под хмельком.

– Не может быть, мисс Сорви! – воскликнул пораженный Данбег.

– Представьте – может! Уж я-то все знаю о генерале Вашингтоне. Мой дедушка был с ним накоротке и часто неделями живал в Маунт-Верноне. Не верьте тому, что вы читаете в книгах, и уж ни слову из того, что нарасскажет вам мистер Каррингтон. Он – виргинец, и у него в запасе тьма замечательных историй, только ни в одной из них нет и грана правды. Мы все патриоты, когда дело касается Вашингтона, и нам приятнее скрывать его недостатки. Не будь я уверена, что вы не станете распространяться об этом, я бы вам не сказала ни слова. Так вот, на самом деле Джордж Вашингтон еще мальчишкой отличался таким бешеным нравом, что с ним никто не мог совладать. Как-то в припадке ярости он срубил все фруктовые деревья, которые посадил его отец, а другой раз, когда отец собрался его высечь, пригрозил раскрыть родителю голову топором. А уж как натерпелась от него в старости жена! Я не раз слыхала от дедушки о том, что генерал у него на глазах терзал и честил ее, бедняжку, пока она вся в слезах не уходила из комнаты. А однажды в Маунт-Верноне дед собственными глазами видел, как Вашингтон – он был тогда уже совсем старик – набросился на безобидного посетителя и гнал за ним до самых ворот, норовя ударить по голове своей толстой суковатой палкой, и все из-за того, что бедняга оказался заикой, а генерал терпеть не мог, когда кто-нибудь з-з-заикался.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org Каррингтон и Гор покатывались со смеху, слушая это описание Отца американской нации, а Виктория продолжала стрекотать, просвещая лорда Данбега по части других предметов, о которых сообщала столь же фантастические подробности, пока бедный лорд окончательно не убедился, что судьба столкнула его с самой эксцентричной особой на свете. Они уже прибыли в Маунт-Вернон, а мисс Сорви все не унималась, описывая американское общество и его нравы, в особенности те правила, согласно которым каждый молодой человек был обязан вступить в законный брак. Если верить ее рассказам, во всех штатах южнее Потомака лорд Данбег постоянно подвергался опасности: по местным обычаям, от всех холостых джентльменов, а особенно иностранцев, ожидалось, что они будут предлагать руку и сердце по крайней мере одной юной леди в каждом городе.

– Не далее как вчера, – сообщила Виктория, – я получила письмо от подруги из Северной Каролины, очень миленькой. Она пишет, что не знает, как ей быть: ее братья отправились с заряженными ружьями к заезжему англичанину, и она боится, как бы бедняга не отдал богу душу, уж лучше бы она ему отказала!

Тем временем на противоположной стороне, куда не достигали взрывы смеха, раскатывавшиеся вокруг мисс Сорви, Маделина вела степенную, серьезную беседу с лордом Скаем и сенатором Рэтклифом. Лорд Скай, который, как и его соотечественник, был опьянен лучезарным утром, не переставал восхищаться величественной рекой и попрекать американцев в небрежении красотами собственной страны.

– Вы, американцы, – заявил он, – смотрите на мир глазами, словно лишенными век. Вам требуется ослепительный блеск и торные дороги. А если тень, то такой густоты, чтобы ее можно было резать ножом. Красоту, смягченную виргинской зимой, вы уже не воспринимаете.

Миссис Ли решительно отвергла подобное обвинение. Просто, возразила она, в отличие от Европы Америка не истаскала до дыр своих чувств. У нее еще все впереди, она ждет своих Бёрнсов и Вальтеров Скоттов, своих Вордсвортов и Байронов, своих Хогартов и Тёрнеров.

– Вы хотите персиков весной, – сказала она. – Дайте нам десять веков с жарким солнечным летом, а потом уже, если угодно, жалуйтесь, что наши персики не так сочны, как ваши. За такой срок, возможно, смягчатся даже наши голоса, – добавила она, многозначительно взглянув на лорда Ская.

– Где нам спорить с миссис Ли, – обратился тот к Рэтклифу, – она кончает как адвокат и тут же начинает как свидетель. Даже речи из уст прославленной герцогини Девонширской [22 – Джорджана Кавендиш, герцогиня Девонширская (1757–1806), приобрела известность выступлениями в поддержку кандидатуры Генри Фокса на парламентских выборах в 1784 г.] не были и в половину так убедительны, как произнесенные голосом миссис Ли.

Рэтклиф слушал с неослабным вниманием, согласно кивая всякий раз, когда ему казалось, что этого хочет миссис Ли. Он многое бы дал, чтобы разобраться, что такое тона и полутона, цвета и гармония цветов.

Так, за разговорами, они прибыли в Маунт-Вернон и двинулись вверх по солнечной тропинке. У могилы Вашингтона они, как все добрые американцы, остановились, и мистер Гор произнес краткую речь, в которой слышалась затаенная скорбь.

– Было бы много хуже, – сказал он, обозревая надгробие эстетическим взглядом цивилизованного бостонца, – если бы здесь вздумали наводить красоту. В своем нынешнем виде это надгробие – несчастье, которое может постичь каждого. Не будем из-за этого слишком огорчаться. Подумайте, что бы мы испытали, если бы какой-нибудь из комитетов конгресса решил его реконструировать, одев белым мрамором с готическими башенками снаружи и позолотив по наложенной машинным способом штукатурке внутри.

Маделина, однако, придерживалась иного мнения: в том месте, где памятник стоит, он коробит глаз, нарушая гармонию пейзажа, и противоречит ее представлениям о покое в могиле. И снова Рэтклиф не понял, что она хотела сказать.

Они отправились дальше и, миновав лужайку, вошли в дом, где их глаза,

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org уставшие от резких красок и форм большого города, с наслаждением отдохнули на источенных временем панелях и покрытых пятнами стенах. Несколько комнат имели жилой вид, и в массивных очагах пылал огонь. Все они были вполне сносно обставлены, и ничто в них не вызывало досадного чувства от новшеств и переделок. Путешественники поднялись по лестнице, ведущей на верхний этаж, и миссис Ли чуть было не рассмеялась при виде комнатухи, которая служила генералу Вашингтону спальней и в которой он умер.

Каррингтон тоже не сдержал улыбки.

– Наши старые дома в Виргинии по большей части все таковы, – пояснил он. – Анфилада просторных зал внизу и жалкие каморки наверху. Дом в Виргинии был своеобразной гостиницей. На время скачек, или свадьбы, или танцев он наполнялся снизу доверху, и никто не видел ничего дурного, когда в такую спальню набивалось с полдюжины людей. А если комната была побольше, посередине вешали простыню, и она отделяла женщин от мужчин. Что же касается утреннего туалета, в те времена не увлекались холодным душем. Небольшого омовения нашим предкам хватало надолго.

– Вы и сейчас в Виргинии так живете? – спросила Маделина.

– О нет. Это все в прошлом. Теперь мы живем, как все сельские жители, и пытаемся расплатиться с долгами, которыми не были обременены наши отцы. Они жили как живется. Держали полные конюшни лошадей. Молодые люди разъезжали верхом по всей округе, держали пари на скачках, играли в карты, бражничали, устраивали кулачные бои и волочились за женщинами. Никто не знал, чего она стоит, пока пятьдесят лет назад не разразилась катастрофа и все это кончилось.

– Совсем как у нас в Ирландии! – воскликнул Данбег, проявляя живой интерес: он как раз вынашивал замысел своей статьи для «Куотерли». – Полнейшее сходство! Даже дома такие же.

Тогда миссис Ли спросила Каррингтона напрямик: значит, он сожалеет о разрушении прежнего социального уклада.

– Как не жалеть, – отвечал Каррингтон. – Что бы там ни было, но из него вышел Джордж Вашингтон и целая плеяда людей той же породы. Правда, думается, мы и нынче могли бы ковать стоящих людей, если бы перед нами лежало такое же поле деятельности.

– Значит, будь это в вашей воле, вы возродили бы тогдашнее общество?

– К чему? Оно не сумело себя отстоять. Сам Вашингтон не смог бы его спасти. В конце жизни генерал потерял власть над Виргинией, его сила иссякла.

Компания на время разошлась, и миссис Ли оказалась одна в просторной гостиной, куда вскоре вошла давешняя блондинка, миссис Бейкер, с девочкой. Девочка принялась бегать по комнате и так расшумелась, что это вряд ли понравилось бы миссис Вашингтон. Маделина, как все женщины любившая детей, подозвала девочку, показала ей пастухов и пастушек, изваянных на белом итальянском мраморе, выстилавшем камин, и тут же, чтобы развлечь малышку, сочинила о них короткую сказочку. Все это время миссис Бейкер стояла рядом и, когда рассказчица исчерпала свой сюжет, рассыпалась в благодарностях куда более горячих, чем она того заслуживала. Экспансивные манеры миссис Бейкер, как и цвет ее лица, не располагали к себе миссис Ли, и она была рада, когда на пороге появился Данбег.

– Как вам нравится генерал Вашингтон у себя дома? – спросила она.

– Знаете, – сказал Данбег, расплывшись в умильной улыбке, – я, право, и сам чувствую себя здесь как дома. Генерал Вашингтон, без сомнения, был ирландец. Мне это совершенно ясно – достаточно взглянуть на его дом. Я непременно найду подтверждение своей гипотезе и напишу об этом статью.

– Ну раз вам все так ясно, – сказала Маделина, – думаю, самое время перекусить. Я взяла на себя смелость распорядиться, чтобы нам накрыли на свежем воздухе.

На веранде их ждал импровизированный стол, и мисс Сорви уже придирчиво оглядывала расставленные на нем блюда, попутно делая замечания на счет

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
кухни и погреба лорда Ская.

– Надеюсь, шампанское будет сухое, – обронила она. – У сладкого такой омерзительный вкус.

Виктория Сорви так же мало разбиралась в сухом и сладком шампанском, как в вине, которым утолял жажду Улисс, разве что с равным удовольствием пила и то и другое; она просто копировала одного из секретарей британской миссии, который потчевал ее за ужином на последнем приеме. Лорд Скай предложил ей выпить шампанского, что она немедленно исполнила, после чего с серьезнейшим видом заявила – в нем, пожалуй, градусов пять. Выражение это она почерпнула из того же источника, а что оно означает, знала не больше попугая.

Завтрак прошел на редкость весело, и еда была отменная. Когда встали из-за стола, джентльменам было разрешено курить, и разговор принял более строгое направление, грозя стать совсем серьезным.

– Вы все гоняетесь за полутонами! – сказала Маделина лорду Скаю. – Разве вам мало полутонов в стенах этого дома?

– Это, скорее всего, – возразил лорд Скай, – следствие того, что Вашингтон принадлежал, так сказать, вселенной и в своих вкусах не руководствовался местными правилами.

– Разве вас не охватывает здесь чувство покоя? – продолжала Маделина. – Взгляните на этот презабавный сад, на эту неровную лужайку, на величественную реку за ней, на разрушенный форт по ту сторону реки! Здесь все дышит миром и покоем, вплоть до комнатушки, служившей генералу спальней. Так и хочется улечься в ней и проспать целый век. А ведь всего в десяти милях отсюда стоит наше чудище – Капитолий, и рыщут искатели теплых мест.

– Нет, такие речи я сносить не согласна! – воскликнула мисс Виктория театральным тоном. – Наше чудище – Капитолий! Как бы не так! Да без этого чудища никого из нас здесь бы не было! Разве только, возможно, я.

– Вы вполне подошли бы на роль миссис Вашингтон.

– Сегодня утром мисс Сорви была так любезна, что изложила нам свое мнение о генерале Вашингтоне, – вставил Данбег.

– Увы, у меня пока не было времени спросить мистера Каррингтона, что он думает на этот счет.

– Все, что бы ни высказала мисс Сорви, неоценимо, – откликнулся Каррингтон. – Но сильная ее сторона – факты.

– Не льстите мне, мистер Каррингтон, – протянула мисс Сорви. – Я в этом не нуждаюсь, да и в ваш стиль это не вписывается. Скажите, лорд Данбег, ведь правда, в мистере Каррингтоне есть что-то от генерала Вашингтона в пору его расцвета.

– После всего, что вы поведали нам о генерале Вашингтоне, мисс Сорви, могли бы вы с нами согласиться?

– При всем том, – сказал лорд Скай, – по-моему, нельзя не согласиться, что, рассказывая нам о прелестях Маунт-Вернона, в главном мисс Сорви права. По дороге сюда даже миссис Ли согласилась с тем, что генералу – а он теперь единственный обитатель этих мест – тягостно в своей могиле. Я и сам не питаю склонности к вашему ужасному Капитолию и все же предпочитаю его сельской жизни. Именно этим я объясняю, почему ваш великий генерал не вызывает у меня восторженных чувств. Он как раз любил только такую жизнь. И, по-видимому, куда больше проявил себя как виргинский плантатор и домосед, чем как генерал или президент. Я не говорю уже о его невероятной докучливости – что ему за нее пенять: он не был дипломатом и не обязан был притворяться, но, пожалуй, мог хотя бы раз выйти за пределы Маунт-Вернона.

Тут вмешался Данбег, выражая ярый протест, и слова посыпались из него так, словно каждое спешило обогнать другое и вырваться первым:

– Все наши великие соотечественники тоже были сельскими

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
сквайрами-домоседами. Я сам сельский сквайр-домосед.

– Как интересно! – шепотом произнесла мисс Сорви.

– Хорошо вам, джентльмены, мерить генерала Вашингтона своей меркой, – вступил в беседу мистер Гор. – А каково нам, уроженцам Новой Англии, которые никогда не были сельскими джентльменами и не питали любви к штату Виргиния. Что сделал Вашингтон для нас? Он ведь даже и не притворился, что мы ему по нраву. Сохранял с нами учтивый тон, и только. Но я не ишу на нем вину: кому же не известно, что его сердце целиком было отдано Маунт-Вернону. И тем не менее мы боготворим генерала Вашингтона. Для нас он олицетворение Нравственности, Справедливости, Долга, Истины; все это и еще с полдюжины римских богов, которые пишутся с прописной буквы. Суровый, одинокий, величественный, он достоин быть нашим кумиром. Право, мне неловко, что я ем, пью, курю здесь у него на веранде без его разрешения, позволяю себе расхаживать по его дому и в его отсутствие критиковать комнату, в которой он спал. Представьте себе – на том берегу слышится топот копыт и вот сам генерал появляется у крыльца, оглядывает нас – непрошенных гостей. Я предоставил бы вас его гневу, а сам бежал и спрятался на пароходе. Одна мысль об этом наводит на меня страх.

Рэтклиф слушал Гора, видимо забавляясь этими полусерьезными признаниями.

– Вы вызываете у меня в памяти чувства, – сказал он, – которые я испытывал мальчишкой, когда отец заставлял меня учить наизусть Прощальную речь [23 – Имеется в виду речь Дж. Вашингтона, произнесенная им 19 сентября 1796 г., в которой он изложил свои идеи демократического правления. В марте 1797 г. Вашингтон, уйдя в отставку, поселился в Маунт-Верноне.]. В те дни генерал Вашингтон был своего рода американским Иеговой. Но Запад – плохая школа для почитания кумиров. А с тех пор, как меня избрали в конгресс, я чего только не узнал о генерале Вашингтоне и очень поразился, обнаружив, на какой незначительной основе покоится его репутация. Честный служака, наделавший порядком ошибок и имевший под своим началом не больше солдат, чем в нынешнем армейском корпусе, он потому так возвеличен в Европе, что не провозгласил себя королем – будто у него была хоть малейшая возможность это сделать! Добропорядочный, дотошный президент, он пользовался таким почтением у оппозиции, что на его месте даже младенец справился бы с управлением страной, но его оно смертельно утомляло. Его официальные бумаги вполне сносно составлены и отличаются здравым смыслом, присущим среднему гражданину. Но сегодня в Соединенных Штатах найдется сотня тысяч людей, которые написали бы их не хуже. Мне думается, что его привязанность к этому месту возникла отчасти из сознания недостаточности своих сил и боязни ответственности. В нынешнем правительстве не меньше десятка людей, равных ему по способностям, но мы не станем делать из них кумиров. Меня в Вашингтоне более всего удивляет вовсе не его военный или политический талант – сомневаюсь, что он был человеком большого таланта, – а странное, присущее скорее янки скопидомство в денежных делах. Он считал себя очень богатым, но ни разу не истратил хотя бы доллар просто так. Он был чуть ли не единственным известным мне виргинцем из подвизавшихся на общественной арене, который умер, не оставив после себя непоплаченных долгов.

Во время этой длинной речи Каррингтон, поглядывая на Маделину и встречая ее ответный взгляд, убеждался: слова Рэтклифа ей явно не по вкусу и крайне ее раздражают. «Так, – сказал он про себя, – устроим сенатору небольшую западню и поглядим, как он из нее выкарабкается». И Каррингтон взял слово. Его слушали особенно внимательно: уроженец Виргинии, он, по всеобщему мнению, многое знал о затронутом предмете, тем паче что его семья издавна пользовалась доверием самого Вашингтона.

– Живущие окрест много лет, наверное, и теперь помнят множество историй о прижимистости генерала по части денег. Говорят, все, что покупалось на вес, он перевешивал, а поштучно – пересчитывал и, если вес или число не сходились, отсылал назад. Однажды в его отсутствие управляющий оштукатурил одну из комнат и оплатил представленный мастером счет. По возвращении генерал перемерил комнату и обнаружил, что мастер начислил себе пятнадцать шиллингов выше положенного. Человек этот успел умереть, но генерал востребовал сумму в пятнадцать шиллингов из его наследства и получил их. Другой раз один из его арендаторов привез ему арендную плату. Генерал должен был дать ему четыре пенса сдачи, и присутствовавшие, предложив в заклад доллар, попросили отложить окончательный расчет, до следующей ежегодной платы. Но генерал отказался это сделать, и фермеру пришлось

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org проделать девять миль пути до Александрии, а потом обратно из-за четырех пенсов. Однако есть и иные примеры. Как-то Вашингтон отправил к сапожнику, проживавшему в Александрии, слугу с просьбой приехать и снять с него мерку, чтобы сшить башмаки. Сапожник прислал ответ, что не в его обыкновении снимать мерку у заказчика на дому, и генерал, оседлав коня, поскакал к нему за десять миль. Кстати, он неуклонно придерживался правила платить равную сумму за завтрак в трактире как за себя, так и за своего слугу. И когда однажды трактирщик принес ему счет на три шиллинга девять пенсов за провизию, которую он съел за завтраком, и на три шиллинга за съеденную слугой, потребовал, чтобы в счет была вписана разница в девять пенсов: согласно его разумению, у слуги аппетит был не хуже, чем у него. Что скажете об этих историях? Что, свидетельствуют они о изменности его чувств?

Рэтклифу истории понравились.

– Эти факты для меня внове, – сказал он. – Впрочем, я так и думал. Ваши анекдоты рисуют человека, чьи мысли поглощены пустяками, человека, который хлопочет о мелочах. Нет, нынче мы вершим дела иным путем, чем тогда, когда приходилось выбивать урожай из гранита, как это было в Нью-Гэмпшире, где я жил мальчишкой.

На это Каррингтон ответил, что виргинцам не повезло: если бы они тогда научились вершить дела именно тем путем, каким их вершил Вашингтон, им вряд ли бы свернули шею и разорили дотла.

Гор задумчиво покачал головой.

– А что я сказал? – заявил он. – Разве этот человек не был олицетворением добродетели? Клянусь, я благоговею перед ним, мне стыдно, что мы копаемся в подробностях его жизни. Что нам до того, как он прилагал свои принципы к ночным колпакам и метелкам для пыли? Мы не лакеи в его доме, и нам нет дела до его слабостей. С нас достаточно знать, что свои добродетельные принципы он соблюдал даже в самом малом и что нам следует, всем и каждому, преклонять колена у его могилы.

Данбег, до тех пор молчавший в глубоком раздумье, спросил Каррингтона, не считает ли он, что его анекдоты рисуют отца нации довольно неумелым политиком.

– Что до политики, – сказал Каррингтон, – мистер Рэтклиф тут разбирается лучше, чем я. Это вопрос к нему.

– А Вашингтон вовсе и не был политиком, – отрезал Рэтклиф, – в том смысле, в каком мы это понимаем. Он стоял вне политики. У нас сегодня это бы не прошло. Народ не одобряет такого рода державные замашки.

– Не понимаю! – воскликнула миссис Ли. – Не понимаю, почему у вас это бы не прошло?

– Потому что я поставил бы себя в дурацкое положение, – отвечал Рэтклиф, польщенный при мысли, что миссис Ли как бы ставит его на один уровень с Вашингтоном. На самом деле она спрашивала, почему такое поведение невозможно в наши дни, и этим маленьким сдвигом Рэтклиф в своем тщеславии выдавал себя с головой.

– Мистер Рэтклиф хочет сказать, – комментировал Каррингтон, – что Вашингтон был слишком порядочен для нашего времени.

Эта реплика была брошена им с явной целью уязвить Рэтклифа и, разумеется, достигла цели: миссис Ли, повернувшись к Каррингтону, произнесла не без горечи:

– Что же, среди всех наших общественных деятелей он был единственный честный человек?

– О нет! – радостно заверил ее Каррингтон. – Нам, несомненно, повезло еще на одного, а может, даже на двух.

– Если бы остальные наши президенты были такими, как он, – сказал Гор, – на нашей короткой истории значилось бы меньше безобразных пятен.

Привычка Каррингтона доводить дискуссию до самой горячей точки окончательно вывела Рэтклифа из себя. Последнее замечание виргинца он принял на собственный счет и был уверен, что тот умышленно его оскорбил.

– Общественные деятели, – гневно возразил он, – не могут нынче рядиться в старинное платье Вашингтона. Будь он президентом сейчас, ему пришлось бы научиться нашим методам, иначе его провалили бы на следующих выборах. Только глупцы и теоретики воображают, что современным обществом можно управлять в белых перчатках и держась от него на известном расстоянии. Надо быть частью его! И если добро не может служить нашей цели, приходится использовать зло, иначе противники выгонят нас с наших мест взащей. И при Вашингтоне все было так же, как сейчас и как будет всегда.

– Полно, полно, – сказал лорд Скай, опасавшийся, что дело дойдет до открытой ссоры. – Ваша беседа балансирует на грани выдачи государственной тайны, а я – лицо, аккредитованное при правительстве. Не хотите ли, господа, прогуляться и осмотреть окрестности.

Во время прогулки по затейливому саду лорд Данбег из чувства естественной симпатии, которое заронила в его сердце мисс Сорви, шел с нею рядом. Но ум его продолжал переваривать полученные только что впечатления, а мысли витали в эмпиреях, и отсутствие должного внимания со стороны именитого гостя раздражало юную леди. Она дала несколько пояснений относительно цветов; она придумала несколько несуществующих видов, наградив их звонкими именами; она поинтересовалась, известны ли они в Ирландии, но ответы лорда Данбега были крайне невразумительны, и Виктория сочла свое дело проигранным.

– А вот и старинные солнечные часы. У вас, в Ирландии, есть солнечные часы?

– Да, разумеется! Что? Солнечные часы? О да! Честное слово! В Ирландии солнечные часы встречаются чуть не на каждом шагу.

– Вот как! Приятно слышать. Но у вас они, верно, служат только для украшения. А здесь дело обстоит иначе. Взгляните на эти часы! Они у нас все такие же! Наше нещадное солнце не для солнечных часов: они недолговечны. Мой дядя – у него плантация на Лонг-Бранч – сменил уже пятые за десять лет.

– Странно! Право, мисс Сорви, никак не пойму: как могут испортиться солнечные часы!

– Странно? Что же тут странного? Как же вы не понимаете? Часы набираются солнечной энергии и перестают отбрасывать тень. Ну совсем, как я: я так чудесно провожу свой досуг, что у меня нет времени чувствовать себя несчастной. Вы читали «Берлингтонский следопыт»?

– Нет, что-то не припоминаю. По-моему, нет. Это что – американский роман в выпусках? – запинаясь, произнес Данбег, который с трудом поспевал за своей спутницей в ее бешеных бросках туда-сюда.

– Всего нет! – отвечала Виктория. – Впрочем, боюсь, вам такое чтение будет не по зубам. Так что и не пытайтесь.

– А вы часто его читаете, мисс Сорви?

– Я? Каждую свободную минуту! Я вовсе не такой мотылек, каким кажусь. Но мне такое чтение дается без труда. Я владею нужным языком.

К этому моменту Данбег уже окончательно очнулся, и мисс Сорви, довольная своими успехами, позволила себе перевести беседу в более рациональное русло, пока легкая тень зарождающегося чувства не замаячила на их пути.

Однако тут разбредшимся по саду вашингтонским гостям пришлось собраться вновь: на пароходике ударили в колокол, призывая пассажиров на борт, и вскоре они потянулись по тропинке к берегу и заняли свои прежние места. Пароходик двинулся в обратный путь, и миссис Ли не отрывала взгляда от солнечного склона с мирным жилищем наверху, пока оно не скрылось из глаз, и чем дальше смотрела, тем больше испытывала недовольство собой. Неужели Виктория права, и она уже не способна жить в чистом воздухе? Неужели ей действительно необходимо дышать густыми испарениями большого города?

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org Неужели она, сама того не зная, уже впитала грязь окружающей ее жизни? Или прав Рэтклиф, равно принимающий и добро и зло, являющийся частью своего времени, поскольку он в нем живет? Почему, с горечью спрашивала она себя, все, чего коснулся Вашингтон, он очистил от скверны, вплоть до ассоциаций, связанных с его домом? И почему все, чего касаемся мы, кажется оскверненным? Почему, глядя на Маунт-Вернон, я чувствую себя нечистой? Не лучше ли – вопреки тому, что говорит мистер Рэтклиф, – оставаться ребенком и желать того, чего нет и не будет на свете?

Тут к ней подбежала дочурка миссис Бейкер и, увидев зонтик, стала им играть.

– Откуда у вас такая подружка? – спросил Рэтклиф.

Миссис Ли как-то не вполне уверенно отвечала, что это дочь вот той хорошенькой блондинки в черном, по фамилии, кажется, Бейкер.

– Бейкер? – переспросил Рэтклиф.

– Да, Бейкер. Миссис Сэм Бейкер – так по крайней мере отрекомендовал ее Каррингтон. Она – его клиентка, сказал он.

Рэтклиф и сам вскоре увидел, что Каррингтон подошел к упомянутой даме и не отходил от нее весь остаток пути. Рэтклиф почти не сводил с этой пары глаз; он впал в задумчивость, все больше и больше углубляясь в свои мысли, по мере того как пароходик приближался к Вашингтону.

Каррингтон же, напротив, был в превосходном расположении духа. Он полагал, что на редкость удачно разыграл свои карты. Даже мисс Сорви соизволила признать за ним обаяние. Она объявила себя нравственным *alter ego* [24 – Двойник; второе «я» (лат.).] Марты Вашингтон и в серьезном тоне принялась обсуждать вопрос, кто из двух джентльменов – Каррингтон или Данбег – больше подойдет ей в качестве генерала Вашингтона.

– Мистер Каррингтон был бы в этой роли идеален, – верещала она. – Но, ах, такое блаженство быть Мартой Вашингтон и вдобавок графиней!

ГЛАВА VII

Когда в тот вечер сенатор Рэтклиф возвратился домой, его, как он и предполагал, ожидало избранное общество друзей и поклонников, которые с полудня коротали время, ругая его на все корки в самых сильных выражениях, какие только подсказывал им опыт и рождало нетерпение. Со своей стороны сенатор, дай он волю собственным чувствам, тут же выпроводил бы их всех до единого и запер за ними дверь. Вряд ли одно из крепких слов, которыми сыпали его гости, могло сравниться по силе и выразительности с теми, какие он мысленно цедил сквозь зубы, выражая свое отношение к их непреходящим интересам.

Трудно было бы найти общество, менее отвечавшее его нынешнему расположению духа, чем то, которое собралось у него в кабинете. Садясь за письменный стол, он испустил неслышный страдальческий стон. Десятки искателей должностей осаждали его дома – людей, чьи патриотические подвиги на последних выборах громко требовали признания у благодарной страны. Они являлись к сенатору с прошениями, домогаясь, чтобы он скрепил их своей подписью и проследил за продвижением. В кабинете Рэтклифа постоянно толклись несколько членов конгресса и сенаторов, в глазах которых он если и имел право на существование, то исключительно как неустанный борец за их подопечных; господа законодатели почитывали газеты или коротали время, дымя кто трубкой, кто сигарой, и изредка, со значительными паузами, отпускали плоские замечания с таким видом, словно не их избиратели, а сами они крайне тяготились атмосферой, окружавшей их правительство, величайшее из всех, какие есть под солнцем. Наведывались сюда и корреспонденты, жаждавшие поделиться добытыми новостями в обмен на намек или догадку, выпорхнувшую из уст сенатора, и, опустившись в кресло возле его стола, таинственно с ним шушукались.

Рэтклиф привык работать в такой обстановке часами, механически исполняя свои обязанности – подписывал бумаги, которые не читал, отвечал на реплики,

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org которые не слышал, – и все это не отрывая головы от стола, как человек, целиком поглощенный делами. Таким путем он спасался от любопытствующих и болтливых. Отговорка занятостью служила ему завесой, за которой он скрывался от мира. За этой завесой, отгородившись от суеты вокруг, он раскидывал мыслями, одновременно слыша то, что говорилось, но ничего или почти ничего не говоря сам. Его сторонники уважали эту замкнутость и оставляли его в покое. Он был их пророк и имел право на уединение. Он был их вожак, и, пока он восседал, уйдя в себя и изредка цедя слово-другое, его «потрепанный шлейф» располагался в различных позах вокруг, и лишь иногда то один, то другой что-то произносил или пускал словцо позабористее. А в минуты полного молчания они поддерживали себя газетами и табаком.

В тот вечер и на лицах и в голосах Рэтклифова клана заметна была печать уныния – не столь уж редкий случай для доблестного воинства накануне битвы. Интервалы между репликами длились дольше обыкновенного, да и сами реплики были менее обыкновенного осмысленны и целенаправленны. В поведении и тоне не хватало гибкости, отчасти из сочувствия явному унынию самого шефа, отчасти же из-за страха перед неизвестностью. Прибытие нового президента ожидалось в течение ближайших сорока восьми часов, однако никаких признаков того, что он должным образом ценит их услуги, пока не наблюдалось. Напротив, налицо были бесспорные признаки того, что он считает, будто его бессовестным образом провели и обманули, в результате чего он поворачивается лицом к противоположному лагерю, а их жертвы на алтарь государственности ни во что не ставит. У них было основание полагать, что новый президент едет с намерением начать против Рэтклифа войну не на жизнь, а на смерть; что он станет протезировать не сторонникам Рэтклифа, а, напротив, тем лицам, которые будут их нещадно ущемлять. При мысли, что все честно заработанные ими блага – должности в иностранных миссиях и консульствах, в департаментах и на таможне, в налоговом и почтовом ведомствах, в индейских агентствах, все разнообразие контракты на поставки для армии и флота, будут, скорее всего, вырваны из их рук из-за алчности этого случайного пришельца, человека, никому не нужного и всеми осмеиваемого, – при мысли об этом все в них восставало, и они сердцем чувствовали, такого быть не должно! А если такое возможно, нет и тени надежды на демократическое управление страной! Дойдя до этой посылки, сторонники Рэтклифа неизбежно приходили в возбуждение, утрачивали обычную сдержанность и принимались сыпать отборной бранью. Потом хором клялись в верности своему шефу и возглашали, что если есть на свете человек, способный вытащить их из ямы, так это он: как-никак президент не может с ним не считаться, а кому же не известно, какой он, Рэтклиф, кремень и что зубы ему не заговоришь.

Тем не менее, если бы они могли в тот момент заглянуть сенатору в душу и разобраться в том, что в ней происходит, их вера в него, скорее всего, пошатнулась бы. Рэтклиф был по всем статьям на голову выше своего окружения, и сам это знал. Он жил в собственном мире, и влечение к утонченному и изящному вовсе не было ему чуждо. Всякий раз, когда его дела давали осечку, влечение это оживало в нем и на время завладевало всем его существом. Так происходило с ним и сейчас. Он испытывал отвращение и откровенное презрение ко всем формам политической деятельности. Долгие годы он, не жалея сил, служил своей партии, продавался дьяволу, вил из себя веревки, работал с таким адским упорством, на какое не способны даже поденщики. А для чего? Чтобы даже не быть выдвинутым кандидатом в президенты, чтобы попасть под пяту мелкого фермера из штата Индиана, который не делает секрета из того, что намерен «освежевать» сенатора и, как он изволил изящно выразиться, «сожрать с потрохами». Не то чтобы Рэтклиф так уж боялся за свои «потроха», но его жгла обида, что ему придется себя защищать – защищать после двадцати лет служения партии. Как большинство людей в подобной ситуации, он не переставая мысленно составлял две колонки своих счетов с партией и задавал себе вопрос, лежащий в основе испытываемой им обиды: что он дал партии и что та дала ему? Заниматься самоанализом у него не было настроения: для этого требовалось больше свободного времени, чем он в настоящий момент располагал. Что до президента, не удостоившего Рэтклифа и звуком после его дерзкого письма Граймзу, которое тот остерегался кому-либо показывать, то сенатором владело неудержимое желание поучить Главу исполнительной власти более разумному поведению и лучшим манерам. Касательно же политической жизни, события последних шести месяцев были таковы, что любому гражданину внушали сомнения в ее ценности. Ничего, кроме неприязни, он к ней не испытывал. Ему опротивел вид его окружения, вечно жующего табак и шуршащего газетами, – этих его приверженцев, которые носили шляпы сдвинутыми на любую сторону, кроме должной, помещали ноги на

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org что угодно, кроме пола. Его коробило от их разглагольствований, а их общество стало невыносимым. Терпеть подобное рабство дольше у него не было охоты. Он с наслаждением отдал бы свое место в сенате за уютный дом, такой, как у миссис Ли, с хозяйкой, такой, как миссис Ли, и двадцатью тысячами годового дохода. В тот вечер он лишь раз улыбнулся, когда представил себе, как быстро она выпроводила бы из своих гостиных всю свору его политических соратников и как покорно они подчинились бы изгнанию в какую-нибудь заднюю комнату с линолеумом на полу и несколькими плетеными стульями. Он чувствовал, что миссис Ли нужнее ему, даже чем пост президента: он уже не мог без нее обходиться; ему требовалось человеческое участие; христианское пристанище на старости лет; какие-то пути общения со светским обществом, рядом с которым нынешнее его окружение выглядело холодным и низким; атмосфера утонченности ума и нравов, по сравнению с которыми бы собственными казались грубыми. Он чувствовал себя невыразимо одиноким. Как жаль, что миссис Ли не позвала его к себе отобедать! Но у миссис Ли разболелась голова, и она легла в постель. Ему не придется видеть ее целую неделю. Его мысли вернулись к утру в Маунт-Верноне, и, невольно вспомнив о миссис Бейкер, он потянулся за листом бумаги и набросал несколько строк, адресованных Уилсону Кину, эсквайру, проживающему в Джорджтауне. Рэтклиф просил его прийти к нему домой по возможности завтра около часа по делу. Уилсон Кин ведал Секретной службой при министерстве финансов, и к нему, как к хранителю всех секретов, сенаторы часто прибегали за помощью, каковую он с готовностью им оказывал, в особенности тем, кто имел шанс оказаться главой министерства.

Отправив записку, Рэтклиф вновь погрузился в размышления, и, видимо, эти думы привели его в еще худшее расположение духа, пока, наконец, мысленно облегчив душу крепким словом и решив, что «с него хватит», он, внезапно поднявшись, не объявил присутствующим, что, к сожалению, вынужден их покинуть: ему нездоровится и он идет спать. Он тут же это и осуществил, а гости его разошлись кто куда: кто по делам, кто просто так – одни пить виски, другие немного передохнуть.

В воскресенье утром Рэтклиф по обыкновению отправился в церковь. Он неизменно посещал утреннее богослужение – в Методической епископальной церкви, – не столько из истой веры, сколько в силу того обстоятельства, что значительное число его избирателей были исправными прихожанами, и ему вовсе не хотелось выказывать неуважение к их принципам, потому что нужны были их голоса. В церкви он сидел, не отрывая взгляда от священника, но к концу проповеди мог бы по чести признаться, что не слышал из нее ни слова, хотя достопочтенному пастору доставляло огромную радость внимание, которым его удостаивал сенатор от Иллинойса, – внимание тем более похвальное ввиду забот о благе общества, вероятно, в тот момент, как и всегда, занимавших сенаторские мысли. В этом последнем своем предположении священник был прав. Мысли мистера Рэтклифа были заняты заботами об общественном благе, и одной из главных причин, по которой он поспешил в церковь, была надежда урвать час-другой, чтобы поразмыслить кое о чем без помех. На протяжении всей службы он мысленно вел воображаемые разговоры с новым президентом. Одну за другой перебирал он в уме различные формы, в которых президент мог преподнести ему свое предложение, всевозможные ловушки, которые могли быть ему расставлены, все маневры в обхождении, какие он мог ожидать, чтобы не оказаться застигнутым врасплох и при своей открытой, простой натуре не впасть в замешательство. Один предмет, однако, долго от него ускользал. Вполне возможно и даже более чем вероятно, что враждебность президента ко всему кругу связанных с Рэтклифом людей сделает невозможным их продвижение на должности, и, следовательно, будет необходимо ввести в кабинет какое-то новое лицо, не вызывающее неприязни у президента. Кто мог бы им стать? Рэтклиф долго и тщательно тасовал в уме различные кандидатуры, выбирая человека, который соединял в себе наибольшее влияние в политических кругах с наименьшим числом врагов. Как раз этот вопрос больше всего занимал сенатора, когда богослужение подходило к концу. По дороге домой он все еще об этом думал. И только дойдя до порога, пришел к решению: самым подходящим был Карсон, Карсон из Пенсильвании, о котором президент, скорее всего, ничего не слышал.

В кабинете сенатора уже сидел, ожидая его, мистер Уилсон Кин, крупный мужчина с квадратным лицом и добродушными, живыми светло-синими глазами; он был немногословен и каждое свое слово взвешивал. Разговор длился недолго. Принесся извинения в том, что потревожил его в воскресный день, сенатор сослался на крайнее обстоятельство: до конца сессии остаются считанные дни, а в одном из подведомственных ему комитетов проходит билль, о котором ему

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org не сегодня-завтра придется доложить. Билль этот связан с проблемой, единственный ключ к решению которой находился в руках Сэмюэла Бейкера, известного в Вашингтоне лоббиста. Но Бейкер умер, и мистер Рэтклиф желал бы выяснить, не осталось ли после покойного каких-нибудь бумаг, в чьих руках они находятся и не было ли у него партнера или доверенного лица, посвященного в его дела.

Мистер Кин записал суть вопроса, заметив на ходу, что хорошо знал Бейкера и – правда, не столь коротко – его жену, которая, надо полагать, была в курсе мужниных дел не меньше, чем он сам, и все еще обретается в Вашингтоне. Необходимые сведения будут, по всей вероятности, собраны за день, много два. С этими словами мистер Кин поднялся, чтобы откланяться, но сенатор задержал его, добавив, что требуется соблюдать полную тайну, поскольку тут замешаны некие значительные силы, в чьих интересах помешать выяснению истины, и не стоит эти силы пробуждать. Мистер Кин согласно кивнул и удалился.

Все это выглядело достаточно естественно и вполне пристойно, по крайней мере на поверхности. Если бы мистер Кин оказался излишне любопытен к чужим делам и пустился бы на поиски той законодательной акции, которая легла в основу запроса Рэтклифа, ему пришлось бы очень долго рыться в анналах конгресса и в результате только в недоумении развести руками. Дело в том, что никакой подобной акции и в помине не было. Все сказанное Рэтклифом было фикцией. Рэтклиф вряд ли хоть раз вспомнил о Бейкере после его смерти, пока не увидел его вдову на борту пароходика, везшего их в Маунт-Вернон, и не обнаружил, что она каким-то образом связана с Каррингтоном. Что-то в поведении и отношении к нему Каррингтона крайне настораживало сенатора, а знакомство этого стряпчего с миссис Бейкер подсказывало мысль, что нелишне бы за ними обоими приглядеть. Миссис Бейкер, как известно, была женщиной взбалмошной, а между ее покойным мужем и Рэтклифом существовали кое-какие дела, о которых она, скорее всего, знала, – дела, которым, по мнению мистера Рэтклифа, было вовсе необязательно попадать в поле зрения миссис Ли: ему, во всяком случае, этого очень не хотелось. Что же касается предлога, который он изобрел, чтобы обратиться за помощью к мистеру Кину, то он был вполне невинный. Эта маленькая ложь никому не причиняла вреда. Рэтклиф избрал этот путь, потому что так было легче, безопаснее и быстрее получить нужные сведения. Если бы он всякий раз, когда это требовалось, дожидался возможности объявить подлинные мотивы, его дела вскоре зашли бы в тупик, а карьера была бы загублена.

Покончив с этим вопросом, сенатор от Иллинойса провел вторую половину дня, навещая «братьев»-сенаторов, и первым удостоил своего визита мистера Кребса из Пенсильвании. По многим причинам сотрудничество с этим высокоумным государственным деятелем имело для Рэтклифа первостепенное значение. Важнейшей же из всех была та, что пенсильванская группа в конгрессе отличалась единством, и ее можно было особенно удачно использовать в целях «давления». Успех же Рэтклифа в его состязании с президентом зависел от силы «давления», пускаемого им в ход. Оставаться на заднем плане, накиннув на голову председателя Верховного суда тенёта, сплетенные из всевозможных влияний, каждое из которых в отдельности не дало бы результатов, но все вместе оказывались непробиваемыми; возродить утраченное искусство римского ретиария, который, прежде чем броситься на противника с клинком, набрасывал на него с безопасного расстояния сеть, – вот в чем состоял умысел Рэтклифа и вот к чему он подводил свои маневры в течение последних недель. Какие сделки он считал нужным заключить и сколько обещаний дать, знал он один. Примерно в это время миссис Ли, к немалому своему удивлению, узнала от мистера Гора (сообщившего ей это совершенно конфиденциально), что Рэтклиф поддерживает его ходатайство о должности в испанской миссии, хотя ей всегда казалось, что Гор не пользуется особым расположением у Рэтклифа. Она также отметила, что в ее гостиной вновь появился Шнейдекупон, который тайно заговорил о беседе с Рэтклифом и попытках объединить интересы Нью-Йорка и Пенсильвании, при этом на его физиономии появлялось мрачное, почти трагическое выражение и он клялся, что ни в коем случае и никому не позволит пожертвовать принципом протекционизма. Так же внезапно, как появился, он затем исчез, а из слов Сибиллы, наивно жаловавшейся на его дурное настроение и невыносимый характер, миссис Ли вывела заключение, что сенаторы Рэтклиф, Клинтон и Кребс, объединив усилия, единым фронтом насаждают на беднягу Шнейдекулона, чтобы убрать эту мешающую им фигуру с арены действия, пока другие не получают того, что им нужно. Вот такие штрихи попадали в поле зрения миссис Ли. Она чувствовала вокруг себя атмосферу сделок и интриг, но как далеко все это простиралось, могла только

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org догадываться. Даже Каррингтон, когда Маделина поделилась с ним своими подозрениями, лишь рассмеялся и покачал головой:

– Все это частные дела, дорогая миссис Ли; вам и мне незачем обо всем этом знать.

В воскресенье после полудня Рэтклиф решил осуществить операцию с Карсоном, сенатором от Пенсильвании, которую обдумывал в церкви. Его усилия увенчались успехом. Кребс одобрил его идею и обещал, когда понадобится, продвинуть Карсона в два счета.

Рэтклиф был великим государственным деятелем. Все его маневры шли на удивление гладко. Ни один другой политик, более того, ни один деятель, когда-либо причастный к политике в Соединенных Штатах, не умел – если верить поклонникам Рэтклифа – привести в согласие такое число враждебных интересов и составить столь невообразимые коалиции. Кое-кто даже утверждал, что он способен «повязать самого президента, прежде чем старик успеет скрестить с ним клинки». Красота проводимых им операций состояла в том, как умело он обходил любые вопросы, связанные с принципами. Дело сейчас не в соблюдении принципов, а в обладании властью, утверждал он. Судьба замечательной партии, к которой все они принадлежали и которая имела на своем счету великие, незабываемые деяния, сейчас зависела от того, сумеют ли они отказаться от принципов. Их принципом должно стать отсутствие принципов. Находились, правда, отдельные личности, возражавшие Рэтклифу: он-де дает обещания, которые не сможет выполнить, а его коалиции содержат дьявольские семена раздора. Но Рэтклиф рассудительно отвечал, что коалиции нужны ему разве что на неделю, а уж за этот срок его обещания еще не утратят силы.

Таково было положение дел, когда в понедельник во второй половине дня новый президент прибыл в Вашингтон. И комедия началась. Подобно Аврааму Линкольну или Франклину Пирсу, в политической математике он был неизвестной величиной. Девять месяцев назад, когда на национальном конвенте после нескольких десятков бесплодных голосований Рэтклиф недобрал трех голосов, его противники поступили именно так, как он поступал сейчас: отбросив принципы, они выдвинули кандидатом в президенты простого фермера из Индианы, чей политический опыт ограничивался выступлениями на митингах в родном штате и годом пребывания на посту губернатора. Они поставили на этого малого не потому, что считали его достойным быть президентом, а потому, что надеялись таким образом вырвать штат Индиана из-под влияния Рэтклифа, и так в этом деле преуспели, что в течение пятнадцати минут сторонники Рэтклифа оказались разбиты на голову, и президентство свалилось на нового политического Будду.

Он начал свой жизненный путь рабочим в каменоломне и, не без основания, гордился этим. Во время предвыборной кампании этому факту его биографии, разумеется, уделялось много места в подготовке мнения общества или, точнее, в рекламе для общества. Одни называли его «Каменолом с берегов Уобаша», другие – «Камнебоец из Индианы», но чаще всего любовно именовали «Старина Кремень», что его враги, сыграв на сходстве созвучий, тотчас превратили в «Старикан Кхемен». Его изображение красовалось на тысяче ярдов коленкора, где он был намалеван с гигантской кувалдой в руках, которой разбивал представленные в виде булыжника чрепа своих противников или же обрушивал мощные удары на огромную скалу, озадачившую соперничающую партию. Его противники в свою очередь размножали карикатуры, на которых Камнебоец в одежде заключенного, отбывающего тюремный срок, размахивал над головой Рэтклифа и других известных политических лидеров детским молоточком или в облике хилого старикашки в заношенных отрепьях безуспешно пытался залатать все теми же головами до невозможности щербатую дорогу, которая должна была символизировать дурные и грязные пути, используемые его партией. Солидная публика, однако, не одобряла подобные художества, оскорбительные для приличий и здравого смысла, и редакторы – сторонники Камнебойца, стоявшие во главе наиболее чистых и высококультурных газет, в том числе и некоторых бостонских, единодушно провозглашали его человеком благородным, если не благороднейшим из всех, служивших украшением нации со времен несравненного Вашингтона.

То, что он честен, ни у кого не вызвало сомнений – точнее, у тех, кто за него проголосовал. Так всегда говорят о всех новых президентах. Сам он чрезвычайно гордился своей доморощенной честностью – качеством, присущим природным джентльменам. Считая, что ничем не обязан политикам, и всеми

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
фибрами своей бескорыстной души сочувствуя побуждениям и надеждам простого народа, он провозгласил первейшим своим долгом защиту народа от политиков – этих стервятников, этих волков в овечьей шкуре, как он их называл, этих гарпий, гиен и прочих, под каковыми наименованиями, по всеобщему мнению, подразумевал Рэтклифа и его приспешников. В своей политике он исходил исключительно из неприязни к Рэтклифу, хотя мстителен не был. В Вашингтон он явился с твердым намерением быть Отцом нации; завоевать почетное бессмертие... и победу на следующих выборах.

Против этого джентльмена Рэтклиф и пустил в ход все формы «давления», какими располагал в Вашингтоне и вне его. С того момента, как Каменолом покинул свой скромный домишко в Южной Индиане, он оказался в плену у друзей Рэтклифа и тонул в изьявлениях любви. Они ни на секунду не допускали в его сознание мысли о возможности недобрых к нему чувств. Они исходили как из само собой разумеющегося факта, что между ним и партией существует самая сердечная приязнь. По прибытии в Вашингтон они установили для него режим, пресекавший любой контакт или воздействие, кроме их собственных. Осуществить все это не составило чересчур большого труда, потому что при всем величии его положения Каменолом обожал, чтобы ему постоянно твердили о величии, а в обществе этих людей он чувствовал себя исполином. С ним ехало небольшое число личных друзей, но и их сумели обработать, сыграв на их слабостях, прежде чем они пробывали в Вашингтоне день.

Не то чтобы Рэтклиф принимал непосредственное участие в этих подспудных и обволакивающих маневрах. Мистер Рэтклиф был человеком с чувством достоинства и самоуважения – заниматься мелочами он предоставлял своим подчиненным. Сам он спокойно ждал, когда президент, отдохнув от утомительного путешествия, почувствует воздействие вашингтонской атмосферы. В среду утром мистер Рэтклиф, отправляясь в сенат, вышел из дому на час ранее обыкновенного и посетил отель, где остановился президент. Его провели в большую залу, где Глава исполнительной власти как раз принимал посетителей, однако при виде Рэтклифа все они ретировались – кто схоронился по углам, кто, схватив шляпу, покинул помещение. Президент оказался человеком лет шестидесяти, с резкими чертами лица, крючковатым носом и жидкими прямыми сидящими волосами. Голос у него был даже грубее, чем черты лица, и Рэтклифа он принял хуже некуда. Со времени отъезда из Индианы жизнь стала для президента мукой. Там, в родном штате, ему казалось, что убрать Рэтклифа – дело, как он выразился, плевое, но в Вашингтоне все обернулось иначе. Даже его друзья из Индианы мрачнели, когда он заговаривал об этом, и качали головами. Они советовали ему вести себя осторожно и стараться выгадать время, довести Рэтклифа до ссоры и, по возможности, свалить на него вину. Поэтому сам он находился в положении дрессируемого медведя – существо крайне обозленное, крайне грубое и в то же время совершенно растерянное и несколько напуганное. Рэтклиф посидел у него минут десять, получив полную информацию касательно более, не отпуская президента всю прошлую ночь, вследствие – как он полагал – чрезмерной порции омара – деликатеса, на который он приналег, дабы отвлечься от государственных забот. Когда все подробности были исчерпаны и сочувствие выражено, Рэтклиф поднялся и откланялся.

Все известные политикам приемы были пущены в ход. На Камнебойца из Индианы одна за другой посыпались делегации от штатов с наказами и требованиями, исключавшими друг друга, и среди прочих массачусетское лобби в качестве своего единственного пожелания ходатайствовало о назначении мистера Гора в испанскую миссию США. Какие только трудности не изобретались, чтобы сбить с толку и лишить покоя президента! Предлагались заведомо неверные ходы, сообщались ложные сведения, тщательно перемешанные с истинными. Этот дикий перепляс шел на его глазах с зари до полуночи, пока от попыток хоть что-то понять у него не начала пухнуть голова. Нашлось и средство, чтобы переманить одного из его личных, задушевных друзей, который прибыл с ним из Индианы и у которого оказалось больше мозгов или меньше принципов, чем у прочих; и от него каждое слово, оброненное президентом, попадало прямо Рэтклифу в уши.

Рано утром в пятницу мистер Томас Лорд, конкурент покойного Сэмюэла Бейкера и наследник его успехов, появился в квартире Рэтклифа, когда сенатор в одиночестве завтракал бараньей отбивной с яйцом. Мистеру Лорду было поручено осуществлять надзор над окружением президента и направлять в нужное русло дела, связанные с интересами Рэтклифа. Кое-кто назвал бы подобную деятельность шпионством; но мистер Лорд смотрел на нее иначе – как на общественную обязанность. Он доложил, что «старикан» наконец дал

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org слабину. Вчера поздно вечером, попыхивая трубкой в компании, составлявшей его «кухонный кабинет», он вновь заговорил о Рэтклифе и, разразясь отборной бранью, поклялся, что еще покажет ему, где его место, и с этой целью предложит такой пост в кабинете, от которого ему станет «тошнее, чем борову, завязавшему брюхо». Из этого высказывания и нескольких последующих намеков напрашивался вывод, что Каменолом отказался от первоначального плана предать Рэтклифа немедленной политической смерти и намерен ввести его в кабинет, специально набранный таким образом, чтобы связать его по рукам и всячески попирать. Президент, видимо, горячо приветствовал высказанную одним из своих советников мысль, что в кабинете Рэтклиф будет менее опасен, чем в сенате, а когда настанет время, его легко будет вышвырнуть.

Пока мистер Лорд лихо передразнивал президента, передавая особенности его языка и замашки, Рэтклиф только хмуро улыбался, но упорно молчал: он ждал, когда президент перейдет от слов к действиям. В тот же вечер сенатору доставили письмо от личного секретаря президента: его просили прибыть для беседы, если возможно, завтра, в воскресенье, к десяти часам утра. Письмо было кратким и официальным. Рэтклиф тут же послал сказать, что придет, и ему было очень досадно, когда президент по полному незнанию этикета даже не понял, что в такой устной форме ответа содержится намек: не угодно ли научиться хорошим манерам. Сенатор явился точно в назначенное время и застал президента в еще худшем, чем прежде, расположении духа. На этот раз он не стал избегать щекотливых тем. Напротив, желая показать Рэтклифу, кто является хозяином положения, президент сообщил сенатору о своем решении. Он сразу взял быка за рога.

– Я послал за вами, – сказал он, – чтобы обсудить состав моего кабинета. Вот список лиц, которых я намерен в него пригласить. Вам, как увидите, предназначается пост в министерстве финансов. Ознакомьтесь со списком и выскажите ваше мнение.

Рэтклиф взял список и, не заглядывая в него, положил на стол.

– У меня не может быть никаких возражений против любого назначенного вами состава кабинета, – отвечал он, – при том условии, что я в него не войду. Я желал бы остаться там, где я сейчас. На этом месте я принесу больше пользы вашей администрации, чем в кабинете.

– Значит, вы отказываетесь? – прорычал президент.

– никоим образом. Просто я не берусь что-либо советовать или даже выслушивать имена моих возможных коллег, пока не решено, что мои услуги действительно понадобятся. Если же они необходимы, я готов оказывать их независимо от того, с кем вместе мне придется служить.

Президент бросил на него растерянный взгляд. Он не знал, что ему дальше делать. Ему требовалось время, чтобы это обдумать. Но Рэтклиф стоял тут же, и нужно было отпустить его с каким-то решением.

– мистер Рэтклиф, – произнес он, невольно переходя на более учтивый тон, – из-за вашего отказа все полетит вверх тормашками. Я считал это дело законченным. Что еще я могу сделать?

Но Рэтклиф вовсе не собирался так вот взять и выпустить президента из своих тисков. После долгого разговора, в течение которого он вынудил противника сдать позиции и уже упрашивать его, сенатора Рэтклифа, взять на себя министерство финансов, чтобы помешать каким-то непредвиденным и грозным столкновениям в сенате, сенатор согласился дать в ближайшие два дня окончательный ответ. И с этим удалился.

В коридоре, по которому он проходил, толпилось изрядное число джентльменов, ожидавших встречи с президентом, и среди них вся делегация от штата Пенсильвания, «готовая в дело», как заметил, подмигнув, Том Лорд. Отозвав в сторону Кребса, Рэтклиф на ходу обменялся с ним несколькими словами. И когда десять минут спустя делегацию принял президент, некоторые члены с удивлением услышали, как их глава, сенатор Кребс, от их имени решительно требовал ввести в кабинет Джошуа Б. Карсона, хотя ранее им дали понять, что основная цель этого посещения рекомендовать Джареду Колдуэлла на должность почтмейстера в Филадельфии. Но Пенсильвания – штат обширный и добродетельный, а его представители целиком доверяют своему главе. Ни один из них не моргнул и глазом.

Танец демократии вокруг президента теперь возобновился с еще большей силой. Рэтклиф давал по Камнебойцу последние залпы. Двухдневная отсрочка была прикрытием, чтобы пустить в ход новые влияния. На самом деле Рэтклифу никакой отсрочки не требовалось. Ему не нужно было времени на размышление. Президент надумал поставить его перед дилеммой: либо он войдет во враждебный ему предательский кабинет, либо ответит отказом и возьмет на себя вину за раскол и ссору – не в огонь так в полымя. Что ж, он раздует огонь и сбросит в него президента! Рэтклиф как никогда чувствовал уверенность в успехе. Да, он возьмет на себя министерство финансов и готов держать пари, что не пройдет и шести недель, как управление страной будет полностью у него в руках. Его презрение к Камнебойцу из Индианы не знало границ, а уверенность в себе была прочна, как никогда.

При всей своей занятости сенатор не преминул в воскресенье вечером появиться у миссис Ли, и, застав ее одну, если не считать Сибиллы, поглощенной собственными помыслами, Рэтклиф рассказал Маделине о том, что происходило с ним за прошедшую неделю. Правда, о своих подвигах распространяться не стал. Напротив, он обошел молчанием те хитроумные ходы, которые лишили президента силы воли. Рисуя свой портрет, Рэтклиф изобразил себя одиноким и беззащитным – таким честным зверем, которого пригласили отобедать в логове льва, и вот он обнаруживает, что все следы его предшественников ведут туда, но нет ни одного оттуда. Потом он живописал во всех смешных подробностях обе встречи со львом из Индианы, в особенности историю с чрезмерной порцией омара, – все это на диалекте, на котором говорил Каменолом; он даже повторил слушок, переданный ему Томом Лордом, не погнушавшись повторить всю брань и жесты; он рассказал, как обстоят дела сейчас и какую безвыходную ловушку приготовил ему президент: он должен либо войти в кабинет, специально созданный, чтобы уничтожить его и при первой возможности наверняка с позором дать отставку, либо отказаться от предложения дружбы, что выставит его зачинщиком ссоры и позволит президенту свалить все будущие трудности на «ненасытные амбиции» сенатора Рэтклифа.

– Так вот, миссис Ли, – кончил он в сугубо серьезном тоне, – я пришел к вам за советом. Что мне делать? Как поступить?

Даже эта отнюдь не полностью открывшаяся Маделине картина подлости, извратившей политическую жизнь, этот односторонний взгляд на человеческую природу в ее неприкрытом уродстве, которая вертела интересами сорокаmillionного народа, наполнили ее душу брезгливостью и болью. Рэтклиф не утаил от нее ничего, кроме собственных нравственных болячек. Он постарался привлечь ее внимание к каждому чумному пятнышку на теле ближних своих, к каждому клоку их смердящего рубища, к каждой слизкой и зловонной луже, оставленной ими на своем пути. Таков был принятый им способ выпячивать собственные достоинства. Он хотел, чтобы она пошла с ним рука об руку через это гнилое болото, и чем отвратительнее оно будет в ее глазах, тем выше подымутся его акции. Он хотел развеять те сомнения, которые старательно внушал ей Каррингтон, в его, мистера Рэтклифа, репутации, пробудить в ней сочувствие к себе и вызвать столь свойственное женщине желание самопожертвования.

Когда он спросил, как ему поступить, она ответила, глядя ему в глаза, взглядом, исполненным возмущенной гордости:

– Я повторяю то, что уже однажды сказала: поступайте так, как лучше для блага общества.

– Да. Но что лучше для блага общества?

Маделина было открыла рот, чтобы ответить, но остановилась в нерешительности и молча перевела взгляд на огонь в камине. Что же, по сути говоря, было лучше для блага общества? Каким концом благо общества входило в этот клубок личных интриг, в эти дебри низких существ, где нет ни одной прямой дороги, а только кривые, никуда не ведущие тропинки, проложенные диким зверьем и пресмыкающимися тварями? Где же ей найти путеводную нить, идеал, который она могла бы провозгласить, образец, на который могла указать?

Рэтклиф заговорил вновь, и на этот раз в серьезнейшем, как никогда прежде, тоне.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Я попал в очень тяжелый переплет, миссис Ли. Враги обложили меня со всех сторон. Они намерены погубить меня. Но я искренне хочу исполнить свой долг. Вы однажды сказали: личные соображения не должны приниматься во внимание. Полностью согласен. Отбросим все личное. И все же, как мне быть?

Впервые миссис Ли почувствовала, что поддается его власти. Он говорил с ней просто, прямо, с глубочайшей серьезностью. Его слова растрогали ее. Могла ли она сообразить, что он играет на ее тонкой натуре так же, как играл на грубой натуре президента; что этот тяжеловесный политик с Дикого Запада обладает чутьем индейца со всей присущей ему остротой и мгновенностью восприятия; что он разгадал ее нрав и читает в нем, как изо дня в день читал по лицам и интонациям тысяч своих посетителей. Под его взглядом ей было как-то неловко. Начав фразу, она заколебалась на середине и запнулась. Она потеряла мысль и в замешательстве умолкла. Ему пришлось прийти ей на помощь и вывести из затруднения, виною которого был он сам.

– Я читаю ваши мысли у вас на лице. Вы полагаете, мне надо принять эту должность и презреть обстоятельства.

– Не знаю, – неуверенно обронила она. – Пожалуй. Да, я думаю, мне так кажется.

– А когда я стану жертвой интриг и зависти этого человека, что тогда вы подумаете, миссис Ли? Присоединитесь к общему хору и скажете, что я взял на себя больше, чем мог, и ради собственных целей сам с открытыми глазами полез в эту западню? Полагаете, обо мне станут думать лучше, потому что я дал себя поймать? Я не кричу о высоких нравственных идеалах, подобно вашему приятелю френчу. Я не стану разглагольствовать о добродетели. Но я решительно заявляю, что в своей общественной жизни всегда старался поступать по совести. Будете ли вы справедливы ко мне и поверите, что это так?

Маделина все еще боролась с собой, чтобы не дать этому человеку выманить у нее обещание в сочувствии. Как бы она к нему ни относилась, она будет держаться от него на должном расстоянии. Она не даст зарок отстаивать его дело. Она заставила себя взглянуть на него и сказала, что неважно, какие мысли приходят ей в голову, сейчас или вообще, все они вздор и ерунда, а единственная награда, на которую вправе рассчитывать общественный деятель, – это сознание, что он поступает по совести.

– Вы жестокий судья, миссис Ли, ничего не скажешь. Возможно, в душе вы так и думаете, но слова ваши звучат по-иному. Вы судите, исходя из абстрактных принципов, и мечете стрелы божественного правосудия. Вы бросаете взгляд и выносите осудительный приговор, оправдывать же отказываетесь. Я прихожу к вам накануне рокового, скорее всего, шага в моей жизни и прошу вас – подскажите, каким нравственным принципом мне руководствоваться, а вы бросаете на меня взгляд и говорите: награда в добродетели. Но где она, добродетель, вы не хотите мне открыть.

– Каюсь, – сказала Маделина кротко и печально, – каюсь, жизнь сложнее, чем мне казалось.

– Что ж, я последую вашему совету, – заявил Рэтклиф. – Я пойду в логово диких зверей, раз вы считаете, что это мой долг. Но ответственность я возлагаю на вас. Вы не вправе отказаться вести меня через опасности, которые я по вашей же милости на себя навлекаю.

– Нет! Нет! – воскликнула Маделина очень серьезно. – Помилуйте! Какая ответственность? Вы просите больше, чем я способна дать.

Он посмотрел на нее с тревожным, озабоченным выражением; его глаза, казалось, глубоко запали в обведенные темными кругами глазницы.

– Долг есть долг, – сказал он торжественным от напряжения голосом, – для вас, как и для меня. Я вправе рассчитывать на помощь всех, кто чист духом. И вы не вправе мне отказывать в ней. Как же вы можете отвергать свою долю ответственности, возлагая на меня мою?

И еще не кончив говорить, он встал и откланялся, так что она успела пробормотать лишь несколько неубедительных возражений. Когда он ушел, миссис Ли долго сидела, устремив взгляд на огонь и мысленно перебирая то,

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org что он сказал. От его намеков у нее голова шла кругом. Какая женщина в тридцать лет, с надеждою разве что на Бога, могла устоять против подобной атаки? Какая женщина с душой, видя перед собой самого могущественного из политиков своего времени – с лицом, удрученным тревогой, с голосом, трепещущим от сдерживаемого чувства, – который просил у нее совета и участия, могла не откликнуться на такой призыв? И какая женщина могла выслушать, не поникнув головой, упрек в сверхкатегоричности от человека, который тут же объявлял ее приговор окончательным? Рэтклиф обладал, ко всему прочему, завидным чутьем на человеческие слабости. Ни одна магнитная стрелка не способна была точнее указать залежи руды, чем его палец уязвимое место в чужой душе, стоило ему к ней прикоснуться. Миссис Ли не тронули бы призывы к религиозным, честолюбивым или сердечным чувствам. К подобным призывам она осталась бы глуха, они лишь перечеркнули бы все его надежды. Но она была женщиной до мозга костей. Рэтклифу не удалось вдохнуть в нее любовь, но подвигнуть ее на самопожертвование было возможно. Она не служила Богу и искупала это служением человеку. Ей, как всем женщинам, была присуща склонность к аскетизму, самоизничтожению, самоотречению. Всю свою жизнь она, не щадя себя, стремилась понять, в чем ее долг, чтобы исполнить его. Рэтклиф знал, где ее уязвимое место, когда повел на нее атаку именно с этой стороны. Подобно всем великим ораторам-адвокатам, он был актер, тем более успешный, что актерствовал с видом достоинства, исключавшим фамильярность. Он взывал к ее сердцу, к чувству справедливости и долга, к ее мужеству, верности, ко всем высоким свойствам ее натуры, и, взывая к ним, сам был почти убежден, что на самом деле таков, каким себя выставлял, и что и впрямь имеет право на ее преданность. Неудивительно, что и она в свою очередь почти склонялась к тому, чтобы признать за ним это право. Она так же мало разбиралась в Рэтклифе, как Каррингтон и Якоби. Человек, говоривший так, как он говорил, – считала она – был, несомненно, человеком благородных чувств и высоких целей! Разве его деятельность не была стократ важнее того, чем занималась она? И если он, отягощенный одиночеством и заботами, нуждался в ее помощи, разве могла она отказать ему в ней? Что в ее жизни, бесцельной и бесполезной, было столь уж ценного, чтобы не пустить ее по ветру ради возможности обрести полное, осмысленное существование?

ГЛАВА VIII

Из всех титулов, которые когда-либо носили наследные принцы или царствующие монархи, самый гордый принадлежал римскому папе: «*Servus Servorum Dei*» – «Слуга слуги Господня». В прежние времена слугам дьявола не позволялось ни под каким видом проникать в правительство. Они подлежали изоляции, наказанию, изгнанию, изувечению и сожжению. Сегодня у дьявола нет слуг, слуги бывают только у людей. Возможно, доктрина, утверждающая, что вовсе не добродетельные люди, а большинство – пусть порочное и нечестное – есть глас Господний, ошибочна, но надежды человечества связаны именно с ней; и хотя маловеры нет-нет да от нее отрекаются, видя, как, ступив на эту стезю, давно уже заклеившую историческим опытом и религией, независимо от того, ошибочна она или нет, человечество барахтается в безбрежном океане, оно все же барахтается там с меньшими потерями, чем руководимые папами со всеми их высоконравственными принципами, а потому пройдет еще много времени, прежде чем общество пойдет на попятный.

Были или не были новый президент и его главный соперник мистер Сайлас П. Рэтклиф слугами слуг Господа, здесь не суть важно. Чьими-нибудь слугами они все же были. Ведь нет сомнения, что многие из тех, кто называет себя слугами народа, на самом деле являются волками в шкуре ягненка или воронами в павлиньих перьях. Их в изобилии можно увидеть в Капитолии в те дни, когда заседают конгресс, где они поднимают страшный шум или с еще большим успехом вообще ничего не делают. Более разумная цивилизация заставила бы их заняться физическим трудом; при нынешнем положении вещей они служат лишь самим себе. И все же есть два должностных лица, служба которых приносит реальную пользу: это президент и министр финансов. Камнебоец из Индианы, не пробыв в Вашингтоне и недели, так истомился по родному штату, что совсем раскис. Ни одна служанка из самой дешевой гостиницы не была измотана до такой степени. Все вокруг него постоянно плели сети заговоров. Враги не оставляли его в покое. Весь Вашингтон смеялся над его промахами, а мерзкие бульварные листки, выходявшие по воскресеньям, не отказывали себе в удовольствии публиковать отчеты о высказываниях и деяниях нового главы государства, отбирая материалы с таким остроумием и размещая их на газетной полосе с таким умелым злорадством, что президент не мог их не заметить. Он

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org был весьма чувствителен к насмешкам, к тому же его приводило в ужас, что те его рассуждения и поступки, которые он считал достаточно благородными, могут восприниматься столь превратно. Кроме того, его захлестнула лавина общественных дел. Они хлынули на него таким бурным потоком, что он, к своему отчаянию, был просто не в состоянии все проконтролировать. Он решил дать этой волне возможность перекатиться через него. Его голова была перегружена впечатлениями от встреч с бесконечными посетителями, каждого из которых он обязан был выслушать. Но более всего его беспокоила инаугурационная речь, которую он в своем смятенном состоянии так и не смог написать, хотя выступать ему предстояло уже через неделю. Нервничал он и по поводу состава кабинета: ему казалось, он ничего не сможет сделать, пока не избавится от Рэтклифа. А между тем благодаря некоторым «друзьям» президента тот обязательно должен был войти в кабинет; Рэтклиф, конечно, продолжал оставаться врагом, но пусть руки у него будут связаны; пусть будет таким Самсоном, которого необходимо держать в цепях и использовать по мере возможности, пока не придет время убрать совсем. Решив этот вопрос таким образом, президент почувствовал, что нуждается в Рэтклифе; в последние дни он откладывал все дела до следующей недели, «когда мой кабинет будет окончательно сформирован», то есть когда он сможет опереться на поддержку Рэтклифа; поэтому мысль, что Рэтклиф может отказаться от должности, приводила его в панику.

В понедельник, за час до назначенной встречи с Рэтклифом, он в беспокойстве расхаживал по своему кабинету. Его раздирали сомнения: с одной стороны, он признавал необходимость использовать Рэтклифа, с другой, был не менее решительно настроен связать ему руки. Рэтклиф во что бы то ни стало должен войти в кабинет, где каждый второй будет его противником. Его необходимо лишить возможности оказывать кому-либо покровительство. И необходимо заставить его принять эти условия с самого начала. Но как сделать это таким образом, чтобы сразу его не оттолкнуть? Если бы президент мог только вообразить, сколь напрасны были его терзания! Но он считал себя очень мудрым политиком, вершащим судьбы Америки, что неизбежно приведет к его переизбранию на второй срок. Когда по истечении некоторого времени ровно в десять под бой часов в кабинете вошел Рэтклиф, президент бросился к нему чересчур поспешно и, не успев пожать ему руку, выразил надежду, что мистер Рэтклиф прибыл с полной готовностью тотчас же приступить к работе. Сенатор ответил, что, если таково окончательное и решительное желание президента, он не будет более сопротивляться. Затем президент напыжился и, воображая себя американским Катонем, произнес небольшую, заранее заготовленную речь о том, что отбирал членов своего кабинета прежде всего с учетом общественных интересов и как важно, чтобы мистер Рэтклиф был в числе этих государственных мужей; он надеется, что у них не возникнет принципиальных разногласий, поскольку основным своим принципом считает невозможность отказа от занимаемых должностей, разве только в тех исключительных случаях, когда кто-нибудь из членов кабинета попадет под следствие, и что в этих условиях он рассчитывает на помощь мистера Рэтклифа, который исполнит свой патриотический долг.

Рэтклиф ни одним словом не возразил президенту, после чего тот, более чем когда-либо уверовав в собственную государственную мудрость, впервые за неделю вздохнул свободно. Последующие десять минут они напряженно работали вместе, разбираясь в грудe накопившихся дел. Камнебоец испытывал такое чувство облегчения, какого и сам не ожидал. Рэтклиф без особых усилий снял с его плеч часть тяжелой ноши. Он знал всех и вся. Он сразу же принял большую часть просителей и очень быстро с ними разобрался. Он знал, что каждому из них нужно; он знал, на что стоит тратить усилия и на что – нет; к кому нужно отнестись с должным почтением, а от кого попросту отмахнуться; в каком деле сгодится прямой отказ и где имеет смысл что-то пообещать. Президент даже доверил ему неоконченный черновик инаугурационной речи, который Рэтклиф вернул на следующий день с такими замечаниями и предложениями, что президенту ничего не оставалось, кроме как перебелить предложенный текст. Словом, сенатор показал себя весьма приятным сотоварищем в делах. Рэтклиф был прекрасным собеседником и вносил в работу живую струю, он не обнаружил задатков педеля, напротив, заметив, что президент устал, он спокойно обьявлял, что нет таких дел, которые не подождут своего решения хотя бы день, предлагал уставшему президенту немного прокатиться и давал ему возможность подремать в экипаже. Однажды они вместе отужинали, и Рэтклиф позаботился пригласить Тома Лорда, который мог бы их немного развлечь, так как был человеком весьма остроумным и способным легко рассмешить президента. Мистер Лорд выбрал кушанья и заказал вино. Он сумел угодить грубым вкусам президента, да и Рэтклиф тут не

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org отставал. Когда новый министр в десять часов отправился домой, его патрон, который от хорошего ужина, хорошего шампанского и приятной беседы пришел в прекрасное расположение духа, вдруг сделал отнюдь необязательное, клятвенно заверенное заявление, что Рэтклиф «отличный малый» и он очень рад, что они «сработались».

Суть же состояла в том, что у Рэтклифа оставалось в запасе ровно десять дней до того, как новый кабинет вступит в свои полномочия, и за этот срок он должен добиться такого влияния на президента, которое в дальнейшем никто не смог бы поколебать. Поэтому трудился он весьма усердно. Очень скоро во многих делах стала чувствоваться его рука. Теперь, получая деловое письмо или какой-нибудь меморандум, президент принимал самое простое и удобное решение, он надписывал на документе: «Передать министру финансов». Если очередной посетитель просил что-нибудь для себя или для кого-нибудь из своих близких, он получал неизменный ответ: «Обратитесь к мистеру Рэтклифу» или «Полагаю, Рэтклиф сможет вам помочь». Он даже стал подшучивать в духе Катона, чего прежде за ним не водилось; его шутки не блистали остроумием, это были шутки человека грубоватого и необразованного, но вполне в себе уверенного и самодовольного. Однажды утром он приказал Рэтклифу взять канонерку и «разобраться» с индейцами племени сиу в штате Монтана, считая, что тот ответственен и за армию, и за флот, и за индейцев – словом, за все на свете; и к тому же он сказал одному морскому офицеру, который должен был предстать перед военным судом, чтобы тот попросил Рэтклифа вникнуть в суть его дела, так как Рэтклиф один стоит целого военного суда. Возможно, Рэтклиф презирал своего патрона не меньше прежнего, но вида не подавал; он молчал об этом, а когда при нем упоминали президента, сильно мрачнел.

Дня через три после начала их совместной работы президент, всегда любивший внезапность, неожиданно спросил, что Рэтклиф знает о некоем Карсоне, которого пенсильванцы просят ввести в состав кабинета. Рэтклиф ответил весьма осторожно: он едва с ним знаком, насколько ему известно, мистер Карсон не политик, но человек весьма почтенный – для пенсильванца. Президент несколько раз возвращался к этой теме; достав список членов кабинета, он принялся с растерянным выражением изучать его, затем попросил Рэтклифа о помощи; наконец кандидатуры были отобраны окончательно, и Рэтклиф лишь блеснул глазами, увидев, что 5 марта президент отправит в сенат новый вариант списка, где Джосая Б. Карсон из Пенсильвании числится министром внутренних дел.

Но глаза его заблестели еще насмешливее, когда через несколько дней президент протянул ему лист бумаги, на котором было написано около двух десятков имен, и попросил найти должности для означенных там людей. Рэтклиф спокойно согласился это сделать, заметив лишь, что, для того чтобы их устроить, необходимо будет кое-кого убрать.

– О, пожалуйста, – сказал президент. – По-моему, дюжине-другой сейчас самое время очистить место. А это все мои друзья, как же о них не позаботиться. Уж вы их пристройте куда-нибудь.

Впрочем, он чувствовал себя немного неловко, и, нужно отдать ему должное, речи об основном принципе управления от него больше никто никогда не слышал. Перемещения проводились быстро и решительно, пока все представители штата Индиана не получили по мягкому креслу. Нельзя также отрицать, что и друзья Рэтклифа в свою очередь получили свободный доступ к общественным средствам. Возможно, президент счел за лучшее смотреть сквозь пальцы на подобную деятельность своего министра финансов, а может быть, уже начал поглядывать на него с опаской.

Рэтклиф сделал свое дело. «Народ», не без помощи ловкой интриги, сумел направить своих слуг на путь истинный. Даже Камнебойцу из Индианы удалось внушить, что он должен поступаться собственными предрассудками ради общественных интересов. Разобраться, к каким бедам могут привести эгоизм, амбиции и невежество этих людей, стало уже делом вторым. В результате президент пал жертвой собственных выкладок. Оставалось лишь гадать, не сочтет ли министр Рэтклиф в один прекрасный день нужным задавить своего патрона с помощью какой-нибудь хладнокровно разработанной восточной интриги, но было совершенно ясно, что прошли те времена, когда президент мог употребить против него веревки или топор.

Все это совершалось тогда, когда миссис Ли напрягала свои дамские мозги, размышляя о своем долге и ответственности в отношении Рэтклифа, который

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org между тем редкий воскресный вечер не проводил подле нее в ее гостиной, где его права стали столь очевидными, что никто не смел посягнуть на его кресло, кроме старого Якоби, время от времени напоминавшего сенатору, что тот тоже подвержен ошибкам и смертен. Порою, хотя и не часто, мистер Рэтклиф появлялся и в другие дни, как, например, когда убеждал миссис Ли присутствовать на инаугурации или нанести визит жене президента. Маделина и Сибилла отправились в Капитолий и смотрели и слушали церемонию вступления президента в должность с самых лучших мест и с тем комфортом, который только мог позволить холодный мартовский ветер[25 – Церемонии вступления в должность президентов США состоялись 4 марта. Начиная с 1937 г. инаугурация проходит 20 января.]. Миссис Ли нашла церемонию весьма несовершенной, чересчур непрезентабельной и, как она выразилась, приземленной. Пожилой фермер с Запада, в очках в серебряной оправе, в новой, с иголки праздничной одежде, с резкими чертами лица и жесткими редящими седыми волосами, пытавшийся, невзирая на пронизывающий ветер и сильный насморк, произнести приветственную речь, отнюдь не выглядел героем. Сибиллу интересовал вопрос: не скончается ли президент в ближайшее время от пневмонии. Но даже этот их печальный опыт был просто удачей по сравнению с визитом к супруге президента, после которого Маделина решила в будущем не беспокоить новую правящую династию своими посещениями. Первая леди, тучная и грубоватая, которую, заявила миссис Ли, она не взяла бы к себе в кухарки, выказала такие свойства своей натуры, какие в ярком свете, направленном на царствующих особ, вряд ли к себе располагают. Ее антипатия к Рэтклифу носила более сильный характер, чем у ее мужа, и проявлялась настолько явно, что привела президента в полное замешательство. Она распространяла свою враждебность на каждого, кто, по ее мнению, мог быть другом сенатора; что же касается миссис Ли, то и газеты и людская молва, крепко связавшие ее с Рэтклифом, считали, что эта дама собирается занять ее собственное место в Белом доме. Поэтому, когда объявили о приходе миссис Лайтфут Ли и сестер ввели в президентскую гостиную, президентша приняла холодный покровительственный вид и в ответ на выраженную Маделиной надежду, что Вашингтон ей понравился, заявила, что многое в Вашингтоне поразило ее своей испорченностью, особенно женщины; и далее, глядя на Сибиллу, она заговорила о фасонах платьев, которые носят в этом городе, и о том, что она приложит все усилия, чтобы положить конец подобным безобразиям. Она слышала, что некоторые даже выписывают туалеты из Парижа – словно те, что шьют в Америке, уже недостаточно хороши. Джейкоб (все президентские жены называют своих мужей при посторонних по имени) пообещал ей принять закон против подобных излишеств. В ее родном городе в Индиане никто не стал бы разговаривать с молодой женщиной, которая позволила бы себе появиться на улице в столь непристойном наряде. После этого замечания, сделанного с таким видом и таким тоном, чтобы ни у кого не осталось никаких сомнений относительно его истинной цели, Маделина сочла, что терпение ее исчерпано, и, заявив, что «Вашингтон будет в восторге, если президент предпримет что-нибудь по части реформы одежды или любой другой реформы», намекая на предвыборные речи президента и намечаемые им реформы, повернулась спиной и вышла, сопровождаемая Сибиллой, сотрясавшейся в конвульсиях сдерживаемого смеха, который та вряд ли стала бы сдерживать, если бы увидела выражение лица хозяйки дома после того, как за ними закрылась дверь, и услышала, как президентша, энергично трясая головой, сказала: «Посмотрим, под какую реформу я подведу тебя, тебя, вертихвостка!»

Миссис Ли весело живописала эту встречу Рэтклифу, и тот хохотал так же неудержимо, как Сибилла, хотя и пытался успокоить Маделину, поведая ей, что самые близкие друзья президента считают его жену сумасшедшей, а сам он боится ее больше всех. Но миссис Ли заявила, что президент вполне под стать своей жене, и что подобную президентскую чету можно найти в любой захудалой деревенской лавке, затерявшейся между Великими озерами и штатом Огайо, и что никакая сила не заставит ее еще хоть раз приблизиться к этой прачке.

Рэтклиф не стал делать попыток переубедить миссис Ли. Он лучше других знал, как делаются президенты, и имел собственный взгляд на эту процедуру и на полученный продукт. Ничто сказанное миссис Ли не могло теперь его задеть. Он снял с себя ответственность и, как вдруг ей открылось, переложил на ее плечи. Когда она с негодованием заговорила о большом количестве увольнений в министерствах, которым новая администрация ознаменовала свой приход к власти, Рэтклиф рассказал ей об основном принципе президента и спросил, что, по ее мнению, он должен был делать.

– Он хотел связать руки мне, – пояснил Рэтклиф, – и развязать себе, и я принял это условие. Могу ли я теперь на таком основании подавать в

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
отставку?

И Маделина вынуждена была согласиться, что это невозможно. Откуда ей было знать, скольких должностных лиц он сместил в угоду собственным интересам и в скольких случаях провел президента, ведя собственную игру. Он представлял перед ней одновременно и жертвой и патриотом. Каждый свой шаг предпринимал только с ее одобрения. И теперь трудился в правительстве, чтобы по возможности предотвратить зло, а не нести ответственность за зло, содеянное другими; и он совершенно искренне заверил ее, что, подай он в отставку, на его место придут куда худшие люди, а уж президент и так позаботится о том, чтобы он был удален от дел в первый же подходящий момент.

Теперь миссис Ли получила возможность осуществить те планы, ради которых прибыла в Вашингтон; она глубоко завязла в трясине политики и могла воочию удостовериться, с каким скрипом крутится политическая машина, обдавая грязью все вокруг себя, даже ее собственные чистые одежды. Рэтклиф и сам с тех пор, как возглавил министерство, стал с усмешкой говорить о том, как делают законы, и открыто выражал удивление, что правительство все еще в состоянии действовать. Тем не менее он утверждал, что правительство в нынешнем его составе является высшим достижением политической мысли. Миссис Ли взглянула на него с изумлением и подумала про себя, знает ли он, что такое мысль вообще. По ее мнению, мысли в правительстве было не больше, чем в нарядах Сибиллы: и то и другое стоило баснословно дорого, но наряды по крайней мере соответствовали своему назначению, все в них было ладно подогнано, и их нельзя было назвать неуклюжими или громоздкими.

В происходящем не было ничего обнадеживающего, но все же здесь было интереснее, чем в Нью-Йорке. По меньшей мере ей было что наблюдать и над чем размышлять. Даже лорд Данбег внес свою лепту в ее занятия. Да и Рэтклиф вынужден был свернуть с привычной колеи в мире политики и доказывать свое право бывать в ее доме. Много любопытного поведал ей мистер Френч, пока 4 марта его не отправили домой в Коннектикут; он же приводил в гостиную миссис Ли многих конгрессменов, с которыми интересно было беседовать. И Маделина чувствовала, что под пеной, всплывавшей на поверхность политического океана, существуют здоровые течения с благородным руслом, которые смывают эту пену и поддерживают чистоту во всей толще воды.

Этого было достаточно, чтобы она продолжала свои изыскания. Она примирилась со взглядами Рэтклифа, не видя для себя другого пути. Теперь она одобряла каждый его шаг, о котором ей становилось известно. Она не могла отрицать, что в его двойной морали что-то было не так, но что именно? Она полагала, что мистер Рэтклиф в своей деятельности выступает настолько благородно, насколько это возможно. Следовательно, его нужно не осуждать, а поддерживать. Да и кто она такая, чтобы быть ему судьей?

Окружающие наблюдали за эволюцией ее взглядов с меньшим чувством удовлетворения. К ним принадлежал мистер Натан Гор; однажды вечером, когда он пришел навестить ее, он был в дурном расположении духа и, сев подле нее, заявил, что пришел проститься и поблагодарить за оказанное ему радушие: на следующий день он покидает Вашингтон. Она довольно горячо выразила сожаление по поводу предстоящей разлуки, но высказала надежду, что единственной причиной этого является его отъезд в Мадрид.

Он покачал головой.

– Мне действительно предстоит отбыть, – сказал он. – Но не в Мадрид. Судьба распорядилась иначе. Президент не нуждается в моих услугах, и я не виню его за это, потому что, если бы мы поменялись местами, я бы тоже не захотел видеть его в своем штате. У президента есть друг из Индианы, который, как мне говорили, хотел получить пост почтмейстера в Индианаполисе, но это не устраивало некоторых политиков, поэтому президент откупился от него скромной должностью посла в Испании. Однако и вне зависимости от создавшейся ситуации у меня все равно не было шансов на этот пост. Президент испытывает ко мне явную антипатию. Ему не нравится даже покрой моего пальто, к несчастью английского. Ему не нравится и моя прическа. Думаю, я не нравлюсь также его жене, потому что имею счастье считаться вашим другом.

Маделина могла лишь признать, что дела мистера Гора плохи.

– Но, – сказала она, – политики и не могут любить вас, – человека,

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org владеющего пером и описывающего историю своей страны. Когда же сословие, преступавшее закон, любило своих судей!

– Да, но у него хватает здравого смысла бояться их, – мстительно ответил Гор. – Ибо среди нынешних политиков нет ни одного, кто обладал бы умом или умением защищать свое дело. Ведь история просто завалена скелетами государственных деятелей, канувших в Лету, о которых вспоминают лишь тогда, когда историки выуживают кого-нибудь из них на свет божий, чтобы подвергнуть осмеянию.

Произнеся эту страстную речь, мистер Гор настолько возбудился, что вынужден был прерваться, чтобы перевести дыхание. Затем он продолжил:

– Вы абсолютно правы, но прав и президент. У меня нет особых причин, чтобы лезть в политику. Это занятие не для меня. Обещаю вам, что, когда мы увидимся в следующий раз, я не стану выступать в роли охотника за должностями.

Затем он быстро переменял тему, выразив надежду, что миссис Ли вскоре отправится на север и они смогут увидеться в Нью-Йорке.

– Не знаю, – ответила Маделина, – весной здесь очень приятно, и, я думаю, мы останемся в столице до лета.

Выражение лица мистера Гора стало серьезным.

– А ваше увлечение политикой? – сказал он. – Довольны вы увиденным?

– Я настолько продвинулась вперед, что больше не вижу разницы между хорошим и дурным. Разве это не первый шаг к овладению искусством политики?

Но у мистера Гора не было настроения реагировать на подобные шутки. В ответ он разразился пространной тирадой, звучащей словно раздел из будущего исторического трактата:

– Но, миссис Ли, неужели вы не чувствуете, что вступили на неверный путь? Если вы хотите знать, что делается в мире, чтобы изменить жизнь к лучшему, проведите зиму в Самарканде, в Тимбукту, но не в Вашингтоне. Общайтесь с банковскими служащими, с типографскими рабочими, но не с конгрессменами. Здесь вы ничему не научитесь, лишь зря потеряете время и будете втянуты в грубые интриги.

– Вы полагаете, для меня бесполезно будет узнать, что такое интриги? – спросила Маделина, когда он закончил.

– Нет, – ответил Гор после небольшой паузы, – не бесполезно. Но люди по большей части либо вообще не доходят до сути политики, либо доходят слишком поздно. Я буду рад услышать, что вы ею полностью овладели и оставили попытки переделать мир политики. У испанцев есть пословица, отдающая конюшней, но весьма подходящая в вашем случае, да и в моем тоже: «Тот, кто пытается отмыть голову осла, понапрасну тратит и время, и мыло».

И прежде чем Маделина осознала всю дерзость его последних высказываний, Гор удалился. Лишь ночью, лежа в постели, она вдруг поняла, что он осмелился высмеять ее попытки «отмыть» мистера Рэтклифа. Сначала она ужасно рассердилась, затем поневоле расхохоталась: картина была изображена весьма правдиво. И, если уж быть до конца откровенным, она почти не обиделась: ведь в глубине души Маделина сознавала, что лишь от нее зависело, чтобы мистер Гор стал для нее чем-то большим, чем просто друг. А доведись ей присутствовать при его прощании с Каррингтоном, она бы еще более утвердилась в мысли, что враждебность Гора по отношению к Рэтклифу была обострена ревностью к успехам последнего.

– Присматривайте за Рэтклифом, – сказал он, прощаясь с Каррингтоном, – он хитрый лис. И уже поставил на миссис Ли свою мету. Смотрите, как бы он ее не увел!

Несколько обескураженный подобной внезапной доверительностью, Каррингтон лишь смог спросить, как он может помешать этому.

– Коты, отправляющиеся на охоту на крыс, не надевают перчаток, – ответил

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Гор, в запасе у которого всегда была испанская пословица. После мучительных размышлений Каррингтон пришел к выводу, что нужно заставить врагов Рэтклифа показать ему когти. Но как это сделать?

Вскоре миссис Ли в разговоре с Рэтклифом выразила сожаление по поводу несбывшихся надежд Гора и намекнула, что он возмущен таким оборотом дел. Рэтклиф сказал, что сделал для Гора все, что мог, познакомил его с президентом, который, побеседовав с ним, дал очередную железную клятву, что скорее пошлет в Мадрид негра со своей фермы, чем этого галантерейщика.

– Вы же знаете мое положение, – добавил Рэтклиф, – что я мог еще сделать.

И скрытый упрек миссис Ли был отведен.

Если Гор не был доволен поведением Рэтклифа, то еще меньший восторг по этому поводу выражал Шнейдекупон. Вскоре после инаугурации он вновь объявился в Вашингтоне и имел частную беседу с министром финансов. Что между ними происходило, осталось известно только им двоим, но, что бы там ни было, Шнейдекупон ушел не в лучшем расположении духа. Из его разговора с Сибиллой можно было понять, что речь шла о должностях для его друзей, и он открыто заявил, что Рэтклифу нельзя доверять: он всем понадавал обещаний и ни одного не выполнил; и если бы друзья Шнейдекупуна послушались его советов, ничего подобного не произошло бы. Миссис Ли сказала Рэтклифу, что Шнейдекупон кипит от ярости, и поинтересовалась причиной этого. Сенатор лишь рассмеялся и уклонился от ответа, сказав, что люди такой породы всегда на что-нибудь жалуются, разве только им позволят вертеть всем правительством; Шнейдекупону нечего ворчать, никто ему ничего не обещал. Тем не менее Шнейдекупон признался Сибилле, что не выносит Рэтклифа, и с мрачным видом умолял ее сделать все, что в ее силах, чтобы миссис Ли не попала под его влияние, на что Сибилла довольно кисло заметила, что хотела бы услышать от мистера Шнейдекупуна, как это сделать.

Сторонник реформы френч также напряженно следил за деятельностью Рэтклифа на посту министра финансов. Френч побыл в Вашингтоне еще несколько дней после инаугурации, затем исчез, оставив в прихожей миссис Ли карточки с Р.Р.С. [26 – форма прощальной визитной карточки.] в уголке. Молва утверждала, что он также недоволен Рэтклифом, хотя сам френч помалкивал, и если он действительно собирался стать послом в Бельгии, то утешался ожиданием этого поста. Получил же это место почтенный почтмейстер из Орегона.

Что же касается Якоби, который ничего не просил и которому не в чем было разочароваться, он негодовал больше всех. Формально он поздравил Рэтклифа с назначением. Этот маленький спектакль был разыгран в гостиной миссис Ли. Старый барон в учтивейшей манере и с язвительнейшей вольтерьянской усмешкой заметил, что за всю свою долгую жизнь – а он был свидетелем великого множества политических интриг – еще не встречал никого, кому столь к стати было заниматься государственной казной. Рэтклиф пришел в бешенство и, не обинуясь, сказал барону, что, если иностранные послы оскорбляют членов правительства, при котором они аккредитованы, они рискуют быть высланными из страны.

– *Ce serait un pis aller* [27 – всегда есть последнее убежище (фр.)], – ответил Якоби, спокойно усаживаясь в любимое кресло Рэтклифа подле миссис Ли.

Встревоженная Маделина не могла не вмешаться и поспешила спросить, нельзя ли перевести это высказывание с французского на английский.

– О, – сказал барон, – по-английски у меня это не получится. Вы, пожалуй, скажете, что из двух зол оба худшие – и уехать, и остаться.

– Может быть, перевести это с помощью пословицы «Тише едешь, дальше будешь?» – предложила Маделина; таким образом, буря на время улеглась, а Рэтклиф угрюмо позволил переключиться на другую тему. Тем не менее, встечаясь в гостиной миссис Ли, эти двое, к великому ее ужасу, уже не могли обойтись без личных выпадов. Мало-помалу, из-за сарказма Якоби и грубости Рэтклифа, они практически перестали разговаривать и смотрели друг на друга, как цепные псы. Маделина вынуждена была прибегать к разного рода уловкам, чтобы сохранять мир, но в то же время все это ужасно ее забавляло, а так как взаимная ненависть лишь распалила их преданность ей, она была

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org довольна, что могла удерживать соперников в состоянии стабильного равновесия.

Но это были не единственные, причинявшие неудобство последствия внимания к ней Рэтклифа. Теперь, когда в глазах всех он стал близким другом, а возможно, и будущим мужем миссис Ли, никто более не осмеливался нападать на него в ее присутствии; и тем не менее по тысячам признаков она ощущала, что атмосфера вокруг министра финансов постоянно напряжена. Вопреки собственному желанию она ощущала тревогу, как будто в воздухе витала какая-то тайна. Однажды в марте, когда после обеда она, сидя у камина с «Инглиш ревью» в руках, просматривала материалы последнего симпозиума по вопросам религии, слуга принес визитную карточку, и не успела миссис Ли прочесть имя миссис Сэмюел Бейкер, как эта дама вошла в комнату, приветствуя хозяйку столь энергично, что та пришла в некоторое замешательство. Обычно, когда к ней вторгались подобным образом, она принимала таких посетителей весьма прохладно, но в данном случае, памятуя о Каррингтоне, заставила себя любезно улыбнуться и предложила гостье сесть, что та успела сделать и без приглашения, чувствуя себя весьма непринужденно. Без вуали это была довольно яркая особа лет сорока, дородная, высокого роста, одетая сверхмодно даже в трауре и с цветом лица, который был несколько свежее, чем положено природой. Ее собственная общительность усиливалась принятой в Вашингтоне манерой свободно обсуждать любые темы, а многообещающая улыбка и сильный южный акцент объясняли ее успех в правительственных кругах. Она спокойно осмотрела все вокруг и искренне похвалила обстановку в доме миссис Ли, и это было настолько непохоже на обычную южную язвительность, что миссис Ли была скорее довольна, нежели раздражена. Но когда взгляд миссис Бейкер упал на картину Коро – единственный предмет гордости Маделины, – она, видимо, смутилась и даже прибегла к помощи очков, чтобы, как могло показаться, выиграть время. Но даже Коро не смог привести ее в замешательство.

– Как мило! Это что-то японское, не так ли? Водоросли в тумане. Я вчера была на аукционе и, знаете, купила чайник с очень похожей картинкой.

Маделина проявила повышенный интерес к аукциону, но для миссис Бейкер очень скоро эта тема была исчерпана, и в разговоре вот-вот должна была наступить пауза, когда Маделина решила упомянуть Каррингтона. Лицо миссис Бейкер сразу просветлело, если можно подобным образом сказать о лице, на котором и так не осталось ни одной тени.

– Милый мистер Каррингтон! Разве он не душка?

По-моему, он очень приятный человек. Не знаю, что бы я без него делала. С тех пор как бедный мистер Бейкер покинул меня, мы все время вместе. Вы знаете, мой бедный муж распорядился сжечь все свои бумаги, и, если бы вы не были таким близким другом мистера Каррингтона, я бы никогда в жизни вам этого не сказала: кое-кто должен быть счастлив от такого решения. Вы и представить себе не можете, сколько бумаг мы с мистером Каррингтоном сожгли, но мы их все прочитали.

Маделина сказала, что это, должно быть, очень скучная работа.

– Нет, что вы! Я ведь была в курсе дел мужа и рассказала мистеру Каррингтону историю каждого документа. Это было довольно забавно, уверяю вас!

Тогда миссис Ли заявила без обиняков, что из разговора с мистером Каррингтоном поняла, какой миссис Бейкер опытный дипломат.

– Дипломат! – воскликнула вдова, искренне рассмеявшись. – Ну что, возможно, и это тоже, как и многое другое. Во всяком случае, в этом городе не так уж много дипломатических жен, которые работали бы столько же, сколько приходилось мне. Я ведь знакома со всеми членами конгресса, а добрую половину из них знаю достаточно близко. Я знаю, откуда они здесь взялись и что больше всего любят. При желании мне ничего не стоит обвести большинство из них вокруг пальца.

Миссис Ли поинтересовалась, что она делает со всеми этими сведениями. Миссис Бейкер тряхнула своей белорозовой головкой и снисходительно подмигнула Маделине, чем привела свою собеседницу в состояние почти полного оцепенения.

– О, дорогая! Вы же здесь совсем недавно. Если бы вы были в Вашингтоне во время войны и сразу после нее, вы бы не задавали подобных вопросов. Мы имели дело с конгрессменами больше, чем все остальные коллеги мужа, вместе взятые. Если кому-то нужно было провести законопроект или получить новую должность, обращались к нам. Мы вели бездну дел. Понимаете, трудно управлять тремя сотнями людей и чтобы все шло гладко. Муж взял за правило составлять списки и заносить сведения о каждом в специальные тетради, а я все держала в голове.

– Вы хотите сказать, что могли заставить их проголосовать так, как вам было нужно? – спросила Маделина.

– Конечно. Мы провели все наши законопроекты, – ответила миссис Бейкер.

– Но как вы это делали? За взятки?

– Да, некоторые из них и за взятки. Кто-то любил роскошные ужины, карты, театры и все такое. Кто-то легко поддавался внушению, других нужно было гладить по шерстке, как ирландскую свинью, которая думает, что идет по собственной воле. У некоторых были жены, которые могли их уговорить, у других не было... – последние слова миссис Бейкер произнесла с какой-то странной интонацией и внезапно умолкла.

– Очевидно, – сказала миссис Ли, – многие были выше этого – я имею в виду, что многие, наверное, были лишены тех слабостей, благодаря которым вы могли ими управлять.

Миссис Бейкер весело рассмеялась и заметила, что все они одного поля ягоды.

– Но я не могу понять, как вы это делали, – настаивала Маделина. – Как можно заполучить голос какого-нибудь почтенного сенатора, например такого человека, как мистер Рэтклиф?

– Рэтклиф! – повторила миссис Бейкер, слегка повысив голос, затем снисходительно улыбнулась. – О, моя дорогая, не будем называть имена. У меня могут быть неприятности. Сенатор Рэтклиф был другом моего мужа. Неужели мистер Каррингтон не сообщил вам об этом? Видите ли, как правило, мы не преследовали никаких дурных целей. В нашу задачу входило следить за прохождением законопроекта и, в случае надобности, кое-кого потормозить, чтобы все было вовремя представлено для обсуждения. Иногда нам удавалось убедить сенаторов, что наш законопроект очень полезен и они должны за него проголосовать. И лишь в тех случаях, когда в ход шли большие суммы, а голосование было уже на носу, приходилось подсчитывать, во что все это обойдется. Чаще всего устраивались обеды, где велись разные разговоры, встречи в лобби и ужины. Я с удовольствием рассказала бы вам обо всем, что видела, но не смею этого делать. Это небезопасно. Я и так сказала вам больше, чем кому-либо прежде; но вы так близки с мистером Каррингтоном, и поэтому я вас считаю и своим старым другом.

Миссис Бейкер продолжала свою болтовню, а миссис Ли слушала ее со все большими сомнениями и отвращением. Эта женщина выглядела довольно эффектно, была по-своему привлекательна и вполне респектабельна. Маделине приходилось встречать и герцогинь, которые были вульгарны. Миссис Бейкер знала всю закулисную жизнь правительства так, как миссис Ли вряд ли могла бы надеяться изучить. Зачем же тогда шарахаться от столь искушенной лоббистки с таким детским негодованием?

Затем, когда после своего затянувшегося, и, как она заявила, приятного визита миссис Бейкер устремилась дальше, а Маделина отдала строжайший приказ больше ее никогда не принимать, прибыл Каррингтон. Маделина показала ему визитную карточку миссис Бейкер и живописала их беседу.

– Как мне тут быть? – спросила она. – Должна ли я нанести этой женщине ответный визит?

Но мистер Каррингтон не стал давать совета на этот счет.

– Она еще сказала, что мистер Рэтклиф был другом ее мужа и что вы могли бы кое-что мне об этом рассказать.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Она так сказала? – рассеянно спросил Каррингтон.

– Да! И еще, что знает слабые стороны многих политиков и может заставить их голосовать, как ей надо.

Каррингтон не выразил удивления и так явно поспешил переменить тему разговора, что миссис Ли оставила свои попытки и больше не касалась этого предмета.

Но она решила попытаться мистера Рэтклифа, сделав это при первой же возможности. Самым безразличным тоном она заметила, что ее навестила миссис Сэм Бейкер, которая столь увлекательно говорила о делах, творящихся в лобби, что она, Маделина, подумала, почему бы ей самой не войти в этот круг.

– Она сказала, что вы были другом ее мужа, – мягко добавила она в конце.

На лице мистера Рэтклифа не дрогнул ни один мускул.

– Если вы будете верить всему, что вам говорят, – сказал он сухо, – вы станете мудрее царицы Савской.

ГЛАВА IX

Так всегда бывает: как только человек достигает верха политической лестницы, его враги объединяются, чтобы стащить его вниз. А друзья начинают критиковать и придираются. Среди многих опасностей, подстерегавших теперь Рэтклифа, была одна, которая, знай он о ней, взволновала бы его больше, чем происки сенаторов и конгрессменов. Каррингтон вступил в наступательный и оборонительный союз с Сибиллой. Произошло это следующим образом. Сибилла увлекалась верховой ездой, и Каррингтон время от времени, когда был свободен, сопровождал ее в поездках за город как гид и защитник; у каждого виргинца, как бы он ни бедствовал, была лошадь, так же как рубашка и башмаки. Однажды Каррингтон, не подумав, пообещал Сибилле съездить с ней в Арлингтон. Он не спешил выполнять это обещание, потому что были причины, по которым поездка в Арлингтон могла вызвать у него какие угодно эмоции, кроме приятных [28 – В Арлингтоне находится кладбище, где похоронены участники Гражданской войны.]. Но Сибилла не хотела слушать никаких извинений, и однажды чудесным мартовским утром, когда кусты и деревья в Лафайет-парке перед домом начинали просыпаться под солнечными лучами, чтобы вскоре покрыться буйной зеленью, Сибилла стояла у открытого окна и ждала его, а ее новая кентуккская лошадь выражала свое нетерпение, вскидывая голову, вертя шеей и стуча копытами о мостовую. Каррингтон опаздывал, заставляя себя ждать так долго, и из-за его медлительности пострадали резеда и герань, украшавшие подоконник, а также кисти занавесей, которые теребили чересчур энергично. Спустя некоторое время он все же появился, и они отправились в путь, выбирая улицы, наименее запруженные экипажами и повозками с провизией, пока не миновали огромный столичный район Джорджтаун и не выбрались на мост, пересекающий благородную реку в том месте, где ее крутые берега открывают свои объятия, чтобы заключить в них город Вашингтон. Затем, перебравшись на виргинский берег, они легким галопом весело пустились по обсаженной лавровыми деревьями дороге. Сквозь деревья мелькали залитые солнцем полянки с журчащими ручейками, ожидающие летнего половодья цветов, и величественные пейзажи отдалявшегося города и реки. Они миновали небольшой военный гарнизон на горе, все еще носивший гордое название форт, хотя про себя Сибилла и удивилась, как может существовать форт без фортификационных укреплений, вслух же заметила, что ничто не выглядит так воинственно, как «рассадник телеграфных столбов». Все вокруг было окрашено в голубые и золотистые цвета; все улыбалось и сверкало в бодрящей свежести утреннего воздуха. Сибилла была настроена весьма решительно, и ее не очень устраивало, что ее спутник все больше погружался в задумчивость. «Бедный мистер Каррингтон, – думала Сибилла, – он чудесный человек; но, когда он уходит в свои мрачные мысли, в его обществе можно просто уснуть. Бьюсь об заклад, что ни одна порядочная женщина не выйдет за него замуж, если он будет напускать на себя такой вид». И эта практичная девица стала перебирать в уме всех своих знакомых в поисках той, которая согласилась бы смириться с его грустным лицом. Сибилла знала о чувствах Каррингтона к ее сестре, но давно уже решила, что он не может рассчитывать на взаимность. Сибилла смотрела на жизнь просто, но в этой простоте была своя прелесть.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Она никогда не тревожила себя размышлениями о чем-то несбыточном или чересчур сложном. Она была весьма чувствительна и легко поддавалась радости или печали, но так же легко забывала о них и полагала, что другие люди ведут себя аналогичным образом. Маделина анализировала свои чувства, пытаясь разобраться, насколько они подлинные; она имела обыкновение отчуждать от себя свои переживания, словно сбрасывала платье, и разглядывать их, как если бы они принадлежали кому-то другому, словно чувства были материальны и скроены, как одежда. Сибилла же подобное самокопание терпеть не могла. Во-первых, она не видела в этом ни малейшего смысла, во-вторых, на первом месте у нее были чувства, и изменить себя она не могла. Она не могла ни анализировать свои ощущения, ни сомневаться в их существовании, что было так характерно для ее сестры.

Да и откуда было Сибилле знать, что происходило в голове Каррингтона? Его мысли вряд ли могли ее заинтересовать. Он весь ушел в мучительные воспоминания о Гражданской войне и временах еще более далеких, принадлежащих к веку исчезающему или уже исчезнувшему. Но что могла знать о Гражданской войне она, которая в ту пору была еще ребенком. Тогда ее куда больше интересовала битва при Ватерлоо; она как раз читала «Ярмарку тщеславия» [29 – Роман английского писателя Уильяма Теккерея (1848).] и оплакивала судьбу бедной Эмми, чей муж Джордж Осборн лежал на поле сражения с пулей в сердце. Откуда ей было знать, что всего в нескольких метрах от нее лежат десятки и сотни таких, как Джордж Осборн или даже лучше него, и что в этих могилах похоронены любовь и надежды многих Эмми, не созданных с помощью чьего-то воображения, но из плоти и крови, как она сама. Для нее все те воспоминания, которые заставляли Каррингтона стонать про себя, значили не больше, чем если бы она была маленькой Вильгельминой, а он – старым Каспаром [30 – Персонажи одной из исторических поэм английского поэта Роберта Саути (1774–1843)]. Что для нее эти погибшие? Какое ей дело до их знаменитых побед?

Но даже Сибилла сникла, въехав в ворота и внезапно очутившись среди длинных рядов белых могильных камней, тысячами покрывших холмы в том порядке, в каком шла битва; казалось, будто Кадм, перелицевав древний мир, посеял живых людей, чтобы взрастить драконьи зубы. Почувствовав, что вот-вот расплечется, она остановила лошадь. Здесь для нее открылось что-то новое. Это была война – раны, болезни, смерти. Понизив голос, с выражением лица почти столь же серьезным, как у Каррингтона, она спросила, что означают все эти могилы. Каррингтон объяснил, и ей впервые пришло в голову, почему у него не такое веселое лицо, как у нее. Даже выслушав его объяснения, она мало что поняла, потому что он скупко говорил о себе, но все же сообразила, что и сегодня после стольких лет он не сложил своего оружия против тех людей, которые лежали тут, у них под ногами, и которые отдали свои жизни за правое дело. Внезапно ее поразила еще одна мысль: возможно, он своими руками убил одного из них. Мысль эта потрясла ее. Она почувствовала, насколько далеким стал для нее Каррингтон. В своем одиночестве бунтаря он обрел чувство собственного достоинства. Она хотела спросить у него, как мог он стать предателем, – и не смогла. Каррингтон – предатель! Каррингтон – убийца ее друзей! Даже сама мысль об этом не помещалась у нее в голове. И она стала решать более простую задачу – попыталась представить себе, как он выглядел в форме мятежников.

Они медленно подъехали к дому и спешили, после того как он с трудом нашел человека, который присмотрел бы за их лошадьми. Стоя на массивном кирпичном крыльце, они смотрели на противоположный берег могущественной реки, на неясные, уродливые очертания холодного города, преображенного в нечто прекрасное с помощью речной дымки, и на мягкие контуры пурпурных гор позади него. Напротив них поднимался Капитолий с его непоколебимым «Так гласит закон», значившимся на белом куполе и похожих на крепостные стенах. Каррингтон постоял с ней, пока они обзередали окрестности, затем, сказав, что предпочитает не входить в дом, уселся на ступеньках, а она в одиночестве отправилась бродить по комнатам. В них было голо и мрачно, и она с чисто женской любовью все обустроивать, конечно же, решила, что навела бы здесь уют. Она имела вкус к хорошей обстановке и уже мысленно распределяла тона и полутона для стен и потолков и расставляла мебель: здесь стул с высокой спинкой, там диван с тонкими ножками, в самый центр – массивный обеденный стол, пока не увидела очень грязную конторку и на ней раскрытую книгу, чернильницу и несколько ручек. Сибилла прочла запись, оставленную последними посетителями: «Эли М. Грай с супругой из Термопил». Даже могилы не смогли заставить ее так остро почувствовать весь кошмар войны. Какое же это бедствие! Почтенное семейство выбросили из этого

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
красивого дома вместе со всей их чудесной старой мебелью ради орды грубых захватчиков вместе с их «супругами». Неужели полчища Аттилы тоже расписывались в книгах для посетителей в храме Весты или доме Саллюстия? Какие еще ужасы они сотворят под видом кары господней! Сибилла вернулась на крыльцо и присела на ступеньках возле Каррингтона.

– Как здесь печально! – сказала она. – Я думаю, когда Ли здесь жили, дом был хорошо обставлен. Вы бывали здесь раньше?

Сибилла не отличалась пронизательностью, но не была чужда состраданию, а Каррингтон в этот момент очень нуждался в добром слове. Он хотел, чтобы кто-нибудь разделил его чувства, и обратился к ней за дружеской поддержкой.

– Ли были старыми друзьями нашей семьи[31 – О дружбе семейств Адамсов и Ли рассказывается в автобиографической книге Г. Адамса «Воспитание Генри Адамса» (глава IV). – М., «Прогресс», 1988.], – сказал он. – Я часто бывал здесь мальчиком, и даже еще весной 1861 года. И в последний свой приезд я сидел здесь вместе с ними. Мы тогда просто помешались на сецессии[32 – В Древнем Риме сецессия (от лат. *secessio* – уход, удаление) – выход плебеев из состава римской общины, оставлявший город фактически без военной защиты. По аналогии в период, предшествовавший Гражданской войне в США, и во время этой войны сторонники отделения рабовладельческих штатов называли свое движение «сецессией».] и только об этом и говорили. Я как раз пытался вспомнить, о чем тогда говорилось. Нам и в голову не могло прийти, что разразится война. А то, что к нам применят силу, звучало просто абсурдом. Как бы не так! Сама мысль об этом вызвала смех. Я тоже так думал, и, хотя и был за союз, вовсе не хотел отделения нашего штата. Я понимал – Виргинии очень достанется, но не мог представить себе, что мы будем разбиты наголову. Но вот я сижу здесь – южанин-мятежник, удостоившийся помилования, а бедное семейство Ли выбросили из родного дома, превратив его в кладбище.

Мысли Сибиллы мгновенно сосредоточились на Ли, и она засыпала Каррингтона вопросами, на которые тот достаточно охотно отвечал. Он рассказал ей, как восхищался генералом и как всю войну находился подле него.

– Понимаете, мы думали, что он станет нашим Вашингтоном; возможно, у него самого были подобные чаянья.

Потом Сибилла захотела узнать подробности сражения, и Каррингтон начертил на посыпанной гравием дорожке примерный план боя, чтобы показать, где проходила линия фронта, расположенного всего в нескольких милях отсюда. Затем он рассказал, как с мушкетом в руках исходил всю эту землю и в каких сражениях ему пришлось участвовать. Все это было для Сибиллы внове, живая история; перед ее глазами находились могилы тех, кто ее защищал, а рядом с ней сидел южанин-мятежник, воевавший с ними в Саут-Маунтине и Малверн-Хилле, и теперь рассказывал ей, как выглядели участники сражения и что думали, глядя в глаза смерти. Она слушала затаив дыхание, охваченная благоговейным ужасом, и наконец, набравшись мужества, спросила, убил ли он кого-нибудь сам. В ответ с чувством облегчения, хотя и не без разочарования, она услышала, что, скорее всего, нет. Хотя кто же, разряжая во время боя оружие, может знать, куда полетит его пуля.

– Я никогда не старался никого убить, – сказал он, – хотя меня пытались убить беспрестанно.

Сибилле захотелось узнать, как это было, и он удовлетворил ее любопытство, рассказав ей несколько историй, какие всегда есть в запасе у каждого стоявшего под огнем солдата, из чьей одежды пули вырывали клочья, а то и пускали ему кровь. Бедная Сибилла была потрясена, но нашла во всем этом странное очарование. Они сидели рядом на ступеньках, перед ними открывался великолепный вид, но ее внимание было целиком поглощено его рассказом, и она не замечала ни того, что простиралось у нее перед глазами, ни даже экипажей с туристами, которые приезжали, осматривали окрестности и уезжали, завидуя Каррингтону, занятому с такой миловидной девушкой. В своем воображении она преследовала вместе с ним отступающую армию северян по полям Виргинии, уныло тащилась обратно к Потوماку после кровавой бойни под Гёттисбергом и наблюдала последнее и окончательное *debauché*[33 – крах (фр.).] – отступление по дороге из Ричмонда в Аппоматокс. Они просидели бы так до заката, но через некоторое время Каррингтон стал настаивать на том, что пора возвращаться, и Сибилле пришлось с глубоким вздохом и нескрываемой досадой подняться со ступеней.

На обратном пути Каррингтон, который не был полностью, как ему следовало бы, поглощен мыслями о своей спутнице, отважился выразить сожаление, что ее сестра не поехала с ними, но эти слова не вызвали у Сибиллы большого сочувствия.

Напротив, она решительно ему возразила:

– Я очень рада, что Маделина не поехала с нами. Вы все время разговаривали бы с ней, и мне пришлось бы развлекать себя самой. Вы стали бы спорить о чем-нибудь серьезном, а я это терпеть не могу. Она отстаивала бы какие-нибудь свои принципы, а вы вертели бы вокруг нее, пытаясь ей угодить. Кроме того, в ближайшее воскресенье она собирается сюда с этим нудным мистером Рэтклифом. Не представляю себе, что она в нем находит. В Вашингтоне вкус стал ей изменять. Знаете ли, мистер Каррингтон, я не так умна или серьезна, как Маделина, я не интересуюсь законами и ненавижу политику, но здравого смысла у меня больше, и, право, она начинает меня сердить. Теперь я понимаю, чем опасны молодые вдовы и почему в Индии их сжигают вместе с прахом их мужей. Нет, я вовсе не хочу, чтобы Маделину сожгли, потому что она очень хорошая и добрая, и я люблю ее больше всех на свете; но она рискует в ближайшее же время навлечь на себя беду, у нее какие-то сумасбродные идеи насчет самопожертвования и долга; если бы ей, к счастью, не пришлось заботиться обо мне, она уже давно натворила бы что-нибудь ужасное, а окажись во мне хоть маленькая червоточина, она бы с радостью посвятила всю свою жизнь делу наставления меня на путь истинный. А теперь она занялась мистером Рэтклифом, который всячески старается внушить ей, что она может его «направить»; и если он в этом преуспеет, наша песенка спета. Маделина покинет нас и разобьет себе сердце из-за этой отвратительной туши, этой грубой деревенщины, которой нужны только ее деньги.

Сибилла произнесла свой маленький монолог очень эмоционально, поразив Каррингтона в самое сердце. Она не часто утруждала себя столь длинными речами, и было ясно, что в эту она вложила все, что думала. Каррингтону ее слова пришлись по душе, и он решил развить эту тему.

– Я, как и вы, не люблю мистера Рэтклифа, возможно, даже больше. И так к нему относятся все, кто достаточно хорошо его знает. Но если мы вмешаемся, то лишь усугубим положение. Мы ничего не можем сделать?

– Именно это я всем и говорю, – отвечала Сибилла. – Виктория Сорви твердит мне, что я должна что-то предпринять; и мистер Шнейдекупон туда же. Будто я могу что-то сделать! Маделина с самого начала возбуждала вокруг себя злобные сплетни. Половина Вашингтона считает ее интриганкой, искушенной и тщеславной. Не далее как вчера миссис Клинтон – эта злобная старуха – заявила мне: «Вашу сестру Вашингтон совершенно испортил. Мне в жизни не встречался человек, так одержимый жадной властью». Я ужасно рассердилась и сказала ей, что она ошибается – Маделина такая же, как была. Но я не могла сказать, что ее не влечет к власти, ведь так оно и есть; но не в том смысле, который имеет в виду миссис Клинтон. Видели бы вы мою сестру позавчера вечером, когда мистер Рэтклиф, упомянув о каком-то государственном деле, предложил сделать так, как она сочтет правильным, презрительно усмехнувшись, она довольно резко ответила ему, что ему надо поступать так, как он считает правильным сам. В первый момент он едва сдержал гнев и пробормотал что-то о непостижимости женской логики. Ведь он постоянно пытается искушать ее властью. При желании она давно уже могла бы воспользоваться предоставляемыми им возможностями, но я вижу, и он это видит тоже, она держит его на почтительном расстоянии. Ему это совсем не нравится, и он надеется в ближайшее время найти нужное средство, которое сработает безотказно. И зачем только мы приехали в Вашингтон! В Нью-Йорке гораздо приятнее, и люди там интереснее: они лучше танцуют и не забывают присылать вам цветы, и, уж во всяком случае, они не дурят вам голову своими принципами. У Мод там были ее больницы, и нищие, и ремесленные школы – все шло так хорошо. Так спокойно. Но когда я заговариваю с ней об этом, она снисходительно улыбается и отвечает, что я могу наслаждаться Ньюпортом, сколько угодно, как будто я не двадцатипятилетняя женщина, а ребенок! Бедная Мод! Если она выйдет замуж за мистера Рэтклифа, я с ней не останусь, но мое сердце будет разбито. Как вы думаете, он не будет ее бить? А вдруг он пьет? Если бы я увлеклась каким-нибудь мужчиной, я бы предпочла, чтобы он меня немного поколачивал, только не увозил в Пеонию. О, мистер Каррингтон, вы моя единственная надежда. Вас она послушается. Вы не должны

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org позволить ей выйти замуж за этого ужасного политика.

В ответ на этот патетический призыв, отдельные положения которого столь же мало льстили Каррингтону, как и Рэтклифу, Каррингтон сказал, что готов сделать все, что в его силах, если Сибилла подскажет ему, как и когда действовать.

– В таком случае мы с вами заключаем договор, – произнесла Сибилла, – когда вы мне понадобится, я позову вас на помощь, и вы помешаете этому браку.

– Союз наступательный и оборонительный, – рассмеялся Каррингтон. – Война против Рэтклифа не на жизнь, а на смерть. Если потребуется, мы снимем с него скальп, но, мне кажется, если мы предоставим ему свободу действий, он сам делает себе хакакири.

– И еще больше понравится Маделине, которая обожает все японское, – очень серьезно возразила Сибилла. – Ах, если бы здесь было больше этих японских *bric-a-brac* [34 – Безделушки (фр.)], всяких там чашечек и чайничков! Немного разговоров об искусстве очень помогли бы Маделине. Вашингтон – странный город, здесь все стремятся стоять на голове. Каждый придумывает что-то свое. Виктория Сорви говорит, что она из принципа не желает быть добродетельной – надо же приберечь что-то интересное и для загробной жизни. Я уверена, что во время молитвы голова ее занята чем-нибудь еще. Видели бы вы ее вчера у миссис Клинтон! Она вела себя вызывающе. Весь ужин просидела на ступеньках лестницы, изображая рыжую кошечку с двумя букетами в лапках. Один из них, я знаю, ей прислал лорд Данбег, а мистер Френч буквально кормил ее с ложечки мороженым. Она утверждает, что демонстрировала лорду Данбегу еще одну фазу и что он собирается описать этот эпизод в статье об американских нравах и манерах для «Куотерли», но мне это не нравится. А вам, мистер Каррингтон? Жаль, что Маделина не может заняться Викторией. У нее появилась бы масса забот, уж поверьте мне.

Так вот, мило болтая, мисс Сибилла вернулась в Вашингтон, закрепив союз с Каррингтоном; и с этого времени она уже не называла его скучным. Где бы она его ни встречала, на ее лице появлялось выражение радости и теплоты; и когда в следующий раз он предложил ей прогулку верхом, она тут же согласилась, хотя и помнила, что пообещала в это же время принять у себя одного молодого дипломата, но бедному юноше пришлось уйти не солоно хлебавши и бормоча проклятья на нескольких языках.

Мистер Рэтклиф ничего не знал об этом заговоре против его планов и покоя. Но даже если бы и узнал об этом, он бы только посмеялся и пошел дальше избранным путем. В то же время он, безусловно, не мог пренебречь враждебностью Каррингтона, а с момента, когда сумел разгадать истинную подоплеку этого чувства, начал принимать меры. Даже в разгар борьбы за признание в новом качестве он нашел время выслушать отчет мистера Уилсона Кина о состоянии дел покойного Сэмюэла Бейкера. Мистер Кин явился к нему с копией завещания Бейкера и заметками ничего не подозревающей миссис Бейкер.

– Из всего этого следует, – заключил он, – что мистер Бейкер, не имея времени привести в порядок свои бумаги, отдал специальное распоряжение своему душеприказчику уничтожить все, что может кого-нибудь скомпрометировать.

– Как имя этого душеприказчика? – прервал его Рэтклиф.

– Джон Каррингтон, – ответил Кин, методично сверившись с копией завещания.

Лицо Рэтклифа осталось спокойным, но неизбежное «Я так и знал» все же вырвалось из его уст. Он был очень доволен, что благодаря своему инстинкту сразу же вышел на след.

Кин продолжал докладывать: из разговора с миссис Бейкер ясно, что воля покойного исполнена и большинство бумаг сожжено.

– В таком случае дальнейшие расспросы бесполезны, – произнес Рэтклиф. – Я очень признателен вам за помощь, – и свел дальнейшую беседу к обсуждению положения бюро мистера Кина в системе министерства финансов.

При следующей встрече с миссис Ли, происшедшей уже после его утверждения на посту министра, Рэтклиф справился у нее, не считает ли она Каррингтона

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org подходящим человеком для государственной службы, и когда она очень охотно подтвердила это, он поведал ей, что ему пришло в голову предложить Каррингтону место юрисконсульта в своем министерстве; правда, зарабатывать там он будет не намного больше, чем частной практикой, но преимущества для юриста столичной должности весьма значительны; для министра же особенно важно иметь юрисконсульта, которому он мог бы полностью доверять. Миссис Ли была тронута этим порывом Рэтклифа, тем более что ей казалось, что сенатор недолюбливает Каррингтона. Она сомневалась, что Каррингтон примет это предложение, но надеялась, что оно, возможно, уменьшит его неприязнь к Рэтклифу, и согласилась поговорить с ним на эту тему. Конечно же, она шла на компромисс, позволяя мистеру Рэтклифу использовать ее как посредника в его покровительстве Каррингтону, но решила закрыть на это глаза, ведь речь шла об интересах Каррингтона, но за ним оставался выбор: соглашаться на это место или нет. Возможно, приняв это предложение, он утратит благорасположение в свете. И что же тогда? Миссис Ли задала себе этот вопрос и почувствовала некоторую тревогу.

Но как только дело дошло до Каррингтона, ее сомнения были развеяны. Выяснилось, что у него нет возможности принять предложенное назначение. Когда она завела с ним об этом разговор и передала все сказанное Рэтклифом, виргинец покраснел и несколько минут ничего не отвечал. Он никогда не отличался быстрым соображением, но сейчас он думал очень быстро и нашел повод встревожиться. Мысли электрическими вспышками мелькали у него в мозгу. Первое, что пришло ему на ум, – Рэтклиф хочет его купить, заткнуть ему рот, заставить бежать, как собаку на привязи, за повозкой министра финансов. Затем он подумал, что Рэтклиф хочет сделать одолжение миссис Ли, чтобы она чувствовала себя ему обязанной; а с другой стороны, подняться в ее глазах, изображая приверженца честности, благородства и непредвзятости в управлении. Потом виргинец вдруг решил, что весь этот план задуман с целью выставить его в глазах миссис Ли человеком ревнивым и мстительным: поставить в такое положение, чтобы любая причина для отказа от должности выглядела проявлением мелочности, и это привело бы к отчуждению между ним и миссис Ли. Каррингтон был настолько поглощен этими размышлениями, настолько плохо соображал, что не ответил на несколько замечаний, адресованных ему миссис Ли, и та не на шутку встревожилась, решив, что его неожиданно парализовало.

Когда же ее вопросы наконец достигли его слуха и он попытался что-то ответить, его замешательство только возросло. Он смог лишь, запинаясь, пробормотать, что, к сожалению, вынужден отказаться: он не сможет занять эту должность.

Маделина, надо думать, почувствовала облегчение при этих словах, но ничем этого не выказала. Напротив, по манере ее поведения можно было заключить, что сделать Каррингтона юрисконсультом министерства финансов было ее заветнейшим желанием. Она принялась с упорством допрашивать его. Разве это не выгодное предложение? Он вынужден был признать, что выгодное. Что же, он не в состоянии справиться с этой работой? Ни в коем случае! Как раз это беспокоит его меньше всего. Может, он отказывается из-за своих южных предрассудков в отношении администрации? О, нет! Его не сдерживают никакие политические взгляды. Так в чем же тогда причина отказа?

Каррингтон предпочел промолчать, и тогда миссис Ли не без раздражения спросила его: возможно ли, чтобы личная неприязнь к Рэтклифу ослепила его настолько, что он отвергает выгоднейшее предложение. Каррингтон, которому становилось все более неуютно, встал и прошелся по комнате. Он понимал, что Рэтклиф его переиграл, и ума не мог приложить, какой картой зайти, чтобы не попасть в расставленную ему ловушку. Сам по себе отказ от такой должности был делом трудным для него, человека, который нуждался в деньгах и профессиональном продвижении: но еще тягостнее было сознавать, что своим отказом он наносит вред себе и помогает Рэтклифу. Тем не менее он вынужден был отклонить должность, находящуюся под непосредственным контролем Рэтклифа. Маделина больше не возвращалась к этой теме, но ему показалось, что она раздражена, и положение для него стало совсем невыносимым. Он не был уверен в том, что, передавая ему это предложение Рэтклифа, она не преследовала какую-то свою цель и что его отказ не несет для нее какие-то неприятные последствия. Что же в таком случае она подумает о нем? В это мгновение он отдал бы свою правую руку за теплое слово от миссис Ли. Он боготворил ее. Ради нее он готов был обречь себя на муки ада. Не было такой жертвы, на которую он не пошел бы, чтобы стать к ней хоть чуточку ближе. Этот прямой, спокойный и простой человек готов был принести ей в жертву

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org себя самого. Долгие месяцы его сердце щемило от безнадежной любви. Он сознавал безнадежность. Он знал, что миссис Ли никогда его не полюбит, но, надо отдать ей должное, она никогда и не давала ему повода думать, что в силах полюбить его, впрочем, как и кого-нибудь другого. И вот теперь он вынужден чувствовать себя неблагодарным, скованным предрассудками, мелочным и мстительным. Он снова сел в свое кресло, и вид у него был настолько невыносимо удрученный, а лицо трагически скорбное, что Маделина вдруг поняла всю абсурдность сложившейся ситуации и расхохоталась.

– Пожалуйста, не смотрите на меня с таким безумно несчастным видом! – сказала она. – Я вовсе не хотела усложнять вам жизнь. В конце концов, какое все это имеет значение. У вас вполне серьезные причины для отказа, я же в свою очередь несколько не заинтересована в том, чтобы вы приняли это предложение.

Услышав это, Каррингтон просиял. Если она считает его решение правильным, заявил он, остальное его ничуть не волнует. Единственное, что его угнетало, – боязнь ее обидеть. Последние слова он произнес таким тоном, который подразумевал более глубокие чувства, и миссис Ли вновь приняла строгий вид.

– Ах, мистер Каррингтон, – сказала она со вздохом, – все в этом мире происходит не так, как нам хочется. Как вы думаете, придет когда-нибудь такое время, когда каждый человек будет хорошим, счастливым и станет поступать лишь так, как велит ему долг? Я полагаю, предложение мистера Рэтклифа лишь прибавило бы вам забот. Мне очень жаль, что я позволила втянуть себя в это дело.

Каррингтон не решился ей ответить. Он боялся, что голос его выдаст. Он встал, чтобы откланяться и, когда она протянула ему руку, вдруг поднес ее к губам и тотчас же вышел. Глаза миссис Ли наполнились слезами, и она сидела некоторое время, не вытирая их. Ей казалось, она знает все его мысли и с чисто женской готовностью объяснять любое действие мужчины его чувствами к прекрасному полу решила, что в основе враждебности Каррингтона к Рэтклифу лежит ревность, и весьма охотно его прощала. «Десять лет назад я, пожалуй, полюбила бы его», – подумала она, и это вызвало у нее улыбку, но внезапно другая мысль пронзила ее, и она закрыла лицо рукой, как будто защищаясь от удара. Каррингтон потревожил ее старую рану.

Когда ее вновь посетил Рэтклиф, что он не замедлил сделать, имея для этого удобный предлог, она сообщила ему об отказе Каррингтона, добавив от себя, что ей кажется, Каррингтон не хочет связывать себя должностями, имеющими отношение к политике. Рэтклиф не выказал недовольства и лишь добродушным тоном выразил сожаление, что не смог быть полезным ее другу, обязывая ее этим все же остаться перед ним в долгу. Что же до Каррингтона, Рэтклиф и не рассчитывал на согласие виргинца: дав его, он бы очень озадачил министра. Целью Рэтклифа было окончательно прояснить для себя отношение к нему Каррингтона; он хорошо знал этого человека и предвидел, что тот в любой ситуации будет действовать открыто. Если же он вдруг согласился бы на эту должность, то по крайней мере был бы преданным работником. В случае отказа, на что и велся расчет, Рэтклиф бы только утвердился во мнении, что необходимо искать способ убрать этого человека со своего пути. В любом случае происшедшее стало новой нитью в той сети, которой Рэтклиф быстро (и эта мысль особенно льстила ему) опутывал все чувства и помыслы миссис Ли. И все же у него были основания подозревать, что Каррингтон легче, чем кто-либо другой, может при желании разрушить эти сети. Поэтому основной штурм разумнее было отложить до того момента, пока он не избавится от Каррингтона.

Ни секунды не медля, он стал наводить справки о вакансиях или просто приемлемых должностях вне его министерства. Немногие отвечали необходимым требованиям. Тут требовалось дело, предполагающее участие юриста на длительный срок и подальше, скажем, в Австралии или Центральной Азии, чем дальше, тем лучше; эта работа должна быть хорошо оплачиваема и предложена Каррингтону таким образом, чтобы тот ни в коем случае не заподозрил участия Рэтклифа. Такую вакансию разыскать было непросто. Надобность в юристах для Центральной Азии была мизерной, а в Австралии на данный момент юрист не требовался. Вряд ли можно было лишь в угоду Рэтклифу отправить Каррингтона в экспедицию на берега Нила, да и в госдепартаменте сильно сомневались, захочет ли правительство выделить средства на подобную экспедицию. Лучшее, что смог найти Рэтклиф, – это место в исковой комиссии в Мексике, которой

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org вскоре предстояло начать свою работу в Мехико и оставаться там не менее полугода. А можно ухитриться сделать так, чтобы юрист был отправлен заранее, до приезда всей комиссии, для подготовки вопроса на месте. Рэтклиф не упускал из виду близость Мехико, но хладнокровно рассудил, что, если Каррингтон сумеет вернуться вовремя, чтобы выбить его с занятых рубежей, когда он предпримет генеральное наступление на миссис Ли, он снимет осаду с этой крепости навсегда.

Решив для себя вопрос таким образом, Рэтклиф со свойственной ему быстротой немедленно приступил к осуществлению своего замысла. На этом пути его подстерегали особые трудности. Не позднее чем через двое суток после последнего разговора с миссис Ли он оказался в кабинете государственного секретаря. В первые дни прихода к власти каждой новой администрации главным делом государственных мужей становилось распределение должностей. А министр финансов всегда был готов оказать услугу своим коллегам по кабинету, в разумных пределах проявляя заботу об их друзьях. Государственный секретарь был не менее любезным человеком. Как только он сообразил, что мистеру Рэтклифу крайне необходимо обеспечить некое лицо должностью юрисконсульта в мексиканской комиссии, он тут же выразил готовность порадовать коллегу, а когда услышал, о ком идет речь, испытал еще и удовольствие, потому что в государственном департаменте Каррингтона хорошо знали и очень любили; он действительно был превосходной кандидатурой на эту должность. Рэтклифу не понадобилось и затевать разговор об ответной любезности. Дело было улажено в течение десяти минут.

– Я только должен вас предупредить, – добавил Рэтклиф, – что, если мистер Каррингтон узнает о моем участии в этом деле, он обязательно откажется. Он один из этих ваших старомодных виргинских плантаторов, гордый, как Люцифер, которые не желают принимать чьих-либо милостей. Я поговорю с вашим помощником, и рекомендация будет исходить от него.

На следующий же день Каррингтон получил частную записку от своего старого приятеля – помощника государственного секретаря, в которой сообщалось, что у него есть для Каррингтона хорошие новости. Он просил Каррингтона навестить в департамент при первой возможности. Каррингтон навестился, и помощник объяснил ему, что рекомендовал его на должность юрисконсульта в искомую комиссию в Мексике и что его кандидатура одобрена государственным секретарем.

– Нам нужен южанин, который разбирается в международном праве, может сразу выехать в Мехико, а главное – честный человек. Вы подходите по всем статьям, так что собирайте чемоданы как можно быстрее.

Каррингтон был потрясен. Против подобного предложения не только нельзя было возражать, оно было весьма заманчивым. Ему трудно было даже вообразить причину для колебаний. С первых же слов он не сомневался – надо ехать, и в то же время ему меньше всего на свете хотелось покинуть Вашингтон. Само собой, он первым делом заподозрил, что инициатором этого плана его ссылки является Рэтклиф, и сразу же поинтересовался, способствовал ли кто-нибудь его назначению; но помощник государственного секретаря весьма решительно заявил, что это его собственная идея, чем тут же отрезал путь к дальнейшим расспросам. Все было рассчитано очень точно, и Каррингтон оказался в положении, когда с его стороны было бы черной неблагодарностью отвергнуть столь любезное предложение.

И все же он никак не мог решиться. Он попросил двадцать четыре часа на размышление, сославшись, что ему необходимо удостовериться, сумеет ли он привести в порядок все свои дела в связи с шестимесячным отсутствием, хотя прекрасно знал, что никаких сложностей не возникнет. Из департамента он отправился в свою контору, где в одиночестве погрузился в мрачные размышления в поисках выхода, однако с самого начала ситуация была ясная, не оставлявшая ни одного темного уголка, куда можно было бы спрятаться. Полгода назад, получив подобное предложение, он запрыгал бы от радости. Что же случилось? Почему теперь он воспринимает происходящее как беду?

Миссис Ли! Вот в ком причина! Уехать сейчас означало расстаться с миссис Ли и, возможно, отдать ее Рэтклифу. Каррингтон заскрежетал зубами при мысли, сколь искусно Рэтклиф играет своими картами. Чем больше он размышлял, тем больше утверждался во мнении, что за сделанным ему предложением скрывается фигура Рэтклифа, жаждущего от него избавиться; и все же, внимательно изучив ситуацию, он понял, что и Рэтклиф, в конце концов, может допустить промах.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Этот политик из Иллинойса был человеком умным и хорошо разбирался в мужской сути, но знание мужчин отнюдь не предполагало знание женщин. Каррингтон и сам не был большим знатоком по части женщин, но полагал, что смыслит в них больше Рэтклифа, который, очевидно, и тут прибегал к привычным ему методам политической коррупции в отношении слабого пола, и был немало обескуражен, обнаружив, как высоко ставит себя миссис Ли. Если Рэтклиф на самом деле вознамерился разлучить Каррингтона с миссис Ли, значит, он считал, что шести месяцев или шести недель ему будет достаточно для достижения цели. Добравшись в своих размышлениях до этой точки, Каррингтон внезапно поднялся, раскурил сигару и еще час расхаживал по комнате взад-вперед с видом генерала, составляющего план предстоящей кампании, или адвоката, обдумывающего, какие аргументы противопоставит ему оппонент. Одно он решил окончательно. Он принимает предложение. Если Рэтклиф просто приложил руку к его назначению, пусть получит удовольствие. Если же расставил ловушку, пусть попадет в нее сам. И когда наступил вечер, Каррингтон взял шляпу и отправился с визитом к миссис Ли.

Он застал сестер одних, за обычными житейскими делами. Маделина с очень серьезным видом штопала ажурный шелковый чулок, и это деликатное и трудное занятие поглощало ее целиком. Сибилла, по обыкновению, сидела за пианино, но когда он вошел, она впервые за все время их знакомства поднялась, взяла свою рабочую корзинку и села возле них, чтобы принять участие в разговоре. С этого времени и впредь она будет держаться, как взрослая женщина. Она устала играть девочку. Мистеру Каррингтону пора увидеть, что она не дурочка.

Каррингтон сразу же приступил к делу и объявил, какую должность ему предложили, и Маделина очень обрадовалась и засыпала его вопросами. Сколько ему будут платить? Как скоро он должен уехать? Как долго он будет отсутствовать? Не тяжелый ли там климат? И в конце концов, улыбаясь, заключила:

– Что же я скажу мистеру Рэтклифу, если вы, отказав ему, приняли это предложение?

Что касается Сибиллы, она лишь с упреком воскликнула: «О, мистер Каррингтон!» – и погрузилась в молчанье и глубокую задумчивость. Ее первая попытка самостоятельно утвердиться в этом мире не удалась. Она чувствовала, что ее предали.

Невесело было и Каррингтону. Сколь скромнен ни был бы человек, лишь круглый идиот может довольствоваться созерцанием луны и звезд. В глубине души Каррингтон лелеял надежду, что, когда он выложит свои новости, у Маделины изменится выражение лица, на нем невольно появится волнение, глаза наполнятся слезами, а голос задрожит. Видеть, с какой готовностью отправляет его в Мексику женщина, которую он любит, было достаточно горько. Он не мог не чувствовать, что надежды его обмануты, он наблюдал за ней, а сердце его замирало от боли; и ему стало трудно поддерживать разговор. Маделина и сама почувствовала, что необходимо умерить свои восторги, и попыталась исправить ошибку. Она спросила, как же она теперь будет без наставника. Он должен составить ей список книг для чтения на время своего отсутствия: сами они в середине мая собираются на север, а к моменту их возвращения в декабре Каррингтон уже будет в Вашингтоне. Все равно, если бы он летом уехал в Виргинию, они виделись бы так же мало, как и теперь, когда он отправится в Мексику.

Каррингтон угрюмо признался, что ему вовсе не хочется ехать, он предпочел бы никогда не слышать об этой должности, он будет совершенно счастлив, если что-нибудь сорвется, но не стал объяснять причину своего настроения, а Маделина с присущим ей тактом не решилась настаивать на этом. Она удовлетворилась тем, что пыталась его переубедить, и вела беседу как могла оживленнее. У нее и впрямь сердце обливалось кровью при виде того, как его лицо принимало все более несчастное и разочарованное выражение. Но что она могла сказать? Что сделать? Он просидел у них до десяти часов не в силах заставить себя уйти: он боялся остаться наедине со своими мыслями. Он чувствовал, что это конец единственной радости в его жизни. Силы миссис Ли были на исходе. Ее слова перемежались долгими паузами; и спустя какое-то время, сделав над собой нечеловеческое усилие, Каррингтон извинился, что столь немилосердно воспользовался ее добротой. Если бы она знала, сказал он, как он страшится остаться один, она бы его простила. Затем он поднялся и, уходя, спросил Сибиллу, не желает ли она завтра покататься верхом, если

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org да, он к ее услугам. Сибилла приняла приглашение, и лицо ее просветлело.

Дня два спустя миссис Ли в разговоре с Рэтклифом упомянула о назначении Каррингтона; она говорила затем Каррингтону, что министр, видимо, ужасно обиделся и расстроился, но понять это можно было лишь по тому, как быстро сменил он тему разговора.

ГЛАВА X

На следующее утро Каррингтон поехал в государственный департамент и объявил о своем согласии. Ему сообщили, что в течение ближайших десяти дней он получит инструкции и сразу же должен будет выехать на место; тем временем ему придется полностью посвятить себя изучению большого количества документов в самом департаменте. Здесь требовалась серьезная и кропотливая подготовка. Каррингтону необходимо было энергично взяться за работу.

Это, однако, не помешало его свиданию с Сибиллой, и в четыре часа они отправились на прогулку в тенистых зарослях Рок-Крика, выискивая пустынные тропы, где их лошади могли бы идти рядом, а они – спокойно беседовать, не рискуя стать объектом наблюдения любопытных глаз. Это был полуденный час одного из тех знойных и хмурых весенних дней, когда в природе уже чувствуется, но еще не проявило себя извечное возрождение жизни, лишь кое-где свежие цветы успели пробиться своими мягкими головками сквозь панцирь омертвевших прошлогодних листьев. У наездников тоже было такое чувство, будто обнаженные леса и лавровые кущи, теплый влажный воздух и низкие облака образовали для них уютное и безопасное убежище. Каррингтон был слегка удивлен, обнаружив, что общество Сибиллы ему приятно. У него было такое чувство, будто она – его сестра, любимая сестра.

Она сразу же набросилась на него за то, что он покидает ее и нарушает их недавно заключенный договор, и он попытался вызвать ее сочувствие, объясняя, что, если бы она знала его несчастливые обстоятельства, она бы его простила. И когда Сибилла спросила, действительно ли ему нужно ехать, оставив ее без друга, с кем она могла бы говорить откровенно, чувства взяли над ним верх: он уже не мог сдержаться и рассказал ей о своих бедах, потому что не было другого человека, которому он мог бы довериться. И он сказал ей, что влюблен в ее сестру.

– Вы говорите, мисс Росс, что любовь – это чушь. Должен вам заметить, это не так. Любовь – постоянная физическая боль, боль в сердце, которая длится неделями и месяцами и никогда вас не отпускает, ни днем, ни ночью; длительное нервное напряжение, как зубная боль или ревматизм, в общем, переносимое в данный момент, но изнуряющее человека своим бесконечным испытанием. Это болезнь, преодолеть которую, как и любое другое нервное заболевание, можно лишь терпением, а излечить лишь с помощью противоядия. Для этой цели вполне подойдет поездка в Мексику. И все же это не главная причина моего отъезда.

И он рассказал ей обо всех своих личных обстоятельствах: о разорении, принесенном ему и его семье войной; о том, как из его двух братьев уцелел один, но вскоре умер дома от слабости, нужды и ран; второго пуля поразила у него на глазах, и он истек кровью на руках у Каррингтона во время боев в лесах у реки Рапидан [35 – Здесь в мае 1864 г. шли сражения между армиями генерала Гранта и генерала Ли, в результате которых погибло около 28 тысяч человек.]; о том, как его мать и две сестры едва обеспечивают себе кусок хлеба на жалкой ферме в Виргинии, а все его усилия еле-еле удерживают их на грани нищеты.

– Вы даже не можете представить себе ту бедность, в которой вынуждены жить наши южанки после войны, – говорил он, – многие из них буквально остались без пропитания и одежды.

Жалованье, которое он получит в Мексике, удвоит его доходы за этот год. Может ли он отказаться? Имеет ли право отказаться? И бедный Каррингтон со стоном добавил, что, если бы дело было только в нем, он бы скорее застрелился, чем уехал.

Сибилла слушала его со слезами на глазах. Никогда раньше не видела она страдание так близко. Несчастья, с которыми ей пришлось встречаться, как

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org правило, преподносили в смягченном виде и падали на плечи людей старших и дружески к ней расположенных. Сейчас она впервые увидела Каррингтона в подлинном свете, без той привычной маски спокойствия, за которой он прячется. Внезапная вспышка женской интуиции подсказала ей: необычное выражение стойкости и терпения на лице Каррингтона появилось в ту ночь, когда он держал на руках своего брата, зная, что кровь капля за каплей уходит из его жил, голос угасает, а тело коченеет, зная, что в этих густых дремучих лесах помощи ждать неоткуда. Когда он закончил свой рассказ, Сибилла боялась заговорить. Она не знала, какими словами выразить ему сочувствие, и терзалась, что может показаться бессердечной. Потрясенная, она лишь расплакалась и стала молча утирать слезы.

Найдя человека, которому можно довериться, Каррингтон, облегчив душу, сразу повеселел и уже по-другому оценил ход событий. Он высмеял себя за то, что вызвал слезы у своей хорошенькой спутницы, и вырвал у нее угрюмое обещание не выдавать его.

– Конечно, вашей сестре все это известно, – сказал он, – но она не должна знать, что я открылся вам, да и никому другому я не сказал бы ни слова.

Сибилла пообещала верно хранить тайну и стала защищать сестру.

– Вы не должны винить Маделину, – сказал она. – Знай вы все, что ей довелось пережить, вы не считали бы ее холодной. Вы же помните, муж ее умер внезапно, проболев всего один день, и знаете, каким он был чудесным человеком. Она ведь так его любила! Его смерть словно оглушила ее. Мы просто растерялись – такой она казалась спокойной и сдержанной. Затем через неделю в страшных мучениях умер от дифтерита ее ребенок, и она, не в силах облегчить его страданий, обезумела от отчаяния. Она едва не потеряла рассудок; я даже думаю, какое-то время Маделина была на грани безумия. Я знаю, она была в неистовстве и хотела покончить с собой; ни раньше, ни позже я не слышала таких яростных слов о религии, покорности судьбе и богу. Но через несколько недель буря улеглась. Маделина стала тихой и заторможенной и вела себя, как заведенная машина; в конце концов она сумела справиться с собой, но ей уже не удалось стать такой, какой она была прежде. Вы знаете, до замужества она была весьма легкомысленной нью-йоркской девушкой, а политикой и филантропией интересовалась не больше меня. Вся эта чепуха появилась в ее жизни совсем недавно. Но она вовсе не такая суровая, как кажется. Это лишь внешнее впечатление. Я всегда знаю, когда она думает о муже или ребенке: в такие минуты лицо ее каменеет; точно так же она выглядела после смерти ребенка, как будто ей было все равно – покончить с собой или остаться жить. Не думаю, что она еще раз кого-нибудь полюбит. Она страшится любви, она скорее уж будет тешить свое честолюбие или чувство долга или ударится в самопожертвование.

Некоторое время они ехали молча, и Каррингтон размышлял, что могло заставить Провидение послать столь тяжкие испытания таким двум безобидным людям, как Маделина и он сам; Сибилла же решила вопрос, какой зять мог бы получить из Каррингтона; впрочем, он больше нравился ей в теперешнем его положении. Тишину нарушил Каррингтон, вернув разговор к его исходной точке:

– Нужно что-то делать, чтобы уберечь вашу сестру от Рэтклифа. Я уже думал об этом до полного изнеможения. А у вас есть какие-нибудь предложения?

Увы! Сибилла чувствовала себя беспомощной и ужасно встревоженной. Мистер Рэтклиф появлялся у них в доме, когда только мог, и, видимо, рассказывал Маделине обо всем, что происходило в мире политики, просил ее советов, а Маделина его не расхолаживала.

– Мне кажется, ей это нравится: она считает, что таким образом сможет делать добро. Я не решаюсь поговорить с ней об этом. Она все еще видит во мне ребенка и относится ко мне как к пятнадцатилетней. Что я могу сделать?

Каррингтон сказал, что сам думал поговорить с миссис Ли, но не знает, что сказать, а ненароком обидев ее, лишь толкнет в руки Рэтклифа. Но Сибилла считала, что он не обидит Маделину, если поведет себя правильно.

– От вас она стерпит больше, чем от кого-либо другого. Скажите ей прямо, что вы – что вы любите ее, – дерзко произнесла Сибилла, доведенная до отчаяния, – на это она не обидится, а после вы сможете высказать ей все, что угодно.

Каррингтон взглянул на Сибиллу с восхищением – такая решительность прихлась ему по душе, и он подумал, что ее советами вряд ли стоит пренебрегать. В конце концов она выказала достаточно здравого смысла и, что куда важнее, выглядела на редкость хорошенькой – тонкий стан, выпрямившийся в седле, теплая нежная кожа, зардевшаяся от дерзости этих речей.

– Вы, безусловно, правы, – сказал он. – В конечном итоге мне нечего терять. Выйдет она замуж за Рэтклифа или нет, все равно, за меня она не выйдет никогда.

В этих словах прозвучала робкая попытка заручиться поддержкой Сибиллы. И Каррингтону воздалось по заслугам: весьма польщенная отношением Каррингтона и смелая, как львица, потому что сейчас пальцы в огонь совал он, а не она, Сибилла с ходу изложила ему женскую точку зрения на сложившееся положение, не оставлявшее ему никакой надежды. Она прямо сказала, что, когда дело касается женщин, мужчины, по-видимому, совершенно теряют голову; она же совершенно не понимает, что такого они находят в женщинах, чтобы так с ними носиться; что же до нее, то большинство женщин кажутся ей ужасными, мужчины гораздо лучше.

– Что же касается Маделины, из-за которой вы готовы перегрызть друг другу горло, она прелесть, прекрасная сестра, золотой человек, и я люблю ее всем сердцем, но женитесь на ней, и она перестанет нравиться: она очень своенравна, и ее уже не изменишь; ее не научишь подчиняться мужниной подсказке, и вы оба будете несчастны уже через неделю. Этому мистеру Рэтклифу она превратит жизнь в ад, я очень надеюсь, что именно так и будет, – закончила Сибилла с легким взрывом ненависти и злорадства.

Каррингтона не мог не забавлять подход Сибиллы к сердечным делам. Он смотрел на нее с улыбкой, и это придавало ей смелости; она продолжала безжалостно нападать на него за то, что он стоит перед ее сестрой на коленях, «как будто вы чем-то хуже нее», и открыто заявила, что, если бы она была мужчиной, у нее по крайней мере сохранилась хоть капля гордости. Мужчинам нравится, когда их ставят на колени. Каррингтон не предпринимал попыток защитить себя и даже поощрял нападки Сибиллы. Они оба наслаждались прогулкой по еще обнаженному лесу мимо журчащих весенних ручейков, овеваемые ленивым дыханием влажного южного ветерка. Это была кратковременная идиллия, тем более приятная, что и позади, и впереди них сгушалась тьма. Безудержная веселость Сибиллы порождала в Каррингтоне сомнения: а нужно ли воспринимать жизнь так серьезно? Молодые силы бурлили в девушке, и ей стоило немалых трудов держать их в узде, в то время как двадцать лет нервного напряжения истошили Каррингтона, и ему, напротив, требовались усилия, чтобы поддерживать в себе тягу к жизни. И потому он испытывал чувство благодарности к Сибилле, которая дарила его своей жизнерадостностью. Даже ее насмешки ему нравились. Ну, откажется Маделина ли выйти за него замуж. И что же? «Фу! – смеялась Сибилла. – До чего же вы, мужчины, все на один лад. Как можно быть таким глупым? Вы с Маделиной просто несовместимы. Поищите себе кого-нибудь без высоких идей».

Они составили план заговора против Маделины и детально все обсудили: что Каррингтон должен ей сказать и какие выбрать слова, потому что Сибилла была убеждена, что мужчины отчаянно глупы, где уж позволить им самостоятельно объясняться в любви; их всему нужно учить, как учат маленьких детей произносить молитвы. Каррингтона забавляло, что его наставляют, как признаваться в любви. Он не стал интересоваться, откуда у Сибиллы такой большой опыт по части мужской глупости. Он решил, что, возможно, общение со Шнейдекупоном просветило ее на этот предмет. Во всяком случае, они настолько увлеклись составлением планов и заучиванием уроков, что прибыли домой с большим опозданием, и Маделина уже начала волноваться, не случилось ли с ними какой беды. Сумерки уже совсем сгустились, когда она услышала топот копыт на асфальтовой мостовой и спустилась к входной двери выбрать их за задержку. Сибилла в ответ лишь рассмеялась и сказала, что во всем виноват мистер Каррингтон: он-де сбился с пути, и ей пришлось выводить его на правильную дорогу.

Прошло десять дней, прежде чем их план стал осуществляться. Наступил апрель. Каррингтон закончил все свои дела и был готов к отъезду. Однажды вечером он наконец появился у миссис Ли, и тут выяснилось, что Сибилле как раз в этот момент необходимо уйти из дому: она договорилась с Викторией Сорви провести часок-другой у знакомых, живущих поблизости. Когда она ушла,

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Каррингтону вдруг стало совестно. Этот сговор за спиной у миссис Ли был ему не по вкусу.

Он сел и тотчас решительно приступил к главной теме своего разговора. Он сказал, что почти готов к отъезду, практически закончил все дела в департаменте и уверен, что сопроводительные бумаги будут готовы в течение двух дней; ему может не представиться другого случая повидаться с миссис Ли в столь спокойной обстановке, поэтому он желал бы проститься с ней сейчас – для него это очень важно; его поездка была бы ему в удовольствие, если бы не тревога за нее; и все же он до сих пор не решается говорить с ней откровенно. Он сделал паузу, как будто приглашая ее к разговору.

Маделина с сожалением (но без раздражения) отложила в сторону работу и ответила со всей искренностью: между ними сложились очень добрые дружеские отношения и он не должен допускать и мысли, что она может обидеться; она не собирается делать вида, что неправильно истолковала его слова.

– Мои дела, – добавила она с оттенком горечи, – кажется, стали общественным достоянием, и я предпочитаю хотя бы изредка обсуждать их сама, а не только слышать, как они обсуждаются за моей спиной.

Тон разговора с самого начала задавался острым, но Каррингтон решил не придавать этому значения и продолжал:

– Вы, как всегда, честны и откровенны. Я отвечу вам тем же. Не могу не ответить. Долгие месяцы я знал лишь одну радость – быть подле вас. Впервые в своей жизни я понял, что значит забыть обо всем на свете из-за любви к женщине, которая кажется мне святой и за единственное слово которой я готов отдать все в жизни и даже саму жизнь.

Маделина зарделась и, повернувшись к нему с чрезвычайно серьезным видом заговорила с такой же серьезностью в голосе:

– Мистер Каррингтон, я вам друг лучший на всей земле. Когда-нибудь вы от души поблагодарите меня за то, что я отказалась выслушать вас. Вы не знаете, от какой беды я хочу вас уберечь. Я не могу дать вам то, чего у меня нет. Вам нужно существо юное, свежее, способное помочь вам, веселое и жизнерадостное, которое развеет ваше уныние, молодая девушка, которая полностью в вас растворится и посвятит вам свою жизнь. Я не могу это сделать. Я ничего не могу вам дать. Я делала все, что в моих силах, убеждая себя, что в один прекрасный день моя жизнь вновь наполнится надеждами и чувствами, но тщетно. Огонь погас. Если вы женитесь на мне, вы убьете себя. Однажды вы проснетесь и обнаружите, что мир превратился в прах и пепел.

Каррингтон выслушал ее молча. Он не сделал попытки перебить ее или возразить ей. Лишь в конце сказал с горькой иронией:

– Да-да, моя жизнь представляет огромную ценность и для общества, и для меня самого, и, разумеется, мне нельзя подвергать ее подобному риску. Тем не менее я рискнул бы, если бы вы дали мне шанс. Неужели вы считаете меня настолько испорченным, чтобы искушать судьбу? Я не собирался докучать вам уговорами. Во мне есть еще капля гордости, не говоря уже об огромном чувстве уважения к вам. И все же, несмотря на то что вы уже сказали и еще скажете, человек разочарованный может с тем же успехом обрести счастье и покой с таким же разочарованным существом, как и черпая жизненную энергию из цветущей юности.

Миссис Ли не нашлась что ответить на эту необычную для Каррингтона возвышенную речь. Она лишь пробормотала, что его жизнь не менее значительна, чем всех прочих, и если Каррингтон сам себя не ценит, он безмерно дорог ей, Маделине, и она не позволит ему погубить себя.

– Простите за подобные речи, – продолжал Каррингтон. – Я не собирался жаловаться на судьбу. Я буду любить вас столь же сильно независимо от того, имеет ли это для вас значение или нет; вы единственная женщина, которая кажется мне совершенством.

Если говорить так его научила Сибилла, она недаром потратила время. Слова и тон Каррингтона острыми стрелами пронзили миссис Ли, причинив ей такую боль, словно нарочно были направлены с рассчитанной жестокостью, чтобы заставить ее страдать. Она почувствовала себя ничтожной и бессердечной.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
«Жизнь за жизнь» – в этом он весь, и хотя его жизнь – и раньше, и теперь – была гораздо бесцветнее ее собственной, она признавала его превосходство. Вот он сидит перед ней, настоящий мужчина, который несет свою ношу спокойно, достойно, не жалуясь и готов встретить новые невзгоды столь же стойко, как и те, что ему довелось пережить до сих пор. И он считает ее совершенством! Нет, она не чувствует себя достойной того, чтобы человек его доблестей называл ее в глаза совершенством. Совершенство! Она! В своем искреннем раскаянии Маделина готова была склониться к его ногам и признаться во всех своих грехах: в паническом страхе перед несчастьем и страданиями, в ограниченности интересов, в недостатке веры, в гадком себялюбии и жалкой трусости. Думая о том, какая она обманщица, сколько в ней необоснованных претензий, врожденной лживости, она вся сжималась от страха. Ей хотелось спрятаться, закрыть лицо руками. Собственный образ, каким она его сейчас увидела, внушал ей отвращение и гнев; он так не соответствовал слову, произнесенному Каррингтоном: совершенство!

Но это было не самое страшное. Каррингтон не был первым мужчиной, считавшим ее совершенством. От этого внезапно вымолвленного слова, которое она не слышала с тех пор, как уста, повторявшие его, сомкнулись навсегда, голова ее пошла кругом. Ей показалось, что она слышит голос мужа, который вновь называет ее совершенством. Но против подобных мучений у нее была довольно крепкая защита. Она давно уже научилась стойко переносить воспоминания такого рода, и это придавало ей уверенности и сил. Ее уже называли совершенством, а к чему это привело? Две могилы и разбитая жизнь! Она выпрямилась, лицо ее стало бледным и строгим. Она ничего не ответила Каррингтону, лишь, глядя на него, тихо покачала головой.

Он продолжал:

– В конце концов я пекусь не о собственном счастье, а о вашем. Я никогда не был настолько тщеславным, чтобы считать себя достойным вашей любви, что я смогу завоевать ее. Другое дело – ваше счастье. Я настолько волнуюсь за вас и содрогаюсь при мысли об отъезде из страха, что вас в это время втянут в гнусные политические интриги; а вот если бы я остался, я смог бы быть вам полезен.

– Вы на самом деле полагаете, что я паду жертвой мистера Рэтклифа? – спросила Маделина с холодной усмешкой.

– А почему бы и нет? – таким же тоном ответил Каррингтон. – Он может всерьез потребовать от вас сочувствия и помощи, если не любви. Он может предложить вам широкое поле деятельности – а ведь вы хотите именно этого. Он очень вам предан. Вы уверены, что сейчас уже сможете отказать ему, не вызвав с его стороны нареканий, что вы его завлекали?

– А вы уверены, – произнесла миссис Ли уклончиво, – что не судите его слишком сурово? Мне кажется, я знаю его лучше, чем вы. В нем много хорошего, есть и весьма достойные черты. Что он может мне сделать? Допустим, ему удастся убедить меня, что мне лучше всего посвятить свою жизнь служению ему. Почему я должна этого бояться?

– Вы и я, – сказал Каррингтон, – очень расходимся в своих оценках мистера Рэтклифа. К вам он, несомненно, поворачивается лучшей своей стороной. Он ведет себя безукоризненно, зная, что любой ложный шаг его погубит в ваших глазах. Я же вижу перед собой лишь грубого, эгоистичного и беспринципного политика, который либо низведет вас до своего уровня, либо, что больше похоже на правду, очень скоро вызовет у вас чувство омерзения, и ваша жизнь либо будет принесена в жертву его вульгарным амбициям, либо он вынудит вас бросить его. В любом случае вы будете жертвой. Вы не можете себе позволить сделать в жизни еще один неверный шаг. Откажитесь мне! Я ни единым словом не стану вам возражать. Но будьте начеку; не дай вам бог отдать себя этому человеку.

– Почему вы такого дурного мнения о мистере Рэтклифе? – спросила Маделина. – Он всегда столь высоко о вас отзывался. Вам известно о нем то, чего не знают другие?

– Мне достаточно наблюдать за его общественной деятельностью, – ответил Каррингтон, уходя от второй части вопроса. – Вы знаете, я никогда не менял своего мнения о нем.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
В разговоре наступила пауза. Обе стороны сознавали, что из дальнейших прений по этому вопросу ничего хорошего не получится. Маделина спросила:

– Что же, по-вашему, мне делать наконец? Вы хотите, чтобы я дала торжественное обещание ни при каких обстоятельствах не выходить замуж за мистера Рэтклифа?

– Ни в коем случае, – последовал ответ, – вы достаточно хорошо меня знаете, чтобы предположить, что я стану просить об этом. Я хочу, чтобы вы не торопились и постарались избегать его влияния, пока не примете твердое решение. Я уверен – не пройдет и года, как вы согласитесь с моим мнением о нем.

– И тогда, если я все же решу, что вы ошибаетесь, вы позволите мне выйти за него замуж? – В голосе миссис Ли прозвучала саркастическая нотка.

Каррингтон был раздосадован, но ответил спокойно:

– Я боюсь одного – его влияния на вас в данный момент. Я хотел бы, чтобы вы отправились на север раньше, чем намеревались, и не дали ему времени действовать. Если бы я мог быть уверен, что вы уже в Ньюпорте, у меня не было бы повода волноваться.

– Видимо, вы такого же плохого мнения о Вашингтоне, как мистер Гор, – сказала Маделина с презрительной усмешкой. – Он дал мне тот же совет, хотя и побоялся объяснить почему. Я не ребенок. Мне тридцать лет, и я кое-что повидала в жизни. Я не боюсь, как мистер Гор, вашингтонский малярии или, как вы, влияния мистера Рэтклифа. Если я стану его жертвой, значит, я это заслужила, и, конечно же, у меня не будет права жаловаться на моих друзей. Они мне дали столько советов, что хватит на всю жизнь.

На лицо Каррингтона легла тень глубокого сожаления. Разговор принял тот оборот, который он и ждал; они с Сибиллой пришли к единому мнению: Маделина будет отвечать именно так. Тем не менее он вполне сознавал, какой вред наносит собственным интересам, и ему понадобилась немалая сила воли, чтобы предпринять последнюю и наиболее серьезную атаку.

– Я знаю, что веду себя дерзко, – сказал он. – Если бы я мог показать вам, чего мне стоит говорить вам обидные слова. Впервые у меня появился повод сказать вам все начистоту. Если бы я сейчас поддался страху, вызванному вашим гневом, и замолчал, а вы все же разбились об эту скалу, я не простил бы себе сегодняшней трусости. Я считал бы себя виноватым в том, что не сумел предотвратить несчастье. Возможно, это для меня последний шанс говорить с вами откровенно, и я умоляю вас выслушать меня. Мне для себя ничего не надо. Знай я, что больше никогда не увижу вас, я все равно сказал бы то же самое. Уезжайте из Вашингтона. Уезжайте сейчас же, немедленно, и пусть о вашем отъезде узнают только за сутки. Уезжайте, не дав мистеру Рэтклифу возможности увидаться с вами с глазу на глаз. И если уж вам так захочется, тогда и примете его предложение, если сочтете возможным. Молю вас: обстоятельно все обдумайте и примите решение, когда будете далеко отсюда.

Глаза Маделины засверкали, и она нетерпеливым жестом отбросила в сторону свое вышивание:

– Нет уж, мистер Каррингтон! Я никому не позволю диктовать мне! Я буду действовать по-своему! Я не собираюсь выходить замуж за мистера Рэтклифа. Будь у меня подобные планы, я бы уже это сделала. Но я не собираюсь бежать ни от него, ни от себя. Это будет недостойно приличной женщины, трусливо.

Больше Каррингтону нечего было сказать. Он выложил ей все до конца. Воцарилась долгая тишина, затем он встал.

– Вы на меня сердитесь? – спросила она более ласковым тоном.

– Этот вопрос должен был задать я, – сказал он. – Сможете ли вы простить меня? Боюсь, что нет. Ни один мужчина не может сказать женщине то, что наговорил вам я, и быть полностью прощен ею. Вы уже не сможете относиться ко мне так, как стали бы, если бы я промолчал. Я знал это прежде, чем решился говорить с вами. Что касается меня, я могу лишь продолжать жить, как жил. Невеселая это жизнь, и она не станет веселее после сегодняшнего

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org разговора.

Маделина немного смягчилась.

– Дружбу, подобную нашей, не так легко разбить, – сказала она. – Не наносите мне еще одну рану. Вы ведь придете проститься перед отъездом?

Он согласился и попрощался. Миссис Ли, уставшая и очень взволнованная, поспешила к себе в комнату.

– Когда вернется мисс Сибилла, скажите ей, что я плохо себя почувствовала и легла в постель, – приказала она горничной. А Сибилла подумала, что знает, чем вызвана эта головная боль.

Перед отъездом у Каррингтона состоялась еще одна прогулка с Сибиллой, и он дал ей отчет о своем разговоре, результаты которого, по обоюдному признанию, повергли их в уныние. Каррингтон выразил надежду, что Маделина, сказав, что не собирается выходить замуж за мистера Рэтклифа, дала своего рода обещание, но Сибилла отрицательно покачала головой.

– Как может женщина рассуждать, примет ли она предложение, пока ей его не сделали? – сказала она уверенным тоном, как будто говорила о чем-то, известном всем на свете.

Каррингтон выглядел весьма озадаченным и осмелился спросить, разве женщина обычно не принимает решение заранее по столь деликатному вопросу; но Сибилла подавила его своим презрением:

– Хотела бы я знать, а какой им прок принимать тут решение? Потом они его, конечно, изменят и сделают все наоборот. Благоразумные женщины, мистер Каррингтон, даже вида не делают, будто принимают решение. Только мужчины по своей глупости ничего в этом не понимают.

Каррингтон сдался и вернулся к вопросу, набившему оскомину им обоим: видит ли Сибилла какие-нибудь другие возможности уберечь сестру? И Сибилла грустно призналась, что не видит. По ее мнению, им приходилось положиться на судьбу, и она считала, что со стороны Каррингтона было жестоко уехать, оставив ее без поддержки. Он пообещал ей помешать этому браку.

– Кое-что еще я все же намерен предпринять, – сказал Каррингтон, – и здесь все будет зависеть от вашего мужества и выдержки. У меня нет сомнений, что мистер Рэтклиф сделает миссис Ли предложение до вашего отъезда на север. Он не ждет никакой беды с вашей стороны, и ему это и в голову не придет, если вы не станете задевать его и будете вести себя с ним ровно. Когда он сделает предложение, вы об этом узнаете, по крайней мере сестра скажет вам, если его примет. Если она решительно откажет ему, вам останется лишь поддержать ее в этом решении. Если же почувствуете, что она колеблется, вы должны любой ценой вмешаться в это дело и употребить все свое влияние на нее, чтобы ее остановить. Действуйте смело и сделайте все, что в ваших силах. Если же и тогда не получится, я разыграю свой последний козырь, вернее, вы сделаете это за меня. Я оставлю вам письмо в запечатанном конверте, и, если ничто другое не поможет, вы отдадите его сестре. Сделайте это до того, как она увидится с Рэтклифом еще раз после его предложения. Приследите, чтобы она прочла письмо, заставьте, если нужно, ознакомиться с ним, независимо от того, когда и где это произойдет. Но пока никто не должен знать о его существовании, и вы должны беречь его, как редкий бриллиант. Сами вы не должны знать его содержания, оно должно сохраниться в полной тайне. Ну как, согласны?

Она была согласна, но сердце у нее упало.

– Когда вы отдадите мне это письмо? – спросила Сибилла.

– Накануне отъезда, когда я приду проститься; возможно, в ближайшее воскресенье. Это письмо – наша последняя надежда. Если и прочитав его, миссис Ли не порвет с Рэтклифом, вам, дорогая моя Сибилла, останется лишь уложить вещи и подыскать себе другое пристанище, так как жить с ними после этого вы уже не сможете.

Он впервые назвал ее по имени, и услышать это было ей приятно, хотя обычно она восставала против подобных фамильярностей.

– О, зачем, зачем вы уезжаете! Как бы я хотела, чтобы вы не уезжали! – воскликнула она со слезами в голосе. – Что я буду делать без вас?

От этого жалобного призыва у Каррингтона внезапно защемило сердце. Оказалось, он вовсе не так стар, как привык думать о себе. Ему, спору нет, все больше и больше нравились ее честность, ее откровенность и здравомыслие, и он наконец разглядел, какая она хорошенькая, какая ладная у нее фигурка. Уж не приняли ли его отношения с этой девушкой за последний месяц характер флирта? В мозгу Каррингтона мелькнуло что-то вроде смутного такого подозрения, но он тут же постарался отогнать его. Для мужчины его лет и трезвого поведения быть влюбленным в двух сестер сразу представлялось просто невозможным; еще более невозможной представлялась мысль, что им может увлечься Сибилла.

Между тем в отношении Сибиллы все было абсолютно ясным. Она уже привыкла полагаться на него и отнеслась к этой зависимости со слепой доверчивостью, свойственной юности. И теперь лишиться его было для нее большим несчастьем. Ничего подобного она прежде не испытывала, и эта утрата была для нее в высшей степени огорчительной. Никто из ее юных поклонников-дипломатов не мог заменить ей Каррингтона. Все они хорошо танцевали и прेमилно болтали об узком круге общих знакомых, но были абсолютно бесполезны, если ты внезапно попадал в беду и был вынужден сражаться с темнотой и опасностями, обступившими тебя. Кроме того, молодым девушкам, обладающим особой склонностью к сопереживанию чужому опыту и приключениям, очень лестно доверие зрелых мужчин. Впервые в жизни Сибилла встретила человека, который дал пищу ее воображению, к тому же он был мятежником, настолько свывшимся с ударами судьбы, что спокойно смотрел смерти в лицо и с одинаковым равнодушием командовал и подчинялся приказам. Она чувствовала, что такой человек и при землетрясении скажет, как вести себя, не бросит в беде и всегда даст добрый совет, что в глазах женщины является главным назначением мужчины. Ей вдруг открылось, что в Вашингтоне без него станет невыносимо и что одна она не сможет бороться с Рэтклифом, а даже если и отважится на это, непременно совершит роковую ошибку. Оставшуюся часть прогулки они провели в спокойной, размеренной беседе. Сибилла выказывала живой интерес ко всему, что касалось его жизни, и задавала множество вопросов о его сестрах и их плантации. У нее даже было поползновение спросить, не может ли она чем-нибудь им помочь, но сочла, что это чересчур щекотливое дело. Он со своей стороны взял с нее обещание, что она будет честно писать ему обо всем происходящем, и эта просьба обрадовала ее, хотя она знала, что Каррингтона прежде всего интересуется ее сестра.

Когда в воскресенье вечером он пришел проститься, она совсем расстроилась. У них не было никакой возможности остаться наедине. В гостиной находились Рэтклиф и несколько дипломатов, включая старого Якоби, который со своим кошачьим зрением ловил малейшую перемену в выражении лица каждого из присутствовавших. Тут же на софе восседала Виктория Сорви, которая болтала с лордом Данбегом; Сибилла же скорее была согласилась перенести скарлатину или даже оспу в легкой форме, чем посвятить Викторию в свои дела. Каррингтон все же изыскал способ увести Сибиллу на несколько минут в соседнюю комнату и там отдал ей письмо. Прощаясь, он напомнил о давнем обещании писать и так крепко пожал ей руку и так серьезно посмотрел в глаза, что сердце ее учащенно забилося, хотя она и напомнила себе, что предмет его забот – ее сестра; так оно и было – по большей части. Мысль об этом не подняла ей настроение, но она стойко, как истинная героиня, перенесла все испытания. Возможно, ее несколько обрадовало то обстоятельство, что при прощании с Маделиной Каррингтон никак не выказал своей влюбленности. Со стороны их расставанье выглядело так, как будто прощались двое добрых друзей, чьи отношения не тревожат сердечные чувства. Правда, за ними внимательно наблюдали, оценивая увиденное, все, кто находился в комнате. И с особым интересом мистер Рэтклиф, который был несколько обескуражен явно братской сердечностью, пронизывавшей их слова и действия. Неужели он ошибся в своих оценках? Или за этим что-то кроется? Сам он очень энергично пожал Каррингтону руку, пожелал приятной и удачной поездки.

Ночь, впервые с тех пор, как она стала взрослой, Сибилла всплакнула в постели, хотя, необходимо признаться, переживания не лишили ее сна. Она чувствовала себя одинокой и обремененной огромной ответственностью. День-два после его отъезда она была несколько взвинчена и не находила себе места. Не выезжала на прогулки, не делала визитов и не принимала гостей. Садилась за

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org роаяль, но петь быстро надоедало. Выходила на улицу и часами просиживала в сквере, где теплое весеннее солнышко яркими бликами переливалось на гарцующей лошади великого Эндрю Джэксона. К тому же была слегка раздражена и рассеянна и так часто говорила о Каррингтоне, что Маделина наконец вдруг начала что-то подозревать и стала наблюдать за сестрой с участливым беспокойством.

Во вторник вечером, когда такое состояние духа длилось у Сибиллы уже два дня, она находилась в комнате Маделины, где часто оставалась поболтать о том о сем, пока сестра занималась туалетом. Тем вечером вначале она безучастно полулежала на кушетке, потом, разговорившись, в течение пяти минут несколько раз процитировала Каррингтона. Маделина, сидевшая перед зеркалом, повернулась к сестре и внимательно посмотрела ей в лицо.

– Сибилла, – сказала она, – с того момента, как мы сели ужинать, ты упомянула имя мистера Каррингтона двадцать четыре раза. Я ждала круглой цифры, чтобы решить, должна ли я обратить на это внимание. Дитя моя, что это значит? Ты увлечена мистером Каррингтоном?

– О, Мад! – воскликнула Сибилла с укоризной в голосе, заливаясь краской так, что сестра не могла не разглядеть этого даже при очень тусклом освещении.

Миссис Ли встала, пересекла комнату и села на кушетку подле Сибиллы, которая тотчас отвернула от нее лицо. Маделина обняла девушку и поцеловала.

– Девочка моя! – произнесла она, исполненная сострадания. – Мне это в голову не приходило! Какая же я была глупая! Скажи мне, – добавила она после некоторых колебаний, – он... он интересуется тобой?

– Нет! Нет! – вскричала Сибилла и разразилась слезами. – Нет! Он любит тебя. Только тебя! Он никогда не обращал на меня внимания. Да и я вовсе не влюблена в него, – продолжала она, вытирая слезу, – мне только после его отъезда стало ужасно одиноко.

Миссис Ли сидела на кушетке, обнимая сестру, и молча смотрела перед собой – растерявшаяся и оцепеневшая. Ситуация выходила из-под ее контроля.

ГЛАВА XI

В середине апреля внезапное событие нарушило ленивое течение жизни в городе Вашингтоне. Великий герцог и герцогиня Сакс-Баден-Гамбургские отправились в путешествие по Америке и в ходе этого визита пожелали встретиться с президентом Соединенных Штатов. Газеты поспешили раструбить, что великая герцогиня – старшая дочь английской королевы, и за отсутствием иных светских торжеств каждый, кто имел малейшее представление о том, что соответствует его или ее достоинству, поспешил засвидетельствовать августейшей чете свое почтение, которое все республиканцы, нажившие изрядные состояния на разного рода делах, питают к королевскому дому Англии. В Нью-Йорке был дан обед, на котором самые незначительные из приглашенных «стоили» по меньшей мере миллион долларов, а джентльмены, сидевшие возле Ее Высочества, часа два развлекали ее подсчетом капитала всех присутствующих. Затем в Нью-Йорке был устроен бал, куда герцогиня явилась в дурного покроя черном шелковом платье с дешевым кружевом и в агатовом ожерелье, попав в окружение нескольких сотен дам, туалеты и украшения которых стоили не одну сотню тысяч долларов, что должно было свидетельствовать об утонченной скромности их владелиц-республиканок. Познакомившись с гостеприимным Нью-Йорком, Их Высочества отбыли в Вашингтон, где стали гостями лорда Ская, или, если говорить точнее, превратив в гостя лорда Ская, поскольку он, по его словам, отдал дипломатическую миссию в полное их распоряжение. Лорд Скай со свойственной британцам прямоотой поведал миссис Ли, что оба они крайне нудные особы и что он предпочел бы, чтобы они сидели в своем Сакс-Баден-Гамбурге или как он там называется, но, поскольку они здесь, он вынужден их ублажать. Миссис Ли позабавила и немало удивила искренность, с какой он высказывался о своих высоких гостях, но эта бесстрастная оценка помогала ей составить верное мнение о герцогине, которая, судя по всему, не совсем соответствовала общепринятым представлениям об особах королевской крови. Путешествие доставляло ей одни страдания; все американское и сама Америка вызывали

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
отвращение, к тому же она, видимо не без причины, ревновала своего мужа и предпочитала – правда, не утруждая себя хорошей миной – переносить бесчисленные неудобства, нежели терять его из виду.

Лорду Скаю пришлось не только превратить миссию в отель, но и от избытка верноподданнических чувств устроить бал. Это, заявил он, простейший путь убить сразу несколько зайцев, а поскольку Ее Светлость не годится ни на что другое, ее можно использовать в таком спектакле, который «продемонстрирует гармонию в отношениях между двумя великими нациями». Другими словами, лорд Скай решил извлечь из визита принцессы собственную выгоду и преуспел в этом. Конечно, могло возникнуть опасение, что в эту пору, когда члены конгресса разъехались на каникулы, в Вашингтоне не хватит подходящей публики, чтобы заполнить бальную залу, но и это обстоятельство стало своего рода преимуществом вместо того, чтобы превратиться в помеху. Оно позволило британскому посланнику разослать приглашения без всяких ограничений. Он пригласил не только президента и весь его кабинет, судей, всю верхушку армии и флота и всех сколько-нибудь значительных жителей Вашингтона, но и всех сенаторов, конгрессменов, всех губернаторов вместе с их штатом, если таковой имелся, всех выдающихся граждан Соединенных Штатов и Канады вместе с членами их семей и, наконец, всех частных лиц – от Северного полюса до Истмуса в Панаме, – когда-либо оказавших ему услугу или же представлявших достаточный интерес, чтобы рассчитывать на приглашительный билет. В результате Балтимор пообещал явиться в полном составе, аналогичное обещание пришло из Филадельфии, чуть не сотню гостей направил Нью-Йорк, Бостон посылал губернатора вместе с солидной делегацией. А известный миллионер из Калифорнии, представлявший свой штат в сенате, ужасно разгневался из-за того, что отправленное ему приглашение на день опоздало, и это лишило его возможности провезти свою семью вместе с сонмом избранных через весь континент в правительственном вагоне, чтобы созерцать улыбки Их Высочеств в залах миссии под сенью британского льва. Просто поразительно – на какие усилия способны свободные граждане ради правого дела!

Сам лорд Скай относился к предстоящему балу с легким презрением. Однажды в полдень он заглянул к миссис Ли и попросил у нее чашку чая. Он сказал, что сумел на несколько часов избавиться от своего «зверинца», препроводив его в посольство Германии, а сам нуждается в нормальном человеческом общении. Сибилла, к которой он был очень расположен, принялась уговаривать его рассказать поподробнее о предстоящем бале, но лорд Скай заверил свою любимицу, что знает не больше нее. В миссии сейчас распоряжался некий джентльмен из Нью-Йорка, и даже самый умный человек не мог бы угадать, что он там собирается натворить; из разговоров молодых членов миссии лорд Скай заключил, что у них будет весь город и еще миллионов сорок, но лично его заботят лишь цветы, которые он рассчитывает получить.

– Все молодые и красивые женщины, – сказал он Маделине, – непременно пришлют мне цветы. Я предпочитаю пурпурные розы – из тех, что долго стоят, но приму и другие, лишь бы они не были увядшими. Дипломатический этикет предполагает, что дама, которая пришлет мне цветы, зарезервирует для меня хотя бы один танец. Так что, мисс Росс, пожалуйста, сразу занесите меня в ваш список.

Маделина считала, что этот бал послан им богом: приготовления отвлекут Сибиллу от грустных мыслей. Миновала неделя, как Маделине открылась сердечная тайна Сибиллы, обрушившись на нее, подобно извержению вулкана. Зная, что за ней постоянно наблюдают, Сибилла стала очень нервной и раздражительной. Втайне она стыдилась своего поведения и готова была сердиться на Каррингтона, словно он виноват в ее глупости; но она не могла говорить с Маделиной на эту тему, не касаясь персоны мистера Рэтклифа, а Каррингтон решительно запретил ей нападать на сенатора, пока тот сам не перейдет в атаку. Эта сдержанность обманула бедную миссис Ли, которая объясняла состояние сестры тоской, вызванной неразделенными чувствами, виною которой считала самое себя. Ее преступное небрежение своими обязанностями в отношении Сибиллы, вследствие чего та подвергла себя столь серьезным испытаниям, тяжким бременем лежало на сердце Маделины. Со своейственной лишь святым мученикам способностью к самоистязанию она бичевала себя до тех пор, пока не выступала кровь. Она наблюдала, как день за днем сходит румянец со щек Сибиллы, и ее живое воображение тотчас подсказало ей, что это признак чахотки. От этой мысли она пришла в такой ужас, что у нее сделалась нервная лихорадка, и теперь уже Сибилле пришлось посылать за доктором, который прописал Маделине хинин. О ней и впрямь было гораздо больше оснований беспокоиться, чем о Сибилле, которая, за

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org исключением легкой нервозности, свойственной юности перед лицом серьезной ответственности, была самой здоровой и спокойной среди молодых американок, и переживания еще ни разу не отняли у нее и пяти минут сна, хотя она стала вдруг чаще привередничать за столом. Маделина, заметив это, повергла в смятение повара, заказывая ему ежедневно и чуть ли не ежечасно все новые и совершенно немыслимые кушанья, в поисках рецептов которых проштудировала все кулинарные книги в своей библиотеке.

Бал у лорда Ская и интерес, проявленный к нему Сибиллой, принесли Маделине большое облегчение; она всей душой отдалась предметам вполне легкомысленным. Никогда с тех пор, как ей минуло семнадцать лет, не говорила она о бале так много, как сейчас. И беспрестанно ломала себе голову над тем, как бы лучше развлечь Сибиллу. Вместе с нею она нанесла визит герцогине; она посетила бы и Великого Ламу, если бы тот прибыл в Вашингтон. Она подбила Сибиллу заказать и отправить лорду Скаю огромный букет самых лучших роз, какие только можно было найти в Нью-Йорке. Она склонила ее заняться бальным платьем на несколько дней раньше, чем требовалось, и этот знаменитый туалет доставался из шкафа, изучался, подвергался критике и обсуждался с неиссякаемым интересом. Она болтала о платье, о герцогине, о бале, пока язык не присыхал у нее к небу, а мозг отказывался работать. Всю неделю, с утра до вечера, что бы она ни делала – ела, пила или просто дышала, – она думала только о бале. Она испробовала все, на что способна изобретательная любовь и кропотливый труд, чтобы занять и развеселить сестру.

Маделина понимала, что все это – лишь временные полумеры и необходимо прибегнуть к более радикальным средствам, чтобы обеспечить счастье Сибиллы. Над решением этой проблемы она молча билась, пока у нее не начинали болеть сердце и голова. Одно было для нее совершенно очевидным: если Сибилла полюбила Каррингтона, он должен ей принадлежать. Каким путем Маделина собиралась достичь этих перемен в сердце Каррингтона, было известно только ей самой. Она считала, что мужчины созданы для того, чтобы ими распоряжались женщины, и что при желании их можно передавать друг другу, как денежные чеки или багажные квитанции. Единственное, что требовалось, – это с самого начала вывести мужчину из заблуждения, будто он может распоряжаться собой самостоятельно. Миссис Ли совершенно не сомневалась, что в ее силах заставить Каррингтона полюбить Сибиллу, при условии, что сама она будет вне поля его зрения. В любом случае, что бы из этого ни вышло – даже если она окажется перед ужасной необходимостью согласиться на предложение мистера Рэтклифа, – ничто не должно помешать счастью Сибиллы. И так получилось, что она впервые спросила себя, не лучше ли ей искать выход из всех затруднительных обстоятельств в замужестве?

Пришла ли бы она когда-нибудь к подобной мысли, если бы не сложное положение, в которое попала, считая, что соблюдает интересы сестры? Это один из тех вопросов, которые умный человек задавать не будет, потому что на него не ответит ни самая умная женщина, ни самый умный мужчина. Целая армия простодушных писателей до дна исчерпала свое простодушие, занимая читателей своими ответами на этот вопрос, – книги их можно найти на каждой книжной полке. Они пришли к выводу, что любая женщина готова в должных обстоятельствах в любое время выйти замуж за любого мужчину, стоит только как следует воззвать к ее «высокой душе». С великим сожалением воздерживаются авторы от того, чтобы поморализовать на данную тему. «Чудовище и красавица», «Синяя борода» [36 – Сказка для детей английского писателя Чарлза Лэма (1775–1834).], «Старый Робин Грей» [37 – Стихотворение английской поэтессы Энн Линдсей (1750–1825).] приносят авторам двойное удовлетворение: их приятно читать и еще легче напитать сантиментами. Однако тысячи современных авторов во главе с лордом Маколеем [38 – Маколей Томас (1800–1859) – известный английский историк, автор классического труда «История Англии» (1849–1851).] настолько разграбили и опустошили мир легенд и сказок, что нынче неприлично ссылаться даже на «Тысячу и одну ночь». Способность же наших женщин находить себе самые неподходящие партии должна считаться краугольным камнем в развитии современного общества.

Между тем предстоящий бал и в самом деле почти вытеснил из головки Сибиллы мысли о Каррингтоне. Вашингтон вновь заполнился людьми. Улицы были запружены толпами модно одетых молодых людей из других городов – Нью-Йорка, Филадельфии и Бостона, – и эти гости столицы отнимали у Сибиллы уйму времени. К ней постоянно стекались все последние новости. Президент с супругой изъявили желание присутствовать на бале – из глубокого уважения к Ее Величеству королеве Англии, а также чтобы себя показать и людей

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org посмотреть. Главу государства должен сопровождать кабинет в полном составе. Члены дипломатического корпуса наденут парадную форму; прибудет множество военных и морских офицеров; генерал-губернатор Канады собирается присутствовать на балу вместе со своим правительством. Лорд Скай однажды обозвал генерал-губернатора болваном.

День бала принес Сибилле тьму хлопот, правда, и мистер Рэтклиф, и мистер Каррингтон были тут ни при чем – все, что касалось этих джентльменов, выглядело столь незначительным по сравнению с проблемами, которые встали перед нею теперь. На нее легла ответственность за свой туалет, как и за туалет сестры, ведь и раньше именно Сибилла была «виновницей» побед миссис Ли на этом поприще, хотя Маделина и придавала неповторимую изысканность всему, что бы ни надевала; но Сибилла неизменно относила это на свой счет. В этот день у Сибиллы был особый повод для волнений. Всю зиму в гардеробной комнате наверху пролежали два новых бальных платья – одно из них, несомненно, триумф в искусстве мистера Ворта, – и Сибилла напрасно ждала повода, чтобы опробовать великолепие этих нарядов.

Еще в начале июня прошлого года мистер Ворт получил письмо от имени главной фаворитки короля Дагомеи с заказом на бальное платье, которое повергло бы в прах семьдесят пять ее соперниц, и те зачали бы от ревности и отчаяния; она молода и прекрасна, цена для нее не играет роли. Так писал ее камергер. Всю следующую ночь гениальный творец моды девятнадцатого века не смыкая глаз проворочался в постели, обдумывая эту проблему. Перед его мысленным взором то и дело возникало полотно телесного цвета с разбросанными по нему кроваво-красными пятнами, но он гнал от себя это виденье – такое сочетание было бы в Дагомее слишком банальным. С первыми лучами солнца он увидел в зеркальном потолке своей спальни собственное измученное отражение, поднялся и в отчаянии распахнул ставни. Его налитым кровью глазам предстало чистое, тихое, свежее, прозрачное июньское утро. Вскрикнув от пронзившего его озарения, великий человек, высунувшись из окна, стал жадно вбирать в себя подробности открывшейся ему картины. В десять утра он уже был в своей конторе в Париже. Вскоре в его кабинет внесли все наличные отрезки шелка, атласа и шифона бледно-розового, бледно-желтого, бледно-зеленого, серебряного и небесного цвета. Так родилась гамма красок, которая посрамила бы и радугу; это была fuga, симфония, где перекликались пенье птиц, и великий покой умытой росой природы, и невинность юной девственницы: это был «Рассвет в июне». Мастер остался доволен собой.

Неделю спустя пришел заказ от Сибиллы на «совершенно оригинальное бальное платье, непохожее ни на одно из тех, какие Вы отправляли в Америку». Мистер Уорт все взвешивал, колебался, вспоминая фигуру Сибиллы, посадку ее головы; обеспокоенно изучал карту, прикидывая, есть ли в Дагомее специальный корреспондент «Нью-Йорк геральд», и, наконец, с благородством, отличающим высокие души, изготовил для «Мисс С. Росс, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки» точную копию наряда «L'Aube, Mois de Jil'in»[39 – «Рассвет в июне» (фр.)].

Шнейдекупоны и мистер Френч, который опять появился в Нью-Йорке, в день бала обедали у миссис Ли, и Джулия Шнейдекупон тщетно пыталась вывести у Сибиллы, что та собирается надеть. «Блаженны неверующие! – сказала про себя Сибилла. – Очень скоро, милочка, тебя ждут муки зависти». Часом позже вся ее комната, кроме камина, где ровным пламенем горели поленья, превратилась в жертвенный алтарь божества «Рассвета в июне». Ее кровать, софа, туалетные столики, обитые ситцем кресла утопали в деталях этого божественного творения, включая туфельки, носовой платочек и перчатки, а также свежие розы. Когда же наконец после тьмы усилий туалет бы завершен, миссис Ли последний раз придирчивым взглядом окинула сестру и осталась весьма довольна достигнутым результатом. Юная, счастливая, сияющая от сознания собственной молодости и красоты, Сибилла – Hebe Anadyomene[40 – Геба Выходящая из пены (лат.)] – стояла окутанная пеной тончайшего шифона, переходящего в длинный шлейф из нежно-розового шелка, плавно переливающегося в бледно-желтый, сквозь который проступал салатный цвет июньской зелени – или небесно-голубой раннего утра? – или оба сразу? – создавая впечатление той необыкновенной свежести, которую невозможно описать словами. Горничная Сибиллы робко спросила, могут ли «девушки» (так называют друг друга в Америке все служанки) воскурить фимиам вокруг этой святыни; просьба была встречена весьма дружелюбно, и «девушки» были допущены взглянуть на святыню, прежде чем ее укутали для выезда. Восторженная стайка, столпившись в дверях, бормотала слова одобрения, в которых была единодушна, начиная от главной «девушки» – цветной поварахи, –

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
вдовы шестидесяти лет, просто захлебывавшейся от восхищения, и кончая старой девой из Новой Англии, чьи анабаптистские взгляды находились в постоянной борьбе с ее природными инстинктами и кто, хотя и не одобряла «этих французов», в душе тайно преклонялась перед их нарядами и шляпками, которые отвергали ее строгие уста. Похвалы подобной аудитории из поколения в поколение вдохновляли мириады молодых женщин на маленькие приключения, и домашние лавры, которыми их награждали, неизменно оставались свежими не менее полчаса и увядали лишь на пороге бальной залы.

Миссис Ли долго и добросовестно трудилась над туалетом сестры, памятуя, что в свое время сама была одета лучше всех девушек Нью-Йорка – по крайней мере она так считала, а потому каждый раз, когда Сибилла готовилась выехать в свет, в ней пробуждались старые инстинкты. Она горячо расцеловала сестру и, оглядев со всех сторон, удостоила наивысшей похвалы. Сибилла в этот момент являла собой олицетворение цветущей юности, и у миссис Ли появилась тайная надежда, что сердце Сибиллы еще не совсем разбито и ей удастся дожить до того времени, когда вернется Каррингтон. На ее собственный туалет оставалось гораздо меньше времени, к тому же Сибилла начала выказывать нетерпение задолго до того, когда сестра была готова. Экипаж уже ждал их, и Маделина разочаровала челядь, спустившись в длинный выходной накидке, в которой ездил в оперу, и поспешила на бал.

Спустя некоторое время, когда сестры появились в гостиной британской миссии, лорд Скай встретил их упреком, что им следовало приехать раньше и вместе с ним встречать гостей. Его Светлость с широкой лентой через грудь и со звездой на мундире удостоил Сибиллу весьма пламенными словами восторга по поводу «Рассвета в июне». Шнейдекупон, гордившийся тем, с какой легкостью он переходил на наимоднейший жаргон людей искусства, с восхищением оглядел туалет миссис Ли – платье из серебристого атласа с венецианскими кружевами, идею которого она позаимствовала у одной из картин Лувра, – и громко – так, чтобы было слышно на всю залу, – прошептал:

– Ноктюрн в серебристых тонах!

А затем, обернувшись к Сибилле, воскликнул:

– А вы? Что я вижу! Ну, конечно. Это песня без слов!

К ним немедленно подлетел мистер Френч и, плененный увиденным, провозгласил:

– О, миссис Ли, вы сегодня неотразимо прекрасны!

Якоби, оглядев их со всех сторон, заявил, что позволит себе на правах старого человека сказать, что сегодня обе они одеты безукоризненно. Сам великий герцог был сражен Сибиллой наповал и потребовал от лорда Ская, чтобы тот его представил. Не теряя ни минуты напрасно, он попросил ее доставить ему удовольствие туром вальса, чем привел бедную девушку в крайний ужас. И Сибилла надолго исчезла из поля зрения Маделины, появившись вновь лишь тогда, когда ее «Рассвет» встретил рассвет.

Как сообщали газеты, бал имел грандиозный успех. Каждый, кто знает столицу, подтвердит, что среди множества великолепных особняков, отданных в распоряжение нашего и иностранных правительств, чтобы создать все удобства для высокопоставленных чиновников, судей, дипломатов, вице-президентов, спикеров и сенаторов, здание, где размещалась британская миссия, было самым величественным. Удачно сочетая пропорции дворца Питти с отделкой, позаимствованной у Ка д'Оро, и куполом, венчающим восточные мечети, этот триумф архитектурной мысли предлагал обществу неограниченные возможности. Дальнейшее описание этого здания излишне, так как вы можете найти его в нью-йоркских газетах, вышедших на следующее утро с детальным планом первого этажа миссии; и в течение всей последующей недели иллюстрированные издания содержали зарисовки наиболее интересных эпизодов бала, а также портреты герцогини, восседающей с любезной улыбкой на троне. Леди, которая находится на этих рисунках от герцогини слева, и есть миссис Ли, и хотя ее довольно трудно узнать, зато легко заметить, потому что художник по каким-то своим соображениям сделал ее гораздо ниже ростом, а герцогиню гораздо выше, к тому же подарил герцогиню любезной улыбкой, несколько отличавшейся от настоящего выражения ее лица. Короче говоря, художник изобразил мир таким, каким мы хотим его видеть, а не таким, каким он был или есть. Наиболее же странным в этом рисунке было то, что миссис Ли

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org оказалась подле герцогини, а ведь это самое последнее место, где стал бы искать Ли тот, кто хорошо знает ее. Этому любопытному факту необходимо немедленно дать объяснение, так как в газетных отчетах факты не комментировались, а говорилось лишь следующее: «Рядом с Ее Высочеством великой герцогиней стоит наша очаровательная соотечественница аристократка миссис Лайтфут Ли, которая этой зимой произвела в Вашингтоне подлинную сенсацию и чье имя молва упорно связывает с именем министра финансов. Именно с ней Ее Высочество беседовала большую часть вечера».

Зрелище было весьма живописно, и в погожий апрельский вечер мало сыщется мест, где предоставлялась возможность столь приятно провести время. Возле миссии соорудили огромный навес, а под ним площадку для танцев, не уступающую размерами оперной зале; по одну длинную сторону этой площадки возвышался помост с мягким диваном в центре, и по другую – точно напротив такой же помост с диваном в центре. Над каждым помостом натянули красный бархатный балдахин, один – увенчанный изображением льва и единорога, другой – королевским орлом. Над единорогом развевался королевский штандарт, над орлом, правда не столь эффектно, – звездно-полосатый флаг. Герцогиня, которая была уже далеко не девочкой, сочла газовое освещение чересчур утомительным и добилась от лорда Ская, чтобы ее прелести озаряли сто тысяч восковых свечей, расположенных таким образом, чтобы они выгодно оттеняли ее трон, а противоположная сторона представляла в чересчур ярком и невыгодном свете.

Вот что на самом деле происходило на бале. Герцогиня, которой пришлось волей-неволей всю последнюю неделю общаться с президентом и особенно с его супругой, стала питать к той неопишемую антипатию. Она решила во что бы то ни стало держаться подальше от президентской четы и лишь после бурных объяснений с великим герцогом и лордом Скаем дала согласие, чтобы президент сопровождал ее к столу. Больше она не собиралась уступать им ни в чем. Она наотрез отказалась разговаривать с «этой женщиной», как она называла президентшу, или находиться с нею рядом. В противном случае весь вечер просидит у себя в комнате, и ее совершенно не волнует, что по этому поводу будет думать английская королева – ведь она не ее подданная. Это заявление поставило лорда Ская в затруднительное положение, который, встав на эту точку зрения, задумался над тем, почему вообще он должен развлекать герцогиню: но с помощью великого герцога и лорда Данбега, который вел себя очень деятельно и сумел улыбками разрядить ситуацию, нашел выход из положения. Вот почему в зале было два трона, а британский трон освещался именно так, как того пожелала герцогиня. А лорд Скай, как и все британские и американские посланники во все времена, принес себя в жертву, чтобы разделить сферы влияния правителей двух великих держав. Вместе с лордом Данбегом и великим герцогом он действовал как буфер – прилежно, проворно и успешно. В этом же качестве он решил использовать миссис Ли, для чего рассказал герцогине об ее отношениях с президентшей, которые ни для кого в Вашингтоне не являлись секретом: весь Вашингтон (и не только со слов самой Маделины) знал, в каком свете видит ее хозяйка Белого дома, которую столичные дамы постоянно вовлекали в разговор о миссис Ли и которая всегда с неиссякаемой готовностью клевала на эту приманку, к вящему удовольствию Виктории Сорви и прочих сплетниц.

– Она не станет беспокоить вас до тех пор, пока рядом с вами будет миссис Ли, – заверил лорд Скай герцогиню, которая, завладев Маделиной, стала демонстрировать ее семейству президента, будто талисман против дурного глаза. Она усадила миссис Ли позади себя, словно Маделина была ее фрейлиной. Она даже милостиво позволила ей сидеть, причем так близко, что их стулья соприкасались. Как только в поле зрения Ее Светлости попадала «эта женщина», а это происходило почти постоянно, она тотчас поворачивалась к миссис Ли и старалась подчеркнуть, что занята беседой исключительно с нею. Маделина попала в ее цепкие руки еще до того, когда появились президент с супругой; когда же герцогине пришлось сделать несколько шагов, чтобы приветствовать их поклоном, она сделала это с поистине королевским достоинством, подчеркнув дистанцию между ними, а после потащила миссис Ли за собой. Миссис Ли также поклонилась, ей некуда было деться; но в ответ ее обдали взглядом, полным ненависти и презрения. Лорд Скай, который выступал в роли кавалера президентской супруги, перепугался и поспешил увести подальше эту монархию от демократии, под тем предлогом, что хочет показать ей убранство миссии. Наконец он усадил президентшу на ее трон, где они с великим герцогом, по очереди сменяя друг друга, весь вечер несли вахту. Когда же герцогиня в сопровождении президента проследовала к своему, она потребовала, чтобы ее супруг взял под руку миссис Ли и отвел к

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
британскому трону, преследуя этим единственную цель – довести до белого
каления президентшу, которая со своего возвышения хмуρο наблюдала это
шествие.

Жертвой интриги оказалась миссис Ли. Сменить ее было некому, и она с того
момента, как села, буквально чувствовала себя в заключении. Герцогиня почти
не закрывала рта, ведя с ней светскую беседу, точнее, произнося монолог,
состоявший преимущественно из жалоб и придирок, которые никто не
осмеливался прервать. Она до смерти надоела миссис Ли, которую некоторое
время спустя перестала забавлять даже абсурдность этого положения. К тому
же она имела несчастье отпустить несколько замечаний, пришедшихся по вкусу
дремавшему в Ее Светлости чувству юмора; герцогиня рассмеялась и в
свойственной особам королевской крови манере дала понять Маделине, что не
прочь услышать от нее что-нибудь столь же забавное. Для миссис Ли это было
как нож в сердце – больше всего на свете она презирала всякого рода
салонное пресмыкательство; она была даже больше, чем республиканка, – в
душе она с сочувствием относилась к коммунистическим идеям, и ее
единственной по-настоящему серьезной претензией к президенту и его жене
была их попытка создать вокруг себя подобие королевского двора и подражать
монархии. Она не имела ни малейшего желания признавать чье-либо социальное
превосходство, будь то президент или принц, и для нее было страшным ударом
оказаться вдруг в роли фрейлины великой герцогини крошечного немецкого
княжества. Но что можно поделать? В это ее втянул лорд Скай, а она, когда
он подошел к ней и с присущей ему спокойной откровенностью рассказал о
своих трудностях и о том, как рассчитывает на ее помощь, не смогла ему
отказать.

Та же игра продолжалась и за ужином, для которого был накрыт отдельный
королевско-президентский стол на две дюжины гостей и двух великих
дам-предводительниц, рассаженных насколько возможно подальше. Великий
герцог и лорд Скай, сидевшие по обе руки госпожи президентши, исполняли
свой долг джентльменов и в награду за это получили массу интереснейших
сведений о том, как ведется домашнее хозяйство в Белом доме. Что же до
президента, находившегося возле принцессы на другом конце стола, он
выглядел очень расстроенным, отчасти оттого, что Ее Светлость, презрев
этикет, велела лорду Данбегу вести миссис Ли к столу и усадить ее рядом с
президентом. Маделина пыталась избежать этой чести, но ей помешала
герцогиня, которая, обратившись к ней через голову президента, решительным
тоном попросила ее не менять место. Миссис Ли робко поглядывала на своего
соседа, который не удостоивал ее своим вниманием и молча поглощал ужин,
прерываясь лишь, чтобы ответить на вопросы, с которыми к нему обращались
крайне редко, и жалела его, размышляя о том, что скажет ему жена, когда они
вернутся домой. Она поймала на себе взгляд Рэтклифа, который наблюдал за
ней с улыбкой; она попыталась отвести душу в болтовне с Данбегом. Но лишь
тогда, когда затянувшийся ужин был наконец завершен и пробило два часа
пополуночи; когда президентская чета, соблюдая все формальности, покинула
бал, устроенный в честь четы великих герцогов; когда лорд Скай, усадив их в
карету, сообщил, что они уехали, герцогиня отпустила миссис Ли от своей
сиятельной особы, позволив затеряться в толпе простых смертных.

Между тем бал шел своим чередом. Маделина, помимо своей воли весь вечер
просидевшая на возвышении, могла оттуда наблюдать всех и вся. Она видела,
как Сибилла кружилась в толпе танцующих то с одним, то с другим кавалером,
от души наслаждалась балом и каждый раз, когда взгляды их встречались,
кивала и улыбалась сестре. Здесь же была и Виктория Сорви, которую,
казалось, ничто не могло смутить, даже вальс с лордом Данбегом, в свое
время презревшим уроки танцев. Всем было известно, что Виктория постоянно
флиртует с Данбегом, но сейчас по крайней мере она взяла на себя труд
научить его танцевать вальс. Его мужественные усилия в достижении этой цели
и ее спокойствие не могли не вызывать уважение. На противоположной стороне
зала, у президентского трона, миссис Ли видела мистера Рэтклифа, которого
президент, по-видимому, не хотел далеко от себя отпускать и с которым и
беседовал большую часть вечера. Шнейдекупон и его сестра смешались с толпой
и танцевали с таким видом, будто Англия никогда не поощряла еретическую
идею свободной торговли. В целом миссис Ли была удовлетворена. Бал принес
ей немало страданий, но отчасти она была за них вознаграждена. Она
внимательно изучила всех женщин в зале, если среди них была какая-нибудь
красивее Сибиллы, Маделине таковую обнаружить не удалось. И если чей-нибудь
наряд был совершеннее, чем у ее сестры, значит, Маделина ничего в нарядах
не понимает. Словом, по этому поводу она могла не волноваться. Она бы
полностью успокоилась, если бы была уверена, что веселость Сибиллы не

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org показная и что за этим не следует резкая смена настроения. Она озабоченно следила за выражением лица сестры, и один раз ей показалось, что та помрачнела; это произошло тогда, когда к Сибилле подошел великий герцог за обещанным ему вальсом; но когда они вышли в центр зала, Его Высочество закружился с ней с такой лихостью и выверенностью движений, какие сделали бы честь офицерам лейб-гвардии. По-видимому, вальсировать с Сибиллой пришлось ему по душе: он вновь и вновь принимался кружить с ней по залу, и миссис Ли начала порядком нервничать, заметив, как нахмурилась герцогиня.

Обретя долгожданную свободу, Маделина задержалась в зале, надеясь поговорить с сестрой и выслушать комплименты на ее счет. На полчаса она отобрала у сестры лавры первой красавицы. Окруженная толпой мужчин, она вместе с ними позабавилась над ролюю, которую ей пришлось играть, и выслушала их поздравления с успехами при дворе. Сам лорд Скай нашел время, чтобы поблагодарить ее, причем тон его был гораздо серьезнее, чем обычно.

– Пришлось вам помучиться, – сказал он, – и я вам весьма благодарен.

Маделина рассмеялась, ответив, что ее мучения – ничто по сравнению с тем, что, по ее наблюдениям, пришлось вынести ему. Но в конце концов, устав от шума и блеска бальной залы, она, облокотившись на руку верного друга графа Попова, прошла с ним в одну из комнат в глубине дома. Там она наконец опустилась на софу в укромном уголке у окна, где освещение было не столь ярким и где ветви лаврового дерева образовали уютную беседку, из которой она могла наблюдать за другими гостями, сама оставаясь незамеченной. Будь он помоложе, это было бы идеальным местом для флирта, но она и раньше не очень любила флирт, а мысль о кокетстве с Поповым была донельзя нелепой.

Попов не стал садиться; он стоял у стены и тихо беседовал с Маделиной, но тут появился мистер Рэтклиф и уселся возле Маделины с таким решительным и хозяйским видом, что Попов поспешил ретироваться. Откуда возник министр финансов и как он узнал, куда скрылась Маделина, оставалось загадкой. Он ничего не объяснил, а она не стала спрашивать, предпочтя весьма красочно описать свой опыт в качестве фрейлины, на что он ответил не менее ярким рассказом о собственном опыте в качестве капельдинера при президенте, который за отсутствием другой надежной защиты вцепился в старого врага.

Ничего не скажешь, Рэтклиф выглядел истинным премьер-министром, который добьется своего при любых обстоятельствах, при любом дворе не только в Европе, но и в Индии и в Китае, где джентльмену все еще полагалось сохранять чувство собственного достоинства. Если не считать несколько грубого и хищного оскала и некоторую холодность в глазах, он был довольно привлекательным мужчиной и пока еще в расцвете лет. По всеобщему мнению, он изменился с тех пор, как вошел в состав кабинета. Избавился от своих ужасных сенаторских манер. Стал одеваться, как уважаемый человек, а не как конгрессмен, – пристойно и аккуратно. Сорочки на нем не топорщились, а воротнички не были засаленными и обтрепанными. Волосы не свисали на глаза, уши, плечи, как у шотландского терьера, а были коротко подстрижены. Услышав однажды весьма неодобрительное мнение миссис Ли о людях, которые не обливаются по утрам холодной водой, он решил, что будет лучше, если он последует такому обычаю, но не станет об этом распространяться, чтобы его не причислили к привилегированным классам. Он всячески старался избавиться от властного тона и забывать о своих замашках Колосса Прерий, державшего в страхе весь сенат. Короче говоря, под влиянием миссис Ли, в особенности после того, как он распрощался с сенатом и с принятыми там дурными манерами и еще больше дурной нравственностью, мистер Рэтклиф стал быстро приобретать черты уважаемого члена общества, которого человек, никогда не сидевший в тюрьме или не занимавшийся политикой, вполне мог признать своим другом.

Мистер Рэтклиф явился с откровенным намерением быть выслушанным Маделиной. Поиронизировав над светскими успехами президента, он внезапно изменил тон, заговорив о его достоинствах на государственном поприще; голос сенатора становился все тише и серьезнее, а тон все доверительнее. Он прямо заявил, что несостоятельность президента стала очевидной даже его сторонникам; что лишь усилия членов кабинета и друзей президента не дают ему попадать в дурацкое положение пятьдесят раз на дню; что все партийные лидеры, которые имели с ним дела, бесконечно им возмущены, а кабинету приходится тратить уйму времени, чтобы их успокоить; что при таком положении он, Рэтклиф, приобрел огромное влияние и у него есть все основания полагать, что, если бы президентские выборы состоялись в этом году, ничто не смогло бы помешать ему занять этот пост и даже через три года его шансы будут по меньшей мере

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org два к одному; изложил все это, он еще больше понизил голос и заговорил с чрезвычайной серьезностью. Миссис Ли сидела не шевелясь, как статуя Агриппины, потупив очи долу.

– Я не отношусь к тем людям, – говорил Рэтклиф, – которым очень везло в политике. И все же я политик до мозга костей, это мое призвание, а честолюбие помогает мне справляться с трудностями. В политике руки не могут оставаться чистыми. За свою политическую карьеру я делал немало такого, чему нет оправдания. Чтобы оставаться до конца честным, никогда не теряя права на самоуважение, надо жить в стерильной атмосфере, а мир политики отнюдь не стерилен. Многие общественные деятели находят отраду в семейной жизни, но я долгие годы был лишен этого. Теперь я достиг той точки, когда все возрастающая ответственность и искушения заставляют меня искать поддержку. Я должен ее иметь. И дать ее мне в состоянии вы одна. Вы добры, рассудительны, совестливы, великодушны, образованны, вы больше, чем какая-либо другая женщина из всех, кого я встречал, способны выполнять общественные обязанности. Ваше место в общественной жизни. Вы принадлежите к тем натурам, которые оказывают влияние на ход событий. Я только прошу вас занять то место, которое принадлежит вам по праву.

Этот отчаянный призыв, рассчитанный на честолюбие миссис Ли, был решительным ходом в досконально продуманном Рэтклифом плане действий. Сенатор хорошо понимал, что ведет игру по большому счету, и качество приманки должно было соответствовать уровню этой игры. Его не останавливало, что миссис Ли сидела бледная и неподвижная, не отрывая глаз от пола, сплетая на коленях руки. Орел, который парит высоко в небесах, спускается на землю гораздо дольше, чем воробей или куропатка. Миссис Ли в эту минуту нужно было обдумать тысячу вещей, но она обнаружила, что не в состоянии думать вообще; в ее мозгу проносились какие-то смутные виденья и обрывки мыслей, но рассудок отказывался контролировать их порядок или природу. Среди прочих промелькнула и мысль о том, что из всех предложений, которые ей когда-либо делали ее поклонники, это было самым деловым и не имело отношения к чувствам. Что касается попытки Рэтклифа воздействовать на ее честолюбие, она не имела у нее успеха. Но какая женщина, даже если она величайшая героиня, способна выслушать столь неприкрытую лесть от мужчины, намного превосходившего всех остальных, и остаться к его словам совершенно равнодушной? Однако главное значение для нее сейчас имел тот факт, что ей некуда было отступать, некуда бежать; ее тактика была расстроена Рэтклифом, воздвигнутые ею временные барьеры преодолены. Предложение было сделано. Как ей теперь быть?

Она месяцами обдумывала эту ситуацию, так и не придя ни к какому решению; как же она могла надеяться решить все сейчас, за одну минуту, во время бала? Когда в едином мгновении сталкиваются противоречивые чувства, предрассудки и страсти, заполнявшие долгую жизнь, они так перегружают мозг, что тот отказывается работать. Миссис Ли сидела не шевелясь, решив положиться на волю судьбы – опасный прием, как могут подтвердить тысячи женщин, потому что таким образом они отдавались на милость чужой сильной воли, становились игрушкой в умелых руках.

А музыка играла не переставая. Толпы людей проходили мимо их укрытия. Некоторые их замечали, и ни у кого не было сомнения в том, что здесь происходит. Их окружала атмосфера тайны и напряженности. Рэтклиф пристально смотрел на миссис Ли, она не поднимала глаз от пола. Оба сидели молча, не двигаясь. Мимо прошел барон Якоби, неизменно все примечавший, и, обратив на них внимание, не удержался от крепкого слова на каком-то иностранном языке. Заметила их и Виктория Сорви, которую так разбирало любопытство, что она едва сдерживала себя.

После паузы, которая показалась им бесконечной, Рэтклиф продолжил:

– Я не говорю о своих чувствах, потому что знаю, вы можете решиться на этот шаг, лишь подчиняясь развитому в вас чувству долга, а не в ответ на мою преданность. Но скажу честно: мне не выразить словами, в какой степени я стал зависеть от вас. При одной только мысли, что мне придется обходиться без вас, жизнь представляется мне совершенно невыносимой, и я готов принести любую жертву, согласиться на любое условие, лишь бы вы были рядом.

Между тем Виктория Сорви, хотя ее крайне интересовало то, что говорил ей лорд Данбег, разыскала Сибиллу и, на мгновение остановив ее, шепнула на ухо:

– Ты лучше присмотри за своей сестрой. Она там у окна за лавровым деревом с мистером Рэтклифом!

Сибилла, опираясь на руку лорда Ская, наслаждалась балом, хотя он уже шел к концу. Но когда до нее дошел смысл слов Викторией, выражение ее лица мгновенно изменилось. К ней вернулись все волнения и страхи последних десяти дней. Она потащила лорда Ская через зал туда, где была ее сестра. Одного взгляда на Маделину было достаточно. Отчаянно напугавшись, но еще больше страшась нерешительности, Сибилла направилась прямо к сестре, которая все еще сидела, как статуя, слушая речи Рэтклифа. Заметив спешившую к ним Сибиллу, миссис Ли подняла глаза, взглянула на девушку и, увидев ее бледное лицо, встала со своего места.

– Сибилла, ты себя плохо чувствуешь? – воскликнула она. – Что-нибудь случилось?

– Я немного устала, – тихо сказала Сибилла, – и подумала, может, ты уже захочешь ехать домой?

– Конечно, – вскричала Маделина. – Я готова. До свидания, мистер Рэтклиф. Надеюсь, мы увидимся завтра. Лорд Скай, должна ли я испросить у герцогини разрешения уехать?

– Герцогиня удалилась полчаса назад, – ответил лорд Скай, который прекрасно разобрался в ситуации и, не задумываясь, пришел Сибилле на помощь, – позвольте мне проводить вас в гардеробную и приказать, чтобы подали вашу карету.

Мистер Рэтклиф обнаружил, что вдруг остался один, а миссис Ли поспешила прочь, снедаемая новыми волнениями. Они с Сибиллой пришли в гардеробную и собирались уже отправиться домой, как туда ворвалась Виктория Сорви, против обыкновения крайне возбужденная, схватила Сибиллу за руку, потянула ее в соседнюю комнату и закрыла за собой дверь.

– Способна ли ты сохранить тайну? – быстро спросила она.

– Тайну? – переспросила Сибилла, сгорая от любопытства. – Не хочешь ли ты сказать... неужели... да говори же, говори скорее.

– Да! – произнесла Виктория, вновь обретая свое обычное хладнокровие, – я помолвлена!

– С лордом Данбегом?

Виктория кивнула, а Сибилла, нервы которой были напряжены до предела от атмосферы бала, комплиментов, усталости, сложностей и страхов, разразилась неудержимым хохотом, поразив даже невозмутимую Викторию.

– Бедный лорд Данбег! Только не будь с ним жестокой, Виктория, – сказала она, когда наконец перевела дыхание. – Значит, всю оставшуюся жизнь ты проведешь в Ирландии? О, ты их многому научишь!

– Ты забываешь, моя милая, – сказала Виктория, усевшись на спинку стоявшей в этой комнате кровати, – что я не нищая. Замок Данбегов, говорят, очень романтическое место, особенно для летней резиденции, а остальное время года мы будем проводить в Лондоне или где-нибудь еще. Когда ты будешь приезжать к нам, я буду вести себя вполне прилично. Как ты думаешь, мне пойдет диадема?

Сибилла опять начала смеяться – так долго и неудержимо, что перепугала даже бедного Данбега, который нетерпеливо расхаживал у их двери. И крайне обеспокоила Маделину, внезапно вошедшую в комнату. Это сразу отрезвило Сибиллу, она, вытирая выступившие на глазах слезы, сказала сестре, показывая на Викторию:

– Маделина, позволь представить тебе графиню Данбег!

Но Маделина, которая была чрезвычайно взволнована, не проявила должного интереса к леди Данбег. Она внезапно испугалась, как бы у Сибиллы не началась истерика: помолвка Викторией могла напомнить ей о собственной

ГЛАВА XII

Домой они ехали молча: миссис Ли была поглощена своими переживаниями и сомнениями, причиной которых отчасти была ее сестра, отчасти мистер Рэтклиф; Сибиллу же в равной степени и занимала победа Виктории, и охватила тревога, вызванная ее дерзким намерением вмешаться в дела Маделины. Отчаяние, однако, было сильнее страха. Для себя она решила, что терпеть неопределенность долее нельзя; она даст бой немедленно, пока время еще не ушло, а более подходящего момента для этого не будет. Через несколько минут они подъехали к дому. Уезжая, миссис Ли велела горничной не дожидаться их возвращения, поэтому сестры были одни. В камине комнаты Маделины все еще горел огонь, и она сама подбросила туда несколько поленьев. И тут же потребовала, чтобы Сибилла немедленно отправилась спать. Но Сибилла и не подумала делать это: она сказала, что не чувствует себя усталой и спать ей совсем не хочется; напротив, ей нужно поговорить с Маделиной, хотелось бы сделать это сейчас. Тем не менее истинно женское отношение к «Рассвету в июне» заставило ее отложить разговор, пока с помощью сестры она не сняла с себя и аккуратно не сложила свой воздушный наряд, который принес ей сегодня такой успех; только после этого, набросив на себя капот и спрятав на груди письмо Каррингтона – свое секретное оружие, она поспешила в комнату Маделины и устроилась там в кресле у огня. После минутной паузы сестры начали между собой давно откладывавшийся поединок, силы в котором были почти равными, так что исход его был пока совершенно неясен, потому что Маделина, хотя и была гораздо умнее, не подозревала, какая атака против нее сейчас начнется, а потому не была готова к обороне; Сибилла же на этот раз хорошо знала, чего хочет, и потому имела четкий план действий.

– Маделина, – почти торжественно начала Сибилла, сердце ее отчаянно билось. – Мне нужно с тобой поговорить.

– О чем именно, дружочек? – спросила Маделина, все еще обеспокоенная, но уже начинающая понимать, что между тоном сестры и внезапным недоумением на балу, так быстро прошедшим, очевидно, существует какая-то связь.

– Ты собираешься выйти замуж за мистера Рэтклифа?

От такой открытой атаки бедная миссис Ли пришла в замешательство. Этот роковой вопрос преследовал ее на каждом шагу. Не более часа назад на балу ей чудом удалось уйти от ответа, и, как выяснилось, чудом этим она обязана Сибилле, которая теперь, словно держа ее под дулом пистолета, пытается ее тем же вопросом. Вероятно, он занимает сейчас весь город. Половина Вашингтона видела, как Рэтклиф делал ей предложение, и ее ответа ждет множество людей, будто она – счетная комиссия, осуществляющая контроль над выборами. Возмущению ее не было предела, и она решила задать Сибилле встречные вопросы:

– Почему ты спрашиваешь меня об этом? Ты что-нибудь слышала? Кто-нибудь с тобой об этом говорил?

– Нет! – ответила Сибилла. – Но мне нужно знать. Я и без чьей-либо подсказки вижу, что мистер Рэтклиф делает все, чтобы ты вышла за него замуж. Я спрашиваю тебя не из любопытства; твое решение касается меня не в меньшей степени, чем тебя саму. Пожалуйста, ответь мне! Хватит обращаться со мной, как с ребенком! Скажи мне, каковы твои намерения? Я устала жить в неведении. Ты не представляешь себе, каким грузом это лежит на мне! О, Мад, я не смогу быть спокойна и счастлива, пока ты не доверишься мне!

Миссис Ли почувствовала угрызения совести; ее поразила мысль, что это неожиданное осложнение еще туже затягивает накиннутую на нее петлю. Она не видела выхода из создавшегося положения, не знала, какие мотивы руководят сестрой, но понимала, что от ее решения зависит и счастье Сибиллы; а теперь ее еще обвиняли в бесчувственности и требовали прямого ответа на простой вопрос. Могла ли она утверждать, что не намерена выйти замуж за мистера Рэтклифа? Ответить так означало отказаться от тех целей, которые зрели в ее душе. Если от нее требовался прямой ответ, лучше сказать «да!» и покончить с этим, лучше положиться на судьбу и посмотреть, что из этого выйдет. И миссис Ли, внутренне вся напрягшись, но внешне никак не выказывая своего

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
волнения, ответила словно в полусне:

– Хорошо, Сибилла, я скажу тебе. Мне давно следовало сказать тебе об этом, но тогда я сама еще ничего не решила. Да! Я решила выйти замуж за мистера Рэтклифа!

– И ты уже сказала ему об этом? – вскричала Сибилла, вскакивая на ноги.

– Нет! Твой приход прервал наш разговор. Я рада, что так случилось: ты дала мне время подумать. Но теперь я решила. Завтра я дам ему ответ.

При этом у миссис Ли не появилось того особого выражения лица, что бывает у тех, кто поверяет собеседнику тайну своего сердца. Миссис Ли говорила автоматически, как бы делая над собой усилие. Сибилла яростно набросилась на сестру; чрезвычайно возбужденная, жаждавшая быть выслушанной до конца, она стала умолять сестру:

– О, нет, нет, нет! Пожалуйста, пожалуйста! Мад, дорогая, хорошая, единственная! Если ты не хочешь разбить мое сердце, не выходи замуж за этого человека! Ты не сможешь полюбить его! Ты не будешь с ним счастлива! Он увезет тебя в свою Пеонию, и ты там погибнешь! Я никогда больше тебя не увижу! Он сделает тебя несчастной; он будет бить тебя, я знаю, будет! О, если ты хоть немного думаешь обо мне, не выходи за него замуж! Прогони его! Не встречайся с ним больше! Или давай уедем сами. Утренним поездом, прежде чем он появится. У меня все готово, а твои вещи я соберу; мы поедem в Ньюпорт, в Европу – куда угодно, лишь бы подальше от него!

После этих страстных заклинаний Сибилла рухнула на колени у ног сестры, обняла ее за талию и стала рыдать так, будто сердце ее уже разбито. Если бы Каррингтон сейчас ее увидел, он бы признал, что она в точности выполнила все его инструкции. Но она действовала искренне. Она говорила то, что думала на самом деле, и слезы, которые она уже несколько недель сдерживала, были самыми настоящими. К сожалению, ее доводы хромали по части логики. О характере мистера Рэтклифа у нее были весьма смутные представления, которые основывались на том, каким, по ее мнению, должен быть Колосс Прерий в родной Пеонии. Да и представления об этой самой Пеонии были весьма туманными. Ее преследовала такая картина: Маделина сидит на диване, набитом конским волосом, перед железной печкой в убогой комнатке с белеными голыми стенами, украшенными лишь несколькими литографиями, рядом столик с мраморной столешницей, а на нем – стеклянная ваза с засушенными имморталиями; единственное ее чтение – журнал Фрэнка Лесли и «Нью-Йорк леджер», и по всему дому стоит сильный запах кухни. Или Маделина принимает гостей – соседских жен и избирателей, которые рассказывают ей последние пеонские новости.

Несмотря на невежественную и ничем не обоснованную предубежденность Сибиллы против мужчин и женщин из западных штатов, их городов и прерий и вообще всего, что шло с Запада, вплоть до политики и политиков, которых она считала самым ужасным порождением тех краев, в ее рассуждениях была доля здравого смысла. Когда для мистера Рэтклифа пробьет его час, который не минует никого из политиков, и неблагоприятное отечество позволит ему чахнуть в кругу иллинойсских друзей, что сможет он предложить своей жене? Неужели он всерьез полагает, что Маделина, которой смертельно наскучил Нью-Йорк, которую ничем не смогла привлечь Европа, сможет жить на покое в какой-нибудь романтической деревушке под Пеонией? А раз так, то неужели мистер Рэтклиф думает, что они смогут обрести счастье, наслаждаясь обществом друг друга и теми развлечениями, какие им предложит Вашингтон на деньги миссис Ли? В своем охотничьем запале мистер Рэтклиф решил заранее принять все условия, которые может поставить миссис Ли, но, если он действительно считает, что счастье и удовлетворение могут основываться лишь на багровом отблеске заходящего солнца, он доверяет женщинам и деньгам больше, чем это, наверное, оправдано человеческим опытом.

Какими бы путями мистер Рэтклиф ни собирался бороться с предстоящими сложностями, ни один не мог бы удовлетворить Сибиллу, которая, если и допускала неточности в своих рассуждениях о Колоссах Прерий, все же понимала женщин, в особенности свою сестру, гораздо лучше, чем это в состоянии был сделать мистер Рэтклиф. Тут она стояла на твердой почве, и дальше ей лучше было бы помолчать, потому что миссис Ли, в первый момент потрясенная страстностью ее слов, теперь, выслушав Сибиллу, страхи которой показались ей просто абсурдными, почувствовала себя увереннее. Маделина

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org восстала против этого истерического сопротивления и еще более утвердилась в правильности принятого решения. Спокойным, взвешенным тоном она стала увещавать сестру:

– Сибилла, Сибилла! К чему такое неистовство? Ты же взрослая женщина, а ведешь себя как избалованный ребенок!

Как большинство людей, которым приходилось иметь дело с детьми – балованными и небалованными, – миссис Ли прибегла к строгому тону не потому, что это был лучший способ справиться с ними, а потому, что не знала другого. Ей было очень не по себе, и она ужасно устала. Она была недовольна собой, тем паче мотивами, которые ею руководили. Сомнения одолевали ее со всех сторон; но самым худшим было то, что счастье сестры перевешивало чашу весов, на которые были положены ее собственные доводы.

Тем не менее ее тактика привела к желаемому результату и положила конец натиску Сибиллы. Она перестала рыдать и поднялась с колен с довольно спокойным выражением лица.

– Маделина, – сказала она. – Ты действительно решила выйти за мистера Рэтклифа?

– А что же мне остается, милая моя Сибилла? Я хочу сделать все как можно лучше. Мне казалось, ты будешь довольна.

– Тебе казалось, что я буду довольна? – изумилась Сибилла. – Какая странная мысль! Если бы ты раньше поговорила со мной, я сказала бы тебе, что ненавижу этого человека, я ума не приложу, как ты можешь его терпеть. Но я скорее сама выйду за него замуж, чем позволю это тебе. Да ты убьешь себя от горя, если станешь его женой. О, Мод, заклинаю тебя, скажи, что ты этого не делаешь! – И Сибилла, которая, уже было успокоившись, гладила сестру по плечу, вновь залилась слезами.

Сердце у миссис Ли разрывалось на части. Ей и так тяжело действовать вопреки желаниям ближайших друзей, но быть грубой и бесчувственной по отношению к существу, счастье которого она считала целью своей жизни, оказалось просто невыносимым. И все же ни одна здравомыслящая женщина, объявив, что выходит замуж за такого человека, как мистер Рэтклиф, не станет швыряться им только потому, что другая женщина решила вести себя словно капризный ребенок. В Сибилле сохранилось гораздо больше детского, чем Маделина себе представляла. Она даже не видела, в чем ее собственная выгода. Ничего не зная ни о мистере Рэтклифе, ни о Западе, она вообразила его сказочным великаном, живущим на верхушке бобового стебля. Поэтому и обходиться с ней нужно как с ребенком: нежно, снисходительно, с любовью, но твердо и решительно. И отказать ей ради ее же пользы.

И когда миссис Ли наконец заговорила, тон ее был весьма решительный, а все ее волнения спрятаны очень глубоко.

– Сибилла, дорогая, я решила выйти замуж за мистера Рэтклифа, потому что это единственный путь сделать всех счастливыми. Тебе незачем его бояться. Он человек добрый и великодушный. Кроме того, со своими делами я сама управлюсь, и с твоими тоже. А теперь не будем больше обсуждать мое замужество. Уже совсем рассвело, и мы обе смертельно устали.

И тут Сибилла, внезапно совершенно успокоившись, сказала сестре с таким видом, как будто они поменялись ролями:

– Значит, ты приняла решение? И никакие мои доводы не смогут его изменить?

Миссис Ли, пораженная этой внезапной переменой, не сразу нашлась с ответом и лишь кивнула головой, медленно, но решительно.

– Тогда, – сказала Сибилла, – мне осталось только одно. Изволь прочесть вот это! – И она достала и положила перед Маделиной письмо Каррингтона.

– Только не сейчас, Сибилла, – возразила миссис Ли в ужасе, что ей придется выдержать еще одну битву. – Я непременно прочту его – когда мы немного отдохнем. А теперь спать!

– Я не уйду отсюда и не лягу до тех пор, пока ты не прочтешь письмо, –

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org ответила Сибилла, вновь усаживаясь перед камином с решимостью королевы Елизаветы. – Даже если мне придется сидеть здесь до дня твоей свадьбы. Я обещала мистеру Каррингтону, что ты прочтешь его письмо немедленно. Это все, что я теперь могу сделать.

Вздыхнув, миссис Ли отдернула штору, села у окна и, распечатав конверт, при тусклом утреннем свете принялась читать.

«Вашингтон, 2 апреля.

Дорогая миссис Ли.

Это письмо попадет в Ваши руки лишь в случае крайней необходимости. Только крайняя необходимость заставила меня написать его. Я прошу извинения, что опять вторгаюсь в Ваши личные дела. Но если я не сделаю этого, Вы сами впоследствии будете на меня в обиде.

Однажды Вы спросили меня, что такого я знаю о мистере Рэтклифе, чего не знают другие и что объясняет мое дурное мнение о нем. Тогда я уклонился от ответа. Я был связан профессиональными правилами, обязывающими не раскрывать фактов, которые были доверены мне по секрету. Я нарушаю эти правила, потому что чувство долга перед Вами заслоняет все иные.

Вам известно, что я – душеприказчик Сэмюэла Бейкера. Вы знаете, кем был Сэмюэл Бейкер. Вы виделись с его женой. Она рассказала Вам, что я помогал ей разбирать и уничтожать личные бумаги ее мужа в соответствии с высказанной им предсмертной волей. Среди фактов, которые я узнал из этих бумаг и ее пояснений, был следующий.

Лет восемь назад компания „Межокеанское почтовое пароходство“ пожелала распространить свои услуги на весь мир и обратилась в конгресс за большими субсидиями. Дело это попало в руки мистера Бейкера, и я видел копии его частных писем к президенту компании и ответы на них. Письма Бейкера были зашифрованы, он часто это делал, но среди его бумаг остался и ключ к шифру. Однако он не понадобился: миссис Бейкер и так мне все объяснила.

Из корреспонденции было ясно, что дело благополучно разрешилось в палате представителей и затем попало в соответствующий комитет сената. Дальнейшее успешное его прохождение вызывало сомнение: работа сената подходила к концу, мнения по этому вопросу разделились, а председатель комитета был настроен решительно против.

Председателем комитета был мистер Рэтклиф, всегда упоминавшийся в шифровках с великими предосторожностями. Кстати, если Вы сочтете нужным в этом удостовериться и ознакомиться с прохождением законопроекта о субсидии на всех его этапах, а также с отчетом мистера Рэтклифа, замечаниями и голосованием по данному вопросу, Вам достаточно просмотреть протоколы заседаний за указанный год.

В конце концов мистер Бейкер сообщил своим доверителям, что сенатор Рэтклиф положил законопроект под сукно и, если не будут изысканы средства преодолеть его сопротивление у окончательный доклад сделан не будет, а голосование вообще не состоится. Все обычные способы, которыми можно было воздействовать на сенатора Рэтклифа, себя не оправдали. Учитывая чрезвычайные обстоятельства, Бейкер предложил компании разрешить ему прибегнуть к помощи денег, но добавил, что малые суммы тут ничего, кроме вреда, не принесут. Если не предложить хотя бы сто тысяч долларов, лучше вообще отказаться от этого дела.

В ответном письме его уполномочивали распоряжаться любой необходимой суммой, однако не превышающей полутора тысяч долларов. Через два дня Бейкер сообщил, что билль заслушан и в течение двух дней вопрос в сенате будет решен. Он поздравлял компанию с тем, что дело удалось уладить с помощью лишь ста тысяч долларов.

И впрямь проект был изучен, заслушан и одобрен, как и предсказывал Бейкер, и с тех пор компания получает свои субсидии. Миссис Бейкер сообщила мне, что, насколько ей известно, ее покойный муж передал указанную сумму сенатору Рэтклифу в облигациях банка Соединенных Штатов.

Вот эта сделка, изобличающая его аморальность, характеризующая всю его

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org общественную деятельность, и является причиной моего постоянного к нему недоверия. Как Вы понимаете, все эти бумаги были уничтожены. Миссис Бейкер никогда не допустила бы, чтобы ее благополучие было поставлено под угрозу из-за каких-то разоблачений. Служащие компании, действуя в своих интересах, также никогда не признаются в содеянном, а их бухгалтерские книги наверняка ведутся таким образом, что там эта история никак не отражена. Если бы я выдвинул против мистера Рэтклифа подобное обвинение, пострадал бы только я. Сенатор станет все отрицать и лишь посмеется надо мною. Я не смогу ничего доказать. Поэтому я даже больше него заинтересован в соблюдении тайны.

Раскрывая Вам этот секрет, я твердо полагаюсь на то, что Вы никому ничего не скажете – даже Вашей сестре. Вы вольны, если хотите, показать это письмо лишь одному человеку – самому мистеру Рэтклифу. После этого умоляю Вас немедленно сжечь письмо.

С наилучшими пожеланиями,

остаюсь искренне преданный Вам,

Джон Каррингтон».

Дочитав письмо, миссис Ли несколько минут молча стояла у окна, глядя на раскинувшуюся внизу площадь. Утро уже наступило, и раннее апрельское солнце ярко освещало все вокруг. Маделина распахнула окно и пустила в комнату теплый весенний воздух. Ее израненной душе, оскорбленной, доведенной до белого каления, содрогавшейся от отвращения, необходимы были чистота и покой окружающей природы. Несмотря на отношение к Рэтклифу ее друзей, она продолжала верить этому человеку и вот дошла до того, что увидела в нем своего будущего мужа; а ведь если бы закон и справедливость значили одно и то же, ему прямая дорога в тюрьму, ему, ничтоже сумняшеся обманувшему доверие, которым он был облечен. Гнев ее не знал границ. Она жаждала поскорее увидеть его, чтобы сорвать с него маску. О, она изольет на него все презрение, которое питает к этой своре политиканов. Она посмотрит, устроены ли эти твари так же, как другие живые существа; есть ли у них хоть остатки чести, хоть что-нибудь светлое в душе.

Затем ей пришло в голову – а вдруг произошла ошибка; что, если мистер Рэтклиф сумеет отвести от себя обвинения? Но эта мысль лишь еще больше разбередила рану, нанесенную ее самолюбью. Она не только верила, что все это правда, но и знала, что он найдет оправдание своему поступку. Итак, она почти согласилась выйти замуж за человека, которого считала способным на преступление, а теперь содрогалась от мысли, что, если в подобных грязных сделках обвинят ее мужа, она не сможет отвести это обвинение, тут же выразив недоверие и справедливое негодование. Но как это могло произойти? Как могла она попасть в такое гадкое положение? Уезжая из Нью-Йорка, она намеревалась понаблюдать в Вашингтоне политическую жизнь. И не более того. Прийди ей тогда в голову, что ее здесь станут побуждать вторично выйти замуж, она бы и с места не тронулась: она гордилась верностью памяти мужа, а к повторным бракам питала отвращение. Но в своем одиночестве и неугомной погоне за впечатлениями она позабыла об этом; правда, она только задала себе вопрос, имеет ли жизнь смысл для женщины, у которой нет ни мужа, ни ребенка. Неужели семья – это единственный удел женщины? Неужели нельзя найти других интересов за пределами домашнего очага? И вот, гоняясь за фантомом, она сама, с открытыми глазами, вступила в трясину политики, вступила вопреки дружеским увещаниям, вопреки требованиям собственной совести.

Она встала, прошла по комнате; Сибилла, лежа на кушетке, наблюдала за сестрой из-под полуопущенных век. С каждым шагом Маделина все больше упрекала себя, и по мере того, как в ней росло чувство собственной вины, она все меньше сердилась на Рэтклифа. Да и какое право было у нее на него сердиться? Он никогда не обманывал ее. Он открыто признавался, что в политике не следует законам морали, и если для достижения его целей не годились благородные средства, он прибегал к порочным. Как могла она ставить ему в вину действия, которые он постоянно защищал в ее присутствии и с ее молчаливого согласия, основываясь на принципах, оправдывавших любую подлость?

Но самым ужасным было то, что это открытие не принесло ей облегчения, напротив, обрушилось на нее тяжким ударом. При этой мысли она еще больше рассердилась на себя. Оказывается, она не знала, что таится в ее душе. Она

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org честно считала, что на эту жертву ее толкает забота о счастье и интересах Сибиллы; теперь она понимала, что втайне ею руководили совсем другие мотивы: честолюбие, жажда власти, беспокойное желание вмешиваться в чужие дела, слепое стремление избежать мучительной зависти, которую она испытывала, наблюдая за женщинами, чья жизнь была наполнена, а инстинкты удовлетворены, тогда как сама она вела пустое и грустное существование. Какое-то время она искренне заблуждалась, лелея надежду, что сможет открыть для себя поле полезной деятельности; что возможность делать добро заполнит зияющую пустоту, образовавшуюся, когда судьба лишила ее семейного счастья; что она наконец нашла попроще, на котором сможет истратить остаток своих дней, если даже ее эксперимент и не увенчается успехом. А теперь, когда эта иллюзия рассеялась, жизнь стала еще более пустой, чем раньше. И все же самым ужасным было не постигшее ее разочарование, а осознание собственной слабости и способности к самообману.

Уставшая от длительных переживаний, возбуждения и бессонницы, Маделина была не в состоянии бороться с тем, что будоражило ее разум. Такое напряжение могло закончиться лишь нервным срывом, и он не замедлил произойти.

– О, как отвратительна жизнь! – вскричала она, заламывая руки в беспомощной ярости и отчаянии. – Лучше бы я умерла! Будь проклят этот мир, и пусть все провалится в бездну! – И с этими словами она, разразившись слезами, рухнула подле Сибиллы.

Сибилла, молча наблюдавшая за этой сценой, спокойно выжидала, когда схлынет волна возбуждения. Сказать ей было нечего. Разве только успокаивать сестру. Постепенно слезы иссякли, но Маделина еще некоторое время лежала молча, пока ее не стали тревожить новые мысли. Упреки, которые она делала себе из-за Рэтклифа, сменились угрызениями совести из-за Сибиллы; девушка выглядела измученной и бледной, и казалось, вот-вот свалится от усталости.

– Сибилла, – сказала Маделина, – тебе нужно немедленно лечь в постель. На тебе просто лица нет. Это непροстительно, что я позволила тебе остаться на ногах так поздно. Иди, иди, тебе надо хорошенько выспаться.

– Я не лягу, пока не ляжешь ты! – упрямо ответила Сибилла.

– Иди, моя хорошая. Я уже решила: я не выйду замуж за мистера Рэтклифа. Тебе не о чем больше беспокоиться.

– Ты чувствуешь себя очень несчастной?

– Нет. Я только очень зла на себя. Мне нужно было раньше прислушаться к советам мистера Каррингтона.

– О, Мод! – вскричала Сибилла с неожиданным приливом сил. – Как я хотела, чтобы ты вышла замуж за него!

Эта реплика возбудила в миссис Ли неожиданное любопытство.

– Как, Сибилла, – спросила она, – и ты это говоришь всерьез?

– Конечно, всерьез, – отвечала Сибилла весьма решительно. – Я знаю, ты считаешь, что я влюблена в мистера Каррингтона, но это не так. Мне он гораздо больше нравится в качестве зятя, он лучший из всех окружающих тебя мужчин, к тому же ты смогла бы помочь его сестрам.

Миссис Ли заколебалась; она не была уверена, стоит ли беречь едва зажившую рану, но ей хотелось сбросить с себя и этот, последний, груз, и она отважно ринулась вперед:

– Это правда, Сибилла? Ты уверена? Почему же тогда ты говорила, что он тебя интересуется? Почему ходила такая несчастная, когда он уехал?

– Почему? По-моему, это проще простого! Я думала, как и все вокруг, что ты собираешься замуж за мистера Рэтклифа; а если бы он стал твоим мужем, мне пришлось бы уехать и жить одной; ты относилась ко мне, как к ребенку, ничего мне не рассказывала, а мистер Каррингтон был единственным человеком, кто давал мне советы, и когда он уехал, я осталась одна воевать и с мистером Рэтклифом, и с тобой, а рядом не было никого, кто мог бы мне помочь, если бы я совершила ошибку. Да ты на моем месте чувствовала бы себя

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
гораздо более несчастной.

Маделина смотрела на сестру с недоверием. Надолго ли ее хватит? Понимала ли она, насколько глубока ее рана? Но что может сейчас сделать миссис Ли? Даже если Сибилла себя обманывает. Возможно, когда страсти улягутся, образ Каррингтона будет возникать в ее душе несколько чаще, чем нужно для ее успокоения. Будущее покажет. Миссис Ли притянула сестру к себе и сказала:

– Я совершила ужаснейшую ошибку, Сибилла, но ты должна меня простить.

ГЛАВА XIII

Миссис Ли спустилась из своей комнаты изрядно за полдень. Она промолчала о том, сколько она спала, но вид ее не свидетельствовал, что сон был долгим или сладким; и хотя она спала мало, недостаток сна она возместила тем, что много думала; эти размышления успокоили бурю в ее груди, наступило затишье. И если в ее душе еще не сияло солнце, по крайней мере там уже не дули ветры. Час проходил за часом, но она лежала без сна, и ее жигало чувство горького стыда, как легко поддалась она тщеславию, вообразив, будто в ее силах принести миру существенную пользу. Она даже тихонько сама с собою посмеялась над представившейся ей картиной, как она «переделяет» Рэтклифа, Кребса и Скайлера Клинтон. Теперь, когда она увидела, как легко один только Рэтклиф обвел ее вокруг пальца, она готова была провалиться сквозь землю, а мысль о том, что он сделал бы с нею, к каким нравственным ухищрениям ей пришлось бы прибегать, выйдя она за него замуж, наводила на нее смертельный ужас. Она едва не попала под колеса чудовищной машины, что привело бы ее к преждевременной гибели. Думая об этом, она испытывала страстное, безумное желание отомстить всей расе политиканов во главе с Рэтклифом и несколько часов потратила на составление гневной речи, которую собиралась швырнуть ему в лицо. Но по мере того как она успокаивалась, преступления Рэтклифа теряли свой зловещий оттенок, да и жизнь ее в целом не была его стараниями загублена до конца; в этом приобретенном ею опыте, каким бы горьким он ни был, имелись свои положительные стороны. Разве не приехала она в Вашингтон в поисках людей, обладающих густой тенью, и разве тень, тянущаяся за Рэтклифом, не была достаточно плотной, чтобы удовлетворить ее любопытство? Разве она не проникла в святая святых политики, обнаружив, с какой легкостью простое обладание властью превращает сумбурные идеи, роящиеся в голове простоватого деревенского жителя, в трагический кошмар или лишает сна целые народы? Игры президентов и сенаторов были весьма забавными – настолько забавными, что Маделина почти уговорила себя принять в них участие. Она вовремя спаслась. Да, она добралась до самого доньшка такого рода дел в демократическом правительстве и поняла, что это правительство ничем не отличается от любого другого. Она была достаточно здравомыслящей женщиной, чтобы сознавать это и раньше, но теперь убедилась в этом на собственном опыте и была рада, что покидает сей маскарад; покидает, чтобы вернуться к тому, что является подлинными демократическими ценностями: к своим нищим и тюрьмам, к своим школам и больницам. Что же до мистера Рэтклифа, ей не сложно будет покончить с этой историей навсегда. Пусть мистер Рэтклиф и его собратья-колоссы блуждают по своим политическим прериям, охотятся за должностями или занимаются другими выгодными для себя играми, пусть делают все, что им угодно. Их цели не совпадают с ее целями, и ее вовсе не тянет присоединиться к их компании. Теперь она уже меньше негодовала на мистера Рэтклифа. У нее пропало желание отхлестать его или с ним поссориться. Все, что он делает как политик, он делает в соответствии с собственной моралью, и не ей судить его; единственное, что она требует, – это право защищаться. Она решила, что ей без труда удастся отодвинуть его на почтительное расстояние, и, хотя, если письмо Каррингтона содержит правду, им не удастся остаться близкими друзьями, они всегда могут быть добрыми знакомыми. Ну, а если после этого их отношения перейдут в разряд формальных, у нее по крайней мере будет доказательство, что кое-чему она у мистера Рэтклифа научилась; возможно, это также послужит доказательством, что ей не грех проучить и самого мистера Рэтклифа.

Когда миссис Ли показалась из своей комнаты, часы пробили два; Сибилла еще не появлялась. Маделина позвонила горничной и отдала распоряжение, чтобы к ней никого не пускали, она дома только для мистера Рэтклифа. Затем принялась писать письма и готовиться к отъезду в Нью-Йорк; ей приходилось торопиться, чтобы избежать лавины сплетен и осуждений, которые, она

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org чувствовала, вот-вот на нее обрушатся. Когда много времени спустя появилась Сибилла, которая выглядела гораздо свежее своей сестры, они целый час вместе улаживали всевозможные мелкие дела, и настроение у обеих сестер заметно улучшилось, а Сибилла просто засияла.

Множество посетителей побывало в тот день у их подъезда; одни хотели их видеть из дружеского расположения, другие – из откровенного любопытства, потому что внезапное исчезновение миссис Ли с бала вызвало тьму пересудов. Но ее двери были крепко заперты для всех. После трех она отослала Сибиллу, чтобы иметь поле боя полностью в своем распоряжении. Сибилла, освободившись от всех своих тревог, сделала вылазку к Виктории, прервав своим появлением беседу Данбега с будущей графиней, и получила немалое удовольствие, наблюдая за Викторией в новой «фазе» ее жизненного пути.

Часа в четыре могучая фигура мистера Рэтклифа возникла в дверях западного крыла министерства финансов и спустилась по широким ступеням. Министр неторопливо свернул к Лафайет-парку, пересек Пенсильвания-авеню, остановился у порога миссис Ли и позвонил. Его немедленно приняли. Миссис Ли была в гостинной одна и при виде Рэтклифа поднялась со своего места с очень серьезным выражением лица, хотя приветствовала его, как обычно, весьма сердечно. Она хотела сразу положить конец его надеждам, и сделать это очень решительно, но так, чтобы не обидеть его чувств.

– Мистер Рэтклиф, – начала она, когда он сел, – я уверена, вы предпочтете, чтобы я объяснилась с вами немедленно и открыто. Прошлой ночью я не могла дать вам ответа. Я сделаю это сейчас и без промедления. То, что вы желаете, исполнить невозможно. Я даже не хочу ничего обсуждать. Оставим эту тему и вернемся к нашим прежним отношениям.

Ей так и не удалось заставить себя вложить в свой тон хоть толику благодарности в ответ на его чувство или выразить сожаление по поводу того, что ей нечего дать ему взамен. По ее мнению, достаточно было отнестись к нему с терпением и деликатностью. Рэтклиф сразу почувствовал перемену в ее тоне. Он приготовился к борьбе, но не к такому глухому отпору в самом начале. Он тотчас принял очень серьезный вид, с минуту поколебался, прежде чем заговорить, но когда он наконец заговорил, тон его был не менее твердым и решительным, чем у миссис Ли.

– Я не могу принять такой ответ. Я не буду говорить, что имею право на объяснение – у меня нет прав, к которым вы отнеслись бы с должным уважением, – но из ваших слов я понял, что могу по крайней мере просить о милости, в которой вы не откажете мне. Надеюсь, вы соизволите объяснить мне причины столь внезапного и резкого решения?

– Я не собираюсь оспаривать ваше право получить объяснение, мистер Рэтклиф. У вас есть такое право, и, если вы желаете им воспользоваться, я постараюсь объяснить вам все, насколько это в моих силах; но я надеюсь, вы не будете на этом настаивать. Если мои слова показали вам неожиданными и резкими, то они таковы единственно, чтобы уберечь вас от больших досадных разочарований. Поскольку я вынуждена причинить вам боль, разве не правильнее и уважительнее по отношению к вам сказать все сразу? Мы ведь были друзьями. Очень скоро я уеду из Вашингтона. Я искренне хочу избежать любых действий или высказываний, которые привели бы к изменению отношений между нами.

Рэтклиф, однако, не придавал этим словам никакого значения и на них не ответил. Он был слишком опытным полемистом, чтобы попасться на такие штучки, в особенности когда ему необходимо было употребить все свои возможности, чтобы припереть противника к стене.

– Значит, это новое решение? – спросил он.

– Нет, очень давнее, мистер Рэтклиф. Просто я на какое-то время от него отошла. А ночь размышлений заставила меня к нему вернуться.

– Могу я спросить, почему вы вернулись к этому решению? Ведь вы бы не колебались, не имея веских на то причин.

– Я буду с вами откровенной. И если вас ввело в заблуждение то, что я, как вам показалось, колебалась, я искренне сожалею об этом. Я этого не хотела. Мои колебания связаны с тем, что я не могла решить для себя, не лучше ли

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org будет и в самом деле употребить свою жизнь на то, чтобы стать вашей помощницей. А решение мое основано на том, что мы не подходим друг другу. Наши жизни идут по разным колеям. И каждый слишком стар, чтобы ее изменить.

Рэтклиф с видимым облегчением покачал головой.

– Доводы, которые вы приводите, миссис Ли, несерьезны. У нас не так много расхождений. Напротив, вашу жизнь я могу направить по тому руслу, в котором она нуждается; вы же можете придать моей все то, чего ей недостает. Если это единственная причина, я уверен, в моих силах ее устранить.

Судя по виду Маделины, эта мысль не была ей по душе, а в тоне ее появились категорические нотки.

– Мистер Рэтклиф, спорить на эту тему бесполезно. У нас с вами разные взгляды на жизнь. Я не могу согласиться с вашими, а вы не сможете жить по-моему.

– Приведите мне хотя бы один пример наших расхождений, – сказал Рэтклиф, – и я молча соглашусь с вашим решением.

Какое-то мгновение миссис Ли колебалась; она вперила в него взгляд, словно желая удостовериться, что он говорит серьезно. Прозвучавший в его словах дерзкий вызов поразил ее – если она теперь не будет настороже, неизвестно, какие неприятности все это повлечет за собой. И тогда она отперла ящик стоявшего тут же секретера, достала письмо Каррингтона и протянула мистеру Рэтклифу:

– Вот пример, о котором я узнала слишком поздно. Я в любом случае собиралась вас с ним ознакомить, но предпочла бы сделать это немного погодя.

Рэтклиф взял протянутое ему письмо, нехотя открыл конверт, посмотрел на подпись и стал читать. Он не выказывал признаков волнения или удивления. Никому и в голову не пришло бы, что с того момента, когда на глаза ему попала подпись Каррингтона, он знал содержание этого письма настолько же точно, как если бы написал его сам. В первое мгновение им овладел безотчетный гнев – планы его рушились. Как же это произошло, он не мог сразу сообразить, он не допускал и мысли, что тут приложила руку Сибилла. В его глазах она была легкомысленной девицей, которую ее сестра совершенно не принимала в расчет. Он совершил обычную мужскую ошибку, спутав остроту интеллекта с силой характера. Далеко не философ, Сибилла умела желать того, чего желала, с большей силой, чем ее сестра, которая уже порядком устала от жизненных невзгод. Этот факт мистер Рэтклиф не учел, и поэтому ему оставалось лишь недоумевать, кто перебежал ему дорогу и каким образом Каррингтон ухитрился, отсутствуя, одновременно как бы принимать участие в этих событиях, как, получив хорошую должность в Мексике, мог препятствовать его, Рэтклифа, планам. Чего-чего, а уж такой изворотливости он в Каррингтоне не предполагал.

Возникшее осложнение крайне его раздражало. Несколько днями позже, считал Рэтклиф, он сумел бы оградить себя от опасности и, пожалуй, был в этом прав. Если бы ему удалось хоть в какой-то степени завладеть миссис Ли, он сам рассказал бы ей эту историю, но в собственной интерпретации и, без сомнения, сумел бы сделать это так, чтобы вызвать ее сочувствие. Теперь, когда она против него предубеждена, задача осложняется; но он не отчаивался, потому что по его теории в глубине души миссис Ли так же желала стать хозяйкой Белого дома, как он сам, а ее показная скромность означала всего лишь обычную женскую нерешительность перед лицом соблазна. И его мысли тотчас обратились к тому, как наилучшим образом вновь сыграть на ее честолюбии. Он жаждал второй раз вытеснить Каррингтона с поля боя.

Поэтому, быстро пробежав письмо взглядом, чтобы ознакомиться с его содержанием, он вернулся к началу и стал медленно его перечитывать, на сей раз, чтобы выиграть время. Затем вложил его в конверт и вернул миссис Ли, которая с таким же полным спокойствием, словно на этом весь ее интерес к посланию Каррингтона исчерпан, небрежно бросила его в огонь, где оно на глазах мистера Рэтклифа превратилось в пепел.

С минуту он наблюдал, как оно горит, затем повернулся к миссис Ли и сказал с присутствием ему самообладанием:

– Я намеревался сам рассказать вам об этом деле. Мне жаль, что мистер Каррингтон счел возможным опередить меня. У меня нет сомнений, что, обвиняя меня, он руководствовался какими-то личными интересами.

– Значит, это правда! – воскликнула миссис Ли несколько поспешнее, чем ей бы того хотелось.

– Правда в основной канве, но неправда в части некоторых деталей, а главное, в том впечатлении, которое у вас создалось. Президентские выборы, состоявшиеся восемь лет назад, если вы помните, были очень напряженными, а шансы кандидатов почти равными. Мы считали – правда, в ту пору я не занимал в партии столь значительное положение, как сейчас, – что результаты выборов сыграют в судьбе нации не меньшую роль, чем результаты войны! Наше поражение означало бы, что власть перейдет в запятнанные кровью руки мятежников-южан, людей, чьи намерения были более чем сомнительными, но, даже будь эти намерения отменными, они все равно не смогли бы сдержать неистовство их приспешников. Поэтому нам пришлось напрячь все свои силы. Деньги лились рекой, мы тратили их, выходя за пределы имевшихся у нас сумм. Я не стану вдаваться в подробности, рассказывая, на что они употреблялись. Да я и сам толком не знаю, потому что стоял в стороне от всего этого – финансами распоряжался национальный центральный комитет, а я тогда не был его членом. Скажу лишь, что пришлось взять большую сумму под залог и ее нужно было выплатить. Члены национального комитета и несколько сенаторов дебатировали этот вопрос, и я принимал участие в обсуждениях. Дело кончилось тем, что к концу сессии председатель комитета, сопровождаемый двумя сенаторами, подошел ко мне и сказал, что мне следует снять свои возражения против предоставления пароходству субсидий. Они не раскрыли мне истинных причин, а я не стал на этом настаивать. Их заявление от имени руководства партией, что мои действия существенны для интересов нашей партии, вполне меня удовлетворило. Я не считал себя вправе настаивать на собственном мнении в отношении той меры, которая, как мне стало совершенно ясно, ставит лично меня в весьма ложное положение. Я соответственно доложил о законопроекте, голосовал за него, как сделали большинство членов нашей партии. Миссис Бейкер ошибается, говоря, что деньги пошли в мой карман. Если их и заплатили, о чем я узнал только из этого письма, они были переданы представителю национального комитета. Я никаких денег не получал. Все, что меня связывает с этими деньгами, – это мои умозаключения о том, каким образом вскоре после этого партия рассчиталась со своими долгами за предвыборную кампанию.

Миссис Ли выслушала все это с напряженным вниманием. Лишь в этот момент она впервые по-настоящему ощутила, что добралась до самой сути политики в той мере, в какой врач со своим стетоскопом докапывается до причины болезни. Теперь она наконец узнала, почему политический пульс бьется так неровно и почему люди ощущают постоянное беспокойство, которое они не хотят или не могут объяснить. Интерес к болезни победил в ней отвращение к той грязи, которую она обнаружила. Сказать, что это открытие доставило ей особое удовольствие, – значит погрешить против истины; но вызванное им возбуждение на мгновение заслонило все другие ощущения. Она даже не думала о себе. Лишь позже она осознала всю нелепость притязаний Рэтклифа, полагавшего, что и после его излияний в ней достанет тщеславия, чтобы заниматься реформами в политике. Да еще с его помощью! Дерзость этого человека, казалось, не знала границ, если бы только Маделина была уверена, что ему известна разница между добром и злом, правдой и ложью; но чем больше она наблюдала за Рэтклифом, тем больше убеждалась, что его смелость – лишь следствие нравственного паралича и что он рассуждает о пороке и добродетели, как дальтоник рассуждал бы о красном и зеленом цветах; он видел их не так, как видела их она, и, если бы ему пришлось выбирать между ними, он просто не сумел бы их различить. Неужели политика виновата в том, что за ненужностью его нравственное чувство атрофировалось? А пока она сидела лицом к лицу с человеком, для которого понятия нравственности были темный лес и у которого к тому же недоставало чувства юмора, чтобы понять всю абсурдность того, к чему он призывал: выйти на берег этого моря коррупции то ли в роли короля Канута[41 – Канут (Кнут) (ок. 995–1035) – король Англии (1016–1035) и Дании (1018–1035).], то ли миссис Паррингтон с ее ведром и шваброй[42 – комический персонаж из произведения Б. Р. Шиллабера «Жизнь и высказывания миссис Паррингтон» (1854).]. Что можно было поделаться с этим тупым животным?

Сторонний наблюдатель этой сцены, располагавший дополнительными фактами,

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org мог бы немало поразвлекаться, если бы обратил внимание на другое обстоятельство, а именно на простодушие Маделины Ли. Несмотря на все принятые ею меры предосторожности, она все же была сущим младенцем в сравнении с этим великим интриганом. Она приняла его версию за чистую монету и отнеслась к ней с искренним осуждением; однако если бы мистер Рэтклиф излагал эту историю в кругу партнеров по политической игре, они бы обменялись одобрительными улыбками, выражающими профессиональную гордость, и все как один заявили бы, что он – способнейший человек, который когда-либо родился в этой стране и, вполне вероятно, скоро будет президентом. Сами они, конечно, не стали бы рассказывать ей эту историю, но между собой, возможно, изложили бы факты примерно так: за время своего пребывания в сенате и переизбрания на второй срок Рэтклиф ввел их в непомерные расходы; они попытались привлечь его к ответственности, а он – уклониться от нее, в связи с чем между ними непрерывно возникали жаркие споры; и он сам рекомендовал им обратиться к помощи Бейкера и, обстряпав всю операцию, вынудил взять эти деньги, чтобы вернуть утраченный кредит.

Но даже если бы миссис Ли услышала скрытую от посторонних часть истории, это, скорее всего, лишь усугубило бы ее негодование на Рэтклифа, но никак не изменило мнение о нем. Она и так уже наслушалась достаточно и прилагала максимум усилий, чтобы сдержать отвращение. Когда Рэтклиф закончил говорить, она опять опустила в свое кресло. Увидев, что отвечать она не намерена, он продолжил:

– Я вовсе не собираюсь оправдывать эту сделку. Я весьма сожалею об этом факте моей общественной деятельности; впрочем, не о том, что я сделал, а о том, что возникла необходимость это сделать. Но я не допускаю мысли, что это может стать причиной расхождения между нами.

– Боюсь, что не могу с вами согласиться, – сказала миссис Ли.

Эта краткая реплика, сама краткость которой свидетельствовала о нотке сарказма, вырвалась из уст Маделины невольно. Рэтклиф почувствовал язвительность, и это вывело его из состояния обычного, хорошо контролируемого равновесия. Поднявшись со своего места, он встал перед миссис Ли на коврике у камина в позу и разразился речью в той сенаторской манере и том официальном тоне, которые меньше всего могли завоевать ее симпатии.

– Миссис Ли, – произнес он назидательно, делая особое ударение на некоторых словах, – во всех жизненных делах, кроме самых простейших, нам приходится сталкиваться с противоречивыми обязанностями. Как бы мы ни стремились делать все, что в наших силах, мы нет-нет, да вынуждены поступаться моральным долгом. Единственное, что от нас можно требовать, – чтобы мы руководствовались высшими целями. В то время, когда случилась эта история, я был сенатором Соединенных Штатов. Я также был ответственным лицом в нашей партии, которая для меня олицетворяла всю страну. В обеих этих ипостасях у меня были обязательства перед моими избирателями, перед правительством, перед народом. Я мог трактовать эти обязательства по-разному: и в узком, и в широком смысле слова. Я мог сказать: гори ясным пламенем это правительство, этот Союз, этот народ, лишь бы мои руки оставались чистыми! Или же я мог сказать, как я и сделал и как скажу вновь: «Чем бы мне это ни грозило, я сделаю все, чтобы сохранить наш овеянный славой Союз – последнюю надежду страждущего человечества!»

Здесь он сделал паузу и, заметив, что миссис Ли, которая в начале его речи не отрывала от него глаз, перевела взгляд на огонь, погрузившись в размышления о причудах сенаторской логики, стал подводить итоги, выстраивая новую цепь доводов. Он правильно рассудил, что в его последних словах имеется какой-то моральный изъян (хотя и не мог определить, какой именно) и делать дальнейший упор в этом направлении бесполезно.

– Вы не должны обвинять меня – вы не вправе делать это по законам справедливости. Поэтому я взываю к вашему чувству справедливости. Разве я когда-нибудь скрывал от вас свои взгляды на подобные вещи? И разве я не признавался в них открыто? Разве я здесь, на этом самом месте, не изложил вам свою позицию в истории куда менее невинной, чем эта, когда тот же Каррингтон бросил мне вызов? Разве не сказал вам тогда, что нарушил свято соблюдаемые законы всенародных выборов и подтасовал их результаты? И взял на себя всю ответственность. Но ведь по сравнению с этим история с деньгами пустяк. Кто пострадал от того, что пароходная компания передала тысячу или

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org десять тысяч долларов в фонд выборов? Чьи права это задело? Возможно, акционеров, которые получают доходов на доллар меньше, чем могли бы? Но если они не жалуются, кто другой вправе делать это? Подтасовав голоса, я лишил миллион человек того права, которое принадлежит им столь же неотъемлемо, как их дома! И вы не сказали, что я поступил дурно. В том случае я не услышал от вас ни слова критики, ни обвинений. Если я кого-то и обидел, вы отпустили мне грехи. Вы совершенно ясно дали мне понять, что не видите в этом преступления. Почему же теперь вы так суровы, когда дело идет о меньшем?

Удар попал в цель. Миссис Ли вся сжалась и потеряла самообладание. Именно в этом она упрекала себя сама и не могла найти себе оправдание.

– Мистер Рэтклиф, – воскликнула она возбужденным тоном, – будьте же справедливы и ко мне! Я старалась не быть к вам слишком строгой. Разве я распекала вас или обвиняла? Согласна, не мне быть судьей ваших поступков. У меня гораздо больше причин обвинять себя саму, отнюдь не вас, и видит бог: себя я сужу достаточно сурово.

При последних словах голос ее задрожал, а на глазах выступили слезы. Рэтклиф понял, что эту часть боя он выиграл; он подсел к ней поближе и, понизив голос, еще энергичнее повел атаку:

– Тогда вы правильно вели себя по отношению ко мне. Вы были убеждены – я сделал все, что было в моих силах. А я всегда так поступаю. С другой стороны, я никогда не претендовал на то, чтобы мои действия можно было оправдать с позиций абстрактной морали. В чем же в таком случае заключаются расхождения между нами?

Миссис Ли не стала возражать последним словам Рэтклифа, она вернулась на исходные рубежи.

– Мистер Рэтклиф, – сказала она, – я не собираюсь спорить с вами по этому вопросу. Не сомневаюсь, что вы оставите меня далеко позади по части аргументации. Возможно, для меня главную роль играют не доводы разума, а мои чувства, но это не меняет дела; мне совершенно ясно: я не гожусь для политики. Я буду для вас обузой. Позвольте мне самой судить о собственных слабостях. И не старайтесь больше воздействовать на меня!

Ей было стыдно, что приходится говорить в просительном тоне с человеком, которого она не уважает, говорить так, словно она зависит от его милостей, но она боялась услышать упреки, что обманула его, и таким жалким способом старалась их избежать. Ее слабость только подхлестнула Рэтклифа.

– Я вынужден воздействовать на вас, миссис Ли, – ответил он и заговорил еще жестче, – все мое будущее зависит от вашего решения, и я не могу позволить себе принять ваши слова за окончательный ответ. Мне необходима ваша помощь. И на свете нет ничего, чего бы я не сделал, чтобы добиться ее. Вам нужна любовь? Мое чувство к вам безгранично. Я готов доказать это всей своей жизнью, которая будет исполнена преданностью вам. Вы сомневаетесь в моей искренности? Испытайте ее каким угодно способом. Вы боитесь оказаться низведенной до уровня политиканов? Что касается меня, я очень хочу просить вашей помощи в деле очищения политической атмосферы. Какая цель может быть выше, чем такое служение своей стране? В вас сильно развито чувство долга, и вы понимаете, что перед вами открывается поприще для решения благороднейших задач, какие только могут вдохновить женщину.

От этих слов миссис Ли стало еще больше не по себе, но Рэтклиф ее несколько не переубедил. Ей уже стало ясно, что, если она намерена положить конец его домоганиям, нужно взять более резкий тон.

– Я не сомневаюсь, – начала она, – ни в ваших чувствах, ни в вашей искренности, мистер Рэтклиф. Я сомневаюсь в себе самой. Вы были очень добры ко мне и всю эту зиму дарили меня своим доверием, и если теперь мне известно о политике не все, что следовало бы знать, я достаточно в ней разбираюсь, чтобы доказать, как неразумно было бы с моей стороны надеяться хоть что-нибудь там изменить. Если бы я на это претендовала, то и впрямь могла бы считаться той искушенной тщеславной дамой, каковой изображает меня молва. Мне кажется абсурдной сама идея о том, что я могла бы очистить политическую атмосферу. Простите, что я говорю столь резко, но говорю я то, что думаю. Я не цепляюсь за жизнь и не считаю, что моя представляет собою

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org какую-нибудь ценность, но и не собираюсь ее таким образом запутывать; мне не нужны доходы от людских пороков; я не хочу обладать краденым или попадать в положение, где буду вынуждена постоянно утверждать, будто безнравственность является доблестью!

С каждой сказанной фразой она приходила во все большее волнение, и слова ее прозвучали гораздо злее, чем ей бы того хотелось. Рэтклиф почувствовал это и уже не скрывал своего раздражения. Лицо его помрачнело, а глаза смотрели крайне неприязненно. Он даже было открыл рот, чтобы начать злую отповедь, но усилием воли остановил себя и вновь принялся ее убеждать.

– Я надеялся, – заговорил он более угрюмым тоном, чем прежде, – что найду в вас ту благородную смелость, которая не боится идти на риск. Если бы все достойные мужчины и женщины держались ваших мнений, наше правительство не продержалось бы и дня. Не стану отрицать, если вы согласитесь разделить мою судьбу и политическую карьеру, вы, возможно, получите меньше удовлетворения, чем я надеюсь; но вы похороните себя заживо, если собираетесь воздвигнуть себя на пьедестал и изображать святую. Я умоляю вас о том же, о чем, мне кажется, вы умоляете меня. Не загубите свою жизнь!

Миссис Ли была в отчаянии. Она не могла сказать ему то, что так и рвалось с ее уст: выйти замуж за убийцу или вора не значит уменьшить содеянное им зло. Что-то в таком роде она уже говорила, поэтому решила не говорить с ним прямо, и вернулась к прежней теме.

– При любых обстоятельствах, мистер Рэтклиф, мы должны соизмерять наши суждения с нашей совестью. Я могу лишь повторить то, что говорила с самого начала. Я очень сожалею, что, видимо, чересчур холодно принимаю выражение ваших чувств, но и сделать то, что вы хотите, не могу. Мы можем, если вам угодно, сохранить наши прежние отношения, но прошу вас больше не настаивать на обсуждении этого вопроса.

По мере того как Рэтклиф сознавал, что ему не избежать поражения, он становился все более мрачным. Он всегда и во всем упорно добивался своего и еще ни разу в жизни не отступался от поставленной цели, в особенности столь дорогой его сердцу. Да он и не отступится! На мгновение он настолько поддался обаянию миссис Ли, что готов был скорее отказаться от президентства, чем от нее. Он действительно любил ее, глубоко и серьезно, насколько вообще способен был любить. Ее упрямству он противопоставит свое, еще большее; но сейчас атака его была отбита, и он растерялся: что делать дальше? Может быть, переменить платформу и предложить другую приманку – такую, которая, сыграв на ее женском тщеславии, на женском стремлении покрасоваться, окажется желаннее роли президентши? И он заговорил снова:

– Чем мне доказать вам свою любовь? Какую жертву еще принести? Вы не любите политику. Хотите, чтобы я ушел из политики? Я пойду на все, лишь бы только не потерять вас. Возможно, мне удастся получить должность посла в Англии. Президенту будет предпочтительнее иметь меня там, а не здесь. Допустим, я откажусь от политической деятельности и поеду в Англию. Повлияет ли эта жертва с моей стороны на ваше решение? Вы проведете четыре года в Лондоне, где не будет политики и где ваше общественное положение будет лучшим в мире. Но и этот путь в конечном итоге приведет к должности президента.

И вдруг, поняв, что по-прежнему топчется на том же месте, Рэтклиф отбросил свою тщательно выработанную манеру спокойной сдержанности и пустил в ход не менее тщательно выработанный неистовый пыл.

– Миссис Ли! Маделина! Я не могу жить без вас. Звук вашего голоса, прикосновение вашей руки, даже шуршание вашего платья – все это пьянит меня, как вино. Ради бога, не покидайте меня!

Он рассчитывал силой сломить ее сопротивление. Вкладывая в свои слова все больше страстности, он стал наклоняться к ней, пытаясь завладеть ее рукой. Маделина отпрянула от него, словно от пресмыкающегося. Упрямое нежелание Рэтклифа оценить ее снисходительность, его попытки подкупить ее общественным положением, вопиющее бесстыдство, с каким он попирает все правила общественной морали и даже не давал себе труда сделать вид, что соблюдает их, окончательно вывели ее из себя; сама мысль о том, что он может прикоснуться к ней, была для нее отвратительнее мысли о дурной болезни. Решив преподать ему урок на всю жизнь, она заговорила очень резко, всем своим видом и голосом выражая презрение:

– Меня нельзя купить, мистер Рэтклиф. Ни положение, ни почести, ни финансовые соображения, ни другие мыслимые выгоды не заставят меня переменить мое решение. И довольно об этом!

В течение всего разговора Рэтклиф уже не раз был на грани срыва. По природе своей человек грубый, с диктаторскими замашками, он лишь благодаря долгим тренировкам и печальному опыту обучился искусству самоконтроля, но, когда он давал волю своим чувствам, вспышки ярости были ужасны. Открытое презрение миссис Ли, подействовав даже больше, чем последние ее упреки, окончательно вывело его из состояния равновесия. Он встал перед нею во весь рост; ее нервы тоже были на пределе, и потому даже она при всем ее обычном благодушии содрогнулась, увидев, как налилось краской его лицо, глаза засверкали, а руки задрожали от ярости.

– А! – закричал он резким, даже диким голосом, что не на шутку испугало ее. – Мне следовало этого ожидать. Миссис Клинтон давно меня предупреждала. Она говорила, что я найду в вас лишь бессердечную кокетку!

– Мистер Рэтклиф! – предостерегающе воскликнула Маделина, поднимаясь со своего места; и в голосе ее прозвучало не меньше эмоций, чем в голосе Рэтклифа.

– Да, да, бессердечную кокетку! – повторил он еще резче и злее. – Она сказала, что именно так вы и поступите! Что вы собираетесь лишь водить меня за нос! Что вы живете лезть! Что вы были, есть и будете бесстыдной кокеткой! А если я женюсь на вас, то всю жизнь буду в этом раскаиваться. Теперь я ей верю!

Миссис Ли, между прочим, тоже отличалась весьма горячим нравом. А в данный момент она пылала от ярости и испытывала страстное желание уничтожить этого человека.

Но сознавая, что она – хозяйка положения, она могла с большей легкостью совладать с собой, поэтому, вложив в голос крайнее презрение, она адресовала ему свои последние слова, которые потом весь день звучали у нее в ушах:

– Мистер Рэтклиф! Я выслушала вас с большим терпением и уважением, чем вы того заслуживаете. В течение целого долгого часа я подвергала себя унижению, обсуждая с вами вопрос, могу ли я выйти замуж за человека, который, по его собственному признанию, обманул оказанное ему высокое доверие, который, будучи сенатором, брал взятки за исход голосования, человека, который вместо того, чтобы по законам справедливости сидеть в тюрьме, благодаря удачному мошенничеству сидит в министерском кресле. С меня довольно! Поймите раз и навсегда, что мою и вашу жизнь разделяет непроходимая пропасть. Не сомневаюсь, вы сделаете себя президентом, но кем бы вы ни стали и где бы ни находились, не смейте впредь заговаривать со мной и не пытайтесь возобновить наше знакомство!

Сперва он уставился на нее, застыв в слепой ярости и, очевидно, собираясь сказать что-то еще, но она прошла мимо него, и он, прежде чем что-либо успел сообразить, остался в комнате один.

Кипя от гнева, но сознавая, что бессилён, Рэтклиф после минутного колебания вышел из комнаты и покинул дом миссис Ли. Выходя на улицу, он громко хлопнул дверью, и пока он стоял на тротуаре, откуда ни возьмись, появился барон Якоби, у которого были свои особые причины поинтересоваться, пришла ли миссис Ли в себя после утомительного бала, доставившего столько тревожений. Одного взгляда на Рэтклифа было достаточно, чтобы понять: что-то сорвалось в карьере великого человека, за которой барон постоянно следил с горькой презрительной усмешкой. Они буквально столкнулись у двери, деваться было некуда, и барон, изобразив самую мерзкую из своих улыбок, протянул Рэтклифу руку и сказал с выражением дьявольского злорадства:

– Надеюсь, я могу поздравить Ваше Превосходительство!

Рэтклиф был счастлив найти жертву, на которую смог бы излить свой гнев. А с этим человеком он жаждал расплатиться за целую цепь унижений, тем более что последнее замечание исчерпало все запасы терпения Рэтклифа. Изрыгая проклятья, он отшвырнул руку барона и, схватив за плечи, оттолкнул его в

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org сторону. Барон, которого при всех его слабостях никак нельзя было обвинить в отсутствии горячего темперамента и личной смелости, не собиравшись сносить подобного оскорбления от подобной личности. Рука Рэтклифа еще держала его за плечо, когда старик поднял трость и, прежде чем министр сообразил, что произойдет дальше, изо всей силы ударил его по лицу. От неожиданности Рэтклиф отшатнулся и побледнел, но нервное потрясение помогло ему вернуть равновесие. Какую-то долю секунды он колебался, не сокрушить ли противника одним ударом, однако быстро сообразил, какой фатальной ошибкой станет для него, человека еще молодого и сильного, избивание дряхлого дипломата, и пока якобы в состоянии крайнего возбуждения держал свою трость наготове для повторного удара, мистер Рэтклиф неожиданно повернулся к нему спиной и, не произнеся ни слова, зашагал прочь.

Когда немного погодя Сибилла вернулась домой, гостиная была пуста. Она поднялась в комнату сестры и увидела, что Маделина лежит на кушетке бледная и измученная, но с легкой улыбкой на лице и умиротворенным выражением, словно совершила поступок, одобренный ее совестью. Она усадила Сибиллу рядом с собой и, взяв сестру за руку, произнесла:

– Сибилла, дорогая, хочешь снова поехать со мной за границу?

– Конечно, – отвечала Сибилла, – я поеду с тобой хоть на край света.

– Я хочу побывать в Египте, – сказала Маделина, все еще тихо улыбаясь, – эта демократия совершенно расшатала мне нервы. О, какой покой снизойдет на нас, когда мы будем жить подле великих пирамид и наблюдать только Полярную звезду!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сибилла – Каррингтону

«1 мая у Нью-Йорк.

Дорогой мистер Каррингтону Я обещала написать Вам, и теперь выполняя обещание, а также желание сестры сообщить Вам о наших планах, посылаю это письмо. Мы уехали из Вашингтона – боюсь, навсегда, – и в следующем месяце отправимся в Европу. Вероятно, Вы знаете, что десять дней назад лорд Скай устроил бал в честь великой герцогини Брам-бам-бам или как там произносится ее сложный титул. Мне никогда не удавались описания, скажу Вам лишь, что все шло очень хорошо. Я была в прелестном новом платье и, смею заверить, имела большой успех. Да, Маделина пользовалась успехом, хотя ей пришлось почти весь вечер просидеть возле этой герцогини, которая выглядела просто пугалом! Герцог несколько раз танцевал со мною, и, хотя он не знает ни одной фигуры, для него это не имело ровно никакого значения. И так! Буря разразилась в конце бала. Я последовала Вашим указаниям и, когда мы приехали домой, отдала Маделине письмо. Она говорит у что сожгла его. Не знаю, что произошло потом – вероятно, какая-то ужасная сцена, но Виктория Сорви написала мне из Вашингтона, что в городе только и речи о том, что М. отказала м-ру Р. на другой день после бала и что на пороге нашего дома произошла безобразная сцена между м-ром Р. и бароном якобы. Она говорит, что между ними была настоящая баталия и барон ударил Р. тростью по лицу. Вы знаете, как Маделина постоянно боялась что они когда-нибудь бросятся друг на друга у нас в гостиной. Я рада, что они подождали с этим и разрешили свои ссоры на улице. Я о каковы! Ужасно! Говорят, барона высылают, или отзывают, или что-то в этом роде. Мне очень нравится пожилой джентльмену и я от души рада, что дуэли нынче вышли из моды, хотя не думаю, что мистер Сайлас Я. Рэтклиф способен попасть в какую-нибудь цель. Три дня назад барон был в Нью-Йорке по пути в Европу, куда он ездит ежегодно. Он оставил карточку: нас не было дома, и мы не смогли с ним повидаться. Мы отбываем в июле вместе с Шнейдекупами, а мистер Шнейдекупон пообещал отправить в Средиземное море свою яхту, чтобы мы могли поплавать там после возвращения с Нила и посмотреть Иерусалим, и Гибралтар, и Константинополь. Полагаю, это будет очень милое путешествие. Я ненавижу развалины, но, наверное, смогу купить в Константинополе какие-нибудь восхитительные вещицы. Конечно, мы никогда не вернемся в Вашингтон после всего случившегося. Мне будет очень не доставать наших прогулок верхом. Как Вы мне советовали, я прочла „Последнюю верховую прогулку вдвоем“ [43 – Стихотворение английского поэта Роберта Браунинга, вошедшее в сборник «Драматическая лирика» (1842).] Роберта Браунинга это очень хорошее стихотворение, легко читается, но

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org слишком уж коротенькое. А ведь раньше я не понимала ни одного слова в его стихах, а потому и не пыталась их читать. Угадайте, кто у нас невеста? Виктория Сорви! Она получает корону, торфяные болота и лорда Данбега в придачу. Виктория говорит, что чувствует себя счастливее, чем при всех своих прежних обручениях, и на этот раз уверена, что все будет по-настоящему, Она говорит, что получает в год тридцать тысяч долларов с бедняков Америки, а теперь эти деньги облегчат жизнь одного из бедняков в Ирландии. Вы знаете, ее отец был судебным исполнителем или кем-то в этом роде и, говорят, сколотил состояние, обманывая собственных клиентов. Виктория просто жаждет стать графиней; она собирается в будущем сделать из родового замка Данбегов уютный уголок, чтобы нас всех там развлекать. Маделина считает, что Виктория будет иметь в Лондоне колоссальный успех. Маделина чувствует себя прекрасно и передает Вам привет. Кажется, она собирается сама дописать несколько слов. Я обещала, что дам ей прочитать все это, но, думается, не так уж приятно писать или читать письмо, которое кто-то проконтролирует.

Искренне Ваша Сибилла Росс».

В конверт была вложена узенькая полоска бумаги – еще одно послание от Сибиллы, о котором миссис Ли ничего не было известно: «Если бы я была на Вашем месте, я бы попробовала еще раз – когда мы вернемся из Европы».

Постскрипту миссис Ли был очень коротким: «Самый горький итог всей этой ужасной истории, что, по мнению девяти из десяти наших сограждан, я совершила ошибку».

Гор Видал

ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ

Перевод В. А. Смирнова и А. А. Файнгара

Gore Vidal

WASHINGTON, D. C.

New York, 1967

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Буря обрушилась на дом. Черные диагонали дождя хлестали зеленый газон. Бешеные порывы ветра пригибали к земле кусты ив, рвали в клочья сумах, сотрясали стволы вязов. Средоточие бури было совсем рядом, взлески молний и раскаты грома почти совпадали, разрывая тьму, сокрушая безмолвие. Почти непрерывно копыта, трезубцы и змеиные жала голубых молний выхватывали из темноты пригнувшиеся к земле деревья, штрихи дождя и стремительную черную ленту реки у подножия холма, на котором стоял дом.

Питер Сэнфорд, укрывшись под вязом, прикидывал, какие у него шансы на то, что его поразит молния. Превосходные, решил он, когда три переплетенных языка пламени растаяли за деревьями в дальнем конце лужайки, а мгновение спустя грянул раскат грома. Он не успел даже заткнуть уши; голова разрывалась от боли и шума.

Вдруг ветер переменился. Дождь ударил ему прямо в лицо. Он приник к стволу дерева и, зажмурясь, смотрел, как псевдогеоргианский фасад его дома возникает в моментальных вспышках яркого света и тотчас исчезает – ни дать ни взять лента старого фильма, мельтешащая передержанными кадрами. В доме шел прием, и никому, наверное, в голову не приходило, какой изумительный хаос творится за его стенами.

– Давай! – воззвал он к небу. – Давай еще! – и буря продолжалась.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Возбужденный ее послушанием, он ринулся из своего убежища, широко раскинул руки, запрокинул голову и подставил лицо под дождь. Наконец-то он слился с природой, превратился в грозное дитя ночи.

Внезапно, громящая как топор, разносящий дерево в щепы, голубая молния расколола небо; он заклацал зубами, и все его тело опутала бесконечная звонкая паутина. В воздухе запахло серой. Молния обожгла дерево неподалеку.

– Давай! – проревел он очередному раскату грома. – Я не боюсь тебя! Я здесь! Лупи! – Но на этот раз лишь тьма была ему ответом да притихший ветер.

Власть кончилась, он не был больше богом и, как Люцифер, скрывающийся от грозных сил света, рванул через лужайку. Быстро набрав полные ботинки воды, он стал двигаться медленно, как во сне, в котором никогда не удастся уйти от преследователей. Тяжело дыша, он тихим галопом миновал мраморную Венеру и гипсового Пана, затем по низким ступенькам спустился к бассейну, остановился и сбросил ботинки.

Босиком прошлепал к двери в мужскую раздевалку, она оказалась открытой, в темноте звучала музыка: кто-то забыл выключить радио. Когда он туда заглянул, молния высветила мужчину и женщину, сплетенных на резиновом матрасе, как борцы в решительной схватке. На мужчине не было ничего, кроме ботинок и спущенных носков. Лиц не было видно. Как только погасла молния, исчезло и видение.

Он стоял под дождем, не в силах сдвинуться с места, не зная, были ли любовники реальностью или просто порождением молнии, и, когда она погасла, исчезли и они. Если, конечно, ему не привиделся один из тех снов, от которых он просыпался в сладостной муке. Но холодный дождь был реальностью, как и внезапный, еле слышный стон из раздевалки. И он побежал.

Он проник в дом с черного хода. В дальнем конце темного коридора, пропахшего мясными тушами, виднелась кухня – квадратная белая комната, полная света, жара и крика: повар-француз отчитывал своего подручного-шведа. Никем не замеченный, Питер по задней лестнице поднялся на второй этаж, как вор, открыл звукопроницаемую дверь, отделявшую помещение для слуг от основной части дома, и метнулся через лестничную площадку к своей комнате, расположенной прямо над главной лестницей. Здесь он застыл на месте, рассудку вопреки надеясь, что его кто-то увидит: «Где ты был? Ты вымок до нитки!» Но никто не появился, он беспрепятственно вошел в спальню, закрыл дверь и повернул в замке ключ: наконец-то он в безопасности.

Стянув с себя мокрую одежду, он вытерся полотенцем перед зеркальной дверью ванной комнаты. Никуда не денешься: ему всего шестнадцать и он еще не такой взрослый, чтобы начать взрослую жизнь. Вечное дитя – невыносимое состояние, с которым пора кончать.

Ощущение грубого полотенца на коже вместе с памятью об увиденном будоражило его. Должен он или не должен?

Решая вопрос отрицательно, он отжимался от пола до тех пор, пока не успокоился. Каждодневно терзаемый плотью, он знал, что, если он вскоре не стиснет в своих объятиях другое тело, он взорвется, как одна из тех белых повае[44 – Новые звезды (астр.)], чей конечный взрыв уничтожает тысячу миров, – точно так мечтал он взорваться сейчас, терзаемый одиночеством. Порою ночами он с убийственной силой колотил и колотил по подушке, сознавая, что нет пока на земле человека, которого он мог бы любить – или убить.

Впившись глазами в свое отражение в зеркале, он издал протяжный тарзаний рев, от которого засадило в глотке, но умиротворилась душа. С отрешенностью чужака рассматривал он узлы вен на висках, побагровевшие шею и щеки. На какое-то мгновение его крик и гром слились. Затем он замолк, гром продолжался.

Гнет спал с его души. Он переоделся в белый костюм, точно такой же, в каком был раньше, за обедом. Никто не должен знать, что он выходил наружу, и меньше всего – любовники, которые, он был в этом уверен, если и не сидели уже за столом, то были среди тех, кто пришел позже. В любом случае он должен теперь их безжалостно выследить, как полицейский инспектор в

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
«Отверженных». А когда найдет...

Питер Сэнфорд вошел в гостиную в тот момент, когда его отец поднялся, чтобы произнести тост.

– Прошу внимания. Полная тишина! Предлагаю тост за победу. – Блэз Деллакроу (если читать по-французски – делакруа) Сэнфорд, смуглый свирепый мужчина говорил с резким акцентом выходца из Новой Англии, режущим слух не только южанина, но и его собственного сына Питера, говорившего на мягком наречии Вашингтона, округ Колумбия, с его растянутыми длинными гласными и смутной скороговоркой согласных. Но Блэз Сэнфорд мог говорить хоть по-латыни: его все равно слушали бы почтительно, ибо он был неслыханно богат. Дед его одевал в хлопок и лен женщин западных штатов, благодаря чему смог оставить состояние отцу Блэза, вялому меланхолику, который удвоил наследство, по чистой случайности вложив капитал в гу самую железную дорогу. Выведенный из равновесия такой удачей, он уехал из Америки во Францию и обосновался в Сен-Клу, где в меру своих сил и возможностей наслаждался *Belie Epoque* [45 – Блистательным веком (фр. – имеется ввиду конец XIX века)]; но сладкая жизнь длилась недолго: однажды на верховой прогулке он выпал из седла на рельсы железной дороги как раз в тот момент, когда по ним летел «Голубой экспресс», придавший, как язвили острословы, особый смысл стилизованному локомотиву, которым Блэз украсил фамильный герб Сэнфордов. Как только Блэз унаследовал отцовское богатство, он вернулся в Соединенные Штаты с твердым намерением прибрать к рукам эту беспечную, сбившуюся с пути Республику (первая мировая война еще не началась, и американцы за границей все еще были в диковинку и служили поводом для насмешек). Но, как заметил однажды Питеру один из друзей семьи, отец его, обладая амбициями Цезаря, к своему несчастью, в политике был кориоланом: слишком резким и гордым, чтобы выставлять свои раны на городском торжище. Поэтому ему пришлось искать другое поприще для применения своих талантов.

Блэз купил чахлую газетенку «Вашингтон трибюн» и сделал из нее конфетку, главным образом потому, что проявлял бесстрашие там, где люди с более скромным доходом обычно робеют. Он стал политической силой. На виргинском берегу Потомака он построил особняк в георгианском стиле и назвал его Лавровым домом. Здесь он принимал сенаторов и членов кабинета, членов Верховного суда и дипломатов; великих и богатых, живых и – имей он над ними власть – призвал бы к себе и мертвых. Даже могущественные провинциальные политические боссы, кичившиеся грубоватостью манер (красные подтяжки, фабричные рубашки без воротничка, ковбойские полусапоги: на каждом красовалось клеймо простонародности), охотно отбрасывали личину демократичности ради визита в Лавровый дом, чтобы хоть на миг приобщиться к магическому кругу, который и был истинным центром мира. Если Париж стоил обедни, Лавровый дом стоил обеденного смокинга.

Питер восхищался отцом, но не любил его, а вот мать любил, но не восхищался ею. В это время года, с июня, когда начинались каникулы, он играл в бога – разглядывал окружающих как бы с другого конца подзорной трубы. Фигуры соответственно уменьшались в размерах под его испытующим взглядом; впрочем, мир взрослых всегда был для него загадкой; в особое недоумение приводили его люди, собиравшиеся в гостиной отца. Они словно бы играли в шарады, смысл которых им был заведомо известен, а ему – нет. И хотя иногда Питеру казалось, будто он понял, что они затевают, всякий раз происходило что-то странное, и все снова окутывалось тайной. И все же он был уверен, что настанет день – и она откроется ему. И тогда он крикнет игрокам через всю комнату: «Наконец-то! Понял. Я вас раскусил. Моя взяла! Можете расходиться по домам!» Но пока он был вынужден говорить: «Продолжайте», и игра, очевидно, будет продолжаться еще долго, прежде чем выдаст ему свои секреты.

Приземистый и коренастый Блэз стоял посреди комнаты прямо под люстрой, таким букетом из хрустальных перьев: «Эмблема принца-регента», – небрежно роняла миссис Сэнфорд, когда кто-нибудь восхищался ее люстрой.

Питер присоединился к группе гостей, которые толпились вокруг его отца, точно волки вокруг овцы. Нет, скорее, словно овцы вокруг волка, готовые повиноваться хищнику. Этот аспект игры Питер понял давным-давно. Блэз был богат, другие – нет. Но деньги сами по себе не волновали его, как то, что он увидел в раздевалке. Непрошеное, видение возвратилось. Он оглядел комнату: вернулись ли лю-бовники? А если нет, кого же не хватает?

Обед подали на двадцать персон; позже явилось еще столько же – то была

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org обычная для Лаврового дома смесь политических деятелей Вашингтона и пришельцев и з далекого мира – Нью-Йорка. Царило приподнятое настроение; некоторые из самых знатных мужчин и самых блистательных дам разговаривали и смеялись нарочито громко; его отец, однако, водворил тишину.

– У каждого есть бокал? У вас, Бэрден? Нет? черт побери! Дайте бокал сенатору Дэю. Он же виновник нашего торжества!

Лакей наполнил бокал сенатора Дэя шампанским.

Джеймс Бэрден Дэй более чем кто-либо отвечал идеальному представлению Питера о римском сенаторе. Седой и внушительный, Бэрден Дэй двигался с сознанием собственного достоинства, которое скорее забавляло, чем внушало трепет. Сенатор торжественно поднял бокал. На его лице сияла улыбка политика, но глаза как будто только что увидели письма на стене, возвестившие день и час его смерти, – в них пряталась угрюмость, что так импонировала Питеру, ибо он тоже был отчасти автором мелодрам и лишь прошлой зимой прочитал По.

– Я не хочу приписать Бэрдену всю заслугу... – начал Блэз.

– Ну естественно, – сказала его жена. Ее светлые волосы и ласковое выражение лица обезоруживали новых знакомых, и их буквально ошеломяло открытие, что Фредерика не только остра на язык, но не терпит молчания или даже паузы в чьей-либо речи. Она была мастерица неожиданных реплик: меткое замечание разило как камень, пущенный из пращи. А потому все ее домашние превратились в бойких говорунов, они никогда не мешкали в поисках слова, панически боясь, что она вставит не то, какое им нужно.

Блэз продолжал говорить, пропустив мимо ушей реплику жены.

– Достопочтенный сенатор из глубинки Америки и пособляющая ему «Вашингтон трибюн!» – Насмешливые аплодисменты и восклицания, когда Сэнфорд дал понять, что имеет в виду самого себя.

Питер окинул взглядом комнату: кто же отсутствует? На софе сидела Диана Дэй, дочь сенатора, и ему показалось, что это ее ноги он узнал при вспышке молнии. Но это немыслимо. Диана слишком робка, чтобы отдаться мужчине со спущенными носками, в чужом доме во время приема. К тому же она такая некрасивая, не пользуется косметикой, а ее волосы ни дать ни взять перья пеструшки.

– Но Бэрден, я и еще несколько человек с принципами...

– Тсс! Тсс! – в гостиной.

– ... сумели обуздать нашего выдающегося президента, малопочтенного Франклина Делано Рузвельта! – Шиканье и «ура» в гостиной. Большинство присутствующих были врагами администрации, хотя, как обычно, пришли и несколько сторонников Нового курса, алчущих показать Блэзу Сэнфорду, что рога у них съемные, копытами их наделила только молва, а жажда славы столь же неутолима, как у всех остальных.

– Для нас это большой день. Для страны. Для нашего образа правления. Мы должны его запомнить. Двадцать третье июля тысяча девятьсот тридцать седьмого года. – Сделав ляп, Блэз получил по заслугам от жены, обладавшей сверхъестественной памятью на даты и числа.

– Двадцать второе июля, дорогой, – твердо вставила Фредерика, не дожидаясь естественной паузы.

На секунду Блэз ощерился, но тут же заулыбался. Как всегда, заулыбались и все присутствующие.

– Я едва не заставил вас всех запомнить неверную дату. Итак, двадцать второго июля тысяча девятьсот тридцать седьмого года в сенате Соединенных Штатов навсегда похоронен законопроект президента, имевший целью прибрать к рукам Верховный суд и подорвать Конституцию. А это значит, что попытка установления диктатуры, о которой мечтает мистер Рузвельт, по крайней мере временно пресечена. И за эту передышку мы должны благодарить Бэрдену Дэю и его юридический подкомитет. Леди и джентльмены, за сенатора Дэя!

Тост был принят всерьез, потому что политику в Лавровом доме принимали всерьез. Питер знал, что его отец говорит то, что думает, по той простой причине, что он сам верил именно в эти же принципы. Питер ни разу не ставил под сомнение ни злокозненность президента, ни добродетельность его врагов, из которых Джеймс Бэрден Дэй был самый выдающийся.

Ответный тост произнес сенатор Дэй, изобразив скромность, показавшуюся Питеру неуместной в человеке, который лишь сегодняшним утром на виду у всего мира унизил президента.

– Блэз, друзья... Я намеренно не говорю «друзья мои». – Он с поразительной точностью воспроизвел манеру президента, и все рассмеялись. – Мы хорошо поработали сегодня. Если верить газетам, я выступил и осадил президента, потому что не люблю его. Верно, я не люблю его. Но на карту было поставлено другое. И хотя я и являюсь добропорядочным демократом...

Сенатор сделал паузу и получил по заслугам.

– Таких не существует в природе, – сказала миссис Сэнфорд. Гости снова рассмеялись. Сенатор выдержал удар и улыбнулся. Затем неожиданно заговорил о недавней смерти своего друга Джо Робинсона, лидера большинства в сенате. Описал, как он помог Джо покинуть зал заседаний, когда тот почувствовал приближение сердечного приступа, доконавшего его той же ночью. Рассказал, как он сидел возле Джо, когда того уложили в гардеробе сената, как тот метался, хватая ртом воздух, и говорил о законопроекте реформы Верховного суда, провести который он поклялся президенту. Он полагал, будто большинство на его стороне. Бэрден Дэй со всей определенностью знал: большинство не на его стороне, но, видя друга при смерти, заверил его, что законопроект пройдет, потому что –... я любил Джо Робинсона. Мы все любили его.

«Я любил Джо Робинсона. Мы все любили его», – повторял про себя Питер. Часть услышанных слов звучала в его ушах, другая отпечатывалась в мозгу, третья претворялась в образы. Но только всякий раз, пытаясь определить, как работает его ум, он терял ощущение самого себя, как в те ясные ночи, когда он, уставившись в небо, бывал ошеломлен мыслью о бесконечности солнц и неземных миров. Небо. Ночь. Звезды. Марс. Таре Таркас из Тарка. Этот зеленый великан был рядом с ним, когда они шли через красную пустыню древнего Марса к тому месту, где, съездившись от страха, затаилась прекрасная принцесса Тувия. Над горизонтом взвихрилась красная пыль. «Они идут», – угрюмо пробормотал он своему зеленому соратнику. «Будь спокоен, Питер, мы готовы их встретить», – сказал Таре Таркас и четырьмя руками извлек четыре меча из ножен.

– Мы похоронили Джо на прошлой неделе в Литтл-Роке. Вряд ли я выдам секрет, если скажу, что в поезде на обратном пути в Вашингтон вице-президент, повернувшись ко мне, промолвил: «Ну, теперь Франклина конец. И я надеюсь, ребята, вы найдете приличный способ положить этот законопроект под сукно». Мы сделали это. Сегодня. У меня такое ощущение, что президент получил сегодня урок, который он не скоро забудет. Что даже ему не по плечу опрокинуть принцип взаимозависимости и взаимоограничения законодательной, исполнительной и судебной власти, который наши праотцы... – Однако Бэрден Дэй, явно спохватившись, что он, начав с тоста, перешел к политической речи, резко оборвал свое выступление, пробормотав несколько слов о том, что, не будь «Вашингтон трибюн» и Блэза Сэнфорда, на данный момент Верховный суд состоял бы уже из тринадцати, а не девяти членов. Ему поаплодировали, и завязался общий разговор.

Питер ел хрустящий картофель, запивая его сарсапарилем[46 – Сладкий напиток, приправленный сарсапарилем, сушеными корнями растения Североамериканского континента.], сидя в одиночестве у камина, и убивал последнего из марсианских жрецов в белых париках. Затем он повернулся к ждущей его Тувии, которая лежала среди красных дюн Марса, приоткрыв рот и широко раздвинув серебряные ноги... Он знал, чьи это были ноги.

В гостиной появилась его сестра Инид в бледно-желтом платье – пылающее бледное лицо, громадные, искрящиеся весельем глаза, волосы, все еще влажные от дождя, хотя она только что причесалась. Ее возвращение прошло незамеченным – факт сам по себе невероятный, ибо феномен Инид состоял в том, что, не прилагая никаких усилий, она всегда была на виду. Она

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org проскользнула к бару и налила себе виски, что тоже было необычно: Инид пила редко. Питер бросил взгляд в сторону холла в надежде увидеть того, с кем она пришла. Но мужчина со спущенными носками либо ушел домой, либо появится позже, чтобы не вызывать подозрений. Питер яростно перебирал в памяти всех, кто присутствовал на обеде. Он зажмурился, чтобы сосредоточиться полнее.

Инид с такой силой скрутила его чуб, что на глазах у Питера выступили слезы.

– Перестань! – Он отшвырнул ее руку. Оба достаточно хорошо знали, как истязать друг друга. Хотя на ее стороне было преимущество в возрасте – она была старше брата на три года, природа сделала его физически сильнее, но что толку: сейчас ему легче сунуть руку в огонь, чем тронуть ее пальцем. Оба прекрасно знали, что это слишком опасно.

– Где ты была?

– В бассейне. – Его поразила откровенность сестры, а затем и стремительная безмятежность ее лжи: – Я вышла пройтись после обеда, и меня застигла гроза. Волосы до сих пор не просохли. Слышишь, гремит? – Но Питер ничего не слышал, кроме глухих ударов собственного пульса.

– С кем ты гуляла?

– С любовником, с кем же еще?

Вопреки всему она привела его в замешательство.

– У тебя любовник? Здесь?

Инид рассмеялась и скрутила его чуб в обратную сторону – ощущение приятное, но невыносимое. Питер вскочил со стула.

– Кто он?

Инид лишь улыбнулась, томно потянувшись перед камином, и Питера взбесила эта демонстрация чувственности.

– Кто? – еле выдавил он из себя.

Инид жестко посмотрела на брата, уже без улыбки, взглядом скорее озадаченным, чем подозрительным.

– С кем, ты думаешь, я была, ты, идиот? Я была одна.

– Одна? – Питер задал вопрос таким инквизиторским тоном, что Инид не смогла удержаться от смеха.

– Ладно. Не одна. Я была с Гарольдом Гриффитсом. Мы занимались любовью на резиновом матрасе в мужской раздевалке бассейна под звуки радио. Забыла, какая работала станция. Что, доволен?

Питер бросил взгляд мимо нее на Гарольда Гриффитса – коротышку с грудью колесом, взлохмаченной гривой и светлыми агатами глаз. Поэт из Нью-Йорка, он вел критическую рубрику в «Трибюн». Говорил почти без умолку, и Питер считал его одним из самых блестящих умов в Вашингтоне. Но он был убежден, что Гарольд не выходил из дому. Во всяком случае, не эти короткие кривые ноги он видел в раздевалке.

Питер покачал головой.

– Это был не Гарольд.

– Он. И я собираюсь за него замуж. После того, что между нами было, он должен сделать из меня порядочную женщину.

Питер отвернулся от нее.

– Пошла к черту, – пробормотал он, ему стало все равно. Он выбрал самые крупные ломтики картофеля и отправил их себе в рот. Какое ему дело, в конце-то концов.

Он уже собирался выйти из комнаты, когда мать жестом подозвала его к себе, сенатору Дэй и Диане. Все трое сидели рядом на диване, как мишени в тире парка Глен-эко. Питеру вдруг захотелось, чтобы при нем было ружье. Пиф-паф – все летят вниз. Раз, два, три, и он выиграл мишку. Но они снова вскочат к услугам следующего посетителя.

Он сел напротив – само внимание. Он знал: если мать предлагает ему присоединиться ко взрослым, значит, обсуждаются Важные Вещи.

Сенатор говорил о президенте. Он редко говорил на какие-либо другие темы. Президент для сенатора – тот белый кит, которого он будет преследовать до самой смерти и даже за гробовой доской.

– Было бы упрощением сказать, что он хочет стать диктатором. По правде говоря, я не думаю, что он знает, чего хочет. Слава богу, у него нет генерального плана. Но все его импровизации, все его жесты говорят о том, что он хочет сосредоточить в своих руках всю полноту власти.

– А зачем ему это? – Диана Дэй, говорившая редко, зарделась; она явно поразилась самой себе, но привела в восторг отца; он просиял.

– Такой уж это человек! – молвила миссис Сэнфорд.

– Я хотела сказать, – Питер заметил, что Диана чуточку заикается, – что он, похоже, убежден в своей правоте, как в тысяча девятьсот тридцать третьем году, когда он должен был дать людям работу.

– Сплошное тщеславие! – воскликнула миссис Сэнфорд, связывая эту свою реплику с предыдущей, как будто Диана и не говорила вовсе. – Эта манера запорокидывать голову, эта отвратительная ухмылка! А все потому, что он калека, – решительно добавила она. – Каждый знает: у него поражен мозг.

– Все это не так просто. – Сенатор Дэй покрутил свой бокал сперва по часовой стрелке, потом против. У Питера еще не прошла боль в чубе. – Диана, – сенатор загадочно улыбнулся дочери, – я имею основания полагать, что ты тайная сторонница Нового курса.

Девушка покраснела до корней волос, на ее глаза навернулись слезы. Хотя Питер знал Диану всю свою жизнь, он никогда не слышал от нее ничего, кроме одной-двух светских фраз. Он всегда считал ее глуповатой дурнушкой и безжалостно отвергал. Но теперь он заметил у нее под мышкой застужку молнии, мысленно расстегнул ее и увидел... Нет, он в самом деле сходит с ума. А не такая уж она дурнушка, подумал он, глядя на повзрослевшую Диану; только чересчур застенчива.

– Я не считаю, что Рузвельт настолько уж плох, – сказал сенатор.

– Плох! – миссис Сэнфорд добивалась наибольшего эффекта повторением в другом ключе – и часто другом значении – одного-единственного слова.

Но сенатор знал своего конкурента. Он продолжал:

– Хорошее и плохое, разумеется, понятия относительные. Я лично нахожу его куда более беспомощным, чем принято думать. Он очень высоко вознесся. – Питеру подумалось о молнии, ему послышался гром за тяжелыми шторами и розово-красными кирпичными стенами, и он вспомнил о бассейне... Он отчаянно пытался сосредоточиться на том, о чем говорил сенатор. – С тех пор исполнительная власть усилилась, а законодательная и судебная – ослабли.

– Так ведь они сами в этом виноваты, п-папа? – Диана чуть споткнулась на последнем слове.

Сенатор утвердительно кивнул.

– В известной мере, да. У нас нет сейчас таких лидеров, какие были в те времена, когда я впервые пришел в сенат. И хотя в некоторых отношениях я доволен, что Олдричи ушли в прошлое...

– Мне нравится сенатор Бора, – миссис Сэнфорд беглым взглядом окинула комнату, дабы убедиться, что гости общаются, смеются, сплетничают, как им и

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org положено.

– Теперь поговаривают о том, что при нашем образе правления это неизбежный процесс. Я так не думаю. – Питер отдавал себе отчет в том, что с той минуты, как внимание матери переключилось на гостиную, сенатор обращается непосредственно к нему, и он смешался – ведь он теперь единственный, кому предназначена вся эта мудрость и снисходительность.

– Видите ли, я полагаю, что наш образ правления – лучший из всех когда-либо придуманных. Во всяком случае, в своем первоначальном виде. И когда президент забирает в свои руки слишком большую власть, конгресс должен осадить его и восстановить равновесие. Пусть только он попробует зарваться, тогда я... – Длинная белая рука резко метнулась в сторону Питера, и он вздрогнул, словно в самом деле то была рука тирана, хватающая власть. – Мы должны... – Другая рука сенатора, твердая как нож, точно отрубила по запястье руку тирана. Вот она, власть, холодея, подумал Питер. Но сенатор, к счастью, был слишком искусным лицедеем, чтобы кончить на столь высокой ноте. Он снял напряжение шуткой.

– С другой стороны, у ФДР[47 – Франклин Делано Рузвельт.] – без всяких каламбуров[48 – Намек на ФБР – Федеральное бюро расследований.] – еще тысяча разных штучек-дрючек наготове. Остается только надеяться, мы всегда сумеем управиться с ним, как сделали это сегодня.

На другом конце комнаты кто-то ударил по клавишам рояля. В комнате воцарилась тишина. Как в большинстве вашингтонских гостиных, непременная функция рояля состояла в том, чтобы служить алтарем для выставления напоказ домашних богов: обрамленных в серебро фотографий близких к семье знаменитостей. Божества Сэнфордов были расчетливо внушительны, главным образом царственные особы, чьи автографы четкими буквами били из левого нижнего в правый верхний угол, в отличие от автографов президентов и других демократических особ, питавших пристрастие к пространным дарственным надписям с потугой на интимность.

Сейчас за этот алтарь уселся вашингтонский корреспондент какой-то лондонской газеты, и все сгрудилось вокруг него. В честь сегодняшней победы спели «Боевой гимн республики», хотя только англичанин знал песню наизусть. Затем грянула «Река отцов». Эту вещь англичанин исполнил соло и не фальшивил даже на самых низких нотах. Добрая половина гостей толпилась вокруг рояля, предлагая песни и подпевая. Остальные вместе с Блэзом прошли в игральную комнату по соседству.

Затем сверх меры накачавшийся Гарольд Гриффитс узурпировал у англичанина роль запевалы. Ко всеобщему восторгу, ибо Гарольд такой забавный, говаривала миссис Сэнфорд, хотя не исключалось, что он коммунист. Он знал театральные миры, вел живую рубрику в газете и некогда был поэтом, хотя никто из знакомых Питера не читал его стихов, да и любых других, кроме, пожалуй, стихов Огдена Нэша.

Миссис Сэнфорд присоединилась к поющим, бросив сенатора и Диану на Питера. Наконец сенатор взглянул на него – раньше он просто сидел напротив.

– Чем же, – начал сенатор, и Питер уже знал, какой сакраментальный вопрос ему зададут, – ты думаешь заняться, когда... – Тут он сделал паузу со столь располагающей к нему обаятельной нерешительностью и вместо традиционного «подрастешь» произнес более льстящее самолюбию, – окончишь школу?

– Сам не знаю. – Питер взглянул на Диану, как бы ища подсказки. Она поощрительно кивнула. – Политикой, наверное...

– Ни в коем случае! – В притворном ужасе сенатор откинулся на спинку дивана и хлопнул в ладоши в знак крайнего неодобрения.

– Но я люблю политику.

– Любите ее, но не занимайтесь ею. Из всего того, чем живет человек, политика самое... самое... – На этот раз заминка не была рассчитана на эффект. Сенатор и вправду подыскивал слово. – Самое унижительное. – Улыбка стерлась с его лица. Питер поверил. – Ты будешь обязан принимать всякого дурака, который захочет тебя видеть: тебе нужен голос этого зануды, и ты единственный не можешь отвязаться от него. Вудро Вильсон говаривал, что

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
худшее в должности президента – необходимость без конца выслушивать то, что ты уже давно знаешь. Так же обстоит дело и со всеми нами. А потом, в конце, твое место занимает кто-то другой, про тебя забывают, и все твои замыслы так же далеки от осуществления, как и вначале. Счастлив тот, кто умирает победителем, подобно Линкольну, хотя и у него была мечта... это самое... корабль в темном море, вдали от берега, сбившийся с курса.

– Но корабль двигался, – сказала Диана.

– Да, двигался. – Сенатор со смешком привел в пример себя. – Видали ли вы когда-нибудь еще такого старого политика-пессимиста, как я? Не обращайтесь внимания. У меня просто сдали нервы перед судьбой. Знаете ли, сегодня у меня необыкновенный день. Я добился-таки чего-то очень для меня важного. Я кое-что доказал. – Он умолк, вспоминая, с чего начался разговор. – Если ты любишь политику, то издавать «Вашингтон трибюн» – отличный, безболезненный к тому же способ ею заниматься.

Питер ухмыльнулся.

– Не думаю, что отец согласится, чтобы я прямо сейчас стал заправлять газетой.

– Тебе следовало бы заняться журналистикой. – В отличие от Питера и сенатора Диана принимала разговор всерьез.

– Я займусь, если когда-нибудь окончу школу. – Хотя Питера определили в Гарвард, он с ужасом думал о Новой Англии, холодной погоде, упорной работе. Южанин и лентяй, он предпочитал колледж поближе к дому. К его полной неожиданности, мать была согласна с ним. Своим детям Фредерика желала только одного: чтобы они с легкостью приспособились к обществу, которое она считала совершенно правильным в его нынешнем виде – мир поместий, опоясывавших город Вашингтон, особняков в итальянском стиле на Массачусетс-авеню, небольших реконструированных домов в трущобах Джорджтауна, ставших модными в последнее время. Несмотря на всю кажущуюся рассеянность, Фредерика имела отчетливое представление о том, что такое окружающий мир, и внушила Питеру и Инид, что готова примириться с любым их поведением, если оно не будет откровенно эксцентричным и подрывать устои того, что в газетах называется Обществом – слово, никогда не употребляемое теми, кто им обозначается. На свой лад она была великолепным социальным тактиком. Не зря она вышла замуж из-за денег. По Вашингтону ходил анекдот с бородой: Блэз Сэнфорд сделал однажды слишком длинную паузу, и Фредерика быстро встала: «Я согласна». Питер улыбнулся, вспомнив его. Он привык к сплетням о своих домашних, хотя и отдавал себе отчет в том, что худшие из них в его присутствии не рассказывают.

– Ну, Пит, вижу, ты не скучаешь! – Это был Клей Овербери, административный помощник Бэрдена Дэя. – Сенатор рассказывал тебе одну из своих баек?

– Ничего подобного, – отозвался сенатор. – Я уморил его новостью, что власть горька, а владычество – ужасно.

– Это так, если иметь в виду нашего нынешнего президента сегодня.

Клей сел на диван рядом с Дианой. Хотя он был всего только помощником сенатора, его часто приглашали в именитые дома, главным образом из-за внешности: густые светлые кудри, фиалковые глаза, короткий, слегка распухший нос – результат падения с лошади на охоте в Уоррентоне прошлой осенью. Атлетически сложенный, умеющий внимательно слушать, он, по всеобщему мнению, должен был далеко пойти, хотя бы в качестве предполагаемого мужа Дианы Дэй. Никто и помыслить не мог, чтобы у него были какие-либо изъяны – за исключением Фредерики, заметившей однажды, что он слишком красив, как будто быть слишком красивым для мужчины – это что-то не то, совсем как коричневые ботинки к синему костюму или манера президента держать мундштук с сигаретой. Но Питер был расположен к Клею, который относился к нему как к взрослому собрату.

– Насколько мне известно, президент укатил на своей яхте. – Клей улыбнулся Диане, и она улыбнулась ему в ответ.

– Интересно, потонет ли она, – вздохнул сенатор.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Будем надеяться. – Клей обтер лоб, хотя в комнате уже не было жарко. Кто-то открыл высокие, до пола, окна, и по комнате заструился прохладный, пахнущий дождем воздух. Питер напряг слух, пытаясь услышать гром, но грома не было. Гроза прошла, пела какая-то птица, ее резкий голос не забивал даже Гарольд Гриффитс, громко певший «Жили однажды четыре Мэри». Гарольд знал на память сотни песен и готов был петь их все своим драматическим, хотя и слегка гнусавым тенором.

– Перед отъездом он открыл телестудию в Вашингтоне. Телевидение! Все-таки он неподражаем. Он говорит, что года через два мы сможем не только слышать, но и видеть новости.

– Уверен, ему невтерпех. – Сенатор печально покачал головой. – Представьте себе: видеть его изо дня в день! Хватит с нас слышать его, его ужасный покровительственный тон. Почему я его на дух не выношу?

– Потому что он президент. – Со стороны Дианы такая откровенность прозвучала неожиданно.

Сенатор посмотрел на дочь с уважением.

– Хочу надеяться, что ты ошибаешься, хотя, возможно, права. Я никогда не любил президентов. Должно быть, потому, что слишком хорошо знал их всех. К тому же мы естественные антагонисты – сенат и Белый дом.

Клей проворно кивнул: видимо, этот аргумент был ему хорошо знаком.

– И еще, я только что услышал по радио...

– Услышал где? – Питер насторожился.

– По радио. Президент собирается назначить...

– По какому радио?

Фиалковые глаза Клея расширились от такой настойчивости.

– По радио в библиотеке твоего отца. – Он рассказал сенатору об услышанном, и Питера заворожила наглость, с какой лгал Клей. В библиотеке нет радио. Внизу тоже нет радио. Радио есть в раздевалке. Питер в упор глядел на Клея: с золотистых кудрей того сорвалась дождевая капля и, точно капелька пота, покатила совсем рядом с ухом вниз к подбородку; даже шальная природа нашла способ взять Клея под защиту. Тот вдруг скрестил ноги, и Питер подумал про себя, натянуты ли, как полагается, его носки.

Клей и сенатор заговорили о делах на завтра, и Питер, торжествуя победу, подошел к Инид, стоявшей у рояля. Безграничный репертуар Гарольда Гриффитса довел наконец гостей до изнеможения. Собравшись вместе как исполнители и обнаружив, что их эксплуатируют как аудиторию, гости разбрелись кто куда, кроме Инид, которая, казалось, и в самом деле наслаждалась пением Гриффитса. Она облокотилась о рояль, ярко выделяясь в своем желтом платье на фоне темного дерева.

– Развлекаешься? – с нежной издевкой спросила она брата. – Доливал виски в кока-колу?

– Разумеется, и пьян в дымину. – Он взял мягкий, дружелюбный тон. – Вот только одного не понимаю...

– А все остальное понимаешь? Ладно, тихо. Гарольд, спой ту французскую рыбацкую песню. Как же она называется?

Гарольд ответил и запел в миноре средневековую песню с припевом «*Maïs sont-ils morts?*» [49 – «Разве они умерли?» (фр.)].

– Одного не понимаю... – Однако его подчеркнуто мягкий, дружелюбный голос не шел ни в какое сравнение с пением Гарольда.

– Питер, заткнись и слушай! – Ее насупленные брови внушали почти такой же страх, как злой взгляд их отца.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– А я говорю о том, – голос Питера звучал твердо и внятно, – что не понимаю, почему Клей не снял ботинок, когда вы лежали с ним на резиновом матрасе в раздевалке?

Инид повернулась и посмотрела на него в упор ничего не выражающим взглядом. Это было невыносимо. Он выбежал из гостиной, слова «Mais sont-ils morts» звенели в его ушах.

Укрывшись в своей комнате, он запер дверь, замер на мгновение одеревенелый, охватив руками голову, словно пытаясь удержать кровь, готовую хлынуть из вздутых вен. И даже в муке своей он все же не утратил способность с холодным любопытством спрашивать себя, почему он чувствует себя так, как будто его предали.

II

Из окна ванной Джеймс Бэрден Дэй смотрел на зелень Рок-крик-парка, уже с утра подернутого дымкой жары. В доме, к счастью, было прохладно. Сложенный из прочного серого камня дом отвечал всем его требованиям. Стены, которые выстоят столетия, комнаты с высокими потолками, высокие окна с видом в сад. Он не мог назвать себя богатым человеком, но никогда не сожалел о своем решении выстроить дом, который, так или иначе, спас его от гибели во время Великой депрессии. Единственно из желания выстроить себе просторный дом он сбыл с рук биржевые акции и вложил вырученные деньги в камень, раствор, дерево, шифер, стекло – словом, создал нечто прекрасное, что будет жить вечно, вопреки возросшим недавно процентам по закладной. Мысль о деньгах заставила его нахмуриться, рука дрогнула, бритва сделала надрез на подбородке, и кровь окрасила белую мыльную пену.

– А, черт! – сказал он, увидев, как алое мешается с белым – ни дать ни взять крем из клубники со сливками.

Бэрден вымыл лицо и заклеил порез кусочком туалетной бумаги. Затем стянул с себя ночную рубашку и постоял некоторое время, бессмысленно вращая в воздухе руками, закрыв глаза, чтобы не видеть свое старческое тело, всегда вспоминавшееся ему таким, каким оно было в дни прекрасной и могучей юности, задолго до того, как мускулистые руки одрябли, на исхудавших ногах проступили голубые вены, а некогда подтянутый живот стал выпирать тяжелой сферой плоти и теперь свисал над сморщенными гениталиями. Но все это, конечно, лишь на время, говорил он себе, начав одеваться. В любой момент время можно обратить вспять. Диета, физические упражнения и пересадка козлиных желез туго натянут дряблую кожу, мышцы отвердеют, женщины станут ему небезразличными. Он просто должен решить, когда взять месяц-другой отпуска, чтобы осуществить метаморфозу. Он и мысли допустить не может, что никогда больше не будет молодым.

Но пока, размышлял Бэрден, совсем не худо пожить в настоящем, внезапно обернувшись сказкой. Никогда еще президент вскоре после беспрецедентной победы на выборах не был столь решительно отвергнут в конгрессе своей собственной партией. «Я свалю его», – сказал он, подвязывая галстук-бабочку в горошек – его фирменный знак, столь притягательный для карикатуристов. В приподнятом настроении он спустился вниз завтракать.

За высокими окнами столовой виднелась всклокоченная зелень сада. Теплый ветерок колыхал тяжелые занавеси. На подоконнике сидел кардинал, ожидая, когда его накормит жена Бэрдена. К ней слетались дикие птички. Люди, увы, оставляли ее без внимания.

Бэрден уселся за длинный пустой стол, и слуга Генри, угрюмый чопорный негр, подал ему завтрак. Генри боготворил сенат Соединенных Штатов. Он читал все относительно сената («относительно» было одним из его словечек) и с еще большим, даже чем сам Бэрден, подозрением относился к Белому дому, считая главу исполнительной власти постоянной угрозой величию верхней палаты конгресса.

Улыбаться или выдавать свое волнение было не в натуре Генри, но Бэрдену показалось, что рука у Генри слегка дрожит, когда тот положил рядом с его тарелкой утренние газеты. С первой страницы газеты, лежавшей сверху, на Бэрдена смотрело его собственное лицо.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Ну что ж, Генри, полагаю, мы объяснили мистеру Рузвельту что к чему.

– Да, сенатор, думаю, что так. А что будет теперь с законопроектом о Верховном суде?

– Сгинет в комиссии. Навеки.

Генри нахмурился, выражая мрачное удовлетворение, и удалился, предоставив сенатору возможность читать о самом себе. Со свойственным ему тактом он положил «Вашингтон трибюн» поверх стопки газет.

– Ну, каково это? – В столовую неожиданно вошла Диана. – Когда тебя так хвалят? Когда тебя так перевозносят?

– Не более, чем я того заслуживаю. – Он явно озорничал. – Примерно раз в десять лет меня оценивают по заслугам.

Усевшаяся по другую сторону стола Диана виделась его близоруким глазам огромной розой в золотом снопе утреннего света.

– Мы ценим тебя всемерно и ежедневно. Ты собираешься на холм[50 – Имеется в виду Капитолийский холм, где стоит здание конгресса США.]?

– Можешь представить себе, чтобы я туда не собирался? Как не порадоваться чужому горю?

Генри принес завтрак для Дианы и сдержанно прислушивался к разговору, прислуживая ей.

– Президент как-нибудь комментировал случившееся?

– Пока нет. И сомневаюсь, что будет. Он сбежал на яхте вверх по Потомаку.

В кухне зазвонил телефон, и Генри медленно двинулся туда снять трубку.

– Тебе понравился вчерашний прием? – Он взглянул на розовое пятно, которое, казалось, то сжималось, то расширялось.

– Да, я люблю Сэнфордов. Особенно Инид. Хотелось бы мне выглядеть так, как она. Она выглядит как... она выглядит так, как сама Судьба.

– А как выглядит Судьба?

– Как Инид. Непостижимая, суровая, чувственная – все вместе. Мужчины от нее без ума.

– От Судьбы?

– Нет, только от Инид. Мне бы хотелось, чтобы они были без ума от меня.

Бэрден нахмурился. Он знал, что Диана считает себя непривлекательной, а раз так, то мужчины могут поверить ей на слово. Как объяснить, что искусство привлекать к себе других – это всего лишь фокус, которому надо научиться, акт воли. Он сам начал с изучения тех, кто умел угождать толпе; намеренно имитировал их манеру говорить, улыбаться, ходить, пока, наконец, не научился нравиться. Но все же он не переставал быть самим собой вопреки изощренному лицедейству.

Вошел Генри с телефонным аппаратом, волоча за собой шнур.

– Из вашего кабинета, сенатор. Мистер Овербери.

В голосе Клея слышалось возбуждение.

– Вы смотрели утренние газеты? А нью-йоркские и того лучше. Да, еще звонили из вашего штата, от губернатора. Он выставляет вашу кандидатуру в президенты! – Сердце Бэрдена учащенно забилося. – Звонил еще некто по фамилии Нилсон. Он хочет встретиться с вами. Речь идет о...

– Я знаю, о чем идет речь. Передай ему, что я не желаю его видеть. Скажи ему, что он мошенник. А впрочем, не надо, не говори.

- Как-нибудь дам понять.
 - Скажи ему, я очень занят. Отбей у него охоту звонить. Я буду в кабинете через полчаса. – Бэрден положил трубку.
 - Кто такой Нилсон? И почему он мошенник?
- Бэрден взглянул на розу, которая пылала теперь в солнечном свете, затопившем комнату.
- Это удивительный человек. Он явился ко мне на прошлой неделе и сказал, что хочет купить у индейцев сто тысяч акров земли.
 - Нефть?
 - Что же еще? И заверил меня, что министерство внутренних дел не станет поднимать шума...
 - Но он знал, что ты-то шум поднимешь.
 - Вот-вот. И он хочет, чтобы мой подкомитет не возражал против покупки земли за ничтожную часть ее истинной цены.
 - И индейцы согласны?
 - Конечно! Они же идиоты.
 - Тогда ты должен защитить их.
 - Я защищу их и тем заслужу их смертельную ненависть. Ни одно благое деяние не остается безнаказанным.
 - Но постоять за правду – это значит сохранить душевный покой.
 - Не уверен в этом. Не будь ригористкой, – вдруг урезонил он ее. – Не бери пример с меня. Вспомни слова Цицерона...
 - Цицерон говорил всякое, и ты знаешь все, что он говорил.
- Диана дразнила его, и это его вовсе не забавляло, ибо он не обладал чувством самоиронии, и сознание того, что он лишен этой самой американской из добродетелей, отнюдь не облегчало жизнь. Для общественного деятеля он был чересчур чувствительным и ранимым.
- Цицерон сказал: «Приспосабливаться слегка – допустимо, но, когда пробьет твой час, не пропускай его!»
 - Да, но как знать, что твой час пробил?
 - Цицерон угадал его безошибочно. Они пришли с мечами и отрубили ему голову.
 - По-моему, лучше вообще не приспособливаться. В таком случае ты всегда готов к концу.
 - Чтобы выжить, это, увы, необходимо. Знать, когда без этого можно обойтись, – вот секрет величия.
 - Ты – великий человек.
- Он был тронут.
- Дочери всегда высокого мнения о своих отцах.
 - Но ты на самом деле такой. Потому что ты не боишься быть... – Она запнулась, и Бэрден ждал, какой эпитет она выберет: сильным, мудрым, честным? Должно быть, «честным», решил он и попытался телепатически повлиять на ее решение. Но она выбрала другое слово: «непопулярным» – сомнительная добродетель, граничащая с пороком. В сенате полно людей, упивающихся непопулярностью (за пределами своих штатов, конечно); эти

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
притворщики на седьмом небе от счастья, когда им случается ощутить стену за своей спиной. «Надеюсь, я не принадлежу к этой братии», – подумал сенатор.

Но прежде, чем он смог что-либо сказать, в комнату вошла Китти Дэй, его жена и мать Дианы. Маленькая, непричесанная, смуглая женщина с блестящими глазами, в старом халате уселась за стол.

– Мама, почему ты считаешь своим долгом выглядеть так по утрам? – спросила Диана, не скрывая отвращения.

– Как выглядеть, дорогая? – Китти было абсолютно невозможно прошибить критическим замечанием. Бэрден встретил ее во время своей первой политической кампании, и меньше чем через шесть месяцев они поженились. Она окружила его любовью, и он любил ее как мог – куда как скромнее, ибо был занят днями напролет, а иногда уезжал из дома на целые недели. Но когда он возвращался, она всегда ждала его, ласковая и нежная, чем однако приводила его в исступление, ибо не умела вести себя в обществе и не отдавала себе отчета в том, какое впечатление производит на других. Хуже того, за последние годы она усвоила себе в высшей степени настораживающую привычку: пристрастилась говорить то, что думала, или, точнее, о чем думает в данную минуту.

– Так или иначе, – сказала Китти, перебивая дочь, – мы должны накормить кардинала. – Раскрошив кусочек поджаренного хлеба, она подошла к подоконнику. – Доброе утро! Ты сегодня прекрасно выглядишь. – Она разговаривала с птичкой, а та жадно и без боязни склевывала крошки с ее ладони.

Отец и дочь как замороженные наблюдали за этой сценой. Перед способностью Китти всецело отдаваться тому, что она делала, все другое казалось тщетой и суетой. После кормежки птичка улетела.

– До завтра, – сказала Китти, когда птичка скрылась среди деревьев. – Будь осторожна. Держись подальше от проводов высокого напряжения. – Она не сюсюкала, не меняла голоса, разговаривая с животными. – Ненавижу эти провода, – сказала она мужу тем же тоном, каким обычно обращалась к птице. – Неужели с ними ничего нельзя поделать?

– Тут сенат бессилён, как электростанция без силового напряжения, – начал он, пытаясь каламбурить. – Полагаю, мы могли бы поставить предупредительные знаки: «Под напряжением. Не садиться». Что-то в этом роде.

– Они не умеют читать, – возразила Китти ровным голосом. Затем задала свой обычный утренний вопрос: – Что пишут в газетах?

Прежде чем он попытался кратко изложить ей новости, в разговор вступила Диана:

– Мама, ты могла бы прочесть одну газету, ну хотя бы сегодня, для разнообразия. Папу прочтут в президенты, это общее мнение.

– Что же, очень мило, – мягко сказала Китти, поворачиваясь к Бэрдену. – Да, да, это и вправду мило, что люди хотят видеть тебя президентом. Пожалуй, я прочту одну газету. – Она взяла ближайшую, подержала ее минуту в руках, как бы не зная, что с ней делать, затем рассеянно опустила газету в масло. – Кто тебе только что звонил?

– Клей, из офиса. Мне уже пора двигаться. – Бэрден встал из-за стола и крикнул: «Генри!» Ответа не последовало, потому что всякий раз, как Генри слышал, что его зовут, он менял свою белую куртку на синюю и подгонял машину к подъезду.

– Мы должны на этих днях пригласить Клея к обеду, – сказала Китти с полным ртом.

– Он слишком занят, – отозвалась Диана, извлекая газету из масла. – Этим летом у него по горло светских обязанностей. Он все время с Сэнфордами.

– Такой милый юноша. Уверена, Блэз и Фредерика любят его не меньше нас. – Китти медленно жевала яичницу. Бэрден не знал человека, который ел бы так медленно, как его жена. Китти подносила ложку ко рту, но тут же,

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org задумавшись о чехМ-то, опускала ее. – Понимаю, почему ему у них нравится больше, чем у нас. Ничего не скажешь, Инид ужасно привлекательна и богата.

Бэрден приложил все свои усилия, пытаюсь предотвратить то, что должно было за этим последовать.

– Расскажи нам, Китти, о твоей новой клетке для птиц. Когда она будет готова?

– Не раньше чем на следующей неделе. Ты знаешь, какой копуша наш Генри. Конечно, он страшно хитер и хочет получше устроиться, а Диана круглая дура, что хочет за него замуж: от него ей будет одна морока.

– Мама! – крикнула Диана и, швырнув салфетку, выбежала из комнаты.

– Какая муха ее укусила? – неподдельно изумилась Китти.

Бэрден вздохнул, подошел к жене и, поцеловав ее в щеку, ощутил знакомый утренний запах кольдкрема и сна.

– Ничего особенного, дорогая. – И, не удержавшись, добавил: – Быть может, ты что-то такое сказала?

– Я говорила только о Генри и клетке для птиц.

– И о Клее.

– Я словом не обмолвилась о Клее, но только между нами – она без ума от него.

– Только между нами?

Китти кивнула.

– Я никогда не подавала виду, что замечаю. По-моему, родителям не следует этого делать. Пусть дети сами устраивают свою жизнь... в известных пределах, разумеется.

– Тебе нравится Клей?

– Еще бы! Он так помогает тебе. И он такой симпатичный. Я люблю красивых мужчин, это для тебя не секрет.

– Разумеется. За одного из них ты вышла замуж.

Оба рассмеялись этой старой шутке.

Под бронзовым щитом солнца новое административное здание сената Соединенных Штатов мерцало белизной на фоне капитолийской зелени. Когда Бэрден подошел к главному входу, несколько граждан Республики (в критические моменты он воспринимал жизнь как шекспировскую пьесу) остановили его, чтобы пожать ему руку, и он невнятно, еле слышно поблагодарил их, придав лицу самое разлюбленное выражение.

Когда Бэрден вошел в здание сената, швейцар, к его удивлению, поднялся ему навстречу.

– Славный сегодня денек, сенатор.

«Дела идут все лучше и лучше», – подумал он, подходя к двери красного дерева с простой табличкой «М-р Дэй».

В приемной перед его кабинетом обретались кожаные стулья, два письменных стола и две секретарши: мисс Перрин, молоденькая и пухленькая, с непокорной прической (она была помолвлена, ее жених, человек со слуховым аппаратом, изредка заходил за ней в конце рабочего дня), и миссис Блейн, немолодая женщина, восхитительная во всех отношениях, кроме голоса: она слегка гнусавила.

– Провинциальная пресса просто сказочна! – Она похлопала по кипе газет,

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
лежавшей на стуле возле ее стола. – Вам обязательно надо прочесть
редакционные статьи!

– Непременно, непременно. – Протиснувшись через вращающуюся дверь
ограждающей балюстрады, Бэрден бросил беглый взгляд на непролазные джунгли
прически мисс Перрин, и ему померещился в ней целый выводок птенцов,
тычущих в его сторону головками и требующих, чтобы Китти их покормила.
Затем он вошел в свой кабинет, один из самых лучших в здании – дань
уважения не только его старшинству, но и многолетнему членству в Клубе.
Никто не знал точно, кто был своим в Клубе, ибо его члены отрицали, что он
вообще существует, но все знали, кто не был в нем своим. Клуб был наглухо
закрыт для личностей неординарных, для зажигательных народных трибунов, для
сенаторов, которые слишком грубо рвались в президенты. Члены Клуба
предпочитали делать дело втихую и переизбираться без грома фанфар. Они из
принципа ненавидели президента и вопреки власти этого магната управляли
сенатом на свой лад и в своих целях, обычно противоположных целям
президента.

Бэрден стал своим в Клубе, как только появился в Вашингтоне. Члены Клуба
сразу же поняли, что он один из них – проницательный, добродушно-веселый,
умеющий учтиво уступить, когда уступить необходимо. Хотя ему не было еще и
сорока, Клуб принял его в свои ряды, объяснил ему механизм власти и
позволял даже время от времени самому манипулировать рычагами. Члены Клуба
следили и за тем, чтобы его не обошли сомнительные личности и чтобы он имел
возможность заседать в важных комитетах. Когда в его родном штате
появлялись соперники, Клуб прилагал усилия к тому, чтобы Бэрденому приписали
все заслуги за постройку плотины, дороги и открытие почты – ту неизбежную
дань, какую сенатор должен приносить народу, чтобы обеспечить себе его
поддержку.

Его рабочий стол располагался между двумя высокими окнами; он сидел спиной
к ним. На стене перед ним висел портрет Джефферсона. Где-то там в глубине
комнаты были разбросаны председательские молотки, значки, надписанные
фотографии – обычные сувениры, сопровождающие общественного деятеля на
протяжении всей его жизни; единственным необычным украшением комнаты был
бюст Цицерона в натуральную величину на деревянном пьедестале.

Как всегда, оставшись один, Бэрден приветствовал Цицерона. У этих двух
республиканцев было немало общих тайн. Самая важная состояла в том, что
почти весь сенат был убежден, что это бюст Уильяма Дженнингса Брайана[51 –
Уильям Дженнингс Брайан (1860–1925) – американский адвокат, политический
деятель, трижды (в 1896, 1900 и 1908 гг.) выдвигался кандидатом на пост
президента США от демократической партии и все три раза терпел поражение.]

Бэрден вызвал Клея и в ожидании его принялся просматривать почту. За
последние дни, когда в сенате шли схватки вокруг законопроекта о Верховном
суде, его почта утроилась и была, как правило, одобрительной. Он упивался
похвалой, хотя за ней почти всегда следовала просьба о помощи по принципу:
я подкармливаю ваше самоуважение, сенатор, теперь ваш черед подкормить
меня.

С газетами в руках вошел сияющий от радости Клей.

– Вот куда мы правим теперь, – сказал он, указывая на барьер зелени,
скрывающий Белый дом, если смотреть на него с Капитолийского холма.

Бэрден отрицательно покачал головой, не желая искушать судьбу.

– Многое может случиться за три года, – произнес он на одном выдохе.

– Держитесь на гребне волны, и мы победим. Нужно только не дать умереть
этому импульсу.

– Не дать умереть, – одобрительно пробормотал Бэрден, нащупывая пальцами
свой любимый талисман: расплюснутую пулю, которую извлекли из плеча его
отца после битвы при Шайлоу и которую этот сардонически неистовый человек
сохранил в память о героическом времени. Правда, для его отца та война была
одна маята и безрассудство, тогда как сын воспринимал Гражданскую войну[52
– Имеется в виду Гражданская война в США 1861–1865 гг.] как последнее
проявление истинной добродетели в гибнущем мире. Отец презирал его за то,
что он разводил сантименты, вспоминая о тех днях. Ну да, ведь они всегда

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org ненавидели друг друга. Теперь капрал армии конфедератов покоился в могиле, и единственное, что осталось после него, был этот кусочек металла, сплюсненного от столкновения с ныне уже мертвой костью.

– Не дать умереть, – повторил Бэрден, нежно поглаживая указательным пальцем изломы металла. Какой своей стороной он встретился с плотью, когда врезался в нее? Этой? Или той? Взбешенное лицо отца непрошено возникло где-то между Джефферсоном и письменным столом. На мгновение он увидел желтые прокуренные зубы, сумасшедшие серые глаза, красные пятна на коже, и на этом бесплотном лице ожило все отцовское презрение к нему: «Ты присоединился к этим мерзавцам, которые сделали из нас шутов. Ты один из них – сенатор!» Он вспомнил, как прорывал этот титул отец, когда они встретились в последний раз, вскоре после избрания Бэрдена в сенат, незадолго до того, как старик умер от рака. Бэрден замигал часто-часто – лицо исчезло.

Он резко выпрямился, волна энергии захлестнула его. Он быстро дал Клею несколько указаний. Относительно журналистов, которых надо разыскать. Редакторов, которым надо написать. Членов конгресса, с которыми надо встретиться. И денег, которые нужно добыть. При мысли о деньгах он задумался.

– Это самое важное. То, что может нас зарезать.

Клей отрицательно тряхнул головой.

– Толстосумы вас любят.

– Сегодня. А что будет завтра? Будь ты хоть распроконсерватор, но если им не угодишь, то...

– ... не будешь избранным в президенты, – сказал Клей чуточку чересчур поспешно, но попадая в точку.

– Да, не будешь избранным в президенты. Но никто не может стать президентом... Я не могу стать президентом... без их помощи. Вот в чем проблема. Ну что ж, у нас есть еще по крайней мере три года, чтобы раздобыть деньги.

– А до того вы объездите с речами все штаты.

Они строили планы; они плели интриги; они играли догадками; они лелеяли надежды. Но Бэрден понимал, что слишком часто планирование в политике – лишь форма взаимной перестраховки, вычислить будущее совершенно невозможно. Клей показал ему поздравительные телеграммы и приглашения выступить с речами. Несколько раз их прерывала миссис Блейн, сообщавшая последние новости. Верховный суд (разумеется, тайком от общественности) выражал свой восторг, а вице-президент был не прочь перемолвиться с ним словечком, если бы у него нашлось для этого время.

В сопровождении Клея Бэрден спустился на лифте в подвальный этаж, где они сели в причудливый, но удобный вагончик подземной железной дороги, соединявшей административное здание сената с Капитолием. Их спутниками оказались новоиспеченный сенатор и три его избирателя, они пришли в восторг от встречи с Бэрденем Дзем. Все в восторге от Бэрдена Дэя, думал Бэрден Дэй, тепло приветствуя избирателей новоиспеченного сенатора и видя, что авторитет того растет как на дрожжах в глазах его земляков – ведь он был знаком с самим Защитником Конституции. «Возьму шефство над новичком», – отметил про себя Бэрден Дэй.

Достигнув Капитолия, они вступили на черную лестницу. Бэрден, как всегда, наслаждался подземными коридорами, в которых пахло камнем, едким мылом и, как он был убежден, деревянными частями здания, сожженными англичанами в 1814 году. Несмотря на все усиливающуюся жару, в недрах Капитолия стояла прохлада.

Поднявшись на сенатский этаж, Бэрден ускользнул от туристов в сенатский туалет – роскошный покой с громадными писсуарами. Когда Клей принялся намывать лицо и руки, Бэрден как бы невзначай спросил:

– Можешь сегодня прийти к нам обедать?

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Клей – лицо его было все в мыле – отрицательно тряхнул головой:

– У меня свидание.

Бэрден кивнул. Он боялся осложнений, страшился отпора. Но долг отца состоял в том, чтобы уловить сетью для своего ребенка мужа, какого она хотела, и пусть Диана старалась не подавать вида, было очевидно, что она влюблена, и притом безнадежно.

Клей изо всех сил тер лицо, пока розовая кожа не засветилась так, будто ребенок сунул в рот карманный фонарь, чтобы поразить зевак яркостью крови. Да, Клей красив. Мгновенная боль пронзила сенатора. Он не был так молод, как Клей; не был таким желанным, как Клей. Но он еще воцелил и жаждал ответного чувства, а это нечто большее, чем снисхождение, чем дань платежеспособности или славе. С Клеем женщина будет сгорать от желания. Он представил себя на месте Дианы, увидел Клея ее глазами и понял, что у нее нет никаких шансов. Диана дурнушка, робка, хотя сообразительна, разумна, добра. Куда ей соперничать с...

– ... меня пригласила Инид Сэнфорд. В Чевин-Чейс. Что-то вроде вечеринки с танцами в честь ее приятеля из Нью-Йорка. Я обещал быть. – Клей старался его успокоить. – Инид просто неотразима. – Ясное дело, он предпочитает Инид Диане, с этим ничего не поделаешь. Бэрден поправил волосы так, чтобы прядь волос грациозно падала на лоб. Через минуту он войдет в зал заседаний сената, будет узан галереей и, возможно, встречен аплодисментами. По крайней мере это проливалось елеем на сердце. Настроение его улучшилось, когда он надел на себя маску.

– ... обворожительная девушка. Хотя с ней нелегко. И вот как я дошел до этого. – Клей огорченно тронул свой толстый нос. – Я гнался за ней в Уоррентоне, мы скакали верхом в дождь по этим проклятым лесам, и я вывалился из седла. Вы бы слышали, как она хохотала. Из меня хлестала кровь, как из заколотой свиньи, а она хохотала. Мне хотелось ее убить.

Да, подумал Бэрден, тебя поддели на крючок.

– Богатая девушка, – заметил он. – Деньги Сэнфордов будут как нельзя более кстати молодому человеку, который захочет послужить своей отчизне в ее высших государственных советах. – Бэрден пародировал изрядно цветистый стиль своих предвыборных выступлений.

Клей вспыхнул и направился к двери.

– Она просто ищет удовольствий. Вот и все.

Они вышли в коридор.

– Что ж, навести все же нас как-нибудь на днях. Диана совсем не видела тебя после того, как возвратилась в Вашингтон.

– Непременно. Будьте уверены, непременно приду.

Долг исполнен, подумал сенатор, направляясь по коридору к двери в раздевалку. Клей должен был ждать его на галерее для публики. Они заранее оговорили жест (прижать левую ладонь к щеке), которым Клей вызовет его.

Расправив плечи, сделав глубокий вдох (интересно, почему так прерывисто стучит его сердце?), Бэрден кивнул дежурившему у входа верзиле полицейскому и вступил в мир сената.

Раздевалка, узкая, как коридор, тянулась во всю длину зала заседаний. Здесь, среди запирающихся гардеробов, черных кожаных диванов и письменных столов, сплетничали и вершили политику сенаторы, принадлежащие его партии. Бэрден встретили шутилой овацией. Какой-то южанин в длиннополом сюртуке издал мятежный вопль и замахал флажком Конфедерации. Два сторонника Нового курса ретировались в дальний конец раздевалки и сделали вид, что изучают повестку дня. Довольный, Бэрден пил содовую воду и выслушивал хвалу самому себе.

– Самое крупное наше достижение за последние двадцать лет, и все благодаря вам.

– Президент поклялся сломать вам шею, даже если это будет его последним шагом...

– Это будет его последним шагом. Старина Бэрден побьет его в любой момент...

– Бэрден может побить его в тысяча девятьсот сороковом году. Это будет наш год.

– Зачем портить хорошего сенатора, сделав из него президента?

Тут подошел старший сенатор[53 – То есть сенатор, избранный в сенат ранее своего коллеги от того же штата.] от штата, который представлял Бэрден: Джесс Момбергер, худощавый мужчина, носивший шляпы вроде сомбреро и наборные, сшитые из лоскутов кожи башмаки. Любил загадочно упоминать знаменитых бандитов Запада, делая вид, будто знает больше, чем намерен открыть.

– Коллега. – Он взял руку Бэрдена своей оказавшейся неожиданно мягкой рукой. Как-никак, Запад давно уже завоеван. – Ты будешь президентом. Это написано у тебя на роже. И потому я хотел бы дать тебе совет...

Бэрден улыбнулся и слушал его, пока к нему не подошел бледнолицый сенатский посыльный в бриджах и сказал:

– Вице-президент в зале заседаний. Он хотел бы переговорить с вами, сенатор.

Покинув своих обожателей, Бэрден на мгновение остановился перед дверью из матового стекла, ведущей в зал, поправил галстук и прическу. Затем, толкнув вращающуюся дверь чуть сильнее, чем следовало, он вошел в зал заседаний, словно к себе домой.

Стараясь не смотреть на галерею, он прошел по проходу к своему креслу, высоко подняв подбородок, чтобы его узнали. Его узнали. Вспыхнули и тут же утихли быстро приглушенные председателем молоточком аплодисменты. Он занял свое место и сделал вид, будто изучает уложенные перед ним стопкой бумаги. Но он был настолько взволнован, что не мог прочесть ни слова. Наконец украдкой взглянул на галерею. Несколько человек находились в ложе прессы, галерея же была заполнена на одну треть – факт знаменательный, ибо сегодня не ожидалось ни дебатов, ни голосований. Люди пришли поглазеть на него и на сенат, который унизил президента.

Несколько сенаторов подошли к нему и поздравили его жестами слегка нарочитыми, не вполне естественными: каждый знал, что за ним наблюдают сотни глаз.

Затем Бэрден увидел вице-президента. Он не сидел на своем председательском месте, а стоял рядом, беседуя с группой сенаторов. Бэрден помахал ему рукой, а затем стал торжественно спускаться в колодец зала заседаний. Шум на галереях усилился – знатоки зашептались, гадая, о чем они говорят друг с другом. Конечно, ни о чем. В лучшие свои минуты вице-президент предпочитал афористический слог. Но Бэрден знал: главное в политике – это всегда то, что не произносится вслух. Они перебросились несколькими любезными фразами, внешне вроде бы лишенными всякой двусмысленности. Детали прохождения законопроекта в комитете – ничего больше. Но что означал такой обмен любезностями, было ясно тем, кто знал клуб. Этот крохотный человечек с красным лицом и зубами, как черный жемчуг, примкнул к Бэрдену Дэю. Была пущена в ход сила, и, подобно тому как огонь сплавляет два сложенных вместе куска металла, произошло сплавление. На время они объединились.

Не помня себя от радости, Бэрден вернулся в раздевалку, забыв подать условленный знак клею. Дела шли лучше, чем он ожидал. Если вице-президент поддержит его в 1940 году, дело в шляпе.

Через толпу туристов он проворно протиснулся к выходу, время от времени удерживаемый их комплиментами и поздравлениями. На полпути к главному выходу его нагнал Клей.

– Что сказал вице-президент?

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Он с нами. От начала и до конца.

Они заговорили о предстоящем дневном заседании комитета. Бэрдена на нем не будет. Клей должен предупредить одного из сенаторов, чтобы тот подменил Бэрдена.

– Где же вы будете?

Бэрден тряхнул головой.

– Я хочу исчезнуть. Мне надо подумать. Позвони мне вечером домой.

Он ждал Генри под портиком Капитолия, зажмурив глаза от нестерпимого блеска солнца. Стояла такая жара, что он едва дышал. Следовало бы остаться в прохладном Капитолии, но он предпочел уединиться со своим триумфом.

– Отличная работа, сенатор.

Голос был приятным, ассоциации, с ним связанные, – нет.

Бэрден обернулся и увидел приближающегося к нему стройного, невозмутимого на вид человека в коричневом габардиновом костюме. Правая рука Бэрдена невольно дернулась, но он вовремя спохватился и прочертил ею в воздухе неловкую дугу, как будто разминая затекшее плечо.

– Я жду машину, – сказал он ни к селу ни к городу.

– Чего же еще? – Мистера Нилсона явно забавляло произведенное им впечатление. – Я только что видел вас вместе с вице-президентом. Он, должно быть, весьма доволен случившимся.

Бэрден повернулся и посмотрел на подъездную аллею: не видно ли Генри в подъезжающем «паккарде». Но ничего не увидел. Приятный голос продолжал:

– Вами сейчас довольны буквально все. Вам известно, что газеты Херста собираются предложить вашу кандидатуру в президенты?

А он не без изюминки. Бэрдену не удалось скрыть свою заинтересованность.

– Откуда вам это известно?

– Я никогда не раскрываю источников информации, сенатор, – усмехнулся Нилсон. – У вас, надеюсь, будет повод убедиться, что это мое лучшее качество.

Бэрден хмыкнул и снова хотел отвернуться, но голос мистера Нилсона (с Юга он или с Запада?) остановил его.

– Уж я-то могу вам сказать, что кампания «Дэя – в президенты» начнется с завтрашней редакционной статьи; ее пишет сам старик Херст.

– Это очень интересно, мистер Нилсон.

– Я думаю, вы будете замечательным президентом. Уж я-то, конечно, буду голосовать за вас.

– Мистер Нилсон...

– да, сэр?

– Кто вы, черт побери?

– Друг.

– Нет, вы не друг.

– Ну, тогда мне хотелось бы им быть. В конце-то концов, мы выбираем друзей потому, что они непохожи на нас. Я никогда не буду великим государственным деятелем, таким, как вы. – Ирония, коварство, правда в утонченных пропорциях. – Я могу лишь позавидовать той жизни, какой живете вы, и, поскольку быть одновременно и тем, и другим, и третьим невозможно, я

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
выбираю своих друзей с таким расчетом, чтобы благодаря им быть и политиком,
и журналистом, и художником...

– И преступником?

– Да, если хотите, даже преступником.

– Так чем же, собственно говоря, вы занимаетесь?

– Я бизнесмен. Сейчас я говорил с вами без обиняков, сенатор. Абсолютно откровенно.

– Да, я вам верю. А вам известно, какое наказание предусмотрено за подкуп... за попытку подкупа члена конгресса?

– Среди моих многочисленных друзей есть адвокаты. – Разговор по-настоящему забавлял мистера Нилсона. Бэрден вновь охватила растерянность, он почувствовал, как закипает в нем раздражение. – Мне известны наказания, предусмотренные законом. А также блага, которые дает жизнь. Надеюсь, вы серьезно взвесите то, что я вам предложил.

– Даже не подумаю. Я не беру... – Бэрден невольно понизил голос и сам почувствовал это, хотя их никто не мог подслушать, – взятку.

– Другие...

– Меня не интересует, что делают другие.

– Разве капиталовложение в вашу карьеру – взятка? Вклад в вашу избирательную кампанию – разве это взятка? Вы вообще представляете себе, откуда берутся деньги для проведения президентских выборов? Во всяком случае, если мне доведется вложить деньги в ваше будущее, я потребую от вас куда меньше, чем, скажем, Конгресс производственных профсоюзов или Национальная ассоциация промышленников.

– Я не продаюсь, мистер Нилсон. – Напыщенность и неискренность собственных слов ужаснули Бэрден, и он подумал в отчаянии о том, куда исчезла вдруг его знаменитая способность найти единственно верную уничтожающую фразу. Лишившись дара речи, он замолк, и на ум ему не приходило ничего, кроме прописных истин, как будто часть его мозга парализовало.

– Я не собираюсь покупать вас, сенатор. – Этот непринужденный голос был теперь холоден, как и его собственный. – Я дам вам деньги, которые нужны вам, если вы дадите мне возможность купить то, что нужно мне. Это законный обмен. Слово, которым я обозначу свое предложение, возможно, прозвучит странно для ваших ушей. Поэтому я произнесу его медленно и отчетливо. Это слово – «бизнес».

В эту минуту подъехал Генри на «паккарде», и Бэрден сел в машину, не сказав ни слова. Пепельно-серый лимузин отъехал от портика Капитолия, облюбованного скворцами.

– Куда, сенатор?

– Куда? – переспросил, очнувшись, Бэрден. – Через реку на ту сторону, в Виргинию. Там поглядим.

Генри прекрасно понял, куда хочет поехать сенатор. Там, за рекой, неподалеку от Булл-Рана^[54] – Булл-Ран – место одного из кровопролитнейших сражений Гражданской войны.] лежало поле, по которому, как громадная змея в высокой траве, вились окопы времен Гражданской войны. Бэрден любил сидеть здесь и размышлять о прошлом, о тех днях, когда его не было на свете, мечтать: родись он вовремя, он мог бы пасть на той славной войне, как его дядя Арон Хокинс, сражавшийся под Атлантой в девятнадцать лет, – ему раздробило ногу ядром, и через два дня он умер от гангрены. Вот так судьба подрезала его едва начавшуюся жизнь.

Бэрден смотрел из окна машины на редких прохожих, которые двигались чрезвычайно медленно в такую жару, чтобы не потеть; но даже простое наблюдение из относительной прохлады автомобиля бросило его в жар. Он сунул руку в карман, чтобы достать носовой платок, и нащупал кусочек тяжелого

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org металла – пулю, сразившую его отца. Он забыл, что захватил ее с собой из кабинета. Осторожно прикоснулся к металлу и в который уж раз подумал, какой именно частью поразила она отцовское тело.

Через Чейн-Бридж они пересекли Потомак, обмелевший и сузившийся от жары. На виргинской стороне реки начинался лес, густой и, наверное, прохладный. Бэрден опустил стекло, набрал полные легкие воздуха, закрыл глаза и впал в дремоту.

– Мы приехали, сенатор.

Бэрден очнулся и увидел, что машина остановилась на тропинке в лесу; высоко над головой сплетались ветви деревьев, окрашивая зеленью неистовый солнечный свет. Тропинка выходила на поле, где конфедераты строили свои земляные укрепления.

– Оставайся в машине, Генри. Я ненадолго.

Поле было сплошь застлано ярким кружевом золотарника; медленно, не обращая внимания на цепляющуюся за его брюки траву, он шел к тому месту, где под прямым углом сходились две земляные насыпи. С каждым шагом он все острее сознавал, что лежит под этой землей – кости, пуговицы, пряжки от ремней, бесформенные пули.

Бэрден задыхался, когда наконец подошел к своему излюбленному месту на земляном укреплении и уселся на замшелый камень в тени молодых деревьев. С этого возвышения можно было обозревать местность, на которой разыгралась первая битва при Булл-Ране, семьдесят шестая годовщина которой пришлось на вчерашний день – день его собственной победы. Доброе знамение, если не считать, конечно, что конфедераты с тех пор не сошли с пути поражений.

Сосны разрывали линию горизонта, как они разрывали ее почти столетие назад. На фотографии, сделанной сразу после битвы, виднелись те же сосны, но обгорелые и расщепленные, как множество спичек, а на переднем плане виднелось нечто, выглядевшее на первый взгляд как ворох старой одежды, но затем глаза различали руку, воздетую к небу, сильные пальцы, скрюченные так, будто стремились удержать выпавшее ружье. Вспомнив эту руку, Бэрден скрючил собственные пальцы, как тот мертвый солдат, и внезапно осознал, что пальцы эти скрючились не для того, чтобы удержать выпавшее ружье, а удержать самое жизнь, как будто жизнь нечто такое, что буквально можно схватить и удержать. Дрожь проняла его, он уронил руку на колени, не желая знать, что чувствовал тот человек в ту минуту, когда его покидала жизнь.

Трава парила на солнце. Над сырой землей поднималась дымка, порывы горячего ветерка шелестели листвой, гоняли с места на место рои мошкары. Умиротворенный, разомлевший, Бэрден взвешивал на ладони пулю, как делал это уже тысячу раз. Теперь, говорил он себе, он должен подумать, составить план на будущее, выработать программу действий, которая начиналась бы ныне и кончалась бы в тот ноябрьский день 1940 года, когда его выберут президентом. Перво-наперво он поговорит с Блэзом о деньгах. Затем пойдет к Уильяму Рэндолфу Херсту и даст ясно понять, что... Мысль его упорно устремлялась к мистеру Нилсону: какое бы смелое предложение тот ему ни сделал (и то обязательство, которое Нилсон на него накладывал), он никогда в жизни не брал взятку. В крайнем случае он принимал деньги для избирательных кампаний, смутно сознавая, что в один прекрасный день он сможет быть полезным тому, кто эти деньги жертвовал, – процедура неприятная, хотя и вполне обычная в Республике. Но ведь Нилсон предложил прямую взятку, и пойти на такое не может ни один честный человек. Да и само существо дела – лишить индейцев земли – жестоко и бесчестно.

Но что такое честь? Пальцы, державшие пулю, сжались в кулак. Обычный ответ: делать то, что ты должен делать, невзирая на то, чем это для тебя обернется. Но практически от такого благочестия мало проку. Ведь не всегда можно знать, что ты должен делать. Если стране наилучшим образом будет служить он, президент Джеймс Бэрден Дэй, а стать президентом он сможет лишь в том случае, если возьмет деньги мистера Нилсона, то разве не должен он их взять? В конце концов, защитник Конституции, взявший взятку, морально предпочтительнее неподкупного президента, подрывающего устои Республики. И наконец, вечный проклятый вопрос: какое все это имеет значение? Недавно ему показали проект его собственного мавзолея в Капитолии штата. «Мы предусмотрели место для четырех персон, – успокоительно объяснил

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org архитектор. – Естественно, миссис Дэй захочет лежать рядом с вами, а возможно, и ваша дочь». С течением времени никто не будет знать – да и к чему это знать? – какая горстка праха чья.

Разомлевший от солнца, Бэрден еще раз восстановил в памяти разговор перед Капитолием и вновь задал себе вопрос, откуда у Нилсона взялась уверенность в том, что его жертва не попытается привлечь его к ответственности. Единственным возможным объяснением было, что этот фрукт Нилсон – прирожденный искуситель, наглый провокатор, чей инстинкт безошибочно подсказал ему, что Бэрден не таков, чтобы поднять шум.

Пытался ли Нилсон подступиться к другим сенаторам? Тут стоило раскрыть глаза, поразмыслить всерьез. Но солнце ослепило его, и он тотчас зажмурился, возвратился в темно-розовую ночь собственной крови. Сенаторы почти не говорят на подобные темы. Он вспомнил, какое замешательство испытали они все, когда скончался один прославленный, но бедный член Клуба и вдова обнаружила в его сейфе восемьсот тысяч долларов чистоганом. «Мм... да», – сказал Бэрден своему коллеге-сенатору за тарелкой фасолевого супа в сенатской столовой. «Мм... да», – ответил тот. Одни берут, другие – нет. Он не брал. И не возьмет.

Бэрден открыл глаза в ту минуту, когда из леса вышел человек с длинным ружьем в руках. Явно охотник, который в любую минуту мог издали принять Бэрдена за енота, лисицу или на что там еще они охотятся в Виргинии. Чтобы предотвратить несчастный случай, он помахал охотнику рукой, но тот испуганно отпрянул назад и притаился за пнем. Бэрден встревожился. «Беглый каторжник», – замелькали в его мозгу черные газетные заголовки. Но рядом с ним был Генри, да и сам этот человек напуган едва ли не больше, чем он. Бэрден снова махнул ему рукой, улыбнулся, дружески кивнул – дескать я не замышляю ничего дурного.

Человек осторожно приблизился. Остановился у подножия земляных укреплений.

– Откуда вы? – спросил он с приятным каролинским акцентом. Это был молодой человек, грязный и с бородой, длинными светлыми волосами, спутанными космами падавшими ему на лоб.

Бэрден сказал, что живет в Вашингтоне; молодой человек нахмурился.

– Тогда бы вам не полагалось быть здесь, сэр. – В голосе его слышались странно серьезные нотки.

– Почему же?

Парень стоял теперь настолько близко, что Бэрден слышал запах его тела и мог подробно рассмотреть его странную одежду – измятая куртка, рваные брюки, башмаки с отстающими подметками, из дыры торчали грязные пальцы. Хватит ли у него сил позвать Генри, мелькнуло в мозгу Бэрдена.

Парень держал ружье поперек груди, словно взял его на караул.

– Ну, теперь-то вы понимаете почему, сэр. Не прикидывайтесь, будто не понимаете. – Он дернул головой в сторону соснового леса, откуда только что вышел, и Бэрден вдруг увидел, что деревья объята пламенем. Белый дым застлал солнце, небо пылало. Бэрден попробовал встать, но тело парня стояло на его пути, и он не смел ни тронуть его, ни попросить подвинуться: ружье страшило.

Он откинулся к камню.

– Там пожар, – выдавил он из себя. – Горит лес.

– Ясно, что горит.

Бэрден сжался в комок, стараясь не дышать, не слышать запаха пота парня, уклониться от странного дружеского взгляда блестящих, налитых кровью глаз.

– Дайте мне встать, – прошептал он. – Пустите меня.

Парень не шелохнулся. Скрытые в бороде губы ухмылялись Бэрденому, беспомощно простертому на земле. Затем парень вдруг протянул смуглую мускулистую руку,

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org и в ней, изогнутой, Бэрден увидел смерть, хранимую памятью, и смерть грядущую. Он пронзительно вскрикнул и проснулся как раз в тот момент, когда уже начал сползать с земляного укрепления на каменистое поле. С минуту он лежал, растянувшись на земле, затем осторожно потрогал траву, землю, камень, чтобы убедиться, что он еще жив.

– Вы здоровы, сенатор? – На опушке, похожий на черное пугало, стоял Генри.

– Да, Генри! – Он удивился неожиданной силе своего голоса. Затем стремительно, насколько позволяли стареющие мышцы, поднялся на ноги. – Я сейчас приду. Иди к машине.

Когда Генри скрылся из виду, он сел на валун и стал ждать, пока сердце обретет свой обычный медленный ритм. Он бросил опасливый взгляд поверх поля, наполовину надеясь, наполовину боясь увидеть огонь того славного пламенеющего дня. Огня не было. Все это было лишь частью театрального представления, разыгравшегося в его воображении. Так, ничего особенного. И все же лицо солдата армии конфедератов было ему знакомо; но ведь и лицо смерти едва ли будет совсем таким уж незнакомым, и воистину это его смерть подняла ружье на него. Содрогаясь от мысли, каким чудом он спасся, Бэрден встал и тут же заметил тускло мерцавшую в траве пулю, сразившую его отца. Полунагнувшись, он расковырял пальцами углубление в земле, затем положил туда пулю и присыпал сверху землей. Довольный содеянным, он спустился с земляного укрепления и зашагал по полю к машине.

III

– Да, сэр, завтра утром я перво-наперво наведу о нем справки. – Клей Овербэри сидел за письменным столом сенатора. – Почему он вас так интересует? Иначе говоря, вы хотите, чтобы я раскопал что-нибудь определенное?

Сенатор пробурчал в ответ что-то невнятное.

Зажав телефонную трубку между щекой и плечом, Клей закурил сигарету.

– Понимаю, – сказал он; до него дошло, что либо он что-то пропустил, либо ему просто ничего не было сказано. Далее сенатор со свойственной ему определенностью дал распоряжения, и Клей, как всегда, подивился способности старика удерживать в памяти такую кучу вещей. В отличие от него, Клея, которому приходилось все записывать.

– Вы верите в сны? – Этот вопрос сенатор задал тем же тоном, каким давал указания по поводу назначаемой на завтра пресс-конференции.

Клей был ошеломлен.

– В сны? – переспросил он.

Сенатор иронически фыркнул.

– Я тоже не верю, – сказал он. – Ну что ж, до завтра.

– До завтра, сэр. Э-э... будьте добры, сэр, скажите Диане, я позвоню ей завтра.

Сенатор обещал и положил трубку.

Клей позвонил мисс Перрин в приемную и попросил принести ему справочник «Кто есть кто в Америке». Затем откинулся на спинку кресла. День подходил к концу. Вдохнув, он застегнул рубашку: хорошо бы вечер был прохладный. Напротив него последний луч солнца осветил трагический рот Цицерона. Надо как-нибудь почитать Цицерона; старику будет приятно.

Тут вошла мисс Перрин, взяла в оборот свою копну волос, пытаясь сделать из нее симметричную рамку для миловидного личика, но потерпела поражение. Она вручила Клею толстый красный том и ждала, пока он читал справку: Нилсон, Эдгар Карл, род. 1881 в Гавр-де-Грас, Мэриленд; женился на Люси Уэйвел в 1921 (разведен в 1932). Ученые степени не указаны. Член директората ряда корпораций: освоение новых земель, газ, нефть. Член одного из престижных

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org нью-йоркских клубов. Это интересно. Место жительства: Нью-Йорку Пятая авеню, 1106. Он вернул том мисс Перрин.

– Наведи справки о каждой из этих компаний. Запроси Торговую палату, будь так любезна. Наведи также справки в «Дан и Брэдстрит». Эти данные понадобятся сенатору завтра.

– Слушаю, сэр. – Она взглянула на него искоса, но он сделал вид, будто ничего не заметил. На своих неустойчиво высоких каблуках мисс Перрин проковыляла через приемную к двери.

При последних отблесках дня Клей прошел через сад Капитолия, где каждое дерево было мечено их латинскими названиями. Воздух застыл в неподвижности. Пекло Вашингтонского дня остывало. Клей встретил пожилого сенатора и пожелал ему доброй ночи, не забыв при этом назвать себя. Старик, довольный, что его узнали, просиял.

У подножия Капитолийского холма Клей взял такси. Шофер был навязчивый говорун, и ему было все равно, что Клей его не слушает, в особенности потому, что он говорил о «черномазах», которые были жупелом Вашингтона. «Они» наводняли город с юга, и вот результат: ходить по улицам стало небезопасно.

Клей остановил такси у ресторана на Коннектикут-авеню, над которым в четырехкомнатной квартире он жил вместе с тремя другими молодыми холостяками. Комната стоила дешево, район был удобным: отель «Мэйфлауэр», где встречались политические дельцы, находился всего в минуте ходьбы.

Соседей своих Клей видел редко, но отношения у него с ними были хорошие. Это все были подающие надежды молодые люди, и Клей делал все от него зависящее, чтобы поспевать за ними. Он уже давно заметил, что большинство молодых людей тянутся к тем, кто уже имеет власть; это естественно и неизбежно, но они слишком часто пренебрегают теми, кто еще не имеет этой власти, то есть себе подобными, но рано или поздно ее достигнет. Клей был склонен думать о себе как о человеке, который живет с заглядом в будущее. На деле же он всего-навсего существовал день ото дня, ожидая, когда перед ним откроется заветная дверь. А тем временем плел обширную паутину связей, так, на всякий случай.

Жилье Клея представляло собой одну-единственную меблированную комнату с широким окном на Коннектикут-авеню – городскую артерию, деревьями и невысокими домами по обеим сторонам похожую скорее на главную улицу какого-нибудь маленького городка, а не на центральную магистраль столицы. Клей никогда не мог забыть своего недоумения, когда впервые обнаружил, что Вашингтон не столичный, а всего лишь небольшой городок. Если не считать огромных, претенциозных правительственных зданий, его улицы ласкали взгляд даже провинциала. Фактически столица его родного штата во многих отношениях казалась ему более похожей на крупный город, чем Вашингтон с его медленным, как у южан, темпом жизни.

Клей скинул брюки посреди комнаты, швырнул нижнюю рубашку на сломанный торшер, с которого уже свисала пижамная куртка, зафутболил в темный угол туфли, наступая на кончики носков, выбрался из них не нагибаясь, швырнул высокой дугой трусы точнехонько на ручку двери ванной, на которой они повисли, точно знамя в бело-зеленую полоску. Затем повалился, прямой, как подрубленное дерево, на незастеленную тахту. Легкий ветерок обсушил его тело, превратив кожу в горячий сухой пергамент, готовый лопнуть от малейшего движения. И он не двигался. Прижатый к подушке глаз воспринимал все вокруг как передержанный фотоснимок.

Тихий стук в дверь разбудил его. Не одеваясь, он подошел к двери, чуть приоткрыл ее, ожидая увидеть одного из своих соседей-холостяков. За дверью стояла мисс Перрин, возбужденная, с блестящими глазами.

– О, – сказал он без особого воодушевления. – Долли.

– я была поблизости. В восемь часов я встречаюсь с Мэнсоном в «Континентале», это в одном квартале отсюда, и я подумала...

Он распахнул дверь и тем прервал ее болтовню.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Входи, – сказал он. – Я думал о тебе.

Она раскрыла от изумления рот, увидев, что на нем ничего нет.

– Ты простудишься, – покраснев, но не отступая, сказала она. Он закрыл за ней дверь и повернул ключ.

– В такую-то жару? Заходи и вытряхивайся из своих одежонок, ты запарилась. – Он поцеловал ее. Она ответила поцелуем, прикусив его нижнюю губу своими маленькими острыми зубками. Клей замычал от боли. Долли Перрин где-то вычитала, что такой поцелуй означает Страсть. Клей безуспешно пытался разуверить ее в этом, когда она приходила к нему, обычно перед свиданием с Мэнсоном, ее женихом, у которого была проколота барабанная перепонка и работал он в казначействе. Она собиралась за Мэнсона замуж, потому что он был добр, рассудителен, уравновешен, но никак не могла насытиться Клеем, который каким-то образом затащил ее к себе в постель в первую неделю ее службы у сенатора. Сначала она пыталась разводить сантименты, но Клей и слышать ни о чем не хотел. Он прямо заявил ей, что она взрослая девчонка и сделала то, что сделала, потому что хотела этого, а вовсе не потому, что он совратил ее с пути истинного хитростью и посулами.

– Все это пустяки. Одна забава.

– А любовь? – шептала она сквозь путаницу волос, за которыми не видно было ее лица. Он ответил крепким ругательством, и она всплакнула; но он был хорошим юристом и ничего не выставлял в ложном свете. Он полагал, что каждая сторона должна полностью сознавать, на что идет. Он не любил лгать, не выносил сцен и презирал несдержанность чувств. Он любил сдержанность чувств и удовольствие. Долли Перрин доставляла удовольствие. Что касается чувств, он старался делать так, чтобы ее помыслы не слишком отдалялись от главной идеи – Мэнсона, его казначейства и домика, который они собирались купить на Вермонт-авеню.

– Ну и беспорядок, – сказала она, оглядывая комнату глазами домашней хозяйки, какой она станет, как только истечет долгий срок помолвки и из куколки пятилетнего ухода они вместе с Мэнсоном выпорхнут в мир единой громадной домашней молю.

– Такой уж я, – сказал Клей, наливая виски в пыльный стакан. Сам он пил редко, но знал, что виски и Долли отлично сочетаются друг с другом. С каждым глотком она будет счастливее в любви. Разумеется, это была-таки любовь, хотя и не в том смысле, в каком она думала о великой Страсти: два ослепительной красоты лица в тридцатикратном увеличении на киноэкране, рвущиеся разделить друг с другом каждую мысль, каждую мечту, какую только способны вызвать к жизни человеческие мозги. Клей же ценил удовольствие, и только. Но для него был важен и сам факт завоевания. Он не мог насытиться победами над женщинами и, косвенным образом, над мужчинами, которые этих женщин любили. Всякий раз, обладая Долли, он побеждал вместе с ней и Мэнсона.

Клей наблюдал, как она раздевается – медленная процедура расстегивания множества пуговиц, крючков, «молний». Его всегда забавляла эта метаморфоза раздевающейся женщины. Одета, она в броне и в маске, ноги удлинены за счет высоких каблуков, бедра и бюст обтянуты эластиком. То, что было высоким и стройным, обнажившись, вдруг укорачивалось, тяжелело, и сразу становилось ясно не только то, как она приземиста, но и как мощно сложена, ее не сломать, она вылеплена из земли. Мужчина рядом с женщиной – хрупкий, нервный инструмент, весь пламень и воздух, не чета земле и воде. Недовольная, что в комнате слишком светло и он, как всегда, не задернул шторы, Долли все же легла с ним в постель, и на какие-то полчаса эти четыре стихии слились воедино.

Выйдя из-под душа, Клей увидел, что Долли уже наполовину застегнулась на свои крючки и пуговицы – опять в броне. Довольно ухмыльнувшись, Клей откинул со лба ее буйные волосы и поцеловал ее округлый рот.

– Чему улыбаешься? – Долли попятилась, подозрительно взглянула на него. – Что смешного?

Как большинство женщин, которых знал Клей, она опасалась юмора на том совершенно законном основании, что рано или поздно он обратится на нее

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org самое. Глядя на ее озадаченное и недоверчивое лицо, Клей вдруг ощутил нежность – чувство, которое он в такие минуты редко испытывал. Он поцеловал ее спутанные, упрямо падающие на лицо волосы, из перекрученных глубин которых выпрыгивали заколки, как стрелы, выпущенные испуганными обитателями джунглей.

– Ничего смешного. Все очень серьезно. Мне надо одеться. А ты должна настроиться на встречу с Мэнсоном.

Он натянул на себя рубашку.

Долли влезла в туфли на шпильках и сказала:

– Не понимаю тебя, Клей.

– Я весь на виду. Меня и понимать нечего, – сказал он, завязывая галстук перед запыленным зеркалом.

Ожесточенно и безнадежно Долли терзала гребенкой свою прическу.

– Да нет. В конторе ты держись свободно и раскованно, добиваешься своего, но когда я бываю у тебя...

– Добиваюсь расположения девочек? – Клей был резок. Он хотел доподлинно знать, как он выглядит в глазах других.

– Нет. Сенаторов, – сказала Долли, и челка сползла на глаз, отчего ее лицо приобрело вызывающе залихватское выражение.

Клей не позволил себе разозлиться.

– За это они мне и платят. Они дают объявление в газете: энергичный молодой адвокат, готовый переехать в Вашингтон и пленять сенаторов, скромная зарплата, широкие перспективы.

Он поправил белый двубортный вечерний пиджак, надеясь, что никто не заметит обтрепанных манжет сорочки.

– По-моему, тебе все же следовало бы вернуться на родину, так было бы лучше для всех.

Это была излюбленная тема Долли. Вашингтон – это Версаль, блестящий и развратный, превращающий простых хороших парней в пажонок или кое-что похуже.

Отчаявшись справиться с прической, она отложила зеркальце; волосы победили.

– А тогда почему не возвращаешься ты!

– А я у себя на родине. Ты забыл? Мы с Мэнсоном оба родились в Вашингтоне.

Долли горделиво выпрямилась.

Клей повернулся к ней и засмеялся. На лице Долли появилось выражение испуга.

– Ну, а над чем ты смеешься теперь?

– Так, просто подумал о чем-то. Ни над чем. – Он вспомнил историю, которую рассказал ему один из соседей-холостяков.

– Ты смеешься надо мной! – Она схватилась за голову, как будто ее предали.

– Ну что ты. Просто один из моих соседей рассказал мне смешную историю. Он англичанин.

– Что он тебе рассказал?

– Когда ему стукнуло двадцать один, его отец дал ему три совета. Во-первых, никогда не закусывать виски устрицами. Во-вторых, никогда не охотиться к югу от Темзы. В-третьих, никогда не любить женщину до захода солнца, потому

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
что позже можешь встретить другую, получше.

– Ты мерзавец, – сказала она с чувством.

– Вот мне и показалось это смешным. Особенно совет не охотиться к югу от Темзы. Ума не приложу, что там не так, к югу от Темзы?

Но Долли уже выскочила за дверь.

Когда она пересекала улицу, он крикнул:

– До завтра!

Она не оглянулась.

– Доброй ночи! – Долли продолжала шагать по Коннектикут-авеню.

– Передай Мэнсону мои лучшие пожелания, – не удержался он. Она бросилась бежать на своих высоких каблуках, ныряя носом и оседая на корму подобно тяжелой шлюпке, пытающейся побороть течение.

* * *

Когда Клея впервые пригласили в загородный клуб чеви-чейс, он был разочарован его простой деревянной верандой, глубоко отступавшей от красной линии окраинной улицы. Но, очутившись внутри, он сразу же почувствовал себя так, словно забрел в другое столетие; просторные комнаты, наводящие на мысль о несуетных радостях, высокие напольные часы, которые, казалось, никогда не отбивают время, и каждый шаг здесь подчинен ритуалу.

Сегодня он явился рано и вышел на газон; здесь, сидя под полосатыми зонтиками, пили и болтали теннисисты и игроки в гольф, доигравшие свои последние партии. Пора бы им уже разойтись, сурово подумал Клей; в остальном же окружающий пейзаж радовал глаз: справа, за деревьями, виднелись теннисные корты и плавательный бассейн, слева, среди мирных холмов, долин и роц, фиолетовое на фоне синего вечернего неба, простиралось вдаль поле для гольфа, такое сочно-зеленое, как на картине восемнадцатого века с изображением английского парка. В самых темных уголках рощи метались светлячки.

– Чего только нет у богачей, не правда ли?

Клей обернулся и увидел полного низкорослого человека, который пел на приеме у Сэнфордов прошлым вечером. Клей пожал коротышке руку и засыпал его горячими приветствиями, памятуя, что это один из авторов «Вашингтон трибюн», к которому особенно благоволила Инид. Вот только как его звать?

– Зачем я здесь? Сам не знаю. Может, вы мне скажете? Что я здесь делаю? В этом месте, с этими людьми?

В ответ на брошенное вскользь Клеем замечание, что загородный клуб чеви-чейс – «место как место», нежданно хлынул целый поток слов.

– Я терпеть не могу богатых. Я ненавижу политиканов. Я презираю расчетливых молодых людей. – Клей почувствовал, как горячо багровеет под воротничком его шея. Оставалось уповать лишь на то, что гости под зонтиками не подумают, что у него есть что-то общее с этим крайне неприятным типом, к тому же, скорее всего, коммунистом. – Больше всего я ненавижу политику. Я ненавижу президента. Я ненавижу конгресс. Особенно омерзителен Верховный суд. Мне отвратительны военные. Дипломатический корпус следует уничтожить, предпочтительно посредством отравленных бутербродов. Мне ненавистен Вашингтон, округ Колумбия, этот болотный рай, кишаший пиявками увиты ядовитым плющом, эти желудки, набитые капустой, поджаренной на свином сале, и неудобоваримой виргинской ветчиной с привкусом наростов на киле затонувшего корабля. О, моя ненависть, пошли мне красноречие! Давайте выпьем.

Последние слова были произнесены тоном настолько нормальным, что Клей едва их расслышал.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org

– Ну что ж, – сказал Клей, – я...

– Я бы мог опрокинуть стаканчик, это вы хотели сказать?

– Нет, – солгал Клей, вскипая. – Я хотел сказать, что я бы не отказался.

– Так, значит, я все это придумал. – Собеседник ухмыльнулся. Клей уже ненавидел его.

Они вошли в тускло освещенный бар. Каждый заказал выпить. Клей решил держаться вежливо, что бы ни случилось. Этот человек так нравится Инид... Какая досада, что он не помнит его имени, это ставит его в невыгодное положение. А этому человеку его имя известно, вот почему он, Клей, в невыгодном положении, ибо в именах заключена власть.

– Так почему же, – начал Клей осторожно, не желая давать повод для очередной речи, – вы здесь, если не любите Вашингтон?

– Потому что я слаб. Развращен. Не имею жизненной цели. Не могу устоять перед даровой выпивкой... даровой жратвой... втянут в компанию дикарей, которым я время от времени показываю фокусы: пою песенку, предсказываю будущее, напоминаю им, что государственный корабль пьян.

– А вы?

– Я нет. Рембо – тот был пьян. У вас открытое лицо, Клей. Не давайте жизни закрыть его. У вас есть политические амбиции?

– Есть. – Клей предпочел ответить твердо и кратко.

– Ума не приложу, чего вы все стремитесь к должности? Взять, к примеру, этого мошенника Джеймса Бэрде на Дэя.

– Я административный помощник сенатора Дэя.

Коротышка расхохотался.

– Знаю. И вы, конечно, ему преданы.

– Да.

– Я назвал этого вашего сенатора мошенником не потому, что он – единственный в своем роде. Я употребил это слово не в бранном смысле, да и возможно ли такое в Вашингтоне? Я лишь хотел сказать, что он такой же, как все, только более удачливый. Вам бы не хотелось служить у бунтаря, который не желает походить на остальных, так ведь?

Коротышка опрокинул в себя изрядный глоток виски. Вот уже много лет Клей не встречал человека, который вызвал бы в нем такую неприязнь.

– Согласен, у него обольстительный голос, у этого вашего сенатора. И манеры. Я изучал его вчера вечером на приеме. Он впервые предстал предо мной во плоти, так сказать. Но я его быстро раскусил. Актер! Он актер. Как он владеет своим голосом! Как расставляет ударения! Как пародирует других! Как эффектно падает интонация его голоса. В данный момент он играет Брута, но мог бы с таким же успехом сыграть и Макбета, и Лира, а при плохой удаче – и Тимона Афинского. Он может играть кого угодно, только не себя, ведь своего-то «я» у него нет. На вас наводят скуку цитаты из Шекспира? И всякие книги вообще? Я часто замечал, что любая незнакомая цитата, то есть такая, которую нельзя найти в утренних газетах, повергает вашингтонцев в замешательство и немедленно обращает в бегство.

– Понимаю, почему. – Клей произнес это очень отчетливо и был этим очень горд. Коротышка снисходительно рассмеялся.

– Ваша взяла. Я зануда. И я в высшей степени морочу себя, а уж в этом проклятом городе особенно.

– Так почему же вы не уезжаете?

– Денег нет. Я беден. Я должен работать. А работать я могу только здесь.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Представьте себе: ходить в кино днем – обычай еще более вредный, чем нюхать героин, и столь же заразительный, потому что мне нравится то, что я вижу на экране. Я не могу смотреть без слез на Джоан Кроуфорд. Боже, как они с ней обращаются! Свиньи! А эта малышка Джин Артур, она так потешно морщит носик... Это сама реальность. Практически все, что я вижу в этих темных, пропахших несвежими носками и жареной кукурузой кинотеатрах, кажется мне более реальным, чем все это! – Он обвел комнату театральным жестом, и точно по мановению его руки в дверях возникла Инид.

– Что вы тут делаете вдвоем? – Инид сегодня была вся в серебре, изящная и стройная, ни дать ни взять индийская принцесса. – Пора идти, прием начался.

– Я рассказывал мистеру Оверборду, как я люблю Вашингтон.

– Овербэри.

– Он прекрасно знает, кто ты. Мне кажется, сегодня вечером тебя следует поставить на место, Гарольд.

– Меня ставят на место мои хозяева... и любовницы.

Клей внимательно взглянул на Инид, но она потащила его в смежную комнату, оставив Гарольда наедине с высоко поднятым стаканом – он стал было поднимать тост за осажденное в Валенсии законное правительство Испании.

– Вот уж законченный сукин сын.

– Гарольд? Не принимай его всерьез. Его хлебом не корми – дай подразнить людей. Смеха ради. Слушай...

Но Клей не мог слышать, а Инид – рассказать, так как их внезапно остановила бледная близорукая молодая женщина в блестящих бусах.

– Инид Сэнфорд! Прекрасная, прекрасная в серебре. Этот цвет так вам идет.

– Спасибо, миссис Блок.

– В воскресенье у меня небольшой прием, очень intime[55 – интимный (фр.)]. – К явному восторгу Инид, французское произношение миссис Блок было безупречно. – Приходите в шесть, прошу вас. Прием даю в честь... – Она назвала имя пожилого члена Верховного суда. – Он такой занятный. – Тут Клей не смог сдержать улыбки. По словам Инид, были известны случаи, когда, завидя старика, даже калеки отшвыривали костыли и спасались бегством. – Он любит отдохнуть в обществе родственных душ. – Все были уверены, что у судьбы роман с миссис Блок, последний старческий взлет перед последней заключительной речью. – Он так восхищен вами, Инид. Он обожает молодежь.

– Непременно постараюсь прийти, миссис Блок.

– В любое время после шести.

– Позвольте вам представить... – Инид хотела познакомить ее с Клеем, но миссис Блок это явно было ни к чему. Она выследила какого-то посла и исчезла.

– Интересно знать, как попала сюда эта проклятая еврейка? – сказала Инид.

– Если верить колонке светской хроники в газетах, она вездесуща.

– Это потому, что она знакома со всеми репортерами светской хроники. Уверена, она платит им, чтобы о ней писали. Только в нашем доме ей не бывать, а мы не переступим порог ее дома. Бедняжка. Сидела бы себе в Нью-Джерси или откуда еще там она появилась. Вашингтон не для нее. Послушай, я насчет вчерашнего вечера...

– Сожалеешь?

– С какой стати? – В темных глазах Инид отражалось пламя свечей. До чего же она хороша, подумал Клей, сознавая, что он ей не пара.

– Питер знает.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org

- Какой еще Питер и что он знает?
- Мой брат. Я не смогла вчера тебе рассказать. Он видел нас в раздевалке.
- О боже! Надо было запереть эту проклятую дверь!
- Ну, сделанного не воротишь. Но вот как теперь быть?
- Он расскажет отцу?
- Не думаю. Не знаю. К тому же он такой лгун, что ему могут не поверить.
- Лгун? – Для Клея это было новостью.
- Врет без конца. С тех пор как он научился говорить, он плетет что-то чудовищное.
- Враки?
- Разумеется. – Тут в дверях появилась группа молодых людей; увидев Инид, они радостно замахали руками и двинулись к ним.
- Надо что-то решать, – лихорадочно сказала она. – Вон идут мои нью-йоркские друзья.
- А где сейчас твой отец?
- Он здесь. Вон там.

Приятели Инид окружили их. Девушки целовали ее в щеки, молодые люди пожимали руку.

- Поговори с ним! – крикнула она, затопленная этим изъяслением чувств.

Блэз Сэнфорд сидел в углу комнаты в обществе двух седых мужчин, рассуждая – о чем? – конечно, о политике. В соседней комнате начались танцы. Хотя прием был устроен для молодежи, находились и старики. Подобно свидетелям в суде, они сидели в креслах, наблюдая, как движутся в сложном рисунке танца их преемники, и отдавая себе отчет в том, что им в конечном счете придется уступить место в этих креслах молодым танцорам, которые в свою очередь освободят танцевальную площадку другим, еще более молодым. «Что нужно делать, чтобы про тебя не забыли? – подумал Клей. – Как сохранить танцевальную площадку для жизни?» Этот вопрос задавало его честолюбие, но ответа на него не давало.

- Мистер Овербэри? – Худой блондин с проседью встал между ним и танцевальной площадкой. – Меня зовут Эдгар Нилсон, я друг... точнее – человек, желающий стать другом сенатора Дэя.

– Знаю, – Клей улыбнулся заученной улыбкой политика и горячо пожал протянутую ему руку. – Вы из Нью-Йорка. Но родились в Мэриленде. – Он понимал, что, пожалуй, выказывает излишнюю осведомленность, но тем хуже для сенатора, раз тот решил что-то скрыть от него.

- Похоже, обо мне наводят справки. К счастью, мне нечего скрывать. Все улики уничтожены.

Клей рассмеялся: ну и нахал этот мистер Нилсон, ну и нахал.

- Я хочу купить землю у индейцев, но боюсь, сенатор не очень расположен мне в этом помочь.
- А как еще он к этому может отнестись?
- Я не причиню индейцам особенного вреда. Цена, между прочим, вполне приличная.
- Бусы, ожерелья из ракушек, огненная вода?

Нилсон рассмеялся.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org

– Вы сообразительны, мистер Овербэри. Нет, плата будет получше. Настоящими деньгами.

– Но меньше, чем эта земля стоит?

– А кто это может определить?

– Вы. Иначе вы не захотели бы ее покупать.

– Я готов помочь сенатору в выдвижении его кандидатуры на президентских выборах в сороковом году.

– Что он вам ответил?

– Ничего.

– Чем же вы можете ему помочь?

– Деньгами. Влиянием. А еще у нас есть друг – Блэз Сэнфорд.

Нилсон увлек Клея от танцующих к креслам, к самому Блэзу. Тот поднял глаза.

– Эдгар! Что вы здесь делаете? Здесь, в городе? Садитесь. Привет, Клей, – холодно добавил он.

Слова «Добрый вечер, сэр» и «У меня здесь небольшое дельце, Блэз» прозвучали почти одновременно, пока мужчины усаживались по обе стороны издателя в кресла, еще хранившие тепло предшествующих клиентов.

– Жаль, я не знал, что вы в городе. Вчера у нас был прием. Вам следовало быть на нем. Праздновали поражение мистера Рузвельта.

– И победу сенатора Дэй. – Нилсон улыбнулся Клею.

Блэз пронизательно перевел глаза с одного на другого.

– Бизнес?

Нилсон остался невозмутим.

– Я хочу, чтобы сенатор Дэй в сороковом году был избран президентом.

– Неплохая идея. Ваше мнение, Клей? – Ив сторону, Нилсону: – Это будет пристрастное свидетельство.

– Конечно, – сказал Клей. – Могу ли я этого не желать? И отныне это уже представляется возможным. Мы беседовали с вице-президентом.

Как большинство сенатских помощников, Клей был склонен говорить «мы» в тех случаях, когда, вообще говоря, следовало сказать «он» – привычка, которую он не терпел в других, но себе делал поблажку.

Блэз взглянул на него одобрительно и не без интереса.

– Вы привлекли его на свою сторону?

– Да.

– Добро.

Нилсон поднялся.

– Я позвоню вам завтра, Блэз.

– Непременно звоните. Приходите к нам на ленч. Поплаваем. Завтра будет жарко.

Нилсон скрылся в танцевальной комнате. Клей отдавал себе отчет в том, что другие страстно желают занять его место рядом с издателем, ловят шанс подержаться за его руку, погреться в лучах его славы. Ему следовало уйти,

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
но он предпочел остаться.

– Кто такой мистер Нилсон? – Клей не испытывал робости. В конце концов, ему нечего терять, кроме Инид, миллиона долларов и поддержки могущественного газетного магната.

– Кто такой мистер Нилсон? – повторил Блэз тоном, в котором недвусмысленно звучало: «А кто такой Клей Овербэри?» – Ну что ж, это мой друг. Он занимается нефтью. Не знаю, чем еще. Бэрден должен с ним подружиться. Это пошло бы на пользу им обоим. – Блэз оглянулся, как бы ища поддержки. Клей пошел направо.

– Сэр, как насчет Инид?

– А что насчет Инид? – Темные глаза Блэза вдруг уставились на него в упор. В искривленном гримасой побагровевшем лице Клей увидел Инид. – Что насчет Инид?

– Мы довольно часто встречались с ней этим летом.

– Нет, – отрезал Блэз.

– Что нет?

– Вы не женитесь на ней.

– Я не сказал, что собираюсь на ней жениться.

– И не помышляйте об этом.

Клея охватил ужас пополам с яростью. Ярость возобладала.

– А почему бы и нет? – Голос его задрожал. От напряжения, убеждал он себя, не от страха.

– Я не обязан вам отвечать.

– А я не обязан выслушивать от вас оскорбления.

– Что и ставит точку нашему разговору, так?

– Да. – Клей встал. Голова его кружилась. – До поры до времени, – сказал он, – ставит точку.

Но Блэз уже подзывал к себе кого-то из гостей.

Клей вошел в танцевальную комнату. Ему казалось, что он готов убить Блэза. Он взял предложенный лакеем бокал виски и залпом выпил. Это сразу его согрело. Впервые он понял, что люди пьют для того, чтобы вынести невыносимое. Затем нырнул в вечеринку, поплыл между танцующими и не выбирался на берег до полуночи, когда пили уже вовсю, флиртовали в открытую, а кресла опустели.

– Что будем делать? – На зашторенной веранде прямо перед ним возникла Инид. Снаружи в темноте прогуливались парочки, их путь в темноте ясно обозначался устойчивыми огоньками сигарет, совсем непохожими на пульсирующие стреляющие искры светлячков.

– А чего бы тебе хотелось? – Он избегал ответственности. В один прекрасный день, подсказывал ему его ум юриста, дело будет разбираться, и он хотел оставить за собой возможность доказать, что ни к чему ее не принуждал. Пусть выбирает она, а не он. И она начала.

– Поедем куда-нибудь на ночь.

– В бассейн? – улыбнулся он.

– Нет, только не туда! После того как Питер... Поедем... в Мэриленд.

– В Элктон? – Наводящий вопрос: именно в Элктоне быстро и без формальностей женились вашингтонские парочки.

- Ты говорил с отцом?
- Это необходимо?
- Он умеет ощериться.
- Он таки ощерился.
- Он не любит молодых. Для него они недостаточно значительны.
- А для тебя?
- Для меня неважно, значителен молодой человек или незначителен. Тогда это было в первый раз, ты знаешь. – Она сказала это ему накануне вечером во время грозы; слова поразили его, хоть он и усомнился. Но, вполне возможно, она говорила правду. Несомненно одно: свидетельств обратному у него не было.

Начиная с зимы, они встречались от случая к случаю на вечеринках, менее случайными были их встречи в конце недели. В тот вечер, когда он сломал себе переносицу в Уоррентоне, она впервые отдалась ему. Боль, которую он испытывал, доставляла ей какое-то озорное наслаждение, и она требовала, чтобы он снова и снова целовал ее, невзирая на огромную, идущую через все лицо повязку. Но только вчера вечером они «закрутили на всю железку», как она выразилась.

- А как насчет Дианы? – Лицо Инид вдруг напомнило ему лицо ее отца.
- Дианы? – переспросил он, делая наивные глаза.
- Она ведь, кажется, влюблена в тебя.
- Я работаю у ее отца. Она мне нравится.
- Ты спал с ней?

Он отрицательно покачал головой.

- Нет. Ни на резиновом матрасе, ни на полу.

Инид засмеялась.

- Мне, наверное, никогда не удастся заглядить свою вину перед ней.

Клею, любившему ее, сейчас она даже нравилась. Временами она говорила о себе с грубовато-прямолинейным юмором, какого не было ни у одной из знакомых ему девушек.

- Мы это еще обдумаем, – сказала она наконец. – А теперь идем танцевать. Ты ведь знаешь, я ужасно молода. Даже для своих лет, так все говорят.

Они вернулись в танцевальную комнату, где разгоряченные парочки танцевали что-то энергичное и шумное. Так-так, подумал Клей. Ему нужно время, чтобы улестить Блэза. Он должен также каким-то образом дать понять Диане, что не может жениться на ней. Он многим обязан ей, а сенатору – еще больше.

IV

Две луны поднялись над равниной, посеребрив башню. Это был сигнал. Он посадил планер. Затем, завернувшись в особый плащ, который дал ему Великий Мург, зашагал обратно в городу где его ждало войско.

- Плевать мне на то, чего она хочет! Важно то, чего хочу я.
- Будь благоразумен, Блэз. В конце концов, дело сделано.

На главной площади древнего города, древнее, чем письменная история выстроилось войско тарков. Увидев его, узнав плащ Великого Мурга они приветствовали его криками.

– Мы расторгнем брак.

– Но как вы сможете сделать это, если они... если она...

Длительное мгновение он смотрел на эту массу приветствующих его тарное. Он чувствовал, как все его существо наливается силой. Он взглянул на балкон, где стояла Тувия в гелиевой короне древней империи. Она приветственно помахала ему рукой. Он салютовал ей из Винчестера, который подарил ему отец к рождеству...

– Я знала, что нам следовало уехать в Уотч-Хилл в июне. Это ты виноват, Блэз, что мы застряли здесь из-за твоей проклятой политики. А теперь она сбежала, и дело сделано. Вышла замуж за политикана. Ты должен быть куда как доволен.

Раздался звон разбитого стекла. Питер попытался включить его в игру своего воображения, но безуспешно. С грустью вынужден был он констатировать, что видение Тувии и тарков разлетается вдребезги вместе с высоким стаканом, который отец швырнул то ли в мать, то ли на пол. Он заглянул в открытую двустворчатую балконную дверь. На полу, между отцом и матерью, лежали осколки разбитого стакана, содержимое которого растеклось по ковру темным пятном.

– Посмотри, что ты сделал с ковром.

– К черту ковер!

– К черту все! Вот чего тебе на самом деле хотелось бы. – Это как гром с ясного неба. Фредерика предпочитала не вылезать на сцену. Какие-либо недвусмысленные заявления были не в ее стиле.

– Что, по-твоему, я должен сделать? – В голосе Блэза звучал прямой вызов.

– Плесни воды на ковер. Это размочит пятно.

– А потом?

– Что хочешь. – Она была уже не так уверена в своей правоте. – Только постарайся быть любезным, когда они приедут.

– Арестовать его за совращение несовершеннолетней – вот что мне следовало бы сделать.

– По законам штата Мэриленд она совершеннолетняя и он не совратил ее, а женился на ней.

Питер откинулся в шезлонге, усилием воли заставив себя не слышать родительские голоса. День был жаркий. Он оделся в костюм для игры в теннис, но в последний момент позвонил своему приятелю Скотти и сказал, что встреча на корте грозит солнечным ударом. Так говорили все. Кроме того, он чувствовал себя смертельно усталым, слишком усталым даже для того, чтобы спуститься с раскаленного газона к пруду, где была тень.

Сегодня с утра пораньше Инид и Клей поженились в штате Мэриленд. Она сообщила эту новость по телефону, когда семья сидела за завтраком. Каждый повел себя соответственно. Фредерика поинтересовалась, где они провели ночь (в автомобиле). Блэз сказал, что не хочет больше их видеть, на что Инид ответила: «Не глупи, мы будем дома к ленчу». Питер решил, что после отлучившегося в бассейне женитьба – скучное завершение великолепного сюжета. Он уже прокрутил назад фильм, показывающий события, которые он видел столько раз, что сам почти стал их участником. Но прозаический или нет, такой финал по крайней мере ломал рутину, обычный распорядок семейной жизни. И за это он был им благодарен.

– Так или иначе, ты сам во всем виноват, – повторила Фредерика свой единственный аргумент. – Если бы мы уехали в Уотч-Хилл, а не...

– ...остались здесь, мы с Клеем никогда бы не поженились. Да, это так, и не иначе. – Инид появилась в комнате в измятом серебристом вечернем платье и серебристых туфлях. Припадая на одну ногу, подошла к столу. – Я потеряла

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org каблук в Элктоне. Он отскочил прямо на ступеньках дома мирового судьи. Клей ждет в машине. Я сказала ему, что пойду взгляну, что тут у вас. Что тут у вас – я и без того знаю. – Она скорчила гримасу. – Папа, зачем тебе обязательно нужно закатить скандал?

– Я еще слова не проронил с того момента, как ты появилась, – Блэз сказал это поразительно дружелюбным тоном.

– Но ты метал громы и молнии, когда разговаривал со мной по телефону. А лицо-то у тебя какое! Мам, что нам с ним делать?

– Вы спали в машине? – Фредерику всегда интересовали обстоятельства.

– Мы сидели в машине. Нам вовсе не полагалось спать. Но я бы предпочла вылезти из этого платья и переобуться.

– Нет, – сказал Блэз. Тут он увидел в окне Питера. – Кыш, пошел! – Он закричал, как фермер на птицу, севшую на только что засеянное поле. Питер испарился. Он обошел вокруг дома и скрылся в густых зарослях самшита, выбрался к главной подъездной аллее, где сидел Клей в своем «плимуте», читая «Трибюн».

– Поздравляю, так, что ли? – Пожимая Клею руку, Питер заметил, что рука у Клея потная, а отросшая за сутки щетина несколько размыла очертания его классического подбородка. Но даже с красными от бессонной ночи глазами Клей был, как всегда, красив.

– Для меня это было неожиданностью, – сказал Клей. – Что там у вас?

– Для нас это тоже было неожиданностью.

– Как воспринял это отец?

– Он вне себя. Почему бы это?

– Не знаю. Ты знаешь?

Питер отрицательно покачал головой.

– Может, он хотел, чтобы она вышла замуж за... не знаю кого, за кого-то другого.

– За богатого?

– Не думаю. Не знаю. У него могут быть свои причуды.

– Ну что ж, что сделано, то сделано.

Из главного входа, припадая на одну ногу, вышла Инид.

– Клей, заходи. А, и ты тут, – бросила она Питеру ни к селу ни к городу. – Наслаждаешься переполохом?

– Не так, как ты.

Инид пропустила реплику мимо ушей.

– Он хочет поговорить с тобой, – сказала она Клею.

Тот вылез из машины.

– Желаю удачи, – сказал Питер.

Инид пошла к дому, споткнулась и чуть не упала. Яростно сорвала с ног туфли и швырнула их в кусты самшита.

– Пошли, – сказала она Клею. – Посмотрим, сумеешь ли ты с ним договориться.

V

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Договориться с Блэзом было нелегкой задачей хотя бы потому, что никогда нельзя было знать, о чем надо договариваться. Блэз вежливо поздоровался с ним, предложил выпить. Затем, поскольку приглашенные к ленчу гости должны были прибыть только через час, предложил искупаться в бассейне. Фредерика и Инид были сбиты с толку этой необычной тактикой, как, впрочем, и сам Клей.

У входа в раздевалку Клей вдруг на мгновение испытал чувство вины. Но Блэз бодро взял его за руку.

– Полагаю, этим летом вы бывали у нас не раз.

Наверное, Питер рассказал отцу, подумал Клей. Но если Блэз и знал что-либо, он слишком утвердился в своем намерении держаться дружелюбно и не подавать вида.

– Вам, наверно, известно, какие купальные костюмы будут вам впору. – С вешалки для шляп свисала дюжина купальных костюмов. Клей взял один из них, Блэз – другой. Затем оба, перебрасываясь ничего не значащими фразами, разделись.

– Вы хорошо знаете сенатора Баркли?

– Довольно хорошо, сэр.

– Я лично поддерживал Пэта Харрисона на пост лидера большинства. Но надо иной раз позволить и Франклину выиграть какую-нибудь битву.

– Сенатору Дюэ нравится Баркли, но он считает его слабым.

– Штемпель в руках президента?

– Да, сэр.

Стягивая трусы, Клей ощутил на себе пристальный, изучающий взгляд Блэза. Его лицо обдало жаром, словно кровь бросилась ему в голову. Чтобы надеть купальный костюм, он отвернулся, вспомнив и признав разумность библейского завета не смотреть на наготу отца своего. Ему было не по себе при виде тела любого человека, пора расцвета которого уже минула, и предугадывать в этой развалине собственное будущее.

Завязывая тесемки купального костюма, Клей взглянул в зеркало и увидел, что Блэз сверлит его взглядом такой чудовищной ненависти, что он ощутил ее физически – раскаленное клеймо, неожиданно припечатанное между лопатками. Но когда Блэз заговорил, голос его был приветлив.

– Захватите свой стакан. Мы посидим в тени. Хотя в такую пору это мало что даст. Но видите ли, вы сами во всем виноваты.

– Виноват? – Вот, начинается. Клей напрягся, готовясь к удару.

Блэз улыбнулся.

– Вина конгресса – прозаседали весь июль.

– Вина президента – он хотел запихнуть нам в глотки законопроект о Верховном суде.

Блэз кивнул и подвел Клея к шезлонгам, расставленным у бассейна.

– И походя убил Джо Робинсона. Интересно, правду ли говорят, что он хотел назначить старину Джо членом Верховного суда, если бы ему удалось протащить законопроект через сенат?

Клей обрадовался, ощутив знакомую почву под ногами.

– Не знаю, сэр. Существует мнение, что президент просто-напросто использовал его, и, как только закон был бы принят, он назначил бы четырех новых судей, скажем, таких, как Хатчинс из Чикаго, ну, знаете, этих левых, бомбометателей.

– И вы один из них? – Блэз повернулся к Клею, и тот мгновенно ощутил

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
чувство вины, хотя был ни в чем не виноват.

– Я работаю на сенатора Дэя.

– Это не ответ.

– Что ж, я консерватор и по собственным убеждениям. Начать с того, что я не признаю экономической теории Кейнса.

– Гнусный тип. Я встречал его. Франт. Наверняка гомик. Но он прижал к ногтю всю администрацию. Кроме Гарри Гопкинса. Этот пока улизнул. Хочет стать президентом, безмозглый осел. Где тут стать президентом, если путаешься с розовым в вашингтонских салонах и социалистами. Бедняга Гарри полагает, что сороковой год будет его год. Совсем как Бэрден.

– Я думаю, у сенатора есть шансы.

– Возможно. – Блэз вытянул свои короткие, словно обрубленные ноги. Синие, варикозно расширенные вены извивались на икрах. – Как вы обойдетесь с деньгами?

– У нас немало сторонников на Западе. Кое-кто из нефтяного бизнеса...

– Я имел в виду вас лично. И Инид.

Клей чувствовал себя идиотом: как он мог так промахнуться?

– Моей зарплаты хватит на нас обоих.

– На Инид?

– Почему бы и нет?

– Вы рассчитываете, что я буду давать вам деньги. С какой стати?

– Почему бы вам и не давать?

Блэз пристально посмотрел на Клея.

– Что ж, вопрос поставлен правильно. Я не одобряю ваш брак, Инид слишком молода. Ей следовало бы побольше повидать свет, не только один Вашингтон. Повидать людей.

– Что вас не устраивает во мне?

– У вас нет денег.

– Но у меня будут деньги. А пока хватит и того, что есть.

– Каким вы представляете свое будущее?

– Блестящим.

– Именно?

– Политика.

– Политики деньги не зарабатывают, они их тратят.

– Меня это не пугает.

– Меня тоже. Слушайте, если бы я дал, ну, скажем, сто тысяч долларов – вы бы согласились расторгнуть брак?

Клей невольно рассмеялся.

– Вот не знал, что такие вещи и вправду говорят. Нет.

– Вы любите Инид и не можете без нее жить? – с издевкой спросил Блэз.

Клей взглянул на него с таким отвращением, что его нельзя было не заметить;

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Блэз резко выпрямился в шезлонге и закинул ногу на ногу.

– Я ни слова не сказал о любви, мистер Сэнфорд. Но раз вам доставляет удовольствие поставить все точки над «і», могу сказать, что я не собираюсь портить свою биографию фактом расторжения брака, так как этим смогут воспользоваться мои политические противники. – Клей ухмыльнулся своей, как он точно знал, обаятельной ухмылкой, по крайней мере в данной ситуации. – Вам придется придумать что-нибудь другое... сэр.

Блэз промолчал и отпил из своего стакана. Он изучал гнилой пень, превращенный муравьями в громадный, замысловатый город.

– Я не люблю, когда меня тычат мордой об стол. – Такой вульгаризм в устах Блэза был необычен. – Я знаю, кто вы такой. Бедный малый из провинции, приехал в столицу, чтобы сделать карьеру. Затем жениться на богатой девушке и жить себе припеваючи на ее деньги. Да только вот она несчастна. Клянусь, с Инид этого не произойдет.

– Каким, по-вашему, должен быть ее муж?

– Таким, как я.

– С деньгами?

– С происхождением.

– Вы сноб, сэр.

– А я этого и не отрицаю. И позвольте вам заметить, Вашингтон – Голгофа для сноба, для любого, кто хоть что-то собой представляет, ибо он вынужден выносить всех этих фигляров и знахарей, обманом заставляющих народ голосовать за них...

– Но ведь не все же фигляры.

– Остальные еще хуже. Они жаждут власти ради власти. Как Франклин.

– Как вы.

– Я здесь потому, что мне забавно баламутить это болото. – Он посмотрел на гнилой пень. – Вы, конечно, уже с ней спали. Она беременна?

– Насколько мне известно, нет.

Блэз вскочил на ноги, быстрым движением проскочил вымощенную кирпичом площадку и нырнул в воду. Клей последовал за ним не так скоро, чувствуя, как по бокам его струится нервный пот. Согнувшись, он оттолкнулся от трамплина, резко распрямился и, перед тем как войти в воду, открыл глаза навстречу прохладной, мутно-зеленоватой стихии, которая, он знал, сразу умерит сердцебиение и успокоит нервы. Он проплыл под водой во всю длину бассейна, нехотя всплыл на поверхность и увидел, что Блэз сидит у края бассейна и наблюдает за ним.

– Мы тоже когда-то были в команде пловцов Йельского университета. – Блэз отплатил ему за хвастливую демонстрацию силы.

– А я никогда не был ни в какой команде. Я вынужден был работать, чтобы учиться. Я шуровал уголь в топках.

– Молодец.

– Я вовсе не хотел хвастаться.

– Зато я хотел. Инид... щедрая девушка. Не знаю, почему она вышла за вас замуж, может быть, она хочет дать вам то, что вам нужно, деньги например.

– Мне нужны деньги, но не настолько.

– Вы их не получите.

Клей подумал, что будет, если он ударит своего тестя. Это дало бы ему

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org чувство удовлетворения. В будущем их отношения будут хотя и прохладны, но по крайней мере честны. Однако он совладал с собой и вместо того вытянул руки, поиграл мышцами.

– Вы, однако, не назвали ни одной разумной причины, почему вы против нашего брака.

– Я против потому, черт побери, что не хочу облегчить вам все это.

– Что именно?

– Все. Игру, которую вы начинаете. Вы хотите сделать карьеру, а я этого не хочу.

– Почему?

Блэз не ответил. Он встал и направился к раздевалке. Клей крикнул ему вслед:

– Уж не потому ли, что вы сами ничего не добились? Не смогли? – Клей шел напролом. – Потому что вы были слишком богаты, чтобы работать локтями, как все? – Но Блэз уже скрылся в раздевалке.

Клей выждал, пока Блэз оденется. Затем сам вошел в раздевалку. Блэз причесывал свои редкие волосы и игнорировал Клея. Тот быстро оделся. Перед тем как выйти, Блэз обернулся к нему.

– Я добился власти собственными силами.

– У вас были деньги – для начала.

– Как я добился власти – несущественно. Существенно то, что она у меня есть. У вас ее нет.

– К такой власти я не стремлюсь.

– Всякая власть едина, вы сами это узнаете. Придется попотеть, вот так! – Он вдруг взыграл духом. – Нас ждет ленч, тогда-то мы и объявим эту радостную новость. – Он улыбнулся. – Будет сенатор Дэй. Я сказал ему, чтобы он привез Диану. Думаю, вам это понравится. – Они пошли по дорожке между кустов самшита, и Блэз взял его под руку с такой нежностью, что это поразило бы любого.

VI

– Я говорил вам, у меня друзья и такие, и этикие. – Мистер Нилсон улыбался Бэрдену лучезарной улыбкой.

– Вижу, вижу. – На какой-то момент он был как в ловушке на веранде наедине со своим искусителем. На краю лужайки, под вязом, лицом к лицу стояли Клей и Диана. Она была бледна и молчала. Клей что-то с горячностью объяснял ей.

Это был не ленч, а сплошной кошмар. Раз или два Клей пытался уведомить всех о том, что произошло, но Блэз не давал ему такой возможности. Объявление о том, что брак состоялся, сделанное за десертом, произвело ошеломляющее впечатление. Бэрден невольно поднялся, чтобы подойти к Диане, сидевшей напротив. Но если она и нуждалась в утешении, то не подала виду. Поскольку Бэрден уже встал, ему пришлось подойти к Клею и поздравить его. В этот момент поднялись и остальные.

В гостиной Блэз играл свою любимую роль тамады. Он произнес речь:

– Не скажу, чтобы я не был удивлен. Я-таки был удивлен, мы все были удивлены. Но нынче принято поступать именно так. В сущности, мы должны быть им благодарны. Теперь никто не должен ничего покупать им. Никакого серебра. Никаких подарков. Ничего.

Кто-то засмеялся. Инид, заметил Бэрден, выглядела усталой и мрачной. Клей был как на иголках. Один только Блэз, казалось, забыв обо всем, наслаждался происходящим. Он пожелал молодым долгой счастливой супружеской жизни. Были

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org произнесены торжественные тосты. Затем гости вышли на веранду.

– По правде говоря, одна из причин, почему я здесь, – это поговорить с Блэзом о вас.

– Очень любезно с вашей стороны. – Бэрден хотел уехать сразу же после ленча, но Диане надо предоставить возможность поговорить с Клеем, и вот он в руках мистера Нилсона.

– Мы готовы начать кампанию «Дэя – в президенты».

Бэрден уставился на Нилсона взглядом, который говорил, что это забавно, но неправдоподобно, – от такого взгляда обычно становилось не по себе свидетелям, дающим показания в комиссии сената. Но Нилсона явно ничто не могло вывести из равновесия.

– Мы, вероятно, создадим нашу первую организацию в Вашингтоне. Для рекламы понадобится несколько известных имен. Блэз, например. Насчет меня не беспокойтесь. Я, как всегда, останусь за кулисами в должности неофициального казначея. – Он с легкой усмешкой сделал ударение на последнем слове. – Двести пятьдесят тысяч долларов – с такой суммой в кошельке наша компания плавно тронется с места. Разумеется, это только начало.

Диана отвернулась от Клея. Он, по-видимому, не договорил то, что хотел ей сказать. Он протянул руку, как бы пытаясь ее удержать, но Диана уже быстро шла через лужайку к веранде. Сын Блэза остановил ее на ступеньках и что-то сказал ей; она силилась улыбнуться. Бэрден видел, как она страдает, и извинился перед Нилсоном. Он подошел к Диане и Питеру.

– Поехали? – спросил он.

– Пожалуй, да. Где Инид?

Питер пожал плечами.

– Пошла спать, я думаю. Они не спали всю ночь.

– Передай ей, как я... за нее рада.

– Хорошо.

Бэрден взял дочь под руку. К его удивлению, ситуация начинала ему нравиться. «Отец утешает отвергнутую дочь». Жизнь часто представлялась ему серией старых литографий с такими, например, надписями: «Государственный муж на берегу залива», «Смерть в семье», «Поруганная честь». В лучшем случае трудно составить себе мнение о других. Но он пытался, так как искренне верил, что человек должен быть добр. Так или иначе, никто не поставит ему в вину, что он не давал себе труда составить такое мнение. Хоть он и любил свою дочь, Клей ему нравился, и это затрудняло, как ни жаль, все, особенно сейчас, когда Клей, тяжело дыша, заступил ему дверь в гостиную. Он явно пробежал через всю веранду.

– Простите, сенатор. Я не предупредил вас. Но все случилось так внезапно. Мы об этом не думали.

– Как же иначе. – Нет, сказано слишком холодно, решил Бэрден. – Да, я понимаю, как это случается. Она чудо как привлекательна. Поздравляю.

Клей нервничал, и это доставляло Бэрдену удовольствие. В их довольно сложных взаимоотношениях Клей всегда сохранял хладнокровие, в то время как Бэрден, движимый чувствами, нередко горячился. Но теперь-то Клей держался едва ли хладнокровно, и Бэрден понял, чего он боится: что его уволят. С минуту он забавлялся этой мыслью. Конечно, это порадовало бы Диану, не лишенную – он это знал, так как видел в ней себя, – мстительной жилки. Но Клей может быть спокоен за свое место: Бэрдену без него не обойтись.

– До понедельника. – Он неопределенно улыбнулся Клею и направился с дочерью в гостиную, чтобы проститься с хозяином. Фредерики нигде не было видно. Она наверху, с мисс Инид, сказал лакей.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Учит ее жить, это как бог свят! – Перед ним неожиданно возник Блэз. – О чем еще могут говорить матери с дочерьми в такие минуты?

– Не знаю, – сказал Бэрден. – Никогда не был ни матерью, ни дочерью.

– Диана, о чем они разговаривают? Ты дочь. Открой нам женские тайны.

– Откуда мне знать? Я никогда не была замужем. А потому со мной не разговаривали. Наверное, одна женщина предупреждает другую.

– Предупреждает против чего? – Казалось, Блэз был в самом деле заинтересован.

– Против мужчин, конечно. Нашего общего врага. – Голос Дианы почти срывался.

– Бэрден, кто же она такая? Мужененавистница?

– Она преувеличивает. – Бэрден пытался передислоцировать Диану к двери, но Блэз не пускал ее.

– Уверен, ты не преподнесешь отцу такого сюрприза, как Инид.

– Я не очень-то горю за сюрпризы. Да и не похоже, чтобы кто-то мною интересовался.

– Ну, брось, брось, – встревожился Бэрден. – У тебя есть свои поклонники. – Он повернулся к Блэзу. – И я ненавижу их всех, а вы? А почему, собственно, молодой человек, которому нравится твоя дочь, должен представлять собою угрозу?

– Ну, у нас в доме эта угроза уже обернулась реальностью. – Блэз вдруг ожесточился. – Надеюсь, вам повезет больше. Вам обоим. Да. Эд Нилсон просил меня кое-что тебе передать. Не знаю, что это. Скорее всего, любовное послание. Он души в тебе не чаёт. – Блэз подал Бэрде ну конверт.

– Спасибо за ленч, – сказал Бэрден. – И за сюрприз, – не удержавшись, добавил он.

– Строго говоря, сюрприз был не мой. – Блэз посадил их в машину, которую Генри подал к подъезду. – Но приходится мириться с тем, что сваливается на нас.

Когда Бэрден с Дианой отъехали, Блэз еще некоторое время стоял у подъезда и махал им вслед, словно решил больше с ними не встречаться.

– Такой жестокости я от него не ожидал, – сказал наконец Бэрден, отдав себе отчет в том, что им вот сейчас придется заговорить о случившемся.

– Он влюблен в нее. Почему бы ему не жениться на ней?

– Я имел в виду не Клея. Я имел в виду Блэза.

– Я как-то этого не заметила. – Она старалась не смотреть на него, когда машина везла их мимо зеленых роц Виргинии.

– Ты хотела выйти замуж за Клея. – Как хирург, которому приходится делать операцию без обезболивания, Бэрден сделал первый разрез мгновенно. Кожа рассеклась. Больной хватил ртом воздух, но остался в живых.

– Да. Можешь сказать, хотела.

Странная формулировка, подумал Бэрден. Сказать можно все, что угодно.

– О чем он говорил тебе только что, на лужайке?

– Не помню.

– Прости. Это не мое дело, конечно.

Дочь посмотрела на отца сухими, блестящими глазами: больной уже был в

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org горячке.

– Да нет. Я и вправду не помню. Не могла сосредоточиться. Он все говорил, говорил, а я все думала, думала: он женился на Инид, а с чем осталась я? Кажется, он просил прощения. Не знаю. Он нервничал, а я никогда не видела, чтобы он нервничал.

– Перед деньгами, должно быть, нельзя устоять.

– Нет! – неистово воскликнула Диана. – Уверена, что он не из-за денег, деньги тут ни при чем. Все из-за Инид.

Взгляни на нее! Кто может соперничать с такой? – У больной начался приступ. Рывания были так прерывисты, что скорее напоминали икоту, и Бэрден больше не был искусным целителем сердец, а добрым врачом, подставляющим девушке плечо, чтобы она могла выплакаться. Но он встретил резкий отпор.

Диана отодвинулась, закрыла лицо руками и опустила их, лишь когда машина пересекла Чейн-Бридж. Они молча проехали вдоль зловонного канала, по которому в летней дымке медленно двигались баржи на конной тяге. Перед тем как на окраине Джорджтауна показались первые полу-развалившиеся лачуги негров, она сказала.

– Ты что-нибудь сделаешь с клеем?

– Уволить его? Нет. Он мне нужен.

– Я бы хотела.

– Чтобы я его уволил?

– Да! – Она стиснула зубы. Как она похожа на него! Кровь не умирает! Ничто не умирает – никогда. Эта мысль пьянила. Он будет жить в ней.

– Ты не хочешь этого. Ты не так мелочна.

– Хочу, я так... взбешена. В гробу я его видала.

– Диана... – Он пытался вспомнить, как звали отца Медеи.

– Я переживу это. Прости, что я подняла столько шума.

– Он когда-нибудь... говорил, что хочет жениться на тебе?

Диана пристально глядела через стекло машины на темно-красный кирпич Джорджтауна.

– Да, – сказала она в окно. – Говорил. На рождество. В клубе Салгрейв. Перед танцами. На мне было мое первое черное платье. То самое, что не нравилось маме. «Ты выглядишь в нем на тридцать, – говорила она, – и как в трауре». А мне казалось, я выгляжу ничего себе. Наверное, Клею тоже. Мы собирались пожениться этой весной, как только конгресс распустят на каникулы. Но конгресс все заседал и заседал, и Инид его сцапала. В июле.

– Похоже, нас распустят на каникулы на следующей неделе, – как бы невзначай сказал Бэрден. – Поедем куда-нибудь на север? В Мэн? Ты не против? В Бар-Харбор?

Но Диана его не слушала. Она ушла в себя. Больной теперь в коме, природа сделает все что надо. Как и все практикующие врачи, Бэрден полагался в конечном счете на восстановительные силы организма.

Тут он осознал, что все еще сжимает в руке конверт, который передал ему Блэз. Он вскрыл его, предчувствуя, что будет возмущен, и не ошибся. В конверте был чек, выписанный на Нью-Йоркский банк, на сумму в двести пятьдесят тысяч долларов, подлежащих уплате комитету «Джеймса Бэрдена Дэя – в президенты». Чек был подписан Эдгаром Карлом Нилсоном, казначеем. Он бросил быстрый взгляд на Диану. Видала ли она чек? Она не видела. Он быстро порвал чек на кусочки и выбросил их, как конфетти, в окно машины.

Он будет президентом, но без помощи Нилсона. Если он изменит себе, он

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org превратится в ничто. На ум пришли старинные пословицы. Вспомнилась хрестоматия Макгаффи, которую он читал в детстве, – на каждой странице нравоучение. Вопреки благоприобретенному опыту, он продолжал в них верить. Честность – лучшая политика. Стежок вовремя стоит девяти. Всякому своя цена. Нет, неправда! Он смял конверт и стрельнул бумажным комком в бронзовую статую какого-то адмирала. Полный вперед! Так будет лучше. А потом, 20 января 1941 года: «Я, Джеймс Бэрден Дэй, торжественно клянусь...» У меня все будет в порядке.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

– О, все в порядке! Все в полном порядке!

Миссис фоскетт улыбалась лучезарной улыбкой. Короткие пальцы слегка постукивали по перевернутым вверх лицом картам, словно передавая им зашифрованные сообщения.

– Что именно в полном порядке?

Бэрден глядел на расклад. Бубновая дама была единственной фигурной картой. Вспомнилось, что бубны – к богатству.

– Последнее время вы очень беспокоились о деньгах.

– Все беспокоятся о деньгах.

– Нет, не все. Вовсе нет. Некоторые очень бедные люди никогда не беспокоятся о деньгах, а некоторые очень богатые только о них и думают. О, я могла бы написать целую книгу!

– Боже упаси, миссис фоскетт! ни в коем случае!

Он прикинулся встревоженным, но за этим возгласом крылся непритворный ужас, что в один прекрасный день миссис фоскетт выдаст тайны, и некоторые – из весьма высоких сфер. По меньшей мере с десятков знакомых ему сенаторов захаживали в ее старый кирпичный дом на Калифорния-стрит, чтобы им предсказали судьбу. А один из министров, прежде чем решиться на какой-либо шаг, всегда спрашивался у миссис фоскетт по телефону, благосклонны ли к нему звезды. Диво, да и только, как много суеверных среди умудренных опытом людей. Что касается его самого, то в глубине души он не верил, что будущее можно расчислить: ведь завтрашний день – это нечто абстрактное, нечто такое, чего, строго говоря, не существует. И тем не менее человек то и дело испытывает потребность в подсказке, как поступать, и он лично – да и не только он – находил многие из наитий миссис фоскетт весьма полезными. Своей удачливостью она далеко превосходила своих коллег из бесчисленной орды гадалок, графологов и звездочетов, избравших прибыльным местожительством столицу страны, еще не одухотворенной новой религией.

– Ваши денежные дела должны скоро поправиться. – С минуту она разглядывала карты. – Я бы сказала, еще в этом году.

Лицо Бэрдена хранило непроницаемое выражение. Он старался никогда ничего ей не подсказывать.

– Что еще... О, как славно! В ближайшие три недели вы получите весть, и она вас очень, очень обрадует. Весть относительно... – Она нахмурилась, как бы недоумевая. Метнула на него быстрый взгляд, но он не дал ей никакого определенного ответа. Опытной рукой она перемешала колоду, затем открыла смуглыми пальцами несколько карт. – Относительно вашей карьеры, догадываюсь, речь пойдет о кампании за выдвижение вас кандидатом в президенты в будущем году. Вот, видите: туз, а с ним рядом...

– Меня выдвинут?

Он еще ни разу не задавал ей такого откровенного вопроса.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Господи! Все-то вы хотите знать! Только ведь говорят-то карты, не я. А как с ними бывает, сами знаете. Иной раз тютелька в тютельку сойдется, другой раз – не разбери поймешь. – Она остановилась и посмотрела, что же в конце концов получается. – Кто-то из ваших близких очень вас огорчает.

Это была почти правда. Диана сняла себе квартиру поблизости от Библиотеки конгресса, где сейчас работала. Когда она наведывалась в Рок-Крик-парк, она держалась покорно, но из нее нельзя было слова вытянуть. Он ничего не знал о том, с кем она видится, что поделявает. Желая избежать встреч с Клеем и Инид, она порвала все свои старые знакомства и завела новые среди неизвестных сторонников Нового курса, прикомандированных к различным вновь созданным учреждениям.

– Вашей дочери следует оберегать свое здоровье. В особенности почки. Велите ей немедленно пройти полное медицинское обследование. Расклад этих карт мне вовсе не нравится. Да, вовсе не нравится. – Миссис Фоскетт собрала колоду. – Вот так, сенатор. Я понимаю, как досадно не узнать сразу все, что хочется. Но наберитесь терпения. Я понемножку составляю ваш гороскоп, и открываются очень интересные вещи, право, очень интересные. Мне особенно нравится вид вашего Солнца. У вас хорошее Солнце. Я дам вам знать, как только узнаю побольше.

Она проводила его к выходу. Он заплатил ей, как всегда, с таким чувством, словно выходил из публичного дома.

– Полагаю, вы будете на приеме в честь короля и королевы?

– А что, карты не сказали об этом? – не смог удержаться он.

– Ни слова из карт, мне просто встретилось ваше имя в списке приглашенных британским послом – сегодня утром в газете.

– Да, я там буду. А вечером мы идем на обед в Белом доме.

Он сам удивился, зачем он это сказал. Выходило так, будто он хвастает. В конце концов, его приглашали не потому, что его хочет видеть президент, – просто присутствие сенатора Бэрдена желательно по соображениям протокола.

– Как интересно! Право, после визита принца Уэльского Вашингтон ни разу не был так взбудоражен, помните? Я присутствовала при том, как он сажал дерево возле Собора. Какой красавец и какой печальный конец! Рак! Это случается со всеми, у кого нет хорошей Луны. У вас Луна хорошая, сенатор, вся жизнь – сплошная романтика.

– Вы вгоняете меня в краску, миссис Фоскетт.

– Ах, сенатор, если бы это было действительно так! Кланяйтесь от меня королеве. Мне нравится, как она укладывает волосы, такая смелая прическа!

Пенсильвания-авеню уже была оцеплена канатами, чтобы кортеж мог беспрепятственно проследовать от вокзала к Белому дому. Бэрдена не пригласили на вокзал, где президент и министры встречали короля и королеву. Но это его ничуть не задело. Его дела и так шли достаточно хорошо. Сегодня вечером он будет присутствовать на обеде в Белом доме, впервые после схватки в сенате по вопросу о реорганизации Верховного суда два года назад. Занятно будет увидеть всех соперников в одном месте, ибо президент, несомненно умышленно, пригласил в Белый дом почти всех, кто метил на его пост в 1941 году, кроме молодого Дьюи.

В сенате Бэрдена встретили новостью, что «Дьюи обошел Рузвельта на четыре процента при опросе избирателей Институтом Гэллапа!» Клей ликовал.

– Президент не сможет выставить свою кандидатуру на третий срок, если даже захочет. Республиканцы побьют его.

– В стране намечается сдвиг вправо. Это несомненно. – Бэрден взглянул на Цицерона, как бы ища у него подтверждения своей правоты. Зазвонил телефон. Клей взял трубку.

– Да, сенатор у себя. Нет, он занят. Он будет на приеме. Да. Я передам ему. Спасибо.

Клей положил трубку.

– Кто-то от Херста. Интересуются вашим мнением о результатах опроса Института Гэллапа. Позвонят еще раз завтра – хотят взять интервью.

– В котором мы не скажем ничего, зато дадим полную возможность предполагать все что угодно.

Бэрден был доволен как никогда; он спрашивал себя: почему? Предстоящее пышное торжество в Белом доме? Миссис Фоскетт? Опрос Института Гэллапа? Пока что обстоятельства точно сговорились осчастливить его, и он не намерен искушать судьбу.

Он подошел к стенному шкафу и достал свой выходной костюм.

– Страх как не хочется влезать в эту штуку сегодня.

– Я рад, что не иду на прием.

– А Инид?

– Едва ли. – Клей быстро перевел разговор на другую тему: он никогда не распространялся перед Бэрденом о своей семейной жизни, и тот был признателен ему за это. – Я иду в административный корпус палаты представителей. Один из техасцев организует междусобойчик для всех тех, кого не пригласили в посольство.

– Узнай, какого они мнения о Гарнере. – Воротник не на шутку жал. Он хмуро смотрел на свое отражение в зеркале.

– Я уже думал об этом.

– И обо мне. – Он улыбнулся своему отражению в зеркале.

– Как раз за тем я и иду. На мой взгляд, из всех консерваторов у нас наилучшие шансы.

– Когда я впервые появился в Вашингтоне, меня называли радикалом. – Бэрден оправил на себе визитку. Она слишком плотно облегалась бедра. – Я требовал национализировать железные дороги и разгромить тресты. Ну, а теперь... – Он вздохнул, подумав, кто больше изменился с 1914 года – он или мир.

В дверях показалась мисс Перрин:

– Мистер Овербэри, вас просит к телефону жена.

– Я возьму трубку здесь.

– Вы прекрасно выглядите, сенатор, – улыбнулась своему шефу мисс Перрин.

– Спасибо, дорогая. Допускаю, что по сенатским стандартам я действительно выгляжу прекрасно. – Она хихикнула и закрыла за собой дверь. – Только, к сожалению, сенатские стандарты не слишком высокие, – добавил он, желая польстить Клею, но тот не слышал его, занятый разговором с женой.

– Хорошо. Да, конечно, понимаю. Увидимся позже. – Клей положил трубку и сказал: – А она-таки идет на прием. Надо полагать, это будет событие исторических масштабов.

Бэрден часто размышлял о женитьбе Клея. Внешне все было так, как и должно было быть. Они снимали небольшой домик на Эн-стрит. У них была дочь, звали ее Алиса Фредерика. У них было все, кроме денег: Блэз оставался неумолим.

Бэрден хотел осторожно спросить, как обстоят дела в Лавровом доме, но тут Клей сказал:

– Я позабыл дать вам новое расписание ваших выступлений, – и вышел из комнаты.

Все равно, подумал Бэрден, глядя на свою любимую цитату из Платона,

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org висевшую в рамке на стене. Это была выдержка из письма древнегреческого философа. «Никто из нас не рожден только для себя самого. Мы рождены отчасти для своей страны, отчасти для своих друзей. Различные стечения обстоятельств, застигающие врасплох нашу жизнь, также предъявляют нам многочисленные требования. Когда страна сама призывает нас к общественной деятельности, было бы, наверное, удивительно не откликнуться на этот зов, ибо в противном случае придется уступить место недостойным, которые занимаются общественной деятельностью не из лучших побуждений». Разумеется, так мог сказать только аристократ. Платон слишком много претерпел от демократии, чтобы усмотреть в гласе народа что-либо более высокое, чем просто животный рев. Уже только поэтому, считал Бэрден, они родственны духом. Они бы пришли по душе друг другу. Бэрден даже полагал, что он, возможно, помог бы Платону понять тирана Сиракуз и, уж конечно, Платон вразумил бы его – и он-таки его вразумил, объяснив, что жить, не осмысляя жизнь, не стоит. И хотя не всякая ситуация поддается осмыслению до бесконечности, Платон привил бы ему привычку скрупулезно разбираться в своих побуждениях. Разумеется, он знал за собой склонность оправдывать себя за недостаточностью улик, и его аргументы были едва ли хуже тех, которые зачастую выдвигал Сократ, к изумлению простодушных вопрошателей, которые, похоже, никогда не были способны уследить за ходом диалектической мысли; но при всем этом Бэрдену были не чужды угрызения совести – недостаток, он это знал, редкостный в человеке, который хочет стать президентом.

Клей вернулся с листком бумаги в руках:

– Все устраивается как нельзя лучше. Весь сентябрь вы неотступно следуете за президентом. Там, где выступает он, через несколько дней выступаете вы. Он объезжает Западное побережье – и вы тоже. Он глазееет на Большой Каньон и говорит о необходимости охраны природы – и вы тоже.

Бэрден углубился в расписание; придется много выступать – это радовало, если б не мысль о битком набитых продымленных залах, рукопожатиях грубых лап и бесчисленных новых знакомствах.

– Да, Франклина это раздосадует. Вне сомнения.

– Как вы думаете, заговорит он с вами сегодня вечером?

– «Как поживаете, дружище Дэй!» – Бэрден имитировал знаменитый голос во всей его отработанной звучности. – И на этом точка, разве что обдаст раз-другой своим ледяным взглядом. Он, видишь ли, умеет ненавидеть.

– Но ведь и его ненавидят.

– Я – нет.

Клей посмотрел на него с неподдельным удивлением.

– Вы и вправду не питаете к нему ненависти, несмотря на то что он попытался повредить нам в нашем штате?

– Посмотри, как я веду себя с ним в сенате. Никаких личных выпадов. По крайней мере с моей стороны. Столкновение двух идей – и только. Он полагает, что правительство должно заниматься всем, а я не вижу, каким образом оно может взять на себя больше того, что входит в круг его нынешних обязанностей, если мы хотим сохранить в стране хоть какое-то подобие личной свободы. Ни один из нас по-настоящему не прав, но я думаю, что мои убеждения вернее отражают правду жизни и первоначальные принципы, заложенные в основу нашей государственности.

– Зато, быть может, он вернее отражает настроение людей в наши дни.

Некоторое время Бэрден задумчиво изучал лицо Клея, затем кивнул.

– Да, конечно, и в этом весь ужас. Колесо Фортуны вертится в ночном мраке, и ничего нельзя знать.

– Быть может, вам следовало бы выступить с несколькими речами в либеральном духе. Не слишком либеральными, конечно...

Клей никогда не изменял своей практичности, и Бэрден дивился, верит ли он

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org во что-нибудь вообще. Вопреки расхожему мнению он по собственному опыту знал, что идеалистов среди молодых людей крайне мало. Молодые жаждут наград, и, для того чтобы возвыситься, они готовы на все и добросовестно откликаются на демагогию дня. Идеализм приходит позднее, если приходит вообще. В конечном счете политика по большей части – это влянье и изворачиванье ради того, чтобы выжить, а в результате теряется из виду даже простейшая цель. Неизбежно проникаешься отвращением к представителям собственной породы, и вечность смеется над всеми. И президент, и сенаторы, и Их Британские Величества станут пищей для червей, а раз так, не все ли равно? Отсюда, от этого вопроса все зло, ибо на него лишь один ответ – мудрый не задает его.

Бэрден отдал сотрудникам последние, незначительные распоряжения. Затем надел цилиндр и покинул офис.

Генри запустил мотор.

– В английское посольство, сенатор? – спросил он так просто, ради удовольствия спросить.

– Да, Генри. Ты выглядишь прелесть как хорошо, Китти. – Бэрден поцеловал жену. У нее по крайней мере приличный вид. Несколько дней подряд она и ее компаньонки по бриджу разводили дискуссии о том, что ей надеть на прием, какую сделать прическу, следует ли покрасить волосы. Вопрос этот в данный момент дискутировался всеми вашингтонскими дамами. Женщины в Нью-Йорке уже начали краситься, и этого следовало ожидать. Каждая порядочная женщина поставлена перед выбором. Пока что соблазну поддались лишь немногие, да и те, как правило, были не увядающие красавицы, а сумасбродки, которым нечего было терять. Лучше обладать копной зеленых волос, чем прослыть этакой бабусей, клюющей носом над картами.

– Ни за что не перекрашусь, – твердо заявила Китти. Бэрден понял это в переносном смысле. Рано или поздно она выкладывала все, что держала на уме.

– Надеюсь, нет. – Он взял ее руку.

– Само собой. Наш новый парикмахер убеждает меня перекраситься в медно-красный, так, что ли, он это называет, хотя мой цвет – каштановый. Но я твердо сказала нет. До меня дошло, что сестра Глэдис Мергендаль в Оклахоме сошла с ума после того, как покрасилась. Краска, видишь ли, просачивается через черепную коробку и поражает мозг.

– Я люблю тебя такой, какая ты есть. – Это была правда. Он не мог представить себе свою жизнь без нее.

– Мне бы хотелось, чтобы Диана получила приглашение. Господи, король и королева! Вот уж не думала, что доведется встретиться и разговаривать с такими людьми. Ты думал?

– А как же, – ответил Бэрден, никогда не исключавший такую возможность. Интересно, что скажет Китти королю или – что еще хуже президенту. Нужно будет за ней присматривать.

Когда они свернули на Массачусетс-авеню, там уже бурлила толпа. На протяжении мили с лишним люди стояли вдоль улицы, пристально вглядываясь в автомобили с шоферами и их хозяевами.

– Диана снова поговаривает о Нью-Йорке, о том, что хочет уехать и жить там. Едва ли это серьезно, но ты знаешь, какая она, если ей что-то взбредет в голову. Она даже просила Эда нилсона подыскать ей работу в Нью-Йорке. Он обещал.

– Какую работу? – Бэрден внезапно насторожился и повернулся к ней, перестав разглядывать толпу.

– Любую. Эд спрашивал, следует ли ему взяться за это дело. Он такой милый, такой добрый. А ведь добрых людей так мало. Я сказала, чтобы он ничего не предпринимал, пока мы не поговорим с ней.

– Мы поговорим с ней. Что ей сказать – это уже другой вопрос.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Взопревший полисмен просунул голову в окно автомобиля:

– Вы по приглашению, сенатор?

Бэрден помахал приглашением Их Британских Величеств.

– Каждый так и норовит проскочить зайцем. Извольте взглянуть, сенатор. –
Полицейский указал на длинную вереницу лимузинов, медленно подползавших к
порталу английского посольства, меж тем как у чугунных ворот, выходящих на
Массачусетс-авеню, люди так и липли к ограждению – словно обезьяны, подумал
Бэрден, – стремящиеся во что бы то ни стало пролезть в золотую клетку.
Полисмен дал знак Генри проезжать дальше.

– Приглашены многие, – сказал Бэрден и взял руку Китти в свою.

– Но мы – избранные.

II

Гарольд Гриффитс распахнул дверь в свой кабинет:

– Заходи, заходи. Обычно он сидит там. – Гарольд изображал из себя старого
слугу, который показывает рабочую комнату гения. – Да-да, вот за этим
простым столом, на этой вот пишущей машинке он строчил свои яростные
обзоры, которые пронимали дрожью восторга целое поколение и делали кино
искусством. – Обрати внимание на вид из окна. Девятая улица, карикатурные
дома и магазины – святилища порнографических книжек и диковинных устройств,
созданных на утеху извращенным умам. – Гарольд страшнозато заржал. Затем: –
Ты почему не на приеме?

– Не приглашен. – Питер присел на край стола и принялся изучать готовые для
печати рецензии на фильмы. Сколько романтики в работе у этого Гриффитса!

– Вранье, все вранье, – успокоил его Гриффитс, сдвигая шляпу на затылок. –
Ношу эту штуку у себя в кабинете. Чтобы не забывать, что я журналист.

– Да вы ведь, похоже, и сами кусочек кино. – Гарольд нравился Питеру.

– Невозможно просматривать двадцать фильмов в неделю и не подхватить эту
заразу. Я закрываю двери, как Кей Фрэнсис. – Гарольд подскочил к двери,
затем, с едва заметной улыбкой на губах, положил руку на шишку замка,
уперся спиной в дверь и тихонько закрыл ее. – Обозначая скептицизм, я
втягиваю щеки... вот так! – Он втянул щеки. Это вышло очень забавно. Питер
рассмеялся. Ободренный пониманием зрителей, Гарольд преобразился в капитана
Дрейфуса на Острове дьявола, когда он, едва переставляя ноги, шел к двери
тюрьмы, щурясь от уже забытого им солнечного света. Дверь распахнулась. На
пороге стояла женщина в большой шляпе и в белых перчатках. Она спросила:

– Гарольд, у тебя все дома?

Голос Гарольда звучал надтреснуто: он уже двадцать лет ни с кем не
разговаривал.

– Свободен... свободен! – По его лицу катились непритворные слезы.

– Миленький ты мой, прошу тебя, заткнись, ну? – Шляпа и перчатки не попали
под власть его чар. – Редактор отдела городских новостей как сквозь землю
провалился, а у него должно быть мое приглашение на прием, если оно вообще
пришло, чего я не знаю...

– Знакомься – Элен Эшли Барбер.

Гарольд произнес имя почтительно, и Питер узнал в женщине редактора отдела
светской хроники «Трибюн», даму с устрашающей внешностью, сомнительным
владением синтаксисом и феноменальной вездесущностью. Вдова малоизвестного
конгрессмена с Юга, она набивалась на приглашения чуть ли не во все
именитые дома Вашингтона, и только дом ее шефа еще выдерживал осаду.
Фредерика находила ее вульгарной.

– Как дела, миссис Барбер?

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org

– Как видите, не блестяще. Должна я давать отчет о приеме или нет? Вот в чем вопрос. Отчет может идти и по отделу светской хроники, и по отделу новостей, и, уж конечно, на приеме будет вся пресса. Может, сам Блэз даст отчет? Он всегда грозился написать что-нибудь для газеты. Для него это было бы хорошим началом.

Питер возрадовался язвительности этого словесного извержения. Гарольд нет.

– Это Питер, сын Блэза, – сказал он.

Миссис Барбер это не смутило.

– Мне следовало знать это наперед. Вы пошли в мать, счастливчик, у нее такое чудесное лицо! Ишь ты, какой детина вымахал! Взгляни на него, Гарольд! Ведь он выше тебя ростом.

– Все выше меня ростом, даже вы.

– Ведь вы сейчас... на втором курсе в Виргинском университете. О, я все о вас знаю. Такая уж у меня работа. Обожаю Шарлотсвилль. У меня даже был там кавалер, это когда я была еще девушкой в Атланте. Ну да, это было еще во время осады[56 – То есть во время Гражданской войны 1861–1865 гг.]. Ну, я вижу, помощи мне от тебя не дожидаться, Гарольд.

– Никогда.

– Буду рада вновь свидеться с вами, Питер. Очень, очень рада. Как-нибудь выберем денек и поговорим толком.

Миссис Барбер вышла из кабинета. Гарольд заметил:

– Если б ты захотел сляпать из пустышки редактора отдела вашингтонской светской хроники, лучшего результата ты бы не добился.

– Мне понравились перчатки.

– Мне нравится в ней все. Как по-твоему, к чему готовят тебя родители?

– Откуда мне знать? Отец сказал, что я должен работать в газете. Только и всего. Полагаю, рассыльным.

– Начни с корешков, унаследуй вершки. Это и есть Америка.

– Я-то рассчитывал, мне позволят работать с вами.

– Кино по утрам – это для стариков и неудачников. Кем в самом деле ты хочешь стать?

– Стать стариком, стать неудачником.

– Ну, до этого ты дойдешь естественным путем. А в промежутке?

– Сам не знаю. Наверное, политиком. Пока не решил.

– Что, от храма науки на Блу-Ридж мало проку?

– Он не так уж плох. – Питеру часто приходилось защищать свой университет от поклепов в том, что это всего-навсего захолустный клуб. Разумеется, это клуб, но очень недурной клуб; как выяснилось, между заседаниями у его членов оставалась масса времени, и он глотал книгу за книгой. Сейчас он читал Д. Х. Лоуренса. С удивлением обнаружив, что по ошибке выбрал не того Лоуренса, – этот знать не знал про восстания в пустыне, – он продолжал читать про влюбленных женщин и находил в этом немалое удовольствие.

– какое бремя быть сыном богатого человека!

– Это из кино или вы всерьез?

– И то и другое. Кино – это жизнь, только суть ее там предельно упрощена. Да. Ты в положении, когда все возможно и, естественно, ничто особенно не

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org манит.

– Я бы не сказал, – возразил Питер, хотя именно это он часто и подолгу доказывал своему товарищу по комнате, серьезному юноше, который верил, что уже недолго осталось ждать того дня, когда бог с мечом сойдет на землю и в гневе своем будет судить род людской, отсылая грешников в геенну огненную, где и для него припасено местечко, так как он предавался онанизму, а свою драгоценную невинность, как он уверял, совершенно случайно и по пьянке отдал девице из Ричмонда. Однако, когда религиозная одержимость слетала с него, этот юноша проявлял незаурядный ум и честолюбие. К тридцати годам он рассчитывал сколотить себе состояние. Питер нисколько в этом не сомневался и завидовал его целеустремленности. Сам он не ставил перед собой никаких целей, разве что гонялся за девицами в Вашингтоне вместе со своим другом Скотти и дважды добивался успеха. Сам по себе секс был ему в удовольствие, но не были в удовольствие нудные разговоры. Они неизменно упирались в тему брака – и тогда он бежал. В отличие от Скотти, который вечно, как он выражался, был влюблен, Питер держал с девушками ухо востро. Лишь однажды он смог заставить себя уверовать в то, что влюбился. Но всякий раз, когда та девушка смеялась, она как-то по-чуждому всхрапывала носом, и после десятка встреч он стал страшиться ее смеха, зная, что за ним, неминуемый, как смерть, последует всхрап. Поэтому он бросил ее и больше не влюблялся.

– Как Инид? Я что-то давно ее не вижу.

– Я тоже. – Это была правда. С тех пор как Инид переступила черту, разделяющую мир детей и мир взрослых, она ушла от него далеко-далеко. – Возможно, я увижу ее в доме отца в конце недели.

– С Клеем?

– С младенцем.

– Уму непостижимо, чем Клей не пришелся твоему отцу в качестве зятя.

– Я просто не могу сказать, как он поведет себя в том или ином случае. Я вообще плохо его понимаю. – Питеру нравилось отзываться о своем отце вчуже. Испуганная реакция его менее искусственных сверстников стоила того, чтобы чуточку покривить душой.

Но с Гарольдом такие штуки не проходили.

– Понимаешь, отлично понимаешь. Ну а теперь мне надо сесть и разобрать по косточкам Джорджа Брента.

Когда Гарольд приблизился к пишущей машинке, он стал не Джорджем Брентом, а Джорджем Арлиссом, несущим на своих старых плечах всю тяжесть возложенной на него высокой ответственности. Питер оценивающим взглядом следил, как кардинал Ришелье уселся в свое кресло государственной значимости, взял в руку невидимое перо и начал плести очередную интригу.

У министерства финансов теснилась такая толпа, что Питер не только не мог перейти улицу, но и вообще двигаться дальше. Люди толклись на месте, горя желанием увидеть короля и королеву, которые скоро должны были проследовать от вокзала к Белому дому. Над головами торчали картонные перископы. Фотоаппараты были на взводе. Спасаясь от толкотни, Питер вскарабкался на ограду министерства финансов и был незамедлительно вознагражден великолепным зрелищем. Король и президент сидели бок о бок на заднем сиденье открытого автомобиля. Толпа вежливо приветствовала их. Президент махал рукой, рядом с его большим розовым лицом лицо короля – к тому же спрятанное под адмиральской треуголкой – казалось совсем крохотным.

На этом все кончилось. Люди начали расходиться, и Питер спросил себя, остались ли они довольны. Маловероятно, хотя – почему знать! Люди сами по себе никогда не казались Питеру чем-то реальным. Они были словно не от мира сего, но все же казались вполне довольными своей неприкаянностью. Проталкиваясь сквозь толпу разгоряченных неприкаянностей, Питер вошел в отель «Уиллард».

Диана ждала его в вестибюле.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Это было так глупо с моей стороны – назначить тебе встречу здесь. Я совсем позабыла про этот проклятый маскарад.

– Я наблюдал его, видел короля.

– Ну и как он?

– Маленький. У тебя что-нибудь срочное? Почему ты не могла сказать по телефону?

– Не могла, и все. Кто-нибудь мог подслушать. У тебя есть деньги?

– Долларов двадцать наберется.

– Нет, я спрашиваю не про наличность.

– Нет. Впрочем, сотни две, наверное, есть. А что?

– Я думала, ты богатый.

– Богат мой отец. Я – нет.

– У тебя не будет ничего своего, пока он жив, так, что ли?

– Ты задаешь жутко щекотливые вопросы. – Питер был озадачен. Откровенность в делах секса была уже довольно обычна среди его сверстников, но вот о деньгах никогда не упоминали.

– Я должна знать.

– На меня записан капитал, но он в руках попечителей – пока мне не исполнится двадцать один год. А какой с него будет доход, не знаю.

Питер отлично все знал. Он будет получать тридцать тысяч долларов в год. Капитал был записан на него его бабкой Деллакром, когда он родился. Такой же капитал был записан на Инид, с условием, чтобы доход ей выплачивался лишь после того, как ей исполнится двадцать пять лет. Бабка полагала, что если на девушке захотят жениться ради денег, то за несколько лет, проведенных в ожидании этих денег, она вполне может разобраться что к чему. Однако зловредность бабкиного расчета не удержала Инид от замужества. Она тратила сколько вздумается, а потом заставляла Блэза платить по счетам. Безденежье несколько не портило ей жизнь.

– Я-то думала, ты уже богатый. Ну ладно, он тебе все равно понравится. Он сейчас в баре.

– Кто – он? И о чем ты говоришь? – Питер еще не успел освоиться с новой Дианой. Самостоятельная жизнь изменила ее к лучшему. За пять минут она ни разу не покраснела, скорее наоборот, заставила краснеть его.

– Билли Торн.

Она выдержала артистическую паузу.

– Ну?

– Да ты же знаешь его. Гражданская война в Испании. Он потерял там ногу и написал книгу о бригаде Линкольна – об американцах, сражавшихся против Франко. Он герой, а сейчас он хочет издавать журнал, политический журнал.

– И дело только за деньгами.

– Какой ты догадливый! – Диана фыркнула. Она нравилась Питеру. Но он вовсе не был уверен в том, что ему понравится Билли Торн, громко скрипевший при ходьбе деревянной ногой. Торн был тощий, невысокого роста, и в нем не было ничего героического, разве что раскатистый бас.

– С деньгами беда, – сказал Билли Торн Диане, после того как та сообщила ему печальную новость. – Ну да ладно, как-нибудь сдюжим.

Он бросил на Питера острый, подозрительный взгляд, словно деньги у Питера

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org были, но он их зажимал.

– У меня нет ни гроша, – сказал Питер. Затем, решив, что это звучит так, будто он оправдывается, добавил: – И потом, если б даже у меня и были деньги, я вовсе не уверен в том, что стал бы вкладывать их в политический журнал. Между прочим, какого направления?

– либерального, – сказала Диана.

– Социалистического! – пробасил Билли Торн. Несколько бизнесменов, сидевших за соседним столиком, оглянулись.

– Какой из меня социалист, – сказал Питер, в данный момент веривший лишь в божественное право королей, при условии, конечно, что он сам – король в расшитом золотом синем мундире и треуголке и чтоб никакие там крупнотелые розоволицые президенты не высились над ним башней, когда он триумфальным кортежем проезжает по улицам Вашингтона. А реальную власть он охотно уступит каждому, кто дозволит ему играть роль номинального владыки.

– Питер реакционер, – заявила Диана. – Его отец – во всяком случае. Хуже Херста.

Питер обозлился и повернулся к Диане.

– Ну, а твой отец, наверное, и рабов бы не освободил.

Билли Торн издал рев одобрения и вспугнул официантку.

– Здорово он тебя, а?

Диана вспыхнула. Да, она по-прежнему была все той же Дианой.

– Он консерватор, конечно, но на многие вещи у него страшно широкие взгляды, – с запинкой произнесла она.

– Например? – Билли подмигнул Питеру, который в эту минуту пытался себе представить, как выглядит его культипка. Выпирающая из кожи кость? Едва ли. Наверное, просто заживившийся рубец, все еще красный и глянцевиый. Затем попытался представить себе, как выглядела нога, когда была оторвана. Он увидел кровь, услышал пронзительный вскрик Билли. Очень хорошо.

Диана продолжала защищать отца. Если хочешь, чтобы тебя выдвинули кандидатом в президенты, объяснила она, надо заручиться поддержкой самых различных людей; к тому же Соединенные Штаты необычайно консервативная страна, вот почему назрела необходимость в журнале, который выражал бы взгляды просвещенных левых (ей не нравилось слово «социалист»: слишком узко). Закончив свою речь, она более или менее утвердилась на прежних позициях. Билли выказывал элементарную осторожность, перестав дразнить свою покровительницу (а может, любовницу? – спрашивал себя Питер).

– Так или иначе, журнал нужен, – проворчал Билли. – Он должен быть смелее «Нейшн», живее, для молодежи.

– Мне казалось, журналы издаются исключительно в Нью-Йорке. С чего это вам вздумалось основать журнал здесь?

– Билли работает в министерстве торговли. Статистиком. Он не может бросить работу, пока мы не пойдем полным ходом.

Питер мысленно представлял себе Билли Торна. Служащий в большой комнате, уставленной столами, за которыми другие служащие помогают ему складывать бесчисленные колонки цифр. В одном углу комнаты – питьевой фонтанчик, служащие регулярно собираются там поболтать о бейсболе. Питер явственно ощутил языком бумагу белых конических стаканчиков – специфический лимонный привкус клея, – или, может, он исходит от самой бумаги? Билли Торн вдруг перестал для него существовать иначе как в виде колонки цифр, которые надо сложить.

– Я брошу работу, непременно брошу, как только дело у нас пойдет на лад. Я приехал сюда ради Нового курса. Но теперь все это фью-ить!

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Фью-ить? – Для отца Питера это будет новость.

– Ну, разумеется. В следующем году президентом изберут либо демократа-консерватора, либо республиканца, и новый курс похоронят.

– А вдруг Рузвельт выставит свою кандидатуру на третий срок?

– Он этого не сделает, – быстро сказала Диана, выражая надежду своего отца.

– А если даже и выставит, – подхватил Билли, – он кончился как либерал. Впрочем, он никогда им особенно и не был.

– А что это такое – либерал? – спросил Питер.

Билли пустился в пространные объяснения. Его голос гремел. На улицах выросли баррикады. Пролетариат вооруженной рукой завоевал право на труд. Было введено общественное здравоохранение. Налог на наследство положил конец огромным состояниям, природные богатства были национализированы. Богатые пошли на работу; добродетельные бедняки получили длинные отпуска. А в центре всего этого яростного принижения одних и возвышения других стоял Билли Торн, осуществляя руководство операциями; его деревянная нога скрипела, голос гремел. Тем часом бизнесмены за соседним столиком обратились в бегство – несомненно, для того, чтобы доложить комиссии по расследования антиамериканской деятельности, что враг захватил зал-ресторан отеля «Уиллард».

Когда Билли закончил речь, Питер увидел в глазах Дианы экстаз и решил, что она либо влюблена, либо рехнулась, если предположить, что это не одно и то же.

– Вот зачем нам нужен журнал, – заключил Билли. – Нам нужна трибуна, с которой мы могли бы следить за тем, чтобы говорилось и делалось то, что нужно.

– А почему вы так уверены, что нужно именно то-то и то-то? – Голос Питера звучал кротко. – Вы считаете, что отнять деньги у моего отца – правильно. Он считает, что это неправильно, и я тоже так считаю... из эгоистических соображений, конечно.

– Если конфискация богатства твоего отца на благо всему народу, то богатство следует конфисковать.

– Но действительно ли это на благо народу?

– Он безнадежен! – проревел Билли. – Читай Кейнса, читай Ленина, читай Маркса!

В эту минуту в зал вошел какой-то чиновник из министерства торговли, и Билли Торн окликнул его. Последовала церемония знакомства, и Питер воспользовался ею, чтобы распрощаться. Диана проводила его до выхода.

– Я очень сожалею, что втянула тебя во все это.

– Ничего. Он...интересен. – Большого Питер просто не мог из себя выжать.

Диана улыбнулась, в ней вдруг проглянуло что-то озорное.

– Слов нет, бедняга Билли действует на нервы, но у него блестящий ум. Я пришлю тебе его книгу об Испании. На нее были чудесные рецензии, за исключением тех, конечно, которые писали фашисты.

– Ну что ж, надеюсь, денег вы раздобудете.

– Я тоже. Быть может, нас выручит мистер Нилсон. Он как раз подыскивал для меня работу в Нью-Йорке, но тут я встретила Билли. Теперь я останусь здесь.

– Ты случайно не собираешься за него замуж?

– Не думаю, чтобы такие люди, как Билли, женились.

– Он в это не верит?

– Похоже, что так. От него веет свежим ветром, никогда еще не встречала таких людей. Ну да ладно, ты, конечно, его презираешь. – Она засмеялась. – Хочешь, попробуем снова? Ты где будешь этим летом, здесь?

Питер кивнул.

– Давай попробуем. Я зайду к тебе.

Диана вернулась к своему революционеру, а Питер вышел на Пенсильвания-авеню.

Толпы больше не было. Уличное движение вошло в нормальную колею. Он сел в такси и назвал шоферу адрес Инид. После ее брака и его собственного преобразования из юноши в мужчину они редко виделись. Но как бы трудно с ней ни было, она была ему дороже всех тех, с кем связала его жизнь, и он часто спрашивал себя, по-прежнему ли она чувствует к нему то же влечение, какое он против своей воли чувствовал к ней, пусть даже их разделяет навеки река общей крови.

III

Техасцы здорово шумели, когда пришел Клей. Несмотря на то что хозяин был приверженцем Нового курса, он радушно заключил Клея в объятия и представил его тем немногим, с которыми тот еще не был знаком.

– А мы уже давно керосиним. – Хозяин, член конгресса, подтолкнул его к столу, заставленному рюмками и бутылками. Все присутствующие были без пиджаков, включая и одного министра, который отвернулся, услышав, что Клей работает помощником у Бэрден Дэя. Но хотя Клей и забрался в стан врага, ему, как зятю Блэза Сэнфорда, выказали известное почтение. Что после свадьбы он не виделся с Блэзом и пяти раз – этого никто не знал.

Техасцы были в радужном настроении и болтали о чем попало. Особенно занимал их вице-президент. Хотя родом он был тоже из Техаса, лишь немногие допускали возможность, что он сменит президента на его посту.

– Во всяком случае, – сказал один из конгрессменов, – таким, как он, страну вокруг пальца не обвести.

– Потому что он из Техаса. – Последовал взрыв смеха над этой их общей бедой.

Хозяин покачал головой:

– Ему никого не обвести вокруг пальца потому, что он дает ссуды в своем банке из двенадцати процентов, понимаете? Спрашивается: кто станет голосовать за человека, который сдирает со скотовода двенадцать процентов?

– Любой республиканец, – откликнулся Клей. Его слова были встречены смехом. Несмотря на свою службу у Бэрден Дэя, он отлично ладил с техасцами, хотя бы уже потому, что профессиональные политики склонны к взаимной терпимости; они отлично сознают, что убеждения одного являются ересью для другого, из чего вытекает, что лучше вообще не иметь слишком много убеждений. Во всяком случае, ярые догматики редко избирались в конгресс, хотя и назначались в различные учреждения. Клей терпеть не мог сторонников Нового курса, в особенности министра, который только что так откровенно выказал ему свое пренебрежение.

– Каков сукин сын, а? – кивнул на министра один из конгрессменов, пожилой человек.

Клей встревожился: неужто его неприязнь так заметна? Он решил прибегнуть к одному из любимых ходов Бэрден Дэя:

– Можно сказать, он по всем статьям собака, вот только верным его не назовешь.

Конгрессмен фыркнул:

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– В том-то и дело, что он верен. Но кому? Президенту! Ну да, слава богу, нам больше не придется иметь с ним дело – ни с ним, ни со всей их компанией. Еще одни выборы – и пожалуйста обратно в Нью-Йорк, где вам и место.

– Если только президент не выставит свою кандидатуру на третий срок.

– Не выставит. Подите-ка сюда, что я вам скажу. – Конгрессмен отвел Клея в уголок, и по его широкой улыбке тот догадался, что пришла пора потолковать о политике.

– Дело вот какого рода, – сказал конгрессмен, понизив голос так, что никто, кроме Клея, не мог его слышать. – Я за Бэрдена.

Клей был поражен: нет, этого не может быть. Он знал, что его собеседник поддерживает государственного секретаря Корделла Хэлла. Сделав вид, что он не принимает это заявление всерьез, а считает его лишь любезным предисловием к чему-то другому, Клей кивнул и стал ждать дальнейшего.

– Многие из присутствующих могли бы поддержать его, если бы он дал себе труд немножечко поухаживать за ними.

Интересно, подумал про себя Клей, что понимает этот старикан под ухаживанием. Неслыханное дело, чтобы один политик высказывался в пользу другого. Под словом «они» обычно подразумевалось «я». Конгрессмен вытер лоб красным платком в белую крапинку. Вне всякого сомнения, на трибуне в предвыборную кампанию он был бы для них полезной подпоркой. Клей попытался нарисовать в своем воображении округ, который представлял его собеседник: нефть, скот, тополя, индейцы.

– К примеру сказать, прошли слухи о сделках Бэрдена с неким Эдом Нилсоном.

– А что в них такого? – невинно моргая, спросил Клей.

– Вот именно: что в них такого? – Хитрое красное лицо вдруг придвинулось вплотную к его лицу. Клей невольно отступил назад и уперся б стол.

– О чем тут толковать. – Металлический верх стола больно врезался Клею в ноги. – Эд пришел к сенатору... постоит... да, года два назад. Он вызвался нам помочь – и помог. Он оказал нам неоценимую услугу. – Пока что Клей высказывал всю правду-истину.

– Видите ли, в моем округе проживают индейцы. – Голос конгрессмена стал проникновенно-мечтательным. – Они – соль земли, этот народ... по правде сказать, я и сам на одну восьмую индеец. – С тех пор как пошел в гору юморист Уилл Роджерс, среди уроженцев Запада стало модным притязать на одну-две капли индейской крови в роду. Это давало им право называть себя «коренными американцами». – Так вот, эти славные люди, которых я имею честь представлять... – На губах сенатора заиграла неуловимо сардоническая усмешка, и от этого слова, обычно произносимые с рукой на сердце, потеряли всю свою благочестивость. – ...продали большой участок земли компании, владельцем которой является некто Эдгар Нилсон.

Клей понимающе кивнул:

– Я слышал об этой сделке. Она тогда еще встретила некоторые возражения в министерстве внутренних дел, но в конце концов была одобрена.

– Возражения, и немалые, целую бурю протестов, которая стихла лишь после того, как некая сенатская подкомиссия не глядя санкционировала это тухлое дело, и с ее легкой руки богатые земли за спасибо перешли к некоему Эдгару Нилсону, а он потом словно по волшебству стал казначеем комитета «Дэя – в президенты».

Клей почувствовал, как на висках у него выступил пот.

– Я что-то не вполне вас понимаю.

– Наш общий друг Бэрдэн был председателем той сенатской подкомиссии.

– Но ведь он был за границей, когда дело слушалось в подкомиссии. Помнится,
Страница 157

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
он был в Канаде и...

– Это так. Но как раз перед отъездом в Канаду Бэрден позвонил одному члену подкомиссии и объяснил ему, как важно, чтобы мистер Нилсон получил разрешение на покупку земли. Так вот, хотя сенатора, которого он столь доверительно проинструктировал, уже нет в живых, его секретарша – золото девка, она недавно перешла ко мне на службу, – рассказала мне, что на прежней службе у них было звукозаписывающее устройство, подключенное к личному телефону сенатора, – этакая штучка с ручкой, которая может всех нас угробить.

У Клея похолодели руки, засосало под ложечкой. Его политическая карьера кончилась, едва успев начаться.

– Так вот, у меня есть возможность достать этот... как бы его назвать?.. Ну, кусок разговора, что ли, который – я в этом твердо убежден – не должен пойти по рукам, так как он может доставить неприятности моему доброму другу и – как знать? – будущему президенту. О нет, ни в коем случае, сэр! Нельзя допустить, чтобы им завладели посторонние люди.

– Он может быть ложно истолкован. – Клей включился в игру. Ему просто не оставалось ничего другого.

– Как пить дать. – Лицо собеседника озарилось улыбкой, обнажившей пеньки обломанных зубов, коричневых от табачной жвачки. – Так вот, один мой приятель заинтересован в продаже нескольких акров вшивенькой земли, прилегающей к разработкам мистера Нилсона, и мне кажется, будет справедливо, если мистер Нилсон купит этот участок – за разумную цену, конечно, – и получит в придачу к неразведанной сокровищнице недр запись разговора Бэрдена.

Не так страшно, как он думал.

– Идет. – Клей не хуже своего собеседника умел держаться существа дела. – Сегодня вечером я переговорю с Эдом.

– Скажите ему, чтобы он заглянул ко мне домой. После смерти жены я продал свой большой дом и живу теперь в «Олбэн-тауэрс». Слишком уж одиноко мне было без моей Крошки – так я ее называл: Крошка – такая малюсенькая она была, с такими огромными-огромными глазищами. Ах, как я по ней тоскую! – Конгрессмен налил себе виски. – Итак, я жду к себе Эда.

– Он не замедлит явиться. И если вы столкнетесь...

– Я в этом уверен. Он славный старикан, этот Эд, а мой приятель не такой уж жадный.

– Смее надеяться. Так вот, когда вы договоритесь о цене, дайте мне знать. И я заберу... эту самую... запись.

– Вы не хотите, чтобы она осталась у Эда?

– Нет, не хочу.

Конгрессмен рассмеялся:

– Я вас не осуждаю. Ну что ж, если он не потребует ее – в конце концов, платит-то он, – она ваша. Меня можно застать в «Олбэн-тауэрс» в любой вечер. Я ведь теперь никуда не выхожу. Что толку, в мои-то годы? Топчусь на месте и жду, когда можно будет присоединиться к моей Крошке-Малютке, да будет на то соизволение господне. Очень приятно было иметь с вами дело, сынок.

После этого Клей завел разговор с членом конгресса из Оклахомы и принялся обстоятельно толковать о том, есть ли у Корделла Хэлла, южанина, шансы на то, что его выдвинут кандидатом на пост президента. Во время этого разговора Клей вспомнил, как пренебрежительно обошелся Бэрден Дэй с Нилсоном накануне своего отъезда в Канаду. «Не желаю иметь ничего общего с этим человеком». А потом, несколько месяцев спустя, нилсон сформировал комитет «Дэя – в президенты». Он, Клей, не заподозрил ничего неладного, и это встревожило его больше всего. Бэрден надул его. Это было невыносимо. В

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
конец концов, если он не научился понимать человека, с которым проработал
шесть лет, сможет ли он понять кого-либо вообще?

– А ну-ка, подающий надежды молодой человек, – как нельзя более кстати
обратился к нему хозяин, беря его под руку. – Я только что побился об
заклад, что через десять лет вы будете на Холме среди нас – избранный
представитель народа.

– Или в Белом доме – сотрудником президента Дэй.

– Ну, за это я уже не ручаюсь. Имею обычай вкладывать свои деньги в
надежные предприятия.

– Вы думаете, что сенатор Дэй не может быть выдвинут?

– Я не хочу, чтобы он был выдвинут.

– Это не одно и то же.

– Совершенно верно. Скажем так: он устраивает меня больше, чем Гарнер,
Фарли, Хэлл или Макнатт.

– Но не больше, чем Дуглас, Гопкинс или Джексон.

– Примерно так.

– Сенатор Дэй стоит как раз между двумя этими группировками. Он может вам
подойти, если вы не сумеете добиться назначения одного из своих, а с
чужаком примириться не захотите.

– Как компромисс Бэрден подошел бы. Но, черт возьми, кому он нужен, этот
компромисс!

Вот оно как! Ну что ж, выяснить отношения никогда не мешает, кандидатура
Бэрдена не исключается.

Вернувшись домой, Клей позвонил Нилсону, и тот ничуть не удивился его
звонку. Но в конце концов, в проявлении своих чувств Нилсон вообще никогда
не выходил за рамки вежливой заинтересованности.

– Время от времени такое случается. – Голос в трубке звучал безмятежно. – Я
зайду к нему.

– Вы купите у него эту... мм-м... землю?

– Что поделаешь.

– Вы не думаете, что он может снять копии с записи разговора?

– Едва ли. Раз я покупаю землю, он у меня в руках. Все, что он вздумал бы
использовать против меня, я могу обратить против него самого. Надо же, как
устроена жизнь! – Происшедшее, казалось, искренне забавляло Нилсона. Он
никогда еще не производил на Клея такого сильного впечатления. – Да,
кстати, – продолжал Нилсон, – Бэрдену об этом, по-моему, лучше ни слова.
Это его только понапрасну встревожит. Оставляю это на ваше усмотрение. Вы
знаете его лучше, чем я. – Они договорились, что, как только деньги будут
уплачены, Клей заберет запись. Сказав еще несколько успокоительных слов,
Нилсон положил трубку.

Клей в раздумье поднялся вверх. Он заглянул в детскую. Его дочь спала на
дне своей кровати, нянька-негритянка – на стуле, уронив на колени какой-то
киножурнал. С минуту Клей наблюдал обеих. Рот няньки был открыт, по
темно-коричневому подбородку сбежала коварно мерцающая струйка слюны. Его
дочь выглядела не лучше. Пухленькая и светловолосая, с сыпучками потницы на
коже, она лежала свернувшись, как собачонка, среди своих игрушек, тяжело
дыша полуоткрытым ртом. Несколько удрученный, Клей вошел в спальню.

Вещи Инид валялись повсюду. Он выругался про себя. Столкнувшись с ее
неопрятностью, Клей стал аккуратным, выковывая новое оружие в происходившей
между ними войне. Их брак был войной, в этом не оставалось сомнения. Как
главнокомандующие двух враждующих армий, обзирающие поле Битвы, они

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org высматривали друг в друге признаки слабости. Первый выстрел раздался в Элктоне – это был их форт Самтер[57 – Самтер – правительственный форт в штате Южная Каролина, с осады которого южанами (12–14 апреля 1861 г.) началась Гражданская война в США.]: она обвинила его в том, что из-за него у нее отвалился каблук, а он совершенно логично возразил, что если бы она смотрела себе под ноги... С отвалившегося каблука все и началось. Враждебные действия велись без передышки, лишь время от времени они заключали перемирия, чтобы перегруппировать войска, проложить новые коммуникации, подтянуть осадную артиллерию. И все же брак их был счастливым, пусть даже, подобно всем женщинам, которых он знал, Инид не удовлетворяла его; но в отличие от других она никогда не переставала интересоваться его, и, хотя юн по-прежнему заводил интрижки на стороне, он всегда был рад возвратиться к ней, зная, что, какой бы бешеной она ни была, она всецело принадлежит ему. Он сознавал, как непоследовательно с его стороны отказывать ей в той же свободе, какую разрешал себе, но он был воспитан в убеждении, что женщина – существо совсем иное, чем мужчина. Она может сохранять верность, если влюблена, а потому, вопреки всем довольно внушительным свидетельствам в пользу противоположного, он видел основу их брака в том, что, будучи влюблена, она никогда не изменит ему, а он, тоже влюбленный, но при этом мужчина, не станет отказывать себе в развлечениях, в то же время сохраняя для нее свое «я».

Внезапно почувствовав себя измотанным жарой и дневной беготней, Клей бросился на кровать, словно это была Инид, обхватил руками подушку, хранившую ее запах, и заснул.

В сенатской столовой Нилсон и старый конгрессмен-техасец завтракали с голой Долли Перрин. Нилсон разрезал на кусочки бифштекс, а Долли пыталась его совратить, но он не обращал на нее внимания. Не замечал ее и конгрессмен. Он укладывал в коробку из-под обуви серебряные доллары и не переставая твердил: «То-то порадует моя крошка!» На что Долли отвечала ему безжизненным голосом: «Она далеко, сенатор. Тут канцелярия губернатора». Затем к ним присоединился Клей. Распалившись при виде Долли, он лег навзничь на стол, но она отвернулась от него и обхватила руками Нилсона, который с бесстрастным видом продолжал поглощать свой завтрак. Затем конгрессмен вдруг заметил Клея. С радостным воплем он принялся стаскивать с Клея брюки, словно рассчитывая найти в них клад серебряных долларов. «То-то порадует моя крошка!»

Клей с криком проснулся и увидел перед собой Инид. Язвительно улыбаясь, она дергала его за штаны.

– Перестань, Христа ради! – выдохнул он из себя, пытаясь высвободиться.

– Кто тебе снился?

– Не твое дело. Который час?

– Не ранний. Уж конечно, это была не я.

Клей выпрямился и сел в кровати.

– Как ни странно, это был конгрессмен из Техаса. У меня с ним кое-какие дела.

– Ничего себе дела творятся у вас на Холме! – Инид вдруг бросилась к нему на кровать как была, в своем длинном вечернем платье, и они сплелись в любовном объятье, крутятся и извиваясь, – это был один из тех моментов стихийно наступавших перемирий, которые придавали еще более глубокий смысл их войне, когда она возобновлялась.

Потом Инид лежала вытянувшись во весь рост в ванне, среди мыльных пузырей, отсвечивающих всеми цветами радуги в последних отблесках дня.

– Что-то ужасное, этот прием. Королева похожа на служанку. Он довольно милый, но уж больно крохотный. Они оба такие крохотные. Я была рядом с ними просто дылда. – Инид ополаскивала водой свои изящные груди, ее тело сверкало, словно бронза. – Знаешь этих девчонок Макдональдов, из Берривилля, я училась с ними в школе? Так вот, несколько лет назад они уезжали на лето в Лондон и были представлены ко двору – в волосах страусовые перья, расфуфырены как черт знает что. Они даже рассылали всем

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
фотографии своего триумфа, и мы им так все завидовали. Ну так вот: я больше
им не завидую. Каждого представляли. Никакой шумихи. Никаких перьев.

– Как твой отец?

– Как все – жаловался на жару. Король и королева, бедняги, почти все время проторчали на веранде. Но даже там было жарко. Остальные топтались в саду. Он, по-моему, красится. Это я о короле. Он весь ужасно загорелый и какой-то гладкий.

– Вроде тебя. – Клей погладил ее гладкую, загорелую грудь. Она оттолкнула его руку.

– Слушай, я тебе уже говорила: я собиралась сегодня вечером с Дэвисами на обед к Маклинам. Они были там, в посольстве. Ты не возражаешь?

– Без меня?

– Отец тоже там будет.

– Тогда я не пойду.

– Ты не взбесился? – Она бросила на него взгляд из-под густых бровей, подозревая подвох.

– Ты выходишь без меня уже третий раз на неделе.

– Но ведь при отце ты всегда словно не в своей тарелке.

– Во вторник в Джорджтауне отца не было. И еще...

Клей с легкостью переходил от обвинения к обвинению, а Инид со свойственной ей изворотливостью подготавливала оборону, как обычно полагаясь на внезапную контратаку, которая всегда заставляла его врасплох, хотя они уже целую вечность жили вместе. Временами ему просто не верилось, что он женат. Иногда он просыпался среди ночи, видел рядом с собой в кровати Инид, темное пятно ее волос на подушке, и его вдруг охватывал страх: что я здесь делаю? Как захлопнулась ловушка? Неужели это приговор на всю жизнь? Но потом он закуривал сигарету и, пока догорала спичка, вспоминал, что из всех женщин, которых он знал, она одна никогда не навела на него скуки.

– Питер тоже так говорил.

Клей явно прозевал какую-то особенно порочащую улику.

– Питер? – переспросил он, как бы взвешивая ценность свидетельства этого молодого человека.

– Да. Он заходил к нам сегодня.

Не вдаваясь в подробные объяснения, Инид вылезла из ванны – гладкое водяное животное, – подобрала с полу скомканное полотенце, брошенное ею после утреннего купанья, и завернулась в его влажные складки.

– Хочется выпить, – сказала она и вышла из комнаты. Клей двинулся за ней, начисто лишенный собственной воли. Кролик перед удавом, толпа, жадно внемлющая демагогу, – примерно так он чувствовал себя вдвоем с Инид, спускаясь следом за нею по узкой лестнице в столовую снятого ими дома. Инид всегда во все горло выкрикивала перед посетителями «снятый», желая отмежеваться от обстановки, столь непохожей на ту, к которой она привыкла в Лавровом доме. Пошленькие виды Неаполя под стеклом; потемневшее красное дерево; старые ситцевые занавески; светлый кофейный столик, испещренный множеством кружков всевозможных размеров – дань богатству и разнообразию рюмок и чашек в «снятом» буфете.

Инид смешала себе мартини. Она совсем недавно открыла этот коктейль и, по ее словам, могла пить его сколько угодно, не пьянея. От спиртного она делалась лишь оживленной, веселой и ласковой, и в такие моменты Клей особенно любил ее – как на приемах, когда все мужчины тянулись к ней, а она всецело принадлежала ему.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Питер заглядывал к нам. Я даже не знала, что он в городе. Его университет самый настоящий деревенский клуб.

Клей сидел на своем обычном месте, задрал ноги на кофейный столик, Инид, с блеском в глазах, прихлебывала мартини.

– О, нужно мне это было! Жарища! Толпа! Вот уж кем бы я не хотела быть, так это английской королевой! Ни за какие коврижки!

– Зачем приходил Питер?

– Ни за чем. Зашел просто так. Я все стараюсь его припугнуть, но он не понимает намеков. А ведь он из себя ничего. – Инид взяла серебряную сигаретницу (свадебный подарок сотрудников сенатора Дэя) и стала рассматривать в ней свое отражение. Странное дело, подумал Клей, ведь она так редко смотрится в зеркало. Отсутствие тщеславия было в ней самой поразительной чертой.

– Этим летом он устраивается работать в газете. – Она положила сигаретницу, и он вдруг понял, что это Питера, его отражение она ловила в дымчатом серебре. Он сразу насторожился. Союз брата и сестры – это было выше его понимания.

Она вскинула свои длинные ноги на столик. Они были словно из темного, дорогого полированного дерева, а светлый столик казался банальной плотью.

– Надеюсь, ты понимаешь, что, если б он не увидел нас в тот первый раз, в бассейне, я б ни за что не пошла за тебя.

– Спасибо за откровенность. – Клей взглянул на нее с внезапным отвращением.

– Я не это хотела сказать. – В ее голосе звучало раскаяние. Это было так на нее не похоже: больше всего она ранила тогда, когда вовсе этого не хотела. Она скрестила свои лодыжки с его, залезла ногой ему под брючину и стала щекотать ему волосы большим пальцем ноги. – Я рада, что в конце концов так получилось. Ну, а он – гадкий шпион!

– Это была чистая случайность!

– Случайность? Как бы не так! С какой стати посреди ночи, в грозу, выскакивать из дома? Конечно, он выслеживал нас! – Инид поносила брата; Клей защищал его. Во-первых, он любил Питера; во-вторых, Питер был важным стратегическим пунктом в войне между ними, и тот, кто им владел, получал господство над местностью.

– Кстати, Питер передал мне, что сказал отец вчера вечером: мы все равно разведемся задолго до того, как мне исполнится двадцать пять.

– Славный старик этот Блэз, – вздохнул Клей. – Ну и семейка!

– Мне кажется, мы с тобой какие-то одержимые. – Инид помешала пальцем мартини. – Но отец, в конце концов, окажется прав.

– Не все ли равно? – сказал Клей, хотя ему было отнюдь не все равно. Чем больше он узнавал жизнь, тем тверже убеждался в том, что без денег – больших денег – ему никогда не добиться тех заманчивых благ, которыми Республика так щедро одаряет богатых, так скупно – бедных. До тех пор пока Блэз непримирим, все возможности к продвижению для Клея закрыты.

– Да! Питер говорил что-то о твоей прежней подруге. – Клей и бровью не повел, до того старо это было. – Похоже, у Дианы роман с коммунистом, который хочет издавать журнал.

– С коммунистом? Ты уверена в этом? – насторожился Клей.

– Уверена, – ответила Инид, по-видимому вспоминая, что именно сказал Питер. – Они хотят, чтобы Питер вложил деньги в журнал, будто у него есть деньги. Правда, он получит свою долю прежде меня. А еще...

Клей прервал ее:

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Это может быть важно. Для сенатора.

Инид посмотрела на него непонимающим взглядом. То, что занимало других, включая работодателя ее мужа, всегда было для нее чем-то нереальным.

– Ты абсолютно уверена в том, что правильно поняла Питера – будто друг Дианы коммунист?

– Да, именно так он сказал, но ведь Питер такой врун, ему ни в чем нельзя верить.

– Пожалуй, надо позвонить сенатору. – Клей поднялся.

– Не уходи! – Она была как малый ребенок, не желающий, чтобы его оставляли одного. – Я совсем не вижусь с тобою, когда заседает этот ваш ужасный сенат.

– Ты могла бы быть со мною сегодня вечером.

Поняв, что она подставила под сокрушающий удар целую дивизию, Инид поспешно отступила со всех позиций и широко раскинула руки, так что полотенце упало с ее плеч; затем, признав свое полное поражение, перешла на детский язык, каким они разговаривали в минуты близости.

– Поцелуй свою киску и скажи, что не сердись на нее за то, что она такая бяка, бяка, бяка!

Клей поцеловал ее и сказал, что он не сердится на свою бяку, бяку, бяку. Ощувив ее зовущие к себе губы, он возбудился и, наверное, позабыл бы позвонить сенатору, если бы в эту минуту не вошла нянька с девочкой на руках.

– Господи боже! – закричала Инид. – Почему ты не стучишься? Почему ты всегда словно подкрадываешься?

– Ничего, Энни, – встряхнувшись, успокоил ее Клей. Но Энни уже исчезла, и только проклятья Инид неслись ей вслед. – Прекрати! – Голос Клея звучал резко. Очарование минуты рассеялось, он был опять самим собой. – Иначе она уйдет от нас, как ушли другие. Нельзя так кричать на людей.

– Нет, можно! Буду делать все, что мне вздумается, черт подери! – Инид допила из серебряного шейкера остатки мартини, завернулась в полотенце и пошла наверх. Клей знал, что завтра утром она опять будет весело хихикать вместе с нянькой. Как бы ужасно ни вела себя Инид, она была незлопамятна. К тому же она со всеми разговаривала с одинаковой интимностью и ничего не умела держать про себя, и, хотя это чистосердечие составляло едва ли не самую подкупающую черту ее натуры, Клей научился никогда не делиться с ней ничем таким, относительно чего он хотел бы держать в неведении своего злейшего врага. Что касается новой няньки, все еще ликовавшей по поводу того, что с ней обращаются как с равной, она пока не понимала, что за интимность надо платить, и не умела сносить внезапные вспышки ярости Инид, ее утонченные оскорбления, возмутительную жестокость. При этом сама Инид всегда искренне обижалась, когда впоследствии ее жертвы упрекали ее. «Но ведь вы меня просто не поняли, я к вам со всей душой!» Возможно, они в самом деле ее не понимали, а, возможно, она – их.

Клей позвонил сенатору. Ему ответила миссис Дэй.

– Бэрден прилег вздремнуть. Этот прием его измотал. Такая жарница! А вечером еще обед в Белом доме. У вас что-нибудь срочное? Разбудить его?

Клей сказал, что дело терпит, пожелал им приятно провести вечер в стане врага и положил трубку. В угрюмом расположении духа он раскрыл свой портфель и, увлекшись работой, не заметил, как вошла Инид. Она громко крикнула, так что он выронил из рук бумаги.

– Не смей этого делать!

– А мне нравится, когда ты подсказываешь, точно старая дева. Ну, как я выгляжу, хорошо?

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Она выглядела хорошо, и он так и сказал ей. Но она его не слушала. Она была одинаково глуха и к правде, и к лести.

– Слушай, – сказала она, – мне так погано: ведь я иду в гости к этим Маклинам, а тебя оставляю одного.

– Ничего, все в порядке.

– Ничего не в порядке! Меня куда-то несет, и я говорю «да», когда надо сказать «нет». Я не понимаю, что со мной творится. Если ты хочешь, чтобы я осталась, я останусь.

Окончательно побежденный, он сказал, чтобы она шла в гости. Он останется дома и будет работать. Его киска бяка, бяка, бяка. Он согласился, но добавил, что иной он и не хочет ее видеть. Она ушла, заверяя, что очень перед ним виновата, и он не преминул отметить, что она может признать свою вину лишь тогда, когда не чувствует за собой никакой вины. Он добавил к своему арсеналу это ценное новое оружие. Их война была любовью. Или, наоборот, их любовь была войной. Так или иначе, лишь воюя, они по-настоящему обретали друг друга. Он не мыслил себе жизни без Инид.

IV

Жена президента подала знак, и дамы поднялись. Предводительствуемые миссис Рузвельт и королевой, они оставили мужчин в зале приемов. Когда распорядитель закрыл за ними дверь, Бэрден, занимавший место в самом конце левого крыла подковообразного стола, направился к центру, где сидели президент и король. Пустое кресло слева от короля проворно захватил вице-президент, теперь он, к явной досаде президента и тайной радости Бэрдена, жизнерадостно подталкивал и похлопывал по плечу малорослого короля. Президент и его преемник по Конституции, если и не по проводимой им политической линии, были между собой на ножах.

Подали коньяк, задымились сигары. Бэрден сел между Блэзом Сэнфордом и англичанином, которого звали не то лорд Бобкин, не то лорд Попкин. Разговор начался с жалоб на жару.

– Президент не хочет, чтобы включали кондиционер. – Блэз жевал кончик сигары. – Говорит, что это плохо отразится на его пазухах. Пазухах, черт подери! А что будет с людьми, которые тут работают? Что будет с нами? Сердечные приступы – вот что с нами будет.

– Возможно, ему все равно. – Как все в зале, Бэрден старался не смотреть в сторону президента, который выглядел прекрасно и был разве чуточку полноват. Его знаменитая улыбка то появлялась, то исчезала, словно повинувшись невидимому переключателю. В начале приема, когда Бэрдена и Китти представляли королю, президент наградил сенатора широчайшей улыбкой, а затем, повернувшись к королю, сказал сценическим шепотом: «Он тоже хочет жить в этом доме!» Король явно не знал, как отнестись к этой шутке.

Впоследствии Бэрдену сказали, что президент аттестовал так всех своих соперников, большинство которых были тут, – Хэлла, Ванденберга, Фарли, а также чахлого Гарри Гопкинса, который сейчас путем искусных маневров уже сумел приблизиться к заветному центру стола. Дело пахло потасовкой, но Бэрден был уверен в себе, как никогда. Из опроса Института Гэллапа явствовало, что Хэлл – первый возможный претендент от партии, а он – второй, но поскольку Хэлл южанин и его не могут выдвинуть... Бэрден мысленно представил себя в центре стола, но тут же вспомнил свой зарок: никакого мечтательства. Он прислушался к тому, что говорит Блэз.

– Очень может быть, что он желает нам сердечного приступа. Во всяком случае, некоторым из нас. – Блэз коротко рассмеялся.

Лорд Попкин улыбнулся и обратился к Бэрдену:

– Вам, должно быть, часто приходится здесь бывать, сенатор.

– Как бы не так! – ответил за него Блэз. – Они ненавидят друг друга, – добавил он довольно громко, так что президент мог его услышать.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Но президент не услышал, всецело занятый вице-президентом, который, словно тесто, мял плечо короля. С застывшей на лице улыбкой президент холодными серыми глазами в упор смотрел на вице-президента, но тот, налитый веселым озорством и виски, не замечал его испепеляющего взгляда.

Лорду Попкину (он имел какое-то отношение к английскому министерству иностранных дел) объяснили, что хотя Бэрден и президент и состоят в одной партии, тем не менее они политические противники.

– Не могу постичь вашей политики, – сказал англичанин.

– А стоило бы попытаться, – холодно отозвался Блэз с тем же раздражением, какое вызывали и в Бэрдене эти британцы, кичащиеся тем, что не знают, или, хуже того, делающие вид, будто не знают, как работает американская политическая машина.

– Да, конечно, нам следовало бы это знать. – В голосе лорда Попкина звучали извиняющиеся нотки. – Дело в том что верность партии вошла у нас в привычку. Я хочу сказать, в парламенте вы должны поддерживать вашего партийного лидера, иначе вы выходите из игры.

– Мы не поддерживаем, – сказал Бэрден, – и не выходим. Разве что добровольно.

– Правда, иногда мы даем лидеру отставку, – зловеще сказал Блэз, пуская голубой дым в лицо лорду Попкину.

– Ну и жарница, – сказал англичанин.

Повсюду вокруг Бэрден видел раскрасневшиеся от вина и жары лица. Его вдруг охватило чувство нереальности происходящего, вспомнились другие президенты, ныне забытые, которые сидели вот в этом же самом зале и всласть поили-кормили всемогущих временщиков своей эпохи. Они приходят и уходят, думал он, утешая себя. Важен только момент. Тут ему бросился в глаза девиз, лишь недавно вырезанный на доске над полкой камина, – благочестивая мечта Джона Адамса: «Чтобы только честные и мудрые люди всегда правили под этим кровом». Да, конечно, это очень важно – кто правит. Он одернул себя. Вся штука в том, чтобы не поддаваться напору быстротекущего момента; вести себя так, словно будущее существует, словно, творя добро, действительно можно оказывать влияние на жизни тех, кто еще не родился. Однако, глядя на президента, сидящего во главе стола, Бэрден видел лишь тщеславие на этом самодовольном лице, ничего больше, и, уж конечно, ни следа той *virtus*, если воспользоваться словом Цицерона, – той нравственной добротности, которую отнюдь нельзя передать словом «добродетель».

Блэз и лорд Попкин говорили о своих общих друзьях-англичанах. Лорд Попкин (нет, это просто немыслимо, чтобы его действительно так звали) уверял Блэза, что какой-то их старый приятель на самом деле вовсе не сумасшедший.

– Он просто не любит людей, но ведь это так естественно. Он живет один в деревне, читает Карлейля свинье.

Тут Бэрден окончательно вернулся к действительности:

– Свинье?

– Да. Обычно он читал Гиббона, да стиль не понравился.

– Вашему другу?

– Нет, свинье. Вообще-то он предпочитает Гиббона, и я не думаю, чтобы Карлейль так уж ему нравился, но на свинью Карлейль действует успокаивающе. Что ему остается делать?

Блэз захохотал от восторга:

– Бэрден, тебе надо знать англичан. Они совсем не такие, как мы.

– К счастью для вас, – сказал лорд Попкин, и непонятно было, разыгрывает он их или нет. В глубине души Бэрден не питал неприязни к англичанам, в отличие от многих своих сенатских коллег, которым претило первородство

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org Англии. Южане до сих пор с горечью вспоминали, как Англия предала Конфедерацию, а в городах на Севере любой политикан, у которого ничего не было за душой, всегда мог сорвать аплодисменты ирландцев угрозой дать в рыло королю Георгу. Бэрден глядел на длинное благородное рыло короля Георга, и ему хотелось вступить за него. Король казался таким хрупким, таким благородным и не заслуживал ничего иного, кроме учтивости. В этом году, решил Бэрден, надо непременно съездить в Европу и в ходе своего турне напроситься на свидание с Гитлером.

Гитлер примет его в Берхтесгадене, и он, Бэрден, начнет с того, что скажет ему: он говорит не от имени сената, а от себя лично, в защиту мира во всем мире. Рейхсканцлер насторожится, когда Бэрден набросает свой план действий, учитывающий законные интересы Германии и подтверждающий добрую волю западных держав. Бэрден будет говорить, а Гитлер делать заметки, время от времени бормоча: «Ja, ja» [58 – да, да (нем.)].

– Мне кажется, этим летом будет война. – Греза Бэрдена рассыпалась в прах. Он повернулся к англичанину, который произнес эти слова, ничуть не изменив интонации; он мог с таким же успехом делать обзоры литературы для свиней. Блэз нахмурился:

– Не думаю.

Лорд Попкин пустил дым из широких, плавно изогнутых ноздрей.

– По нашим предположениям, в середине июля. Маленький человечек сделает с Польшей то же самое, что сделал с Чехословакией.

– А что сделаете вы? – спросил Бэрден.

– Я думаю, на этот раз мы будем драться.

– Чем? – презрительно спросил Блэз. – У немцев девять с половиной тысяч самолетов в полной боевой готовности. А сколько у англичан?

– Наверное, ни одного. В этом-то и состоит одна из прелестей демократии – быть вечно неподготовленным. – Он улыбнулся. – А сколько самолетов у янки?

– Нам не надо ни одного, мы не собираемся ни с кем драться. – Голос Блэза звучал убежденно.

– Да, я читаю вашу газету. Но ведь Гитлер уже сказал: сперва Франция, потом Англия, потом Америка.

– Он просто блефует, да и кто бы не стал блефовать на его месте? Надо быть сумасшедшим, чтобы не требовать еще и еще при таких уступках с вашей стороны.

Бэрден перестал слушать: начался обмен давно знакомыми аргументами. Он знал их наперечет. Сам он по существу был изоляционист. Он не видел оснований для Нового Света вновь ввязываться в кровавые дразги Старого. Но он также знал, как трудно будет оставаться в стороне, в особенности если президент жаждет играть роль на мировой арене. Как Вильсон, думал Бэрден, глядя в сторону президента, который что-то шептал на ухо королю. Да, вот каким видит себя Рузвельт: перешептывание с монархами, замазывание внутренних неудач пышными приемами иностранцев при дворе. Все это ясно как день.

Войны быть не должно. Уже только потому, что в таком случае президент выставит свою кандидатуру для переизбрания, и никто в партии не сможет обуздать его. Бэрден обвел взглядом зал: из всех его коллег ни один не сможет нанести Рузвельту поражение на съезде. Им остается только молиться о том, чтобы европейцы сохранили мир до ближайшего съезда, который (он сосчитал на пальцах) соберется через четырнадцать месяцев.

– Нет, – сказал он, чтобы подбодрить себя, – я согласен с Блэзом. Гитлер слишком хитер, чтобы начать войну... этим летом, – добавил он, как всегда послушный голосу прирожденной осторожности, не позволявшей ему желать чего-либо всей душой.

– Надеюсь, вы оба окажетесь правы, – вежливо сказал лорд Попкин.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
В центре магнита возникла суета. Сын президента увозил отца от стола, и, как всегда, Бэрдена потрясло напоминание о том, что его враг – калека с иссохшими ногами, замкнутыми в тяжелые металлические оковы. Мучительно было смотреть, как президент встает или садится. Однако сам он, казалось, своей увечности не замечал. Лишь однажды довелось Бэрденту наблюдать, как она застала президента врасплох. Это было на церемонии вторичного выдвижения его кандидатуры на пост президента. Он с трудом шел к трибуне, когда кто-то случайно толкнул его. Он, словно башня, пошатнулся и распластался бы на полу, если бы помощники не подхватили его под руки, но листки его речи разлетелись во все стороны. И теперь, как бы Бэрден ни презирал его, он испытывал невольную жалость к этому человеку, который управлял могущественной страной, но не мог передвигаться без посторонней помощи.

Блэз взял Бэрдена под руку, и вместе с другими гостями они прошли из зала в беломраморный вестибюль, в дальнем конце которого, в Восточной комнате, их ожидали дамы. Скоро должны были начаться танцы.

Блэз почти во всем сходилась с Бэрденем.

– Войны быть не может. Гитлер не так уж глуп. Но если даже он сглотит, англичане драться не будут. Они насквозь прогнили. Надо же, до чего дошли – читать Карлейля свинье!

– Не забывай, что в случае войны наш хозяин останется здесь еще на четыре года.

Блэза передернуло.

– Лучше не напоминай мне об этом. Но если он снова выставит свою кандидатуру, я выступлю за... вас, сенатор. – Блэз хлопнул по плечу сенатора Ванденберга. На лице того выразилось удивление, затем радость. – Молю бога, чтобы республиканцы выдвинули кандидатом тебя, Артур. – Ванденберг ответил, что он сам молится примерно о том же, и подмигнул Бэрденту – своему одноклубнику. Блэз и Бэрден на минуту задержались перед входом в Красную комнату.

– Эд справляется со своей работой?

– Похоже, что да. А как по-твоему?

– Первый класс, так я считаю. Но... – Блэз нахмурился. Сердце у Бэрдента замерло. Казалось, еще немного – и он испустит дух тут же, на приеме в Белом доме.

– Но? – повторил Бэрден, удивляясь, что он в силах еще говорить.

– Один из газетчиков – можешь догадаться кто – жаждет твоей крови. Заподозрил, что у тебя с Эдом шахер-махер по поводу какой-то нефтяной сделки. Так это?

– Нет. – Бэрден знал, что в тех редких случаях, когда ему приходится лгать по-крупному, он умеет быть как нельзя более убедительным.

– Я этому не верю. Я сказал, что это на тебя непохоже. Но еще я сказал, что если бы это и было, уж ты бы сумел замести следы! – Блэз посмотрел на него долгим пронизывающим взглядом. Затем оба рассмеялись и вошли в Восточную комнату.

Китти уже сидела под огромной центральной люстрой, необычайно оживленная и прямо-таки помолодевшая. Бэрден подсел к ней и взял ее за руку.

– Разве это не предел мечтаний? – воскликнула она.

– Еще бы, – нараспев произнес он.

– Я разговаривала с королевой.

Что она ей сказала? Сердце Бэрдента опять дало осечку. Сейчас, вот сейчас он мешком осядет на пол, ловя гаснущим взором огни люстры над головой.

– О чем?

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org

– О ее детях, о Диане. О том о сем. И о жаре тоже. Под конец королева призналась, что ей страшно жарко.

– Мне тоже. – Бэрдену казалось, что шею ему стягивает не воротничок, а железный обруч.

– Знаешь, она ужасно нервничает.

– По ее виду не скажешь. – Он посмотрел на королеву, которая сидела теперь между президентом и вице-президентом.

– Нет, правда! – вмешалась в разговор Фредерика Сэнфорд, садясь перед ними. – Я все время наблюдала за нею, пока представляли гостей. В руке у нее был кружевной платок. Так вот, когда настало время садиться за стол, платок был изодран в клочья.

– Да, это, наверное, большое нервное напряжение, – согласилась Китти. – Все время быть на виду. Как все это гадко и безнравственно. Уж мы-то знаем, чем занимаются царственные особы у себя дома.

– Чем? – Фредерика не верила своим ушам.

Китти просияла улыбкой, даже не подозревая, что опять ее подсознание вылезло наружу, и Бэрден поспешил вмешаться:

– Как Инид, как Клей?

– Вы видите с Клеем чаще, чем я. И с Инид вы, наверное, тоже видите чаще. Я ничего не знаю. Надо полагать, у них все в порядке. Инид бывает с девочкой у нас дома. У них очаровательное дитя. Блэз от нее без ума.

– По-моему, Блэз поступает с Клеем ужасно. – Это с равным успехом могло идти как от сознательного, так и от подсознательного «я» Китти.

– Китти... – Бэрден всю жизнь старался – и по большей части ему это удавалось – избегать столкновений на личной почве.

– ...права, – с необычной порывистостью закончила за него Фредерика. – Вы только подумайте, кого Инид могла приволочь в дом! Коммуниста или какого-нибудь прощелыгу, а то, чего доброго, и еврея! – Фредерика прервала себя. – Они ведь тоже не без еврейской крови. – Она указала на короля.

– Не может быть! – Китти была уязвлена до глубины души.

– Он-то во всяком случае, – сказала Фредерика в упоении от мысли, что она первая разбила иллюзии Китти относительно Их Британских Величеств. – Отец принца Альберта был еврей. Наверное, поэтому король и спелся так легко с нашим франклином Розенфельдом.

Бэрден с беспокойством огляделся вокруг – не слышал ли кто-нибудь. Но замечание Фредерики потонуло в общем шуме рассаживающихся по местам людей. Он заметил, что Гарри Гопкинс все время вертится вокруг президента. Ходили слухи, что Гопкинс уже не жилец на свете. Но вот жилец или не жилец, а все его честолюбие при нем. Он тоже метил в президенты. Еще сегодня вечером, в начале приема, Бэрден подтрунивал над ним, что он купил ферму в Айове. «Милое местечко, – заявил Гопкинс представителям прессы, – где будет расти моя дочь». Вашингтонцы немало потешались над этой претензией выдать себя за простого фермера со Среднего Запада. Гопкинса не считали представителем от какого-либо штата – он был избранныком президента.

– У всех будут снимать отпечатки пальцев. Это что-то чудовищное!

Бэрден обернулся. Один из министров, сильно напившийся, беседовал с помощником президента, не замечая, что к их разговору прислушиваются.

– Кого-то в министерстве юстиции, Гувера, что ли, осенила блестящая идея, что у каждого правительственного служащего следует снять отпечатки пальцев, и президент клюнул на это.

– Ну, не знаю, – осторожно отозвался собеседник, – так ли уж безоговорочно

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
он на это клюнул...

– Безоговорочно! Он уже распорядился начать снимать отпечатки пальцев в моем министерстве, хотя я и сказал, что это неслыханное посягательство на свободу личности. Гитлеровские штучки.

А что, если поднять об этом вопрос, подумал Бэрден. Ведь консерваторы в страхе перед коммунизмом повсюду видят шпионов и, наверное, с одобрением отнесутся к идее снять отпечатки пальцев со всех, кроме них самих. Удивляло лишь то, что президент одобрил эту затею. Сам он ее не одобрял. Каждый должен иметь право скрываться.

– Блэз полагает, что ему следует подправить себе нос. Это все, что он сказал о нем за последние несколько месяцев.

– Кому это? – спросил Бэрден.

– Клею. Он разбил нос во время прогулки верхом. Блэз считает, что раньше его нос был красивее.

– По-моему, он и так ничего, – вступилась Китти за Клея. – Он мне очень нравится.

Перед гостями запела толстая женщина. Голос у нее был неприятный, и Бэрден переключил свое внимание на президентский затылок – большая шарообразная голова, седые редкие волосы, розовая лысина. Президент выглядел необыкновенно крупным рядом с тихим маленьким королем, который очень походил на оживший экспонат Музея восковых фигур мадам Тюссо. «Интересно, – подумал Бэрден, несмотря на зарок, который он себе дал, – буду ли я когда-нибудь сидеть в этом кресле? Вчера Нилсон сказал „да“». «Вы очень популярны. Весь Юг и Средний Запад видят в вас героя. И к тому же вы не слишком консервативны, как раз того типа, какой любят в больших городах. Вы, несомненно, побьете Дьюи». – «А если этот вновь выставит свою кандидатуру?» – «Тогда все остальные претенденты выбывают из игры. Но это маловероятно. Вот разве что будет война».

Пусть будет мир, молился Бэрден. Толстая певица уже садилась под аплодисменты, но последняя пронзительная нота ее сопрано еще висела в душной комнате.

– Приятный голос, – сказала Китти, – для такой толстой особы.

– Самый заурядный, – сказала Фредерика, но худшее ждало ее впереди: запела Мариан Андерсон. – Цветная! – воскликнула Фредерика. – Натэ пожалуйста! – свирепо зашептала она. – Как будто у нас в стране мало белых певцов!

Бэрден сделал вид, что не слышит. Он сидел закрыв глаза все то время, пока пела Мариан Андерсон. Еще совсем молодым ему довелось переспать с цветной шлюхой, и, к своему огорчению, он убедился, что она ничем не отличается от белой женщины. Ведь есть же мужчины, предпочитающие черных белым женщинам и находящие между ними разницу. Когда Бэрден впервые пришел к Нилсону в отель, он застал у него в номере стройную девушку с желтой кожей. Она лежала на софе. Без тени смущения она поднялась и стала надевать туфли: «Я говорила тебе, что это не коридорный».

Нилсон ничуть не был смущен.

– Входите, – сказал он Бэрдену.

– Виноват. Мне следовало позвонить вам снизу.

– Невелика беда. Мисс Морган все равно собралась уходить. Она моя давняя подруга. Я знал ее мать. Передавай привет Бесс, когда увидишься с ней, дорогая.

– Непременно. Всего хорошего. – Она поцеловала Нилсона в щеку с учтивым бесстрастием школьницы, которой велят поцеловать мамину подругу. Затем, едва заметно кивнув Бэрдену, прошла в спальню – как раз в тот самый момент, когда явился коридорный. Все было проделано с такой невозмутимой деловитостью, что Бэрден диву давался – уж не привидилось ли ему это все. Ноу него было над чем подумать кроме этого.

– Блэз хочет, чтобы мы были друзьями, – начал Нилсон. – Он хочет выдвинуть вашу кандидатуру на президентских выборах в сороковом году. Думает, я могу вам помочь.

– Я тоже так думаю, – сказал Бэрден.

Все было легко, удивительно легко. Никакого драматизма, никакого запаха серы, никакого договора, скрепленного кровью, и ангел не подавал ему отчаянных знаков: «Не смей этого делать!»

Бэрден отправится в длительную поездку в Канаду, будет выступать в Оттаве. В его отсутствие один покладистый сенатор устроит так, чтобы продажа земли была одобрена без обсуждения. Если даже впоследствии и возникнут толки, Бэрден со спокойной душой сможет сказать, что подкомиссия приняла решение без его ведома. Тем временем в Вашингтоне будет учрежден комитет «Дэя – в президенты», а Нилсон соберет для финансирования предвыборной кампании двести пятьдесят тысяч долларов, «из разных источников, все совершенно законно».

Деньги были собраны, как условлено, и должным образом израсходованы. Результаты получились обнадеживающими. Консервативная пресса считала его единственным государственным деятелем, способным защитить конституцию и в то же время сохранить мир, а что касается Блэза, он был уверен, что кандидатура Бэрдена «пройдет как по маслу». Но, несмотря на исключительную тактичность Нилсона («я всегда хотел, чтобы вы были президентом, еще до того, как мы с вами познакомились»), Бэрден не мог отделаться от чувства вины, хотя отлично знал, что надо либо играть в эту игру по всем правилам, либо вовсе не вступать в нее. Лишь однажды за всю свою карьеру Бэрден попытался изменить правила. Во время своей первой предвыборной кампании он был поражен, узнав, что для него покупают голоса. Когда он попытался отговорить от этого своего менеджера, тот ответил: «Но ведь именно так побеждают на выборах».

«Я бы предпочел проиграть». Ему до сих пор слышался собственный голос, тонкий и полный праведного негодования.

«Что предпочитаете вы, абсолютно никого не интересует. Тысяча с лишним человек в округе рассчитывают получить свои два доллара в день выборов, и мы не собираемся разочаровывать их».

Бэрден капитулировал. С тех пор он всегда, хотя и без особой радости, покорялся существующему порядку вещей. В этом он был схож с женой президента, которая рассказывала ему, как однажды, в дни своей невинной юности, она пришла к мужу и сказала: «Франклин, для тебя прямо здесь, в округе Датчес, покупают голоса!» На что президент рассмеялся и ответил: «Не беспокойся, дорогая, республиканцы их тоже покупают».

В конечном счете все дело в том, как далеко ты готов пойти. Ни президент, ни Бэрден не несут ответственности за развращенность избирателей. Пусть так – но правильно ли и дальше терпеть такое развращение? Вопрос звучал глупо. Надо делать все для того, чтобы победить, а сюда входит и купля-продажа голосов. Когда он согласился взять деньги Нилсона, он продал свой голос, и в моральном плане это ничуть не хуже, чем общепринятый обычай покупать голоса. Он утешал себя мыслью, что любой другой политический деятель сделал бы на его месте то же самое.

«Но я не любой другой», – сказал он себе, когда зал заплодировал Мариан Андерсон. Он верил в честь. Родись он вовремя, он с радостью отдал бы жизнь за Конфедерацию. То, что южане сражались за неразумное, неправое дело, лишь заставило бы его драться еще упорнее, и, если бы пуля в Шайлоу попала в него, он упивался бы своей болью, в отличие от отца, который не видел ничего хорошего в человеке, считал человечество грубым, жестоким и обреченным и поэтому сам был обречен на безумие. Но отец все же был отмечен белым рваным шрамом, который тянулся от ключицы к левому плечу, и за это почетное отличие Бэрден отдал бы жизнь.

Какой стих на него нашел, спрашивал себя Бэрден, что заставило его закопать пулю? Какого бога хотел он умолюбить? Временное умопомрачение, решил он; при первом удобном случае он выберется в Манассас и откопает ее. Этот талисман ему еще пригодится. А тем временем он покончит с правлением

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
нечестивого президента, и тысяча ударов по его самоуважению – ничтожная
цена за победу в войне не менее значительной, чем та, в которой его отец
получил этот шрам.

Вдруг сквозь пение Бэрден услышал гром; жара кончается, завтра будет
хорошая погода.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

– С Новым годом!

Китти Дэй подставила Клею щеку для поцелуя.

– С Новым годом. Где Инид?

– На вечеринке. Где же ей еще быть?

– Какой стыд! Я-то надеялась, что сегодня она придет.

Она никогда у нас не бывает. – Китти провела Клея в гостиную, где возле
затухающего камина сидели Бэрден, Эд Нилсон и судья Хьюи, председатель
комитета демократической партии штата.

– Клей явился один, – сказала Китти. – Инид загуляла.

– Не беда. У нас деловая встреча. – Нилсон подвел Клея к камину; Китти
извинилась и оставила мужчин одних.

– Простите, что я так поздно, – начал Клей, повернувшись к Бэрдену, но тот
перебил его:

– Не имеет значения. Да к тому же и судья только что пришел со званого
обеда.

– Видел на прошлой неделе вашу матушку, – сказал судья, посмотрев на Клея
так, будто надеялся услышать от него *po lo contendere*[59 – «Не стану
спорить» (лат.) – заявление обвиняемого в уголовном процессе, которое не
лишает его права отрицать справедливость обвинений в последующем судебном
разбирательстве.]. Мать Клея служила в банке в столице штата; вдовья доля
ее скрашивалась небольшой пенсией и четырьмя детьми сестры Клея, которые
давали ей массу поводов для жалоб и вместе с тем – для радости. «Никакой
дисциплины! Да и можно ли ожидать чего-либо другого, если не прививать
детям чувство ценностей...» Сама она строго руководствовалась чувством
ценностей, проистекавшим, как она утверждала, из раздумий о Генри Клее,
своем отдаленном родственнике, в честь которого она назвала своего
единственного сына. Каждую неделю она усердно исписывала множество листов
бледно-розовой бумаги своим четким почерком, пытаясь укрепить в сыне
желание преуспеть.

– Вам следует чаще писать ей, – сказал судья, вынуждая Клея перейти к
обороне. Разговор обещал быть нелегким.

– Я сам знаю. Письма – ее сильная сторона. – Он повернулся к сенатору. –
То, что мы слышали, подтвердилось. Белый дом готовит законопроект.

Бэрден покачал головой:

– Меня это не удивляет. Его последняя речь должна была нас насторожить.
«Когда дом вашего соседа в огне...» – Как всегда, Бэрден удивительно точно
имитировал голос Рузвельта.

– Какой законопроект? – спросил Нилсон.

Клей рассказал, что Белый дом готовит законопроект о помощи демократическим
странам, который будет внесен на рассмотрение как в палату представителей,
так и в сенат; таким образом, англичане смогут получить деньги и

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org вооружение. Клей говорил, не переставая наблюдать за судьей: его интересовало, как тот воспримет новость. Пока это было неясно. Судья, очень маленький и сдержанный, сидел в большом кресле около камина. Казалось, эта тема его несколько не интересует, Европа для него – семечки в сравнении с Четвертым избирательным округом, где республиканцы набирали силу, или с Третьим, где они наверняка скоро начнут набирать силу, или с Первым, где внезапно появился кандидат, нанесший сокрушительный удар всей избирательной машине, которую судья годами собирал по винтику, пытаясь застраховаться от любых случайностей в ходе самой кампании. Судья терпеть не мог сюрпризов в день выборов.

Бэрден был против любой помощи англичанам:

– Во-первых, они банкроты. Это признает даже лорд Лотиан[60 – Филип Генри Керр, лорд Лотиан – британский посол в США в 1939–1940 гг.]. А раз так, то мы выбросим деньги на ветер, потому что, если англичане и победят, они все равно никогда не сумеют с нами расплатиться.

Ему ответил Нилсон:

– Мы не можем допустить, чтобы победил Гитлер.

Ответ заинтриговал Клея: Нилсон никогда прежде не противоречил сенатору.

– Как мы можем его остановить? – Бэрден был мрачен. – Джо Кеннеди[61 – Кеннеди Джозеф Патрик – американский посол в Англии в 1937–1940 гг., отец Джона Ф. Кеннеди.] утверждает, что англичанам конец. Думаю, он прав.

– Все равно я за то, чтобы помочь им. – Нилсон продолжал стоять на своем. Обычно, чувствуя, что назревает спор, он улыбался своей лучезарной загадочной улыбкой и под ее блистательным прикрытием с быстротой молнии менял занимаемую позицию. Но сегодня он даже не попытался сделать шаг в сторону этого укрытия.

Уступить позицию пришлось сенатору.

– Быть может, вы правы, Эд. Кто знает?

Бэрден, как заметил Клей, все больше и больше считался с Нилсоном. Началось это с заявления президента о том, что в связи с ситуацией в Европе (Франция разбита, Англия осаждена) он будет добиваться выдвижения своей кандидатуры на третий срок. Это означало, что, хотя комитет «Дэя – в президенты» и будет продолжать свою деятельность, цель его теперь уже не президентство, а лишь вице-президентство. За неделю до партийного съезда сенатор без предварительного приглашения, просто после телефонного звонка посетил Белый дом. Клей так и не узнал, что там обсуждалось, однако сенатор вернулся в великолепном настроении и сказал своим сторонникам, чтобы они не слишком нажимали на съезде, намекнув, что Рузвельт предложил ему пост вице-президента, хотя даже клею – но не сенатору – было ясно, что президент никогда не примет Бэрде-на Дэя или любого другого консерватора вторым в свою упряжку. Оставалась одна надежда: получить в первом туре такое количество голосов в пользу кандидатуры Бэрдена в президенты, чтобы Рузвельт вынужден был предложить ему пост вице-президента. Но Бэрден проявил сдержанность: президент добился выдвижения своей кандидатуры, встретив лишь жалкое подобие сопротивления, и предложил пост вице-президента мечтательному Генри Уоллесу. Когда на съезде объявили имя Уоллеса, раздался взрыв негодования, недовольны были даже самые преданные сторонники Рузвельта. В своем номере в чикагском отеле «Блэкстоун», увешанном плакатами «С Дзем – преодолеем», сенатор зло стукнул кулаком по радиоприемнику. «Сукин сын», – сказал Джеймс Бэрден Дэй, и Клей так и не узнал, кого он имел в виду: президента или Генри Уоллеса.

Сенатор почти не принимал участия в предвыборной кампании. Он присутствовал на нескольких собраниях в своем штате, но отказался агитировать за кандидатов партии на два высших выборных поста. Клей был убежден, что Бэрден проголосовал за взбалмошного, но симпатичного Уэнделла Уилки, который штурмом добился выдвижения на съезде республиканской партии, а в дальнейшем вел предвыборную кампанию под лозунгами Нового курса.

Все это время Нилсон оставался, как всегда, верен ему и внимателен. Он чисто по-деловому ликвидировал комитет. Погасил все неоплаченные долги и

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org распустил войско. Надежда рухнула или отодвинулась на неопределенное время. Несмотря на явное разочарование сенатора, Клей видел, что на уме у него уже выборы 1944 года. То же думал и Нилсон; к удивлению Клея, Нилсон действовал так, будто цель еще достижима. Он оставался частью их жизни, вечно предупредительный, разве только что не сегодня. Но сенатор не был расположен к ссоре. Он лишь улыбнулся своей трагической полуулыбкой.

– Государственные дела подождут. Дом пока еще не горит. Садовые шланги могут еще полежать. – Движением руки он откинул со лба знаменитую прядь волос. – И так, мы собрались здесь, чтобы обсудить вопрос о дополнительных выборах в палату представителей по Второму избирательному округу. И о Клее.

Клей возликовал. Так или иначе, жизнь его теперь, безусловно, изменится.

– Как вам известно, судья, Клей в течение некоторого времени присматривается к этому месту в палате. В округе его знают, между прочим, он там родился. И вот уже несколько лет втайне от меня он подготавливал почву. – Полуулыбка расплылась в улыбку. – Теперь, когда наш старый друг Маккьюр ушел на федеральную службу, его место освободилось, и Клей хотел бы его занять. Но... – Бэрден повернулся к судье Хьюи и широко раскинул руки, словно собираясь обнять его, – ...он не сделает, не сможет сделать, не должен сделать ни шагу в нашем штате без вашего согласия.

Надолго воцарилась тишина. Поленья потрескивали в камине. Ветер на улице шумел среди деревьев. Клей вдруг почувствовал, что ему стало прохладно, как будто где-то открылась дверь и потянуло сквозняком. Бюро прогнозов предсказывало снег.

Судья низко опустил голову и прижал подбородок к целлулоидному воротничку, который исчез в дряблых складках шеи. От воли этого человека зависело теперь будущее Клея. Наконец судья произнес одно-единственное слово:

– Джесс?

Клею сначала даже показалось, что судья просто кашлянул. Но сенатор отреагировал моментально. Джесс – это Джесс Момбергер, старший сенатор от их штата, политический вольнодумец, который в той же мере поддерживал президента, в какой Бэрден ему противодействовал, и умудрялся при этом сохранять хорошие отношения с консервативным большинством штата.

– Джесс даст свое благословение, когда придет время.

– В этом округе любят Джесса, – сказал судья таким тоном, словно его это огорчало. Он впервые повернулся к Клею. – Вы знаете, что вам придется бороться с достойным соперником, который добивается этого места и по справедливости должен был бы его получить?

– Да, сэр, я это знаю. И я готов к борьбе.

– Ох уж эти новоиспеченные претенденты, – пробормотал судья, глядя в камин, и сердце Клея упало. – Я не могу вам помочь, – сказал он наконец.

В мозгу Клея мелькнула даже мысль о самоубийстве, но тут сенатор снова завладел разговором.

– Надеюсь, другому кандидату вы тоже не станете помогать?

Судья усмехнулся – отвратительное зрелище, – обнажив неправдоподобно громадные зубы.

– Нет, нет. Я никого не буду поддерживать.

Сенатор хихикнул:

– Старая хитрющая лиса, любую гончую запутает.

Клей в который раз восхитился той легкости, с какой сенатор находил общий язык с провинциальными политическими боссами. Он никогда не угождал, не заискивал, никогда не принимал неверный тон. Работая с Бэрденом бок о бок в Вашингтоне, где тот далеко не всегда отличался политической мудростью, Клей начинал упускать из виду, что его патрон – искуснейший политик их штата.

Судья повернулся к Клею:

- Все будет зависеть от вас.
- Спасибо, судья. – Клей взял безжизненно-вялую руку и с чувством пожал ее.
- Вы должны победить, – умирающим голосом произнес судья. – А теперь мне надо вздремнуть. Я давно пропустил свое время. Да, кстати, – добавил он вдруг, остановившись на полпути к двери. – У вас, кажется, богатая жена?

Пока Клей раздумывал, какой дать ответ, Нилсон пришел к нему на помощь:

- Да, это так.
- Вам это будет стоить двадцать, а может, и тридцать тысяч долларов. Куда больше, чем в доброе старое время, когда начинали мы с Джимом. – Судья был одним из тех немногих, кто называл сенатора по имени.
- Я думаю, Клей достанет денег. – Разговор, как всегда, явно занимал Нилсона.
- Да уж пусть постарается, – буркнул судья. – У нас также принято жертвовать жалование за первый год службы в пользу партии – своего рода вложение капитала в будущее.

– Конечно, – чересчур быстро согласился Клей.

– Ну что ж, прекрасно, – сказал сенатор, просовывая руку под локоть судьи и провожая его к двери. – Не могу понять, зачем я это делаю. Я вовсе не хочу, чтобы Клей ушел от меня. Поэтому было бы куда разумнее интриговать против него.

Клей не слышал, что ответил судья на это, так как они были уже далеко. Он вытер вспотевшие ладони о брюки.

– Нервничаешь? – Нилсон ничего не упустил из виду.

– Этот судья – упрямый черт.

– Очевидно. У меня, правда, нет опыта общения с этими провинциальными типами. Где же ты возьмешь деньги?

– Что-нибудь да придумаю. – Клей еще не решался сказать, что, поскольку Блэз по-прежнему настроен враждебно, его единственная надежда – Нилсон.

– Судья с нами! – Сенатор появился в комнате, и следом за ним ворвался поток холодного воздуха. Он торжествовал, как будто это была его победа.

– Слава богу! – просиял Клей.

– Знаете, что он сказал в дверях? «Я не причиню ему вреда». Именно такое обещание нам и нужно было.

– Как это вы соглашаетесь отпустить Клея? – вдруг спросил Нилсон. Клей повернулся к нему, почуяв опасность. – Ведь он же ваша правая рука.

Жест сенатора, как всегда, доставил Клею эстетическое наслаждение. У большинства такой жест выглядел бы как произвольное телодвижение, судорожное подергивание или тик, но жесты сенатора, при всей их отработанности, были отменно красноречивы. Теперь он демонстрировал это свое искусство. Голова чуть склоняется набок – душевное уныние; руки опускаются вниз ладонями наружу – смирение; затем все тело медленно погружается в стоящее у камина кресло – покорность судьбе, неотвратимо приближающей человека к золотому концу долгой жизни.

– Они все уходят – рано или поздно.

Слова были излишни. Клей любил старика – именно так, как требовалось от него по долгу службы.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Но вы бы могли ему воспрепятствовать. – Нилсон подмигнул Клею, чтобы показать, будто он шутит, но это лишь доказывало обратное.

– Никогда!

Вместе с этим словом в комнату снова ворвался поток ледяного воздуха.

– Здравствуйте, Клей, не знала, что вы здесь. – Диана уже шагнула назад, готовая обратиться в бегство. Но бежать решил Клей, которому никак не улыбалась эта встреча.

– Я уже уйду.

– Нет, ты останешься! – прервал Билли Торн. Он был пьян.

– Билли, нам лучше подняться к себе. У них совещание.

– Заговор против народа, сенатор? – Клея всегда поражала способность Билли брать неверный тон. Трудно было удержаться от неприязни к этому человеку. Сенатор вздрогнул, и это не укрылось ни от кого, кроме Билли.

– Ну что вы, мой дорогой Торн, я же избран народом.

Сенатор иначе как Торном не называл своего зятя. Клей просто не понимал, как он вообще разговаривает с ним. Накануне рождества Диана ушла с работы и вышла замуж за Билли. А на другой день после рождества Билли объявили, что он уволен из министерства торговли. Никто не знал почему. Бедные молодожены жили теперь на мансарде.

– Вашингтон полон людей, которые занимают выборные должности и являются убежденными врагами народа. Подумайте о том, сколько членов конгресса представляют не народ, а нефть! Грандиозные гейзеры клокочущей доисторической нефти, собственность людей с каменными лицами, которые обожествляют прибыль. Как поживаете, мистер Нилсон?

Клея приводила в трепет самоубийственная смелость Торна.

– Пытаюсь надеть на свое каменное лицо благородную маску, – сказал Нилсон. – Диана, поцелуй старика по случаю Нового года.

– Вы хороший! – Диана нежно обняла Нилсона. – Мы были на новогодней вечеринке. Я не знала, что уже так поздно. Нам пора, Билли.

Но Билли не мог остановиться:

– Сенатор, я побился об заклад в Белом доме, что, выступая против законопроекта о ленд-лизе, вы скажете: «Пусть англичане сами таскают свои каштаны из огня».

– Мою манеру выразиться так легко предсказать? – спокойно спросил сенатор. Он был мастер отвечать на выкрики из зала.

– В каком-то смысле – да. – Билли налил себе виски. Все наблюдали за ним с ужасом, с каким публика следит за движениями акробата, выступающего без предохранительной сетки. – Вы, конечно, будете голосовать против законопроекта?

– Не знал, что такой законопроект существует. – Сенатор сделал невинные глаза.

– Еще как существует. Мы... они работают над ним сейчас в Белом доме.

Против своей воли Клей злорадно усмехнулся этой ошибке в выборе местоимения. Билли был тесно связан со сторонниками Нового курса, но с кем именно и каковы были эти отношения, никто не знал, что и придавало ему авторитет в вашингтонских салонах. Разделаться с ним как с лжецом было бы и слишком легко, и опасно: на каждом приеме неизбежно появлялся Гарри Гопкинс, брал Билли под руку, и оба уходили в уголок на тайное совещание. Полагали, что Билли помогает составлять речи для президента. В настоящий момент он претендовал на внимание к себе в качестве редактора «Американской мысли». Красивенький макет журнала вот уже два года ходил по рукам, но

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org из-за отсутствия денег первый номер пока еще не вышел в свет. Билли время от времени впадал в отчаяние; Диана – никогда. Издание «Американской мысли» стало ее мечтой, и она не собиралась с ней расставаться. К несчастью, все возможные денежные родники немедленно пересыхали под палящим зноем непривлекательности Билли. Последней надеждой был мистер Нилсон, но и он совсем недавно отказал им в помощи.

По распоряжению сенатора Клей пытался выяснить, что произошло в министерстве торговли. Но все помалкивали. Министерство уклонилось от ответа и на прямо поставленный вопрос: «Он что – коммунист?»

Билли покачивался на своей деревянной ноге, держа в руке стакан с виски, пока сенатор читал ему лекцию о конституции:

– Законы должны исходить только от конгресса. Законопроекты, связанные с финансами – а ленд-лиз как раз такой и есть, – должны выдвигаться палатой представителей. В конституции нет такого пункта, который разрешал бы исполнительной власти выступать инициатором законодательства.

– К счастью, исполнительная власть все же выступает инициатором новых законов. Что было бы со страной, если бы она этого не делала? Что было бы с вами? Каждая строчка закона Дэя – Мортимера была написана в министерстве сельского хозяйства, а ваш вклад состоял только в том, что вы подбросили его в сенат в нужный момент, не прочтя конечно.

Вот оно, подумал Клей. Сенатор побледнел. Клей вмешался.

– Это неправда, Билли. – Клей нарочито пренебрежительно сделал упор на имени Торна. – Я это знаю, потому что помогал сенатору писать законопроект. Вклад министерства состоял лишь в том, что оно предоставило нам свои статистические данные.

– Я слышал совсем другое, – сказал Билли.

– Нас всех время от времени неправильно информируют. – Сенатор умел держать себя в руках. Он был холоден. – Во всяком случае, я никогда не выдвигал законопроект, который был бы подготовлен для меня исполнительной властью. В конце концов, если лишить нас нашей законодательной функции, нам вообще нечего будет делать.

– Вполне возможно, что такому сенату, как ваш, действительно нечего делать.

Нилсон поднялся:

– Бэрден, мне пора. Клей, меня, надо полагать, пригласили, чтобы я дал свое благословение. Что ж, даю. – Они сердечно пожали друг другу руки. – Крепись, Диана. – Нилсон поцеловал ее в щеку и повернулся к Билли. – Надеюсь, вы скоро найдете себе работу, мистер Торн.

Оскорбление было нанесено тем же тоном, каким он желал остальным спокойной ночи. Минуту никто не верил своим ушам. Нилсон направился к выходу, когда Билли, взревев, схватил его за руку:

– Из-за того, что я честен...

Резким движением Нилсон выдернул свою руку в тот момент, когда Билли ступил к нему. Потеряв точку опоры, искусственная нога Билли пошатнулась, и Билли грохнулся навзничь. Мгновение никто не мог шевельнуться. Затем Диана подбежала и помогла ему встать. Точно по волшебству искусственная нога Билли поднималась все выше и выше, пока Билли не утвердил ее обратно на место.

– Вы сукин сын! – сказал он Нилсону.

– Спокойной ночи, – ответил Нилсон и вышел.

Клей помог Диане усадить Билли в кресло. Сенатор пальцем не шевельнул, чтобы помочь. Когда нога Билли заняла подобающее положение, он снова стал самим собой:

– Этого типа следует посадить в тюрьму! По имеющимся у нас сведениям...

– Пойдем лучше наверх, дорогой. – Диана повернулась к Клею: – Очень рада была снова с вами встретиться.

Неожиданно для всех она держалась как на танцевальном вечере, где гости должны быть в вечерних туалетах. Он подумал, что она решила выйти замуж за Билли из разочарования в любви. Если так, то он виноват вдвойне.

– Приходите к нам, – сказал Клей. – Поужинаем вчетвером: вы вдвоем и мы с Инид.

– Непременно.

Супруги Торн с достоинством удалились на покой, оставив Клея наедине с сенатором. Тот воздел руки к потолку, вложив в этот жест все свое пластическое искусство.

– Что мне с ним делать? – Он впервые выражал при Клее свое возмущение браком Дианы.

– Найти ему работу, наверное. Все, что угодно, лишь бы выставить его из дому.

– Я пытался. Но он согласен далеко не на всякую работу. Он хочет остаться на государственной службе, а это...

– Невозможно. Интересно знать почему?

Сенатор улыбнулся своей сверхтрагической улыбкой:

– На очередных выборах, когда я буду добиваться переизбрания в сенат, соперники поднимут крик, когда выяснится, что мой зять – советский агент.

– Я думаю, он ни к чему даже русским. Зачем она вышла за него? – Глупый вопрос; укоризненный взгляд сенатора был как пощечина. Клей быстро добавил: – Я имел в виду, в политическом смысле. Ведь она всегда была консерватором. Как мы. А тут вдруг выходит замуж за приверженца Нового курса.

– Нормальное противопоставление себя отцу? не знаю. Возможно, он имеет над ней какую-то власть... потерял ногу. – Он запнулся. Оба нарисовали в воображении искусственную ногу Билли. Сенатор проводил Клея до парадной двери. – Я очень доволен судьей.

– Я тоже. – Клей повернулся к сенатору, ощутив вдруг горячий прилив благодарности к этому человеку. – И это сделали вы.

– Вряд ли. Не забывай о Нилсоне. Он может оказаться полезным.

– А взамен?

Сенатор взглянул на него непонимающим взглядом. Какой первоклассный актер, подумал Клей.

– Взамен? – Сенатор произнес это слово так, будто услышал его впервые.

– О, не думаю, – последовал мягкий ответ. – Естественно, он заинтересован в сохранении налоговых скидок на истощение нефтяных ресурсов, но в этом заинтересованы и мы с вами. Это не будет противоречить... – улыбнувшись, он выбрал самоочевидную концовку – ...ничьим интересам.

Они обменялись теплым рукопожатием. Клей сел за руль своего двухместного «плимута» четырехлетней давности и помчался домой под холодным морозящим дождем первого дня нового года.

Было два часа ночи. Инид еще не вернулась. Она уходила и приходила, когда ей хотелось, – Клей обычно не возражал. Она любила бывать на приемах, он – нет. Она занималась своими делами, он – своими. Такая безмолвная договоренность удовлетворяла обе стороны, за исключением тех случаев, когда Клей желал ее, как сейчас, а ее не было дома. Он разделся, чувствуя себя одиноким, брошенным, лег в постель и, положив, как ребенок, руку между ног, мгновенно заснул.

Ему приснилась вода, он проснулся, посмотрел на часы – без четверти пять. В ванной горел свет и журчала вода. Ощувив снова похоть напополам со злостью, он подошел к двери в ванную и распахнул ее: Инид спринцевалась.

- Я думала, ты спишь. – Она заговорила первая.
- Нет. – Семейной жизни пришел конец. – Кто это был?
- Это ужасно, правда? – Тон ее был деловито-спокоен. – Прошу прощения.
- Я его знаю?
- Не думаю. – Она вдруг разозлилась. – Да не стой же здесь и не пяль на меня глаза.
- Что ты хочешь, что бы я сделал – высыпал тебе как следует?
- Не посмеешь, даже если бы и захотел.

Он ударил ее, чем доставил удовольствие ей, но не себе. Забрал одеяло и в темноте спустился в гостиную. Не зажигая света, лег на диван и завернулся в одеяло. Попытался призвать на помощь сон, убедить себя, что все это ему приснилось, но бульканье воды, спускаемой в уборной, стук двери и шаги в спальне не оставляли сомнения в том, что он видел все наяву и что жизнь нуждается в срочном ремонте.

II

Искусственное освещение придавало краскам неправдоподобную мертвенность, как будто цветы были сделаны из яркой бумаги и блестящего воска. Поражаясь теплу в этом тесном стеклянном мире (снаружи шел снег), Питер пробирался между двумя рядами деревянных столов, сходящихся где-то в дальнем конце оранжереи, как в упражнении на перспективу. На столах в горшках стояли тысячи растений. Он застыл около гардений, которые любил с детства, когда Фредерика построила оранжерею, потому что, «ей-богу, это будет такая экономия – выращивать собственные цветы». Оранжерея была, конечно, как Фредерика и рассчитывала, бесполезной роскошью, но приносила Питеру столько же удовольствия, сколько и старому садовнику, обстоятельному виргинцу, который всегда носил в помещении соломенную шляпу и аккуратно закатывал рукава рубашки. Именно он объяснил Питеру латинские названия растений, а также и их названия по-английски; Питер узнал, что гардения – неправильное название, но продолжал им пользоваться. Осторожно, чтобы не сломать плотные белые лепестки, он дотронулся до самого крупного цветка. На фоне темно-зеленых листьев цветок сверкал, как звезда в ночном небе.

– Вот ты где! Отойди от этих гардений. Не переносу их запаха. У меня от него болит голова. И чего они так нравятся матери? Напоминают мне школу танцев миссис Шиппен. Помнишь? Каждый мальчик был обязан принести своей партнерше букет из двух увядших желтых гардений. Боже, до чего тут душно!

Инид обмахивалась маленькой вечерней сумочкой. Она оделась в черное, что было для нее необычно, и выглядела не просто эффектно, а зловеще-великолепно. Цветы выделялись на фоне ее платья, как драгоценности на черной бархатной подушке. Она казалась спокойной, хотя перед этим, когда просила Питера встретиться с ней сразу после обеда, была взволнована. Теперь же, когда их разделяли только бегонии, она неторопливо потягивала виски с содовой и лишь спустя некоторое время, нахмурившись, рассеянно спросила:

- Эта девушка из Нью-Йорка – ты ведь не собираешься на ней жениться?
- Нет. Кто это тебе сказал?
- Мать, кто же еще?
- Я пока ни на ком не собираюсь жениться. – Это была сущая правда.

Питер заметил, как дрожит рука Инид, сжимающая стакан; она пила закрыв глаза, как будто стремилась заменить внешний мир другим, более удобным,

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org существовавшим внутри нее. Неурядицы с Клеем, решил Питер, довольный тем, что после нескольких лет необъяснимого охлаждения с ее стороны она все же выбрала именно его, чтобы облегчить душу. Слов нет, жизнь развела их в разные стороны. Он все еще студент колледжа, частица той безликой армады, за которой охотятся хозяйки салонов с дочерьми на выданье, а Инид стала, если воспользоваться словами Элен Эшли Барбур, «молодой светской матроной», занятой хождением по гостям и воспитанием ребенка.

– Никогда не женись! – Инид смотрела на него широко раскрытыми глазами.

– Никогда?

– Это все Клей, – ответила она как-то невпопад и поставила стакан между корней растения с красно-зелеными листьями.

– В чем дело? – Питер ощутил смутную радость от мысли, что брак Инид оказался неудачным. Как старый поклонник, который надеется на возвращение возлюбленной, он готов был ее утешить.

– Это случилось. В ванной. – Она, как безумная, оглядывалась по сторонам.

– Что именно случилось в ванной?

– Я их поймала. Клея с этой девкой. Они развлекались.

– На полу или в самой ванне? – Питера сразу же заинтересовали подробности.

– В постели! – В ее тоне звучало раздражение. – Они ушли в ванную. Ну, знаешь... после... и я застала ее, когда она пользовалась моими принадлежностями. – Теперь Инид говорила спокойно, она вновь владела собой. Я сказала: «Веселенькая история». Девка только пялилась на меня, открыв рот, а Клей сказал: «Да, пожалуй, и вправду веселенькая», и я сказала: «Надо полагать, мы разводимся?», а он сказал: «Поговорим об этом потом», и тогда я сказала: «Вы хоть бы пошли куда-нибудь еще, только не в нашу постель».

– А что сказала она?

– Кто? О чем это ты? Что она сказала? Она, эта сука, ничего не могла сказать, только пялилась на меня. Вот бы ей забеременеть. – Инид запустила руку в джунгли оранжереи, достала свой стакан с виски с содовой и, закрыв глаза, выпила.

– Кто это был?... Кто она?

Прекрасные глаза Инид раскрылись, подлаживаясь к нелепому миру, окружавшему ее.

– Девка. Из Южной Америки. Не знаю. Чья-то жена. Жена дипломата. Клей думал, меня в этот день – первый день нового года – не будет дома. Ясно? Но у меня разболелась голова, и я рано вернулась домой и поймала их, ну и вот...

– Но если это просто девка, чего ты порешь горячку? – Питер вполне разделял снисходительность Вашингтонцев к промискуитету мужчин и моногамии женщин: и те и другие соответствовали сложившемуся стереотипу. Необычной казалась лишь его склонность принимать как факт, что так уж заведено на свете, и в этом нет ничего шокирующего либо нежелательного.

– Но, послушай, развлекались-то они в моей постели! Знаешь ли ты, что это означает для женщины! Будь это где угодно – в номере отеля, на заднем сиденье машины, – и я б никогда об этом не знала, а если б и знала, мне не приходилось бы так реагировать, и я могла бы тогда сказать, о, подите к черту, но в моей собственной постели, когда в соседней комнате ребенок! Ну, это уж слишком!

– Он хочет развода?

– Конечно, нет. А я вот хочу. Я не могу больше жить с ним. После этого. Это так чертовски несправедливо!

В ее глазах стояли слезы. Он обнял ее. Она обхватила его за поясницу, с

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
хриплым рыданьем прижалась к смокингу. Он чувствовал себя на вершине блаженства.

Но гроза прошла, Инид отпрянула.

– Прости, – сказала она. Глаза ее покраснели. Она поправила прическу, сунулась лицом в маленькое зеркальце.

– Ты толстеешь, – заметила она, и это было для него как ушат воды на голову.

– Нет, – машинально возразил он; они снова были брат и сестра: толстеешь, нет, не толстею. Но права была она. С начала осеннего семестра он прибавил в весе десяток фунтов. Ему нужно заниматься спортом. Как только установится теплая погода, он начнет играть в теннис и к весне снова войдет в форму. Мяч будет летать над самой сеткой. Он ей это докажет.

– Я не знаю, что делать!

– Ты говорила отцу?

Она отрицательно покачала головой.

– Это его только обрадует. Кроме того, он что-то такое задумал. Они с Клеем теперь заодно.

Питер был удивлен, увидев за обедом Клея. Никто ничего не понимал. По словам Инид, – ... это произошло абсолютно неожиданно. Мы не разговаривали целую неделю, Клей и я. Он спит на диване внизу. Я на этом настояла. И вдруг этим утром он говорит мне: «Твой отец пригласил нас в Лавровый дом на обед». «Нас обоих?» – спросила я. «Да, обоих», – сказал он и посмотрел на меня ледяными глазами, какие у него бывают, когда он по-настоящему ненавидит, а ненавидит он всех.

– Ну, перестань.

– Нет, в самом деле. Особенно тебя. Он считает, что ты всего-навсего богатенький сынок, дилетант. Он говорил это тысячу раз.

Питер остолбенел. Он думал, что Клей хорошо к нему относится. Во всяком случае, это невыносимо, когда тебя называют дилетантом, особенно если все говорит за то, что тебе и в самом деле уготована такая участь. До июня он в университете. А там у него будет достаточно времени, чтобы решить, кто он и чем ему заняться. Разумеется, он прославится, у него просто нет выбора.

Но Инид не замечала, как он расстроен, ибо была занята собственными проблемами.

– Он, должно быть, звонил отцу. Что-то сказал ему. Чтобы настроить против меня.

– Но что он мог сказать?

– Не знаю. Что это я ему изменила или что-нибудь в этом роде. Он ведь способен на все.

– Тогда скажи отцу правду.

– О чем? – Вопрос Фредерики прозвучал своевремененно, как и все ее реплики. Она стояла у входа в оранжерею. – Что вы здесь делаете вдвоем? Я увидела свет.

– Беседуем, мама. – Инид потянулась к стакану и допила его. – Пошли, – сказала она Питеру. – Расхлебывать кашу.

– Какую кашу? Что произошло?

– Инид все драматизирует, только и всего. – Питер решил не рассказывать матери о том, что услышал от Инид. – Нелады с Клеем, наверно. – Он бросил наживку, надеясь, что рыба не клюнет, но рыба еще как клюнула.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Так я и думала. – Фредерика машинально сорвала высохший листок с дерева. С годами она все больше и больше времени проводила в оранжерее или под открытым небом, придумывая новые террасы, цветочные бордюры, украшая сад скалами, аллеями.

– Почему ты так подумала?

– Это и так ясно – вы только посмотрите на них сегодня. А потом, когда Клей позвонил вчера Блэзу, я сразу поняла: что-то произошло.

– Клей звонил отцу? – Инид была права. Готовится заговор.

– Да, и отец тут же пригласил его на сегодня к обеду Фредерика выключила свет. Снег вихрем налетал на серое стекло. Питер нащупал стебель самой большой гардении и сорвал ее. Зажав цветок между большим и указательным пальцами, он последовал за матерью в гостиную.

– Это еще зачем? – спросил Гарольд Гриффитс.

– Мой талисман, – загадочно ответил Питер. Он положил цветок на боковой столик. Один лепесток уже пожелтел. – Они так недолговечны.

– А, вспомнил: оранжерея. Разве можно так похвалиться своим богатством!

– Завидуешь?

– Ладно. – За последнее время разговоры с Гарольдом не всегда были так откровенны. С каждым годом Питеру становилось все легче предугадывать его остроты. Они сидели рядом и наблюдали, как гости ходят по комнате. Инид разглагольствовала у камина, где царствовала Фредерика под портретом работы Боллини, на котором была изображена она сама в кружевах.

Блэз сидел в углу с Клеем.

– Когда был снят запрет? – спросил у Питера Гарольд.

– Не знаю. Я сам не знаю как удивился: Клей – и вдруг за обедом.

– В некотором смысле это даже жаль. Было что-то внушающее трепет в том, что твой отец запретил клею переступить порог его дома. Это была такая прекрасная... любимая мозоль. – Гарольд явно и сам подивился своему словесному изыску, но, в угоду Питеру, не отрекся от него. – А теперь он все испортил. Как Лайонел Барримор в последнем фильме, где он мирится с Гретой Гарбо.

– Вряд ли это его последний фильм.

– Мой мальчик, я тебя недооценивал...

Пока Гарольд изображал лайонела Барримора, Питер заметил, что на блюде еще остались орехи. Он думал, что съел последний перед обедом. Но тут он увидел еще полдюжины нерасколотых орехов, поблескивающих крупными соли. Он съел их, забирая по два за раз, испытывая удовольствие, когда сразу вслед за хрустом скорлупы зубы погружались в мякоть и во рту возник приятный вкус масла. Он был так поглощен этим занятием, что пропустил начало фразы.

– ... или он струсит?

Питер проглотил орех.

– А ты как думаешь? – Это всегда безопасно: Гарольд любил все объяснять.

– Я думаю, их опять свела политика. – Гарольд все еще говорил о Блэзе и Клее. – Инид сегодня какая-то странная, тебе не кажется?

– Странная? Нет. Она всегда такая. – Два последних ореха были размолоты в солоноватую кашу и проглочены. Ощущая сухость во рту, он спросил Гарольда о газете.

– Она мне надоела. Мне все надоело.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– А как с кино?

– Надоела ли мне жизнь? Нет, еще нет. Меня угнетают эти проклятые политиканы. Все мелют и мелют, будто что-то из себя представляют. Они взаимозаменяемы – большинство из них.

Как только Гарольд впал в обычное для него обличительство, Питер впервые заметил, что, собственно говоря, в комнате вообще нет политических деятелей – дань международному кризису: французский посол, английский экономист, разные журналисты, вернувшиеся из-за рубежа, полные мрачных предчувствий и туманных намеков относительно «определенных элементов» дома, которые стоят за войну или умиротворение – в зависимости от политических убеждений того или иного журналиста. Блэз слушал их всех, но сам говорил мало. До выборов «Трибюн» стояла на позициях изоляционизма, но теперь, подозревал Питер, его отец выступит за оказание помощи Англии – это вопрос времени.

Он следил за тем, как отец разговаривает с Клеем. Опять-таки, что было для него необычно, Блэз слушал, а Клей что-то быстро говорил. Интересно, одолеет ли Клей отца на этот раз. Такая возможность не исключена. По твердому убеждению Питера, жестокость Блэза объяснялась просто: Клей своим браком с его дочерью грубо напомнил ему, что сам он стареет, уступает поле боя, умирает – вопреки бешеной жажде власти, которая стучала у него в груди, как второе сердце.

– Но что же ты собираешься делать? – неожиданно спросил Гарольд. Актер поневоле, он инстинктивно чувствовал, когда внимание аудитории ускользало от него. – Пойдешь работать в газету?

Питера вдруг охватил ужас – так всегда бывало при мысли о будущем, о всех тех тяжелых решениях, какие ему предстоит принять.

– Едва ли. Во всяком случае, не в газету отца. Что я могу поделаться?

Два лета бессистемной работы в отделе городских новостей приводили его в отчаяние. В смысле деловой стороны издания он был безнадежен, иными словами, не заинтересован им. Тем не менее отец принимал как должное посредственные успехи сына; в сущности, Питер подозревал, что он был бы счастлив, если бы сын полностью провалился: это значило бы, что одним молодым соперником стало меньше. Должно быть, отец был разочарован.

– Быть может, я поеду в Нью-Йорк, – неопределенно сказал Питер. Нью-Йорк всегда служил синонимом свободы, опасности реального мира, так не похожего на набивший оскомину Вашингтон.

– Ты-то, конечно, можешь, – зло ответил Гарольд. – У тебя есть деньги.

– Будут, когда мне исполнится двадцать один. В сентябре.

Половину прожитых им лет он ждал того дня, когда наконец сможет делать то, что ему заблагорассудится. Но теперь, когда срок этот был уже близок, он начал испытывать тревогу. Он будет свободен – но для чего? Об этом он не имел ни малейшего представления. В университете он с недавних пор заинтересовался американской историей. Преподаватель, благонаправленный к любому проявлению интереса со стороны одного из своих бесценных питомцев, предложил ему писать дипломную работу на степень магистра, не переставая в то же время исследовать карьеру Аарона Бэрра, портрет которого висел в библиотеке Лаврового дома. Но Питер не мог вынести и мысли о том, чтобы задерживаться в университете. Аароном Бэрром можно заниматься в Библиотеке конгресса, где он проводил теперь порядочно времени, делая заметки и беседуя с Дианой, чей недавний брак все еще ужасал его.

– Я хочу чего-нибудь выпить, – сказал он. На столике за спиной отца стояли бутылки. Наливая себе содовой воды, он услышал, как Клей упомянул про «дополнительные выборы», и понял, что муж его сестры собирается совершить большой прыжок на политическую арену.

– Питер, – Блэз посмотрел на сына. – Садись. Прими участие в семейном совете.

Питер повиновался. «Семейный совет» – значит, Клей делает успехи. Но вид у него не радостный. И не молодой. Правда, Клею сейчас не меньше тридцати (по

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org мнению Питера – средний возраст), и на лицо его жизнь успела наложить свой отпечаток, в то время как лица Питера она еще не коснулась.

– Клей меня сегодня основательно взбудоражил, – улыбнулся Блэз, зрелище весьма редкое.

– А что случилось? – Питера разбирало любопытство. Со стороны отца это неслыханное проявление доброты – так вот моментально снять запрет.

– Я получил некоторую информацию.

У Клея был измученный вид, и Питер подумал, что измены, видимо, сильно утомляют.

– Государственные тайны? – спросил он в ту минуту, когда в комнате раздался громкий хрипловатый смех Инид.

– Завтра они перестанут быть тайнами, – сказал Блэз, игнорируя дочь. Казалось, он был очень доволен, но Клеем или самим собой, Питер не мог определить. – Я же все-таки журналист. – Это было явное преувеличение. – Клей сообщил мне об интересной встрече президента с некоторыми сенатскими лидерами, во время которой он пытался всучить им «ПП 1776» [62 – ПП – палата представителей конгресса США. 1776 – год принятия Декларации независимости США. Название, подчеркивающее исключительную важность законопроекта, который Г. Гопкинс охарактеризовал как «Декларацию взаимозависимости», было предложено самим Ф. Д. Рузвельтом. (См. Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. 1958, с. 392.)], известный нашим читателям под названием Законопроекта о ленд-лизе, или, иными словами: «Растранижим Америку по частям».

– По-моему, пресса должна знать, что он замышляет. – Если Клея заботила этическая сторона его поступка, он этого никак не показал. Он держался с совершенно безразличным видом, и это должно было произвести отличное впечатление на Блэза, который терпеть не мог моральной скрупулезности и излишней обходительности. Не обладая этими качествами, он с подозрением относился к тем, кто был ими наделен. Мысль о том, что Клей и его отец еще могут стать союзниками, чем-то разочаровывала Питера, который не любил разбавленных страстей. Но, очевидно, даже ненависть не является священной.

Сотрудник бывшего польского посольства в Вашингтоне подошел к Блэзу проститься. Поляк был высокого роста, носил монокль, жена его тоже была очень высокая, и тоже с моноклем. Вместе с ними подошла маленькая бледная женщина, которую Питер где-то видел, но не мог вспомнить ее имени. Пока поляки щедро расточали хозяину свои благодарности, их бледная спутница восхищалась комнатой.

– Я здесь впервые, – сказала она, как будто дом был не просто дом, а местная достопримечательность, осмотрев которую можно поставить галочку в путеводителе.

– Что вы говорите! – Блэз отсутствующим взглядом смотрел на нее. – Но вы ведь из Вашингтона?

– О да, конечно. Меня зовут Ирен Блок.

Свое имя она произнесла на французский манер, и Питер сразу вспомнил, кто она такая, и понял значение ее появления в Лавровом доме: его мать Фредерика терпеть не могла выскочек и евреев, за исключением разве что Ротшильдов и Варбургов, которые, часто говорила она изумленно, «такие же, как все». Антисемитизм, в атмосфере которого был воспитан Питер, изрядно выдохся в университете под воздействием его друга – преподавателя истории, но вопреки новоприобретенному либерализму он отвергал мысль об Айрин Блок в гостиной Лаврового дома. Нужны же обществу какие-то принципы. Хотя евреи и интересны в интеллектуальном отношении, что-то в них все-таки не то. Они вроде бы и выглядят не так, как все, и ведут себя неподобающе, как миссис Блок, которая заставила поляков взять ее с собой в дом, где ее не хотели видеть.

– Спокойной ночи, миссис Блэк, – оживленно откликнулся Блэз, намеренно искажая ее фамилию. Поляки откланялись, так и не ведая о своей ошибке, и двери Лаврового дома закрылись за ними навсегда.

Перед Блэзом словно из-под земли возникла Инид. Питер заметил тревогу в глазах Клея. Это доказывало его вину.

Инид стояла чуть покачиваясь, со стаканом в руке. Она слишком много выпила, раньше с ней такого не случалось.

– Папа, как ты нашел сегодня Клея?

– Мы поговорили о том о сем, – нейтрально отозвался Блэз.

– Он сказал тебе, что выдвигает свою кандидатуру в конгресс и что ему нужны твои деньги?

– О деньгах разговора не было. – Блэз держался спокойно.

– Еще будет. Не волнуйся.

Клей поднялся.

– Нам пора, Инид. Идем.

– Идем? Я не собираюсь с тобой никуда идти. Я остаюсь здесь. Можно мне остаться, папа?

– Как хочешь, – холодно сказал Блэз. – Но поскольку Клей твой муж...

– Нет уж, увольте. Ты сделал все, чтобы мы были несчастны. – Эта новая линия предвещала весьма содержательную драму. Предчувствуя недоброе, Клей взял ее за руку, но она оттолкнула его.

– Не прикасайся ко мне, сукин сын, – сказала она мужу.

Блэз с ревом вскочил на ноги:

– Ты напилась! Убирайся вон!

Наступила тишина. Гости все слышали. Инид долго смотрела на отца. Затем повернулась к Клею:

– Забери меня домой.

Клей и Инид вышли из комнаты в сопровождении Фредерики. В гостиной возобновился нервный разговор. Отец и сын стояли лицом друг к другу, но глаза Блэза смотрели вслед дочери.

– Как ты думаешь, – сказал наконец Блэз, как будто Питер был не сын, а гость и его нужно было развлекать, – может ли законопроект о ленд-лизе пройти в палате представителей?

Питер изобразил из себя гостя:

– Думаю, что пройдет. Значительным большинством.

– Я, наверное, поддержу законопроект – с соответствующими поправками, конечно, – сказал Блэз, все еще глядя на дверь, в которую вышла его дочь.

Посмотрев на отца, Питер понял, до какой степени Инид нарушила мужское согласие, установившееся между Блэзом и Клеем. Блэз был беспощаден, и если он захочет покарать, то Инид не поможет никто, кроме Клея, который не станет этого делать, и Фредерики, которая не в состоянии ей помочь. Никто не придет ей на помощь, кроме меня, подумал Питер, и взял с ближайшего серебряного блюда мятную конфету. Мята под горькой шоколадной оболочкой обжигала. Блэз сказал, что он сам напишет редакционную статью в поддержку «ПП 1776», но предложит к законопроекту несколько поправок.

– Мы же не хотим, чтобы Франклин разбазарил нашу страну, правда?

– Разумеется, – ответил сын. – Мы этого не хотим.

III

Бэрден сидел в зале заседаний сената, держа в руке «ПП 1776». Сенаторов выкликали по списку. Голосование законопроекта началось рано. Галереи были переполнены. Прямо над ними сидели Китти и Клей, в ложе прессы величественно красовался Блэз Сэнфорд. Даже самые легкомысленные сенаторы отдавали себе отчет в важности момента. С мрачными лицами, торжественно поднимались они, чтобы сказать «за» или «против», и их голоса гулко отдавались в залитом зеленоватым светом зале.

Это был тяжелый для изоляционистов месяц. Один слишком откровенный сенатор ничем не помог делу, обвинив президента в том, что он «стремился выкорчевать каждого четвертого американского парня». С другой стороны, сторонники вмешательства ничего не выиграли от беспечного заявления Уэнделла Уилки, который, объясняя свой внезапный переход в ряды тех, кто стоял за помощь Англии, назвал свои недавние речи против поджигателей войны – сторонников Нового курса – «предвыборной риторикой».

Тем не менее законопроект, составленный министерством финансов и переданный лидерам большинства на рассмотрение обеих палат, должен был наверняка пройти. Напрасным оказался бешеный вой комитета «Америка прежде всего». Именитые хозяйки салонов злословили о секретном сговоре Рузвельта с англичанами. Католические монахи заявляли, что Гитлер, в конце концов, последний надежный щит против антихриста Сталина. Все было бесполезно. Законопроект должен был пройти.

– Мистер Глэппер.

Приближалась буква «д». Бэрден представил себе на минуту, какое оцепенение охватит всех в зале, если он проголосует «за». Он попадет в заголовки газет, но проиграет предстоящие выборы, хотя, как он подозревал, в душе жители его штата далеко не такие изоляционисты, как их представители в конгрессе. Люди не столь уж твердо стоят за принципы, о которых им не приходится слишком часто задумываться. Европу они недолюбливают из принципа, но достаточно нескольких газетных сообщений об изнасиловании бельгийских монахинь, и они ринутся в бой.

– Мистер Гейз.

Нет, Бэрден не может проголосовать «за». Слишком уж прочна его репутация изоляциониста. И тем не менее он до некоторой степени желал англичанам победы, а Гитлеру – поражения, в отличие от ряда своих коллег, ненавидевших Англию и тайно поддерживавших Гитлера по причинам, никем еще толком не изученным. В крайнем случае Бэрден хотел внести в законопроект поправки, которые ограничивали бы право президента раздавать оружие и другие материалы. Но его поправка провалилась, и он понял, что не сыграл сколько-нибудь значительной роли в этих великих дебатах. Еще год назад он считался консервативным преемником президента и его обхаживали все. Теперь он был одним из девятиста шести сенаторов. Почувствовав вдруг необходимость утешения, он посмотрел вверх на Китти, которая помахала ему рукой.

Никуда не уйти от того, что в тот момент, когда ему следовало бы повести за собой сенат, он этого не сделал. Конечно, этого не сделал и никто другой. Накануне передачи законопроекта на обсуждение он отправился в Белый дом с группой лидеров конгресса. За время этого совещания никто ни разу не спросил его мнения. За исключением сенатора Баркли, выступившего по поводу политической стратегии, все были молчаливо послушны – и он в том числе.

В конце этой встречи Бэрден пожал широкую ладонь президента и сказал:

– Я отменно провел время в Чикаго.

Президент посмотрел на него ничего не выражающим взглядом.

Бэрден не удержался и повернул винт еще на один оборот:

– Мистер Уоллес – отличный выбор с вашей стороны, он не очень популярен, быть может, но я уверен – именно его вы с самого начала имели в виду.

Президента спас сенатор от Техаса, который заставил его торжественно поклясться, что линкор «Техас» никогда не будет отдан англичанам. Президент

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org поклялся.

Конечно, в Чикаго президент обвел его вокруг пальца. Когда унялась первая боль, он даже восхитился искусством, с каким это было проделано. Во время их частной встречи в Белом доме президент держался дружелюбно, говорил явно откровенно, абсолютно доверительно. В пространных выражениях он заявил, что, учитывая влияние и своенравность консервативного крыла партии, кандидатом в вице-президенты почти наверняка должен быть консерватор. Президент назвал несколько возможных кандидатур, первым из них был Бэрден, и он немедленно угодил в ту самую ловушку, какие с непревзойденным мастерством умел ставить другим: наобещать всяческих благ, предоставлять которые вы и не помышляли, с тем чтобы их предполагаемый получатель пребывал в беззаботности и сохранял оптимистическое расположение духа. Покидая Белый дом, уверенный, что будет избран кандидатом в вице-президенты, Бэрден свернул свою кампанию за выдвижение кандидатом в президенты. Если бы он этого не сделал, он мог бы серьезно повредить президенту во время съезда, драматизировав конфликт между левыми и правыми, но он бездействовал, чего и добивался президент. Вспомнив тот день в отеле «Блэкстоун», когда он услышал новость по радио, он почувствовал, как у него поднимается давление и ему становится трудно дышать. К счастью, в этот момент клерк выкликнул его имя, и Бэрден, крикнув «против», облегченно вздохнул и получил в виде вознаграждения за непримиримость вспышку аплодисментов с галереи. Малое признание лучше никакого.

При окончательном подсчете голосов оказалось шестьдесят за ленд-лиз, тридцать один – против. Президент снова выиграл.

День был ясный, но прохладный. Весна запаздывала. Обычно к марту зацветали нарциссы и форзиции. Но в этом году зима, против обыкновения, затянулась. Лужайки и сады вокруг Капитолия были унылого коричневого цвета. Вместе с Клеем Бэрден шел в административный корпус сената. Пикетчики, агитировавшие против нацистов, за оказание помощи Англии, разошлись по домам, и лишь флаги комитета «Америка прежде всего» одиноко мотались в воздухе: ими размахивали сердитые молодые люди и хорошо одетые матроны.

– Так я и предполагал.

– У нас не было шансов, – небрежно бросил Клей.

Бэрден подозревал, что Клей стоял за участие Америки в войне. Никто из этих молодых людей не представляет себе, что такое современная война. Он это знает. В качестве новоизбранного сенатора он совершил поездку по полям сражений во Франции, видел трупы, гниющие в грязи, повисшие на колючей проволоке, слышал свист и разрывы снарядов, дышал отравляющими газами. Как это непохоже на битву при Шайлоу, где человек с винтовкой мог сражаться за свою честь на равных условиях с другим точно так же вооруженным человеком, вдохновляемым той же идеей. Теперь все совершенно иначе. Ничего похожего.

Один из пикетчиков комитета «Америка прежде всего» сердито взмахнул своим плакатом прямо перед носом Бэрдена.

– Я сенатор Дэй, – чарующе улыбнулся сенатор в надежде, что молодой человек узнает в нем союзника.

– Это вы, проклятые евреи, хотите втянуть нас в войну! – крикнул фанатик.

– О господи! – Бэрден поспешил прочь, следом за ним шел Клей, которого эта сцена немало позабавила, – Спаси нас, боже, от наших обожателей.

Но только очутившись в своем кабинете, надежно защищенный миссис Блейн, этим буфером между ним и толпой журналистов, которые требовали комментариев, толпой сторонников, которые требовали утешения, Бэрден смог наконец взять себя в руки и высказать то, что хотел сказать всю эту неделю. Стоя возле бюста Цицерона с газетой «Нью-Йорк тайме» в руках, будто то был текст речи, которую он собирался произнести, он спросил:

– Это правда, что Инид ушла от тебя?

Клей ответил мгновенно:

– Нет. Она уехала на несколько недель в Нью-Йорк. Повидать друзей. Вот и

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org все.

Бэрден почувствовал облегчение, хотя знал, что способен радоваться бедам тех, кого он любил. Он положил газету, повернулся спиной к Цицерону и лицом к Клею, который присел на край письменного стола, поигрывая ножом для бумаги.

– Рад слышать. Но ты должен что-то предпринять, чтобы пресечь слухи.

– Что же это за слухи?

– Что ты... – Бэрден почувствовал себя неловко. Он не привык обсуждать с кем бы то ни было, особенно с другим мужчиной, сексуальные проблемы. – ...спутался с какой-то женщиной, и Инид поймала вас *flagrante delicto*[63 – На месте преступления (лат.)], так сказать.

Клей даже не переменился в лице.

– И кто эта женщина?

– Как будто бразилианка. Жена дипломата. Послушай, я лишь повторяю то, что слышал, а уж если я это слышал, значит, слышали все, потому что я не бываю... среди молодежи или среди посольской публики. – фраза доставила ему удовольствие, за ней вставал образ обходительного, старомодного государственного мужа с лицом Эмерсона и привычками святого.

– Все это неправда. – Клей сделал паузу, словно подыскивая нужные слова. Само собой разумеется, он лжет, подумал Бэрден. – Но что толку? Какое отношение имеет правда к репутации, а мы ведь говорим об этом, так?

Бэрден кивнул.

– Тебе предстоит трудная борьба. Если Инид вздумает устроить скандал, она сведет к нулю твои шансы на выборах.

– Не думайте, что я этого не понимаю. – Клей вдруг стал очень юным, у него сделался очень жалкий вид.

А Бэрден, желавший выразить ему свое сочувствие, ответил почему-то холодно и резко:

– Семья священна, особенно во время выборов, особенно в твоём округе, где полно этих озверелых баптистов, погрязших в греховных мыслях. Ты должен выставить свою кандидатуру как добрый, безукоризненный семьянин.

– Но стоит ли игра свеч? – Крик сердца, но, бывает, сердце тоже лжет, подумал Бэрден.

– Конечно, стоит, – сказал он. – Как Блэз?

– Похоже, мы теперь в хороших отношениях. Он даже приглашал меня обедать в Лавровый дом.

– Ты говорил с ним о выборах?

Клей кивнул:

– Он заинтересовался. Или сделал вид.

– Но если Инид расскажет ему о твоей неверности...

– Думаю, уже рассказала.

– И он ничего не сказал?

– Мне – ничего. Он почему-то зол на нее.

– Станный человек. На твоём месте... – Бэрден задумался. Он не любил давать советы, особенно хорошие советы, так как именно они отвергаются прежде всего. – ...я бы постарался установить хорошие отношения с твоим тестем. И извинился бы перед Инид.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org

– Извиниться? – Клей холодно посмотрел на него.

– Ты хочешь, чтобы она развелась с тобой?

Клей не ответил.

– Конечно, ты этого не хочешь. Не сейчас, во всяком случае, когда ты только начинаешь.

– Мне кажется, я угодил в ловушку.

Бэрден сдержался и не сказал, что ловушка была расставлена самим Клеем. Женатый человек, который приводит к себе в дом любовницу, – дурак. Он вдруг подумал, что, может быть, он переоценил Клея. Но, видя, в каком тот жалком состоянии, проявил мягкость.

– Если сомневаешься, не предпринимай ничего. Я уверен, раз Блэз на твоей стороне, Инид никуда не денется. Кроме того, есть и ребенок. – Именно это принято говорить в подобных случаях, подумал Бэрден; правда, ему как адвокату было отлично известно, что благополучие детей – главное оружие, хотя и последнее соображение в конфликтах между родителями.

Затем Бэрден дал Клею инструкции: встретить двух избирателей на вокзале Юнион-стэйшн и проводить их в его дом в Рок-Крик-парке, где ими займется Китти. Сам он присоединится к ним не позже шести.

– А теперь я иду к доктору.

– Вы нездоровы?

Бэрден, который никогда не чувствовал себя лучше, не смог удержаться от загадочной улыбки.

– Давление, слишком много сахара, склеротические артерии – обычные радости шестидесятилетнего человека. – Он помахал ему на прощанье. Выходя из кабинета, он не забыл сделать вид, что каждый шаг дается ему с трудом.

Выйдя на улицу, Бэрден быстрым шагом дошел до ближайшей стоянки такси и назвал шоферу адрес в Джорджтауне. Настроение у него было необычайно приподнятое – благодаря свежему мартовскому дню, пусть и отложенным на будущее, но все еще живым политическим надеждам, ощущению, что его тело все еще способно испытывать наслаждение, несмотря на повышенное давление и не бог весть какие сосуды.

Немузыкально насвистывая себе под нос (у него абсолютно не было слуха), Бэрден расплатился с таксистом, щедро наградив его чаевыми. «Спасибо, сенатор». Обычно он был рад, когда его узнавали, но только не сегодня. Тем не менее он добродушно похлопал шофера по руке, решив про себя, что в следующий раз он назовет совсем другой адрес, а затем пройдет пешком до дому, перед которым он сейчас стоял. Это было здание восемнадцатого века из розового кирпича, со ставнями и свежеевыкрашенной черной парадной дверью в классическом стиле. Предварительно посмотрев направо и налево Бэрден поднялся по ступенькам и нажал кнопку дверного звонка. Негр-дворецкий в белом сюртуке впустил его, улыбаясь во весь рот от удовольствия при виде сенатора.

Бэрден поднялся за ним по лестнице на второй этаж и был введен в обшитый панелями кабинет со стеллажами, на которых стояло, пожалуй, чересчур много книг в кожаных переплетах. В камине горел огонь. Перед камином стоял накрытый для чая столик – все богато и изысканно, быть может, чересчур изысканно для Бэрдена, привыкшего к собранным на скорую руку завтракам Китти.

Она вошла в комнату, слегка запыхавшись, протягивая к нему руки.

– Милый! – воскликнула она своим приятным голосом, из которого исчезли почти все признаки ее происхождения. – Ты пришел слишком рано. Нет, как раз вовремя. Минута в минуту. Это я опоздала.

Она поцеловала его в щеку. Он встрепенулся от ее запаха. Да, сегодня все

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org будет в порядке. Он был уверен в этом, как всегда возбужденный ее манерой держаться (внимательной и даже заботливой) и ее фигурой (ладно и аккуратно скроенной). Больше всего ему нравилась ее бледность. Она, наверное, вовсе не пользовалась косметикой, а если и пользовалась, то так осторожно, что казалась...камелией – слово это неожиданно вызвало в его воображении образ ярко-розового цветка. Но, конечно, существовали и белые камелии.

– Садись. Будем пить чай.

Бэрден сел на свое обычное место на диване возле огня. Она села рядом с ним и стала разливать чай – она, не спрашивая, знала, сколько кусков ему положить: два или один, с молоком он пьет или с лимоном. Вот уже с год они время от времени встречались, и их близость не оставляла желать лучшего. Время от времени, как как они предпочитали встречаться, когда ее мужа не было в городе, хотя тому это было безразлично. Бэрден предпочитал предаваться чаепитию спокойно, в уверенности, что им не помешают.

Они с нежностью говорили об отсутствующем.

– Он сегодня в Джерси. В своем торговом центре.

Она произнесла слово «центр» с ударением, одновременно вышучивая и подчеркивая источник своего немалого богатства. Ее муж и вправду был князем от коммерции, и это производило на Бэрдена впечатление. К счастью, князь боготворил свою княгиню и предоставлял ей полную свободу, зная, что она никогда не скомпрометирует его и не поставит в неловкое положение. И он был прав. Она была необычайно осмотрительна. Лишь самые злоязычные вашингтонские дамы могли бы увидеть в их нерегулярных дневных встречах в Джорджтауне нечто большее, чем проявление открытой дружбы между дамой с претензиями на светскость и известным сенатором, в благоразумии которого не приходилось сомневаться. На худой конец, их встречам могли приписать политический смысл. Для лавочника было бы весьма заманчиво влиять через жену на сенатора, довольно беспечно управлявшего округом Колумбия с помощью малозначительного сенатского комитета, нерадивым председателем которого являлся (что без особой гордости сам признавал), служа мишенью для постоянных нападков со стороны общественных организаций. К счастью для него, всякий раз, когда они встречались за чаем, в их разговоре ни разу не всплывали такие замысловатые вопросы, как автономия для округа Колумбия или налог с товарооборота. Только великие мировые проблемы обсуждались здесь за чаем, к которому подавали изысканные сэндвичи с кресс-салатом и шоколадное печенье от Губерта.

– Представляю, каким ударом явились для тебя итоги голосования! – Она с нежностью глядела на него удлинненными блестящими, словно на иконе, глазами.

– Это не было для меня неожиданностью, у нас не было шансов на победу. Я рассчитывал, что смогу внести поправку к законопроекту и не дать Рузвельту бесконтрольно разыгрывать из себя щедрого Санта Клауса, но... – Он пожал плечами. – С другой стороны, я в некотором смысле рад, что мы помогаем Англии. – Он обожал ее в этот момент. Она была со всем согласна, не в пример другим вашингтонским дамам, которые произносили целые речи, когда расходились с сенатором по политическим вопросам. О нет, она была совсем не такая. Она словно за все извинялась. Совершенно неожиданно он поцеловал ее в щеку и чуть не потерял равновесие, так как, придвигаясь к ней, он провалился в промежуток между толстыми диванными подушками. К счастью, чай не расплескался.

– Ты... – Ему хотелось сказать ей что-нибудь приятное, но его сердце так и прыгало в груди от этой досадной оплошности, и он не мог придумать ничего изысканного и только сказал: –...выглядишь сегодня так хорошо. – Затем, чтобы хоть как-то сгладить случившееся, он взял ее руку и поцеловал как бы в залог того, что было еще впереди. Поразительно, что так поздно в жизни он сумел найти нечто столь глубоко его удовлетворяющее. Больше того, в возрасте, когда он уже считал себя совершенно свободным от всех требований плоти, он как бы снова стал или почти стал мальчиком.

С нежностью, в тон его настроению, она стала вспоминать их первую встречу. Какое впечатление он на нее произвел! Он же, со своей стороны, не мог вспомнить, когда они встретились впервые. Ему казалось, что он всегда знал ее и видел в разных домах. И вот в один прекрасный день, незадолго до чикагского съезда, она пригласила его на чай. Усталый и раздраженный от

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org запутанных политических маневров, целью которых было попасть в вице-президенты, он встретился с ней в розовом саду за домом, и после мятного чая со льдом они чуть не стали любовниками.

Он слегка нахмурился, ожесточенно вгрызаясь в сэндвич с огурцом. На первых порах он был обескуражен. Но положение спасла ее тактичность. Она была во всех отношениях чудесна. С тех пор их свидания напоминали русскую матрешку. Никто из них не знал, будет ли он способен на самое главное, но эта неопределенность не сковывала его, а лишь придавала еще больше пикантности любовной игре. Во всяком случае, у нее было столько достоинств, она была так чутка, так все понимала.

При мысли о любовной игре Бэрден испытал острое желание и внезапный подъем всех чувств. Это будет памятная встреча, сказал он себе. Нет сомнений. Он едва мог дождаться того момента, когда она поведет его в спальню, где стояла кровать с четырьмя стойками для полога и из окна было видно буквое дерево, которое время от времени стучало своими ветвями по оконному стеклу, напоминая ей о том, что их надо подрезать, а ему – о всецело забытом внешнем мире.

– Как клей? – Ей сперва надо было пройти через положенный ритуал: как поживает тот, видел ли ты этого. Торопить ее не следовало. Он ответил, что Клей в приподнятом настроении, но она нахмурилась.

– Странно. Я видела их недавно в Лавровом доме.

Бэрден изумился. У него было такое впечатление, что она с Сэнфордами незнакома.

– Ты была там? – почти бестактно спросил он.

– Да, после обеда. Заглянула ненадолго. С друзьями. Я люблю Блэза, а уж их дом и подавно. Ma foïl[64 – Ей-ей! (фр.)].

На Бэрдена производило впечатление, хотя и немножко коробило то, что она время от времени вставляла в свою речь французские фразы, которым, по ее словам, она выучилась за одно лето в Париже в школе для *jeune filles*[65 – Девушек (фр.)]. Хотя Бэрден не знал ни слова по-французски, все же по некоторой интонационной вялости фраз и странным носовым звукам он мог догадаться, что произношение у нее не блестящее. Но ему импонировало ее честолюбие. Столь немногие из Вашингтонских дам делали усилия чему-нибудь научиться. Они изрядно выпивали, громко смеялись, знали все сплетни, дискредитирующие сильных мира сего, – и на этом точка: деревенские бабы, живущие не в городе, а в супердеревне.

– У меня сложилось впечатление, что она...что Инид была немножко навеселе.

– Я еще помню те времена, когда женщины не пили на людях. – Бэрден отвечал слегка невпопад, хоть и знал, что эта нехорошая привычка – верный признак старости.

– Я никогда не пью. – Робко промелькнувшая улыбка свела к минимуму самодовольство ее слов.

Бэрден продолжал вспоминать Вашингтонскую старину.

– До войны мы и слова такого не знали – прием с коктейлями. Приглашали на чай, и подавали чай. Конечно, в некоторых именитых домах подавали вино, и после обеда мужчины могли пить, но не женщины. Так ты говоришь, Инид была пьяна?

– Я не знаю ее достаточно хорошо, чтобы утверждать наверняка, но мне так показалось. Как видно, они с Клеем не в ладах. – Она смотрела на него пронизательным взглядом, зная, что он и сам все знает.

– Не в ладах? – Прирожденная осторожность давала себя знать даже сейчас.

– До меня дошло – люди ведь любят болтать языком, – что у Клея был роман с замужней женщиной, какой-то латиноамериканкой.

– Что-то мне не верится. – Бэрден спрашивал себя, неужели Клей и в самом

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
деле такой дурак. Ни одна женщина не стоит того, чтобы пожертвовать ради нее голосами избирателей, а уж тем более карьерой.

– Мне говорили, что уже после того, как я ушла, в Лавровом доме была жуткая сцена и Блэз ударил Инид на глазах у всех.

– Ударил? Вот уж этому я никак не поверю. – Блэз вспыльчив, но, как и он сам, без ума любит дочь. Бэрден старался не думать о Билли Торне: давление у него и без того поднялось.

– Но это было! Люди видели!

– Люди часто преувеличивают. Что сделала Инид?

– Уехала вместе с Клеем. Как все это ужасно!

– Я думаю. – Внезапно почувствовав прилив сил, он обнял ее, стал целовать в губы, в шею. Она ответила ему с такой горячностью, что из пряди волос, прикрывавшей ее правое ухо, выпала шпилька. Каким-то сверхъестественным образом она почуяла это и поправила ее одной рукой, а другой оттолкнула от себя столик.

Бэрден вскочил на ноги, чувствуя, как неожиданно гибкими стали его мышцы. Секс омолаживает. Бернар Мак-фадден прав. У него кружилась от желания голова.

– Я не в силах ждать, – сказал он.

Внезапно ее лицо побледнело. Когда он протянул руки, чтобы обнять ее, глаза ее расширились от ужаса. Она попятилась, словно перед ней был палач.

– Что случилось, Айрин? – Его голос звучал слабо и как бы издали. «Что случилось?» – спросил он себя, почувствовав вдруг, как лицо его оледенело и он медленно, не спеша осел на пол, потянув на себя скатерть с чашками и блюдами. Какой-то бесконечно долгий момент он лежал на дне бездны, и ему казалось, будто волны какого-то огромного потока уносят его, что, впрочем, не лишено было приятности. Высоко над ним светлело белое лицо, сквозь шум прибоя собственной крови слышался голос:

– Скорее! Сенатор... Вызовите врача! Он в обмороке!

Чувствуя себя как нельзя более покойно и нисколько не встревоженный, Бэрден уплывал по течению. Если это смерть, вяло подумал он, то ничего страшного в ней нет.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

Сквозь голые зимние деревья – белое солнце. Верховая тропа густо усыпана прелыми листьями, скользкими и коварными: под ними таятся камни. Лошадь Питера вдруг оступилась и чуть не упала.

– Осторожней! – сказала Диана.

Он разозлился:

– Что «осторожней»?

– Тут повсюду камни, – робко сказала она.

– Ну и что? Мы либо сломаем себе шею, либо не сломаем.

Им попался ручей, приток Рок-Крик. Лошади осторожно ступили на мелководье. Учащенно дыша, взяв в шенкеля бока лошади, Питер ждал: вот-вот она поскользнется, упадет и череп его разлетится на куски. Но его смирный мерин не выказывал ни малейшей склонности к авантюрам. Они благополучно перебрались на тот берег; тут в рожице стояли столики для пикников, они

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org никогда не убирались и выглядели весьма сиротливо в этот декабрьский день.

Питер облегченно вздохнул и вдруг почувствовал себя счастливым.

– Это мы хорошо придумали – отправиться на прогулку верхом.

– Я люблю кататься. Особенно по парку в это время года. Никого нет. – У Дианы недавно появилось отвращение к людским сборищам и к незнакомым людям – незаразная агарофобия, шутила она.

– Да и день такой солнечный! Где-то здесь должен быть дом твоего отца.

Она указала на серо-зеленый холм, густо поросший бурыми деревьями.

– Вон там, наверху. Отец так любит его. Он построил его сам, ты знаешь. Еще до кризиса.

– Как его здоровье? – для Питера не существовало никаких других домов, кроме Лаврового.

– Физически он в порядке. Никаких последствий удара незаметно.

– А что не в порядке?

Она нахмурилась:

– Мир, наверное. Он от него не в восторге.

– А ты?

– А я и подавно. Но такой уж он есть, приходится в нем жить. Беда только, отец, похоже, больше не верит, что живет...

– Мне кажется, мой отец хочет выдвинуть его кандидатуру на президентских выборах в сорок четвертом году.

– С этим покончено. – Ее голос звучал твердо и убежденно.

– Почему ты так уверена?

– Времена не те. – Она была безжалостна. – Он теперь для людей никто. – Но она умела быть и любящей дочерью. – Он очень добрый, ты знаешь, можно сколько угодно не соглашаться с его политической линией, но у него самые лучшие побуждения.

– Только не говори об этом Билли.

– Билли. – Она произнесла имя мужа как совершенно посторонний человек. Ее щеки размяклились от свежего воздуха. На лошади, в седле, в брюках для верховой езды она выглядела необычайно цветущей – пожалуй, ни с кем из близких ему людей, за исключением Инид, он не чувствовал себя так легко и свободно. Во-первых, они отлично ладили друг с другом; во-вторых, то, что между ними никогда ничего не было, делало их встречи приятно многообещающими.

– Билли доволен своей работой? – спросил Питер, ожидая услышать отрицательный ответ.

– Да. – Она сказала это как-то чересчур поспешно. – Мы так благодарны твоему отцу.

Проходив год без работы, Билли Торн устроился в «Трибюн» литературным правщиком. Почти одновременно с ним – Питер, бакалавр искусств, начал работать там же в отделе рекламы; ему поручили продавать рекламодателям пустую газетную площадь – пустое дело, в точности соответствовавшее своему названию. Но поскольку он не имел на примете ничего лучшего, а болтаться без работы считалось предосудительным, он продавал пустую площадь и жил на свои доходы. В другое время он уехал бы в Европу, но Европа для туристов больше не существовала – Гитлер проглотил ее почти целиком. Лишь Иберийский полуостров оставался неоккупированным, но и тот ждал своей очереди, как только капитулирует Россия. Немецкая армия находилась в каких-нибудь

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org тридцати миллионах от Москвы, полный конец Европы был предreshен. Подобно многим американским политическим тузам, отец Питера колебался между отчаянием в связи с бесконечными успехами Гитлера и страхом перед возможностью поражения его армий в России.

– Как тебе кажется, Билли нравится то, что он делает в газете?

Питер ответил, что он редко видится с Билли – это была правда, – «но все считают его способным работником».

– Ну, еще бы!

– И невыносимым.

– Ну, конечно, и это тоже. – В голосе Дианы слышалась не обида, а скорее усталость. Есть женщины, отметил про себя Питер, находящие удовольствие в том, чтобы иметь мужей, которых никто не любит. Но Диана не из таких. Ей хотелось быть женой издателя «Американской мысли», и то, что она вынуждена была довольствоваться столь малым, не вызывало у нее прилива нежных чувств к трудному мужу.

Переезжая шоссе, они увидели две автомашины. В одной из них громко работало радио; пассажиры другой стояли поодаль и слушали. Лошадь Питера шарахнулась от шума. Питер сердито прищипорил ее.

Лишь в три часа дня, вернувшись в конюшню и сдав взятых на прокат лошадей конюху, они узнали, что японцы бомбили американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор на Гавайских островах.

– Значит, теперь и мы воюем! – ликовала Диана. Как Билли и все сторонники Нового курса, она с нетерпением дожидалась того момента, когда Соединенные Штаты вступят в войну.

– Да, теперь мы воюем, – отозвался Питер, стараясь говорить как можно спокойнее. Он был потрясен. Не может быть, чтобы хитрая маленькая страна Япония, известная лишь своими хитрыми маленькими игрушками, напала на избранную богом страну, породившую автомобиль, небоскребы, Боулдер-Дам, извивающуюся Джефферсонову стену в Шарлоттсвилле, целлофан и рубленые бифштексы, которые они с Дианой ели на завтрак (и которые рекламировались как «не самые лучшие, но лучше остальных»). Немыслимо, чтобы все это пошло прахом. Ему вдруг привиделись японские солдаты в апельсиновых рощах Калифорнии и немецкие фашисты на берегах Потомака. При мысли о национальной катастрофе у него перехватило дыхание. На холмах долины Шенандоа он соберет партизанский отряд, чтобы задержать механизированные фашистские автоколонны, продвигающиеся от Вашингтона на Норфолк, к новоявленному Германскому морю. Потом он увидел себя убитым в горах Блу-Ридж, и это ему очень не понравилось. Но он легко нашел выход: достаточно было снабдить эту сцену музыкальным сопровождением и голосом диктора, который торжественно вещал: «Героизм предстал перед нами в новом свете, когда Питер Сэнфорд в одиночку атаковал вражеские позиции...» Мгновенная смена кадра – и он увидел себя с винтовкой, ручной гранатой и противоголозом... Нет, противоголоз скрывает его лицо. Он сорвал его.

– Пойдем к отцу, – деловито сказала Диана. Если кто и заставит нас увидеть героизм в новом свете, подумал Питер, так это она.

Сенатор и Китти сидели у приемника в кабинете наверху и пожирали его глазами.

– Этого не может быть! – сказала Диана.

– Боюсь, что это правда. – Сенатор поднял на нее глаза. Он был очень бледен. – Здравствуй, Питер.

– Не хотите кофе? – спросила Китти. – Вы хоть позавтракали как следует? Уж наверное, нет. Наверняка ели какую-нибудь дрянь в закускойной.

– Ах, мама, замолчи, пожалуйста! – Питер и Диана уселись перед приемником.

Но с Китти не так-то легко было разделаться.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Нынешние дети едят так неразумно. Ты только взгляни на них. Питер толст, как свинья.

Питер ощутил, как в нем, заглушая мировой кризис, закипает ярость. Как все, он знал о чудесном даре Китти выкладывать, что у нее на уме, но от этого ее высказывания не делались менее оскорбительными. Он действительно был полноват сверх меры и страшно досадовал на себя за это, но ведь еда такое удовольствие, а раз его привлекательность в глазах девушек от этого как будто не страдала, он не хотел ограничивать себя в еде и огорчался лишь в тех редких случаях, когда видел у себя в зеркале округлившееся брюшко и твердые, но, несомненно, слишком развитые груди. Зато в эту зиму он чуть ли не каждую субботу ездил верхом, а весной собирался всерьез заняться теннисом. Никто не может упрекнуть его в том, что он ничего не делает, чтобы поддерживать себя в форме.

«...президент проводит сегодня вечером совещание кабинета, а также совещание обеих партий конгресса...»

– Мне надо быть на Холме, – сказал Бэрден вставая. – Мое присутствие на совещании необходимо.

«...и выступит завтра перед обеими палатами конгресса. Как ожидают, президент будет требовать у конгресса объявления войны».

– И он своего добьется. Он всегда этого хотел. – Сенатора приводила в бешенство сама мысль о том, что президент своими преступными действиями коварно вовлек страну в войну, исход которой невозможно предугадать.

– Кто бы мог подумать! – Новость наконец-то дошла до Китти; теперь на какое-то время она будет озабочена не только тем, что происходит в узком кругу ее семьи.

Сенатор выключил приемник.

– Я буду в сенате. – Он поцеловал Китти.

– Мне пойти с тобой?

Это было до того неожиданно, что сенатор в равной мере растрогался и удивился.

– Нет, дорогая, спасибо.

– А вдруг они будут бомбить Вашингтон? – Голос Китти звучал тревожно. – Они это могут?

– Конечно, нет, – не задумываясь, ответил Питер. Он повернулся к сенатору: – Ведь это невозможно, правда?

– Все зависит от того, где находятся их авианосцы и на какой риск они готовы идти. На мой взгляд, раз они могли разбомбить нашу крупнейшую военно-морскую базу, то и с беззащитными городами они смогут делать все, что им вздумается. Видишь ли, – он чуть заметно улыбнулся, – мы не готовы к войне. Несмотря на то что мы столько о ней болтали и... так ждали ее, нам нечем воевать. Случилось как раз то, о чем часто говорилось в Чатокуа [66 – Традиционные встречи общественности в Чатокуа (штат Нью-Йорк), где на берегу одноименного озера под открытым небом проводятся лекции, концерты и т. д.]: президент пожал бурю.

На этой драматической ноте сенатор распрощался. Понимая, что до таких высот ему не дотянуть, Питер скромно вызвался проводить Диану домой. В торжественном сознании того, что как раз сейчас, в этот момент творится история, они вышли из дома, отказавшись от кофе и от пирога-перевертыша, который испекла Китти. Для Питера отказ от сладкого знаменовал начало новой, спартански суровой полосы в его жизни; леность и чревоугодие он сменит на силу и воздержание и скажет миру свое слово о том, что такое героизм.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
В административном корпусе сената собралось немало сенаторов и их помощников. Никто толком не знал, для чего нужно было сюда приходиться. В конце концов, война или не война, сегодня суббота, и все, что оставалось делать, – это сидеть возле приемника и ловить новости. Но подобно солдатам, посланным на бастион, который нужно удержать во что бы то ни стало, они сошлись на Капитолийском холме и заняли позиции, предаваясь мрачным размышлениям о будущем страны, на которую замахнулся дерзкий и удачливый захватчик.

Отвечая журналисту в коридоре внизу, Бэрден сказал:

– Разумеется, мы все за президента. В эту субботу нет ни изоляционистов, ни интернационалистов. Есть только...американцы. – Он почувствовал, как встали дыбом коротко остриженные волосы у него на затылке, до того его прохватили собственные слова. Вот какой это великий, пусть даже опасный для всех момент.

Его остановила знакомая фигура, маячившая напротив двери в его приемную.

– Привет, сенатор.

– Привет, привет. – Бэрден забыл, как зовут этого старика, но помнил, что лет тридцать назад он был силой в сенате, внушительной личностью, каких ему редко приходилось встречать. Теперь, одряхлевший и неприкаянный, старик бродил по Капитолию, словно разыскивая свое прежнее «я». Как все бывшие сенаторы, он имел право свободного входа в сенат и часто, когда зал заседаний был почти пуст, садился на свое старое место и, прямой как палка, с торжественным видом слушал какую-нибудь нудную речь. Досадуя на себя, Бэрден вспоминал и никак не мог вспомнить его имя, а потому в конце концов назвал его просто «сенатор», употребив звучный титул, который каждый из них, будь он еще у дел или уже на покое, пронесет до самой могилы.

– Я был поблизости... – начал старик.

– Заходите, сенатор. Рад вас видеть. – Испытывая непреодолимую потребность в обществе – все равно каком, – Бэрден провел благодарную тень прошлого в свой кабинет.

– Чья же тут была приемная? – вслух размышлял старик, сдвинув брови и собрав бледный лоб в глубокие морщины. Бэрден тем временем пытался дозвониться Клею. – Уж не мистера ли Вардамана от Миссисипи? Похоже, что так. Да, так оно и есть на самом деле. – Старик коротко рассмеялся. – Он носил длинные волосы до самых плеч, да. Великолепной внешности был человек, если только вы не против длинных волос. – Старик медленно опустился в кожаное кресло. На нем был сюртук и полосатые брюки, какие носили в прежние времена; кусок яичницы на правом лацкане вполне мог сойти за звезду иностранного ордена.

Клея не было в номере, который он снимал в отеле «Уордмен-парк». Бэрден подумал, не позвонить ли Инид, но решил, что не стоит, и позвонил Блэзу.

– Ну что ж, этот мерзавец своего добился. Он втянул нас в войну. – Голос Блэза звучал хрипло, словно он перед тем много пил. – Я просматриваю телеграфные сообщения. Мы потеряли весь тихоокеанский флот. Между Лос-Анджелесом и Японией у нас ничего нет, понимаешь, ничего! Ни лодки, ни пушки. Вот какой он военный гений!

Бэрден поинтересовался, что еще слышно нового; его тревога росла. Похоже, японцы наступали на Филиппинах, в Малайе, на Гуаме, на острове Уэйк и в Гонконге, и ни англичане, ни американцы не могли их остановить.

– Мы потеряли Тихий океан. Наше счастье, если мы сумеем задержать их у Скалистых гор. Поговорим попозже. – Блэз положил трубку.

У Бэрде на кружилась голова. Это было невероятно. Тут позвонил Клей и сказал, что он сейчас приедет.

– Да, в тысяча девятьсот семнадцатом году было совсем не то, – безмятежно рассуждал старик. – Конечно, мистер Вильсон тоже напрашивался на войну, вроде мистера Рузвельта. Помните конференцию в Санрайзе – а может, это было еще до того, как вы стали сенатором? Нет, вы уже были в сенате, я точно

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org помню. Этот малый далеко пойдет, говорил я сенатору Доджу, и я рад, что оказался прав. Вы выдержали свою линию и остались верны самому себе.

Бэрден пытался дозвониться до лидера большинства, а старик продолжал говорить о первой мировой войне и вероломстве Вильсона, причем так, словно все это было только вчера; потом он перешел к нынешним временам и заговорил о том, как все изменилось.

– Посмотрите на теперешний сенат и только подумайте, чем он был тогда! Олдрич, Джим Рид, Лафайет-младший. Тогда были настоящие ораторы. Настоящие дебаты. – Старый голос внезапно окреп – таким, наверно, он был в те счастливые дни до эры громкоговорителей и усилителей, когда политическому деятелю приходилось без помощи микрофона заполнять большой зал грохочущей медью собственного голоса. Телефон лидера большинства был занят.

Дверь в кабинет открылась, из-за нее выглянула голова Джесса Момбергера.

– Я так и думал, что вы здесь. Я вам не помешал?

– Нет, – сказал старик, поняв, что настал момент изгнания духов. Он поднялся и взял руку Бэрдена своей невесомой, как бумага, рукой. – Вы должны зайти к нам, сенатор. Мы – я и жена – живем в отеле «Конгрешнл-армс». Все будет как встарь, когда мы обсуждали проект денежной реформы. Помните? Только теперь мне по-настоящему удалось решить эту проблему. Видите ли, у меня было достаточно времени, чтобы хорошенько подумать. Никаких условных денег, никакой бумаги. Только медная и платиновая монета. Вот ключ к здоровым финансам. – И он с изяществом предоставил живых их суете.

– Меня ждет та же участь, – сказал Момбергер, – если только бог не рассудит иначе. Да и вас тоже.

Бэрден отрицательно покачал головой.

– Когда я отсюда уйду, я уж больше сюда не приду. Слишком больно.

– Все так говорят, и все приходят. Если и есть что-нибудь бесполезнее вышедшего в тираж американского сенатора, то такую вещь на выставке показывать надо.

– Вы уже получили уведомление?

Бэрден покачал головой.

– Я все пробую дозвониться до лидера большинства. Все линии заняты.

– И из Белого дома ничего?

– Ничего. Но я буду здесь. На девять вечера назначено совещание лидеров конгресса. Так что я готовлюсь.

– Чудно. Вот не думал, что может такое случиться. – Рука Момбергера лежала на голове Цицерона – он считал его неудачным скульптурным подобием своего старого друга Уильяма Дженнингса Брайана.

– Похоже, он тоже не думал. Я говорю о президенте.

– Он изрядный стервец, но мне не верится, чтобы он умышленно угробил весь наш флот. – В душе Момбергер был приверженцем Нового курса. В результате отношения между ними зачастую были натянутыми, тем более что президент старался сделать так, чтобы все благодеяния их штату шли через Момбергера – обстоятельство, отнюдь не облегчавшее Бэрдену его переизбрания в 1944 году.

– Даже Франклин может просчитаться. – Бэрден сказал это нейтральным тоном. Он мог себе это позволить. На президенте лежала прямая ответственность за величайшее поражение, нанесенное Соединенным Штатам со времени войны 1812 года. Чего доброго, против него еще возбудят процесс импичмента. – Мы все должны сплотиться вокруг него, – сказал Бэрден.

Они сидели молча; время словно остановилось в канун этого зимнего вечера, и им оставалось только ждать, когда президент позовет их в бой.

– Между прочим, как ваше здоровье? – По голосу Момбергер был участливый друг, но Бэрден знал, что перед ним всего-навсего небеспристрастный политический деятель.

– Как нельзя лучше. – Это была почти правда. – Собственно говоря, у меня был не удар – это была неправда, – а так называемая временная закупорка сосуда в мозгу, что-то вроде спазма. – Это было мягко сказано. – Неделю-другую были затруднения с речью, но этим все ограничилось. – Ограничилось? Он до сих пор вскакивал среди ночи с кошмарной мыслью, что в его мозгу лопнул сосуд, лишив его речи, зрения, возможности двигаться, а то и еще хуже – поселив безумие под сводом его черепа, ибо он знал теперь, что самые ужасные человеческие страдания могут быть вызваны каплей крови, просочившейся из отведенного ей русла в мозговую ткань.

Клей вихрем ворвался в приемную.

– Здравствуйте, сенатор.

Момбергер, с которым Клей обменялся горячим рукопожатием, сказал:

– Привет, конгрессмен. – Момбергер любил Клея и уже оказал ему молчаливую поддержку на дополнительных выборах.

– Не конгрессмен, а капитан армии США Овербэри. – Клей повернулся к Бэрдену, словно желая извиниться перед ним. – Все уже оформлено.

– Так скоро? – только и мог сказать Бэрден.

– Последние полгода я поддерживал постоянный контакт с военным министерством, так, на всякий случай. Ну вот, теперь случай налицо.

– Стало быть, вы не собираетесь баллотироваться? – вдруг оживился Момбергер.

Клей покачал головой.

– Как можно, когда война?

– Молодец. – Момбергер повернулся к Бэрдену. – Надо бы дать знать судьбе.

Бэрден кивнул:

– Я зайду к нему сегодня вечером.

Момбергер направился к двери.

– Расскажите мне, о чем будет говорить президент. – Он вышел. Через несколько минут, подумал Бэрден, какое бы национальное бедствие ни постигло страну, его коллега позвонит судьбе и предложит кого-нибудь из своих для баллотировки по Второму округу.

– Вы увидите президента?

– Да, наверное. По радио передавали, что все лидеры конгресса будут введены в курс событий сегодня вечером в Белом доме. Дай мне папку по Дальнему Востоку.

Клей выложил папку на стол.

– И еще те заметки, что я сделал после разговора с японским послом Курусу. – Бэрден в изумлении покачал головой. – Подумать только, он был здесь, разговаривал с Хэллом, а в это время Пёрл-Харбор бомбили. Фантастическое коварство!

Когда Клей разложил бумаги, Бэрден спросил:

– Что говорят в Лавровом доме?

– Что это заговор, что же еще? Блэз полагает, президент сам отдал приказ взорвать корабли.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org

– Очень может быть! Инид там была?

Клей нахмурился:

– Нет. Насколько мне известно, она дома.

В открытой двери кабинета показался сенатский рассыльный. Монотонной скороговоркой он произнес:

– Сенатор, лидер большинства велел передать: ' завтра на двенадцать тридцать назначено совместное заседание обеих палат конгресса.

Мальчик уже вышел было из приемной, когда Бэрден окликнул его:

– Постой, сынок. – Мальчик остановился. – Это все, что сказал лидер большинства?

– Да, сэр. Одно и то же сообщение всем сенаторам. Президент выступит завтра в двенадцать тридцать на совместном заседании. – С этими словами мальчик исчез.

Бэрден нахмурился:

– Клей, справься на всякий случай у секретаря сенатора Баркли, когда и где мы заседаем сегодня.

Испытывая потребность в утешении, Бэрден позвонил в Нью-Йорк Эду Нилсону. Но Нилсон не утешил его: он был доволен, что Соединенные Штаты наконец-то определили свою позицию. С неожиданной горячностью Бэрден сказал:

– Я не хочу войны – никакой, никогда. На свете нет ничего дороже человеческой жизни.

В трубке раздался сухой смешок:

– Вы позволите вас цитировать, сенатор?

Бэрден в свою очередь тоже рассмеялся:

– Нет, не позволю. Но я говорю это вполне серьезно.

– Но ведь Гитлера надо обуздать. А как это сделать без войны?

– Не знаю. Этого еще никто не знал и не знает. – Расстроенный звуком своего голоса, в котором вдруг послышалось отчаяние, он переменял тему разговора и сообщил о том, что Клей поступил на военную службу.

– Неплохая мысль, – ответил Нилсон. – С солдатским прошлым и хорошим послужным списком он будет сильным кандидатом.

– А если погибнет?

Тут вернулся Клей, в полном неведении относительно того, что обсуждался вопрос о его смерти.

– Зачем загадывать на будущее? – Голос нилсона звучал сухо. – Как ваше здоровье, между прочим?

Бэрден ответил так, как он обычно отвечал в таких случаях, и положил трубку. Он выжидающе глядел на Клея, и наконец тот сказал:

– Похоже, вас нет в списке приглашенных в Белый дом.

– Нет в списке? – Бэрден был изумлен. – Но ведь сенатор Остин приглашен, а я, несомненно, выше его рангом... – Он резко оборвал себя, не желая выдавать свою боль. – Что ж, надо полагать, это месть Франклина.

Клей кивнул.

– Сенатор Баркли очень извинялся. Вы поймете, что это от него не зависело,

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org сказал он.

Бэрден простился с Клеем и вышел из здания сената. В холодных сумерках ему привиделся безвестный старый сенатор. Он медленно брел к вокзалу, в гостиницу, где он жил, вне сомнения, в маленьких комнатенках, битком набитых кипами пожелтевших «Ведомостей конгресса», альбомами газетных вырезок, пахнущими старым клеем, и фотографиями с автографами забытых знаменитостей. Подавленный этим видением, Бэрден кивнул Генри, и тот с шиком распахнул перед ним дверцу машины.

– В Белый дом, сенатор?

– Нет, домой.

Садясь в машину. Бэрден вдруг понял, что именно его расстроило – не столько оскорбление со стороны президента, сколько то, что он этого не предвидел. Человек, у которого до такой степени ослабло чутье, недолго продержится на политической сцене. «Неужели я начинаю сдавать?» – спрашивал он себя и ни в одном уголке сознания не находил достаточно убедительного отрицательного ответа.

III

Если Инид и была удивлена, то ничем не выдала своего удивления. Она сидела одна в гостиной в старом шелковом кимоно и красила ногти каким-то составом, который пахнул клеем от детской модели самолета и был похож на кровь.

– Добро пожаловать. – Она нахмурилась – не на него, а на ногти.

– Ты, конечно, слышала новость?

– Новость? – Она взглянула на него непонимающим взглядом.

– Ну, про Пёрл-Харбор.

– А, вот ты о чем. Да. Это ужасно. Если ты пришел повидаться с дочкой, то ничего не выйдет. Она отправилась в кровать без ужина. Детям необходима дисциплина. – Она говорила вызывающе, словно ждала нападок с его стороны.

– Я пришел повидаться с тобой.

– А, очень приятно, как папа? – Злость необычайно оживляла ее лицо.

– У него все отлично. Я поступил на военную службу.

– Тебе очень пойдет белый костюм, с такой штукой вокруг шеи, ну, тот, вроде женского спортивного.

– Это флотская форма. – Клей и сам не знал, чего он от нее хотел. Заверения в любви, которое можно было бы холодно отвергнуть или горячо принять? Сейчас он был способен и на то, и на другое.

– Во всяком случае, скучно тебе не будет. Мужчинам никогда не бывает скучно. Нравится тебе этот красный цвет? – Она показала ему свои коготки.

– Уж больно кроваво.

– Как раз под мое настроение. Сегодня я иду к Гарольду Гриффитсу. А ты? Ах да, конечно, ты не идешь, ведь он никогда не приглашает нас вместе. Он только что звонил, сказал, что хочет стать военным корреспондентом, если папа позволит. Представляешь Гарольда на фронте? Глупее быть не может! – Она отхлебнула виски из стакана, в котором осталась уже только половина, и тут Клей сообразил, что она пьяна.

– Пьешь в одиночестве? – машинально дополнил он свое открытие.

– А себя ты считаешь пустым местом? Вот и выходит, что не в одиночестве, по крайней мере формально. – Она допила виски. – Налей еще, – попросила она и указала на бутылку, стоявшую на кофейном столике. – Эта штука еще не просохла. – Он наливал рюмку, а она помахивала в воздухе руками, чтобы лак

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
быстрее высох. – Слушай, – сказала она и взяла рюмку. – Я не хочу развода.
А ты?

– И я не хочу, да и никогда не хотел. – Ему нельзя было ответить иначе, и все же, в некотором смысле, он говорил правду.

– Так зачем же ты ушел от меня?

– А как я мог остаться? Да ты и сама этого хотела.

– Я этого не хотела! Зачем ты говоришь такие вещи? – Она смотрела на него с укоризной. – Ты ушел назло мне. Это тебя отец настроил, и не говори, пожалуйста, что он тебя не настраивал. Он хочет отомстить мне за то, что я вышла за тебя замуж, он хитрый, как не знаю кто, никогда не забывай этого и, пожалуйста, не воображай, что ты можешь справиться с ним, как с этим своим сенатором. Ты можешь справиться с кем угодно, только не с отцом. Это он вертит тобой, чтобы насолить мне. Почему бы тебе не пойти со мной к Гарольду? У него будет весело.

Клей до сих пор не мог привыкнуть к внезапным переменам в ее настроении, не говоря уж о ее поразительном образе мышления. Начав с ложной посылки, она возводила до того стройное здание логических доказательств, что в конце концов ты готов был уверовать в истинность самой посылки. Еще более виртуозными были ее внезапные откровения, всегда продиктованные эгоизмом, как правило лживые, но зачастую необычайно проникновенные. На первый взгляд, что могло быть абсурдней предположения, будто ее отец сблизился с Клеем для того, чтобы отомстить ей? Но Блэз был человеком загадочным и импульсивным. Инид глубоко задела его самолюбие, выйдя замуж за Клея (так по крайней мере казалось), и, приняв сторону Клея против Инид, Блэз наконец получил возможность отомстить ей. За неимением лучшего пришлось принять объяснение Инид: в противном случае нельзя было бы понять Блэза, который поддерживал Клея, в то же время считая Инид пострадавшей стороной... Клей никому не открыл правды об измене Инид – по той простой причине, что люди презирают и стараются избегать не обидчика, а его жертву. Чем чаще Инид рассказывала об измене Клея: «В моей постели, когда в соседней комнате был ребенок», тем меньше сочувствия она встречала даже у тех совершенно незнакомых ей людей, которым после трех мартини она начинала поверять свои тайны.

– Нет. Я не могу пойти сегодня к Гарольду. Мне надо кое-что доделать. Для сенатора.

– Я была сегодня в магазине у Блока. Там продаются чудесные детские вещи, и притом гораздо дешевле, чем у Вудворда и Лотропа. Сенатор все еще встречается с Айрин? – Как обычно, Инид с насмешкой произнесла это имя, ставя ударение на «и» – так делали все ее знакомые, для которых Айрин Блок служила неиссякаемой темой для разговоров.

– Не думаю, чтобы он вообще часто виделся с ней.

Клей не верил слухам о том, что сенатор сошелся с Айрин и что удар случился с ним в самый интересный момент. Объяснение, которое давал сам сенатор, звучало гораздо правдоподобнее: он шел на чай к миссис Блок, своей новой знакомой, и внезапно потерял сознание.

– Нечего его оправдывать! Это всякий знает! И поделом ему, старому козлу. И чего только он в ней нашел, кроме денег? О! Ты знаешь, ее муж нисколько не интересуется, с кем она спит, лишь бы это была какая-нибудь важная особа. Разве это не отвратительно? Ну да, теперь это в порядке вещей.

Она дала ему блестящую возможность для удара, и Клей не мог устоять перед соблазном.

– По-твоему, менее отвратительно, когда это проделывается не с важной особой, а с каким-нибудь зажигательным мальчиком?

– Не очень-то это красиво с твоей стороны, – кротко сказала она, рассматривая на свет темно-золотистый напиток. – Как только тебе не надоест нудить про беднягу Эрнесто? Ведь я же попросила у тебя прощения.

– Как раз этого-то никогда и не было!

– Нет, было! Не говори, пожалуйста, что не было. Я старалась загладить свою вину. Но ты так все передергиваешь. Разумеется, я признаю, что твоя гордость была задета.

– Когда это случилось, у меня создалось впечатление, будто ты не только ничуть не сожалеешь о содеянном, наоборот, чувствуешь себя оскорбленной, будто это я каким-то образом виноват в том, что ты легла под этого латиноамериканку.

– Хорошенькое дело! Да я никогда и не говорила, что ты в этом виноват, хотя, конечно, ты виноват в этом не меньше, чем я. Уж конечно, где измена между мужем и женой, там всегда есть двое. – Инид уже достигла той степени опьянения, когда доводы становятся туманными, а синтаксис замысловатым. – Ну да, ты отлично понимаешь, что я хочу сказать. Совершенно ясно, раз ты не хотел никуда ходить со мной по вечерам, я, рано или поздно, должна была повстречать человека, который любит выходить по вечерам и развлекаться, не то что ты, ты только и знаешь, что подлизываться, и все зазря... Ну, скажем, теперь-то уж не зазря, теперь-то уж видно, что вы с отцом ничего путного не придумаете... Ей-богу, вы один другого стоите, вот разве что ты импотент, не то что он... Что ты вообще ничего не можешь, это я с самого начала заметила. – Она сделала большой глоток.

Терпение, напомнил он себе.

– Ты пьяна. – По крайней мере этой констатацией всегда можно было воспользоваться как законным оружием, и, хотя этот ход никогда не приводил к нокауту, он служил хорошим средством отвлечения противника.

– Это не оправдание, – твердо заявила она сквозь застилавший ее сознание дурман. – Нет, так легко тебе не отделаться. Факт, я хотела мужчину, а кого я получила взамен? Секретаря. Секретаря какого-то дяди! А почему я получила секретаря какого-то дяди? – Она сделала красноречивую паузу и сбилась с мысли. Клей ответил за нее:

– Потому что ты впервые отдалась мужчине, потому что ты так воспитана и еще потому, что Питер увидел нас в раздевалке, ты вышла замуж за секретаря какого-то дяди... Факт, – добавил он, довольный тем, что попал ей в тон.

– Как смешно! – Она вскинула ноги на кофейный столик. Ее халат распахнулся. Под ним ничего не было. Но она не думала его соблазнять. Отсутствие ощущения самой себя было в ее натуре.

– Во всяком случае... – Она с трудом собиралась с мыслями. – Во всяком случае, сделанного не воротишь, все, что было между Эрнесто и мной, уже давно былшем поросло. Да к тому же он возвращается в Аргентину вместе со своей женой, она мировая девчонка, и не ее вина, что она так выглядит, ну да, впрочем, говорят, сейчас придумали новую операцию, знаешь, вставляют такую серебряную штукину тебе в подбородок, вернее, на то место, где ему полагается быть, а потом натягивают кожу, и кажется, будто ты родился с нормальным подбородком, только я ни за что бы не пошла на такую операцию... а вдруг что-нибудь выйдет не так?

Клей поднялся.

– Я попросился на действительную службу. Теперь уж, наверное, мне не долго быть в Вашингтоне.

Она в раздумье глядела на него.

– Эрнесто считает, что операция имеет больше половины шансов на успех, и у флоры будет новый подбородок еще до отъезда в Аргентину.

О господи! – поделом ему за то, что он искал у нее сочувствия! Солдат, уходящий на войну, – это решительно не его амплуа.

– Что же я должна для тебя сделать? Связать тебе свитер? – Ее голос звучал жестко, а дикция, которая начала было размазываться, вдруг прояснилась. Самым феноменальным в пьяной Инид была та быстрота, с какой она умела при желании трезветь. Не без удивления он вдруг понял, за что именно она его ненавидит – за то, что он толкнул ее на измену.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org

- Нет. Я просто думал, тебе будет интересно знать. Только и всего.
- Перед тем как зашагать по дороге боевой славы, дай мне, пожалуйста, разрешение на продажу дома. Не бойся, я поделюсь с тобой.
- Где ты собираешься жить?
- Где-нибудь в Джорджтауне.
- Хорошо. Я пришлю тебе его.

Она вдруг вскочила на ноги, порывисто обняла его.

– Ах, черт побери! Зачем мы ломаем эту комедию? – Она заплакала. – Не знаю, для чего я все это говорю. Я хочу, чтобы ты вернулся ко мне. Если ты этого хочешь, конечно. Если ты хочешь, я согласна. – Ее голос прерывался. Он хотел сказать ей, что по-прежнему любит ее, но леденящая гордыня сковала его язык, наказывая не ее, а его самого. Так стоял он, молчанием причиняя жесточайшую боль и себе, и ей.

Она отступила от него.

- Ладно, – сказала она, давясь слезами, – пусть так. Кажется, я запачкала тебе рукав лаком.
- Ничего. – Его голос звучал хрипло.. – Мне лучше вернуться в отель.
- Ну, конечно. Знаешь, я ведь ничего не говорила отцу о том, что произошло между нами.

«Так ли это?» – спросил он себя.

– А ты говорил? – Она подозрительно взглянула на него.

Клей покачал головой:

- Ни слова.
- Хотелось бы тебе верить. – Она промокнула слезы бумажной салфеткой.

Его вдруг взорвало.

- Если ты ничего никому не говорила, почему же все думают, что я завел интрижку с женой какого-то латиноамериканца, а ты тут ни при чем?
- Ты же знаешь людей. – Она сделала неопределенный жест. – Смой лак чистым спиртом или бензином для зажигалок.

Они расстались не попрощавшись. Возвращаясь в холодной ночной мгле в отель, он думал о том, правда ли то, что сказала ему Инид. Девиз древних – *In vino veritas*[67 – истина в вине (лат.).] – он это знал – был заведомо лжив, ибо истинно преданные своему искусству лжецы никогда не бывают так безудержно вдохновенны, как спьяну. Когда-нибудь он обо всем расспросит Блэза, своего нежданно обретенного друга.

IV

Неторопливый ритм жизни довоенного Вашингтона сменился бурлением людских волн поистине нью-йоркских масштабов; особенно выделялись женщины, спешившие заменить мужчин на их рабочих местах: короткие юбки выше колен, копны волос, ниспадающих на подваченные плечи, вопреки настоятельным предостережениям о том, что длинные волосы, попадая в машину, не только снижают производительность труда и отдалают неизбежную победу Америки над тиранией, но и снимают скальп с их обладательниц. Однако пышные волосы были необходимы: они утверждали женственность, поставленную под сомнение тем фактом, что сотни тысяч женщин как-то слишком уж легко приноровились исполнять работу их отсутствующих мужей и возлюбленных. Полчища женщин на улицах (военнослужащие разумелись сами собой) и поразили Питера больше всего, когда он теплым июньским днем вернулся в город с усиленными

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
стрелковых учений в болотах Флориды. Связи спасли его от более
непосредственного участия в войне. Теперь он был приписан к Пентагону и
хотел только одного – пережить войну, которая его совершенно не
интересовала.

Такси остановилось перед большим зданием на Коннектикут-авеню. С закинутым
на плечо вещевым мешком он вошел в дом, принадлежащий некоей даме, которая
недавно потеряла мужа, который в свою очередь без ее ведома «потерял» все
ее состояние. Однако дама была уверена, что не пропадет, и с помощью
Фредерики превратила свой дом в местный клуб, процветающий благодаря
превосходному повару, совершенно исключительному подбору членов правления и
необходимости именно в таком месте, где люди, принадлежащие к известным
кругам вашингтонского общества, могли бы устраивать интимные приемы, а то и
просто спокойно позавтракать, планируя очередную любовную интрижку или
прослеживая путь, ведущий сквозь лабиринт правительственных комиссий к
некоему сокровищу.

Вещевой мешок Питера взял Джон – старый лакей, которого Питер знал с
незапамятных времен.

– Вам страшно идет ваша форма, мистер Питер, – сказал Джон, между делом
играя роль семейного слуги.

Казалось, будто все старшие лакеи его поколения прошли одну и ту же
довоенную школу, где светский лоск накладывали на них, словно лак на
дерево. Однако, когда Питер спросил, как идут дела, Джон вдруг показал себя
настоящим коммерсантом.

– Потрошить их мы начинаем за ленчем, – не без удовольствия заявил он,
пряча в шкаф вещевой мешок Питера. – Потом почти каждый вечер устраиваем
как минимум два приема. Конечно, у нас бывает масса новых людей.

Некая ущемленность, явственно слышимая в словах «новых людей», выдавала
выучку Джона. Так как городских знаменитостей – по крайней мере на первых
порах – создавали избиратели, в Вашингтоне всегда существовало разделение
на «нас» и новых людей, и люди эти могли быть как угодно милы, но лишь
время решало, превращались ли «они» в «нас». А время, разумеется, работало
не на новых людей. Избиратели – капризный народ. Многим из «новых»
приходилось возвращаться в свои медвежьи углы, тогда как другие двигались
дальше – в Нью-Йорк, к большим деньгам. Тем не менее очень и очень многие
из отвергнутых избирателями оседали в Вашингтоне и становились юристами или
лоббистами; они жили припеваючи и в конце концов превращались либо в «нас»,
либо в обитателей многоквартирных домов – «квартирантов», как именовали их
преуспевающие агенты по продаже недвижимости и страхованию, врачи и
содержатели похоронных контор, которые на то и существовали, чтобы их
обслуживать.

– Мистер Сэнфорд еще не приезжал. – Джон провел Питера в гостиную, где
сейчас никого не было. Над камином висел портрет покойного мужа хозяйки,
который промотал ее состояние. Он смотрел с таким видом, будто был страшно
доволен, что все денежки супруги уплыли. Служанка вдовы, старая немка,
просунула голову в дверь и выразила свою радость по поводу того, что мистер
Питер вернулся домой с войны целый и невредимый. Питер, имевший дело с
войной только на учениях в Талахасси, штат Флорида, вовсе старался
напустить на себя вид обреченного на заклятие, но вашингтонцам, думавшим
главным образом о нехватках у себя дома, было не до героя, которого,
возможно, ждет безвременная кончина.

– Мадам говорит, мы не протянем эту зиму, если тот liebe[68 – милый
(нем.)] генерал, что был у нас вчера вечером, не поможет нам с нефтью! – С
этими словами служанка исчезла.

На низком полукруглом столике лежали журналы с многочисленными фотографиями
битвы при атолле Мидуэй, в которой японский флот потерпел свое «первое
поражение за последние триста пятьдесят лет». Интересно, лениво подумал
Питер, что это там приключилось в 1942 году? Были в журналах и
аэрофотоснимки горящего Кельна после налета английской авиации; за один раз
тысяча бомбардировщиков сделала с Кельном то, что люфтваффе неоднократно
продельвала с Лондоном. Союзники выиграют войну, в этом не могло быть
сомнения, вопрос только – когда? Вечный сержант (писарь нестроевой службы),
он всю свою жизнь или по крайней мере все свои молодые годы будет втыкать в

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
карту булавки – таким виделось Питеру его будущее.

К счастью, самая долгая пора его жизни осталась позади и уже наполовину забыта. Основная военная подготовка в Джорджии, кретины унтеры с Юга, выкрикивающие команды на своем кретинском невразумительном языке. Не попал на танцы в субботу, зал был битком набит. В провинциальных лавках, превращенных в танцевальные залы на утеху миллиону новобранцев, ревели пианолы-автоматы. Девушки с блеском в глазах и с длинными волосами танцевали друг с другом, пока парни не разбивали их. Куплю себе картонную куклу, я ее никому не отдам. Потом тисканье и лапанье украдкой в теплые ночи. Только картонная луна. Фильмы о венерических болезнях; удрученные юнцы обнажали в них пораженные члены, а строгие, но добрые доктора объясняли колдовскую роль крайней плоти и необходимость немедленной дезинфекции *post coitum*[69 – После соития (лат.)] наиболее уязвимых частей, причем все это в цвете. Не сиди ни с кем под яблоней, только со мной. Переброски в трясках поездах с закрытыми окнами. Пари: четыре против одного, что мы в Нью-Йорке. Нет, в Лос-Анджелесе. Это должно быть Западное побережье. Почему? Гляди, мы загорели, верно? Значит, нас не могут послать туда, где холодно. Почему нет? Взрыв смеха. Воинские части в летней форме и в самом деле загонялись туда, где стояла зима, а солдаты в штормовках и толстом шерстяном белье оказывались посреди лета. Все идет нормально – как в бардаке. Питер подал заявление в офицерское училище, но был забракован: неважное зрение. Ха! Стрелять из самозарядной винтовки и служить в пехоте – на это его зрения хватает! Царица полей! Ему нашлось место в разведывательном отделе. Его произвели в сержанты, и он втыкал булавки в карты Европы, изучая разведанные, почерпнутые со страниц «Нью-Йорк тайме». Немцы осаждали Севастополь. Выкатывай бочонок. Жидкий кофе в общей столовке. Отвратительная жратва, вот только свинные отбивные ничего. Как-то раз его назначили в наряд на кухню, и он съел двенадцать штук за один присест; на кухне было много шума и липкой грязи, но все же это было лучше, чем топить ночью печи и спать на цементном полу возле топок, которые то и дело надо было шуровать. Потом опять маленькие города. Бары. Девушки с пышными прическами и вызывающим блеском в глазах. Они или слишком молоды, или слишком стары. В конце концов, как и полагается настоящему воину, Питер Сэнфорд схватил триппер, и лечение вовсе не было таким болезненным, как можно было заключить из слов строгих, но добрых докторов с киноэкрана.

– Ты похудел! – Мать прижала его к груди. – Уж не болен ли? Господи, какой бледнувший!

– Чувствую себя отлично. – Это был его обычный ответ, и он вполне соответствовал истине. Прежней полноты в груди и бедрах как не бывало – одни мускулы. Талия: тридцать дюймов. Рост: шесть футов. Вес: сто семьдесят фунтов. Жирным он теперь уж никогда не станет.

– Тебе нужно позавтракать. А мне-то, господи, мне-то сколько всего нужно! Я делаю закупки. Это нормирование все перевернуло вверх дном. Похоже, мы потеряли все районы в Азии, где добывают каучук. Блэз рвет и мечет.

Они прошли в сад. Под деревьями, бросавшими узорчатые пятна зеленоватого света на белые скатерти, сидели и поглощали еду люди. Он насчитал с десяток таких, кого можно было отнести к «нам»; остальные были «они», по большей части в военной форме.

Питер принялся за булочки с маслом, а Фредерика начала обмениваться приветствиями с друзьями, и несколько генералов и адмиралов засвидетельствовали ей свое почтение; она каждому представляла своего «верзилу сына», и Питер не без гордости подумал, что вот и он тоже, хотя бы через свою семью, соприкасается с высшей военной иерархией, в которой он так явно был одним из низших.

– Отец всю эту неделю в Уотч-Хилле. Я сказала, пусть сам открывает дом, я не собираюсь уезжать из города, когда ты вот-вот должен вернуться.

Она радостно улыбалась ему, он радостно улыбался ей. Они любили друг друга. Жаль только, им не о чем было говорить. Они не давали друг другу поводов для беспокойства, поэтому настоящей близости между ними не было; впрочем, ее и не могло быть в семье, где пылкость детских чувств обращалась не на родителей, а на слуг. Питеру казалось, что Блэз обратил внимание на Инид лишь после того, как она против его воли вышла замуж за Клея. С тех пор отец болезненно остро воспринимал каждый шаг дочери, и, по мере того как

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
конфликт разрастался, каждый с надеждой подстерегал момент, когда
родственная любовь получит конечное завершение в нокауте.

Подали закуску: авокадо с крабами. Крабы были хороши, если б не множество крошечных пленок, которые застревали в зубах. Русские разделяли крабов не очень чисто и клали мало пряностей.

– Ты понятия не имеешь, чего стоило твоему отцу сунуть тебя в военное министерство. – Фредерика считала само собой разумеющимся, что связи пускают в ход совершенно открыто.

– Представляю, – сказал Питер, хотя он вовсе не желал представлять себе, как Блэз нажимает на все педали, чтобы поудобнее устроить ему жизнь.

– Мне кажется, он даже добивался, чтобы тебе присвоили офицерское звание.

– Это уж слишком.

– Я тоже так думаю. – Она ничего не утаивала от него. – По-моему, его раздражает, что ты всего-навсего нижний чин, сержант.

– А меня это устраивает. – Питера действительно устраивало, что он простой сержант, особенно теперь, когда ему уже не придется жить в бараках. Быть чином выше значило бы принять более деятельное участие в войне, а это не входило в его расчеты. Он словно наглухо отгородился от войны. И хотя сидеть в министерстве было скучно, он отнюдь не жаждал деятельности. Он был уверен, что на фронте его убьют. Этим он отличался от своих сверстников: они были решительно не способны вообразить себе свою смерть. Он же умел ее вообразить, пожалуй, даже слишком наглядно, и предпочитал оставаться в живых. Пусть другие исполняют свой долг.

– Клей приезжает в отпуск. Его произвели в... – Она запнулась. – Что, что нам делать с Инид?

Питер внутренне ликовал: наконец-то он причислен к взрослым, которым постоянно приходится что-то с кем-то делать.

– Ты должен поговорить с ней! – Фредерика произнесла это таким тоном, будто нашла великолепное разрешение проблемы. – Да, да! Она тебя слушает. Она не слушает ни меня, ни Блэза, они почти не разговаривают друг с другом. – Фредерика от изумления открыла рот. – Боже мой, да ведь это же Блок!

Посмеиваясь про себя, Питер наблюдал, как Айрин Блок прошла через сад с гордо поднятой головой: она была в стане врага и знала это.

– Эта женщина где хочешь пролезет. – В голосе Фредерики звучала неподдельная боль. – А ведь мы, между прочим, для того и основали наш клуб, чтобы не пускать ее сюда.

Айрин Блок подошла к столу, где сидели генералы и их жены.

– Слабое основание, чтобы открывать клуб. – Питер был искренне тронут огорчением матери.

– А еще, – без всякого перехода сказала Фредерика, – у нее интрижка с Бэрденем Дэем.

– Ну, в это я не верю. Он ведь старый.

– Шестьдесят лет – это не так уж много. – Фредерика машинально прикрыла рукой шею, на которой был написан ее возраст. – Да, ты еще в этом убедишься. – Она снова заговорила об Инид, а Питер ел авокадо с крабами и досадовал, что в них слишком много волокон. Зато основное блюдо было великолепно: цыплячья грудка, свернутая в виде котлеты. Он ткнул вилкой в румяную корочку, изнутри брызнуло горячее масло.

Из рассказа Фредерики выходило, что Инид слишком часто видится с неким морским офицером. Она не ответила ни на одно письмо Клея. Он соглашался дать ей развод, но она не хотела ни с кем об этом говорить.

– Она пьет?

Фредерика неожиданно стала выгораживать дочь: мать была готова на все, даже на лжесвидетельство.

– Что значит – пьет? Разумеется, выпивает, как и все прочие.

– В прошлую зиму она явно перебирала.

– Ну так что ж, время от времени это с каждым случается. При таком... напряжении, – туманно пояснила Фредерика, подставляя щеку для поцелуя Люси Шэттак.

Питер поднялся с набитым ртом. Люси сказала:

– Фредерика, не слишком ли он для тебя молод? Да уж не Питер ли это? Господи боже, так и есть! Я-то подумала, что твоя мать, как все наши девушки, внесла свой вклад в победу над врагом и отдала дань нашим мальчикам!

Из всех светских зубоскалок Вашингтона сардонически-язвительная Люси казалась Питеру самой занятой. Ее муж был одним из лидеров республиканской партии, ее казначеем и оптимистом. Люси была пессимисткой.

– В этом году наше дело дрянь, как всегда.

– Все из-за этого проклятого Рузвельта, – автоматически ответила Фредерика.

– Знаешь, мне кажется, он бессмертен. Во всяком случае, я так и говорю своему Лоренсу: можешь примириться с тем, что теперь мы на сто лет вперед обеспечены такими радателями об общественном благе, как Гарри Гопкинс. Да, кстати, раз мы уж заговорили о зануде Гарри: ты слышала, что случилось, на прошлой неделе в Мидлберге? – Она начала рассказывать, глаза ее заблестели. История – это сплетня, мудро подумал Питер, вся хитрость в том, чтобы определить, какая именно сплетня – история.

Как только Люси сделала передышку, Фредерика указала на миссис Блок.

– Она тут.

– Да уж вижу. Это на нее похоже. С важным видом и полной мощной. Я велела Лоренсу быть к ней повнимательней. Мы должны выжать из нее деньги на прием.

– Ее денюжки достаются только Бэрдну Дюю и демократам.

– Старый козел, – лаконично отозвалась Люси Шэттак, – Между прочим, на этот раз ему придется начинать борьбу уже с первичных выборов. Рузвельт кого-то поддерживает против него, и...

– Какой он мстительный! – вставила Фредерика.

– Просто изверг, когда с ним не соглашаются. Всегда с ножом наготове, правда?

Люси выжидающе посмотрела на Питера, и тот нехотя опустил полную ложку домашнего ванильного мороженого с густым шоколадным кремом.

– Он поступает с другими так же, как, на его взгляд, они при малейшей возможности поступили бы с ним самим, – изрек Питер и отправил мороженое в рот.

– Какая досада, что моя Элизабет еще так молода, – вздохнула Люси Шэттак. – Хочу, чтобы она вышла замуж за кучу денег. – Она ласково похлопала Питера по руке. – Это тебя мы имеем на примете.

Фредерика нахмурилась, как делала всегда, когда речь заходила о деньгах.

– Питер еще так молод...

– А Элизабет еще моложе, ей всего пятнадцать. – Люси поднялась. – Вы будете завтра вечером у Инид? Насколько я понимаю, ее третирует только отец?

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Питер отдал должное Люси: положил ложку с мороженым. Слов нет, она
проницательна.

– Да, конечно, – быстро ответила Фредерика, и Люси с Питером стало ясно,
что она впервые слышит о приеме у дочери.

– Это в честь Гарольда Гриффитса, – сказала Люси. – Он уезжает на
Тихоокеанский фронт... военным корреспондентом.

– Я знаю. – На этот раз Фредерика опоздала с репликой; новость ошеломила
ее, она растерялась и ответила невпопад. Но Люси Шэттак уже ушла.

Фредерика повернулась к Питеру.

– Теперь все зависит от тебя, – сказала она, благословляя на бой его, свою
опору и защиту. – Ты должен вразумить Инид.

Но Инид не нуждалась в том, чтобы ее вразумляли. Во-первых, она больше не
пила. Во-вторых, она была счастлива. Она горячо обняла брата.

– Ты похудел! Наконец-то!

Она стала показывать ему свой новый дом, небольшой, но уютно обставленный.
У нее был талант декоратора, и она поговаривала о том, чтобы найти ему
коммерческое применение. Она всегда мечтала о собственном заведении с
горсточкой преданных служащих и большой бухгалтерской книгой, в которую
можно вносить всякие счета-расчеты или что там еще вносят в бухгалтерские
книги. Как сказал Гарольд Гриффитс: «Каждый старается забыть о своем
купеческом происхождении, и только Инид тянется к прошлому. Она хочет
вернуться к фамильным истокам и завести лавку, она хочет знать, что всякий
раз, когда раздастся звонок кассового аппарата, это не для кого-нибудь, а
для нее».

– Все хорошо, – сказала она, садясь на софу в эркере, смотрящем на
обнесенный стеною сад. – На этой неделе ко мне придут фотографии из «Дома и
сада» – делать снимки, это будет хорошая реклама. Я совершенно серьезно
настроена работать. У меня даже визитная карточка есть. – Карточка лежала
на кофейном столике, под который были приспособлены детские санки прошлого
века. «Инид Сэнфорд, декоратор».

– Почему Сэнфорд, а не фамилия по мужу?

Инид нахмурилась:

– Я ее не ношу. С этим покончено. Да, вот что еще: я снова занялась
живописью.

– Клей приезжает в отпуск. Он писал матери.

Инид отхлебнула кока-колы.

– Я намерена развестись с ним.

– Из-за какой-то истории с латиноамериканкой?

– Это еще что! Я наслушалась потом такого! Ты знаешь, как это бывает: никто
ничего не скажет, пока что-нибудь не случится, но уж если случится – такого
наговорят, что только держись. Впрочем, мы, в сущности, совсем не подходим
друг другу. Перед тем как уйти в армию, он хотел помириться, и я
согласилась, но просила дать торжественное обещание, что он никогда больше
не поставит меня в такое положение. Так вот, он отказался.

– Отказался? – Питер смотрел на нее скептически. Мужчины всегда щедры на
обещания.

– Ну ладно, не будем об этом. Оставайся обедать. Я пригласила нескольких
друзей. Ты не знаком с ними. Вашингтон сильно изменился. Очень много новых
интересных людей.

Гости были действительно новые, но неинтересные: бригадный генерал авиации
с женой, военно-морской капитан (женатый, но с подругой), а также Джо

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Бейли, тоже военно-морской капитан, разведенный, любовник Инид. Все пили
сверх меры, кроме Питера (он пил пиво) и Инид (она пила кока-колу).
Разговор, который, как Питер и предполагал, вначале был совершенно
банальным, к полуночи вдруг принял фантастический поворот.

– Нет ничего проще. – Бригадный генерал, по натуре отличавшийся
тяжеловесностью, от спиртного и подавно словно налил свинцом; его жена,
по большей части помалкивавшая, время от времени разнообразила замедленную
речь супруга пронзительными вскриками не то одобрения, не то отчаяния. –
Для этого за глаза хватит полка военной полиции.

– А я, с вашего позволения, использовал бы морскую пехоту, – сказал Джо
Бейли. – Крепкие ребята и не задают лишних вопросов.

– Возможно, вы правы. Проведение этой части операции мы поручим вам.
Пришлите нам морских пехотинцев! – прокаркала генеральская жена в стакан с
виски. У капитана и его подруги был очень довольный вид.

– Но ведь это только Белый дом, – сказала Инид. – А как быть со всей
страной?

– Нет ничего проще. Видишь ли, у нас своя иерархическая лестница, – ответил
ее любовник. – Каждый приучен получать приказания от вышестоящего
начальника и не задавать при этом вопросов. Поэтому, когда мы накроем Белый
дом и Пентагон...

– Вот тут-то нам и понадобится ваш второй полк, – сказал бригадный
генерал. – Мы выступим в воскресенье. Пока мы будем сажать под арест
начальников штабов, вы надежно упрячете президента. Потом, в понедельник, с
утра пораньше, мы устроим пресс-конференцию в Белом доме, объясним, что
произошло, и выиграем войну.

– И как же вы это объясните? – Питер спрашивал себя, уж не сходит ли он с
ума.

– Скажем, что мы спасли страну, – спокойно ответил генерал. – От ваших
комми, сторонников Нового курса.

– Мы должны это сделать! – Инид была неподражаема. – Мы, и только мы.

Джо Бейли кивнул.

– Видишь ли, Питер, – он быстрым движением взболтал виски со льдом, – дело
в том, что настоящие наши враги не немцы, а японцы. В сущности говоря, у
нас с немцами общие интересы, потому что они против комми и мы тоже, кроме
кучки сторонников Нового курса.

– Да, им придется убраться восвояси. – Собрат Бейли по флоту сказал это с
очень суровым видом.

– Расскажи ему про донесение, которое твой друг разведчик получил из
Швейцарии! – Питер впервые видел Инид в таком ажиотаже. Интересно, подумал
он про себя, от любви это или от перспективы измены.

– Если мы поможем Гитлеру в России, он поможет нам против японцев. При
глобальном разделе мира мы получим Азию, а он оставит за собой Европу, и
все будут довольны.

– Видите ли, – с трудом сказал генерал, словно его язык вдруг распух и
занял весь рот, – как только вся эта шайка уберется из Белого дома, страна
снова станет такой, какой была прежде, – настоящей страной с настоящими
ценностями.

Его жена одобрительно вскрикнула.

Тут Джо Бейли набросился на рояль и стал наигрывать романтические баллады;
Инид пела вместе с ним громким контральто.

Когда Питер уходил, гости все еще пили. Он задержался в дверях.

– Эти шутники – всерьез?

- Что – всерьез?
- Ну, о том, чтобы захватить Пентагон, упрятать президента.
- Но ведь надо же что-то делать! – Она была на грани неистовства. – Это каждому ясно. Я хочу сказать, дальше так продолжаться не может. Ты понимаешь, что мы проигрываем войну? Ну, да где тебе знать, ведь это скрывают от народа – цензура и все такое прочее. Но мы проигрываем войну, это точно, и есть лишь один человек, который может нас спасти.
- Твой друг капитан Бейли?
- Ты недооцениваешь его. Факт, он сильная личность среди всех этих слабаков. Ноя говорю не о Джо. Я говорю о Макартуре.
- А что, он тоже заодно с вами?
- Тебе скажешь, ты всем разболтаешь. Ты никогда не умел хранить секреты. Ну ладно, увидимся завтра. Я даю прием в честь Гарольда. Он уезжает на фронт. – Она поцеловала его в щеку.
- Хорошо. – Питер хотел еще порасспросить ее про заговор, но пронзительное карканье генеральской жены отбило у него охоту. – Спокойной ночи, – сказал он. – А что думает о «сильной личности» отец? – Он задержался на пороге.
- Мы с ним не разговариваем, – ответила Инид. – Спроси у него сам. В конце концов, он твой отец.
- И твой тоже.

Инид невесело усмехнулась:

- Я не так уж в этом уверена.
- Дура!
- А как можно быть уверенным, если ты при сем не присутствовал?

V

Алой дугой на фоне зелени кардинал стремительно ринулся к земле. По саду летали пчелы. Из лесистой глубины парка тянул свежий ветерок.

– Да, времена нынче пошли нелегкие, отнюдь нелегкие. – В самом легком расположении духа Бэрден сидел в шезлонге – ноги задраны кверху, голова прикрыта от жаркого июньского солнца шапочкой для гольфа. Рядом с ним сидел в кресле Сэм Бирман, вашингтонский корреспондент главной республиканской газеты его штата. Они были знакомы давно, и в их отношениях часто бывали трудные моменты. Редакторы партийной газеты сплошь и рядом безжалостно кромсали корреспонденции Сэма и вымарывали самые важные пассажи, в которых пелись славословия сенатору Дэю; случалось даже, они перекраивали оригинал таким образом, чтобы бросить на Дэя тень. Бэрдену ничего не оставалось, как принимать извинения Сэма: у него не было выбора, Сэм был ему нужен. Но он часто задавал себе вопрос, до какой степени тот действительно преклоняется перед ним. Если бы Сэм поменьше льстил, он доверял бы ему больше.

Сэм носил узкие галстуки и жевал сигары желтыми зубами – такими же желтыми, как и лосиный зуб, который болтался на его цепочке для часов и всех изрядно раздражал.

– Предвидите ли вы затруднения на первичных выборах в сорок четвертом году, сенатор?

Во время интервью Сэм всегда обращался к Бэрдену официально – это служило постоянным напоминанием о том, что все слова сенатора ложатся на бумагу. Потом они переходили на непринужденную болтовню и называли друг друга просто по имени.

– Не для печати, – зловредно предупредил Бэрден, чрезвычайно затрудняя

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org интервью. – Предвижу, и притом немалые. Франклин протаскивает своего человека – мы отлично знаем кого. И люди из управления общественных работ уже всю ему помогают.

– Значит, вы ожидаете, что он выступит на первичных выборах против вас?

Бэрден кивнул. Мысль о борьбе не была ему неприятна. Он должен победить. Это он и сказал для занесения в официальный текст интервью, сделав по обыкновению скромную оговорку, что, разумеется, все зависит от славного простого народа его штата. Пока Бэрден, что называется, распинался в любви к родному очагу, Сэм с серьезным видом покачивал головой, и, хотя он ничего не записывал, Бэрден знал, что его слова будут переданы в интервью самым добросовестным образом.

– А как ваше здоровье? – Вежливый, осторожный вопрос, к которому он уже привык.

– Чувствую себя как нельзя лучше! – Бэрден придал неожиданную звучность своему голосу, в котором обычно преобладали заговорщически-вкрадчивые нотки. – Это была какая-то нелепая случайность – удар в сравнительно молодом возрасте! – Он удивился и обрадовался собственной дерзости. – Приходится следить за своим здоровьем. Что я сейчас и делаю. Ложусь спать в одно и то же время, придерживаюсь разумной диеты. Ко всему прочему, такие вещи заставляют задуматься над тем, что же, в конце концов, действительно важно в жизни. – Он продолжал в этом же духе, пытаясь убедить себя в том, будто в нем произошла глубочайшая перемена. Но, разумеется, это было не так. Его тело более чем когда-либо представляло для него загадку, и он не переставал спрашивать себя, с какой целью создан весь этот сложный механизм, в самом зародыше которого заложена его гибель. Он не хотел бы умереть, не разгадав этой тайны, но страх перед небытием заметно уменьшился после того, как он узнал, что смерть так легка: вода, уходящая по трубе из ванны, – такое отнюдь не изящное сравнение пришло ему на ум, когда он очнулся в больнице и увидел сидящую рядом с ним Китти. Он как-то вскользь поздоровался с ней и тут же с легкостью провалился во тьму. Потом с такой же легкостью пришел в себя, словно спал и проснулся; у него лишь немного болела голова, да было смутное ощущение, будто он находится в плену какого-то особенно тревожного сна, в котором запечатлелся его краткий визит к черному ангелу. Выйдя из больницы, Бэрден обнаружил, что дневной свет стал значить для него все; он взял за правило вставать с солнцем и ходить босиком по росистой траве, словно превратился в мальчишку и вновь переживал период роста, а не увядания.

– Ваши политические планы?

– Выиграть войну, конечно. А также разгрести завалы щепня, оставленные Новым курсом. Уж если думали о насосах и шлангах, следовало бы их поберечь для настоящего пожара.

Оставалось только уповать, что это его замечание Сэм слово в слово занесет в блокнот. За Сэмом водилась такая слабость – злоупотреблять пересказом, а прямую речь лепить где-нибудь сбоку. Это портило все.

Затем Бэрден принялся рассуждать на тему, которая его, в сущности, совершенно не занимала, да и не должна была занимать теперь, когда выборы были на носу.

– Облавы на японцев, устроенные правительством на Западном побережье, – самое постыдное, наиболее вопиющее нарушение Билля о правах за всю историю нашей страны. – Ему никогда не приходилось произносить речи на эту тему, и теперь его буквально распирало от неизлитой риторики. – Многие из этих людей – американцы уже в четвертом, а то и в пятом поколении, и не более опасны, чем мы с вами. Но даже если их в чем-то подозревают, дайте им возможность, как положено, предстать перед судом. Не запикивайте их в концлагеря без соблюдения установленной законом процедуры.

– Концлагеря? – На лице Сэма мелькнуло изумление.

– Да, концлагеря. Другого названия этому нет.

– Вы хотите, чтобы я так и записал в интервью – «концлагеря»? – Сэм был удручен, словно крупье, забирающий остатки сбережений всей жизни у своего

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org друга.

Какое-то мгновение инстинкт самосохранения боролся в Бэрдене с чувством справедливости. К его ужасу и вместе с тем тайной радости, справедливость восторжествовала.

– Да, – сказал он, – это не что иное, как концентрационные лагеря, поэтому так их и назовем.

– Намерены ли вы начать слушания в сенате?

Бэрден кивнул:

– В юридическом комитете, и как можно скорее.

– Это едва ли добавит вам популярности. – На Сэма было жалко смотреть. Четверть века он «выхаживал» сенатора Дэя, и перспектива в его годы начать теперь все с начала была для него явно невыносима.

– Американских граждан лишают их конституционных прав. С ними обходятся так же, как коммунисты обходятся с неугодными им национальными меньшинствами. Я бы скорее проиграл войну, чем допустил такое.

Сэм готов был расплакаться.

– Вы это всерьез – насчет того, чтобы проиграть войну?..

Бэрден рассмеялся и произнес сакраментальные слова:

– Не для печати. – Сэм с облегчением вздохнул – кандидат в самоубийцы слез с подоконника. – Но вы должны написать, как оскорбляет меня это нарушение законности, какую иронию судьбы я вижу в том, что на долю администрации, гордящейся своим либерализмом, выпало совершить самую тираническую акцию за всю нашу историю. – Сэм согласно кивал, почти счастливый. Так-то оно лучше. Можно защищать даже права японцев, если спор имеет чисто партийную подоплеку. Сенатора еще можно спасти.

Тут из двери с бокового крыльца выпорхнула Диана в сопровождении армейского офицера. Бэрден не сразу узнал Клея. Они тепло поздоровались друг с другом. Худой и поджарый, Клей держался стесненно, словно боялся что-нибудь разбить ненароком: избыток физической силы делал его неуклюжим. Диана тоже чувствовала себя неловко: как видно, подобно героиням викторианских романов, ей всю жизнь суждено было любить Клея безответной любовью. В глубине души Бэрден гордился одержимостью дочери: это было свидетельством если не силы характера, то по крайней мере силы чувства.

– Я вижу, Диана прочно заняла мое место, – сказал Клей.

– О нет, это только так кажется. – Она ответила чересчур поспешно. – Я лишь немного помогаю отцу вести дела в приемной.

– Она считает, что мне слишком мало платят и я не могу позволить себе нового помощника. – Бэрден подмигнул Клею.

– Вы хотите сказать, пусть лучше платит правительство? – ехидно спросил Сэм.

– Она не состоит на жалованье у правительства, – принимая вызов, ответил Бэрден.

– Чудеса. – Сэм был в восторге. Одно время в штате Джесса Момбергера состояли четверо его родственников, и все получали жалованье от правительства. Когда Сэм спросил его об этом, тот ответил: «Но ведь я же не враг своей родне, черт побери!» Избиратели с этим согласились; кумовство Момбергеру не повредило.

– Когда же вы подберете замену Клею?

– После выборов. Если это вообще возможно! – с чувством добавил Бэрден. – Быть может, война закончится. Быть может, он вернется.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Если б только война закончилась! Если б только я мог вернуться! – в тон ему ответил Клей и стал рассказывать о себе. Это его последний отпуск перед отправкой за океан. Он был в чине пехотного капитана, и его направляли на Гавайские острова. Скорее всего, ему придется воевать на Тихоокеанском фронте. – А впрочем, нам ничего не говорят.

– Вы по-прежнему собираетесь баллотироваться по Второму избирательному округу? – Сэм взял быка за рога.

Клей замялся. Бэрден уверенно ответил за него:

– Скажем так: мы держим порох сухим.

Интервью окончилось, Сэм распрощался, Диана пошла его проводить.

– Как дела? – По старой привычке мужчины перешли на тон политикана-заговорщика и его верного приспешника.

Бэрден нахмурился:

– Неважно. Предстоит схватка на первичных выборах.

– А что республиканцы?

– Еще не известно. Наше ремесло легче не становится. – Тут ему пришло на ум, что он – старый человек, провожающий на фронт молодого. Эта роль открывала кое-какие возможности. – Ну как служба в армии... тяжело?

– Нет. Не бей лежачего. Но теперь, в штабе дивизии, все, наверное, переменится.

– Военное министерство выручает?

Клей ухмыльнулся:

– Что-то непохоже, чтобы у меня были связи.

Бэрден рассмеялся из вежливости:

– Ну еще бы! Я, наверное, тебе только помеха.

– Блэз, к счастью, нет.

Бэрден вдруг приревновал.

– Ну, Блэз, конечно, может все. – Этим он воздал хвалу своему сопернику. – Чинуши из правительственного аппарата трепещут перед ним. Но... – Он поставил под сомнение добрую волю соперника. захочет ли он что-нибудь сделать?

– Кто знает? Так или иначе, это абстрактный вопрос. Я ничего от него не хочу. Посмотрим, как пойдет там, на фронте.

Внезапно в зеленом саду замелькали тела в серой форме. Лязг оружия заглушил щебет птиц. В его отца попала пуля. Она разорвала серую ткань, белую кожу и красную плоть, раздробила кость. Бэрден схватился за левое плечо, ощутил жжение от кусочка свинца.

– Что с вами, сенатор?

Бэрден опустил руку.

– Невралгия, – непринужденно ответил он и спросил, как поживает Инид.

– Похоже, я буду с ней разводиться.

– Ты с ней? Или она с тобой?

– Я с ней. Она совершенно открыто... живет с флотским капитаном.

Бэрден беспокойно заерзал в шезлонге. Не такие разговоры полагается вести с юным воином, отправляющимся на битву.

– Понимаю, – сказал он, страстно желая, чтобы поскорее вернулась Диана. Об иных сторонах человеческого существования он предпочел бы вовсе не знать.

Но Клей был явно намерен не щадить его.

– Перед отъездом я должен принять окончательное решение. Я уезжаю сегодня ночью. Вечером я увижусь с ней.

– Она хочет развода? – Клей ждал, что Бэрден начнет задавать вопросы, и он начал их задавать.

– Хочет, когда я не хочу. Не хочет, когда я хочу.

– Но ты-то, во всяком случае, знаешь, что тебе нужно. Ты хочешь развода?

– Думаю, что да. Что толку жить так, как мы живем, – я в отеле, а она в нашем доме с ребенком и с этим гадом капитаном.

– Похоже, на самом-то деле ты хочешь быть снова с ней. – Бэрден взял категорический тон. – В таком случае помирись.

– Это не так легко. С ней не так легко помириться.

– Клей... – Бэрден терпеть не мог людей, которые для вящей проникновенности и убедительности называют других по имени, но теперь ему приходилось проявлять максимальную убедительность уже хотя бы ради того, чтобы положить конец неприятному разговору и вновь вернуться к видению раненых солдат в саду: сначала его отец, потом Клей... Золотистые кудри слиплись от крови, в голубых глазах стеклянный блеск смерти. О, сколько в этом красоты! И доблести! – Клей! Если ты хочешь пройти в конгресс от Второго округа, нельзя допустить, чтобы она развелась с тобой. Ты можешь развестись с ней и быть избранным, это мыслимо, но зачем затруднять и без того трудные выборы?

– Значит, альтернатива: мне жить в отеле, а она пусть живет в нашем доме с любовником? Вы думаете, избиратели не узнают об этом?

– Но дело вовсе не в том, что ты живешь в отеле. Дело выглядит совсем иначе. Ты служишь в армии. Ты отправляешься за океан. Ты разлучаешься с женой на вполне законном основании. Кто знает, какими вы будете через год или два? – Бэрден проповедовал бездействие – это всегда лучшая политика в личных делах. Ему самому предстояло порвать с Айрин; пока что он просто не предпринимал никаких шагов, и в результате ему не приходилось выслушивать никаких упреков, не было никаких сцен под занавес, а лишь взаимная симпатия в тех редких случаях, когда они встречались на нейтральной почве у кого-нибудь в гостях. Он не верил, что найдет в себе силы вновь войти в ту комнату, где он так неожиданно чуть не провалился в преисподнюю и, лежа посреди чашек, блюдца и лужиц пролитого чая, воочию увидел перед собой смерть.

– И наконец, – с категоричностью, исключавшей всякие возражения, – Блэз. Он тебе нужен. Но захочет ли он тебе помогать, если ты перестанешь быть его зятем?

Тут вернулись Диана и Китти. Они шумно засуетились вокруг уходящего на войну солдата, и тот вскоре действительно ушел. Диана пошла проводить его через розовый сад к подъездной аллее. Китти секунду смотрела ему вслед.

– Как мне хотелось бы, чтобы она вышла за него замуж!

– Угу! – произнес Бэрден, печально соглашаясь с ней.

– А не за Билли.

– Угу! – Бэрден взял еще одну сочную ноту. Ветерок донес запах роз.

– Интересно, сожалеет ли Клей о том, что женился на Инид? Тут есть о чем пожалеть. С Дианой у него гораздо больше общего. Они созданы друг для друга. А кто она теперь? Коммунистка замужем за калеккой. Ах, как это печально! Как печально то, что делает с людьми жизнь.

VI

- Билли нравится в газете?
- Очень нравится. Как Инид?
- Прекрасно. Она поселилась в Джорджтауне.
- Очень мило. А мы теперь на Висконсин-авеню.
- Тебе нравится работать в приемной отца?
- Да, это интересно. Вот разве что избиратели...
- От них иной раз просто житья нет. Как миссис Блейн? Мисс Перрин?
- Мисс Перрин теперь замужем. Они по тебе скучают.

Клей сел в машину. Разговаривать с Дианой никогда не было особенно легко, а теперь и подавно. Мало помогало даже то, что они избегали смотреть друг другу в глаза.

- Береги себя. – сказала она. – Ну, там, на фронте.
- Ладно. Береги... отца. – Они попрощались за руку. Он включил двигатель. Она пошла к дому, но потом обернулась и махала ему рукой на прощанье, пока он объезжал рыбный прудок. Он помахал ей в ответ, потом их разделили деревья. По подъездной аллее выехал на шоссе. Хорошо, что он на ней не женился и не тратит теперь жизнь на тягостные разговоры. Инид и та больше устраивала его, во всяком случае с ней никогда заранее не знаешь, чего ждать.
- Тебя могут убить! – в неистовстве воскликнула она.
- Это решило бы все.
- Я никогда не прощу себе, если тебя убьют! никогда. У меня будет такое ощущение, будто я невольно приложила к этому руку. Ты нравишься Джо, ты знаешь?
- Интересно, с чего бы?
- На него произвели большое впечатление какие-то твои слова, которые я ему передала. Джо прекрасно разбирается в людях, а уж на рояле играет, как бог. – Инид сделала затяжной глоток из бутылки с кока-колой. По ее словам, вот уже несколько недель, как она перестала пить: «Пока не кончится война. Это мой вклад в победу».
- Ну с ним-то ты не перестанешь встречаться, пока я буду на фронте.
- Если ты действительно этого хочешь – действительно хочешь, – перестану. – Она смотрела на него в упор. Не в пример Диане, она всегда смотрела ему прямо в глаза. И взгляд ее был особенно тверд и чистосердечен именно тогда, когда она лгала. Интересно, врет она сейчас или нет, подумал он.
- Я действительно этого хочу, – привычной фразой ответил Клей.

Она вздохнула:

- Таких эгоистов, как ты, еще свет не видел. Ты думаешь только о своем удобстве. Если б ты хоть на минуточку подумал обо мне, этого никогда бы не случилось. – Она обвела рукой гостиную. Под «этим» явно подразумевается ее дом в Джорджтауне.

Он поспешно сделал несколько следующих ходов.

- Если бы я каждый вечер водил тебя в гости, ты бы не переспала с Эрнесто. Но я предпочел делать карьеру, из которой, между прочим, ничего не вышло, вместо того, чтобы быть с тобой двадцать четыре часа в сутки, и тогда ты стала спать с морячком Джо. Да, да, да.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Она с упреком глядела на него. Правила игры были священны. Никому не дозволялось делать ход без очереди.

– Если ты намерен говорить со мной таким тоном, – сказала она, сама впадая в этот тон, – зачем ты вообще пришел сюда?

– Оставить тебе машину и проститься с девочкой.

– Она гуляет с няней. В зоопарке. Она вернется не раньше пяти. Разумеется, ты можешь зайти еще раз. А машина мне не нужна. Скорее всего, ты просто-напросто хочешь иметь даровой гараж.

Перебивая друг друга, они пустились объяснять каждый на свой лад, почему он хочет оставить ей машину, и предмет спора был далеко не исчерпан, когда вдруг приехал Блэз.

– Опять ссоритесь? – Блэз казался совершенно спокойным и каким-то особенно неуязвимым в летнем костюме; его красное лицо не лоснилось от жары, а было всего лишь красным, как обычно.

– Папочка! А мне-то говорили, что ты в Уотч-хилле.

– Как видишь, нет. – Не сводя глаз с Клея, Блэз добродушно поцеловал Инид в щеку. – Отправляешься на фронт?

– Да, сэр. Сегодня ночью.

– На Гавайские острова?

Клей кивнул. Вечером он собирался позвонить тестю в Уотч-Хилл, попрощаться и испросить благословения. А вот теперь Блэз пожаловал собственной персоной.

– Пришлось вернуться самолетом. Прибывает лорд Бивербрук.

– Нам до него нет дела, как и ему – до нас. – Инид подвинулась поближе к Клею. – Вроде бы получается, что вся семья в сборе. Питер тоже недавно вернулся, вот и выходит, что мы все вместе.

– Пока я не уехал, – сказал Клей безучастно.

– Пока ты не уедешь. Это ужасно, папочка. Ты понимаешь, что его могут убить? Неужели ты не можешь оставить его дома, как Питера?

– Он не хочет оставаться дома. Я уже предлагал ему. Он упрямый. – Блэз улыбнулся Клею. Мир мужчин сомкнул ряды.

Увидев себя в изоляции, Инид решила мстить.

– Послушай, папа. – Когда «папочка» сменялся «папой», это означало, что Инид переходит к серьезному разговору. – Он требует развода.

– Я выразился не совсем так... – Но Клей уже потерял инициативу.

– Нет, так. И по-моему, это глупо. А по-твоему, папа? Особенно сейчас, когда у нас есть ребенок и Клей может сколько угодно развлекаться на Гавайских островах.

– Да, я тоже думаю, что это глупо. – Блэз произнес эти слова совершенно спокойно. Он повернулся к Клею. – Мы не хотим тебя терять.

Клей был признателен за это проявление участия. Он еще может выиграть игру против Инид. Перспектива победы вдохновила его.

– Будь Инид чуточку благоразумней, я бы не особенно возражал, принимая во внимание обстоятельства.

Его наглость возымела действие. Инид тигрицей вскочила на ноги, произведя впечатление даже на своего родителя – матерого тигра и собрата по хищничеству.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Благодарозна! Как будто не он первый начал! – Ее голос повысился, но она абсолютно владела собой. Клей как замороженный смотрел на нее, а она без запинки излагала свое дело перед апелляционным судом, не оставляя ни одной лазейки, сквозь которую могла бы просочиться правда. Когда она описывала его мнимое прелюбодеяние с мнимой аргентинкой, он был поражен: неужели она действительно верит в то, что говорит? Клей с беспокойством поглядывал на Блэза: верит ли он? Инид расхаживала перед камином, словно оружие сжимая в кулаке бутылку кока-колы. Но судьба благоволила Клею; с громким «Привет, детка!» в комнату ввалился Джозеф Бейли, капитан военно-морского флота Соединенных Штатов, неся в руках ворох пластинок.

Инид осеклась. Блэз с изумлением воззрился на пришельца.

– Здравствуйте, я – муж, – сказал Клей, собираясь если не продолжить игру, то по крайней мере взять реванш.

– Я принес Инид пластинки.

Джо положил их на патефон. Инид поставила бутылку – ни дать ни взять королева, расстающаяся со скипетром.

– Палочка, это капитан Джо Бейли, мой друг.

Они обменялись рукопожатием, и Клей с замиранием сердца увидел в глазах Блэза ярость, которая вплоть до последнего времени предназначалась исключительно ему, а теперь была направлена на Джо.

– Я как раз проходил мимо. Шел на службу. – Молчание Блэза растекалось по комнате, словно весть о чуме. Но Джо не сразу сообразил что к чему. – Инид много рассказывала мне о вас, – обратился он к Клею с деланной непринужденностью, не подозревая о том, что его час уже пробил. Инид смотрела на отца зачарованно, как ребенок, ждущий скорого и неминуемого наказания.

– Надеюсь, она не слишком меня очернила. – Клей начал входить во вкус ситуации.

– Вовсе нет, вовсе нет. – Капитан повернулся к Блэзу и открыл второй фронт. – Сэр, нас страшно обрадовала редакционная статья в вашей газете на прошлой неделе насчет сдерживания коммунизма после войны. Это была потрясающая штука.

Клей не мог сказать в точности, что именно рассмешило Блэза; возможно, роль детонатора сыграла «потрясающая штука». Так или иначе, Блэз расхохотался. Это был не его обычный нарочито оглушительный смех, от которого людям становилось не по себе, а неподдельно веселый, заражающий своей непосредственностью. Инид потеряла дар речи. Она хватала руками воздух, словно ловила невидимые бутылки кока-колы. Капитан не знал, что и подумать.

– Боюсь, я не понял вас, сэр.

– Ничего, ничего. – Блэз приложил короткий, словно обрубленный палец к глазу, снимая прозрачную, как алмаз, слезу. – Я его уволил, только и всего. Человека, который это написал.

– На каком основании, сэр?

– Основании? – Знакомо грозное, нахмуренное выражение расплзлось по лицу Блэза, глубокими морщинами залегло между бровями, которым следовало бы топорщиться, а не быть словно подмазанными дерзкими черными мазочками, как у Инид. – Мы союзники с Советами. Они нужны нам для войны с японцами. Мы не должны им вредить. Сейчас еще рано говорить о сдерживании коммунизма.

– Говорить об этом никогда не рано. – Капитан был мрачен, словно туча. Его голос дрожал от идейного накала и недомыслия.

– Возможно, что так – во флоте. – Блэз указал на его форму с таким видом, словно не видел разницы между нею и формой билетерши в кино.

– У нас есть люди, которые смотрят вперед. Мы всегда считали вас своим человеком.

– Своим? – Презрение было выражено бесподобно. – По-моему, все, что вам нужно, – это как следует служить в армии, вот как Клей. В Вашингтоне можно вконец разложиться, если не заниматься делом. – Сразив наповал капитана, Блэз окрылил надеждой Клея. – Хочешь подвезу? Я на машине.

Тут только Инид вернулась к жизни.

– Клей, я хочу сказать тебе два слова, это ненадолго. – Она повернулась к уничтоженному капитану: – Мы увидимся после.

– Конечно. – Джо пытался вложить в свой голос первоначальную бодро-радостную интонацию, но безуспешно; он удалился, не подав никому руки и лишь обведя неопределенным жестом всю комнату – это была его единственная дань уважения хозяину, с которым он так внезапно столкнулся.

– Папа, ты не мог бы подождать Клея в машине?

– Как угодно, дорогая. – Он поцеловал дочь в щеку, которую она ему неохотно подставила, и вышел.

– Он очень мил, этот твой морской капитан.

– Заткнись. Послушай, ты хочешь развода или не хочешь?

– Тебе решать. – Это был его обычный ответ. Инид налила себе виски, ее рука дрожала.

– Ну так я не хочу. У нас дочь, хотя, видит бог, ты совсем не уделяешь ей внимания. Джо много возится с ней, водит по разным местам.

– А я-то думал, он только тем и занимается, что сдерживает коммунизм.

– Вы с отцом можете смеяться сколько угодно, но они действительно прибирают к рукам страну. – Инид без всякого перехода яростно обрушилась на «элементы», которые строят козни против добродетельных американцев, но затем – это было так на нее похоже – что-то из сказанного напомнило ей о себе; она оставила республику в руках красных и снова принялась спасать свой брак. – Я перестану с ним встречаться, если ты действительно этого желаешь, хотя он настоящий мужчина, каких мало, только это не означает, что он мой любовник или что-нибудь в этом роде.

– Он не твой любовник?

– Я не сказала, что он не был моим любовником, – ответила она, последовательная в своей нелогичности. – Но не это главное. Главное в том, что рядом со мной должен быть мужчина, чтобы мне было с кем ходить в гости, чтобы было кому обо мне позаботиться, да и малютке он нужен – нужен мужчина, который подавал бы пример, занимался бы с ней. Ей очень плохо без отца и оттого, что я ей за двоих, когда я и сама-то, факт, никудышная мать.

Клей проникся невольной симпатией к жене; ее внезапные невеселые откровения действовали подкупающе.

– Хорошо, – сказал он. – Не будем ничего решать до моего возвращения, если я вообще вернусь.

– Не уезжай! То есть уезжай, конечно, на Гавайские острова или куда угодно, только не туда, где бои. Что я буду делать, если тебя убьют?

На этот явно риторический вопрос было слишком много ответов. Он утешил ее. Поцеловал. Рука об руку они спустились по кирпичной лестнице к длинному «кадиллаку», в котором сидел Блэз и спокойно читал газету. Шофер открыл заднюю дверцу. Блэз поднял на них глаза:

– Все улажено?

Инид обняла Клея так, словно он шел на верную смерть. А что, очень даже может быть, что он идет на верную смерть, подумал Клей, мягко высвобождаясь из ее объятий и садясь на заднее сиденье. Шофер захлопнул дверцу. Теперь его отделяли от Инид металл и стекло. Ее губы продолжали шевелиться, но он

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org не слышал слов через закрытое окно, к тому же заработал мотор. Когда машина тронулась, Инид большим глотком осушила стакан, который держала в руке, и побежала обратно в дом. Интересно, подумал Клей, суждено ли им еще когда-нибудь свидеться.

– Похоже, она снова начала пить?

– Пить? Не думаю. По-моему, она пила кока-колу.

– Когда она вышла, в стакане было виски. – Блэз констатировал это тоном бесстрастного наблюдателя. – Развода не будет?

– Не будет. По крайней мере в ближайшее время.

– Хорошо. – Оба замолчали. Машина выехала из Джорджтауна и свернула на широкую авеню, застроенную низкими зданиями с фасадами, имитирующими дерево или кирпич, совсем как на главной улице какого-нибудь городка на дальнем Западе. Они миновали «Народную аптеку» (желтым по черному) – одну из разветвленной сети городских аптек, столь же вездесущих, как и «Прачечные Палас», чьи отличительные цвета были пурпурный с золотым, или бело-зеленые одноэтажные кирпичные домики, известные под названием «Маленькие таверны». Это были ориентиры места, ставшего для Клея родным; он уже успел привыкнуть к этому городу, жизнь в котором текла медленно и лениво, – успел привыкнуть к его длинным, устремленным вдаль проспектам, застроенным общественными зданиями с колоннадой фасадов, и неожиданным трущобам, где жили чернокожие – в сумрачных кирпичных домах, построенных в те далекие дни, когда царствовал Маккинли и правил Марк Ханна. Но были тут и обсаженные деревьями элегантные авеню с небольшими круглыми площадями, чтобы сдерживать пушками ненавистную чернь, – таков был первоначальный замысел; и кто бы мог предвидеть, до какой степени разгуляется эта чернь – не на улице, нет, и не с винтовкой в руках, а в самом Капитолии, упиваясь видимостью, а иногда и реальным ощущением народовластия и предоставив площади своим нобилем, которые знай себе строили дворцы и не боялись никого, включая самого президента, которому они бросали обвинения в том, что он жаждет их гибели.

– Не хочется уезжать? – негромко спросил Блэз.

Клей кивнул:

– Но я должен это сделать. – Вышло так, будто он разыгрывает из себя героя, хотя он вовсе этого не хотел. К счастью, Блэз не истолковал его слова в таком духе: его слух был настроен на сугубо практический лад.

– Ты должен ехать, если хочешь, чтобы мы протолкнули тебя в конгресс.

Клей повернулся и взглянул на Блэза.

– Знаете, я страшно признателен вам за помощь, после всего того, что случилось между мною и Инид.

Блэз отвел глаза, явно смущенный.

– С Инид проблема. Мне не нравится, что она с собой делает. Эти ее запои. И этот военно-морской болван.

– Должно быть, я сам во многом виноват.

Клей пустил пробный шар, и Блэз немедленно откликнулся.

– Совершенно верно. И я бы не сказал, что ты очень хорошо управился с этим делом. Признаюсь, на меня произвело большое впечатление, когда ты позвонил мне и попросил совета, ни слова не сказав против Инид. Это меня просто восхитило. – Как и было задумано, с яростным удовлетворением отметил про себя Клей: его отчаянный стратегический ход имел успех. – Но вот она мне не нравится, слишком уж она все это раздула. Ну да будем надеяться, что все забудется к тому времени, когда ты вернешься домой героем.

Клей рассмеялся.

– Героем? За это не так легко поручиться.

– Я велел Гарольду Гриффитсу не спускать с тебя глаз. Он все время будет где-нибудь поблизости.

– Нельзя сказать, чтобы мы с ним особенно ладили.

– Это не имеет значения. – В холодных интонациях Блэза Клею слышался голос власти. – Если ты совершишь что-нибудь примечательное, Гарольд напишет, а я напечатаю. Я хочу, чтобы ты пошел далеко.

– Почему? – Простота, с какой это было сказано, требовала прямого ответа.

– Мы как-то уже говорили об этом – в Лавровом доме, несколько лет назад. – Блэз был предельно точен. – Я тогда еще сказал, что ничем не стану облегчать тебе продвижение в жизни. У меня были на это причины, и у меня есть свои причины теперь. Они сугубо личного свойства и, возможно, не особенно благовидны. – Блэз отвел взгляд. – Я сказал тебе, что хоть теперь я и богатей, – его хрипловатый голос искусно выделил курсивом пренебрежительное слово, – в свое время я хотел, в общем, того же, что и ты сейчас, и я своего добился. Своим собственным путем, который, наверное, и вполнину не так хорош, как твой. – Он нахмурился. – Если б республиканцы победили на последних выборах – у них заведомо не было шансов, но предположим, – я бы стал послом в Италии. Увлекательная работа, приятная жизнь, пришлось бы иметь дело с Муссолини, а это, наверное, было бы незаинтересно. – Некоторое время Блэз говорил о Муссолини, словно сожалел, что ему не пришлось быть послом президента Уилки в Италии. Потом он снова вернулся к прерванной теме. – Только, видишь ли, все это так, второй сорт.

– Быть послом в Италии?

Блэз кивнул.

– Для меня – второй. – Он констатировал это как факт. – Но на большее я и не могу рассчитывать, у меня нет будущего. Вот разве что продолжать в прежнем духе, что не так уж плохо. – Он изобразил на лице одну из своих внезапных улыбок. – А у тебя будущее есть. И оно может быть прямо-таки великолепным. Ты хоть сам-то это понимаешь?

– Да. – Клей не уступал Блэзу в горделивом прямодушии. – Я всегда это знал.

Блэз рассмеялся:

– Молодец! Ты совсем как я, вот только не богатей, а потому и возможностей у тебя больше.

– Без денег у меня вообще нет шансов добиться чего-либо действительно грандиозного.

– Не беспокойся, у тебя будет все, что надо.

Клей невольно подивился, почему Блэз решил оказать ему поддержку. Уж конечно, не ради Инид, ибо теперь стало ясно, что Блэз променял дочь на зятя, словно он не мог одновременно любить обоих, или, лучше сказать, быть «заинтересованным» в обоих, поскольку Блэз, похоже, вообще никого не любил. В зависимости от настроения он мог с одинаковым благодушием или пренебрежением отзываться о жене, сыне, дочери.

Пока что – Клей это понял – он заручился интересом Блэза и должен выжать из него все. Как бы между прочим он заговорил о значении денег в политике, о том, как трудно людям вроде Бэрдена выдвинуть свою кандидатуру на президентских выборах. При упоминании о Бэрдене Блэз резко выпрямился и толкнул откидное сиденье на место.

– Нилсон!

– А что с ним такое?

– Вы... Вы вели с ним какие-нибудь дела?

Клей заставил свой голос звучать ровно, вынудив себя к хладнокровию.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Вели, и притом целую кучу. В конце концов, он заправлял нашими финансами в сороковом году.

– Ты не заметил тогда ничего подозрительного?

Клей отрицательно покачал головой.

– Нет, не заметил. То есть, понятно, мы обходили закон об ограничении расходов на избирательную кампанию, но...

– Нет, не то. Что-нибудь сомнительное между ним и сенатором?

– Если что и было, то мне об этом неизвестно. – Говорить правду в таких случаях почти никогда не следовало. – А что случилось?

– Нилсона собираются судить. Правительство. За какую-то мошенническую сделку. Подробности неизвестны. Я узнал об этом от нашего специалиста по финансам в Нью-Йорке.

– Надеюсь, сенатор непосредственно не замешан?

– Нет. Но он затронут постольку, поскольку Эд собирал для него деньги.

Клей с облегчением вздохнул. Очевидно, речь шла не о покупке земли у индейцев, а о чем-то другом.

– Ему ставят в вину связь с подсудимым?

– Бедный Бэрден! Туго ему придется на первичных выборах.

– Вы поддержите его?

Блэз кивнул.

– Но я рад, что ты теперь встал на ноги. У него могут быть неприятности. – Блэз предложил Клею сигару. Оба не спеша закурили. Когда дым наполнил машину, Блэз открыл окно и мягко сказал: – Я любил Эда. – Клей обратил внимание на прошедшее время. – Он был с нами в одном клубе. Плохие времена для нас. – Блэз коротко рассмеялся. – Уитни тоже был членом клуба. И попал в тюрьму. Что-то скис наш капитализм, а?

– Может быть, им не удастся съесть Эда?

Но Блэз уж устал от этой темы. Он повернулся к Клею – темно-желтые белки глаз, черная радужная оболочка неотличима от зрачков.

– Мы своего добьемся! Слышишь?

Клей вздрогнул от неожиданной горячности этих слов. К счастью, не успел он ответить, как машина остановилась перед отелем. Пока шофер и швейцар боролись за право открыть дверцу, Блэз схватил рукой его бедро и стиснул до боли. На глазах у Клея выступили слезы, но он не шелохнулся. Очевидно, его испытывают каким-то неведомым ему способом. Садист проклятый, думал он, пока сильные пальцы больно сжимали его ногу. Наконец шофер открыл дверцу, и Блэз убрал руку. Но боль осталась. Блэз небрежно пожал ему руку.

– Держи со мной связь.

– Хорошо. – Клей вылез из машины. Нога как отнялась.

– Да!.. – окликнул его Блэз.

– Слушаю, сэр.

– Постарайся, чтобы тебя не убили.

– Постараюсь.

Оба рассмеялись, и Блэз уехал, а Клей остался с гнетущим сознанием, что, быть может, ему не суждено дожить до тех грандиозных свершений, которые Блэз так заманчиво нарисовал перед ним. Но тут все его тревоги рассеяло

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
появление знакомой фигуры. Это была мисс Перрин.

– Только теперь я миссис Фаллон. Я по-прежнему служу у сенатора: заработка мужа на двоих не хватает. Мэнсон по-прежнему работает в казначействе. – Она весело улыбнулась и согласилась зайти к нему в номер выпить стаканчик, как только вручит кое-какие бумаги одному из избирателей сенатора.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

– В Вашингтоне это единственное место, сколько-нибудь похожее на салон, – сказал сержант Иниэс Дункан старшине младшего разряда Питеру Сэнфорду, выходя с ним на Дюпон-серкл.

Питеру захотелось поершиться.

– А что такое салон? Да и нужна ли нам такая штука в Вашингтоне? И для чего идти в «место, сколько-нибудь похожее»?

Иниэс терпеливо объяснил, что там можно хотя бы по-человечески поговорить, почти так же, как в Нью-Йорке – городе, где Иниэс вступил в армию, чтобы убивать нацистов. Но вместо этого его послали в Вашингтон придумывать средства и методы поднятия морального духа войск, уставших от скуки и безделья за три года войны. До войны Иниэс преподавал философию и писал бесчисленные критические статьи о литературе и политике. Несмотря на возраст (ему было сорок пять) и плохое здоровье (он страдал астмой, слишком много курил и из-за плохого зрения был непригоден к несению каких бы то ни было воинских обязанностей), он был зачислен на военную службу и попал в соседний с Питером отдел, где выдавал чудовищную массу писанины, значительная часть которой размножалась на mimeографе. Ему не нравился Вашингтон, но он как мог старался прилаживаться в этом, на его взгляд, провинциальном городе и, подобно чеховскому герою, с печалью говорил о своем отлучении от настоящей столицы. Вашингтон для него попросту не существовал. Он обожал теоретические аспекты политики, практическая же ее сторона его не интересовала. До тех пор пока общественная система не будет коренным образом изменена, утверждал он, бессмысленно даже пытаться понять нынешнюю структуру власти. Но хотя звание и функции председателя комиссии по ассигнованиям палаты представителей казались ему чем-то непостижимым, он читал Локка, цитировал Хьюма и толковал Маркса. Во всяком случае, «они очень скоро сойдут со сцены», – зловеще пророчил он, когда Питер заседал на него с вопросами. Не будут ли «они» сметены революцией или просто унесены потоком истории, этого он не мог сказать.

Разговаривая с Иниэсом, Питер часто спрашивал себя, каково живет человеку, ревниво оберегающему свою нравственную чистоплотность. Именно эта черта в Иниэсе привлекала его больше всего. Иниэс ко всему относился серьезно. Все должно быть взвешено на точных весах неустанно бодрствующего нравственного чувства. На первых порах, пока это было Питеру в новинку, он пытался ко всему подходить с такой же серьезностью и анализировать не только поступки, но и побуждения, не только видимые результаты человеческих усилий, но и их непредсказуемые последствия. В конце концов он превзошел всю науку, но обнаружил, что для него это всего лишь забава, тогда как для Иниэса и его друзей это составляло подлинный смысл жизни. Суд Иниэса заседал непрерывно, а его суд постоянно удалялся на перерывы. Он попросту был не в силах выносить окончательные приговоры. Глупость и злоба людская скорее забавляли, чем тревожили его, разумеется, если только он сам не становился их жертвой, и тогда ему делалось ясно, что он способен вести себя так же глупо и злобно, как и любой другой. Но, когда его ничто не тревожило, он полагал, что людьми движет исключительно себялюбие, и это не расстраивало его как Иниэса, который с раздражающей ясностью видел неразумность людей и, что хуже всего, присматривался к себе не без самолюбования и вместе с тем с какой-то подозрительностью, не дававшей ему покоя.

Иниэсу было с Питером трудно.

– Ты глуп, – без конца твердил он, но, как истый педагог, не переставал

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org просвещать Питера, который любил учиться; лишь изредка удавалось Питеру восстановить равновесие и утвердить собственное «я», шпыняя Иниэса его незнанием реальной политики и немарксистской истории. Однако Иниэс слышать не хотел ничего такого, чего он еще не знал, и лишь приводил слова Гегеля; он знал то, что знал.

Иниэс недавно развелся с женой, жил один и часто проводил, свободное время с Питером. Обменявшись с ним ролями, Питер, коренной вашингтонец, виделся только с нью-йоркскими друзьями Иниэса. По большей части это были прикомандированные к Пентагону литераторы; некоторые, как ему говорили, были знамениты, хотя он никого из них не знал. Но ему нравилось их лютое презрение ко всему тому, что его учили ценить. Большинство из них, до заключения пакта между Сталиным и Гитлером, были коммунистами. И все без исключения были социалисты – это особенно радовало Питера, который до сих пор знал о них лишь понаслышке. Так как он отрицал, что имеет какое-либо отношение к пресловутому газетному магнату, никто не подозревал, кто он такой на самом деле, и в результате он узнавал о своем отце чудовищные вещи.

Прожив в Вашингтоне год, Иниэс вдруг открыл для себя коренных вашингтонцев.

– Знаешь, тут есть интересные люди, я имею в виду человеческие типы, конечно. Ну вот про каких читаешь в романах, написанных дамами с тройными фамилиями, или у Генри Джеймса – в нем самом есть что-то дамское. Одна такая дама мне особенно нравится. Она представляет старую Америку в лучшем смысле слова, если только эти понятия совместимы. Она приглашает в свой дом только тех, кто умеет читать не шевеля губами. Стало быть, любезным твою сердцу политикам к ней путь заказан.

Иниэс не захотел сказать, кто она, кроме: да, ее хорошо знают. Нет, политикой она по-настоящему не занимается. Да, она богата. Замужем. Стара. Так или иначе, он удивил Питера, и это доставило ему удовольствие, хотя Питер удивился лишь тому, что Иниэс, как всякий другой, оказался всего-навсего честолюбцем. Но затем он напомнил себе, что жизнь – это движение. Всем приходится перемещаться по социальной лестнице, в особенности тем, кто рожден на самом верху, но вынужден проделывать захватывающее и в то же время опасное путешествие вниз, полное всяких подвохов и грозящее при каждом неверном шаге неминуемым падением.

Без особой охоты Питер согласился пойти в гости к этой особе, понимая, что, если он с ней знаком, его песенка спета и его новые друзья узнают, кто он такой – сын известного фашистского негодяя.

Когда они вышли на Дюпон-серкл, Иниэса тоже взяло сомнение: он вовсе не был уверен в том, понравится ли Питер хозяйке дома.

– Богачи – премерзкий народ, – с беспокойством начал он. – Если ты уверен, что сможешь ее переварить...

– Постараюсь, – кротко ответил Питер.

Иниэс и его нью-йоркские друзья полагали, что отец Питера был скромным правительственным чиновником. В результате этой лжи во спасение он впервые в жизни получил возможность быть всецело самим собой, избавившись от необходимости оправдывать или осуждать своего отца. Это было приятнейшее ощущение. Он только сейчас осознал, как много терял от обсуждения или, еще хуже, от намеренного необсуждения Блэза, «Вашингтон трибюн» и запутанных связей его семьи.

Иниэс остановился перед большим желтым особняком с затейливыми коваными воротами.

– Это здесь, – сказал он.

– Милисент Смит Кархарт! – не удержавшись, воскликнул Питер. Вот и конец маскараду.

Иниэс был поражен.

– Ты с ней знаком? Ну, естественно, – ответил он самому себе. – Как можно жить в Вашингтоне и не знать этого места. В те дни богатые полагали, что

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
они должны выделяться. – Придя к этому обобщению, он нажал кнопку звонка.

Им открыла служанка. На какое-то мгновение Питеру показалось, что она узнала его, и он быстро надвинул на глаза пилотку, пряча лицо.

– Мадам в библиотеке, – сказала служанка, явно не в восторге от их вида. Питер направился в библиотеку.

– Верно, – сказал Иниэс, – это там. Надеюсь, она не назначит нам тему для обсуждения. Иногда это с ней случается.

– Если я не ошибаюсь, ты говорил, что мы будем просто беседовать, а не участвовать в семинаре.

– А какая разница? – Питер не собирался играть роль Главка[70 – Персонаж греческой мифологии. Помог Парису украсть спартанскую царицу Елену.] для аттического мудреца Иниэса. Он готовился к встрече с Милисент Смит Кархарт, которую знал с детства.

Милисент знали все. Она была племянницей забытого ныне президента, который управлял страной в безмятежные годы конца прошлого столетия. Девушкой она жила вместе со своим вдовым дядюшкой в Белом доме и играла у него роль хозяйки. Обладая самой заурядной внешностью, она преисполнилась решимостью сделать себя привлекательной и достигла этого, среди всего прочего, тем, что вышла замуж за английского пэра. К сожалению, ее титулованный супруг, как она его называла, был предан *le vice anglais*[71 – Английскому пороку (фр.)], и хотя это могло показаться ей интересным, но несколько не радовало. В конце концов, после одного необычайно скучного обеда в американском посольстве, она, по ее собственному выражению, как следует вздула графа. После этого она вернулась в Вашингтон и на деньги, оставленные президентом, который умер неожиданно богатым, построила себе дворец на Дюпон-серкл. Милисент жила одна, пока не умер граф, после чего, ко всеобщему изумлению, вышла замуж за Дэниеля Траскотта Кархарта – безвестного выходца из Новой Англии, который никого не интересовал, кроме самой Милисент. Толки о том, чем именно он ее интересовал, не прекращались многие годы. Но теперь, когда обоим было по семьдесят, все просто решили, что в свое время он, вероятно, был занятен и она великодушно разрешила ему остаться при себе – как-никак лишний мужчина за столом. Его единственной функцией в Вашингтоне было поддерживать какую-то непонятную связь со Смитсоновским институтом, которому Милисент, по слухам, завещала себя как часть национального достояния.

Гостиная, по замыслу, хозяйки, должна была производить впечатление – изысканные *boiserie*[72 – Панели (фр.)], китайские ширмы, но, как и сама Милисент, они имели вид несостоявшегося великолепия. Занавеси были истрепаны и поблекли; стулья расшатались и нуждались в ремонте; неизбежные портреты королевских особ в серебряных рамах потускнели.

Слуги Милисент старались вместе с ней; они даже стали похожи на нее, в том смысле, что дом представлялся им не как место, где надо прибираться, а скорее как святилище, которое надо охранять. Портрет домашнего божества висел над камином. Покойный президент был коренастым человеком с массивной челюстью, беспокойными глазами и кудрявыми бачками. Его правление уже давно было всеми забыто, но здесь, в этой комнате, Питер ощущал девятнадцатый век, как нигде в Вашингтоне, и гадал о том, каким был город в те дни бесконечно долгих путешествий, обедов из двенадцати блюд и нескончаемых речей. Однако Милисент не давала никакого ключа к разгадке золотого века своей юности. Манеры у нее были вполне современные. Но, в конце концов, она всегда шла вровень с веком, и, если б не ее муж и явно запущенный дом, можно было бы подумать, что она навеки осталась цветущей женщиной средних лет.

– Как хорошо, что вы пришли, мистер Дункан! – Она схватила Иниэса за руку с таким видом, словно он принес ей счастье. Милисент была высокого роста и унаследовала от дяди-президента массивную челюсть, но уныло-серые глаза были у нее свои.

Иниэс нервничал.

– Миссис Кархарт, ничего, что я привел с собой друга?

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Конечно, конечно. – Милисент взяла в свои руки руку Питера, но, услышав имя «Питер Сэнфорд», обняла его, к вящему изумлению Иниэса.

– Господи боже, и что только делают в армии такие дети!

– Я уже вырос, миссис Кархарт. Я больше не ребенок.

– Ох уж это время! – выкрикнула Кархарт имя своего врага. – Где Блэз? Где Фредерика?

– Они в Хоб-Саунде, – доложил Питер, – но к рождеству должны вернуться в Лавровый дом.

– У них будет новогодний прием?

– Да, конечно.

– Тогда я там буду. Это единственный раз в году, когда меня приглашают в Лавровый дом. Я для них недостаточно именита. Подумать только, он в армии! Дэниел! – позвала она своего мужа, крупного безмятежного человека с лицом в красновато-коричневых пятнах. – У нас Питер Сэнфорд и мистер Дункан, тот критик, о котором я тебе говорила, – или, может, мне следовало бы называть вас капитан?

Иниэс лишь молча покачал головой, дивясь неожиданному преобразению Питера. Но не успел Иниэс накинуться на своего приятеля с расспросами и упреками, как мистер Кархарт увел Питера с собой, а Милисент начала представлять Иниэса – «знаменитого критика» – своим гостям, которые слыхом о нем не слыхивали. Но это не имело значения для Милисент: она во что бы то ни стало хотела иметь салон. Питер не имел ясного представления о том, каким должен быть настоящий салон, но почему-то считал, что наряду с блестящими рассказчиками в нем должно быть немало превосходных слушателей, достаточно образованных, чтобы оценить все намеки и нюансы в речи говорящих. Однако ему еще ни разу не довелось побывать в таком месте. В домах, куда он был вхож, говорили только о политике; все прочие темы, как правило, вызывали либо замешательство, либо скуку.

– По-моему, на чай звана твоя сестра Инид, – медленно произнес мистер Кархарт, подводя Питера к длинному, застланному кружевной скатертью столу, за которым разливали чай и кофе две пожилые служанки в серых форменных платьях. Руки их дрожали, но на стол не пролилось ни капли. Когда Милисент звала на чай, она имела в виду именно чай, и ничего другого. Спиртного не подавали, но Питер об этом не жалел; он просто задрожал от восторга, увидев вереницы тарелок с тонко нарезанными бутербродами, сэндвичами с огурцом, кресс-салатом и куриным мясом, а также пирамиды шоколада с начинкой и светлого миндального печенья на потемневших от времени серебряных подносах.

Жизнь была прекрасна. Он попросил чаю, съел сэндвич с цыпленком и сказал, что за последнее время редко виделся с Инид.

– Завален работой в Пентагоне, – соврал он. Сэндвич был недосолен – это означало, что он приготовлен на свежем сливочном масле. Питер попробовал горячий сэндвич с сыром – великолепно. Хлеб был смазан маслом и посыпан красным перцем, так что образовалась хрустящая корочка.

– И когда только кончится эта война? – вежливо спросил мистер Кархарт и, не дожидаясь ответа, исчез. Никто не знал тогда ответа на этот вопрос. До недавних пор казалось, что надоевшая всем война близится к концу; но затем Германия и Япония набрали второе дыхание. У японцев это называлось «божественным вдохновением»: камикадзе направляли свои самолеты прямо на врага и погибали при взрыве. В Европе немцы неожиданно остановили наступление союзных войск, сделав отчаянное усилие, которое получило в газетах наименование «битва на выступе фронта». Союзники несли тяжелые потери. Питер получал письма от своих друзей из Первой армии: они писали, что дела на фронте дрянь, и хвалили его за то, что он так предусмотрительно остался в Пентагоне. Но он не чувствовал за собой вины. Он с самого начала решил остаться в живых, и пока что это ему удавалось.

Внезапно перед ним выросла Диана. Он чуть не подавился, одним глотком допил чай, пожал ей руку.

- Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
- А я и не знала, что ты бываешь у Милисент, – насмешливо сказала она.
 - Меня привели. – Она показалась ему необычайно миловидной. – Где Билли?
 - Понятия не имею. – Ее голос звучал резко. – Мы с ним поцапались.
 - Хуже обычного?
 - Куда там! Он дал показания против Эда Нилсона. Отец в бешенстве. Я тоже.
 - А кто такой Эд Нилсон?
 - Он собирал деньги для отца в сороковом году. Нефтепромышленник...

Питеру смутно вспомнилось, что он читал в газете о нефтепромышленнике, обвиненном в каких-то махинациях.

– Его судят в Нью-Йорке. И Билли дал против него показания. Он даже втянул в это Белый дом. После всего того, что Эд сделал для отца и для меня, это так... гнусно. Эх, выпить тут едва ли найдется. У Милисент чай так чай. – Приняв чашку от одной из служанок, она пролила половину на блюдо, выпила то, что еще оставалось, и как будто немного пришла в себя. Тем временем Питер съел маленький сэндвич в виде звезды: это был язык, приправленный горчицей. Он съел еще один и спросил:

- А что ты тут делаешь?
- Хочу немножко потрясти мистера Кархарта. Для журнала.
- Все ищешь жертвователя?

Диана кивнула, и лицо ее вдруг приняло строгое выражение.

– Я либо раздобуду средства на издание журнала, либо умру оттого... что пью слишком много чая. Я уже гоняла чаи со всеми именитыми вдовами Вашингтона.

- Вдовы не тот народ, чтобы финансировать журнал социалистического направления. Это претит их натуре.
- А я им пока не открываю карты. Говорю, что «Американская мысль» будет посвящена искусству, красоте, истине.

– То есть всему тому, что они в глубине души осуждают.

– Но чем обязаны восторгаться. Ну и, конечно, что журнал будет антикоммунистический. Да мы такие и есть на самом деле. Это всегда хорошо проходит. Но только...

- Денег они не дают...
- Да, денег они не дают. Кархарт чуть ли не последняя наша надежда.
- И уж конечно, по части изыскания финансов от Билли проку мало.

– Вовсе никакого. Но он чудесный редактор. Нет, правда. Он уже собрал отличный круг авторов.

– Тут есть один подходящий для вас человек. – Питер показал ей Инизса. На Диану он произвел впечатление. Сжимая в левой руке шоколадку с начинкой – его провиант в долгом путешествии по комнате, – Питер подвел Диану к Инизсу. Тот знал понаслышке о Билли и согласился, что «Американская мысль» имеет полное право претендовать на место в литературном мире.

– Разумеется, я буду для вас писать. Я согласен писать для кого угодно, лишь бы платили. Сколько вы платите?

– Сейчас у нас пока еще нет денег. – Диана хотела сказать это весело, а вышло печально. – Но, разумеется, мы будем платить, – быстро добавила она, – надо лишь набрать денег минимум на шесть номеров, но это нелегко.

– Нелегко? А как насчет того, чтобы порастрясти вашего юного друга? Этого

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
волка-капиталиста в золотом руне, который прикидывается невинным
ягненок. – Инизэ произнес это деланно-добродушным тоном, но Питер понял,
что он сердится. Придется вновь налаживать с ним отношения.

Питер повернулся к Диане.

– Если хочешь, я возьмусь за мистера Кархарта. – Ему очень хотелось сделать
что-нибудь для Дианы, потому что она была зла на Билли, и если б он мог
теперь сослужить ей службу... Павана будет продолжаться, и рано или поздно
все руки сомкнутся. Она обрадовалась, и это было ему приятно.

На полпути к мистеру Кархарту его остановила Люси Шэттак. Подобно всем
подругам Фредерики, она полагала, что знает его так же хорошо, как его
мать.

– Питер! Взгляни на себя, ты весь раздулся!

Он втянул живот, шоколад в его руке стал таять. Люси познакомила его с
морским офицером – то был знаменитый киноактер, приписанный к Пентагону.
Актер оказался меньше его ростом и удивительно чопорным. Вашингтонские дамы
были от него без ума. «Настоящий джентльмен», – говорили они изумленно.

– Он ни за что не протянет еще один срок, – выразительно сказала Люси. «Он»
– это, конечно, был президент, который преследовал их всех, как кошмар.
Однако все восприняли четвертый срок его президентства гораздо легче, чем
третий; они явно сообразили, что для них же лучше, если в нынешние кровавые
времена этот злодей будет править ими. Что касается Питера, то ему
старейший Люцифер казался скучным и многословным, и всякий раз, как ему
попадалась в газете фотография президента, он быстро переключался на
какой-нибудь другой отдел, чтобы не видеть изможденного свирепого лица со
странным темным пятном над левой бровью, словно техника репродукции каждый
раз давала осечку, и капля типографской краски расплывалась на этом месте
из года в год, из номера в номер.

Актер был с этим несогласен.

– Не то чтобы я был за Новый курс, – мягко сказал он тем самым голосом, что
доставлял столько удовольствия миллионам людей, в том числе и Питеру,
которому вдруг захотелось, чтобы все это было фильмом и каждому из них была
отведена волнующая и уже разученная роль. – Но не далее как на прошлой
неделе я был на обеде в Белом доме, и мне показалось, что он в отличной
форме. А вот Дьюи был какой-то чудной. Должен признаться, он меня просто
рассмешил, хотя я голосовал за него. – Мысль о том, что герой экрана
голосует, почему-то вызвала у Питера отвращение; он жаждал, чтобы тот
сказал своим знаменитым стальным голосом: «Без паники. Все остаются на
своих местах. Мне нужны бриллианты». Затем со своей забавной полуулыбкой он
должен сказать: «О'кей. Возьмешь на себя заднюю комнату, Пит». Но голос был
обычный, не стальной, манеры – лишь слабое подобие его сценического «я»,
полуулыбка – не та. Тем не менее Люси была в восторге. Подобно большинству
вашингтонских дам, она никогда не ходила в кино, зато знала все о звездах
экрана. И хотя посмеиваться над ними было признаком хорошего тона, у тех,
кто давал приемы, они были нарасхват: они украшали комнату.

Люси воздала высшую почесть герою экрана – рассказала ему важную сплетню.
Похоже, что президент, умирая от неоперабельного рака, состоит в связи с
норвежской наследной принцессой, она что-то слишком много времени проводит
в Белом доме.

– Разумеется, миссис Рузвельт на это наплевать, зато Мисси Лехэнд просто
помешалась от горя, что он абсолютно без ума от этой женщины. – Питер не
без удивления отметил про себя, что даже циничная Люси разделяет широко
распространенное среди женщин заблуждение, будто мужчины всегда от них «без
ума», тогда как, по его собственным наблюдениям, мужчины вообще редко
бывают «без ума» от кого-либо.

– В довершение всего он подарил ее стране истребитель подводных лодок! –
Люси разразилась хохотом, и кончик ее носа заходил вверх и вниз. – Ну, чего
еще можно от него ожидать? Другие дарят любовницам бриллиантовые браслеты,
а он подарил своей истребитель подводных лодок!

Прямо перед собой, через комнату, Питер увидел Айрин Блок, с которой

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org чрезвычайно радушно здоровалась хозяйка. Неужели на его глазах зарождается новый союз? – подивился он.

– У миссис Кархарт интереснейшие гости, – осторожно заметил актер.

– Всякой твари по паре, – несколько неосмотрительно заметила Люси, ибо перед ней стояла пара вышеназванных тварей. – Я хотела сказать, – поправилась она, – теперь у нее совсем не то, что было в добрые старые интеллигентные времена, когда меня сюда не пускали, а Генри Адамс читал здесь свои лекции. Это было еще до того, как умерла его бедняжка жена; он был трудный человек. Ну, а теперь Милисент довольствуется простым человеком, вроде нас с вами.

Однако присутствующих никак нельзя было назвать «простым человеком», притом их связывало между собой разве только сознание того, что комната, куда они ненадолго попали, была одним из последних мостов между Вашингтоном девятнадцатого века и столицей новоявленной империи, армии и флотилии которой расползлись по лику Земли от Борнео до Рейна.

Питер взглянул на портрет кряжистого президента, висевший над камином, и попытался угадать, что бы тот подумал о новоявленной Американской империи, столь не похожей на старую республику, веселым слугой которой он был. Перемены в стране, отразившиеся и на городе, свершились столь внезапно, что Питер вовсе не удивлялся тому, как мало людей их замечает. В один прекрасный день люди проснулись и обнаружили, что по божьему велению, а не по чьему-либо расчету родилась Американская империя, призванная управлять миром. Он вовсе нам не нужен, этот мир, ворчали заправилы из высших сфер, прибирая к рукам базы и торговые пути, но кто еще может обуздать наци и япошек? Кто еще может сохранить мир путем войны?

– Эта война – просто кошмар какой-то! – Похоже было, что Люси задумывалась над этим больше, чем над многим другим. – В конце прошлой недели я была у Милисент в Мэриленде. У нее там дом в очень красивом месте, – пояснила она актеру, и тот сказал: да, он знает. – Так вот, к ней приехала погостить на денек миссис Осборн, ну, знаете, которая всегда ратует за то, чтобы сохранить Джорджтаун таким, какой он есть. – Питер сказал: да, он знает. – Она хотела, чтобы Милисент стала членом какого-то там комитета, и мы все подробно обсуждали, а день был такой теплый... Воскресенье, совсем как весной... Ну, мы сидели на воздухе, внизу, возле этого ужасного пруда, в нем еще столько тины, что иначе, как трясиной, его не назовешь. Так вот, зазвонил телефон, Милисент сняла трубку и сказала, что просят миссис Осборн. Она не проговорила и двух минут, как вдруг попятилась от телефона, зацепилась за удлинительный шнур и полетела вверх тормашками прямо в пруд. Хорошо еще, Милисент здорова как бык, и она вытащила миссис Осборн на берег. Так вот, стоит она, бедняжка, перед нами – сухой нитки на ней нет, зубы лязгают от ужаса, вся облеплена листьями – и говорит нам, что ее сын Скотти, этот славный парень...

Рука, сжимавшая шоколад, оледенела. «Мертв», – пронеслось в голове у Питера за мгновение до того, как Люси шэтак сказала:

– ... убит на острове Сайпан, пуля попала прямо в голову. Он служил в морской пехоте.

Люси все говорила и говорила, но Питер больше не слушал. Он закрыл глаза, пытаясь вызвать в памяти образ Скотти, но получил лишь черно-белый негатив; он попробовал снова, и его мысленному взору предстало смутное подобие Скотти на роликовых коньках – ему четырнадцать лет, на нем плисовые бриджи; они сделали еще усилие и получили цветное изображение. Им тогда было по тринадцати. Они забрались в ванную в Лавровом доме, Питер был еще совсем не искушен в делах секса, и Скотти вызвался дать ему наглядный урок.

Занимаясь своим делом, Скотти рассказывал, как прошлым летом совратил девушку семнадцати лет. Это была великая победа. Тогда Питер ему не поверил (впоследствии он убедился, что Скотти никогда не врал). Но был его рассказ правдой или выдумкой, Питер позабывал Скотти, потому что в тот день, на полу в ванной, он был уверен, что никогда ничего такого не сумеет. Мужская сила приходила к нему только во сне.

– Ничего не выйдет, – сказал он наконец, но Скотти лишь ухмыльнулся; черные волосы упали ему на лоб. Внезапно Питер почувствовал, как в нем нарастает

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org какое-то странное, неизведанное ранее ощущение, и захотел вырваться. – Довольно, – сказал он. Но Скотти не отпускал его. Затем, с таким ощущением, будто он разрывается на части, Питер почувствовал, что жизнь уходит от него. – Господи Иисусе! – Он отбросил руку Скотти. Тот громко захохотал. Словно метеор, притянутый планетой, Питер падал, теряя равновесие, и, когда ему совсем уже стало нечем дышать, умер, чтобы возродиться вновь несколько минут спустя, когда Скотти оттолкнул его от себя.

Выражение, которое было в глазах Скотти в тот момент, – вот все, что он мог припомнить, а Люси Шэттак все говорила и говорила, и ее голос звучал словно издали, как по телефону при плохой слышимости.

– Пойдем, – сказала Диана, беря его за руку. – Извините, миссис Шэттак. – Она оторвала его от гонца, принесшего печальную весть.

– Куда? – спросил он, удивляясь тому, что еще может говорить. Он поймал свое отражение в зеркале и с отвращением убедился, что выглядит как обычно: ничто не выдавало его внутреннюю боль, и только шоколад таял в руке. Но боль была самая настоящая, просто он потерял способность реагировать: подняться до трагедии или пасть в бездну отчаянья. Вместо этого в его мозгу не переставая крутился хроникальный фильм. Морская пехота высадилась на берег. В его ушах гремел диалог из кино: «Но ведь он еще совсем ребенок, капитан! Его нельзя назначать в дозор!»

Он попытался мысленно представить себе момент смерти Скотти и получил застывший кадр: Скотти подает мяч в бейсбольном матче под пальмами, а из пианолы по соседству несутся звуки песни «Ты для меня все», исполняемой бесцветным басом самого Скотти – голосом, которого он, Питер, никогда больше не услышит.

– Мистер Кархарт ждет. Он у себя в кабинете.

– Чего ждет? – Питеру не хотелось больше жить, хотелось, чтобы все остановилось, сказать: «Спасибо, с меня довольно», и рухнуть на пол с пулей во лбу.

– Вот макет. – Диана подала ему пробный номер «Американской мысли». – Идем. Вон туда. – Она подтолкнула его к двери.

Мистер Кархарт стоял за столом, на котором были разложены какие-то таблицы с множеством небольших квадратиков, частью пустых, частью надписанных.

– Генеалогическое древо, – любезно пояснил он. – Я проследил род Кархартов вплоть до Роберта Брюса[73 – Брюс Роберт – основатель графского рода норманнского происхождения (XI в.), сподвижник Вильгельма Завоевателя.], по обеим линиям.

– Это должно быть интересно, сэра. – В одной руке Питер судорожно сжимал макет «Американской мысли». Растаявший шоколад в другой грозил закапать ярко-красный ковер. Не без отвращения Питер понял, что драматизирует не смерть Скотти, а собственное горе.

К счастью, слухи о том, что мистер Кархарт зануда, не были преувеличены. Подобно всем величайшим занудам, он не только имел набор своих тем и анекдотов с бородой, но и был способен на стихийные вспышки непроходимой тупости. Как раз это и было нужно сейчас Питеру.

– Вот видите, у меня все в порядке с девятнадцатым и большей частью восемнадцатого века. Разумеется, тут и там попадаются лакуны, но в общем линия Кархартов ясна. Ну, а в семнадцатом веке есть несколько небольших проблем. – Он нахмурился: очевидно, проблемы были достаточно серьезные. – Вот тут у нас связь с сэром Томасом Броуном[74 – Броун Томас (1605–1682) – английский медик и философ.], это весьма интересная связь, но она целиком зависит от этой вот дамы. – Он ткнул в один из квадратиков. – Кто был ее первый муж? Связаны ли мы с ее детьми от первого мужа или от второго?

Пока выяснялся этот вопрос, Питер присматривал, куда бы выбросить шоколад; это было рискованное дело, так как мистер Кархарт, требуя от жертвы безраздельного внимания, обладал способностью холодным взглядом пригвозждать к месту всякого слушателя, которому вздумалось бы заерзать или зевнуть, не открывая рта.

Наконец обязательный номер программы закончился, и Питер вручил Кархарту номер «Американской мысли» и одновременно произнес перед ним речь.

На Кархарта это как будто произвело впечатление.

– Да, что-то в этом роде нам бы не помешало. Как говаривал мой друг Генри Адамс: «Вашингтон – это культурная пустыня». Просто удивительно, зачем он вообще тут обосновался. Представляю, какая это была для него пытка: жить напротив Белого дома и знать, что в отличие от своего деда и прадеда там он никогда жить не будет. – Ладно, пусть мистер Кархарт все это объяснит и разобъяснит. Питер ощутил беспокойство – верный признак того, что Кархарт оказывает на него воздействие. Занудливость Кархарта возродила его к жизни.

«Почему бы не позволить себе чуточку вульгарности? Давайте пригласим президента» – говорил Генри Адамс, и это всегда приводило Милисент в ярость, потому что президентом-то был ее дядя. Иниэс Дункан первый обратил внимание Питера на то, что, подобно средневековой римской знати, каждый из именитых вашингтонских родов основывался на одном-единственном выдающемся человеке. В Риме это был папа, в Вашингтоне – президент или прославленный законодатель. И еще долго после того, как имя знаменитости бесследно стиралось в памяти людей, ей продолжали поклоняться у домашнего алтаря, ибо она являлась единственным источником чести рода, основой всех его притязаний. Говоря о дяде, Милисент не называла его иначе, как президент, словно до него не существовало тридцати других.

– Я не стану вкладывать деньги в такое предприятие, – изрек наконец мистер Кархарт, предавшись занудным воспоминаниям о дне, проведенном с Генри Адамсом, – дне, в течение которого, как оказалось, не было сказано ничего такого, что так или иначе не касалось бы генеалогического древа Кархарта. – Но... – В маленьких тусклых глазках за золотым пенсне вроде даже сверкнул огонек. – ... я подпишусь на первый год издания.

«Чтоб ты сдох», – подумал Питер и, запустив руку с шоколадом под стул, мстительно вытер ее о сиденье, нисколько не заботясь о том, видит это мистер Кархарт или нет. Злодеяние прошло незамеченным, ибо как раз в эту минуту Милисент просунула голову в дверь.

– А ну-ка, вы там, займитесь тем, зачем вас сюда позвали. Питер, явилась твоя сестра.

Джо Бейли радушно хватил Питера по плечу.

– Как живешь, приятель? – прокричал он своим густым басом, но Инид перебила его:

– Ты опять растолстел! А что это у тебя с рукой? – Она замечала все. – Шоколад! Ну и свинтус! – Она дала ему бумажную салфетку. Он с благодарностью взял ее и вытер руку.

– Что ты здесь делаешь? – одновременно спросили они друг друга, и оба засмеялись, радуясь уже одному тому, что они такие одинаковые. Питер объяснил, по какому делу он пришел к мистеру Кархарту. Инид сказала, что Джо захотелось познакомиться с вашингтонским обществом.

– Один бог знает, зачем это ему понадобилось. По правде говоря, скучнее Милисент дамочку еще поискать, а кроме чая, тут ничего не дают.

Как обычно, вокруг Инид стал собираться кружок, и Питер оставил ее. Она уже успела выпить, но твердо держалась на ногах и не заплетала языком. Однако Джо Бейли не отходил от нее ни на шаг, словно боялся, что она может упасть.

– Кто эта девушка? – Иниэс был тут как тут.

– Моя сестра.

– С твоей стороны это непорядочно – так меня надуть.

– Я хотел, чтобы вы полюбили меня ради меня самого.

Спасая честь, Иниэс перешел к пассивной обороне.

– Пожалуй, это самые никчемные люди, каких мне приходилось встречать. Сталин прав: отмирающие классы добровольно не сходят со сцены.

– Ну а как насчет беседы? Ведь, в конце концов, это салон. – Поддразнивая Иниэса, Питер ощущал в себе какую-то душевную смуту, что-то такое, что имело отношение к Скотти помимо факта его смерти.

Иниэс ожесточенно поносил заманчивый мир, в который ему так хотелось пролезть, и, желая сохранить его дружбу, Питер поддакивал ему. Тут появилась Диана, горевшая желанием узнать новости. Питер предпочел говорить без обиняков.

– Пустой номер. Он не дает ни гроша.

– Не может быть!

– А почему бы тебе не пустить в дело твои собственные деньги – сэнфордские миллионы? – Иниэс решил: мстить так мстить.

– Миллионы не у меня, миллионы у моего отца, и я не думаю, чтобы такой журнал пришелся ему по вкусу. Но... – Он повернулся к Диане и посмотрел ей прямо в глаза. – ...Я попробую провернуть это дело.

Диана недоверчиво глядела на него.

– Правда?

Да, Питер сказал это всерьез. Пора бездействия кончилась. Годы, проведенные в школе и в армии, считай, пропали зря. Теперь он должен положить конец своей пассивности, сделать что-то стоящее и в то же время такое, что порадовало бы Диану, особенно сейчас, когда она поссорилась с Билли. Это нечестивое побочное соображение он постарался выбросить из головы. Он сделает это ради нее самой, подобно Скотти, который умер, совершая нечто важное, по крайней мере в данный момент. Но ведь все это сантименты, сурово одернул он себя, все это ложь. Умирать во имя чего-то так же глупо, как умирать ни за что. Он хотел пережить войну, и он ее пережил. Теперь надо платить за эту разумную осторожность, найти своей жизни должное применение. Он уже готов был порадоваться за себя, как вдруг ему пришло на ум, что он ведет себя неблагородно. Ведь он делает только то, что ему хочется, и ничего больше.

– Ну, пошли, – сказал он Диане, удивив этим больше себя, чем ее.

– Хорошо, – ответила она. – Я только возьму пальто, встретимся в вестибюле.

– Я знаю ее мужа. С ним нелегко иметь дело. – Иниэс пристально посмотрел на него.

– К счастью, мне не обязательно иметь с ним дело. – Питер простился с Иниэсом, пожалуй сохранив в целости слегка потрепанные узы дружбы.

Проходя через комнату, чтобы попрощаться с хозяйкой, Питер услышал, как Инид говорила Айрин Блок:

– Нет, я ей-богу, с удовольствием приду посмотреть ваш новый дом. Я слышала, теперь все к вам ходят. Вот уж никогда не понимала, чего все травили вас столько времени.

Айрин Блок побледнела еще больше, если это вообще было возможно, – снежный сугроб под безжалостным солнцем Инид.

– Да, да, – весело ответила Айрин. – Да, да, – с отчаяньем повторила она, уповая на перемену погоды. И перемена пришла в лице Питера.

– Здравствуйте, миссис Блок.

– Ах, Пьер! – Она повернулась к нему, взяла его руки в свои и уже не отпускала. – Вы тоже приходите. У меня будет скромный прием. *Un petit cocktail* [75 – Скромный прием с коктейлями (фр.).] – Хотя Питер желал ей всяческого добра, все же его передернуло, когда она назвала его Пьер.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org Довольная собой, Инид подмигнула ему. Прием с коктейлями был задуман в честь изгнанного немцами министра одной средневропейской страны. Как бы извиняясь за Инид, Питер сказал, что с удовольствием придет. Он пытался высвободить свои руки из рук миссис Блок, но она вцепилась в него в страхе перед Инид и заговорила быстро и безостановочно, не давая Инид рта раскрыть.

– Мы так редко вас видим, – сказала она весело, и Питер подивился, кого она подразумевает под словом «мы». Он был с ней едва знаком, и лишь чудовищное поведение сестры заставило его прийти к ней на помощь. – Но я вас понимаю, эта ужасная война взвалила на молодежь такое бремя. Я уверена, что вся работа лежит на вас, ведь вы не имеете возможности бывать в обществе, в то время как генералы чуть ли не каждый вечер на званых обедах.

– Хорошо еще, что... – Инид оскалила зубы, собираясь потерзать свою жертву. Но Питер отвел удар.

– Я вовсе ничего не делаю, миссис Блок. А хотелось бы. – И тут его вдруг осенило. – Я хочу издавать журнал, почему бы вам не помочь нам деньгами?

– С удовольствием! – Вспомнив о богатстве своего князя от коммерции, она вновь обрела почву под ногами и выпустила руки Питера, не забывая, однако, об осторожности. – То есть, если ваш журнал мне понравится, разумеется. – И улыбнулась, не желая брать на себя никаких обязательств.

– Не сомневаюсь, что понравится!

– А я так просто убеждена, – сказала Инид. – В конце концов, это же будет светский журнал, правда? Вроде «Города и провинции».

Но ее жертва уже ускользнула.

– Заходите ко мне. Под вечер я почти всегда дома, – бросила она Питеру через плечо и исчезла.

Питер повернулся к Инид.

– Ты ужасна, – сказал он, и Инид расхохоталась до слез.

Откуда ни возьмись появился Джо Бейли.

– Как моя девочка? – Он взял сочную ноту на органе своих голосовых связок.

– Твоя девочка чувствует себя превосходно, но ей не мешало бы выпить. Это стародавичье чаепитие мне уже невмозготу. Питер нашел себе нового друга среди избранного народа – Айрин Блок. – Голос Инид звенел на всю комнату, Люси Шэттак у камина понимающе улыбнулась им.

Вдруг Питер почувствовал, что у него болит голова и он просто лопнет, если сейчас же не даст выхода своему гору и ярости. Он повернулся к Джо.

– Как наш переворот?

– Переворот? – Джо озадаченно глядел на него.

– Ну да, захват Белого дома, искоренение комми и возрождение чистой, простой и богобоязненной Америки, преданной мелкому фермерскому хозяйству, бейсболу и рабству.

– Ну, ну, без хамства, молодой человек!

Инид хотела что-то сказать, но промолчала. Облегчив душу, Питер распрощался с Милисент и спустился в вестибюль, где его ждала Диана. Взяв такси, он, не спрашивая ее, назвал шоферу свой адрес.

Лишь за полночь, уже после того, как Диана ушла, он наконец понял, что беспокоило его весь вечер. В прошлом году, когда Скотти приезжал на побывку, они глупо повздорили из-за знакомой девушки и холодно расстались в открытом кинотеатре для автомобилистов «Хотшоп»; Питер съел тогда два рубленых бифштекса и две порции картофеля, жаренного по-французски. Гордость не позволила им помириться, и Скотти снова уехал. Теперь, когда

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Скотти не было в живых, Питер вдруг сообразил, что за все их многолетнее знакомство он ни разу не сказал Скотти, как он ему дорог. Лежа среди скомканных простыней, от которых пахло Дианой, Питер хмурился, скрежетал зубами и клялся себе в том, что теперь он уже не повторит такой ошибки.

II

Издали Бэрден слышал свой усиленный репродуктором голос, наполнявший зал. Он держал речь, и слушатели смеялись каждой его шутке. Публика была как раз в его вкусе: зажиточные фермеры, приехавшие в Вашингтон на ежегодный ленч, который устроили в этот год в новом отеле «Стэтлер», пригласив его в качестве основного оратора. Он рассказал им старый анекдот – последовал взрыв смеха. Он с показной скромностью опустил глаза, пытаясь разобрать заметки, которые сделал на меню. Пока зал смеялся, он быстро отхлебнул кофе и заметил при этом, что у него не убрали мороженое. Теперь оно растаяло. Это было отвратительно.

Внезапно смех прекратился. Бэрден хотел продолжать, но в его мозгу вертелась одна только мысль – о растаявшем мороженом. В голове было пусто. На какое-то мгновение он перестал понимать, где он и что делает перед этим множеством незнакомых людей. Он буквально потерял себя – в последние годы это случалось с ним время от времени на публике. К счастью, приступы афазии были кратковременны, и их, как правило, не замечали.

Бэрден отчаянно схватился за меню, прочел: «*Boeuf a' la Washington*» [76 – Говядина по-вашигтонски (фр.)]. Это не помогло. Его замешательство росло. Зал с любопытством смотрел на него, удивляясь, почему он молчит. Он перевернул меню, увидел несколько наспех нацарапанных слов, среди них слово «Лусон». Это спасло его. Высадившись недавно на острове Лусон, Макар-тур начал битву за Филиппины. Вовремя придя в себя, он подпустил в свою речь немножечко ура-патриотизма, совсем чуточку: пора махания флагами прошла, и это было ему больше по нраву, чем его противнику на недавних первичных выборах, заядлому стороннику Нового курса, проводившему свою предвыборную кампанию под лозунгами типа «Не забывайте Пёрл-Харбор!».

Бэрден избрал другой путь. Неназойливо и вместе с тем вполне обоснованно он напомнил избирателям, что за те тридцать лет, что он представляет их в сенате, их штат стал процветающим. Всякий другой на его месте развил бы эту тему во всех подробностях, но он ограничился одним лишь упоминанием и затем начал говорить о том, как на протяжении его жизни Соединенные Штаты стали мировой державой и (это были перепевы Перикла) как чудесно, но вместе с тем опасно быть великим. К его удивлению, эта часть его речи неизменно встречала живой отклик у зала. Когда он переходил к этой теме, он видел, как люди подавались вперед и с широко раскрытыми глазами жадно ловили каждое его слово. В такие моменты он познавал радость, позволявшую вынести мучительный процесс переизбрания.

Он не собирался говорить фермерам о том, как опасно быть мировой державой, но, поскольку они так хорошо восприняли славословие Макартуру, решил продолжать в том же духе. Однако, не успев сочинить и двух фраз о Державе, он вдруг сообразил, что слишком затянул свою речь. Ему следовало бы закончить на Лусоне. Пришлось самым решительным образом урезать Державу – и это было очень обидно, потому что он был признателен ей. Держава особенно действительно помогла ему против его противника из республиканской партии – бизнесмена, стоявшего на грубых империалистических позициях и располагавшего вдвое большей финансовой поддержкой. И хотя они шли примерно вровень, Держава в конечном счете побила деньги. Бэрден был так слаб финансами, что в последние недели предвыборной кампании ему стало нечем платить за плакаты и выступления по радио. Он едва был в состоянии оплачивать бесполезные, но необходимые объявления в еженедельниках. Бесполезные в том смысле, что они никак не влияли на избирателей; необходимые – потому, что издатель неизменно поддерживал того кандидата, который давал больше объявлений.

К счастью для Бэрдена, на его связь с Нилсоном не обратили особого внимания. С одной стороны, обвинения, предъявленные Нилсону правительством, пока не касались покупки земли у индейцев. С другой стороны, хотя Нилсона и обвиняли сразу по нескольким статьям, он еще ни в чем не был признан виновным. В результате соперник Бэрдена на первичных выборах, равно как и его противник-республиканец могли лишь выразить сожаление по поводу того,

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
что сенатор Дэй знает с такими людьми.

По иронии судьбы, именно чувство справедливости чуть было не стоило ему голосов избирателей. Он подвергался яростным нападкам за то, что отстаивал права американцев японского происхождения. «Защитник япошек», – то и дело писали на его предвыборных афишах. Перед самыми выборами его противник-республиканец решился на отчаянный шаг и объявил сенатора Дэя агентом японского правительства (почему же еще сенатор виделся с японским послом Курусу за десять дней до Пёрл-Харбора?). Из-за этой несуразности республиканец провалился – к тайной радости Бэрдена, который был уверен, что на этот раз он потерпит поражение, причем не имел ни малейшего представления о том, что с ним тогда будет. Ему нечего было делать вне стен сената. Но добродетель восторжествовала, и на ближайшие шесть лет будущее его было обеспечено.

В отличном расположении духа Бэрден закончил свою речь шуткой. Пока фермеры смеялись, он уронил меню в лужицу растаявшего мороженого. Председатель поблагодарил его. Еще одна речь позади.

Усталый, но довольный собой, он стал проталкиваться через переполненный зал, обмениваясь рукопожатиями с разными людьми, раздавая автографы и позируя фоторепортеру (тот был в единственном числе – дурной признак). Затем, помахав на прощание залу рукой, он пересек вестибюль и подошел к газетному киоску. Он просматривал вечернюю газету, отыскивая в ней свое имя, как вдруг знакомый голос сказал:

– Так-то вы блюдете верность! Почитываете газету оппозиции! – Это был Блэз.

Бэрден поздоровался с ним громким голосом, все еще настроенным на выступление перед публикой. Они не виделись со времени выборов.

– Что слышно о нашем мальчике?

Бэрден был озадачен. О каком мальчике? Чьем?

– Две недели назад Клей написал мне, что он снова снимается с места. Но, разумеется, не мог сказать, куда их направляют. Сейчас он на Гуаме, по крайней мере, так доносят мне мои шпионы.

– Я ничего не слышал о нем за последнее время.

Строго говоря, если не считать поздравления в ноябре после выборов, Бэрден не получал вестей от Клея. Это было странно: Клей всегда аккуратно «поддерживал связь». Интересно, подумал Бэрден, уж не история ли с Нилсоном отбила у Клея охоту писать ему. Молодой, идущий в гору, он не желает иметь ничего общего с зашатавшимся стариком. Но я еще не упал, яростно подумал Бэрден, покупая журнал с надписью через всю обложку «Окопная война на Тихом океане. Репортаж Гарольда Гриффитса».

Блэз постучал по обложке пальцем-обрубком:

– Гарольд творит что-то феноменальное. Это черт знает что. Переплюнул самого Эрни Пайла [77 – пайл Эрнест (1900–1945) – американский журналист, получивший за свои корреспонденции с Тихоокеанского театра военных действий Пулитцеровскую премию (1944)]. Вот уж не думал, что он на это способен. Педик, конечно. Потому-то и пишет так хорошо о солдатах.

– Удивляюсь, как вы позволяете ему писать не только для вашей газеты.

Блэз нахмурился:

– Откуда я знал? Но ничего, писать для газет он не имеет права: таков договор. – Блэз купил тот же журнал. – А знаете, – сказал он, – я буду гостем президента на церемонии его вступления в должность на будущей неделе.

– Предатель, – улыбнулся Бэрден.

– Может быть. – Блэз закурил сигару. Тут к ним подошли несколько фермерских жен – пожать Бэрдену руку и пожелать ему всяческого благополучия, «потому что у вас правильный образ мыслей!» – на что Бэрден, как обычно, ответил:

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
«Да умножит господь ваш род». Затем он повернулся к Блэзу. Тот наблюдал за ним с сигарой во рту.

– Вот видите, – сказал Бэрден. – Меня еще любят.

– Почему бы и нет? – На Блэза эта сцена не произвела впечатления. – Я иду в Белый дом вовсе не потому, что люблю этого старого стряпчего по темным делам...

– Вы поддержали его в прошлый раз.

– Только потому, что Дьюи для меня неприемлем. Нет, я иду исключительно из-за этой затеи с Объединенными нациями. Я всецело за, Бэрден. – Голос Блэза звучал так, словно он предостерегал.

– Я знаю, – сдержанно ответил Бэрден.

– Ваша сенатская публика не поднимет из-за этого шума?

Бэрден обнаружил, что ситуация ему нравится.

– Возможно. Точно не могу сказать. Многие зависит от того, как Франклин будет вести себя. Вильсон обращался с нами, как со школьниками. Это была его ошибка.

– Вы и вели себя как школьники, – пробурчал Блэз. – Во всяком случае, президент хочет с вами сотрудничать. Он для того и взял Трумэна себе в вице-президенты, чтобы заручиться поддержкой сената.

– Не исключено, что это была ошибка.

– Но вы ведь не собираетесь шуметь по этому поводу?

– Шуметь? Да разве мы можем? Два года назад мы одобрили вступление в послевоенную международную организацию.

– Но вы не голосовали.

– Не голосовал. Но я был за резолюцию, по которой договора входят в силу лишь после одобрения сената.

– Это означает, что решающее слово по любому вопросу остается за сенатом.

– А оно и так было за ним. Конституция, статья вторая, раздел второй. – Бэрден переменял тему разговора. – Знаете, мы все еще держим место от Второго округа наготове для Клея. Я не раз говорил о нем, когда бывал в округе. Его там любят.

При мысли о Клее лицо Блэза просветлело.

– Это ужасно! Нам непременно надо найти какой-то способ избавиться от теперешнего конгрессмена. Но так, чтобы не очень круто. В конец концов, солдат в форме, вернувшийся с войны...

– Зачем же так круто. – Молодые стучались во все двери, Бэрден слышал это повсюду. – Мы сделаем для Клея все. Будьте спокойны. Как Инид?

– Нормально. – Блэз стряхнул пепел с сигары, и разговор о дочери был на этом закончен. – Эд Нилсон к вам не наведывался?

Бэрден был поражен.

– Нет. А он что – в городе?

– Я встретил его сегодня утром в Клубе печати. Он собирался на Холм, хотел вас повидать. Бедный Эд! – Блэз пустил большой клуб синего дыма в лицо Бэрдену. – Он очень затруднил вам перевыборы?

– Да. – Бэрден предпочел не вдаваться в подробности.

– Я так и думал. Но он хоть избежал тюрьмы. Это уже кое-что. Рад был

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
повидать вас, Бэрден.

Эд Нилсон у него в кабинете – так сказала ему мисс Перрин. Вид у нее был испуганный. Эд сидел на диване, подперев голову руками, но, увидев Бэрдена, весело поздоровался с ним.

– Надеюсь, я не очень помешал вам своим вторжением? Ваша приемная – единственное спокойное место здесь.

Бэрден был глубоко уязвлен меткостью этого замечания. Больше не кандидат в президенты; простой сенатор, как все прочие. Но это ненадолго. Пройдет несколько дней – и его имя вновь прогремит на всю Америку. При мысли о карте, которой он собирался козырнуть, Бэрден воспрял духом и заговорил почти жизнерадостно с человеком, который едва не погубил его политическую карьеру.

– Вы хорошо выглядите, Эд. Я скучал без вас. Мы все скучали.

– Очень приятно слышать это от вас. – Нилсон был так же ласково учтив, как в тот день, когда они впервые встретились у подъезда Капитолия. Он не выдавал своей озабоченности даже теперь, когда федеральное Большое жюри рассматривало вопрос о предании его суду. – Главным образом из-за вашего зятя.

– Знаю. И очень сожалею об этом. Я бы с удовольствием удавил его.

– Самое печальное то, что я отлично ладил с людьми из Налогового управления. Больше того, мы отлично ладили с министерством юстиции, но, по-видимому, был звонок из Белого дома от одного из друзей Билли. Это решило дело. Так родился последний обвинительный акт. Он мстительный по натуре.

Бэрден вздохнул.

– Объект его мести не вы.

– Если я и не объект, то по крайней мере главная жертва.

– Он метил в меня. Если помните, Билли выступил со своими разоблачениями как раз перед первичными выборами. Он хотел погубить меня. И того же хотел президент. Вот почему Белый дом помог ему.

– Да, лояльным его не назовешь.

– Какая там лояльность! Но я уцелел. И вы тоже уцелеете.

– Ну еще бы, – непринужденно сказал Нилсон. – Теперь-то они мне ничего не смогут пришить. Теперь под нас даже с продажей земли не подкопаешься.

Это «нас» заставило Бэрдена содрогнуться. Он уткнулся взглядом в «Ведомости конгресса», лежавшие на столе перед ним.

– Рад это слышать, – прошептал он.

– То, что мы до сих пор не нашли ни капли нефти на этой проклятой земле, нисколько не облегчило моего положения. Так вот, Бэрден, что я хотел бы теперь от вас...

Бэрден окаменел, Нилсон рассмеялся.

– О нет, ничего страшного. Просто скажите своему зятю, что, если он от меня не отвяжется, я позабочусь о том, чтобы всем стало известно, что в данный момент он является членом руководства коммунистической партии.

– У вас есть доказательства? – Бэрден нисколько не был удивлен.

– У меня уже с полгода есть доказательства.

– Так почему же вы их не использовали?

– Потому что вам предстояло переизбрание. Знакомство со мной уже само по

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org себе бросало на вас тень. А если бы еще стало известно, что ваш зять коммунист, вам был бы конец.

Бэрден был ошеломлен. Человека практичнее Нилсона он еще не встречал. И все же Нилсон принял удар на себя, чтобы спасти карьеру друга. Бэрден почувствовал, как на глазах у него выступают слезы.

– Вы ничего не сделали только из-за меня? – запинаясь, пробормотал он.

Нилсон улыбнулся.

– И у воров есть своя верность.

Этого еще не хватало. Бэрдена шокировало слово «воры», на что и рассчитывал Нилсон.

– Не знаю, как вас благодарить.

– Предупредите его.

– Я это сделаю. Будьте покойны. – Бэрден ощутил легкое сердцебиение. Это дело ему по душе. И, как ему казалось, Диане тоже.

– Скажите ему, что, поскольку вы теперь какое-то время можете не опасаться избирателей, я не остановлюсь перед тем, чтобы доставить ему серьезные неприятности.

– Я помогу вам, – сказал Бэрден.

Нилсон встал.

– Надеюсь, вы поддержите эту затею с Объединенными нациями.

– Если я вам что-то скажу, вы будете держать язык за зубами? – После разговора с Блэзом Бэрдену не терпелось поделиться с кем-нибудь своей тайной.

– Постараюсь. – Нилсон с веселым удивлением глядел на него.

– На следующей неделе я намерен произнести речь – заклеить изоляционизм и выступить в поддержку Объединенных наций.

– Отлично! – Нилсон был искренне обрадован. Он улыбнулся. – Вы не только правильно поступите, но и снова окажетесь в седле. Такое не каждый день случается.

– Совершенно верно, – ответил Бэрден. – Они рассмеялись, как мальчишки, пожали друг другу руки, как заговорщики, и расстались друзьями.

Уже стемнело, когда Бэрден вернулся домой. Ему открыл Генри. Жена крикнула сверху:

– Это ты, Бэрден?

И он ответил, как отвечал уже тридцать лет:

– Я вернулся! – И вошел в гостиную.

На стуле у камина, прямой как палка, сидел Билли Торн. Против него, на диване, сидела Диана и какой-то плотный молодой человек в форме, показавшийся ему знакомым. На кофейном столике между ними лежали газеты и что-то, похожее на растерзанный журнал.

– Я не помешаю? – спросил Бэрден.

Диана подбежала к нему, поцеловала.

– У нас замечательная новость! – Молодой человек пожал ему руку, и Бэрден узнал в нем Питера Сэнфорда, симпатичного, хотя и несколько бесхарактерного юношу. Краешком глаза Бэрден заметил, что Билли нехотя поднялся со стула.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Добрый вечер, Торн. – Бэрден налил себе виски покрепче, чего обычно никогда не делал. – Что же это за новость?

– Журнал. Мы раздобыли денег! Сейчас мы выпускаем первый номер. – Диана была в экстазе.

– Не сейчас, а весной. – Билли с грохотом опустился на стул.

– Все равно это скоро, – сказала Диана.

Бэрден занял свое обычное место у огня.

– Где же вы раздобыли денег? – Он указал на Питера. – У этого молодого человека?

– У этого молодого человека нет денег, – ответил Питер. – Я заставил раскошелиться некую даму – миссис Сэмюел Айрин Блок. Вы, наверное, ее не знаете, сэр.

Бэрден резко выпрямился. Айрин. Чай. Обморок.

– Представьте себе, знаю.

– Ну, конечно же, знает! Она подобрала его на улице, когда с ним случился удар. – Диана была сама невинность. – Я же рассказывала тебе, Питер.

– Замечательная женщина. – Бэрден чувствовал, что произнес это так, словно охотился за голосами избирателей: замечательный парень, добрый друг, великий американец. Он часто жалел о разрыве с Айрин. Но выбора не было. Половину своей жизни он прожил в страхе перед той минутой, когда врач скажет ему: отныне и навсегда никаких женщин. После удара, когда именно так ему и сказали, вместе с облегчением он испытал и отчаянье, потому, наверное, что дух в его глазах всегда стоял ниже плоти. От холодного сознания, что любви для него больше не существует, смерть как бы придвинулась ближе. Прихлебывая виски, он решил: во время летнего отпуска он непременно ляжет в больницу с одной-единственной просьбой, чтобы его омолодили, – и его омолодят, ибо современная медицина способна творить чудеса. У него просто не укладывалось в голове, что молодость нельзя вернуть. Правое веко у него вдруг задергалось – признак утомления. Он допил виски.

– Мне нравится миссис Блок, – сказал он и добавил: – Очень нравится.

– Нам тоже, – ответил Питер. – К тому же она предоставила нам свободу действий.

– Какую же это свободу она вам предоставила? – Его нисколько не интересовали их дела, и он мог позволить себе благодушие. Надо узнать фамилию швейцарского врача, который помог уже стольким дряхлеющим людям.

– Свободу издавать приличный журнал социалистического направления, – проревел никогда не умолкавший надолго Билли Торн. От звука его голоса Бэрдена передернуло. Он никак не мог к нему привыкнуть. На первых порах, пока они жили вместе под одной крышей, жизнь была для него сплошной мукой. Повсюду в доме он слышал голос Билли. Доходило даже до того, что он начинал нервничать, если этого хриплого голоса слишком долго не было слышно. К тому же Билли брал книги и никогда не клал их на место. Книги валялись в каждой комнате – раскрытые, с пространными пометками на полях. Поскольку многие из книг принадлежали Бэрдену, это неизбежно приводило к скандалам. В конце концов Билли добрался до биографии Цицерона и придал ей неудобочитаемый вид. Бэрден высказал ему свое возмущение, «Гнусный старый мошенник», – заявил Билли, одним махом разделившись и с Цицероном, и с его почитателем.

– Ну, разумеется, приличный, – мягко заметил Бэрден.

– Хватит с нас алиенации. Теперь мы хотим действовать.

– Алиенации? – Бэрден всегда полагал, что он знает значение этого слова, но Билли произнес его так, будто это была какая-то политическая партия.

– Отчуждения интеллектуалов. – Билли любил объяснять. – Мы слишком долго

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org были отчуждены от жизни Америки, лишены всякого влияния. Но когда кончится война, у нас будет реальная возможность установить связь с народом, с вернувшимися домой солдатами и алчное общество мы превратим в общество щедрое.

Бэрден игнорировал этот зловещий вызов и предпочел зацепиться за слова «лишены влияния».

– Но ведь при Новом курсе вы пользовались большим влиянием.

– С Новым курсом покончено!

– Это правда, папа. – Диана поддержала мужа в его политических маневрах против отца, предварительно улыбкой дав отцу понять, что она по-прежнему с ним заодно, несмотря на вынужденную нелояльность.

Бэрден решил зайти с фланга. Питер, казалось, был слабым звеном в цепи социализма.

– А вы социалист? – спросил Бэрден.

К его удивлению, молодой человек рассмеялся.

– Конечно, нет. Я никто. Таково мое назначение. Быть никем. И я намерен и впредь молчаливо занимать эту позицию.

Бэрден понял, что он недооценил молодого человека. На своем веку ему приходилось расспрашивать немало людей, и по опыту он знал, где следует остановиться. Поэтому он решил переменить характер вопросов.

– У вас есть опыт издательской работы?

– Никакого! – Казалось, молодой человек считает это достоинством. – Но я наблюдал издателей...

– Вблизи. Он знает, чем не надо быть. – Это уж был удар по Блэзу.

– На свете есть много такого, чем не следует быть. – Питер бросил на Билли быстрый холодный взгляд, и Бэр-дену это понравилось. Совершенно очевидно, что они терпеть друг друга не могут. Диану еще можно спасти.

– Моей задачей было раздобыть денег, сэр. – Он обернулся к Бэрдену, и тот увидел, насколько Питер еще молод. – И я их раздобыл. Миссис Блок согласилась финансировать журнал в обмен на обед в Лавровом доме.

Это было сказано с такой потрясающей беспардонностью, что Бэрден резко выпрямился на стуле. Его не выручил даже всеобщий смех. Это была правда. В обмен на приглашение Айрин могла дать деньги, это было точно угадано. Лавровый дом был ее Версалем, и она не успокоится до тех пор, пока не займет место в священном кругу. Хотя прямолинейность Питера и покорила Бэрдена, столь трезвое чувство действительности у сына богача произвело на него впечатление чего-то бодрящего, пожалуй, даже единственного в своем роде. Проведя тридцать лет в среде богачей, Бэрден полагал, что хорошо изучил их. Наиболее непринужденно он чувствовал себя с теми из них, которые всем были обязаны только самим себе; в конце концов, он и сам был обязан всем только самому себе. Другое дело – наследники. Эти были робки, неуверенны в себе, их трудно было раскусить (если под слоем позолоты вообще что-нибудь было), они, как правило, испытывали чувство вины оттого, что богаты, и Бэрден старался поддерживать в них это чувство. Но Питер Сэнфорд, похоже, никакой вины за собой не чувствовал.

– Билли, разумеется, будет редактором, – говорил он. – В этом он понимает толк. Диана будет... Кем же будет Диана?

– Я буду отвечать на письма. Я хорошо печатаю на машинке. Нет, правда, папа, я уже научилась.

Хотя Диана и не была наследницей, Бэрден замечал в ней многие их черты, ибо детям преуспевающих политиков, подобно принцам, оказывают известное почтение – вплоть до того дня, пока источник их именитости не умирает или не оказывается побитым на выборах, и тогда, если у них нет денег, их ждет

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org печальное забвение, от случая к случаю они появляются на столичных приемах и громко цитируют высказывания «отца». Он не допустит, чтобы Диану постигла такая участь.

Бэрден повернулся к Питеру.

– Но ведь вам наверняка захочется делать что-то еще, а не только добывать деньги. – Бэрдена разбирало искреннее любопытство. Он помнил Питера с детства, серьезным, внимательным и умным ребенком. Теперь Питер был, несомненно, игрив, невнимателен и совершенно очевидно умен.

– Да, сэр. Но на это потребуется время. Первым делом, – он взглянул на Билли, – надо будет прочесть Маркса.

– Не читай. Не порти своего невежества. – Билли напрашивался на ссору, но Питер пропустил его замечание мимо ушей.

Тут вошла Китти и стала целовать всех подряд. Ей нравилось целовать, трогать, обнимать людей. К удивлению Бэрдена, никто не имел ничего против ее экспансивности, видя в ней то, чем она и была на самом деле, – звено, связывавшее их с миром, и притом миром любви. Пока она целовала Питера и Диану, Бэрден повернулся к Билли и негромко сказал:

– Мне хотелось бы кое о чем с вами поговорить. В кабинете наверху.

Бэрден извинился и направился на второй этаж, наслаждаясь мыслью, что подниматься по лестницам для Билли затруднительно. Однако его радость по поводу несчастья Билли несколько омрачалась тем, что и для него самого хождение по лестницам стало делом отнюдь не легким; у него постоянно было такое ощущение, будто он вот-вот потеряет равновесие.

Кабинет представлял собой спальню для гостей, которую Китти так и не собралась обставить. На полу, посередине, словно выдохшийся питон, лежал свернутый ковер; он оказался слишком велик для комнаты – это было лет двадцать назад, – и с тех пор никому не пришло в голову его убрать. Бэрденому было бы не по себе без этого дружеского общества. Он сел за стол, составлявший единственный предмет обстановки, и сразу перешел к делу. Он говорил коротко и ясно.

Билли стал вилять, уклоняясь от прямого ответа.

– Русские наши союзники.

– Они и с Гитлером были союзники. – Бэрден знал диалектику. На каждое обвинение – свое контробвинение. Московские процессы – продажность капиталистической печати. Ликвидация кулачества – линчевание негров в Алабаме. Он поиграл с Билли какое-то время, затем нанес решающий удар.

– У Нилсона есть доказательство, что вы коммунист.

Билли пожал плечами.

– Ну и что?

Это упрощало дело.

– Он пустит его в ход, если вы не прекратите свое... преследовать его. – Слово было нешуточное, но в точности соответствовало тому, о чем шла речь.

– Этот человек – мошенник, – сказал Билли вполне умеренным для него тоном. – Я не министерство финансов. Это они наседают ему на пятки.

– Ваши друзья в Белом доме...

– Им на это в высшей степени наплевать...

– ... поставлены вами под удар. Я советую вам отвести от них удар.

– А если я этого не сделаю?

Бэрден впервые заметил, что один глаз у Билли серый, а другой карий. Он

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org никогда раньше этого не замечал и предпочел бы не заметить и сейчас, когда он хотел тщательно, не спеша, вытравить каждую черточку Билли если не с лица земли, то хотя бы из собственной памяти.

– Тогда вы будете уволены из «Трибюн».

– Я и так собирался уйти оттуда, чтобы заняться журналом.

Бэрден ожидал этого.

– Но ведь журнал будет социалистического направления, не так ли?

– Как вы, должно быть, слышали, Советы – социалистическая страна.

– Я совершенно уверен, – продолжал Бэрден, – что если станет известно, что издатель «Американской мысли» является активным членом коммунистической партии, то не будет никакой миссис Блок, никакого Питера Сэнфорда, никаких денег для издания журнала, и, скорее всего, читателей тоже не будет, кроме тех немногих, которые читают «Дейли уоркер».

Наконец-то все карты были раскрыты. Билли не желал сдаваться, не оправдавшись. Но сдался, как только Китти позвала их обедать. Он отступится от Нилсона. Бэрден был удовлетворен.

Когда оба ковыляли вниз по лестнице, Билли сказал:

– Меня удивляет, как вы, с вашим опытом, могли связаться с Эдом Нилсоном.

– Он мой добрый приятель. Я не знаю всех его деловых обстоятельств, но в его честности я уверен. – У Бэрдена не было иного выбора, как лгать.

– Вы не настолько глупы.

Бэрден спускался двумя ступеньками впереди Билли, и лишь это помешало ему по-детски ответить в таком же духе. Он пропустил оскорбление мимо ушей.

– Неприятности Эда с юстицией чуть было не стоили мне переизбрания.

– Многие из нас на это рассчитывали.

Сойдя на первый этаж, Бэрден вне себя от ярости повернулся к Билли, который одним махом перескочил через последние две ступеньки, громко стукнув при этом о стойку перил деревянной ногой.

– Поросенок, – только и мог сказать Бэрден.

– Ну что вы, папочка! – воскликнул Билли и громко расхохотался.

– Чего это вас разобрало? – спросила Диана, выходя из гостиной.

– Да все твой отец. – Билли смеялся не переставая, и Бэрден тоже выдавил из себя улыбку, подумав, что, в конце концов, он вышел победителем.

Тут к ним присоединились Питер и Китти, и все двинулись в столовую. Питер спросил у Бэрдена, как обстоит дело с Организацией Объединенных Наций, и это вернуло Бэрдену хорошее настроение. Он не ответил Питеру ничего определенного и ограничился общими местами, не желая раскрывать свои карты.

Когда все сели за стол, Китти сказала:

– Сегодня у нас ростбиф. – И добавила для страховки: – Если это не конина. В теперешние времена ни в чем нельзя быть уверенным.

III

– Бедный отец! – Диана, полуодетая, сидела на краю постели с газетой в руках, Питер варил кофе в чулане с электроплиткой и миниатюрным холодильником; в Вашингтоне военного времени все это вместе называлось кухонькой.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Почему бедный? – Он хотел открыть холодильник, но не стал. После смерти Скотти он подавлял в себе всякий интерес к еде.

– Вот, взгляни. – Она протянула газету. Ему бросилась в глаза шапка: «Сенатор Ванденберг отвергает изоляционизм».

Питер ничего не понимал.

– Причем тут твой отец?

– Да ведь он сам собирался на этом сыграть! – Она лихорадочно перелистывала страницы и нашла то, что искала, где-то в середине первой тетрадки. – Вот он, погребен, погребен заживо!

Питер налил кофе в две чашки и подошел с ними к постели.

– О чем ты говоришь?

Диана показала ему газету. Мелкий шрифт гласил: «Сенатор одобряет идею создания ООН». Питер пробежал глазами текст: Бэрден отрекся от изоляционизма.

– Ну и что же тут такого? Ты должна радоваться за него.

– Я и радуюсь. Но как ты не понимаешь? Ведь это он должен был попасть в заголовки. Он несколько месяцев работал над своей речью.

– Ну, значит, он плохо рассчитал.

– Он не ожидал такого от Ванденберга. Как он мог? Ах, как папе не везет! – Расплескивая кофе на простыни, она потянулась через Питера к телефону. Он обнял ее. Телефон сенатора был занят. Она положила трубку. – Это убьет его.

– Едва ли. Он живучий. – Питер притянул ее к себе, и они рассеянно предались любви. Она говорила об отце и размышляла о судьбе. В окне оранжевое зимнее солнце опускалось за деревья Думбартон-Окса.

– Нам пора собираться. – Она хотела встать, но он крепко держал ее.

– Еще есть время. Лишь бы попасть туда раньше Айрин.

Потребовалась неделя переговоров, прежде чем Фредерика нехотя пригласила Айрин Блок на обед.

– Но помни, я делаю это только потому, что она помогает вам.

– Если бы нам помогла ты, тебе не пришлось бы приглашать ее.

– У меня нет денег, – заявила Фредерика едва ли не с гордостью. – И у твоего отца тоже. – Это было уже ни с чем не сообразно. Питер улыбнулся, вспоминая эту сцену.

– Чему ты улыбаешься? – Диана всегда ревновала его к его скрытым переживаниям, хотела делить их, и это было приятно. Он сказал ей. Она тоже улыбнулась. – Было бы неплохо, если бы твой отец помог нам.

– Он ни за что не станет помогать, а я этого и не хочу.

– Почему?

Питер нарисовал пальцем пентаграмму на ее животе.

– Потому что он мой отец.

– Но ведь, кажется, у вас с ним хорошие отношения?

Питер согласился; у него с отцом действительно хорошие отношения, потому что им никогда не было дела друг до друга.

– Ноя часто задумываюсь, какой он на самом деле под этой его скорлупой великого магната.

– Странная семья. – Диана уже раньше заметила это. – Каждый из вас хочет быть сам по себе.

– Не каждый. Инид совсем другая. – Оранжевое солнце исчезло, небо подернулось тьмой. Ни ей, ни ему не хотелось говорить об этой буйной особе, которую на прошлой неделе арестовали за езду в нетрезвом виде на какой-то глухой дороге в Виргинии, причем никто не знал, что она там делала. Ее арест подробно расписывали все газеты, и только «Трибюн» хранила полное молчание.

Их встречи выглядели так, словно они давно уже были женаты, но все еще желали друг друга. Но, в конце концов, они знали друг друга с детства, и их связь можно было рассматривать просто как продолжение дружеских отношений. За последнее время Питер с отвращением заметил, что пользуется жаргонными словечками вроде «отношения»; он набрался их у Инидса и его друзей, которые были повально заражены напыщенной фразеологией психиатрии – лженауки, бывшей ныне чуть ли не еще в большей моде, чем френология в прошлом столетии. Но хотя Питера и трогала вера простаков в эти новые таинства, его тревожило то, что интеллектуалы пытаются переосмыслить жизнь и искусство с помощью понятий, почерпнутых у этих врачей-людских душ, которые, подобно земным отцам церкви, воевали между собой, каждый притязая на монопольное владение истиной и объявляя всех других еретиками. Первой жертвой этих яростных стычек оказался английский язык. Нетерпеливое стремление всесторонне осветить сферу личного общения привело к такому словотворчеству, словно тонкая игра чувств была наукой, в которой непременно надо было давать имена новым, доселе неизвестным вещам. И одним из величайших открытий, Винландом [78 – Участок Североамериканского континента, открытый в XI в. викингом Лейфом Эрикссоном. Доныне не установлено, что именно было открыто; так называют районы от Ньюфаундленда до Виргинии.] отважных землепроходцев, был термин «отношения» – словечко, казавшееся Питеру еще более отвратительным, чем еще не сотворенные, но теоретически возможные «освязевление» или «любвение».

– Ну, а чему ты улыбаешься теперь?

– Эротическому наслаждению. Нормальному рефлексу мужчины.

– Нет, это не так. Они хмурятся.

– А ты что, всегда держишь глаза открытыми? И кто это «они»?

– Я наблюдала. Конечно, я говорю о Билли.

Питер пришел в восторг. Они условились, что он никогда не будет упоминать о ее муже. А вот теперь не он, а она нарушила запрет.

– Как ты думаешь, он знает про все это? – Питер, неизвестно почему, указал на холодильник.

– Нет, конечно. Если бы он знал, уж он такого бы наговорил. Нет, он вполне всем доволен. Он думает, что может вертеть тобой как угодно, и поэтому настроен миролюбиво.

Питер сделал вид, что не заметил шпильки. Придет время, и он справится с Билли. Но вот справиться с Дианой – это уже нечто другое.

– Тебе надо развестись с ним.

– Возможно. Когда-нибудь.

– Не то чтобы я верил в брак... – Он уже говорил об этом.

– Я тоже! – отозвалась Диана с необычной горячностью. Затем соскочила с постели и стала надевать пояс. – Нам пора.

Питер с удовольствием констатировал, что форма, которая совсем недавно была ему тесна, теперь в результате двухнедельного поста свободно болтается на нем. Он снова станет худощавым – раз и навсегда. В промежутке между потрясением, которое он испытал, узнав о смерти Скотти, и основанием журнала Питер как бы сбросил с себя свое прежнее пассивное «я» – перестал

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org читать книги только для того, чтобы узнать, кто он такой, или часами слушать Иниэса и его друзей в надежде, что их разговор вдруг перейдет на него и кто-нибудь наконец откроет ему, кто он такой и что он из себя представляет, и тогда ему станет ясно, чем заполнить грядущие годы. Теперь он, разумеется, это знал. Он родился для того, чтобы быть издателем, как и его отец. Приятная ирония судьбы.

– Что ты читаешь? – Диана причесывалась, глядя в раскрытую книгу, лежавшую на столе.

– Как обычно, десять книг одновременно.

– Нет... Я спрашиваю про эту. – Прищурившись, она посмотрела заглавие – уже смеркалось – Уолтер Мэп. Кто это?

– Двенадцатый век. Историк. Поэт. Автор книги «De pugis curialium»[79 – «О забавах священников» (лат.)]. Следовало бы притвориться, что я читаю его по-латыни. Но я не притворяюсь.

Диана полистала страницы и остановилась на подчеркнутом Питером месте. «Когда я начну гнить, эта книга приобретет особый интерес... наступит век обезьян (как сейчас), а не людей; они будут глумиться над своим настоящим, и они не будут терпимы к достойным людям. Каждому веку претит современность; каждый век, начиная с первого, завидовал прошлому, предпочитая его самому себе». Диана закрыла книгу; прочитанное явно произвело на нее впечатление.

– Ты действительно читаешь все подряд?

– Я хочу знать все.

– За исключением того, что знают другие, например Маркса и Фрейда.

– Раз их знают все, к чему мне их знать? В крайнем случае мне всегда их растолкуют. Люди это любят...

– Вот не знала, что слово «современность» уже тогда было в ходу.

– А по-моему, вообще нет понятия более древнего, чем современность. Мне больше нравится то место насчет «века обезьян». Именно так следовало назвать наш журнал.

– Это было бы слишком в лоб. К тому же обезьяны не читают.

– Этого-то я и боюсь. Будем надеяться, Айрин готова раскошелиться.

Они кончили одеваться уже в полутьме. Затем они сблизились, словно две тени, и Диана неожиданно спросила:

– Что ты об этом думаешь? И мы ведь стареем.

– Жду не дождусь!

– Ты это серьезно?

– Ну конечно. Я хочу быть средних лет. Быть всецело самим собой, целиком войти в жизнь, на радость или на горе. Только худощавым, – добавил он. Она засмеялась.

– Я, кажется, тоже не прочь повзрослеть, – задумчиво сказала она. – Но почему людям средних лет хочется казаться молодыми, в то время как мы... в то время как я ничего не получаю от своей молодости? – Ее лицо было печально.

– Спасибо, – сказал он, одновременно развеселившись и обидевшись.

– Ой! – рассмеялась она, и он с неожиданной болью понял, что увлечен ею сильнее, чем она им. К счастью, отчаиваться было не в его натуре. Выходя из квартиры, он знал, что рано или поздно причинит ей боль и сравнивает счет.

Фредерика встретила их радушно.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Диана! Ты чудесно выглядишь! Как Билли? Почему он не пришел? – Пока Диана отвечала, Фредерика вполголоса сказала Питеру: – Ее еще нет.

– Не беспокойся, придет. – Ужас матери не столько забавлял, сколько приводил его в недоумение, потому что в нем не было ничего личного. Фредерика ничего не имела против Айрин Блок. Но два тысячелетия христианского учения сделали свое дело. Поскольку Айрин Блок терзала священную плоть и в безумном ослеплении запятнала себя кровью Агнца, она была нечиста и ей не следовало бы обедать в Лавровом доме.

– Слава богу, они все говорят по-английски, – сказала мать, перечисляя ему гостей, среди которых был русский со стальными зубами. – Теперь у нас уже не то, что прежде, – добавила она, и непонятно было, жалеет она или радуется. С началом войны конгресс потерял свой общественный вес. Сенаторов теперь не часто можно было увидеть в Лавровом доме. Значительными людьми теперь были начальники правительственных комитетов, ведающих стабилизацией цен и увеличением производства. Этих царей, как называла их печать, обхаживали все. Некоторые из этих людей присутствовали и в гостиной Блэза, к восторгу остальных гостей, по большей части иностранцев – членов различных миссий. Старый Вашингтон представляла лишь общительная чета Шэттак. Эти люди умели ладить с кем угодно.

– А вот и наш юный издатель! – весело воскликнул Блэз, вкладывая в свой голос презрение пополам с нежностью.

– А это наш... старший издатель, – ответил сын, не собираясь служить ковриком для ног даже столь почтенному старому мошеннику.

Однако Блэз сделал вид, что не слышит. Он повернулся к своим собеседникам – сплошь иностранцам, за исключением министра, недавно введенного в состав правительства, новичка в Вашингтоне.

– В сущности, мой сын не солдат, хотя и носит военную форму. Он издает журнал. Скажи им, что за журнал. – Блэз по-волчьи ослабил на Питера, который понимал, что отец говорит это вовсе не со зла.

– Журнал, – начал Питер звонким, как у школьника, голосом, – несколько длиннее в длину, чем в ширину, и печатается в два столбца на грубой оберточной бумаге. – Он сделал паузу и улыбнулся отцу. – Думаю, примерно так можно его описать.

Гости ограничились неуверенными смешками, не зная, как отнесется к этому хозяин. Но Блэз от души расхохотался.

– Да, примерно так, господа. Вот только цвет у него будет розовый!

– Да, он будет социалистический, – сказал Питер так, словно речь шла о шрифте. – Но не догматический.

– Ну что за прелесть эти ребята! Они даже не подозревают, до чего хорошо им живется. Недолго думая, он основывает на деньги капиталиста журнал, который хочет покончить с капитализмом.

– Во всяком случае, не на твои деньги. – Питер хотел, чтобы это сразу было всем ясно.

Блэз впервые проявил признаки раздражения.

– Нет, не на мои, мои деньги никогда на это не пойдут. Это деньги..

В эту минуту источник поддержки Питера со стороны капитала вошел в комнату. Вечернее платье Айрин выглядело слишком ярко, слишком индивидуально, слишком модно на фоне тонко рассчитанной старомодности Лаврового дома. Все взгляды устремились на нее. На какой-то момент она задержалась в дверях, затем увидела Питера и двинулась к нему; Питер направился ей навстречу.

Фредерика перехватила обоих под люстрой. К удивлению Питера, Фредерика была возбуждена, Айрин – безмятежно спокойна. Пока что все хорошо, подумал он, уповая на то, чтобы Диана поскорее присоединилась к ним и отвлекла всеобщее внимание. Сердце его гулко стучало. В гостиной наступила тишина.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Питер так и не мог вспомнить впоследствии, каким образом Айрин это удалось, но так или иначе за несколько минут искусного маневрирования она оказалась перед Блэзом и совершила свою первую ошибку: она прервала его. Протянув руку, она сказала:

– Здравствуйте, мистер Сэнфорд.

– Ты помнишь, Блэз... – поспешно начала Фредерика, но было уже поздно. Блэз медленно взял руку Айрин и сказал:

– Здравствуйте, миссис Блэк. Очень рад, что вы смогли прийти.

– Да нет же, Блок! – весело воскликнула Айрин, и это была ее вторая ошибка. Питер обливался потом.

– Ну да, – сказала Фредерика. – Универсальный магазин, я его так люблю. Ну ты же знаешь, магазин Блока.

– Виноват... Да, конечно. – Блэз выпустил руку Айрин.

Неотвратимо нацеленная на катастрофу, Айрин совершила третью ошибку. Она обвела взглядом гостиную.

– Боже милостивый, – громко сказала она, – я не была у вас... pas depuis longtemp[s] [80 – Не так уж долго (фр.)].

Все взоры вновь обратились на нее. Питер взглянул на Диану; ее глаза были закрыты.

– Что такое? – не менее громко спросил Блэз. И, как Питер и ожидал, Айрин повторила французскую фразу. Европейцы стали пересмеиваться. Совершенно не отдавая себе отчета в производимом ею впечатлении, Айрин перевела Блэзу свои слова. Но прежде чем она могла навредить себе еще больше, Фредерика взяла ее под руку и увела. В другом конце комнаты Люси Шэттак сложила лорнет и сказала что-то своему мужу. Тот улыбнулся. Родилась новая вашингтонская легенда.

Диана подошла к Питеру – увы, слишком поздно.

– Почему ты не вмешался? – без всякой логики спросила она.

– А что я мог поделать? – Вдохновленный Айрин, он процитировал по-латыни: «Тех, кого боги хотят погубить, они лишают разума» – и тут же перевел.

– Спасибо, милый. – У Дианы испортилось настроение. – Теперь, когда твой отец так царственно ее обхамил, плакали наши денежки.

– К счастью, мне кажется, она вовсе не понимает, что ее обхамили.

– Она может вести себя ужасно, но она не глупа.

– В этом-то все и дело. Неужели не ясно? Отец ведет себя именно так, как она и ожидала. Если бы он был настроен миролюбиво, он не произвел бы на нее впечатления, а в таком случае ей незачем было бы сюда стремиться, и вот тогда уж действительно мы остались бы без журнала.

Диана сомневалась, так ли это. Но Питер был уверен, что это действительно так. Он присоединился к Айрин, которая явно выбрала для себя компанию европейцев, посмеивавшихся над ее французским.

– Я часто виделась с вашим посланцем Клоделем. Вы с ним знакомы? – Похоже было, собеседник знал его лишь понаслышке. – Он не пользовался у нас популярностью, he[las] [81 – Увы (фр.)]. У него была привычка читать после обеда свои стихи, а мы, вашингтонцы, и вообще-то не любим стихов, а уж французских и подавно. Мы варвары.

Это прошло хорошо. У Айрин была еще возможность спастись. Питер хотел помочь ей.

– И еще, при нем плохо кормили, и это была сушая трагедия, потому что ваше посольство – единственный приличный французский ресторан во всем городе. –

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Шутка вышла плоской, и Айрин бросила на него быстрый сожалеющий взгляд, как бы желая сказать: прибереги-ка лучше эти штучки для своих родителей.

– Вы любите Сен-Джон Перса? – спросила она француза, который опять-таки знал о нем лишь понаслышке. – Ну, конечно же, вы его читали. – Французу стало явно не по себе. Оказавшись в своей стихии, Айрин принялась цитировать Сен-Джон Перса по-французски, и, хотя произношение у нее было самое причудливое, видно было, что она отлично знает предмет. Питер поспешил смыться.

За обедом слева от Питера оказалась черноволосая девушка с бледной кожей, продолговатыми темными глазами и таким тихим голосом, что ему приходилось напрягать слух, чтобы разобрать, что она говорит.

– Похоже, вы меня не помните?

Он ответил, что не помнит, и увидел пустое место на той стороне стола: Инид еще не приехала.

– Я Элизабет Уотресс. – Это имя ни о чем ему не говорило. – Дочь миссис Шэттак. – Питеру вспомнилось, что первым мужем Люси был уроженец Нью-Йорка по фамилии Уотресс, который играл в поло и крепко выпивал: как-то раз, будучи не в духе, он выгнал Люси. Буквально через несколько недель она вышла замуж за Лоренса Шэттака и переселилась в Вашингтон. Поскольку Элизабет была моложе Питера, их пути никогда не скрещивались.

– Один раз мать привезла меня к вам на уик-энд, это было еще до войны, и мы с вами познакомились, только этого вы не помните. Но я тогда здорово отличилась. Поехала кататься верхом вместе со всеми, и моя лошадь – ее звали Антик – понесла. – Это происшествие Питер помнил. – Ваша сестра Инид схватила лошадь под уздцы и остановила ее. Если б не она, я бы наверняка разбилась. Она будет на обеде?

– Она задержалась в городе и придет попозже, – небрежно отговорился Питер. В сущности, он испытывал облегчение оттого, что Инид нет на обеде: она бы не устояла перед искушением поиграть с Айрин, как кошка с мышкой.

Элизабет так ему приглянулась, что после закуски он не обратился, как положено, к даме справа, а продолжал болтать с ней, прихлебывая крепкий бульон с крошечными кусочками чего-то, напоминавшего по вкусу печенку; к бульону были поданы витые палочки из теста; он добродетельно съел всего одну палочку и отказался от хереса.

Элизабет не нравилось в колледже.

– Боюсь, это не для меня. Я хочу начать жить прямо сейчас. Школа для девушки – это всего лишь отсрочка, вот разве что кто очень способный, но я не из таких.

Болтая с Элизабет, он время от времени посматривал на Айрин, желая удостовериться, как идут у нее дела. А дела ее явно подвигались вперед. Она рассказывала про Вашингтон новоявленному министру, и, судя по его виду, рассказ производил на него впечатление. Неожиданно Элизабет спросила его про журнал.

– Откуда вы это знаете? – удивился он.

– Ах, мама и ее друзья только и говорят, что о журнале и о вас. – Ему льстила мысль, что он оказался в центре внимания взрослых. Он все еще не мог отучиться думать о себе как о мальчишке, не представляющем никакого интереса для взрослых. – Но они вообще любят говорить о вашей семье и Лавровом доме. – Его радость несколько померкла. Стало быть, им интересуются лишь постольку, поскольку он из Лаврового дома. Но ничего, скоро все переменится.

– Журнал будет социалистического направления. – Он машинально пустил пробный шар и при этом следил за выражением ее лица. Она внимательно слушала и ничуть не встревожилась.

– Жду не дождусь первого номера, – сказала она наконец.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Я тоже, – сказал Питер. Вечер был еще не закончен. Айрин еще могла пойти ко дну, и тогда прощай сокровище.

– Я очень глупая, – неожиданно сказала Элизабет, налегая на семгу, но не притрагиваясь к фруктовому пюре, которое Питер так любил. – Вы должны вылечить меня от этого.

– Сомневаюсь, чтобы это было так. Но я берусь вас лечить.

Она рассмеялась каким-то особенно зазывным смехом, низким и искренне веселым. Но тут справа от него прозвучал суровый женский голос:

– Я не видела вас с самых пеленок. – И Питер послушно повернулся к одной из подруг матери. Он взял себе семги, но, памятуя о Скотти, не притронулся к фруктовому пюре.

После обеда Блэз предложил мужчинам немедленно присоединиться к дамам: у него важное сообщение для всех. Питер редко видел отца в таком хорошем, можно даже сказать, игривом настроении.

– Ma foi [82 – черт возьми (фр.)], – сказала Айрин, задержавшись в дверях. – Что бы это могло быть? Безоговорочная капитуляция?

– Их или наша? – Диана судорожно вцепилась в Айрин, словно желая провести ее по особенно бурному морю, но искательница приключений, пустившись во все тяжкие, уже не нуждалась в мелких буксирах, которые только что провели ее мимо предательских мелей в открытое море. Она увернулась от Дианы и взяла под руку новоиспеченного министра.

– В Вашингтоне вам обеспечен успех, у меня на это чутье. – Питер и Диана переглянулись, как заговорщики: неужели они выиграли?

– Это появится завтра в газете. – Громкий голос Блэза водворил в комнате молчание. Питер опустился на стул. На низеньком столике, рядом с ним, стояло серебряное блюдо с мятными шоколадными конфетами. Он воспринял это как дурное предзнаменование. Он больше не собирался ничего есть, и вот на тебе – конфеты. У него под ногами разверзся ад.

– ...от нашего собственного корреспондента Гарольда Гриффитса. – Что еще такое от Гарольда Гриффитса? Пропустив половину мимо ушей, он спросил у Элизабет, которая словно по волшебству выбрала стул с ним по соседству.

– Сообщение, – прошептала она. – С Филиппинских островов. Мне нравится, как он пишет, а вам? – Питер отрицательно покачал головой. Он предпочитал прежнего Гарольда и не понимал, что случилось.

– «Тихоокеанский фронт». – Голос Блэза преисполнился драматизма, когда он начал читать отрывистые фразы Гарольда. – «Рассвет. Мы высадились на берег. Нас ждали. Слева от нас была огневая точка. Пули жужжали, словно комариный рой. Но только их жало несло в себе смерть!»

Питер выбрался на береговую полосу и упал плашмя, зарылся лицом в мокрый шершавый песок, а комары... нет пули бесновались над ним и вокруг – то была Гарольдова проза. Ему казалось, что теперь он никогда не найдет в себе силы пошевелиться.

– «„Наша цель – аэродром Лингаен“. Я поворачиваюсь к майору. У него молодое лицо, но, если вы взглянете в его глаза, вы увидите, что он пришел в этот ад нелегким путем». – Питер предпочел отправиться в ад легким путем и съел конфету.

– «Мы должны взять аэродром». – Он говорит отрывисто, будто рубит слова. Никакого манерничанья. Простые констатации. Я сказал ему: «У противника численное превосходство, почему вы не дождетесь подкреплений?» Но он только покачал головой. «У нас есть приказ». Вот и все.

Я был испуган. Но, в конце концов, я не герой. Я всего-навсего свидетель, свидетель героизма.

Питер почувствовал, как его лицо обдало жаром стыда за его старого друга, который некогда был столь сардоническим свидетелем вашингтонских

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
безрассудств. Гарольд, несомненно, пустился на тонко рассчитанное
жульничество.

– «Храбрые люди немногословны. Они делают свое дело. Как этот майор.
Храбрый человек. Один из самых храбрых, которых я видел. Он отдал приказ
атаковать. Когда японцы открыли огонь, показалось, будто это фейерверк, как
в День независимости».

Питеру вдруг стал ясен замысел отца.

– «...Ангар взорвался. Охваченные огнем японцы крича выбегали на поле...»

Огонь. Облаченный в плащ Несса, он... Нет! никаких литературных аллюзий, ибо
Скотти мертв.

– «Он вбежал в горящий ангар. Обрато он выбежал с молодым солдатом на
руках. Тот был еще жив».

Какой еще молодой солдат? Поглощенный мыслью о муках Геракла – его муках,
он прослушал главное в рассказе. Но что бы он там ни прослушал, было ясно,
что майор легко выиграет войну на Тихом океане, ибо «в те минуты, когда
горсточка храбрецов противостояла отборным частям японской армии, я узнал,
что такое врожденная сила духа. А когда майор вбежал в горящий ангар, чтобы
спасти жизнь простого американского солдата, я увидел кое-что еще. Я увидел
героя. И теперь, когда я сижу на берегу и пишу эти строки, генерал Крюгер
ходатайствует перед президентом Соединенных Штатов о награждении Крестом за
отличную службу майора Клея Овербэри». На имени майора голос Блэза
пресекся.

Раздались аплодисменты. Питер взглянул на Диану: ее глаза были крепко
зажмурены. Что она видела: языки огня или дарованную президентом медаль?
Прошло некоторое время, прежде чем Питер сообразил, что шепот, который он
вначале принял за внутренний голос, был на самом деле голосом Элизабет,
говорившей ему на ухо:

– Вы можете гордиться. Ведь это ваш зять. Как должна быть счастлива Инид!

Питер съел последнюю конфету.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

Бэрден и Диана молчали, когда Генри вез их мимо кирпично-красных трущоб
Джорджтауна; Бэрден был убежден, что населявшие их негры жили в счастливой,
бездумной отрешенности, вопреки всем доказательствам обратного. В это
влажное апрельское утро негры, как и все остальные люди, были мрачны,
задумчивы, сдержанны. Они сидели на ступеньках своих домов, разговаривали,
но не смеялись, а их дети возились в пыльных дворах среди ржавых консервных
банок. История добралась до всех, белых и черных, и флаги республики были
приспущены.

Бэрден сначала не поверил посылному, который вбежал в парикмахерскую
сената с криком: «Он умер! Президент умер!» Но это была правда. Овеянный
славой враг скончался в четверг утром в Уорм-Спрингсе, штат Джорджия,
позируя художнице, писавшей его портрет. Последние слова президента были:
«У меня чудовищно болит голова» (или «дьявольски», в зависимости от того,
чей отчет вы читали в газетах), и лопнувший сосуд в этой громадной голове
внезапно подвел черту под всем его величием.

Услышав новость, Бэрден вскочил с кресла и, хотя сенат был уже распущен,
помчался в зал заседаний, забыв про завязанную вокруг шеи белую простыню. И
только добежав до сенатского гардероба, он сообразил, что похож, вероятно,
на помпейского сенатора в тоге, опаздывающего в театр. Он сорвал простыню,
швырнул ее посылному. Сенаторы, оказавшиеся в здании, были ошеломлены не
меньше, чем он сам. Одни из них ненавидели президента, другие зарились на
его место – и все завидовали ему. И вот его не стало. Но даже в смерти он
посмеялся над ними: никто из конкурентов не займет его место, он

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org позаботился об этом. Америка получила нового президента, а Бэрден уже слишком стар.

Следующие два дня Вашингтон гудел всевозможными слухами. Говорили, что до этого последнего удара президент перенес еще несколько. В Ялте он был в кататоническом состоянии, и врач Сталина утверждал, что президент скоро умрет. Ходили и скандальные слухи. Перед смертью он находился в обществе отнюдь не жены, а старой любовницы. Было много слухов, было много печали.

Все говорили о Линкольне; как и тот чародей, Рузвельт умер в дни военной победы, был сражен в зените славы, когда цвела сирень. Весь город постепенно проникался настроением давно ушедшего апрельского дня, когда черный катафалк проезжал по запруженным народом улицам и люди плакали и теперь все чаще вспоминали и торжественно цитировали Уитмена. Даже Бэрден у себя в Рок-Крик-парке, взволнованный трауром этого весеннего дня, поднес к лицу веточку пурпурной сирени, чтобы прослезиться: свежая пыльца вызывала у него аллергию. Позже он плакал уже почти всерьез над своим прошлым, когда в субботний день его положили для вечного покоя в розарии Гайд-парка, штат Нью-Йорк. «О, капитан! Мой капитан!» [83 – Строка стихотворения Уитмена, написанного на смерть Авраама Линкольна.] Как я тебя ненавидел, а теперь ненавижу еще сильнее, потому что без тебя я никто. Что же осталось? – размышлял Бэрден, когда машина остановилась у вокзала Юнион-стейшн.

Диана взяла отца за руку, как будто желала защитить его, внезапно ставшего таким хрупким и бесценно дорогим. Он был благодарен ей за этот знак внимания.

– Как хорошо, что ты поехала, – сказал он.

– Я очень хочу снова его увидеть, – ответила Диана, хотя вовсе так не думала.

Они прошли через зал ожидания, заполненный военнослужащими с вещевыми мешками и походными ранцами, которых приводила в движение сумасшедшая звуковая машина, передающая распоряжения в радиусе целой мили. Война в Европе, к счастью, почти закончилась, скоро распустят армии, и молодые люди вернутся домой, где им и место, а путешествовать предоставят дряхлым сенаторам.

В здании вокзала возле чугунных ворот полиция оцепила небольшое пространство, где стояли Блэз, Инид и Питер, окруженные фотоаппаратами. Напротив ворот расположилась вокруг съемочной камеры команда кинохроникеров. Блэз, как всегда, все предусмотрел, подумал Бэрден, поправляя непослушную прядь волос. Затем, готовый к встрече с кинокамерой, к встрече с Историей, он поздоровался с Блэзом.

Диана подошла к Питеру, стоявшему возле ворот, а Бэрден, обмениваясь любезностями с взбудораженным Блэзом, следил за этой молодой парой и, как всегда, размышлял, вызван ли их взаимный интерес только совместным изданием журнала, от которого у него уже побаливало сердце, или, как он надеялся, чем-то более серьезным. Самого Питера он находил чересчур гладким, лишенным острых граней, за него никак нельзя было ухватиться; но, несмотря на такую увертливость, он, конечно, куда предпочтительней Билли. Хотя Бэрдена приучили неодобрительно относиться к разводу, он скорее бы согласился видеть себя сводником, а свою дочь блудницей, одетой в пурпур, чем замужем за Билли Торном.

– Вот не думала, что в Клее это есть, – тщательно выговаривая каждое слово, сказала Инид. Только замедленность ее речи и запах джина выдавали, что перед этим она изрядно выпила.

– Ты имеешь в виду героизм?

Она кивнула слишком поспешно.

Бэрден был тверд и несгибаем.

– Конечно, я знал, что он на это способен. Он смелый молодой человек.

Кинооператоры включили софиты, а фотографы нацелили свои аппараты, как ружья. Преждевременно сработала вспышка. Военнослужащие, оказавшиеся

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org неподалеку, остановились, прервав на время суетливую беготню, чтобы взглянуть на знаменитость, кем бы он, а еще лучше – она, ни оказался.

Железные ворота распахнулись, и с чемоданом в руке появился Клей. Зашипели, захлопали вспышки. Бэрдена ослепило. Он вытянул руку куда-то перед собой и почувствовал, как ее сжала твердая, сухая рука Клея.

– Добро пожаловать домой, – сказал он голосом, еле слышным из-за рева Блэза.

– Так, так, прекрасно. Хороший кадр с сенатором. А теперь назад. Не толкайтесь. Пусть отснимет свое кинохроника. Отлично. А теперь идите сюда.

Бэрден послушно шагнул вперед, но его тут же оттолкнули.

– Не вы, сенатор. Только полковник с супругой.

Бэрден скорчил недовольную гримасу, забыв о камерах: он не привык прощать такую бесцеремонность. Но этот момент принадлежит не ему, а Клею; он снова улыбнулся, и словно в награду к нему возвратилось зрение.

Клей стоял в нескольких шагах от него лицом к фотоаппаратам. Бэрдена поразила перемена, происшедшая в Клее: исчезли мягкая линия подбородка, гладкость щек, яркость губ. Теперь миру предстало резко очерченное, зрелое лицо мужчины. Более всего его поразили незнакомые глаза, в которых отражался неестественный свет; в них Бэрден увидел грядущую славу Клея. Он вздрогнул, так как знал, что к этой славе он не имеет никакого отношения.

– Инид, подойди сюда. – Голос Клея по крайней мере не изменился. Он протянул руку. Но Инид, казалось, была неспособна сдвинуться с места. Приоткрыв рот, растерянная, она тупо смотрела на софиты.

Блэз вмешался. Он грубо взял ее за руку и выдернул с корнем, как растение из земли.

– Подойди к нему! – Он обращался с дочерью, как картежник с игровой картой.

Клей взял карту, но не вступил в игру, потому что Инид застыла, сбитая с толку ослепляющим светом и оглушающим гулом, ее шляпка ухарски съехала набок. Это получилось очень комично. Зрители захихикали, затем разразились хохотом. Блэз подскочил к дочери. Шляпка была водворена на место.

Каждый спешил чем-то помочь, но не Клей, который не сдвинулся с места, он стоял как пассажир на перроне, ожидающий поезда. Бэрден встретился с ним глазами и, улыбнувшись, попытался приободрить его. Но либо Клей не видел его из-за ослепительного света, либо по какой-то другой причине, он никак не ответил на улыбку. Он смотрел на Бэрдена ничего не выражающим взглядом; и в этот момент Инид подошла к нему.

– Я рада, что ты снова дома, живой и невредимый, – сказала она, тщательно выговаривая каждое слово.

– Теперь поцелуй его, – процедил Блэз с красными от гнева глазами. Инид поцеловала мужа, кинокамеры загудели; легенда продолжалась.

II

– Это непристойно! – Еще утром остановившись на этом слове, Питер весь день держал его наготове, пока не остался наконец наедине с Дианой на пятом этаже «Юнион траст-билдинг» в двухкомнатной редакции «Американской мысли»; он швырнул к ее ногам целую кипу газет.

– Во всех газетах? – У нее был такой несчастный вид, словно ей жали туфли.

– Во всех, до единой. – Питер пнул кипу газет ногой. Пол покрыли бесконечные фотографии обнимающихся Клея и Инид; похоже, что сдвинутая набок шляпка не попала ни в один объектив.

– Дело рук отца. – Питер уселся в широкое кресло, на котором он

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org председательствовал на заседаниях редакции, путаясь в типографских заказах и цифрах доходов от рекламы, теряя подписные бланки и тем не менее, как он сам говорил, кое-как «барахтаясь на дне».

На этот раз вопрос задала Диана:

– Почему?

И Питер ответил, что он не находит объяснения поступку отца.

– Если он только не спятил, что вполне возможно.

– Он абсолютно в своем уме. Он хочет провести Клея в конгресс. И я знаю почему.

– Почему же?

– Им движет злоба. Только злоба. Чем еще может он досадить Инид? Или тебе?

– Ты преувеличиваешь его интерес ко мне.

– Зато ты недооцениваешь. Если он не любит тебя, это не значит, что ты его не интересуешь. Скорее наоборот.

Это больно ранило. Одно дело – не любить отца, это казалось даже нормальным, но совсем другое – если отец отвечает тебе тем же. Да это все Диана теоретизирует на манер Инизса Дункана.

– Помимо всего прочего, он влюблен в Инид. Любому ясно.

– Клей?

– Твой отец. Это очевидно.

– Только для Фрейда. – Питеру наскучил этот психоанализ. Но Диана могла сколько угодно говорить и дальше в том же духе. Питер сказал лишь то, в чем нисколько не сомневался: – Мне кажется, дело в другом: она довела отца. Его раздражает ее пьянство, и в этом он прав. От нее все идет вверх дном.

– Но ты же любишь ее? – В голосе Дианы слышался вызов.

Он не поддался на приманку.

– Должен же кто-то, – ответил он уже безучастно. В комнату вошел Инизс, спросил, где Билли.

– Билли в типографии. – Диана, номинальная жена, ответила вместо Питера, фактического издателя. Отношения между мужем, женой и любовником развивались удивительно гладко в течение шести недель их совместной работы над первым и вторым номерами журнала, который, по выражению одного из критиков, «отвечает определенным потребностям», но каким именно, Питер так и не отважился спросить себя, опасаясь, что ответ может быть только один: это предлог для того, чтобы находиться рядом с Дианой. Он был с ней каждый день, и, к его удивлению, Билли не проявлял ревности; Питер не сомневался, что Билли отлично все понимает, хотя Диана была убеждена в обратном.

Инизс осчастливил их своим последним прозрением. Он пришел к выводу, что требование безоговорочной капитуляции стран оси было абсолютно необходимым для достижения победы в войне. Питер, Диана и Билли возражали ему, каждый по-своему. Целые дни между ними шли споры о том, следует ли журналу печатать тщательно аргументированную статью Дункана в защиту его позиции. Споры снова были в разгаре, когда в дверь постучали. Инизс открыл ее; в комнату вошел Клей.

– Разрешите?

Диана покраснела. Питер вскочил на ноги. Стремительно, словно в предчувствии нападения, Инизс сделал несколько шагов назад. Но Клей был сама любезность.

– Мне нужно было зайти к нотариусу. – Клей держал в руке конверт из плотной

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org бумаги, как будто ждал, что ему не поверят и потребуют доказательств. – Внизу нотариальная контора. Я увидел вашу вывеску. И решил зайти. Надеюсь, я не помешал?

- Нисколько. – Питера поразила его собственная сердечность.
- Присаживайся. Вот наш первый номер..
- Уже видел.
- Вот второй. Познакомься, это Иниэс Дункан.
- Читал вашу статью. Я и не подозревал, что Троцкий до сих пор пользуется таким влиянием.
- Видите ли...
- Ого, здесь, насколько я понимаю, собирают на меня досье? – Клей разглядывал разложенные веером на ковре газеты. – Ты, Диана?

Диана побледнела и отрицательно помотала головой.

- Это Питер. Но ты на всех нас произвел большое впечатление. Ты настоящий герой.
- Знаете, так здорово снова оказаться дома, – нейтрально заметил Клей, взяв первую правильную ноту в полной диссонансов прелюдии.

В политическом смысле Клей – враг. Вроде бы ясно. Но Питер еще не совсем понимал, почему это так. В конце концов, честолюбие само по себе не грех.

Иниэс, как всегда, был готов к спору.

- Вам, должно быть, нелегко сносить.. – он подозрительно посмотрел на Клея через мутные стекла очков, – весь этот тошнотворный бред.
- Какой бред? – несколько недоуменно спросил Клей.
- Ну, то, что пишет эта сентиментальная сочинительница, как ее?
- Несчастный Гарольд. – Питер назвал имя, снабдив его этим патетическим эпитетом.

Иниэс кивнул:

- Как вы терпите, когда о вас пишут так, будто вы герой мелодрамы для домашних хозяек... мало того, будто вы и есть то самое мыло, которое им советуют покупать, хотя оно вовсе не обладает качествами, какие ему приписывают?
- О господи. – Лицо Клея приняло подчеркнуто равнодушное выражение. Питер с интересом наблюдал, как реагирует быстрый, хотя и довольно обычный ум его зятя на явно непривычную для него мысль. Конечно, на это можно ответить по-разному. Но Клей уклонился от выбора. – Гарольд, возможно, несколько перестарался, но... – Он хотел на этом закончить, но Иниэс не собирался отступить.
- Да, да. Это нам известно. Гарольд Гриффитс возвел безграмотность в одну из форм высокого искусства. Но даже если так...

Питер давно уже не пытался выгораживать старого друга Гарольда перед своими новыми друзьями. Конечно, они правы. Военные репортажи Гарольда были особенно ужасны. Скоро он вернется (последняя корреспонденция с Тихого океана, из Манилы, начиналась так: «Жемчужина Востока в руинах. Японцы предались оргии разрушения...»), и Питер постарается узнать, намеренно или нет Гарольд издевается над всеми.

Иниэс сказал, что это безнравственно – писать то, что не соответствует действительности.

- Конечно, – изумленно ответил Клей, – но...

– Но еще хуже не отдавать себе отчета в том, что реально, а что иллюзия. Это мерзко – намеренно сбивать людей с толку ложью..

– Кого же сбили с толку? – Теперь в голосе Клея уже слышались резкие нотки.

– Публику, – резко бросил Иниэс.

– Почему? Вы не верите тому, что написал обо мне Гарольд?

– Наверное, что-то такое имело место..

– Что же тогда сбивает с толку?

– Стиль, манера, в какой вы были поданы публике, словно герой дешевой беллетристики..

– Это не в моей власти.

– Я критиковал не вас.

– Кого же тогда? Гарольда?

– Их всех! – Иниэс презрительно окинул взглядом разбросанные по полу газеты. – Все, к чему они прикасаются, гибнет, превращается в дешевку.

– Я уверен, что «Американская мысль» направит всех нас на путь истинный. – Клей нежно улыбнулся Питеру, и тот улыбнулся ему в ответ, поражаясь своей терпимости к человеку, который совратил его сестру в раздевалке бассейна, предварительно вскружив голову Диане.

– Как видно, мистер Сэнфорд проделал громадную работу, – сказала Диана, доставая свой меч из ножен. – Я имею в виду прессу и все прочее.

Этот переход к рукопашной заставил Клея выпрямиться в кресле, блеск глаз выдавал, насколько больно задела его Диана.

– Блэз мне очень помог. – Он повернулся к сыну Блэза. – Он снял немалое бремя с моих плеч.

– По-видимому, вы будете добиваться избрания в конгресс в будущем году со всей этой шумной рекламой? – Питер больше не прятался. Он вступил в игру.

Но Клей внезапно повеселел. Он понял, как с ними держаться.

– Трудно сказать. Меня так долго не было дома. – Этими словами он напомнил им о своем статусе воина. – Я слегка потерял почву под ногами. Думал заняться юридической практикой. Заработать денег. В конце концов, Блэз – это не мой отец.

Клей встал, собираясь уходить. В руке, как щит, прикрывающий самое уязвимое место, он держал свой конверт.

– А вы счастливчик, – холодно сказал Питер.

– Разве только я? – Клей держался дружелюбно до конца. – Мы все остались живы, – добавил он, разрушив этим всю свою значительность. Иниэс фыркнул, начал было что-то говорить, явно желая съязвить по поводу трагического тона Клея, но затем передумал. Клей удалился, уже в дверях бросив Питеру туманное: – Инид, в общем и целом, в порядке.

Когда Клей ушел, три иконоборца старались не смотреть друг на друга, каждый испытывал смущение, какое бывает у людей, когда их ловят на том, что они плачут во время плохого кинофильма.

– В чем же дело? – Из них всех искренне переживала лишь Диана; она же была и всерьез озадачена.

– Ловкость рук и пустота внутри.. – начал Иниэс.

Но Питер не дал ему договорить.

– Все очень просто. Ему чертовски везет. Но мы не можем с этим примириться.

III

Осторожно, чтобы не поднимать шума, ему открыла дверь горничная-негритянка. В комнате было темно, как в пещере, стоял сильный запах табачного дыма, стойких духов, Инид.

– Инид? – Когда Клей заговорил, служанка удалилась, не желая присутствовать при преждевременном пробуждении своей госпожи. Но было два часа дня, и Клей пришел на ленч со своей женой, которая исключительно приветливо говорила с ним по телефону: «Не понимаю, почему мы не можем быть друзьями после стольких лет». Но предполагаемый друг похрапывал, и Клей раздвинул шторы и впустил в комнату день.

В центре кровати, в ворохе простыней, свернувшись, словно плод в утробе, лежала Инид. Ее одежда была аккуратно сложена на кресле – верный признак того, что накануне она напилась. Трезвая, она швыряла все на пол, пьяная была до одержимости аккуратна. На ночном столике, прямо в пепельнице, стоял наполовину недопитый стакан с виски. Рядом пузырек с таблетками снотворного.

Инид зашевелилась, слабо застонала, затем, откинув с лица темные волосы, посмотрела на него красными глазами.

– Какого черта тебе здесь нужно?

– Ты же пригласила меня на ленч. Забыла?

– Послушай. Сходи в ванную и принеси мне сельтерской и две таблетки аспирина. У меня дьявольски болит голова. Ты очень похудел. Но это так соблазнительно, – сказала она, глядя на его спину, когда он входил в ванную и заметил, не без сожаления, те исторические принадлежности Инид, которые изменили ход их жизни.

Инид приняла лекарство и тихо икнула, скорчила гримасу, вздохнула, потянулась и улыбнулась.

– Садись. – Она указала ему на край постели. Вместо этого он придвинул к себе стул. Она сделала вид, что не заметила. Если не считать красных глаз, у нее было ясное лицо младенца. Она не забывала вечером смыть грим, но на лице остались следы крема.

– Я вчера надралась, – сказала она, употребив словечко, которое, как понял Клей, было популярно среди людей, казавшихся ей забавными: офицеров армии и флота, проводящих время в непрерывных попойках. – Я праздновала твое возвращение.

– Не сомневаюсь.

– Почему бы тебе не переехать сюда? Ты бы мог жить в комнате для гостей.

– Как на это посмотрит Джо?

– Ты ему нравишься. Послушай, я хочу поговорить с тобой о Джо. Элен! – крикнула она вдруг, почти оглушив его. – Эта чертова черномазая ползает, как сонная муха. Но я не могу без нее обойтись, пусть она хоть на тотализаторе играет.

Муха испуганно застыла в дверях, госпожа приказала принести кофе, два кофе («Это будет твой ленч») и водки с апельсиновым соком. – Мне надо опохмелиться, но вообще-то я могла бы выпить как следует.

Инид улыбнулась ему своей озорной улыбкой, и вопреки здравому смыслу он почувствовал желание. Закинул ногу на ногу. Она, если хотела, замечала все.

– Так, так. – Она снова потянулась. Затем сказала безучастно: – Я собираюсь за Джо замуж.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Прекрасно.

– Это все, что ты можешь сказать?

– А что мне остается? Ты собираешься замуж. Валяй, получай развод.

– Алиса останется со мной. Целиком и полностью. Дай мне закурить. – Рука ее дрожала. Клей передал ей зажженную сигарету. Она жадно курила, пепел сыпался на подушку. – Я считаю, что ребенка нельзя разрывать на части из-за того, что родители не смогли ужиться. Кроме того, она тебя не любит.

Клей, как всегда, восхищался безошибочной способностью Инид заходить слишком далеко. Желание причинить максимальную боль перевешивало присущую ей хитрость. Она всегда сжигала за собой мосты.

– Если я ей безразличен, – сказал Клей, – в этом виновата ты.

– Ушел ты, а не я. Поэтому мне не оставалось ничего другого, как стать мужчиной в доме, быть и матерью, и отцом.

В комнату с подносом в руках вошла служанка.

– Поставь здесь, дорогая. – Как и у большинства вашингтонцев, у Инид в разговоре с неграми появлялся сильный южный акцент. – Дочь завтракает сегодня у Клейпулов, да? А потом идет в зоопарк? Боже, она ведет настоящую светскую жизнь! – кудахтала Инид. Служанка подтвердила, что все обстоит именно так, и вышла, а Инид, все еще кудахтая, взяла дрожащей рукой стакан водки сапельсиновым соком и залпом осушила его. Рука стала дрожать заметно меньше. – Ух, как хорошо! Пей кофе. Что же мы будем делать?

– Ты поедешь в Неваду и получишь развод. Жестокое обращение.

– А тебе это не повредит? Не будут ли шокированы эти чучела с красными шеями, которые, как ты предполагаешь, за тебя проголосуют?

– Возможно. Но у меня нет выбора.

– Да, это так. – Она глубоко затянулась и закашлялась, заметалась. – Клинекс! В верхнем ящике! – В верхнем ящике лежали косметические салфетки и маленький пистолет. Откашлявшись, отдышавшись, она сказала: – В этой части города одинокой женщине нужно думать о самозащите. Черномазые заперли столицу и вконец обнаглели.

– Ты боишься? – Клей был поражен. Инид никогда не запирала дверей, не боялась темноты, вообще ничего.

– Да. Теперь положи пистолет на место. Итак, я получаю право опеки. Да или нет?

Перед глазами Клея возникло лицо дочери, он ее почти не знал. Его белокурые волосы, темные глаза Инид и, по мнению Блэза, обожавшего девочку, бешеный характер. «Заводите внуков, – говорил он. – Минуй детей, если удастся». Клей миновал своего ребенка без сожалений.

– Ты получишь право опеки.

– Ну и ну! – Она вдруг рассердилась. – Ну что ты за отец? Понятно, почему она тебя ненавидит. Ты чудовище. Бесчувственное чудовище. – Она оскорбляла его еще некоторое время, но брак их был уже в прошлом, и Клей даже для забавы не хотел возобновлять игру в обвинения и контробвинения. У него не было больше не только жены, но и ребенка, которого он, по существу, не знал. – Сколько ты думаешь еще пробыть в Лавровом доме?

– Пока не решу, что делать дальше.

– Это смешно. Ты в конце концов оказался в моей девичьей комнате, а я – здесь, одна, и некому меня согреть.

– Тебе, по-моему, не очень холодно. У тебя есть Джо.

– У отца наверняка связаны с тобой грандиозные планы. Никогда еще не видела

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
такой рекламы. Знаешь, если бы ты дал мне хоть малюсенький шанс, я не вышла бы замуж за Джо. Мы могли бы остаться вместе.

Клей встал. Знакомая тактика. Он не даст себя провести.

– Я должен идти. Спасибо за ленч.

– Ты сукин сын, – сказала она злобно. – Должна заметить, что вы с отцом – прекрасная пара. Надеюсь, что вы будете очень, очень счастливы вместе.

– Спасибо, Инид. – Клей подошел к двери в тот момент, когда в комнату входил Джо. Оба испуганно отпрянули назад. Клей первым пришел в себя: – Она ваша. Я согласен на развод. Она забирает ребенка и все, что пожелает.

– Джо, почему ты не сломаешь ему шею? – раздался громкий, отчетливый голос Инид.

– Что ты, дорогая, – пробормотал Джо, улыбнувшись Клею и выказывая ему свое расположение. – Я читал, что писали о вас. Это шикарно – то, что вы сделали.

– Джо, заткнись! – Отчаянный крик Инид исходил из самого сердца.

– Спасибо, Джо. Прощайте. – Клей выскользнул из комнаты мимо своего приемника и оставил позади свою супружескую жизнь.

В этот вечер Клей рано лег спать в старой комнате Инид, из окон которой виднелись за деревьями достопамятные бассейн и раздевалка. В тусклом свете лампы – тусклым он был из-за насекомых, которые кружились вокруг лампы, как планеты вокруг опасно раскаленного солнца, – Клей изучал пачку газетных вырезок, которые передал ему Бэрдэн. Это были вырезки из газет штата. Считалось само собой разумеющимся, что Клей на будущий год примет участие в первичных выборах и победит, «оказав честь штату».

В дверь постучали. Вошел Блэз в белом шелковом китайском халате с витиеватым вышитым драконом на спине. Клей сделал попытку встать, но Блэз подал ему знак оставаться в постели.

– Боже, до чего здесь жарко. Ну ничего, скоро поедем в Уотч-Хилл.

Блэз устроился в кресле, на спинке которого Клей повесил свой мундир; нашивки сверкали даже в полумраке комнаты.

Подобно доктору, уверенному в том, что больной все выдержит, Блэз приступил к шоковой терапии.

– Что сказала Инид?

– Она требует развода. Я не стану возражать. И против опеки над дочерью тоже.

– Это создаст нехорошее впечатление, – нахмурился Блэз.

– Конечно, вся эта история выглядит не слишком красиво, но что я могу поделаться? – Клей уже смирился с тем, что его политической карьере поставлен предел. Разведясь, он может еще быть избранным в палату представителей от своего округа, во всяком случае в будущем году, пока не померкнет его военная слава. Но выше он вряд ли поднимется. Ведь разведенный политический деятель не может быть кандидатом в президенты, и, хотя об этом еще рано думать, мысль не уходила, она прочно засела в его сознании и руководила всеми его поступками; нет смысла стремиться к политической карьере, если высшая цель недостижима даже теоретически.

Те же самые мысли занимали и Блэза.

– Должен быть какой-то другой выход, – пробормотал он, взяв у Клея газетные вырезки. – Жаль, что ты избираешься от своего паршивого округа, а не от всего штата.

– Это мой округ, – ответил Клей с шутливой горделивостью. – Я там родился. Я один из них.

– У тебя не такая уж красная шея.

– У них тоже. В конце концов, цивилизация добралась и до нашего штата. Мы жили на окраине большого города. – Клей не упомянул, что в дни его детства улицы на этой окраине не были еще замощены, а в домах не было водопровода. Уборная находилась во дворе, и над ней тучами кружили мухи. По словам матери, отец его был красивый, но «беспутный, не умел обеспечить семью. Нас с ним свела война. Я была молода и впечатлительна, но умела уже печатать на машинке и владела стенографией, а он выглядел так романтично, когда приехал из Плэттсбурга в военной форме. Он так и не попал в Европу, хотя, выпив, говорил, что был там». Клей не помнил отца, и только один сумрачный вечер, когда отец начал перекрашивать дом, остался в его памяти. Он до сих пор видел широкие мазки кисти, густую пахучую краску, превращавшую серые доски в белые. Он не помнил и как выглядел отец, только разве разукрашенное татуировкой плечо. И лишь когда вырос, он понял, что имя «Агнесс», вытатуированное на плече отца, отнюдь не имя матери. Однажды, когда Клею было четыре года, его отец уехал в автомобиле, который он сам собрал из обломков старых машин, – в город, сказал он, но имел в виду отнюдь не тот город, где торговал скобяным товаром. Он так и не вернулся – к радости жены и минутному огорчению сына, которому теперь самому предстоит решить, следует ли ему исчезнуть из жизни собственного ребенка. Два дня назад, когда дочь привезли в гости в Лавровый дом, он попытался взять ее на руки, но девочка в испуге убежала. «На это нужно время, – заметила Фредерика. – В конце концов, большую часть ее жизни вас с ней не было».

Клея огорчила встреча с дочерью. Он понимал, что это неразумно. Но никак не мог отделаться от мыслей о ребенке, хотя, в общем-то, девочка его не трогала. Важно, что это его дочь, а не то, что он ее отец, но вряд ли теперь можно что-либо изменить.

Блэз считал, что война продлится не меньше года. По мнению Клея, худшее было впереди.

– После поражения Германии япошки будут драться еще ожесточеннее.

Самолет камикадзе кружил над кораблем. Затем, как в кошмарном сне, он пошел на них. На мгновение Клей увидел молодого пилота с широко открытым ртом – он кричал или визжал, молился или пел, трудно было сказать. Взрыв потряс корабль, Клея швырнуло к переборке. Но он выжил, корабль не затонул, смерть летчика-камикадзе была напрасной, высадка на Лусоне развивалась согласно плану.

– Мы болваны, – сказал Блэз. Он отвергал политику покойного президента, требовавшего «безоговорочной капитуляции», которая столь эффективно удерживала от капитуляции немецкую армию и одновременно усиливала наиболее фанатичные элементы в Японии. – А он еще считал себя выдающимся государственным деятелем мирового масштаба, подобным Вильсону. Что же, в этом он был прав. Он был так же ужасен, как и Вильсон.

– Но ведь он добился создания своей лиги нации.

После того как разразилась война, Клей проникся уважением к элегантному старому, больному президенту, который, даже умирая, продолжал преследовать свою высокую цель собирания осколков рухнувших империй в новое единство, во главе которого будет стоять он сам, гордый создатель новой империи. Теперь его уже нет, но цель осталась. Соединенные Штаты стали хозяевами Земли. Ни Англия, ни Франция, ни Германия, ни Япония (ее крушение не за горами) не смогут больше оспаривать волю Республики; выжить удалось только загадочным Советам, и вновь установилось равновесие сил. Клею казалось, что он проник в суть нового мира. Он ничуть не сожалел об исчезновении старой Америки – в отличие от Бэрдена, который искренне верил в свою демагогию и умилялся собственной сентиментальности. Бэрден хотел одарить всех обделенных чувством собственного достоинства; в этом, по его мнению, состояла особая миссия Америки в мире. Но, по мнению Клея, достоинство не было свойственно роду человеческому ни в каком виде, а Соединенные Штаты были не чем иным, как еще одной державой, для которой пришла пора стать империей, и власть в ней была самоцелью. Эта точка зрения сближала его отнюдь не с Бэрденем, застарелым идеалистом, а с покойным президентом, который властвовал, соединяя лицемерие с хитростью, вдохновляя своих сторонников и запутывая врагов, никто из которых так до конца и не понял его замыслов, пока всем,

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org кроме вконец ослепленных, не стало ясно после его смерти, что автор четырех свобод [84 – Цели политики США, провозглашенные Ф. Д. Рузвельтом в послании конгрессу 6 января 1941 года: свобода слова и выражения мнения, свобода вероисповедания, свобода от нужды и свобода от страха.] сумел силой оружия и лукавым маневрированием превратить изоляционистскую республику в то, чему явно суждено стать последней империей на Земле. Клей считал его великим человеком.

– Пожалуй, Бэрден не сумел как следует разыграть свои карты, – заметил Блэз. – Было хорошо известно, что Бэрден хотел, чтобы его включили в состав американской делегации на первую сессию Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско. Но незадолго до своей смерти старый президент отверг его кандидатуру, а вероятность того, что его назначит новый президент, исключалась... – из-за глупейшей фразы, которую Бэрден сказал в день смерти президента, ты слышал? Он назвал Трумэна «первосортным человеком второго сорта». – Блэз рассмеялся. – Сказал это при всех в гардеробной сената. Нужно ли объяснять, что маленький Гарри узнал об этом в тот же вечер, и это был конец Бэрдена.

Блэз пыхтел сигарой. Дым окутал лампу, замедлив отплясываемый насекомыми танец смерти. Клей изучал Блэза, пытаясь проникнуть в его мысли. С ним следует быть настороже, не предполагать ничего заранее, ждать подтверждения сводки погоды и лишь тогда выходить на улицу: град, как известно, бывает и в самый ясный день.

Сквозь сигарный дым Блэз разглядывал Клея, словно сверяя количество ребер с каким-то неведомым инвентарным списком. Клей инстинктивно натянул простыню на грудь. Неожиданно Блэз взял с ночного столика журнал. Это была «Американская мысль». Он повернулся к Клею:

– Что ты об этом думаешь?

– Очень живой журнал. – Выжидая, Клей держался нейтрально.

– Коммунисты! Все они – коммунисты. Как этот Иниэс Дункан. Я приказал проверить его. Но... – Журнал выпал из его рук на пол. – Мне журнал нравится.

Положение прояснилось. Клей мог теперь высказаться.

– Это замечательно, что Питер... нашел себе наконец занятие...

– Он не глуп. Не выпускай его из поля зрения.

Клей был озадачен.

– Почему?

– Предчувствие. Ничего больше.

– Инид?

– Да. Он будет на ее стороне, что бы ни случилось.

– Какие тут стороны? Я ухожу. Она остается.

Но Блэз предпочел уклониться от этой темы.

– Встретил на днях приятеля из Нью-Йорка. Очень умный тип. Журнал Питера неслыханно поразил его, «лучше, чем „Нью рипаблик“», сказал он. А это немалый комплимент.

– Питер совсем не глуп, – повторил Клей. Это была теперь уже согласованная характеристика его шурина, которого он скоро должен был потерять.

– Смешно. Мне казалось, что из него вырастет повеса, и я уже был готов с этим примириться. Я бы не возражал, если бы только он сумел шалопайничать со вкусом. Иногда мне самому жаль, что я не увлекался лошадьми, женщинами, не жил весело. Конечно, ему я этого никогда не скажу. Да и ты не скажешь. Так или иначе, она положила этому конец. Взяла его в свои руки.

– Диана?

Блэз кивнул:

– Твоя бывшая пассия. – Он помахал своей широкой ладонью, чтобы разогнать дым и лучше видеть Клея, который понял, каким уязвимым и беспомощным он выглядит, вытянувшийся на кровати, ожидающий, как пленник, когда каменный нож рассекает ему грудь, живое сердце вырвут из груди и принесут в жертву солнцу.

– Она неслепая, – неуклюже сказал Клей, сознавая, что он повторяется.

– Какая бы она ни была, она нацелилась на моего сына, но, пожалуй, для него это не худший вариант. А у нее худший вариант уже был. Тот одноногий мерзавец. Почему ты на ней не женился? – Каменный нож уперся в ребро жертвы.

– Я объяснил вам это тогда, в раздевалке. Из-за Инид.

– Ты в самом деле любил Инид? Или меня?

– Вы хотите сказать, ваши деньги?

– Разве это одно и то же?

Клей приподнялся в постели (жертва сопротивлялась). Простыня спустилась на ноги (жертва нанесла палачу ответный удар).

– Это сказали вы, не я – в тот день, когда предложили мне деньги, чтобы я исчез.

– Я тебя испытывал.

У Клея не было выбора, кроме как притвориться, что он верит Блэзу. Приспосабливаясь к нему, он нервничал, покрывался потом в маленькой комнате, сизой от сигарного дыма, полной приторного запаха жасмина. Ему не хватало воздуха.

– Ты, конечно прав, – согласился Блэз и задумчиво уставился туда, где съехавшая простыня обнажила волосы на животе Клея. Клей натянул на себя влажную простыню. Наконец Блэз сказал главное:

– Развод в вашем штате – политическое самоубийство. Не говоря уже обо всем остальном.

– У меня нет выбора.

– Если ты согласишься, я добьюсь, чтобы ее признали сумасшедшей и до конца дней продержали в клинике.

Несколько картин, стремительно сменяя одна другую, промелькнули перед глазами Клея. Инид, одетая для приема на свежем воздухе, со спущенной петлей на чулке. Инид протягивает обнаженные руки, от которых исходит лимонный запах. Инид скачет на одном каблуке – другой сломан. Инид среди измятых простынь, пахнущих любовью и пеплом от сигарет. Инид, напившись, кричит: «Что же, давай решать». И вот теперь они должны решать, все они. Блэз ждал ответа, но Клей стремился от него уклониться. Вся ответственность должен взять на себя Блэз.

Нарушить затянувшуюся паузу пришлось Блэзу, и голос его выдавал, что ему явно не по себе.

– Я знаю, это чудовищно, но она безнадежна. На самом деле. Прошлой весной я направил ее к психиатру. Она тебе рассказывала? Она была у него раз шесть, затем бросила. Он как-то назвал ее недуг. И он готов сделать так, чтобы ее... забрали. Недалеко отсюда, в Мэриленде. Он сказал, они хорошо лечат именно такие случаи.

По крайней мере полмиллиона долларов, решил Клей. В тщательно замаскированном виде – новый больничный корпус, например, хотя нельзя исключать и плату наличными. Блэз в таких делах шел напрямик.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Следующую паузу Клей намеренно затянул до того момента, пока не наслаждался вдоволь видом Блэза, дрожащей рукой мявшего в пепельнице потухший, разлохматившийся окурок сигары. Тогда он спросил:

– На всю жизнь?

Блэз кивнул.

– Но разве не бывает повторных консилиумов? Не выпустят ли они ее при случае? В конце концов, когда она не пьет, она абсолютно нормальная.

– В том-то все и дело, что нет. Он говорит, что она больна.

– Мнение одного врача?

Блэз неловко ерзал на стуле.

– Можно пригласить и других.

– И они подтвердят диагноз?

– Да.

– Это предусмотрено?

– Да. Для ее же пользы.

– И нашей?

– Клей, она больна. Ты не можешь этого отрицать. И если ее не убрать, она будет только страдать, убьет себя... Ты же знаешь, какая она...

– Итак, мою жену объявят сумасшедшей...

– Мы не скажем, что она сумасшедшая. Просто нуждается в лечении.

– И я не смогу больше жениться?

– Ты собираешься? У тебя кто-то есть? – молниеносно спросил Блэз.

– Нет. Я спросил так, теоретически.

– Не сможешь. Идеальная ситуация, а? Женатый, но свободный. Свободный, но застрахованный от опасности. Что скажешь?

Теперь Клей был хозяином положения, а Блэзу пришлось привыкать к непривычным для него цепям рабства. Клей посмотрел на него, увидел черные, расширившиеся от страха глаза. Наконец в моих руках власть, подумал Клей; он смотрел прямо в глаза Блэза, пока они не увлажнились и старик отвернулся.

– Согласен.

Они договорились начать действовать немедленно. Достать нужные документы, медицинское заключение.

– Все должно быть устроено за одну-две недели. Бедная девочка, – добавил Блэз; не без сочувствия, отметил про себя Клей, но и не без уверенности, свойственной человеку, который не привык, чтобы другие ставили под сомнение его чувства.

– Да. Бедная девочка, – холодно передразнил Клей. И добавил тоном, каким хозяин отпускает слугу: – Устал... хочу спать... такой трудный день.

– Да, да, конечно... прошу прощения... очень трудный день, – ответил Блэз.

Блэз ушел, и Клей выключил свет. Долго еще лежал он без сна в душной темноте комнаты с мыслью о том, что все наконец стало возможным. Инид проиграла. А он совершенно чист, потому что Блэз, а не он нанес последний удар.

IV

Германия капитулировала восьмого мая, и Блэз устроил пышный прием, как будто он, а не маленький бесцветный президент, чья нога еще не переступала порога Лаврового дома – и вряд ли переступит, несмотря на то что судьба так нелепо вознесла его, – был вождем победоносной нации.

– В Белом доме сегодня никого не будет, – воскликнула Элизабет Уотресс, глядя на павильон в конце лужайки, сооруженный специально для приемов в «открытом» доме Сэнфордов. – Все они здесь, в том числе и эта отвратительная миссис Блок.

Они и в самом деле все были здесь сегодня, сгрудившись под навесом, где возле бара стояли Блэз, Фредерика и военное начальство, – это был их день, так как косвенно (всего лишь косвенно, кисло отметил про себя Питер) они были причастны к победоносному окончанию войны.

– Посмотри! Это он. Я должна с ним познакомиться. Ну, пожалуйста! – Элизабет повернулась к Питеру, умоляюще протянув к нему руки. Всякий раз, когда они ходили куда-нибудь вместе и там обнаруживалась очередная знаменитость, она «должна была» с ней познакомиться.

– Что ты будешь с ним делать, после того как скажешь ему «здравствуйте»? – дразнил ее Питер. – Попросишь автограф?

– Я посмотрю ему в глаза и скажу себе: этот человек герой, настоящий герой.

– А потом?

– Ты циник, Питер! – Она одарила его своей ослепительной замедленной улыбкой. Голос ее упал. – Неужели никто не производит на тебя впечатления?

Питер отрицательно покачал головой.

– Все потому, что ты живешь здесь, окружен всем этим. – Она с явным вождением оглядывала лужайку перед домом Сэнфордов.

– Очень рано, – начал Питер, слишком поздно почувствовав педантизм в своем голосе, но не в силах уже изменить начатую фразу, – я понял разницу между внешностью людей и их подлинной сущностью, и это...

– ...так восхитительно! – Она нетерпеливо прервала его слишком серьезную тираду.

– Что восхитительно? – Питер с облегчением услышал свой обычный инквизиторский тон.

Элизабет была неспособна к уклончивости:

– Ты хочешь сказать, что они все притворяются, но это неправда.

– Не более чем мы, согласен. Но у них другие масштабы.

– Именно поэтому они так восхитительны. Так или иначе, я, честно признаюсь, нахожусь под сильным впечатлением, а такие, как ты...

– А я, конечно, обманщик, раз отрицаю, что меня волнует пожатие мозолистой руки, всего лишь две недели назад убивавшей япошек.

– Я просто не верю, что ты такой циник. Не могу поверить.

– Но все же я циник. Люди, которые исповедуют добродетель, вряд ли этой добродетели лишены.

– Вряд ли цинизм – добродетель... Вот он! – Она глубоко вздохнула, когда Клей появился на террасе. – Позови его!

Питер окликнул Клея. Тот подошел к ним, его нашивки сразу сделали Питера незначительным: он все еще носил форму, хотя скоро его должны были уволить со службы на том веском основании, что теперь, когда одна из двух войн

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org закончилась, ни ему, ни другим инакомыслящим нечего делать в Пентагоне; их мусорные корзинки регулярно просматривались офицерами разведки, которые стремились раскрыть код, которым пользовался Иниэс Дункан в своих стихах.

Элизабет держалась холодно, Клей приветливо. Каждый был полной противоположностью самому себе, да так оно и должно быть. Элизабет не говорила о героизме. Своим приглушенным голосом она рассказывала, как она любит Инид, и спросила, где Инид сейчас. Питер оживился: как Клей выйдет из положения? Очень просто:

– Она последнее время немного нездорова. Сейчас она в больнице, на обследовании.

– Бедняжка Инид! Я бы хотела ее повидать.

– Это нетрудно устроить. Я уверен, что она будет рада с вами встретиться. – Клей повернулся к Питеру, спросил, как ему служится, то же спросил и Питер. Сам он демобилизуется, как только завершит турне по стране с целью продажи облигаций займа.

– Конечно, твой штат включен в это турне?

Клей был невозмутим.

– Да, по правде говоря, я закончу турне в Капитолии штата, в ротонде; губернатор собирается обратиться ко мне с приветственной речью.

– И тебе не стыдно? – попытался пошутить Питер.

– Нисколько. – Клей по-прежнему невозмутимо улыбался.

– Это восхитительно, – вздохнула Элизабет.

– Что? – Клей еще не научился слушать Элизабет. То, что другие говорили громко, она произносила шепотом, но она никогда не повторяла своих слов и продолжала говорить дальше. – Я слышала, о вас пишут книгу?

– Что вы, какую книгу, просто довольно большую статью для журнала. Ужасно скучную. Но полезную.

Питера восхищала прямота Клея. Он нисколько не любовался собой, как будто понимал, что реклама, которую ему создают, хотя и необходима для его политической карьеры, сама по себе – чушь. Казалось, ему никогда не приходила в голову мысль, что он настоящий герой и заслуживает преклонения.

– Книга... пропаганда... все прочее – так редко удается встретить человека, который живет настоящей жизнью. – Питер с ужасом слушал незнакомую ему Элизабет. – Который знает, чего хочет. – В стремительном потоке слов она обрела красноречие. Этот момент принадлежал Клею, ничего не скажешь, и Питер отчаянно пытался его испортить. Объявить, что ли, во всеуслышание: «Мой отец и мой зять хотят избавиться от моей сестры, а она вовсе не сумасшедшая, просто взбалмошная. Она слишком много пьет и устраивает сцены – но никто не смеет упрятывать ее в сумасшедший дом».

Но Питер ведь уже произнес однажды такую речь перед отцом, вскоре после того, как Инид, в истерике, но трезвая, рассказала брату, как с ней собираются поступить. Блэз спокойно выслушал его. И ответил вполне здраво. Что будет с Инид – решать докторам, сказал он. Он сам надеется, что ее не заберут. Но ведь ей нужна помощь, верно? И Питер был вынужден с этим согласиться. А пока она ляжет в больницу, и они сделают необходимые анализы.

В это утро анализы были получены, и Блэз позвонил Питеру (факт поразительный: никогда прежде они не звонили друг другу).

– Похоже, что она здорова. Ей потребуется, правда, несколько месяцев, чтобы прийти в себя, но и только.

Когда Питер спросил о разводе, отец, прежде чем ответить, чуточку поколебавшись, сказал:

– Думаю, что клей не должен бросать ее сейчас, когда она попала в беду. Позже – может быть, когда она поправится. Но это их дело. Так или иначе, Инид будет сегодня дома, и мы узнаем, как она себя чувствует.

Это усыпило подозрения Питера. В конце концов, Инид всегда была чуть-чуть параноичка, мания преследования вполне могла быть и сумасшествием, а в том, что Инид слегка «того», Питер никогда не сомневался. Но кто не сумасшедший? Накануне вечером, оставшись один, он сожрал целую плитку шоколада весом по крайней мере в фунт и в результате плохо спал и проснулся больным. Утром он виртуозно избежал завтрака, а сейчас отказался пойти под тент, где стояла еда.

Инид нуждалась в виски, а он – в еде. Каждый требовал больше, чем нужно нормальному человеку для того, чтобы избежать неприятных последствий. Они могли, конечно, винить во всем Блэза, Фредерику, Вашингтон, жизнь. И Питер винил их время от времени, но без особого энтузиазма, так как уже давно понял, что абсолютных злодеев не существует, каждый есть то, что он есть, и нет зла в вечности.

– Я хотела бы чего-нибудь выпить, – прошептала Элизабет Клею. Она повернулась к Питеру и поддразнила его своей ослепительной улыбкой.

– Ваша взяла, – любезно сказал Питер им обоим.

Солнце жгло брезентовую крышу, и, несмотря на громадные вентиляторы, в павильоне было очень жарко. Бэрден нашел спасение рядом с вырезанным из льда лебедем в натуральную величину. Лакеи ходили мимо с уставленными стаканами подносами, и многие гости уже были пьяны. Муссолини и Гитлер низвергнуты, скоро падет Япония, и снова начнется нормальная жизнь.

– Сенатор Дэй! – Он не узнал эту некрасивую женщину с блестящими глазами, в громадной нелепой шляпе. – Элен Эшли Барбур, – протяжно представилась она, приходя ему на помощь: очевидно, ей не впервой быть неузнанной. Бэрден знал, что она сотрудничает в «Вашингтон трибюн», где ведет колонку светской хроники, и сказал ей, как он любит ее читать.

– Ну что вы за прелесть! – экспансивно воскликнула она. – Могу ли я сказать вам, что вы – мой идол! Я, как и вы, демократка джефферсоновского толка! В отличие от моего патрона, который ангел во плоти, а в последнее время превзошел сам себя. – Она показала ему на Блэза, который стоял в дальнем конце павильона под скрещенными американскими флагами. – Но мы с вами – это старый Вашингтон, ведь так? Мой муж был в палате представителей в... – Бэрден вспомнил мистера Барбура, сказав что-то благожелательное в его адрес, и поток ее слов продолжался.

– Я не могу привыкнуть к тому, как изменился город, а вы? Когда началась война и сюда нахлынули все эти новые люди, стало просто невыносимо достать номер в гостинице, попасть на концерт или даже просто поесть. У Харви, например, битком набито в любой час дня. Это мое любимое место. А муж мой любил ходить в «Оксидентал». У них на стене до сих пор висит его портрет. Нет, нет, наш чудный, изящный южный город наводнен всеми этими... – она широко развела руки, чтобы вобрать всех гостей и разом уничтожить их, но вместо проклятия мудро предпочла тактическую уловку, – очаровательными людьми, которые открыли нам, несчастным, глаза на столько разных новых вещей, до которых мы сами не могли додуматься.

– Например? – сумел вставить Бэрден, оглядывая павильон. Один из самых неистовых сторонников Нового курса говорил с Блэзом, его манеры стали нарочито кроткими с тех пор, как иссяк источник его величия, и ему на смену пришла эта экстраординарная посредственность (другого слова не подберешь), воцарившаяся теперь в Белом доме. Бэрден понимал, что он несправедлив к новому президенту, которого он, пожалуй, даже любил, когда тот был сенатором. Но что поделаешь, Рузвельт и в мести остался верен себе. Зная, что не доживет до конца четвертого срока своего президентства, он в смерти своей разметал планы более достойных, как делал это при жизни. Он уничтожил их всех, друзей и врагов, возвысив ничтожество, которое может теперь наслаждаться зрелищем поочередного увядания этих более достойных, по мере того как на арену выходят новые и новые люди. Я буду ненавидеть тебя еще сильнее, Франклин, после твоей смерти.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Музыка... Черчилль... иностранцы... королева Вильгельмина... дипломаты... театр... одним словом, все!

– Да, пожалуй, город изменился. – Бэрден попытался остановить это словоизвержение. – Что и говорить, он запружен народом.

– Где миссис Дэй?

– Дома. Она не очень-то жалуется эти приемы.

– Обожаю ее! Воплощение истинно великой леди, но в нашей старой южной традиции, в отличие от этих напыщенных жен янки, которых не отличишь от англичанок. А Диана, как поживает эта прелестная девушка?

Сознавая, что все им сказанное войдет в историю, Бэрден ответил, что Диана необычайно счастлива в браке и в данное время занята...

– Журналом, я знаю! Я едва не лишилась чувств, увидев их первый номер, такой крайне политический...

К ним подошла Фредерика.

– Миссис Барбур, какой сюрприз! – Фредерика даже не пыталась притвориться неувиденной, увидев Элен Эшли Барбур среди гостей.

– О, миссис Сэнфорд, я впервые на таком роскошном приеме! Какой павильон, а сколько необыкновенных встреч!

– Блэз хочет поговорить с вами, дорогой. – Фредерика повернулась к Бэрдену. – Простите, миссис Барбур. – Она увела Бэрдена, прервав миссис Барбур на полуслове. – Ее не приглашали.

– Но ведь она работает у Блэза.

– Ненавижу репортеров светской хроники, даже своих собственных. – В этот неподходящий момент, отделившись от двух адмиралов, к ним подошла Айрин Блок.

– Дорогая миссис Сэнфорд, какой замечательный праздник (фр.).!] Я пришла с адмиралом Чини, – добавила она предусмотрительно.

– Рада вас видеть. – Фредерика нахмурилась, хотя хотела улыбнуться. – Питер здесь, – добавила она, надев на лицо трагическую маску.

– Знаю. Я его видела. Какой успех имеет наш журнал! Вы видели журнал, сенатор? Что я говорю, конечно, видели благодаря Диане, *une jeune fille raffinée* – весьма рафинированной молодой особе (фр.).]. Но не буду отнимать вас у гостей, миссис Сэнфорд. – Она изящно повернулась спиной к адмиралам, словно этот день всецело принадлежал ей, в том числе и победа на западном фронте.

– Это просто беда, – прошептала Фредерика, крепко сжимая руку Бэрдена, – никому теперь не запретишь бывать здесь.

– Конечно, если вы держите открытый дом. Сами виноваты.

– Это Питер виноват. Я принимаю ее ради него.

– Мы должны благодарить вас за это. Диана тоже пользуется благодеяниями Айрин... плодами ее богатства и светского честолюбия.

Фредерика вдруг остановилась и посмотрела Бэрдену прямо в глаза:

– Диана разводится?

– Я об этом ничего не знаю. – Он говорил чистую правду, но голос его звучал фальшиво.

– Я слышала, что разводится. Я также слышала...

– ...что Питер и Диана?

– ...да. Он слишком молод. А вот и Блэз.

Бэрден вдруг почувствовал себя оскорбленным. Хотела ли она сказать, что Диана недостаточно хороша для Питера? Он выкинул эту мысль из головы. Конечно, она имела в виду только то, что сказала, но даже если так, он стал вдруг таким легкоранимым в последнее время, всюду ему чудилось ущемление его прав и пренебрежение к нему, чего и в помине не было.

Но Блэз, к счастью, и не думал обращаться с ним, как с закатившейся звездой; в худшем случае он, казалось, относится к Бэрдено, как к солнцу во время короткого затмения, ублажая его мыслью о том, что, лишь только пройдет лунная тень, снова наступит свет. Движением руки он отстранил собеседников и притянул к себе Бэрдена. Позади них вентилятор лениво разгонял теплый воздух.

– ...турне для продажи облигаций военного займа... губернатор... все устроено... а что вы?

Бэрден сказал именно то, что от него и ожидалось:

– Я там буду, конечно. – Конечно, будет. Он все еще один из боссов политической машины штата. Ни одна звезда не может взойти над ровным горизонтом этого изменчивого района без его благословения, искреннего или притворного. Во всяком случае, он не мог себе позволить, чтобы его игнорировали, хотя выбор кандидатов уже не принадлежит всецело ему, как это было в предвоенные годы, когда слова, брошенного им несколькими боссам, было достаточно, чтобы энергичный (но не слишком энергичный) политикан, на чью безусловную преданность в течение всего срока он мог полностью рассчитывать, получил место в палате представителей.

– Мы хотим сделать так, чтобы никто не выступил против него на первичных выборах. – Это «мы» прозвучало для Бэрдена как удар ножом в спину. Какое право имеет Блэз, вашингтонский издатель, говорить «мы», когда речь идет о политических делах его родного штата?

– Но как это можно сделать? – слабо откликнулся Бэрден. – Нынешний конгрессмен захочет сохранить свое место. Это честолюбивый человек, не старый к тому же.

Слово «старый» начинало преследовать Бэрдена. Во время последних выборов его называли старым, хотя для самого себя он оставался точно таким же, каким был, когда впервые приехал в Вашингтон с двумя плетеными чемоданами. Он зарезервировал номер в гостинице на полпути между вокзалом и Капитолием, где в ясный полдень, дрожащий от волнения, он был подведен к сенатской трибуне старшим сенатором штата, уже давно умершим, для принесения присяги, и Китти, в громадной шляпе с птичкой и бумазейном полосатом платье с буфами, с гордостью наблюдала за ним с галереи. Старый!

– Мы позаботились о нем. – Бэрдена снова всего передернуло от боли при этом «мы», но он продолжал улыбаться. – Есть вакантное место федерального судьи. Он не прочь получить его. Как мне доносят мои лазутчики, президент назначит его на этот пост только в том случае, если вы и Момбергер...

– Конечно, я буду его рекомендовать, – сказал Бэрден, который уже раньше пообещал пост судьи другому человеку.

– Ну вот и прекрасно! Я всегда знал, что мы можем на вас рассчитывать! – Блэз похлопал его по плечу. – С Момбергером затруднений не будет. Итак, все ясно. Наш мальчик победит!

Бэрден нашел утешение в том, что ни про кого никогда нельзя с уверенностью сказать «наш». Время еще проучит Блэза.

Камни, торчащие из земли, под террасой, нависали над крутым обрывом. Еще ниже бежала река. Устроившись на камнях, в глубокой задумчивости подперев свою тяжелую голову маленькими кулачками, сидел военный корреспондент Гарольд Гриффитс. Сзади к нему бесшумно подкрадывался Питер. Он хотел напугать Гриффитса, и это ему удалось. Гарольд вскочил на ноги, посмотрел на него расширившимися от испуга глазами.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Питер! Ради бога, никогда этого не делай! – Он прижал одну руку к сердцу, другую протянул Питеру. – Когда кто-нибудь крался в джунглях, это было по-настоящему опасно.

– В наших джунглях не менее опасно, – сказал Питер, пародируя театральные интонации Гарольда.

– Там речь шла о наших жизнях. – Гарольд был невосприимчив к иронии, разве что к своей собственной.

– А также и о наших. И о священном долге, и вверенной вам судьбе. Как давно мы не виделись! – Он смотрел на Гарольда с нежностью, не сомневаясь, что под отвратительной маской Гомера американского воинства он скоро найдет старого друга, который некогда был добродушным фальстафом рядом с ним – непреклонным Хэлом.

– У меня малярия, – сказал Гарольд, словно хвастаясь; это раздражало, но у него и в самом деле был больной вид, белки глаз отливали желтизной, лицо покрывала мертвенная бледность.

– Ты сам хотел побывать на войне.

– Я не жалею, – пожаловался он. – Я рад, что побывал там. Это были лучшие дни моей жизни.

– Не только твоей, но и «Трибюн». Ты теперь знаменит.

– Я знаю. – Гарольд мрачно кивнул, и Питер подумал, что старый Гарольд, наверное, погиб и его место занял наглый и горластый писака. Но Питер старался быть снисходительным. Какую бы отвратительную прозу Гарольд ни писал, он два года находился рядом со смертью, и люди более сильные возвращались оттуда сами не свои, а на их старые представления накладывался неизгладимый отпечаток увиденного в жаркой болотной сырости джунглей.

– Кто-то должен рассказать, как все это было. И этим человеком оказался я. Только и всего. – Новый Гарольд предпочитал говорить короткими хемингуэевскими фразами.

– Ты странствовал, как Исмаил. – Новый, сжатый стиль Гарольда вызвал в Питере желание говорить в изысканно коринфском стиле, а не псевдодорическом. – Но что же теперь, когда война вот-вот закончится? Увидим ли мы прежнего Гарольда?

– Война еще не кончена. – Гарольд смотрел на противоположный берег Потомака; словно по ошибке какого-то картографа, кишацие пиявками холмы Мэриленда превратились в японскую территорию. – Вернусь туда, где идет война. Я буду с ними. До конца.

– Ты следуешь за войсками, как Руфь шла за жнецами.

Это подействовало. Гарольд повернулся, посмотрел на Питера, словно только сейчас его увидел.

– Ты... растолстел, – сказал он, оглядывая раздавшуюся фигуру Питера; он расползался сам по себе, вопреки строжайшей диете.

Питер не остался в долгу:

– Да, я толстею, как, впрочем, и ты. – Правда, брюшко Гарольда уменьшилось от болезни. Он казался худым, хрупким, и только громадная львиная голова ничуть не изменилась.

Да, Гарольд прочитал первый номер «Американской мысли», но нет, ему журнал не понравился. Он обрушился на авторов, пишущих для журнала, назвал их всех коммунистами (хотя когда-то их защищал). Затем с одержимостью заговорил о них и приносимых ими жертвах. С молниеносной быстротой он продиктовал Питеру чуть ли не целую серию статей, но Питер прервал его:

– Ты обрел религию, – и мысленно приписал слово «конец» к тому, что наговорил Гарольд, хотя это был далеко не конец. – Но когда война кончится, чем ты займешься?

- Строить планы, отправляясь туда, – плохая примета.
 - Но сейчас ты здесь, а не там, и я убежден, что отец готов держать тебя при себе хоть всю жизнь. Что будешь делать ты?
 - Вести рубрику в газете. Политическую. «От вашего вашингтонского корреспондента», – быстро ответил Гарольд. Несмотря на одержимость войной, он был готов к переходу на мирные рельсы.
 - Политика! Но ведь ты... – Питеру не хотелось сказать «ничего в этом не смыслишь», и он на ходу перестроился, – всегда презирал политику. «Может ли быть что-нибудь нелепее американского сенатора?» – спросил ты однажды Джеймса Бэрдену Дэя, но не стал дожидаться ответа.
 - С тех пор много воды утекло. – Гарольд смотрел на другую сторону Потوماка, высоко, подобно Дугласу Макартуру, задрвав подбородок. – Я узнал, что реально, а что – нет.
 - Сенаторы реальны?
 - Они реальны потому, что реальны те маленькие человечки, которых швыряют туда и сюда. И я чувствую себя вроде бы ответственным за них. – Гарольд показал рукой на противоположный берег, гордо взваливая на себя ответственность за жителей Рок-Спрингса. Питер поражался, как жизнь поменяла их местами. Принц Хэл превратился в короля Коула, а Фальстаф – в Полония. Эта мысль веселила и ужасала, и он слушал, как грустный шут изливает свои чувства к американским солдатам – предмет книги, которую он пишет. Будет ли в книге фигурировать Клей? Да, конечно.
 - Надеюсь, ты понимаешь, что ты сделал – так написав о нем?
 - Я ничего не сделал. Он все сделал. Я только рассказал историю. – Письменный слог Гарольда еще можно было терпеть, так как оставалась по крайней мере возможность смеяться в голос, но слушать, стоя лицом к лицу, эту невозмутимо-бесстрастную проповедь было невыносимо. Питеру хотелось хорошенько встряхнуть этого маленького человечка, привести его в чувство, при том, конечно, непременно условии, что настоящий Гарольд – симпатичный довоенный собеседник – еще существует; это казалось уже сомнительным, ибо вполне возможно, что даже тогда реальностью был именно этот сочинитель мелодрам, который с нетерпением ждал, когда великие события помогут раскрыться его дарованиям.
 - Он был похож на героя легенды, на рыцаря с зеленого гобелена джунглей, – сказал Гарольд, неожиданно демонстрируя свой послевоенный причудливый стиль. – Мы все это почувствовали. Все, кто был с ним рядом, поняли, что он не такой, как все.
 - Клей? Не такой, как все? – Питер не смог скрыть удивления. Одно дело намеренно и хладнокровно делать из человека легенду, но совершенно другое – принимать собственную выдумку за реальность.
 - Ты ведь никогда его не любил, – сказал Гарольд.
 - Я любил. Ты вечно издевался над ним. Считал его глупым. И говорил это.
- Гарольд закрыл глаза и, едва заметно улыбнувшись, покачал головой.
- Нет. Нет. Нет. Ты проецируешь на меня свои собственные чувства. – Он открыл глаза. – Я всегда находил его интересным. Но, допуская, я никогда не представлял себе, что он настолько незауряден, пока мы не встретились на Филиппинах, пока я не увидел, как он изменился.
 - А он увидел, как изменился ты.

Но ничто не могло проникнуть сквозь броню новообретенной самовлюбленности Гарольда.

- Мужчины меняются на войне, – сказал он спокойно, и Питер вдруг подумал, что будет, если он сбросит своего бывшего друга с обрыва в стремительные воды реки. Самое большее – мир лишится рубрики «От вашего вашингтонского

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org корреспондента». Но порыв прошел. Питер вежливо слушал, как Гарольд снова воскрешает день, когда Клей совершил свой геройский акт. Но в тот момент, когда Клей должен был выбежать из горящего ангара с умирающим человеком на руках, Питер сказал:

– Я должен идти. У меня дела.

– Журнал?

– Да. Жаль, что он тебе не понравился. Я надеялся, что понравится.

– Может быть, когда-нибудь потом. Но мир не так прост, как полагает Иниэс Дункан.

– Может быть, когда-нибудь потом, – сказал Питер, не в силах сдержать насмешливый тон. – Но мир стал чрезвычайно простым, тираны мертвы, но Западе торжествует добродетель. И оставшиеся в живых должны быть хорошими. Мы пытаемся быть хорошими. А ты?

– Я верю в конечную цель истории, – сказал Гарольд, высоко поднимая гегельянский штандарт.

– Ты все еще марксист? – засмеялся Питер. – После всего того, что ты пишешь для моего отца?

– Что бы ты и твои друзья ни думали о моих политических убеждениях, я всегда выступал против эксплуатации человека человеком.

– Да, я помню. – До войны это все говорили. Но теперь новая фразеология придала старым чувствам совсем другой смысл. Гарольд был несвоевременен. – Сегодня, – сказал Питер, лицемерно ликуя, – другие требования.

– Ты случайно не вступил в партию? – Своевременен он был или нет, Гарольд узнал в слове «требования» сталинский термин.

– Нет, – сказал Питер. – Я по-прежнему республиканец.

– Дилетант! – У Гарольда была безошибочная способность популярного писателя жертвовать точностью ради наглядности, выбирать такие слова, которые, при всей их выразительности, вульгаризируют существо дела.

Питер откликнулся на это с безмятежностью, которой он отнюдь не ощущал.

– Но кем были бы великие художники без дилетантов? Мы нужны вам, чтобы ценить вас, отличаться от вас, наслаждаться вами. Кстати, наслаждаться происходит от латинского «delectare» и итальянского «dilettare». То есть это значит быть дилетантом. Ты всем нам доставляешь наслаждение, Гарольд.

– Как ты изменился, Питер!

– Не думаю.

Из-за лавровых зарослей, отделявших место их встречи на камнях от террасы, послышался знакомый голос.

– Питер, с кем ты? – Среди лавровых веток показалось белое лицо Айрин Блок, охотящейся на львов.

– С Гарольдом Гриффитсом. Вы должны с ним познакомиться, – сказал Питер. – История требует, чтобы вы стали друзьями.

V

Два специальных ночных фонаря были установлены перед домом для того, чтобы приманивать и сжигать в желтом пламени насекомых. На террасе под лампами на прямых железных стульях сидели Блэз и Клей и слушали доктора Полэса, говорившего с легким акцентом южанина.

– Ее душевное равновесие глубоко нарушено, это очевидно даже неспециалисту; ее поведение во многих отношениях ненормально. Но среди моих коллег

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org существуют определенные расхождения относительно точного характера ее заболевания.

– Мне казалось, что проблема эта совершенно ясна – даже для ваших коллег. – Блэз взял разговор в свои руки, как на то и рассчитывал Клей. Он невозмутимо покурил предложенную Блэзом сигару, глаза его смотрели в ту точку сада, где несколько часов назад Бэрден сказал ему, что он, Клей, победит на первичных выборах, так как нынешний конгрессмен, его соперник, вскоре будет назначен федеральным судьей.

«Нелегко это было устроить», – сказал пожилой сенатор с той удивительной замирающей интонацией в голосе, которой Клей часто пытался подражать; если ему вдруг удавалось этого достичь, он переставал тогда быть самим собой, становился мудрее, изысканнее в манерах и, разумеется, бесконечно более опасным для окружающих.

«Президент... как странно называть этого человека, президентом... и я отнюдь не в близких отношениях, мягко выражаясь. Но...» – легкая, как перо, рука Бэрдена опустилась на руку Клея. Сидя теперь в темноте, Клей видел себя в то утро, когда он жадно вслушивался в детали хитроумного плана, который разработал Бэрден, чтобы поймать в ловушку нынешнего конгрессмена и простака-президента. Очевидно, план удался. – «Объявление об этом будет сделано с таким расчетом, чтобы оно прозвучало одновременно с церемонией в Капитолии штата».

«Смогу ли я когда-нибудь вас отблагодарить?»

«Может быть, и нет». – В улыбке Бэрдена таилась злость, которая не укрылась от Клея; он заметил, как постарел сенатор за время его отсутствия. Рот его навечно принял трагический изгиб, глаза наполнились тоской.

«Тебе понравится в конгрессе. Мне нравилось, когда я был молодым».

«Значит, теперь не нравится?»

«Теперь мне ничто уже не приносит радости. Но должен сказать... для меня нет жизни вне стен сената. С течением времени все перестает быть реальным, все, кроме твоей работы и патологического интереса к тем, кто оказался на другом конце Пенсильвания-авеню[87 – То есть в Белом доме.]. Президент... любой президент... наш естественный враг, и так оно и должно быть. Никогда не полагайся на президентские милости. В конечном счете – это ошибка. Правда, в конечном счете не очень мудро вечно стоять в оппозиции, как это делал я. Но так уж это случилось... такой уж я есть».

Клей моментально уловил это столкновение прошедшего и настоящего времени. Он подумал, не заболел ли старик, ведь он никогда не был мнительным.

«Я не думаю, – сказал Клей, – что новый член палаты представителей будет замечен, что бы он ни делал».

«Есть разные способы быть замеченным. – Длинная рука с голубыми прожилками откинула волосы с усталых глаз. – Но только внутри палаты. Чтобы тебя заметили лидеры. Никогда не ищи славы за ее пределами. Если они про это узнают, ты будешь бессилён что-либо предпринять. А ведь именно это, в конечном счете, имеет значение. Делать то, что надлежит делать. – Поняв, очевидно, что он зашел слишком далеко в восхвалении добродетели, Бэрден улыбнулся: – Ничто не приносит такого удовлетворения и ничто не удается так редко, как действовать для себя, но одновременно приносить пользу другим, хотя бы даже случайно».

Клей засмеялся, он считал, что на такую именно реакцию и была рассчитана последняя тирада сенатора. Но старик вдруг посмотрел на него искоса, и трудно было понять, что означает этот взгляд. Когда он заговорил снова, в его тоне не было больше иронии.

«Должен сказать, что люди как таковые никогда не вызывали во мне любви, разве что иной раз – сострадание. Особенно дома, в нашем штате, когда едешь по этой нескончаемой плоской равнине от одного маленького городка к другому...» – Клей взволнованно представлял себе свое будущее, когда он так же будет объезжать этот штат.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
«И я оглядываюсь на то, что я сделал, и думаю: вот это шоссе дело моих рук, хотя теперь этого никто уже не помнит, да никого это и не волнует».

«Что вы! – Клей сказал то, что хотел услышать старик. – Есть городок Дэй, население одна тысяча восемьсот шестьдесят восемь человек, оно все время растет. Гора Дэй, высота две тысячи четыреста футов, национальный парк Джеймса Бэрдена Дэй. Улица Дэй в каждом поселке штата, где только есть электрическая лампочка».

«Но кто такой, спросят они, был Дэй?»

«Президентов тоже забывают. Но дороги остаются, и проложили их вы».

Сидя в полутьме, глядя на то место, где раньше стоял Бэрден, Клей видел его так ясно, как это было днем, когда они стояли рядом и разглядывали гостей Блэза на лужайке.

Доктор Полэс продолжал говорить:

– Конечно, мистер Сэнфорд, ваша дочь нездорова, и мы сделаем все от нас зависящее, чтобы помочь ей.

– Я знаю, что она нездорова и что вы хотите ей помочь, но как можете вы помочь, если она не желает оставаться в вашей клинике?

– Мы надеялись, что она останется добровольно, и тогда ее заболевание могло бы..

– Но она не желает оставаться! Она алкоголичка. Она не отвечает за свои поступки.

– Но, мистер Сэнфорд, трудность состоит в том, что она не зарегистрирована как психически больная. Она, согласно самым авторитетным заключениям, отвечает за свои действия в обычном юридическом смысле.

Наконец вмешался Клей.

– Мне кажется, что суть проблемы.. – он нахмурился при этом слове, – в том, чтобы найти какой-нибудь законный способ заставить ее лечиться.

– Я бы и сам хотел, честно говоря, чтобы такой способ был, мистер Овербэри, и я не переставая думаю, как помочь вашей жене, которая серьезно больна..

Надо сказать, что слова «серьезно больна» едва ли соответствовали состоянию Инид, когда она появилась в тот вечер в Лавровом доме. Она пришла сразу после ухода последних гостей, прекрасно выглядела, была трезва, в руках у нее была сумка с вещами, которую берут с собой, собираясь остаться на ночь.

«Мне надо серьезно поговорить с тобой, отец. И с тобой, Клей. – Голос ее звучал резко. – Но прежде всего мне надо хорошенько выспаться. Я не спала целую неделю, так как мне не давали снотворного в том очаровательном заведении, куда вы меня упекли. Поэтому мы поговорим утром, когда у меня будут ясные глаза и пушистый хвост». – На этой зловещей ноте она поднялась вверх вместе с Фредерикой.

За ужином, когда Блэз спросил Фредерику, что говорила ей Инид, мать не сказала ничего, кроме:

«Она показалась мне вполне нормальной. Она не пьет уже несколько недель и не собирается начинать снова».

«Но чего же она хочет?» – настаивал Блэз.

«Чтобы ее оставили в покое, – резко ответила Фредерика. – Чтобы ей позволили развестись с Клеем и жить спокойно. Вряд ли можно ставить ей это в вину».

«Конечно». – Клей был доволен, что его голос, хриплый после долгого молчания, прозвучал искренне и с чувством.

Блэз все еще говорил с незадачливым доктором Полэсом, который уже встал,

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org собираясь уходить; круглое мягкое лицо доктора казалось болезненным в желтом свете противокмарных ламп.

– Конечно, я потребую пересмотра этой проблемы, безусловно, сэр. Вы можете быть уверены.

– Я полагаюсь на вас. – Блэз взял доктора за руку, словно собираясь надеть на него наручники, и повел его в дом через балконную дверь, которая звонко захлопнулась за ними.

Через некоторое время Клей тоже вошел в дом. В большой гостиной он остановился. Блэз все еще стоял у парадной двери, припугивая доктора. Почувствовав вдруг жажду, Клей открыл дверь в библиотеку и включил свет.

Инид сидела в кожаном кресле отца, положив голые ноги на каминную решетку. На ней был халат, надетый на голое тело. От внезапного света она зажмурилась.

– Как ты находишь доктора Полэса? Какое впечатление? – Она говорила, подражая жалобному голосу доктора. – Он, конечно, понимает, в чем моя проблема. Или... – она заговорила своим обычным голосом, – твоя проблема, как выясняется.

Холодным взглядом диагноста Клей искал знакомые симптомы и нашел их: рядом с креслом на полу стоял высокий стакан; конечно, в нем могла быть и вода, однако лихорадочный блеск ее глаз доказывал, что в нем была водка. Предположительный диагноз подтвердился.

– Ты пила, – заметил он безучастно.

– Интересно, чем бы ты занимался на моем месте, – ответила она с присущей ей страстной нелогичностью, – после того, что вы с отцом сделали со мной.

– Он только хотел помочь тебе. – Клей благоразумно решил отделить себя от своего сообщника.

– Да, да, конечно. Что же, знаешь, кто ты такой? Кто такие вы оба? – Она выпрямилась и плотно запахла халат.

– Не лучше ли тебе лечь в постель?

С шоссе донесся стон гравия. Отъехала машина доктора Полэса.

– Но вам не удастся добиться своего. Нет. Нет. Вам это не удастся. – Она мотала головой, пока все не поплыло у нее перед глазами. Клей, пристально наблюдавший за ней, не заметил, как вошел Блэз, но по неожиданной гримасе на лице Инид он понял, что главный виновник ее страданий и самого факта ее существования появился в комнате.

– Ты пьяна! – Блэз скорчил ей в ответ ту же гримасу.

– Ну и что? Это лучше, чем то, что делаете вы.

– Доктор Полэс говорит, что у тебя душевное расстройство. Что тебе нужна помощь.

– Мало ли чего он травит! – Клея всегда интересовало, из какой субкультуры черпает Инид в минуты опьянения свой словарь. Трезвая, она говорила на нормальном английском языке, а выпив, превращалась в своего в доску парня, который за словом в карман не полезет и пойдет в огонь и в воду, чтобы помочь приятелю. Наверное, она втайне от всех зачитывалась ковбойскими романами.

– Конечно, мне нужна помощь, и я уже нашла ее. Это отличный адвокат, лучший в городе. Я говорила с ним сегодня утром и все ему объяснила.

– Зачем тебе адвокат? – Блэз старался говорить спокойно и рассудительно, но пальцы его рук были сжаты в кулак.

– Во-первых, чтобы избежать одного веселенького учреждения...

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org

– Чего-чего? – Клей не собирался прерывать, он не понял Инид.

– Ну, сумасшедшего дома, куда вы горите желанием меня упечь.

– Мы хотели тебе помочь. И ничего больше. – Блэза трудно было заподозрить в неискренности.

– Кому помочь? Себе и клею или мне? – Инид не ждала ответа на свой вопрос. – Но мой новый адвокат добьется развода со всем полагающимся гарниром.

– С каким еще гарниром? – Клей почувствовал, как холодеют его руки. – Ребенок останется у тебя. И все остальное.

– А деньги?

– У клея нет денег. Деньги есть у тебя. – Блэз был раздражен и, истолковав расплывчатость ее слов как проявление слабости, решил ответить ударом на удар.

Но Инид овладела собой.

– Мне нужны твои деньги, а не клея.

– У тебя есть все, что ты пожелаешь. И всегда было.

Клей почувствовал тревогу. Надвигалось что-то непостижимо страшное. Инид никогда не проявляла ни малейшего интереса к деньгам; в худшем случае в прежние времена она раздражалась, если их не хватало, но теперь, когда она получала доход с положенного на ее имя наследства, она была совершенно безразлична к собственности.

– Это ты теперь так говоришь, – сказала она, с трудом выговаривая слова, как будто забыла, в какой связи возник разговор о деньгах. Она отпила глоток из стакана; водка освежила ее память.

– Он говорит... Хартшорн, адвокат, говорит... это самое меньшее, что тебе придется для меня сделать после всего того, что ты собирался сделать, учитывая то, что мне известно.

– Что тебе известно? – мягко спросил Блэз.

– Что ты хочешь убрать меня с дороги, потому что развод испортит клею карьеру.

– Я всегда был согласен на развод. И сейчас согласен, – осторожно сказал Клей.

– Говорить-то ты это говорил, но я знаю кое-что другое. – Голос ее становился резким. – Я знаю что к чему, и адвокат это знает, и не думайте, будто я у вас в руках, а не наоборот. Давайте смотреть фактам в глаза: у меня на руках все козыри.

– Какие же это козыри? – Хотя в голосе Блэза слышалась угроза, он сделал шаг назад, прочь от нее, словно ища защиты.

Инид нетвердо встала на ноги, засунув руки в карманы халата.

– И не надейтесь, что, когда со мной будет покончено, об этом никто не узнает. Узнают все. – Она сделала шаг в сторону Блэза, восстанавливая прежнее расстояние между ними. – Ты влюблен в него.

Блэз ничего не сказал. Он стоял сжав кулаки, приоткрыв рот, тяжело дыша. Инид смотрела то на одного, то на другого, словно они чем-то ее забавляли; она уже не казалась пьяной женщиной, словно сбросила маску, которую могла снимать и надевать по своему желанию.

– Не думали, что мне это известно? – Она повернулась к отцу.

– Ты его ненавидел, когда я вышла за него замуж, потому что ты хотел заполучить его для себя, а потом возненавидел меня, потому что это мне

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
удалось его заполучить, хотя, ей-богу, я охотно бы им поделилась. Довольно ходить вокруг да около, а, Клей? – Она посмотрела на Клея, который стоял не шелохнувшись.

Разочарованная его молчанием, Инид снова повернулась к Блэзу:

– Клей ведь готов на все, что поможет его карьере. Вот почему он позволил тебе влюбиться в него, хотя на самом-то деле он считает тебя омерзительным, грязным, старым...

С протяжным воплем Блэз кинулся на нее, выставив перед собой, как таран, сжатые в кулаки руки. Инид была к этому готова. Как матадор, она прыжком уклонилась от удара, для равновесия широко раскинув руки. Халат распахнулся. Но в этот момент Клей видел не ее тело, а пистолет, который она сжимала в правой руке. Он хотел закричать, предупредить, но не смог. В этой пьесе для него не было больше роли.

Блэз снова бросился на нее, высоко подняв для удара руку, не замечая пистолета, который Инид разрядила прямо в него. Раздался звук лопнувшего воздушного шара. Тоненькая струйка белого дыма протянулась между ними.

Долго они стояли кружком, и руки Блэза все еще были протянуты вперед. Одна рука Клея тоже была вытянута вперед, словно хотела остановить пулю, прорезавшую воздух. Так они и стояли, точно замороженные, пока дверь в библиотеку не распахнулась и не вошла Фредерика; без грима лицо ее ночью выглядело совсем старым; она стояла в дверях и смотрела на них, точно перед ней были живые статуи. Когда она наконец заговорила, голос ее звучал поразительно спокойно и печально.

– Что ты сделала, Инид?

Инид повернулась к матери и бросила пистолет на коврик перед камином.

– Ничего, мама, – сказала она. – Ровным счетом ничего.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

– Но не счастлива?

– Счастье – понятие относительное, мистер Сэнфорд. У каждого из нас бывают свои светлые и черные дни. Взгляните только, какой сегодня день, взгляните! – Маленькая мягкая ручка указала на окно: гонимые ветром струи дождя, словно водяные плети, хлестали по стеклу.

– Никто, конечно, не бывает абсолютно счастлив, – заметил Питер, глядя на черно-серое ноябрьское небо. Это было все, что он мог увидеть: окно находилось слишком высоко, вне сомнения, для того, чтобы затруднить побег. – Но, как по-вашему... – он остановился, подыскивая слово, которого ждал от него доктор Полэс, – ...приспособилась ли она к своему нынешнему положению?

– Я думаю, что да. Да, конечно. – Врач бросил на него жуликоватый взгляд, словно желая сказать: «Мы все одной веревочкой связаны» – и не подозревая о том, что перед ним враг. – Ей назначено лечение. Сейчас она увлекается живописью, и, надо сказать, у нее есть талант. Совсем недавно миссис Полэс даже попросила у нее одну из ее картин... – Легкая тень, промелькнувшая по лицу доктора Полэса, давала понять, что о приспособлении не может быть и речи. – Она сказала, что отдаст картину, как только положит последний мазок! – гладко закончил он.

Питер улыбнулся, представив себе этот диалог.

– Стало быть, с таким улучшением ее можно выписать в ближайшие дни?

Белый гладкий лоб врача прорезался необыкновенно глубокими поперечными и косыми складками.

– Знаете ли... – начал доктор Полэс. – Знаете ли, – повторил он, – спешить не стоит. Она в хорошем состоянии... относительно хорошем, но это еще мало о чем говорит. У нее, видите ли, шизоидный характер...

– Мы все шизоиды, доктор. Но есть ли у нее шизофрения? – Питер сообразил, что взял слишком резкий тон и слишком многое выдал. Подобно всем жрецам, врачеватели человеческих душ не любят, когда прихожане обнаруживают слишком близкое знакомство с их священным ремеслом.

– Да, мистер Сэнфорд, у нее шизофрения. Консилиум специалистов подтвердил мой диагноз два года назад.

– И пересмотр диагноза невозможен?

Складки исчезли. Щеки врача округлились в мягкой улыбке, и на них выступили ямочки.

– Мне кажется, вы не вполне понимаете нашу методику. Болеть шизофренией все равно, что болеть лейкемией. Это неизлечимая, постоянно прогрессирующая болезнь.

– Бывает, лейкемия дает ремиссии.

– Что касается шизофрении, то она ремиссий не дает.

Врач начинал испытывать раздражение, но Питер гнул свое.

– А как насчет новых лекарств? Как насчет предсказания Фрейда, что настанет день – и причиной шизофрении признают нарушение обмена веществ, которое можно сбалансировать посредством инъекций?

– Этот день еще не настал, и, пока он не настанет, мы будем держать шизофреников в изоляции как в интересах общества, так и в их собственных интересах. В конце концов, некоторые из них опасны для окружающих. – Многозначительно произнес этот окончательный приговор, доктор Полэс препоручил Питера санитару, и тот провел его по коридору готического особняка в большую угловую комнату. Там за мольбертом с натянутым полотном сидела Инид; полотно было чисто, если не считать одного-единственного ярко-красного мазка чуть ниже центра.

Ни слова не говоря, санитар зажег верхний свет и удалился. День за окном стал черен как ночь.

Брат и сестра разглядывали друг друга. Инид несколько не изменилась. Пожалуй, после трех лет вынужденного воздержания она стала выглядеть еще моложе, чем была.

– Привет от психов, – сказала она наконец.

– Во всяком случае, они еще не довели тебя до ручки. – Он поцеловал ее в щеку.

– Да уж хоть бы и довели. Погаси этот проклятый свет, ну?

Питер повернул выключатель. Окно из черного стало серым. В сумеречном свете черты Инид казались прозрачными – видимое сквозь воду лицо утопленника, лишь недавно утонувшего.

– Мне сказали, ты стала художницей.

– Он совсем свихнулся, это ваш доктор Полэс. Ей-богу. я знаю теперь все его симптомы. Моет руки двадцать раз на дню и без конца смотрится в зеркало, чтобы убедиться, не испарился ли он. А эта его миссис Полэс, такой халды с помойки еще поискать. У нее тоже бзик – воображает, будто она леди, сука паршивая. Дай мне сигарету. Я уже выкурила свою дневную норму. – Она взяла сигарету, огонек спички дугой прорезал полумрак. Инид затянулась и сказала: – Ах, чего бы я только не отдала за рюмку сухого мартини.

– Ты еще не отвыкла?

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Какое там! Знаешь, они, должно быть, правы. Похоже, я и вправду никогда не смогу бросить пить по собственной воле.

– А как ты себя чувствуешь, когда не пьешь? – Питера это очень интересовало. Сидя на диете, он казался себе страшно добродетельным и думал, что и Инид должна чувствовать себя так же.

Но с ней было иначе.

– Я места себе не нахожу, хорошо еще, что мне дают люминал. Это помогает, но этого мало. Я из собственной шкуры готова выскочить. Нов конце-то концов, кому от этого плохо, что я пью? Я сама себя гублю, сама себя хороню.

– Все наши...

– Я все про них знаю. – Ее голос прозвучал резко. – Как они?

– Клея переизбрали...

– Знаю. Я читаю газеты.

– Ну, значит, ты знаешь о нем столько же, сколько и я. Я почти с ним не виделся после того... после того, как...

– ...я пыталась убить отца? – Инид вдруг рассмеялась и мгновенно стала сама собой, упиваясь собственным безрассудством. – А что, на их лица стоило посмотреть! Насколько мне помнится, – задумчиво добавила она, – я была здорово набравшись. Не то я наверняка отстрелила бы голову папуле, вместо того чтобы всадить пулю в левый глаз Аарону Бэрру.

– Ты думаешь, убив отца, ты многого бы достигла? – Питер улыбался сестре в сером сумраке, хотя знал, что она не может видеть его лицо, точно так же как он не мог видеть ее за серой клубящейся пеленой между ними.

– Я была бы очень счастлива, по крайней мере на время. – Она вздохнула. – Ведь он сущий изверг! Я пробовала объяснить это доктору Полэсу. Но, кажется, он не может мне сочувствовать, потому что связан обязательством перед отцом. Ведь, в конце концов, ему платят за то, что он ведет себя так, будто я действительно сумасшедшая. Я сумасшедшая?

– Нет.

– Иной раз мне кажется, что я вправду сумасшедшая. Знаешь, как бывает: начинаешь становиться тем, кем тебя считают.

– Ну, во всяком случае, я так не считаю.

– Оказывается, ты мне друг! А я-то никогда тебе не доверяла. А почему, собственно?

Питеру стало больно. Он почти всю жизнь свою отдавал себе ясный отчет в том, какое чувство он испытывает к Инид, но ему было отказано в том, чего он хотел больше всего в жизни, а потому он удовольствовался дружбой. А вот теперь, оказывается, дружбы-то и не было.

– Наверное, потому, что я считала тебя подлым. Тогда, конечно, отец любил тебя больше меня, и я ревновала. – Это была такая чушь, что Питер предпочел не возражать ей и только подивился, как делал уже не раз, не сумасшедшая ли она на самом деле. – Ну да все это пустой разговор. Я сижу здесь, а они держатся заодно. Все остальное неважно.

– Клей больше не живет вместе со всеми. У него свой дом на Вудленд-драйв.

– Он живет с Алисой? – Она произнесла имя девочки нарочито безжизненным тоном.

– Нет, Алиса у матери. Говорят, ей там очень хорошо.

Инид притушила сигарету, искры ярким снопом брызнули в темноте.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Я читала, в прошлую субботу Клей был на скачках с Элизабет Уотресс, дочерью Люси Шэттак и Скайлера Уотресса из Ойстер-Бей, ее знает весь Вашингтон.

– Они изредка видятся. – Питер сказал это безразличным тоном. – Но, вообще-то говоря, я с ними теперь почти совсем не встречаюсь. – Сблизившись с Клеем, Элизабет объяснила Питеру, что в новых обстоятельствах требуются новые друзья. Он не обиделся. В лучшем случае она была приятной подружкой, время от времени заменявшей ему Диану, которая по-прежнему интересовалась им гораздо меньше, чем он ею, подобно тому как «Элизабет нравится Клею, но не настолько, насколько он нравится ей».

– Он использует ее, так или иначе. Точно так же, как он использовал меня, и точно так же, как он использует отца. Как по-твоему, есть что-нибудь между ними – между отцом и Клеем?

Питер рассмеялся:

– Это только ты так думаешь, не я.

– Клей согласился бы, ты знаешь, лишь бы добиться своего.

– А отец – нет. – Питер был в этом уверен уже хотя бы потому, что в случае односторонней сексуальной заинтересованности ни один из них не позволил бы себе выглядеть смешным или уязвимым в глазах другого.

– Не ручаюсь, – упорствовала Инид. – Я уверена, что между ними что-то есть. Бога ради, – ее голос вдруг прервался, – вызволи меня отсюда.

– Я делаю все, что могу. – Он торопливо рассказал ей о своих недавних попытках действовать через судебные власти, но даже для него самого все это звучало неубедительно.

– Похоже, я тут долго не выдержу. – В темноте она походила на статую сидящей женщины. – Я уже думала о побеге, это возможно, но потребуются твоя помощь. – Она шепотом рассказала ему о своем плане. Она угонит автомобиль доктора Полэса («он всегда оставляет ключи в машине»). Затем Питер встретит ее в Силвер-Спрингс на другой машине, с фальшивым паспортом, и она направится прямо к мексиканской границе. Ей бы только попасть в Мехико – там у нее есть друг. Он ей поможет. Излагая ему свой замысел, она говорила горячо и взволнованно, словно ребенок, рассказывающий о празднике. Питер согласился, что теоретически ее план имеет несомненные достоинства, но сперва все же следует выждать, не пересмотрит ли консилиум ее дело. Самое главное для нее теперь – набраться терпения.

– И встретить здесь еще одно рождество? Нет, спасибо. – Голос ее стал жестким. – Здесь подают индейку, сухую, как бухгалтерская книга, а потом мы сидим вокруг елки, украшенной комками ваты и разноцветными бумажками, – ее устанавливают двое стариков с приветом, они просидели здесь тридцать лет и живут только для того, чтобы наряжать елку раз в году, – а миссис Полэс все время долбит на рояле, и психи поют хором. Ей-богу... я больше... этого не вынесу! – Ее душили слезы, но она не расплакалась, а вскочила на ноги, зажгла свет и взяла одну из картин, стоявших у стены.

– А теперь я покажу тебе мои картины, – весело сказала она. – Вот эта – последняя. Отца поджаривают в аду. Здорово похоже, как по-твоему? А вот это – я с кочережкой.

II

Серые диагонали дождя секли мертвую, раскисшую лужайку. Увидев это, Бэрдэн тихонько простонал и сказал:

– Разумеется, я буду баллотироваться опять. Я чувствую себя отлично.

Его сердце болезненно трепыхалось в груди, между ним и Сэмом Бирманом повисла дождевая завеса из черных точек; истерия, холодно подумал он, и завеса исчезла. Он уже научился справляться со многими фокусами, которые его мозг выделял с восприимчивой плотью, все больше и больше напоминаясь бомбу замедленного действия, которая должна была взорваться в определенный

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org момент, – и нет никакой возможности вынуть взрыватель. С каждой секундой он приближался к концу, и он надеялся и боялся, что конец этот будет ничто. Надеялся потому, что «ничто» – это ничто, и в нем нет ничего плохого. Боялся потому, что в «ничто» нет и ничего хорошего. Он желал альтернативы, втайне желал чего-то человечески определенного, а потому ранее случайные порывы к самоутверждению стали у него своего рода одержимостью. Но ни один из известных наркотиков цивилизации не помогал. Христианство было скомпрометировано в его глазах баптистскими проповедниками и иезуитским политиканством. Попытки обратиться в индуизм были тщетны: индусом нужно родиться. Он изучал своего любимца Платона, но тот мало утешал его. А доводы Сократа относительно природы и нетленности душ казались ему особенно натянутыми. Он сам за плату доказал бы все это гораздо лучше. Ему больше импонировала суровость Эсхилла. «Мужайтесь, ведь страдание скоротечно, когда оно достигает предела». Это еще куда ни шло. Раз счастье так пресловуто недолговечно, такой же мимолетной должна быть и его тень – боль. Но когда страдание кончается, что тогда? «Люди ищут бога, а кто ищет, тот находит его». Тут холодная пронизательность Эсхилла дала осечку. Заглянув в преисподнюю, поэт отпрянул и сказал в свое оправдание, что ответ на этот вопрос – сам пройденный путь. Если это так, я уже почти конченный человек и нашел ответ, сам не зная об этом, и в таком случае это мне уже ни к чему. От созерцания дождя и «ничто» он вернулся к жизни и политике, к Сэму Бирману, давнему рупору своих идей.

– Я вижу, у вас совсем нет конкурентов. Да и в масштабе всей страны нынешний год должен быть благоприятным для вас, демократов, особенно теперь, после переизбрания президента. Разумеется, вам придется повоевать и на первичных выборах.

– Теперь мне постоянно приходится это делать. – Вплоть до прошлых выборов ни один из собратьев Бэрдена по партии не осмеливался бросить ему вызов, так как он был наиболее прославленным сыном своего штата. Но теперь полчища молодых не прочь были захватить его место.

И в конечном счете кому-то суждено было это сделать. Но пока что он цепко удерживал добычу, честно взятую с боя.

– Вы не думаете, что Клей выступит против вас на первичных выборах.

Бэрдена это позабавило.

– Никогда!

– Почему вы так в этом уверены? – Сэм пристально изучал его печальными глазами.

– В политике я ни в чем не уверен. – Бэрден почувствовал, как в нем поднимается раздражение. Он сделал глубокий вдох и медленно выдохнул, чтобы снять уже знакомое ему напряжение. – Но, между нами говоря, Клей метит на место Момбергера, а не на мое. Это больше похоже на правду, не так ли? Джессу придет пора переизбраться в пятьдесят втором году. К тому времени Клей уже шесть лет пробудет членом палаты представителей. Он приобретет политическую известность – сейчас ее у него нет, но она ему совершенно необходима. Никто не может попасть в сенат просто так, ниоткуда. Человек должен что-то собою представлять. – Произнеся эти слова, Бэрден со всей прямотой спросил себя, что он-то собою представлял, когда впервые встретился с избирателями, – никому не известный молодой адвокат, хотевший стать президентом. Ответ был: не бог весть что. Но шли годы, он работал над собой и в конце концов действительно стал тем, за кого его принимали (несмотря на единственное грехопадение), – это был максимум того, на что может рассчитывать человек при политическом строе, где единственный непростительный грех – говорить опасную правду. «Лицемерие – наш щит, бездействие – наш меч», – заметил он как-то в кулуарах под смех своих коллег: они прекрасно поняли, что он хотел сказать. Он очень скоро сообразил, что для того, чтобы сотворить в сенате добро, надо сперва сделать вид, что тобою руководят чисто эгоистические побуждения, ибо творить добро ради самого добра возбуждало подозрение. Многие искренне ненавидели миссис Рузвельт, считая, что она начисто лишена эгоизма. В конечном счете она преуспела лишь потому, что сенаторы, которым она была антипатична, решили, что в глубине души она непревзойденный Макиавелли, использующий общественные средства на то, чтобы привлечь всех босяков под знамена Рузвельта. После того как ее признали своекорыстной, даже она была

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
способна время от времени творить чудеса в конгрессе.

– Во всяком случае, теперь никто не точит на вас зубы, как в прошлый раз. Помните тех калифорнийских япошек? – Сэм печально покачал головой, вспоминая. – Это была ошибка.

– Но я был прав. – Бэрден нарушил собственное правило никогда не подпускать добродетель в разговор с глазу на глаз.

– Правда еще никому не завоевывала голосов.

– Это верно. Вы полагаете, мне следовало бы совершить весной поездку по штату, напомнить о себе?

– Да. Вы так долго были сенатором, что новое поколение избирателей понятия не имеет, кто вы такой, а старые думают, что вы уже умерли.

Бэрден ничем не выдал своего беспокойства.

– Это меня не удивляет. Последнее время я был не особенно деятелен. Мне недостает... – он сделал глубокий вдох, прежде чем произнести ненавистное, новое для него слово: –... рекламы.

Сэм кивнул:

– Это верно. Теперь все не так, как прежде. Теперь вдобавок к радио и кинохронике появилось телевидение, а журналы читают даже в провинции. То ли дело, когда избиратели читали только одну газету – нашу газету. Это, несомненно, принесло вред! В данный момент Клей самый популярный человек в штате, и все благодаря этим журналам и кинохронике, а теперь, говорят, о нем собираются ставить фильм в Голливуде! Словно он какой-нибудь сержант Йорк[88 – Йорк Элвин Кэллем – американский солдат, геройски отличившийся в первую мировую войну на франко-германском фронте.]. Уму непостижимо!

– Да, на него тратят уйму денег, – бесстрастно заметил Бэрден, радуясь, что ему никогда не придется бороться с Клеем на первичных выборах. Клей дал ему это понять в предвыборную кампанию 1946 года, когда Бэрден представлял его всему округу, особенно в маленьких сельскохозяйственных городках, где у Бэрдена были сильные позиции, а на Клея смотрели с недоверием. Ходит ли он в церковь? Пьет ли он? Правда ли, что его жена сумасшедшая? Бэрден осторожно усыпил все подозрения. Больше того, в доверительных беседах с представителями религиозных кругов он подробно рассказывал о трагической болезни Инид, чем вызвал немалое сочувствие к блестяще одаренному молодому герою, которому суждено оставаться женатым, но без жены до конца дней своей душевнобольной супруги.

В ту ночь, ожидая первых сведений о результатах голосования в отеле «Санфлауэр» в главном городе округа, Бэрден сказал:

– Ты должен одержать блестящую победу.

Клей согласился:

– Но я никогда не забуду того, что обязан всем этим вам. – И он проникновенными, сыновними глазами посмотрел на Бэрдена.

Бэрден смешался: искренность всегда обезоруживала его.

– Ты больше обязан Блэзу. Себе самому. Тому, что ты сделал на фронте.

Но Клей отрицательно покачал головой:

– Все это стало возможным лишь благодаря тому, что я столько лет проработал с вами... Что я наблюдал вас изнутри, постигал хитрую механику дела. В этом вся суть. – Затем Клей дал понять, что, если все сложится удачно, на выборах 1952 года он намерен пойти выше. На этот счет он с предельной откровенностью заявил:

– Я в любое время поддержу вас по любому вопросу точно так же, как вы поддержали меня. – В ту ночь Клей побил своего противника из республиканской партии, собрав самое внушительное большинство голосов за

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
всю историю округа.

Так был заключен союз. С тех пор прошло четыре года, но по-прежнему молодой член палаты представителей и старый сенатор были связаны сердечными узами, и, хотя отношения отца и сына сменились на отношения благодарного ученика и почитаемого учителя, это их вполне устраивало. Бэрден даже считал возможным раскрыть перед учеником ряд приемов, сокращавших путь к власти сквозь сомкнутые дисциплиной ряды иерархии в палате представителей, которая в этом отношении была так не похожа на расхлябанный и даже анархичный сенат, где коллега Бэрдена Джесс Момбергер враждебно следил за ростом новой политической силы в его штате и думал над тем, каким способом можно ее сдержать. Но сдержать ее было невозможно, потому что источником этой силы был Лавровый дом, откуда без конца текли деньги и реклама. Даже сам Бэрден временами уставал от вечного вопроса: «Какое впечатление произвел на вас Клей Овербэри, когда вы впервые встретились с ним?» Даже Сэм (его Сэм), и тот потратил большую часть дня, рассуждая о Клее. Но это было неизбежно, поскольку «юный стервец пользуется в Нью-Йорке большей известностью, чем у себя на родине», как недавно заметил младший сенатор старшему. «Штату отнюдь не повредит иметь знаменитость в конгрессе», – ответил старший сенатор. «Мне-то что до нашего проклятого штата», – огрызнулся младший.

Голос Китти положил конец интервью.

– Она уже здесь. Здесь! – Так оно и было на самом деле. Диана появилась на веранде в сопровождении матери и Питера Сэнфорда.

– Он встретил меня на вокзале.

Она радостно поцеловала отца и поздоровалась с Сэмом. Тот быстро пожал всем руки и отбыл.

– Ну, не красотка ли она! – воскликнула Китти, с невинным удовольствием обнимая дочь, и Бэрден с ней согласился. Даже в сумрачном свете ноябрьского дня Диана рдела щеками, загоревшими под солнцем пустыни.

– Ни дать ни взять индеанка. Это у нее от Бэрдена. В нем есть индейская кровь, только он стыдится в этом признаться.

Эту утку никто не принял всерьез. Один из дядьев Бэрдена был женат на индеанке из племени осаджей, но этим и ограничивалось все родство Бэрдена с индейцами. Однако за последние годы внутренний голос Китти стал отражать настроения ума не только ослабшего, но и начавшего проявлять склонность к мелодраме. Временами она просто пугала Бэрдена своими внезапными откровениями, будто бы повсюду, куда ни ступи, творятся убийства, будто кровосмешительство стало в порядке вещей и никто уже не рождает детей в законном браке.

В продуваемой сквозняками столовой они сели у нового камина, и это несколько успокоило Бэрдена. Диана рассказала им о Неваде.

– Мы жили там в хижинах, ели жесткую говядину и увертывались от гремучек и похотливых ковбоев.

– Диана! – Глаза Китти светились от радости.

– Не бойся, мама. Я избежала и тех и других. Но вот многие дамы пали жертвой ковбоев. Бедняжки! Они всегда плакали, если не о прошлом, так о будущем. Ковбои хоть на время заняли их. Так или иначе, я научилась играть в бридж и прочла «Воспитание чувств» по-французски, медленно, от корки до корки.

– Теперь ты свободна. – Хотя холодноват ость Дианы всегда действовала на Бэрдена освежающе, он иногда спрашивал себя, холодноватость это или холодность. Насколько он знал, с тех пор, как она пережила разрыв с Клеем, ничто больше не волновало ее, и это был нехороший признак, так как за последние несколько лет они ни разу не поговорили друг с другом по душам. Он понимал, что Диана возненавидела Билли Торна, но ни разу не слышал это от нее самой и потому был лишен удовольствия сознавать, что может напомнить ей (хотя он никогда не сделал бы этого), что с самого начала был прав. Но прав или не прав, ее брак теперь дело прошлого.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Где Билли? – спросила Китти. – Я не видела его целую вечность.

– Не знаю. – Диана повернулась к Питеру. – Где мой бывший муж?

– Этого никто не знает. Он ушел от нас в прошлом месяце, обвинив Иниэса Дункана в том, что он орудие буржуазии, очевидно он имел в виду меня. Он вышел из редакции без пальто и шляпы. Мы бережно их храним, быть может, тебе захочется иметь сувенир.

– Нет, спасибо. – Диана потянулась, как кошка. – Хорошо быть свободной, правда?

Бэрден сказал, что очень рад видеть ее счастливой. Но при этом он смотрел на Питера, который, улыбаясь, молодым Буддой восседал перед огнем. Если у Питера интрижка с Дианой, стал бы Билли Торн и дальше сотрудничать с ним? Скорее всего, нет, но, в конце концов, пути юных для него неисповедимы. Похоже, они не видят в прелюбодеянии ничего страшного, при условии, что партнеры достаточно «взрослы». Где-то на краю сознания Бэрдена свершался общественный переворот, и, хотя в глубине души он не одобрял его, ему, в сущности, было совершенно безразлично, что делают другие – но только не Диана. Замужем за Питером Диана была бы богата, у нее было бы имя. А Питер, человек без претензий и незначительный, был бы хорошим зятем для говоруна-политика. Бэрден неоднократно ловил себя на том, что делится с Питером мыслями, которые никогда бы не поведал своему сверстнику. Что-то в манере этого молодого человека заставляло его открывать перед ним свои истинные чувства. При этом он ни на минуту не смешивал вежливость Питера с его искренней заинтересованностью. Но Питера Сэнфорда как личность ему почему-то хотелось убедить, а потому, подстрекаемый этим улыбающимся бесстрашием, он поверял ему тайны, которые тот, несомненно, выдавал или, что еще хуже, забывал. Но это не имело значения.

– Я с интересом прочел вашу статью о Хиросиме. Очень речисто изложено.

– Вы в самом деле прочли ее? – Питер взглянул на него с неподдельным удивлением.

– Я всегда читаю ваш журнал.

– Когда ему грозит кондрашка, – заметила Диана.

– Мне вовсе не нравится, как он выглядит, – подхватила ее мать. – У него слишком красное лицо. И это нездоровая краснота, это означает, что у него будет удар, и тогда мне придется помирать голодной смертью, потому что в банке у нас ни гроша, а по страхованию что там получишь.

Чувствуя приближение этого последнего удара, Бэрден возвысил голос, чтобы если не сдержать, то по крайней мере перебросить мост через клокочущий поток сознания Китти.

– Это верно. Когда я читаю Иниэса Дункана, у меня всегда повышается давление.

Китти умолкла и счастливо улыбнулась своей воссоединенной семье. Диана взглянула на мать с такой ненавистью, что та приняла ее за любовь. Она взяла руку дочери и крепко сжала ее.

Питер попытался выправить положение.

– Иниэс теперь живет в Нью-Йорке и, по-моему, почти не пишет о политике. В данный момент он предпочитает расправляться с поэтами.

– Его отсутствие скажется, – просветлев, отозвался Бэрдэн. – Но теперь вы сами начали писать. Это ваша первая статья, так ведь?

Питер смешался. Он застенчив, отметил про себя Бэрден и продолжал преследовать свою жертву.

– Вы собираетесь писать еще?

– Если будет спрос. – Питер взглянул на Диану, словно ожидая услышать от нее отрицательный ответ.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org

– Спрос будет! Он хорошо пишет, правда, папа?

– Да, внушительно и без воплей, не то что мистер Дункан. Для него обычный тон – нравственное неистовство.

– Но мы и живем в неистовое время, – мягко заметил Питер.

– Все времена неистовы, – категорически заявил Бэрден. – Но вам действительно кажется, что мы не имели права сбрасывать атомную бомбу на Японию?

– «Кажется» – не то слово. Я в самом деле так думаю. Нам следовало бы просто продемонстрировать бомбу в действии, ну, скажем, отшибить верхушку фундизмы или сделать что-нибудь еще столь же впечатляющее, и они бы капитулировали. Незачем было разрушать два города.

– Интересно.

Бэрдену и в самом деле было интересно. Расщепление атома ошеломило его, как и всех других. Стало ясно, что миру уже не бывать таким, как прежде, но хорошо это или плохо – все зависит от твоего темперамента. Поскольку он был пессимист, он легко представлял себе атомные грибы, шквалы огня, радиоактивный пепел, а в перспективе – опустошенную планету, слепым глазом сверкающую в лучах солнца. Но все же он спросил:

– А какая разница, в моральном плане, между одной бомбой и несколькими тысячами, которые все равно пришлось бы сбросить?

– Разница в том, что изобретение и демонстрация в действии одной такой бомбы давали нам возможность покончить с войной, что мы и сделали. Но при этом в угоду военным мы уничтожили двести тысяч гражданского населения – вот на это-то мы и не имели права.

Бэрдену были известны все эти аргументы. Его интересовала вдруг прорвавшаяся в Питере страстность. Куда делась та отрешенность, которая и привлекала, и озадачивала Бэрдена. Это хорошо, что у молодого человека есть что-то свое за душой, но, с другой стороны, печально было думать, что его второй зять может оказаться таким же ярым фанатиком, как и первый.

– Вам, наверное, есть что сказать, – пробормотал Бэрден.

К его облегчению, Питер рассмеялся:

– Боюсь, что мне нечего сказать, но есть что добавить.

– И он-таки добавил, – сказала Диана. – Питер будет сила, дайте только ему раскататься. Он должен писать о политике в каждый номер.

– И притом его некому остановить, – заметил юный Вольтер. – Ведь он сам издатель журнала.

– К тому же мы пользуемся успехом. Мы остаемся при своих. Никакого дефицита. Айрин очень довольна.

Тут Питер принялся описывать Диане состоявшиеся недавно похороны Сэмюэля Блока, который неожиданно умер в Джерси-сити на заседании правления.

– Ему следовало бы поставить памятник, – сказал Питер, – и назвать его могилой Неизвестного супруга.

Бэрден рассказал, как вела себя на похоронах Айрин. Она заявила, что мистер Блок всегда был приверженцем епископальной церкви; его родные пришли в ужас и отказались присутствовать на похоронах, чего она и добивалась. Она стояла в черном одна в готической часовне Национального собора и с царственно-величавым видом принимала соболезнования. Но, увидев Бэрдена, порывисто обняла его и прижалась щекой к его щеке. «Что со мной будет?» – прорыдала она в его ухо. Чувствуя устремленные на них взгляды, он как мог выпутался из ее объятий и пообещал вскоре ее навестить.

– Надо полагать, теперь ты выйдешь за Питера, – сказала Китти, вдруг

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
отпускная рука Дианы. – Он стал ужасно толстый, но все равно он богатый, и ты будешь обеспечена.

Диана убежала из комнаты, Питер подтянул живот. Китти повернулась к нему:

– Я знала, что ты придешь, и испекла сегодня утром пирог. Ореховый, тот самый, который ты любишь. Хочешь попробовать?

– Я не хочу есть, – ответил Питер дрожащим от раздражения голосом.

– Но ведь он всегда хотел есть, – вслух размышляла Китти. – Уж не заболел ли ты? Наверное, слишком плотно позавтракал. Я бы на месте Дианы посадила его на диету. После свадьбы, конечно.

– Свадьбы не предвидится, миссис Дэй. – Питер решил нарушить домашний обычай воздерживаться от комментариев к откровениям Китти.

– Свадьбы? – Она с удивлением поглядела на него. – Какой свадьбы?

Бэрден поспешил успокоить Питера и утихомирить Китти. Как раз такой муж и нужен Диане, думал он, выполняя свою дипломатическую миссию. Ведь Диана в самом деле окажется без гроша, когда он умрет, хотя он вовсе не торопится немедленно отбыть в мир иной – нет, это произойдет не раньше, чем он устроит ее будущее и сам будет переизбран.

III

Гарольд открыл дверь.

– Входи! – Он произнес это громким повелительным голосом, словно хотел запугать Клея или произвести впечатление на каких-то людей, которых тот еще не видел. Пропустив Клея в маленькую прихожую, Гарольд закрыл дверь и запер ее на засов. – Они там, – быстро прошептал он. – Оба. Прости, что я втянул тебя в это дело. Мне просто некому было больше позвонить.

– Ничего, – успокоил его Клей. – Я с ними справлюсь. – Стараясь ничем не выдать своей нервозности, Клей прошел за Гарольдом в столовую из стекла и стали с видом на Рок-Крик-парк; дом был новый, один из первых, выстроенных после войны, когда старый город из красного кирпича и мрамора стал поглощаться стеклом и бетоном. Расплавленный песок одержал победу над тесаным камнем. Даже Клей, которому обычно нравилось все новое, испытывал нечто вроде тоски по прошлому.

Когда он вошел, те двое встали. Один был приземистый коротышка, у него было круглое лицо и нос кнопкой. Другой был высокий и тонкий, и только его огромный живот явно предназначался для толстого, но был по ошибке приставлен к тощему.

– Вот конгрессмен Овербэри, – сказал Гарольд. Мужчины переглянулись; они явно замялись и не знали, как быть, когда Клей машинально, по обычной у всех политических деятелей привычке протянул им руку, а затем быстро отдернул ее.

– Как я понимаю, вышло какое-то недоразумение. – Клей стал посреди комнаты, готовый броситься в атаку.

– Совершенно верно, сэр, – ответил коротышка обманчиво-вежливым тоном. Клей знал этот тип людей и приготовился к худшему. – Ваш друг мистер Гриффитс совершил серьезное правонарушение по статье двадцать два одиннадцать-двенадцать «А» Уголовного кодекса округа Колумбия.

– Ваше удостоверение. – Голос Клея звучал резко. Их надо вынуждать к обороне.

– Удостоверение? – Тощий-толстый произнес это слово таким тоном, словно ему нанесли оскорбление.

Клей щелкнул пальцами коротышке, который стоял ближе к нему.

– Ваше удостоверение, – холодно повторил он.

– Извольте, сэр. – коротышка был вежлив и абсолютно спокоен. Он вытащил бумажник и протянул Клею свое удостоверение; его напарник сделал то же самое. Клей достал из кармана записную книжку и не торопясь переписал в нее имена и номера удостоверений двух служащих отряда окружной полиции нравов.

– Очевидно, вы захотите ознакомиться с моим удостоверением, – начал он, но коротышка перебил его:

– Нет, я узнал вас, конгрессмен. По фотографиям.

– Хорошо. – Голос Клея звучал монотонно. Он взглянул на Гарольда, который нервно топтался за диваном, словно готовый в любой момент укрыться за ним в случае, если противник откроет огонь. Ярко-красная ссадина на его скуле начала наливаться синевой. – Зачем надо было избивать его? – спросил Клей.

– Он оказал сопротивление при аресте, – бесцветным голосом сказал высокий, словно для занесения в протокол.

– Затянул драку, так что ли? – Ну что ж, Гарольд малый задиристый. Как раз чтобы задать работу двум полицейским вдвое здоровее его... – Это было в общественном месте?

– Да, сэр, мужской туалет Капитолийского театра. В час сорок семь пополудни.

– Свидетели?

– Только мы двое, конгрессмен. – коротышка позволил себе едва заметную улыбку.

– Итак, после того как правонарушение было совершено...

– Статья двадцать два одиннадцать-двенадцать «А».

– Знаю... Вы избили его?

– Он оказал сопротивление при аресте, и мы были вынуждены применить силу. – Тоший-толстый выступал в роли официального историка и главного свидетеля неблагоприятных действий своего сотоварища.

– Затем, вместо того чтобы взять его на заметку, вы пришли сюда. Так?

– Нам казалось, – сказал коротышка своим мягким, даже несколько женственным голосом, – что, поскольку мистер Гриффитс является таким известным журналистом, следует тем или иным образом уладить это дело. Вот почему мы позволили ему позвонить вам.

– Гарольд, это ты приблизился к этому человеку или он приблизился к тебе?

– Он первый заговорил со мной. Он пошел за мной... в то место, где это произошло.

– Ты хочешь сказать, что он первый сделал тебе предложение?

– Да. – Гарольд несколько раз прокашлялся. – Да. он первый.

– Дело было не так, сэр, и мой коллега подтвердит это. Мистер Гриффитс сам сделал мне предложение. Он сперва спросил, нет ли у меня огня, и я, конечно, дал ему прикурить, а потом я прошел в вышеозначенную комнату отдыха, и он пошел за мной следом и совершил правонарушение по статье двадцать два одиннадцать-двенадцать, что и было должным образом засвидетельствовано.

– А зачем вы-то болтались в Капитолийском театре? Что вы там делали?

– Извините, сэр, мы не болтались. Мы находились при исполнении служебных обязанностей. Администрация театра просила нас заглянуть к ним, так как личность, о которой идет речь, показалась им подозрительной. В театре, знаете ли, бывают школьники, особенно по уик-эндам.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Мистер Гриффитс только что сказал, что предложение сделали вы. В таком случае речь идет о завлечении, а это противозаконно.

– Это он так утверждает, а мы утверждаем обратное. – Коротышка был благодушно спокоен. Им нечего было бояться.

– Сколько раз к вам подходили с предложениями в прошлом году?

– Около семидесяти раз, сэр.

– И вы никогда не делали предложения первым?

– Нет, сэр.

– Семьдесят раз незнакомые люди хотели вступить с вами в сексуальную связь. Объясняете ли вы это своей привлекательностью?

Коротышка невольно нахмурился:

– Я объясняю это тем, что мне приказано следить за местами, где могут совершаться подобные вещи, только и всего.

– И эти вещи всегда совершаются, особенно с вами?

– Это моя работа, сэр.

– Так вот что, мистер Онзлоу. – Клей твердо запомнил имя полицейского на будущее. – То, что вы не взяли мистера Гриффитса на заметку, а предпочли препроводить его домой и вызвать по телефону его друга, наводит меня на мысль, что ни вы, ни ваш коллега не хотите неприятностей с газетами, не говоря уже о мистере Сэнфорде. Вы решили, при известных обстоятельствах обо всем этом можно забыть.

Полисмены переглянулись. Ответил тощий-толстый:

– Нет, нельзя. То, что произошло между ним и нас... между им и нами, – противозаконно. А мы все обязаны соблюдать и охранять закон, и вы не можете с этим не согласиться, конгрессмен. Но нам кажется, что такому известному человеку, как мистер Гриффитс... и с такими связями... – жест в сторону Клея, – что такому человеку, как мистер Гриффитс, не следует пятнать свою репутацию, ведь это, можно сказать, будет на ней несмываемым пятном и может доставлять неудобства его работодателю... и его друзьям... особенно тем из них, которые постоянно на виду у общественности.

– Сколько? – отрывисто спросил Клей. Гарольд за диваном, все время растиравший лицо, опустил руки по швам и стал по стойке смирно.

– Две тысячи, – сказал коротышка.

Клей снял трубку с телефонного аппарата и набрал номер коммутатора. Когда ему ответили, он сказал:

– Полицию.

Тощий-тонкий двинулся на него, готовый пустить в ход кулаки.

– Что вы хотите сделать?

– Пожаловаться на запугивание, шантаж, вымогательство.

Крик Гарольда:

– Клей, не надо!

– Это вы так утверждаете, но мы утверждаем иное, – сказал коротышка. Но угроза, которую он хотел выразить, была сведена на нет внезапным падением голоса на слове «иное».

– А вот увидите, что мне поверят больше, чем вам, мистер Онзлоу. И вам, мистер Говер. – Голос в трубке произнес: «Полицейское управление», и Клей ответил: «Полиция нравов».

– Можно подумать, вы большая шишка, конгрессмен, – начал тощий-толстый.

– Да, я большая шишка, мистер Говер, в чем вы сейчас убедитесь. – Голос в трубке произнес: «Полиция нравов», и Клей сказал: «Говорит конгрессмен...» – но Говер быстрым движением отсоединил телефон. Он стоял к Клею так близко, что тот чуял затхлый запах пудры на его лице и запах пива в его дыхании.

Осознав их физическое превосходство, Клей спросил спокойно и негромко:

– Вам что, жить надоело?

– Это у вас, дядя, мозги набекрень стали, а не у нас.

Клей вдруг схватил полисмена за плечи, стремительным движением, словно дверь, крутанул его справа налево и проскочил на середину комнаты, где коротышка уже ждал его, засучив рукава.

– Ничто не может помешать нам сказать, что вас мы тоже застукали, мистер Большая шишка, – произнес тощий-толстый за спиной Клея. В его хриплом голосе по-прежнему звучала угроза, и тогда Клей обратился к тому, что был послабее.

– Вы неглупый человек, мистер Онзлоу. Вы увидели возможность заработать на оплошности мистера Гриффитса, и я не осуждаю вас за это. Мне не жалко денег, и, я уверен, мистеру Гриффитсу тоже не жалко, но, к сожалению, у нас нет гарантии, что, раз он начнет платить, вы не станете требовать еще и еще. Разумеется, я понимаю, что в данный момент вы, возможно, и не помышляете о том, чтобы снова насесть на мистера Гриффитса, но вот подкатит рождество, к тому времени вы поистратитесь, и тогда вы скажете себе: «А не наведаться ли нам к мистеру Гриффитсу?» – Клей говорил быстро, но внятно, сознавая, что детектив со смыслеными глазами внимательно слушает его. – Так вот, в интересах Гарольда я не допущу этого. И в ваших собственных интересах тоже. В конце концов, шантаж опасное дело, особенно если о нем знает третье лицо, которому ничто не грозит. А в данном случае такое третье лицо есть. Это я. Это означает, что вам грозит не меньшая опасность, чем Гарольду: стоит мне сказать слово вашему начальнику – и вам, джентльмены, уже никогда больше не устроиться на работу здесь в городе, а я не премину сказать это слово, пусть даже имя Гарольда получит сомнительную огласку при разбирательстве. Он это переживет. А вот вы не переживете. Так вот, мистер Онзлоу и мистер... э-э... Говер, я предлагаю забыть все, что случилось, и больше не вспоминать об этом.

– Ну, а предположим, что мы не забудем? Предположим, мы...

Клей жестом заставил тощего-толстого замолчать.

– Если вы сию же минуту не уберетесь отсюда, я звоню... – Клей приберегал это оружие на самый конец. Перед тем как выехать к Гарольду, он узнал не только имя главы отдела полиции нравов, но и его прозвище, а также некоторые другие полезные подробности. И теперь пустил их в ход, сделав вид, что состоит с ним в приятельских отношениях. При этом он отступил назад к телефону, не спуская глаз с коротышки – слабого звена, которое уже порвалось.

– Ну что ж... – сказал тот тоненьким голосом. – Ну что ж... – Он осекся.

Клей вежливо ждал, положив руку на трубку телефона, наслаждаясь битвой. Но бой уже закончился. Тощий-толстый взял шляпу и, не сказав ни слова, вышел из комнаты. Агент-provokator последовал за ним с бессмысленной улыбкой на лице, спеша догнать своего коллегу.

Когда хлопнула входная дверь, Гарольд без сил опустился на диван. Казалось, еще немного – и он разрыдается.

– Идиот проклятый! – Отвращение, которое вызвала в Клее эта история, наконец-то прорвалось наружу. Он осыпал Гарольда градом ругательств, и тот безропотно сносил их с поникшей головой.

Когда Клей выговорился до конца, Гарольд сказал:

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Я бы ни за что не стал впутывать тебя в это дело. Очень виноват перед тобой. Но я никак не мог доискаться Блэза, и после него только ты один из всех моих знакомых мог справиться с ними...

– Ты мог бы вызвать адвоката.

– Как можно такое доверить адвокату, совершенно незнакомому человеку?

– Ах, вот что, мне такое можно доверить! – вновь вскипел Клей.

– Я не думал, что ты... Ну, разумеется, тебе это неприятно, но...

– Тебе казалось, что я об этом догадываюсь?

– Примерно так. Ведь, в конце концов, я хорошо помог тебе там, на фронте. Я говорю о своих статьях.

– Я не нуждаюсь в поучениях. Я помню, кому и за что я должен. – Голос Клея звучал резко. В сущности говоря, политика была искусством аккуратно расплачиваться с долгами, и Клей был отличным счетоводом. Отныне Гарольд у него в неоплатном долгу. Подумав об этом, он сменил праведный гнев на добродушие.

– Так или иначе, я не хочу ничего знать о твоей личной жизни. Так что забудь об этом. Но, – не мог удержаться он, – не забывай о том, что ты живешь в одном из самых грязных городов нашей страны, в городе, где все тайно и явно подстерегают друг друга и создают прецеденты, чтобы использовать их в будущем.

– Я сделал глупость, – сказал Гарольд.

– Да, ты сделал глупость, – великодушно подтвердил Клей.

Гарольд внезапно принял свой обычный тон:

– Ты-то никогда не влипнешь со своими проклятыми девками!

– Я имею дело только с девками не моложе двадцати одного года, я опускаю шторы, запираю дверь и пользуюсь противозачаточными средствами.

– Тогда как их мужья...

– Я имею дело только со вдовами.

– И с Элизабет Уотресс.

Она ждала его в вестибюле отеля «Шорэм» среди плакатов и знамен, которыми радостно отмечалось избрание тридцать третьего американского президента. Клей направился к ней через вестибюль, она вскочила на ноги, и, как всегда, когда они некоторое время не виделись, он заметил сияющую сосредоточенность ее улыбающегося лица и ее глаза, в которых, как ни странно, не отражалось ничего, кроме блестящей черноты. Он быстро и целомудренно поцеловал ее в щеку. В конце концов, он женатый человек, а в вестибюле полно людей, которые его знают.

– Он здесь! – Элизабет была вне себя от восторга. – Президент только что прибыл! Все кричали ему «ура!», это было так здорово! Я не знала, сделать мне реверанс или нет. Мне хотелось. Сейчас он в танцевальном зале. Почему ты опоздал?

– Дела, что же еще? – Он взял ее под руку, и они направились в танцевальный зал, где губернатор со Среднего Запада с щедростью демократа и экстравагантностью республиканца принимал президента, который скоро должен был быть торжественно введен в должность.

У входа в танцевальный зал Клей задержался и чуть помедлил, пока шатавшиеся поблизости фоторепортеры не узнали его. Обычно все делалось в два счета, но сейчас, когда в зале был президент, едва ли можно было ожидать, чтобы газетчики проявили сколько-нибудь значительный интерес к одному из пятисот членов конгресса, какой бы характерной внешностью он ни обладал, как бы доблестно ни сражался на фронте, какую бы роскошную подругу ни привел с

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org собой. Но в конце концов фоторепортеры и газетчики сгрудились вокруг.

Клей одних знал по имени и делал вид, что узнает других. Элизабет вцепилась в его руку с выражением притворного ужаса пополам с восторгом. Как-то раз она открылась ему, что больше всего ей хочется быть кинозвездой, из того чисто практического соображения, что если кто любит быть в центре всеобщего внимания (а она чистосердечно призналась, что ей очень хочется быть красивой женщиной, привлекательной для мужчин), то этого можно добиться, став кинозвездой, потому что только кинозвезды вызывают к себе всеобщий интерес. Даже сам президент не может соперничать со славой и сексуальной притягательностью искусно разрекламированной кинозвезды.

Клей с этим не согласился. Он не понимал, почему нельзя представлять публике политического деятеля, пусть даже такую традиционно скучную фигуру, как президент, на манер кинозвезды. «Но много ли у нас политиков, которые выглядят, как ты! – возразила она. – И так же молоды! И герои!» Клей рассмеялся. «Да, ты все расставила по своим местам». Он умолчал о том, что именно эти принципы взяли на вооружение Блэз и рекламная фирма, нанятая культивировать знаменитость Клея в тенистых кулуарах палаты представителей. Эксплуатировалось все: его молодость (залог будущего величия), его солдатское прошлое (о его приключениях на фронте сейчас ставился фильм), его внешняя привлекательность (всякий раз, когда он появлялся на людях, девицы начинали шумно аплодировать по подсказке фоторепортеров). Но Клей знал, что от постоянного повторения ложь становится правдой. Теперь девицы шли к нему косяками и без принуждения со стороны: им достаточно было знать, что раз другие реагируют на него таким образом, то и они должны. И в довершение всего он удостоился высшей рыцарской почести – холодного оскорбления от председателя палаты: «Мне всегда нравится смотреть, как говорит этот молодой человек».

Блэз решил, что ближайшие несколько лет Клея следует представлять публике не только как юного идеалиста, но и как альтернативу обычному типу политического деятеля. Клей согласился, полагая, что он и вправду отличается от обычных политиков, хотя сознавал, что с реальными свершениями у него слабовато. Он по большей части голосовал за увеличение военных расходов, со священным ужасом наблюдая за хищной Советской империей, угрожавшей подчинить своему господству Европу и превратить так называемую «холодную войну» в горячую. В палате он постарался завести себе столько друзей, сколько позволяло его завидное положение. Все считали само собой разумеющимся, что он скоро двинется дальше. Но когда и куда – этого не знал никто, включая и самого Клея. При желании он мог бы стать губернатором своего штата, но он не стремился на эту неблагодарную должность, где пришлось бы по большей части торговаться из-за строительных подрядов с законодателями штата, как правило подкупленными.

Оставалось лишь одно место – сенат. Но он поклялся не выставить своей кандидатуры против Бэрдена на выборах 1950 года. С другой стороны, до 1952 года, казалось, была целая вечность, и перспектива провести еще четыре года в палате представителей его не радовала. Несмотря на свою легендарную молодость, он не считал себя молодым. Точнее говоря, через четыре года ему будет сорок два, и если ему суждено сделать чудо-карьеру в буквальном смысле этого слова, то к тому времени он должен совершить что-нибудь выдающееся как политик, а это было невозможно для члена палаты представителей, не имеющего старшинства и положенной при этом награды – представительства в какой-нибудь комиссии. Итак, он «вращался», выжидал и старался втереться в доверие к президенту.

– Рад вас видеть, Клей! – Президент был розовый от волнения, в ярком свете прожекторов кинохроники его редкие седые волосы сверкали, как металл, а толстые стекла очков чудовищно увеличивали маленькие пронзительные глазки.

– Рад вас видеть, господин президент! – Клей сердечно тискал руку своего партийного лидера. – Вы получили мое письмо?

Но ухмыляющимся президентом уже завладел хозяин, принимавший его как губернатор. Большого и не полагается конгрессмену, пробывшему в палате представителей всего два срока, раздраженно подумал Клей; одна минута с владыкой – и посылай-ка побыстрее фотографию в свой родной штат.

– А ведь он такой... сексапильный! – воскликнула Элизабет в восторге от того, что ей довелось поздороваться за руку с президентом.

– Сексапильный! Господи боже, ты с ума сошла! Да ведь это же президент.

– Вот-вот, о нем-то я и говорю, – спокойно ответила Элизабет. Клей рассмеялся. Не многие девушки так прямодушны. С Элизабет ему почти всегда было хорошо. Как на смех, их роман начался в застрявшем лифте нового многоквартирного дома. С тех пор они часто встречались, и если беспорядочность его связей и расстраивала ее (он был откровенен с ней, в разумных пределах конечно), то, во всяком случае, она старалась ничем не выдать свою ревность. Между тем она была ему весьма полезна, ибо через многочисленных Шэттаков и Уотрессов она знала буквально всех во внешнем мире, иначе говоря – в городе Нью-Йорке.

Однажды они на машине отправились на уик-энд в Саутгемптон – был канун Дня труда, – и там, в старом доме, принадлежавшем ее дяде Огдену Уотрессу, Клей три дня пил джин с тоником (а не виски с содовой), играл в теннис на травяном (а не земляном) корте и завтракал в клубе на берегу овального пруда, где гомон голосов непрестанно сменяющихся светловолосых ребятишек заглушал разговор об уровне цен на бирже (а не о политике). Элизабет служила ему прекрасным осведомителем как в финансовых вопросах («О, у него должны быть деньги, ведь у нее деньги есть, а она демократка»), так и при выяснении родственных отношений («Глэдис была его второй женой, стало быть, Тони единокровный брат Джина, а Глэдис-младшая их сводная сестра»).

Подобно антропологу, устанавливающему связь между собой и другой расой, Клей изучал ньюйоркцев, пытаясь определить, чем они отличаются от Вашингтонцев. Во-первых, они были не так шумливы. Они были сдержанны в своих ответах и почти никогда не развивали бурной общительности, наигранной или неподдельной. Но одно в них было самым поразительным: они не верили и даже не делали вид, будто верят, что мудрость глубоко коренится в обыкновенном человеке; в Вашингтоне не верить в народ было бы ересью. В конце концов, разве не народ посылал в столицу своих отцов, дедов, дядьев? При всей своей аристократической тупости Милисент Смит Кархарт могла захлеб рассказывать о том, как некий плебей на свой необычный лад высказал истину, до которой совершенно неспособны были дойти люди, заплатившие немалые деньги за свое образование и жившие «непростой» жизнью. Однако в клубе «Рэкет» обыкновенного человека не почитали, в клубе «Никерборкер» о нем почти не упоминали, а у «Брука» он вообще не был известен.

И хотя пренебрежительное отношение ньюйоркцев к народу и тревожило Клея (ведь, в конце концов, его собственная карьера всецело зиждилась на праве престоков участвовать в выборах), он все же с удовольствием слушал, как дядюшка Огден (по утверждению Элизабет, банковский гений) поливал грязью избирателей, которые навязали сперва демонического Рузвельта, а потом эту посредственность Трумэна республике, «которой, видите ли, с самого начала не суждено было стать демократией». Однако, несмотря на все нытье ньюйоркцев, Клей с беспокойством сознавал, что в глубине души они не принимают политиков всерьез. Между выборами они смотрели на своего ставленника Дьюи не иначе как с презрением, и то, что они каждые четыре года поддерживали его, было скорее результатом их страха перед народом, чем проявлением восторженной приверженности кандидату, который рано или поздно предаст священные деньги немногих и предпочтет им голоса профанов, составляющих большинство. Их уже не раз так нагревали. На свое счастье, Клей был настолько известен, что располагал к себе даже тех, кто немедленно обратился бы в бегство при одном только приближении конгрессмена с Запада. И уж конечно, он от всей души помогал тем, кто в погоне за золотом рвался в лабиринты конгресса. В конце концов, все тянутся к человеку на взлете. А он действительно был на взлете. Вот ведь и президент, проходя, намеренно приостановился, чтобы репортеры могли запечатлеть его расположение к конгрессмену Овербэри.

– Старик Гарри не очень-то балует вас своим вниманием, а? – прозвучал в ушах Клея знакомый скребущий голос. Он принадлежал Билли Торну. Набравшись сладких коктейлей, Билли жевал черенок вишни.

– Привет, Билли. – Клей попытался проскочить мимо него.

– Вы, наверное, меня не помните, мисс Уотресс, но мы с вами уже встречались...

– Нет, что-то не припоминаю, – пробормотала Элизабет голосом, в котором за

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org гулкой медью слышалась флейта. Она судорожно сжала руку Клея и, помогая, подтолкнула его вперед. К сожалению, в результате этого маневра они оказались припертыми к длинному столу.

Однако Клей, невзирая на то, что они попали в ловушку, не выказывал признаков нетерпения. В политике каждый должен быть доволен собой.

– Чем вы сейчас занимаетесь? – спросил он с таким видом, словно жаждал узнать ответ. Элизабет крепко сжимала его руку, и могло показаться, что она хочет оказать ему моральную поддержку, но, взглянув на нее краешком глаза, он увидел, что ее внимание всецело поглощено приземистой фигурой президента, который, ухмыляясь, пожимал в пятне света протянутые к нему руки.

– Собираюсь работать на него, – Билли кивнул в сторону президента.

– Да как же вы сможете? – Это было неожиданно, но не невысказано.

– Почему нет?

– Как бы вам не помешало ваше... э-э... радикальное прошлое.

– С этим покончено. – Билли распирало от предвкушения власти. Перенеся тяжесть тела на деревянную ногу, он раскачивался с боку на бок, как спятивший метроном. – После первого января я рассчитываю быть в Белом доме.

– Ну что же, будем надеяться, ваше вступление в должность не потребует одобрения сената. – Непреднамеренная злоба задевает сильнее всего. Клей тотчас же пожалел о своей глупости.

Метроном щелкнул и остановился.

– К счастью, я теперь не завишу от моего бывшего тестя. А вы?

– Блэз весьма полезный человек. – Клей не преминул улыбнуться. – Мы с ним в дружеских отношениях.

– Да, это все знают.

Многозначительно подчеркнутый тон, каким Билли произнес эту фразу, возымел свое действие. Интересно, что говорят люди на самом деле о нем и о Блэзе, подумал Клей, как это часто с ним бывало. До войны темой сплетен вашингтонцев почти всецело было прелюбодеяние. Эта тема была неисчерпаемо разнообразна, и до тех пор, пока те, о ком шла речь, сохраняли приличия, их не особенно осуждали. Но хотя приличия и поныне соблюдались с довоенной предосторожностью, особенно теми, чья жизнь протекала на виду у публики, сплетни личного свойства стали злостными, как никогда. Война, фрейдизм, популярные романы открыли множество непонятных пороков, о которых раньше и не подозревали. Пошады не было никому, даже самой Милисент Смит Кархарт: ее давняя дружба с Люси Шэттак вдруг показалась всем в высшей степени подозрительной, и все подробно обсуждали, что у них: да или нет, и если да, то что именно? Так или иначе, теперь считалось само собой разумеющимся, что человек представляет собой нечто как раз обратное тому, чем он кажется.

– Ах, Клей!.. Клей! – Айрин Блок схватила его своими длинными пальцами. – Какой ужас!

Айрин повернулась к Элизабет, и та в испуге попятилась: неужели это о ней речь? Айрин повела вокруг взглядом и лишь вскользь задержалась на Билли Торне. Он был не в счет. Одной рукой она повисла на Клее, другой притянула к себе Элизабет.

– Я услышала это по радио, в машине. Только что на пути сюда. Что случилось? Вы знаете, как у них там, на радио: просто объявят без всяких подробностей. Mais quelle désastre[89 – Ах, какое несчастье! (фр.)].

– Что же вы услышали по радио? – осторожно спросил Клей. При этих его словах глаза Айрин расширились, и она еще ближе притянула к себе Элизабет. Таков был обычай ее единоплеменниц делить общее горе в грозные времена.

– Как? Вы не знаете? – В каждом ее слове звучало удивление и восхищение. –

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Вы и вправду ничего не слышали? – Она взглянула сперва на одного, потом на другого, вне себя от восторга, что на ее долю выпало сыграть роль посланца судьбы. – Тогда понятно, почему вы здесь, на приеме. То-то я удивилась.

Лицо клея обдало жаром, голова закружилась. Вот сейчас ему скажут.

– Ее больше нет, – сказала Айрин Блок, и по ее пепельно-белым щекам потекли слезы. – Инид нет больше в живых.

IV

– Я признаю, что это был мой недосмотр, и не уклоняюсь от ответственности. – Трижды на протяжении часа доктор Полэс повторил эту фразу, и каждый раз, к крайнему раздражению Питера, вместо «ответственность» у него выходило «отвественность». Задерживаясь мыслями на таких мелочах, он не впускал в свое сознание «это в высшей степени трагическое происшествие», как опять-таки гласила одна из формулировок доктора Полэса.

Они собрались в библиотеке. Несмотря на холодный день, камина не затопили. Портрет Аарона Бэрра на темной панели, со свежеподправленным левым глазом, представлял Инид на семейном совете.

Доктор Полэс, принесший мрачную весть, сидел в кресле Блэза. Фредерика, в пестром твидовом костюме, являвшем прямую противоположность трауру, выглядела весьма загадочно. Блэз сидел на скамье перед камином, подперев подбородок сплетенными руками. Клей глядел в окно на ряд елей, выстроившихся словно пешки перед началом игры. Питер наблюдал за всеми со своего места в кожаном кресле у двери.

Доктор Полэс рассказывал. Он то и дело прикладывал к губам платок, и это выглядело нелепо, ибо губы у него были сухие, зато щеки блестели от пота.

– Не понимаю, как я мог забыть. Я никогда не забывал. Во всяком случае, прежде. Ни разу за все те годы, что я держу клинику. А вот на этот раз забыл. Оставил ключи в машине. Конечно, мне не может служить оправданием то, что я очень устал, скорее от хозяйственных дел, чем морально, – оговорился он, и на его лице промелькнуло его обычное выражение – такая смесь елеса с властностью, – словно напоминание самому себе о том, кем он был в то утро и скоро станет вновь, как только вырвется из Лаврового дома, из рук его свирепого владыки.

– Это случилось в полдень, за тридцать минут... да, как раз за полчаса до ленча. – Питера передернуло как от слова «ленч», так и от мысли, что собою представлял этот ленч. – Она была наверху вместе с женой почти до одиннадцати, они говорили об искусстве... это их... это была их излюбленная тема, когда они бывали вместе, моя жена, видите ли, училась на искусствоведа в Луизиане, и ей так нравились картины миссис Овербэри. Они были очень близки. Так вот, они были вдвоем в атлье... – Всем потребовалось время, чтобы разобрать, что он сказал, так он произнес слово «ателье». – ...почти до одиннадцати, когда миссис Овербэри сказала, что ей хочется прилечь перед ленчем, и миссис Полэс сказала: «Ну, конечно, милая», – и оставила ее в ателье. Затем, насколько мы можем восстановить ход событий, миссис Овербэри собрала свои вещи и завернула их в кусок холста, того самого, на котором она писала. По вполне понятным причинам мы не позволяем держать в комнатах чемоданы. Ну, а затем, часов в двенадцать, она вышла из дома и прошла к моей машине...

– У вас что, нет охраны? Некому следить за тем, кто куда идет? – Голос Блэза звучал сварливо, но по выражению его лица Питер видел, что все это так, пустые угрозы.

– Вам отлично известно, мистер Сэнфорд, что у нас нет охраны, скажем, как в тюрьме, или в том смысле, что наши пациенты буйные или склонны к побегу... Нет, они не таковы, и тут мы проводим тщательный отбор. Они в душевном расстройстве, это так, они даже способны на небольшие... эксцессы, но они не буйные. Так что наше заведение не тюрьма, пусть даже некоторые и предпочли бы, чтобы оно было тюрьмой.

Браво, Полэс. Питер повернулся и посмотрел на отца. Тот вдруг застыл,

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org словно окаменел, хотел что-то сказать, но передумал и резко прикрыл руками рот и подбородок. Что касается Клея, то он глядел теперь на доктора, и лицо его выражало удовлетворение. Питер не взялся бы сказать, что происходит в душе Клея. Он приехал последним, объяснив, что новость застала его на приеме. Первые несколько минут он явно нервничал, но затем, заразившись настроением остальных, стал безучастным и даже как будто безмятежным. Потрясение еще не сменилось горем, и все они были как боги, наблюдающие смерть с вершины, открытой всем ветрам.

– Но у нас, конечно, есть сиделки и другой обслуживающий персонал, и в некотором смысле наши пациенты всегда находятся под надзором. Но в тот день... – Он нахмурился и промокнул платком рот. Питеру показалось, что он услышал скрежет, как от соприкосновения двух шершавых поверхностей. – Случилось так, что миссис Полос ушла в новое крыло дома, а я занимался сложными хозяйственными делами, и как раз в этот момент миссис Овербэри села в мою машину и уехала.

Клей неожиданно насторожился:

– Если вы никогда раньше не оставляли ключи в машине, как она могла узнать, что именно в этот раз вы их оставили, – ведь она заранее собрала вещи?

– Видите ли, конгрессмен... – Титул был произнесен подчеркнуто звучно, нараспев, с замирающей интонацией южанина, и вызвал в памяти образ старого конгресса – традиционного щита его народа против враждебного Севера. – Я уже думал над этим и подробно расспросил на этот счет жену и моих служащих. Выяснилось, что последнее время миссис Овербэри каждое утро прохаживалась перед главным зданием, где я ставлю машину, и, таким образом, уже задним числом, становится ясно, что она действительно ждала случая, когда я по рассеянности оставлю ключи в машине.

– Но как было дело сегодня? – Голос Клея, внезапно ставший жестким, стер память о старом конгрессе. Он олицетворял новый порядок, требующий точности и нетерпеливый. В его голосе – Питер уже неоднократно замечал это – интонации уроженца Запада начинали звучать всякий раз, как он говорил о своем штате или обсуждал положение дел в палате представителей, словно своим произношением хотел напомнить себе и другим, что и в действительности он является тем, кем его называют, – представителем.

Клей приступил к Полэсу с допросом – безжалостный инквизитор и горящий муж. Но, уж конечно, он не горюет, с горечью подумал Питер. В тусклом осеннем свете волосы Клея казались не светлыми, а седыми, и Питеру вдруг представилось, каким он будет лет через двадцать: с волевым лицом, благообразный – президент. В этом не было ничего невозможного. Ну, а пока что: могла Инид увидеть ключи до того, как пошла к себе в комнату собирать вещи? Да, пожалуй, сэр. Возможно, сэр. Ничего другого председатель комиссии палаты представителей не смог выжать из уклончивого свидетеля, но этого было достаточно, чтобы оправдать бряцанье орудиями пытки со стороны инквизитора. Остальная часть допроса прошла очень просто.

– Она выехала на магистральное шоссе еще до часа дня. Она шла на очень большой скорости, потому что, когда это случилось, она была уже далеко к югу от Ричмонда.

Когда это случилось. Питер видел перед собой шоссе, видел крутой поворот между высокими соснами. Светило яркое и холодное солнце; он слышал запах смолы. Как раз за поворотом был перекресток, невидимый автомобилистам, едущим с севера, и вовсе неинтересный этому автомобилисту у который хотел только одного – как можно скорее достичь мексиканской границы. Питер беспомощно наблюдал как старый грузовик с двумя коровами в кузове медленно выезжал на шоссе с изрытого колеями проселка. На шоссе никого не было, когда фермер стал выруливать на правую сторону. Как раз в эту минуту Инид вылетела из-за поворота со скоростью восемьдесят миль в час.

Поставь на этом точку, сказал себе Питер. Начни правку. Инид резко берет влево – она спаслась, она не врезалась в грузовик с отвратительным глухим треском, не разбила вдребезги грузовик и самое себя.

– Водитель... фермер... получил сотрясение мозга, но теперь в сознании и выживет. Обе коровы убиты, и пострадавшей стороне должна быть выплачена компенсация в размере общей суммы потерянного имущества. Естественно, я

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
поручил юристам со всей тщательностью просмотреть статью об
ответственности, по которой...

Первый раз за все время рассказа Фредерика прервала Полэса:

– Она была пьяна?

Доктор Полос ответил не сразу. На его подбородке, словно слеза, повисла капля пота. Он кивнул:

– Содержание алкоголя в моче – восемнадцать процентов. Она, должно быть, остановилась где-то по дороге и...

Теперь все равно, подумал Питер и закрыл глаза, веки его были сухи, как губы доктора Полэса. Он вновь и вновь повторял про себя: «Теперь все равно» – фразу, которая – он это знал – будет звучать у него в ушах много недель подряд. Нет, не все равно, с яростью подумал он и открыл глаза. Они убили ее, как того и хотели. Он повернулся к Клею и увидел, что тот следит за ним: широко раскрытые голубые глаза, ясные, понимающие. Каждый из них читал мысли другого. Нет, теперь действительно все равно.

Семья Сэнфордов и Клей сидели в первом ряду в переполненной церкви. На улице перед церковью собралась толпа – чужие люди, привлеченные если не трагизмом происшедшего, то возможностью скандала. Собратья Блэза по власти явились в церковь утешить его, но из старых друзей Инид – тех блестящих девушек и ребят довоенного времени, которые ездили на танцы в Чеве-Чейс, охотились под Уоррентоном, купались в Рехобот-Бич и напивались в Мидлберге, из той золотой молодежи, вся жизнь которой, насколько помнилось Питеру, проходила под звуки модной джазовой музыки, – пришли лишь очень немногие. Шикарные мальчики в белых парусиновых брюках ухаживали за роскошными девочками в цветастых платьях, и, казалось, стояло вечное лето; но потом упала багряная завеса войны и убила одних, а другие выжили и изменились, женились, постарели, и музыка, которая все звучала и звучала, умолкла – для Инид навсегда.

Все встали и запели: «Господь – твердыня моя и прибежище мое!» Питер присоединился к поющим – все, что угодно, лишь бы не смотреть на гроб, не рисовать в своем воображении, что в нем. Лучше наблюдать живых, как они размышляют о мертвых. Элизабет Уотресс сидела между Милисент Смит Кархарт и своей матерью. Все трое были в черном, они сидели в переднем ряду наискосок от Сэнфордов – вылитые Норны [90 – Богини судьбы в скандинавской мифологии.]. Один только раз Элизабет взглянула на Клея, но он не ответил ей; он сидел потупив глаза – послушный мальчик, которому сказали, чтобы он не вертелся в церкви. Рядом с ним сидела его дочь, замороженная пышным зрелищем. Время от времени она с любопытством поднимала глаза на бабушку, которая беззвучно плакала под черным покрывалом. Блэз, рассеянный и какой-то отрешенный, дважды ронял книгу псалмов, и Клей дважды поднимал ее и подавал ему.

Но вот священник произнес имя Инид, и Питер вдруг поймал себя на том, что смотрит на гроб. Но ведь крышка гроба – это на самом деле дверь, сказал он себе; медленно, как идиот, он вновь и вновь повторял про себя эту мысль. Дверь. Дверь. Ну, так открой эту дверь, тяжелую, металлическую дверь. Я нашел тебя, Инид. Выходи же. Зачем? Они ни за что не найдут нас здесь. А как же игра? Черт с ней, с игрой. Тут нет воздуха. Мы задохнемся. Ты вся желтая, так ведь? Слава богу, тут хотя бы пусто. Помнишь тех диких индюшек, что привезли из Эйкена? Только откусишь кусок – и уже полон рот дробы! Ну давай же, ты хочешь или нет? Дверь тяжело захлопнулась, сперва сдавив, а потом выдавив воздух. Машина врезалась в грузовик.

– «Скажи мне, господи, кончину мою и число дней моих, какое оно, дабы я знал, какой мой век. Вот ты дал мне дни, как пяди, и век мой как никто пред Тобой. Подлинно, совершенная суэта всякий человек живущий».

Снаружи черные лимузины вытянулись вереницей на Лафайет-сквер. Гроб уже установили на катафалк, когда Питер вышел на дневной свет и увидел Диану. Она сказала:

– Ах, как это ужасно! – И на это нельзя было ответить иначе как:

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Да, это ужасно.

Небо без солнца; бурая трава; голые деревья, без листьев, без птиц. Холодный ветер метался меж скорбящими. Но Питер не замечал ни примет дня, ни присутствующих; где-то глубоко за впадинами глаз он чувствовал боль, а в груди его нарастало и требовало выражения что-то пронзительно громкое. Когда гроб опустили в свежевырытую яму, мир задернулся пеленой, глаза стала разъедать соль. На его счастье, священник читал заупокойную молитву таким красиво поставленным голосом, что Питер смог легко задушить подымавшийся в нем животный крик.

– «Как цветок, он выходит и опадает; убегает, как тень, и не останавливается».

После погребения Питер, не желая ни с кем разговаривать и не желая, чтобы на него смотрели, откололся от всех и поспешил к своей машине. Возле машины его дождался какой-то совершенно незнакомый человек.

– Меня зовут Эл Хартшорн. – Питер позволил пожать себе руку. Хартшорн был низок ростом и невиден собой. – Адвокат, – сказал он Питеру. – Друг Инид. Собственно говоря, я собирался вести ее дело о разводе.

– Да, вспоминаю, она говорила что-то об этом... о вас... – Питеру хотелось, чтобы все остальные поспешили и спасли его от неприятного разговора. Но родные и знакомые, присутствовавшие на похоронах, медленно брели в отдалении среди крестов и мраморных ангелов – темная, расползающаяся масса людей.

– Бедная девочка! Когда они запрятали ее в сумасшедший дом, она сказала мне, что только вы один не оставили ее, только вы один.

– Ну, теперь с этим покончено. – Питер хотел быть резким, и это ему удалось.

Адвокат с удивлением взглянул на него:

– А по-моему, нет. Муж-то ее жив.

Питера встряхнула и протрезвила неожиданная жестокость человека, которому следовало бы сказать не больше, чем положено говорить в таких случаях, и пристойно удалиться.

– Да, конечно, он жив.

Невдалеке от них Клей делал вид, что поддерживает Фредерику, которая не нуждалась в поддержке; зато они представляли очень трогательную картину для фоторепортеров, которые были тут как тут, чтобы запечатлеть каждый этап возвышения Клея.

– Вы что, предлагаете убить его и этим отомстить за Инид? – накинулся Питер на адвоката, словно тот был его врагом.

– Но вы согласны, что он убил ее, спрятав в сумасшедший дом?

– Не он один. – Питер посмотрел на Блэза, который давал священнику подробные указания, несомненно устраивая Инид удобную жизнь в епископальном раю.

– Ну, она-то думала, что идею подал Клей, а мистер Сэнфорд только поддержал его.

– Должно быть, она рассказала вам о нас кучу вещей. – Он слишком поздно сообразил, насколько иронически звучит это «должно быть»: не было человека, с которым Инид не обсуждала бы свои самые интимные дела. А уж со своим юристом и возможным спасителем она наверняка была откровенна до конца. Похоже, она и после смерти будет продолжать свое бедокурство.

– Да, у меня такое ощущение, будто я член вашей семьи. – Что она там ему наговорила? Ладно. Я закрою дверь. Воздуху хватит. – Во всяком случае, я уже собрал целое досье на этого конгрессмена.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Перед высоким памятником Клей вытирал дочке глаза. Фоторепортеры, как ошалелые, отталкивали в сторону священника, Блэза, Фредерику. Для чего им еще было приходить на похороны? Питер отвел взгляд в сторону, не в силах снести это зрелище. К тому же с того места, где он стоял, ребенок как-то вдруг, совершенно неожиданно напомнил ему Инид – Инид в миниатюре, сморкающуюся перед памятником Уильяму Кею Роллинзу... и его подобие, несомненно, существует где-то в данный момент, полное жизни и тоже просмаркивающее нос. Семя продолжает жить. А мы? Да или нет? Если да – как это однообразно! Если нет – нет.

– Мы собрали множество доказательств его супружеской неверности. Различные девицы, обычная история, зато великое множество. Он любит развлекаться с двумя девицами одновременно. Пока одна ждет и наблюдает из одной постели, он обрабатывает другую – в другой. А потом...

– Разврат еще никого не лишал голосов избирателей.

– Я в этом не так уверен, – мягко возразил адвокат. – Но мне удалось раскопать кое-что действительно интересное.

– Только не говорите мне ничего про связь между отцом и Клеем. – Питера раздражала сама мысль об этом.

– Нет, ничего подобного. Я всегда говорил Инид, что тут она чуточку перехлестывает.

– Инид была страшная дура. – Питер удивился самому себе.

– В некоторых отношениях – да, – согласился адвокат. – Но ведь мы любили ее, правда? – Вопрос требовал ответа.

Питер избегал смотреть в маленькие блестящие глаза собеседника, они были так похожи на глаза плюшевого мишки, с которым он спал в детстве, пока в один прекрасный день Инид, назло ему, не выбросила мишку в реку.

– Да, мы любили ее. Так что там насчет Клея?

– Я знаю человека, который был с Клеем на Филиппинах. Больше того, этот человек был на месте происшествия, когда заварилась вся эта каша с геройством.

Питер уже понял, к чему идет дело.

– И ваш друг утверждает, что Клей не герой?

Адвокат кивнул.

– Я этому не верю. Должны быть десятки свидетелей того, как Клей вынес солдата из горящего ангара.

– Солдат был мертв к тому времени, когда за него взялись врачи.

– Но Клей все же мог это сделать. Во всяком случае, вы не можете доказать, что он этого не сделал.

– Могу. Видите ли, Клея не было на аэродроме, когда все это случилось.

Ведя дочку за руку, Клей подходил к машине. Питер глядел на своего врага и отказывался поверить, что он не герой. Клей должен быть великим, а потому опасным для республики, иначе их борьба теряет смысл.

Питер потребовал доказательств. По всем сообщениям выходило, что Клей командовал атакой на аэродроме.

– Да, он руководил атакой в том смысле, что он был командир, но фактически он не участвовал в боевых действиях, потому что в то утро поранил себе ногу...

– Поранил себе ногу? Придумайте что-нибудь получше, ради бога.

– Я передаю вам лишь то, что рассказал мне мой друг, он знаком с врачом,

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org который лечил ногу Клею в то время, как шла атака.

– Тогда как же его могли наградить, если он там не был?

– Он был там, уже под конец. Ну, и разумеется, бой вела его часть.

– Если он там был под конец, он все же мог вынести солдата из ангара. – Питер начал проявлять нетерпение. – В конце концов, раз его наградили, должен быть хотя бы один свидетель.

– Совершенно верно, один свидетель был, но только один, – адвокат улыбнулся, – Гарольд Гриффитс.

Загадка разрешилась. Ему следовало бы догадаться обо всем с самого начала.

– Как это сошло им с рук? Ведь каждому должно быть ясно, что это туфта.

– Никто, кроме доктора, не знал наверняка. Во всей той неразберихе Клей мог сделать то, о чем написал мистер Гриффитс. К тому же Клей был любимцем в части. Никто не завидовал, когда его наградили медалью.

– Кроме врача.

– Ну, он-то вообще никому и ничему не завидует. Собственно говоря, он давно забыл всю эту историю, но тут он как-то посмотрел со своими ребятами кино про Клея и, конечно, вспомнил все, как было. Ему это показалось занятным, и он рассказал моему другу, а тот рассказал мне.

Клей был теперь так близко, что его можно было слышать. Холодный ветер донес его слова.

– Сейчас мы поедem прямо домой, крошка. Не плачь. Вот умная девочка. – Он подошел к ним вплотную.

– Конгрессмен, я Эл Хартшорн. Пришел отдать последнюю дань, – сказал адвокат развязным тоном.

– Спасибо. – Клей подсадил девочку в автомобиль. – Я очень хорошо вас помню, – сказал он, быть может, слишком бесстрастно. Затем повернулся к Питеру: – Ты бы лучше помог своей матушке.

Питер повиновался. Как раз это ему и следовало сделать.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

I

– Я хочу сделать заявление.

– Конгрессмен, сэръ, начните, пожалуйста, снова. И отойдите на один шаг... вот так. А то на ваше лицо падала тень. Чуть-чуть влево. Прекрасно.

В совещательной комнате старого административного здания палаты представителей собрались едва ли не все аккредитованные в Вашингтоне корреспонденты. Клея встретили приветливо. Когда он вошел, раздались даже аплодисменты – редкий знак внимания со стороны прессы, обычно равнодушной к мелким политическим деятелям и их честолюбивым планам. Но Клей был всеобщим любимцем. Во-первых, журналисты, заинтересованные в заработке, могли быть абсолютно уверены в том, что агенты Блэза по рекламе наверняка найдут применение почти любой статье, посвященной молодому конгрессмену. К тому же есть шанс взять у него интервью в Лавровом доме, в обществе красивых девушек и знаменитостей, праздных и благодушных, как медведи в заповеднике. Роскошное убранство Лаврового дома особенно привлекало вашингтонских журналистов, привыкших к весьма убогим апартаментам рядового законодателя. Даже богатые члены конгресса не могли позволить себе сэнфордского размаха, с его яхтами, частными самолетами и всеми прочими удобствами, которые приносят большие деньги. Это ошеломляло журналистов, да на такой именно эффект все и было рассчитано.

Блэз однажды признался Клею, что, хотя в Вашингтоне и есть люди, которых нельзя купить за миллион долларов наличными, нет, однако, таких, кто устоял бы против недельной прогулки на яхте в обществе кинозвезд. Но победы такого рода редко достигались навечно, так как предательство – основная профессия самых легкомысленных клерков. За некоторыми исключениями, которые можно было предвидеть, пресса поддерживала Клея; он был привлекательной фигурой в политическом мире, представители которого отнюдь не славились обаянием; глава исполнительной власти, например, с его простонародными манерами, не привлекал к себе даже тот мифический простой народ, который за него проголосовал – и проголосовал главным образом потому, что народу еще меньше нравился лишенный всякой приятности человек с усиками. А Клей был молод, знаменит, вход в тот мир, без расположения которого ни один политический деятель не может рассчитывать на успех, – так, во всяком случае, утверждали некоторые мрачно настроенные обозреватели, объявившие Трумэна случайностью в обществе, в котором очень скоро только самые богатые или находящиеся у них в рабстве смогут позволить себе волнующую игру в королей.

Клей понимал, что эта удивительная ситуация автоматически дает ему виды на президентство; с удовольствием и некоторым удивлением он обнаружил, что мысль о его вероятном возвышении не встретила ничьих возражений, очевидно, потому, что это был еще вопрос отдаленного будущего; сейчас пока очередь других. Тем временем пресса его обхаживала, тактично не замечая того факта, что на сегодняшний день его политический багаж практически ничего не весил. Но ведь опытные волки отлично знали, что для достижения успеха честолюбивый политический деятель должен тщательно избегать действий, которые впоследствии могут причинить ему неприятности. До сих пор никто еще не осознал, что весьма скромный послужной список Клея был результатом не столько его неусердия, сколько убеждения в том, что в данный момент истории Республики людям нужно только одно: чтобы их оставили в покое возле своих телевизоров и дали возможность забыть о лишениях и испытаниях недавней войны. Предложить им в нынешнем состоянии авантюру было чистым самоубийством. Позже, если потребуется, может прогреметь гром и сверкнуть молния; Клей был абсолютно уверен в том, что, когда придет время, он сможет создать именно ту погоду, какая потребуется для его возвышения.

Клей смотрел прямо на ослепляющий свет юпитеров, как солнцепоклонник, убежденный в беспредельной благотворительности своего божества. Его радовало, что в самый важный день его политической жизни он несколько не нервничал. Ему даже доставлял удовольствие ослепительный свет, делавший комнату невидимой: возникало ощущение, что он совсем один, если не считать запечатлевающей его камеры и безликих миллионов.

– Отлично, конгрессмен. Начали.

Клей повернулся лицом к камере и заговорил. Он выучил текст наизусть. Слова были осторожные и искренние, не заключающие в себе ничего тревожащего, ничего вдохновляющего. И все равно они приведут машину в действие.

– После долгих размышлений... по совету друзей... желая в дальнейшем послужить... проблем, ждущих нового подхода... действий... в будущем... Я объявляю о выдвижении своей кандидатуры в сенат Соединенных Штатов.

Свершилось. Никто не был удивлен. Все знали, что рано или поздно Клей будет добиваться избрания в сенат. Прошлой зимой он совершил поездку по штату, не заглянув в свой избирательный округ. В этом заключался намек, нужный журналистам. Они предсказали, что в этом году Клей предпримет решающий шаг, и он не разочаровал их.

Огни слепили, превращали все в тьму. Он сощурил глаза, увидел поднятые руки. Пресса искала его внимания.

– Конгрессмен... Клей... Мистер Овербэри... У меня вопрос... Сэр...

Голоса сливались. Он указал на руку, поднятую где-то в конце комнаты. Незнакомый голос вознаграждал его.

– Сэр, если предположить, что вы будете избраны в сенат...

– Я ничего не предполагаю. – Благожелательный смех. Постепенно комната снова вливалась в фокус. Рука принадлежала незнакомцу. Это плохой знак.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Хотелось начать с заранее подготовленных вопросов.

– Разумеется, сэр. Но все же, если бы вы были в сенате, я хотел бы знать, как вы отнеслись бы к тем слушаниям, которые ведутся сейчас в связи с разоблачениями, сделанными сенатором Маккарти по поводу точного количества коммунистов, состоящих в настоящее время на службе в государственном департаменте?

У Клея было наготове несколько ответов – в зависимости от тональности вопроса. Он начал осторожно:

– Что же, во-первых, я полагаю, что к следующему ноябрю рассмотрение этих обвинений будет закончено...

– Тем не менее, сэр, какова ваша нынешняя позиция?

Баритон Клея заглушил тенор задавшего вопрос корреспондента. Клей знал, какими приемами можно этого достичь, не создавая впечатления, что он повышает голос.

– ... закончено, а раз так, то комиссия Тайдингса^{[91} – Сенатор-демократ от штата Мэриленд в 1927–1951 гг.] с помощью, которую она получает от ФБР, сможет точно выяснить, кто коммунист, и кто – нет, и тогда правительство предпримет соответствующие шаги.

Клей собирался уже указать рукой на женщину в большой шляпе, но неугомонный тенор не замолкал.

– Это прекрасно, конгрессмен, но я думаю, что, как кандидат в сенаторы, вы должны с кристальной ясностью определить свое отношение к тому крестовому походу, который предпринял сенатор Маккарти ради искоренения из правительственных учреждений многочисленных коммунистов, свивших себе гнездо под их крышей за последние двадцать лет... – Вызывающе громко зашептались журналисты либерального толка, но Клей не собирался им подыгрывать. Одна оговорка, и он будет смешан с грязью в своем штате, как человек, занимающий мягкую по отношению к коммунизму позицию, или даже того хуже. Проблема была слишком острой.

– К сожалению, мне лично неизвестно, сколько именно коммунистов работает в правительственных учреждениях. Но если они там есть, то я абсолютно уверен, что они будут искоренены.

– Но как до них добраться, если такие сенаторы-демократы, как вы, не потребуют от президента и прочих сочувствующих, чтобы досье Белого дома, содержащие имена тысяч коммунистов, были переданы сенатору Маккарти? – Тенор вдруг сбился на фальцет. Из конца комнаты послышался издевательский смехок.

Клей улыбнулся: опасность миновала. Он держался непринужденно.

– Честно говоря, я не считаю, что президент сочувствует коммунистам. – В зале раздался нервный смехок. – Но если старина Гарри завернет при случае в мою сторону, что же, как демократ, я весьма охотно его подвезу. – Эта необходимая дань президенту была встречена аплодисментами.

Клей быстро указал на ближайшую поднятую руку, слишком поздно сообразив, что это Сэм Бирман, друг и союзник Бэрдена.

– Вот что, конгрессмен, – Бирман говорил медленно, в простоватой манере. Клей приготовился к схватке. – Вы говорили, и ваши слова зафиксированы на бумаге, что вы не собирались выставлять свою кандидатуру в сенат по крайней мере до пятидесяти второго года, желая... у меня под рукой точная цитата... «приобрести сначала максимум опыта в палате представителей...».

– Правильно, Сэм, я говорил это. Но откуда мне было знать, что я приобрету максимум опыта на два года раньше срока? – Все засмеялись, а лицо Клея оставалось бесстрастным, как у профессионального остряка.

Сэм не пожелал держаться шуточного тона.

– Вы сказали далее – это здесь же, в вашем интервью... – что вы никогда и, я

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org цитирую, «ни при каких обстоятельствах я не выдвину своей кандидатуры на первичных выборах против сенатора Дэй, поскольку я считаю его не только своим ближайшим политическим союзником, но и, если хотите, отцом, человеком, который ввел меня в Вашингтон». – Неожиданно кто-то чихнул. Это получилось очень комично, но в напряженной тишине прошло незамеченным. Все ждали, какой будет ответ.

Клей ответил не сразу. Когда он наконец заговорил, он постарался произвести впечатление человека озабоченного, но верящего в свою правоту.

– То, что я сказал тогда, я готов повторить и сейчас. Я считаю сенатора Дэй одним из самых блестящих людей, каких я когда-либо знал, и если бы не он, я не был бы здесь сегодня. Все это верно. Верно также и то, что я никогда не выступлю против него.

Клей сделал паузу, а затем – и решающий шаг.

– Я не собираюсь говорить за него. У меня нет на это права, но я хочу заявить, что, хотя сенатор лично не посвящал меня в свои планы, меня заверили другие, что после тридцати шести великих лет в сенате Соединенных Штатов Бэрден Дэй не выставит в этом году своей кандидатуры для переизбрания.

Взрыв возбужденных голосов заставил Клея почти кричать, чтобы быть услышанным.

– Позвольте повторить. Я вступил в предвыборную борьбу в твердом убеждении, что Джеймс Бэрден Дэй не будет добиваться переизбрания!

Журналисты размахивали руками. Выкрикивали его имя. Клей указал на Гарольда Гриффитса.

– Конгрессмен! – раздался горделиво-отчетливый голос Гарольда. В комнате воцарилась тишина. Хотя Гарольд был мишенью множества вашингтонских шуток, никто не мог отрицать популярности его рубрики в газете, в которой упадок Запада ежедневно регистрировался и должным образом оплакивался. Не проходило дня, чтобы свобода не находилась на грани безвозвратной гибели от руки антихриста. По мнению Гарольда, Армагеддон уже приближался, а Соединенные Штаты не были готовы сражаться за господина; некогда могучие американские армии давно уже распущены по домам политиками, обманутыми хитрыми либералами, убаюканными Элеонорой Рузвельт, сбитыми с толку начальниками штабов, которые систематически предают американских солдат, обменивая это восхитительное существо из гладкой плоти и горячей крови на сложное, утонченное оружие, как будто машина сможет когда-нибудь заменить мускулистую руку. Гарольду доставляло удовольствие жить на краю пропасти, видение уничтоженной земли сообщало неистовую страсть его самоуверенно-путаному синтаксису, и Питер Сэнфорд придумал даже особое название для этой сверх меры сгущенной прозы – «бароккоко».

– Я думаю, многие из нас согласятся с тем, что вы будете прекрасным пополнением верхней палаты конгресса. Наши власти нуждаются в притоке свежей крови. Однако, сэр, полагая, что ваша кандидатура будет утверждена в следующем месяце и пройдет на выборах следующей осенью, я хотел бы знать, какую позицию вы займете по вопросу о военных ассигнованиях, учитывая ваш собственный, кавалера Креста за отличную службу, военный опыт, принимая во внимание нынешнюю советскую угрозу в Европе и особенно в Берлине... – Гарольд продолжал разглагольствовать, пока несколько не смягчился шок от предыдущего заявления Клея.

Ответ Клея был столь же длинным и витиеватым, как и вопрос Гарольда. Посыпались еще вопросы. Худшее, казалось, было уже позади, когда раздался чей-то резкий голос:

– Скажите нам, конгрессмен, почему вы так уверены, что сенатор Дэй не будет добиваться переизбрания?

В дальнем конце комнаты стоял Питер Сэнфорд, с большим животом, но крепкий, громадный и – для Клея – совершенно непостижимо как здесь появившийся. Они, безусловно, стали врагами. Смерть Инид довершила это превращение. Но когда они встречались в обществе, Питер был с ним любезен, и Клей еще не стал жертвой тех колючих фраз, на которые его шуриин был большой мастер,

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org отрывистых и безрассудно смелых реплик, обличавших то, о чем и упоминать-то было не принято. «Американская мысль» пока обходилась с Клеем весьма мягко, это значило, что он был замечен, но и только. Несмотря на внешние проявления дружелюбия, ясно было, что Питер его ненавидит; это несколько утешало Клея, ибо человек, который ненавидит, неизбежно оказывается в невыгодном положении, во всяком случае в политике, если не в жизни. С годами Клей приучил себя, и не без успеха, избегать ненависти даже к своим оппонентам.

– А, это ты, Питер! – небрежно сказал Клей. – Это мой шурин, – пояснил он. Раздался тревожный смехок журналистов, знавших об их отнюдь не приятельских отношениях. Гарольд Гриффитс в растерянности отступил назад и прислонился к стене, словно защищаясь от возможного попадания рикошетом.

– Я хотел бы знать, – сказал Питер, – почему вы так уверены, что сенатор..

– Видишь ли, Питер, ты понимаешь, что я не могу раскрывать некоторые источники информации, как, впрочем, и ты, и любой журналист. Разве я не заявил, что мне не к лицу говорить за Бэрдена Дэй? И разве тот факт, что я выставляю свою кандидатуру, не доказывает, что он этого не сделает? – Это была ошибка. Никогда не следует слабейший аргумент подавать в виде вопроса.

Клей хотел продолжать, но у Питера оказалась слишком быстрая реакция.

– Нет, не доказывает. Это доказывает лишь одно: что свою кандидатуру выставляете вы...

– Но я никогда не выступил бы против него.

– Но предположим, – Питер повысил голос, и Клей позволил ему заглушить себя. Ему ничего не оставалось, как разыграть из себя жертву и попытаться вызвать к себе сочувствие. – Предположим, что сенатор Дэй выставит свою кандидатуру. Что вы тогда сделаете?

Комната замерла. Риск был велик. И Клей пошел на риск.

– Сенатор Дэй не выставит свою кандидатуру для переизбрания. Но... – Клей сделал паузу. И решился: –...Если он выставит свою кандидатуру, я, конечно, сниму свою. Дамы и господа, благодарю вас.

Клей быстро прошел к двери. Выиграл или проиграл, он попадет на первые полосы газет. Следом за ним, столь же стремительно, из комнаты выходили корреспонденты.

– Но как же мы из этого выпутаемся? – Блэз совсем потерял голову. – Бэрдэн выставляет свою кандидатуру. Ты это знаешь. И все это знают.

Клей на слушал его; он говорил по телефону.

– Послушайте, это очень важно. Вы должны найти сенатора. Понимаю, у вас свои порядки. Прекрасно. Жду вашего звонка. Я в кабинете мистера Сэнфорда.

Клей положил трубку и ответил Блэзу:

– Я это улажу. Не беспокойтесь.

– Как ты можешь это уладить?

Но Клей повернулся спиной к разгневанному Блэзу и выглянул в окно. Девятая улица при дневном свете казалась убогой.

Блэз продолжал говорить:

– Тактически верным было бы сказать: «Он, по-видимому, не будет добиваться переизбрания», подразумевая, что он болен и стар, но заявить, что ты уступишь ему, если он выставит свою кандидатуру, тем более, что отлично известно...

– Там был Питер. – Пока Клей говорил, какая-то ярко размалеванная девица остановила двух морячков у входа в гриль-бар «Старый доминион». – Это он подпустил мне шпильку. Он задал вопрос, на который я должен был ответить.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Похоже, он собирается ставить нам палки в колеса. – Клей смотрел на отражение Блэза в окне. Блэз крепко сжимал рукоятки кресла, словно пациент при виде бормашины или пассажир падающего самолета. – И я не думаю, что вы сможете как-то на него повлиять. – Это было утверждение, а не вопрос.

– Нет, – отрывисто бросил Блэз. – Он поступает, как ему заблагорассудится.

– Понимаю, – настаивать не было смысла. Достаточно того, что он упомянул о Питере. Тем временем девушка ушла с одним из моряков, а второй скрылся в баре, где Клей однажды подцепил девушку из города Рэли. Он привел ее в свой кабинет, и они занимались любовью на диване. Она не носила чулок и отказалась взять деньги. Вспомнив о ней, Клей вдруг захотел стать тем морячком в баре, почувствовать себя свободным, подцепить девушку, заниматься с ней любовью и не слушать Карла, своего секретаря, который только что, встревоженный, появился в комнате.

– Результаты последнего опроса.

Клей взял лист бумаги. Он не разделял пренебрежения старомодных политиков к новой науке опросов общественного мнения. Они все боялись ее, так как, перестав быть тонкими человеческими инструментами, предназначенными для предсказания погоды над головами своих избирателей, они бы превратились в ничто и их особое искусство стало бы никому не нужным; его заменили бы статистики, вооруженные логарифмическими линейками. Клей же хотел знать, желательно раньше других, какие вопросы волнуют людей, а какие – оставляют их равнодушными. Поэтому время от времени многочисленная группа консультантов Блэза сообщала о настроениях его избирателей, и он мог предпринимать соответствующие шаги. В результате он сумел на сегодняшний день стать самым популярным из представителей штата в палате представителей.

– Что-нибудь не в порядке? – Блэз повернулся к помощнику. – Он отстаёт?

– На три процента, – сказал Карл. – Но не в этом дело.

– Популярность Бэрдена поднялась на пять процентов. – Клей швырнул листок бумаги на стол Блэза. – Что же случилось? – Он повернулся к Карлу с таким видом, будто тот нес за это ответственность. – Чем это можно объяснить?

– Мы еще не знаем. Быть может, это речь, которую он произнес в понедельник на собрании Исторического общества штата. Она транслировалась по радио. Произвела большое впечатление. У меня есть запись, если вы хотите...

– Одна паршивая речь не могла обеспечить ему такой взлет. Что замышляет старый мошенник? Куда он ездил? С кем говорил?

– Я точно не знаю...

– Но вы обязаны знать точно. Я хочу сказать, что мы должны знать это точно. – Клей редко выходил из себя, разговаривая с подчиненными. В худшем случае он принимал их такими, какие они есть: он по опыту знал, что такое обращение не осложняет отношений с преданными ему людьми.

– На мой взгляд, в его успехе есть что-то сентиментальное, – Карл расправил скомканный листок с результатами опроса. – Он был сенатором еще до того, как большинство из нас появилось на свет, и теперь он ездит по штату и напоминает всем о славных старых денечках.

– Тут дело не в поездках, – пробормотал Клей. Больше половины избирателей не знали, что в тридцатых годах был кризис, а треть не могла узнать ни одного сенатора в лицо. Зато почти все слышали о Клее. Хотя фильм о нем не имел успеха в стране, Блэз позаботился о его демонстрации в штате.

– Только что звонил судья Хьюи, он сообщил, что Бэрден определенно объявит о выдвижении своей кандидатуры не позже субботы. Если он это сделает...

– Я выйду из игры. У вас найдется для меня работа, Блэз?

– Не уверен, что мы будем заинтересованы в вас... после... – Блэз был взбешен; его раздражало нежелание Клея быть с ним откровенным. Но Клей ни с кем не собирался откровенничать. В критический момент он предпочитал действовать

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org самостоятельно.

Позвонили из канцелярии сенатора Дэя. На вопрос Клея, где сейчас сенатор, чей-то неприязненный голос (уж не Долли Перрин?) ответил:

- Сенатора сегодня здесь уже не будет. Он ужинает дома...
- Но где он сейчас? Сию минуту?
- Он у миссис Кархарт, но...

II

Разве они могли говорить о ком-нибудь другом?

Бэрден прислонил больное плечо к спинке кресла. Чистенький перелом, сказал доктор, осматривая Бэрдена, лежавшего на спине в рентгеновском кабинете госпиталя, куда его доставила «скорая помощь» с места происшествия, когда он упал с сенатской лестницы Капитолия. Он рухнул с верхней ступеньки и пролетел до нижней, и косточка в его плече надломилась с хрустом, который он услышал сквозь плоть. От жгучей боли ему вдруг привиделось, что человек – это растение: разве кости – не ветки?

А кровь – не сок? И что в природе больше напоминает ладонь, чем лист? Успокоившись на этом прекрасном открытии, он потерял сознание у нижней ступеньки лестницы.

Теперь, через пять месяцев после этого чистенького перелома, плечо все еще болело. Но что делать? Раз он вступил в возраст, когда кости стали хрупкими и ломкими, так будет продолжаться до той минуты, пока, прикованный к постели, он не поддастся стремительным приступам пневмонии, которые, наполнив легкие водой, завершат затоплением этот великий цикл, начавшийся с потока утробных вод. Лучше, решил он, приставить дуло к виску и дать волю огню, хотя из двух стихий, огня и воды, он предпочитал более прохладную.

Отношение Миллисент Смит Кархарт к сенатору Джозефу Маккарти было двойственным. С одной стороны, она была убеждена в том, что на всех уровнях американской жизни действуют скрытые коммунисты (чего стоит поведение негров после войны!), и тем не менее:

– Он такой отвратительный человек. Это ужасное лицо, эти челюсти, этот голос!

– Не волнуйтесь, дорогая, долго он не продержится, – попытался утешить ее Бэрден.

– Как не волноваться? Ведь он может еще наломать столько дров! – Она налила чай. Пар на короткое время скрыл ее лицо. Бэрден подумал об оракулах. Что сказал о них Цицерон? Но не смог вспомнить. В последнее время, когда он начинал цитировать по памяти, слова зачастую отказывались идти в нужной последовательности, оставляя его в полном отчаянии оттого, что какая-то дверца в его сознании наполовину закрылась.

– Сенатор Тайдингс прикончит его. Помните, Джо сказал, что он ставит всю свою кампанию в зависимость от того, коммунист ли Оуэн Лэттимор[92 – Американский профессор, специалист по Дальнему Востоку, в годы второй мировой войны служил в военной разведке, был советником Чан Кайши. В 1950 г. сенатор Маккарти обвинил его в шпионаже в пользу СССР. Был осужден Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности и федеральным Большим жури. В 1955 г. все обвинения против О. Лэттимора были сняты.]. Что ж, он проиграл – благодаря сенатору Тайдингсу.

– О, я полагаю, Лэттимор все-таки коммунист.

– Нет доказательств, что он коммунист.

– Да, но нет и доказательств, что он не коммунист.

– Теперь вы говорите, как Джо Маккарти.

Миллисент нахмурилась:

– Я знаю, конечно, что он, видимо, повредил многим невинным людям, это ужасно, но, в конце концов, в правительстве действуют коммунисты, и они перекраивают нашу страну, и если он в состоянии выявить их, то, может быть, некоторая доля путаницы оправдана?

– Президент, – Бэрден показал на портрет ее дядюшки, – никогда бы не согласился с вами.

– Я в этом не уверена. Да и времена изменились. Но скажите мне, какой он на самом деле? Я не решаюсь пригласить его к себе в дом.

– Слава богу, я сам едва с ним знаком. – Антипатия Бэрдена к этому демагогу была не только политической, но и физической. Он не переносил даже его вида. Только однажды ему пришлось говорить с ним. Когда какой-то журналист написал, что Бэрден, вероятно, возглавит подкомиссию, которая будет рассматривать выдвинутое Маккарти обвинение, что государственный департамент наводнен коммунистами, сам Маккарти явился к нему в кабинет и, стоя перед бюстом Цицерона, обнял своей тяжелой рукой Бэрдена и заявил с хищной усмешкой, что, хотя они и занимают противоположные политические позиции, оба являются противниками коммунизма. «Во всяком случае, я так думаю», – добавил он бодро, но угрожающе. Он выразил уверенность в том, что факты будут говорить сами за себя, и как бы мимоходом добавил: «Вы давно видели вашего бывшего зятя?»

Бэрден постарался полностью устраниться от работы подкомиссии. И без обвинений в коммунизме у него будет достаточно затруднений на предстоящих выборах. В нормальное время подобные обвинения могли вызвать лишь смех. Но времена давно уже перестали быть нормальными – с тех пор как Советы создали атомную бомбу. Тот факт, что эта технически отсталая страна сумела с очевидной легкостью добиться военного паритета с богоизбранной страной, мог означать только одно: секрет бомбы был выкраден из Лос-Аламоса и передан врагу какими-то высокопоставленными предателями. Именно тогда, совершенно случайно, незаметный сенатор, стремившийся к переизбранию, и обнаружил, что обвинить других в предательстве – наипростейший способ стать героем для большинства, злодеем для некоторых и таким образом привлечь к себе внимание всех.

С начала этого года Бэрден стал получать пугающе огромное количество писем от своих избирателей, которые требовали, чтобы он открыто принял сторону Маккарти в его нападках на государственный департамент. Бэрден отвечал им в патриотическом духе, но уклончиво. В конце концов, несомненно, что Маккарти скоро сам себя угробит, это лишь вопрос времени, и его сумасбродные выступления перед комиссией Тайдингса с очевидностью доказывали это. Сначала сенатор заявил, что в государственном департаменте двести пятьдесят коммунистов, затем сказал, что их пятьдесят семь, а в последнюю пятницу – восемьдесят один. И так он продолжал перескакивать с одной цифры на другую, выдвигая настолько дикие обвинения, что их было трудно привести в какую-нибудь систему, и еще труднее – опровергнуть. Если бы не предстоящие первичные выборы, Бэрден, без сомнения, в тот или иной момент выступил бы против этого демагога. Но пока это было невыносимо. После переизбрания у него будет масса возможностей разделаться с этим «разгребателем грязи» – выражение появилось на рубеже XIX–XX веков, и Бэрдену оно очень нравилось.

– Но если все его обвинения лживы, почему никто из сенаторов не поставит его на место?

Врата в сознании Бэрдена распахнулись настежь. Он процитировал:

– «И откроется ему, что обвинять и доказывать – совсем не одно и то же, а упреки, не подкрепленные доказательствами, отражаются лишь на репутации тех, кто их бросает».

– Кто это сказал? – Но в тот же момент врата снова захлопнулись, скрыв сокровища, которые он хранил всю свою жизнь. Его спасла горничная, сообщившая, что конгрессмен Овербэри направляется в дом на Дюпон-сёркл, чтобы поговорить с сенатором, если, конечно, не будет возражений со стороны миссис Кархарт. Разрешение было дано, и горничная удалилась.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Что-нибудь случилось? – спросила Миллисент.

Бэрден пожал плечами. Боль в плече то пропадала, то появлялась снова.

– Клей только что объявил о своем участии в первичных выборах, которые состоятся в следующем месяце, если я не буду добиваться переизбрания.

– Но вы, конечно, выставите свою кандидатуру? – Миллисент была встревожена. Самая грустная сторона постоянной жизни в Вашингтоне заключалась в том, что друзья вдруг стремительно исчезали, отвергнутые своими избирателями. Однажды она рассказала Бэрдну, что в юности ее забавляли эти непрерывные появления и исчезновения, за которыми она наблюдала из Белого дома. Но теперь, когда она состарилась, она не желала никаких перемен, в том числе и смерти, которую считала конечным избирателем, отвергающим по своему капризу одного за другим своих любимых сынов.

– Конечно, я буду добиваться переизбрания. И одержу победу. – Однако Бэрден вовсе не был уверен в том, что он сможет победить Клея, несмотря на благожелательные отклики на его речь в Историческом обществе. Достоинно удивления, что любовь к нему избирателей увеличивалась по мере того, как падало его влияние в Вашингтоне. Как будто они внезапно осознали, что он – последнее уцелевшее звено, связующее их с грубыми, но славными предками. Он представлял если не их, то их прошлое, и, когда он уйдет, они останутся сиротами в настоящем, которое пугало их, в отличие от прошлого, которое, если подходить к нему сентиментально, было куда приятней. О, старый воин держал еще в руках лук и стрелы, думал он о себе с достоинством, но натягивать тетиву стало трудно, да и глаз уже не тот, что прежде.

– И с чего Клей это сказал?

– Мы скоро узнаем. – Бэрден сначала не поверил миссис Блейн, когда она сообщила ему о заявлении Клея. Он попросил ее повторить точный текст еще раз. Затем распорядился вызвать своего сенатского помощника, уехавшего за город на конец недели, не предвещавшей ничего необычного.

– Люси его презирает, вы это, конечно, знаете. – Миллисент задумчиво смотрела на свою чашку, напомнив ему... как ее звали, ту, что гадала на картах? «Все приветствуют Бэрдена Дэя, будущего короля!» Он в конце концов отказался от ее услуг, когда всем, кроме карт, стало ясно, что у него нет шансов стать президентом. Миссис Фоскетт. Запах капусты в комнате. Прием в саду в честь короля и королевы. Жара. – Из-за Элизабет. Вы знакомы с дочерью Люси от Скайлера Уотресса?

Бэрден кивнул, вспомнив белизну кожи, удлиненные темные глаза; быть молодым, как Клей, пользоваться успехом у женщин; все остальное не имеет значения.

– Видите ли, когда Инид еще была жива, но упрятана с глаз долой, он постоянно встречался с Элизабет, но, как только Инид умерла, он ее бросил.

– Совесть замучила, наверное, – так было принято говорить в подобных случаях. Но теперь вряд ли кто-нибудь еще хотя бы притворялся, что его волнует проблема добра и зла. Сегодня люди не знают иного мотива, кроме выгоды, не признают иного критерия, кроме успеха, иного бога, кроме честолюбия. Клей самым великолепным образом соответствовал своему времени.

– Не знаю, что он там чувствовал, но Элизабет была в отчаянии. Она помолвлена теперь, знаете, с юношей из Нью-Йорка. Так что все утряслось, хотя Люси говорит...

Они спокойно беседовали о Клее и Элизабет, о свадьбах и разводах, о старом и новом Вашингтоне. Они говорили даже о Диане и Питере. Миллисент весьма тактично не упоминала о браке. Бэрден сказал, что ему очень нравится Питер. Миллисент находила его заносчивым острословом. Но Бэрден ответил, что это всего лишь дань моде. В наши дни журналисты пренебрежительно отзываются о людях, обладающих реальной властью, как об уродах, шутах и кретинах. Они с радостью продолжили традицию, начатую в свое время Генри Менкеном[93 – Менкен Генри (1880–1956) – американский издатель и журналист, зло высмеивавший политические нравы США.]. Они относятся свысока ко всем без исключения. Только неделю назад Гарольд Гриффитс назвал президента безмозглым человеком, которым манипулирует государственный секретарь –

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org юрист-профан, пользующийся услугами плохого портного. Такие нападки во много раз губительнее, чем громовые межпартийные оскорбления старых времен. К счастью, немногие обозреватели писали столь же помпезно, как Гарольд Гриффитс, или вежливо-беспощадно, как принято было писать в журнале Питера, который, как это ни парадоксально, читали почти исключительно его многочисленные жертвы. Но Бэрден теперь был уже скорее доволен, чем огорчен успехом «Американской мысли», потому что Диана обрела наконец занятие. Ее отношения с Питером оставались для него загадкой. Недавно, когда он сказал, что однажды она, вероятно, захочет устроить свою жизнь, обзавестись детьми, она ответила: «Но, папа, я не люблю детей». Под впечатлением ее откровенности он сам едва не признался, что тоже их не любит. Но, конечно, ее он все-таки любил.

Мистер Кархарт под руку с Клеем появился в пыльной гостиной.

– Посмотри, – сказал Кархарт, – что за юноша прятался у нас в прихожей.

– Я ведь не просто юноша, но и ваш кузен, вы не забыли? – Клей довольно мило напомнил о связывающем их генеалогическом древе, что всегда доставляло удовольствие Кархарту, который ничего так не желал, как заманить Клея в кабинет и показать ему это «древо»; миссис Кархарт называла его, правда, «лесом опасных связей». Дело в том, что каждая знатная или знаменитая личность могла обнаружить среди своих бесчисленных ветвей тысячи воров и убийц, евреев и мусульман, расцветших пышным цветом в дальних ответвлениях династии, которая, если проследить ее достаточно далеко, включит в себя неизбежно весь род человеческий, и мистер Кархарт, свихнувшийся на родословных, превратится ненароком в святого, для которого все люди, без сомнения, окажутся родственниками.

– Не мучай мистера Овербэри, дорогой. Он пришел поговорить с Бэрденем, не с нами.

Клей держался скромно.

– Это ужасно грубо с моей стороны, ворваться к вам без приглашения.

– Наш кузен Клей... или, вернее, мой кузен Клей... всегда желанный гость в этом доме. – Кархарт любовно поглядывал на Клея, как будто тот уже повис на одной из веток и уже обведен рамкой наподобие мандалы^[94 – Мистический знак в индуизме и буддизме.]. Миллисент, умело маневрируя, подвела мужа к двери.

– Дайте знать, когда нам можно будет прийти.

Плечо у Бэрдена болело. Он нашел наконец положение, в котором боль несколько утихла. Клей продолжал стоять под портретом президента и казался необычно внушительным, уверенным в себе, и Бэрден, вспомнив себя таким же молодым, подумал, что бы произошло, если бы они встретились молодыми. Кто кого одолел бы?

– Вы, наверное, слышали, что я сказал на пресс-конференции?

Бэрден кивнул. Пока он предпочитал слушать.

– Кстати, вопрос задал Питер Сэнфорд.

Бэрден снова кивнул; его вдруг позабавила мысль о жестокой схватке между сыном и зятем, полем битвы для которой служил Блэз. Трудно сказать, кто из этих двоих победит. Клей, конечно, уже держит Блэза в руках, но ведь Питер не считает это потерей. Нахмурившись, Клей с задумчивым видом уселся на стул и принялся одной рукой поигрывать с тиковой рукояткой чайника. Он начал пространно объяснять свое заявление, не объяснив ничего.

– Видите ли, я действительно думал, что вы, учитывая ваше здоровье, не захотите баллотироваться, – закончил он.

Бэрден выпрямился. Боль пронзила плечо, но он стоически превозмог ее. Он не был ни больным, ни старым.

– Мое здоровье? – воскликнул он так, словно был искренне изумлен. – Но я абсолютно здоров.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– А этот удар, который случился с вами тогда у миссис Блок?

Отлично разыграно, холодно подумал Бэрден: «у миссис Блок», Он это запомнит.

– Я потерял сознание. Но пришел в себя. Я здоров.

– Конечно, вы здоровы. Для ваших лет вы удивительно...

– Мне пока не сто лет! – зарычал Бэрден, и Клей, словно обжегшись, отпустил ручку чайника. – Я вполне в состоянии прослужить еще один срок в сенате Соединенных Штатов, и, как ты знаешь, я намерен это сделать.

– Честно говоря, я этого не знал. – Клей посмотрел на него невинными глазами. – Ну что ж, будем считать, что меня неправильно информировали.

– Тебя неправильно информировали. Я собирался в четверг объявить о выдвижении своей кандидатуры, но после твоего... поразительного заявления я сделаю это завтра, слишком поздно для воскресных газет, конечно, но... – Он улыбнулся, словно намекая, что переизбирающийся сенатор может обойтись и без этого.

– И тогда все, я полагаю, будет представлять лишь академический интерес. Тебе придется снять свою кандидатуру, не так ли?

Нанеся удар, Бэрден подумал: я хочу знать всю правду, знать худшее, чтобы подготовиться к нему. Кто, о боже, это сказал? На мгновение Бэрден вцепился в врата своей памяти, взмолился, чтобы они распахнулись и он смог прочесть следующую страницу, написанную огненными буквами: он обвинен во взяточничестве и признал себя виновным. Покрытый позором, он закончил свои дни в изгнании. Так это случилось с блистательным сэром Фрэнсисом Бэконом[95 – Бэкон Фрэнсис (1561–1626) – английский философ и политический деятель, был уличен в коррупции.].

Теперь настала очередь Бэрдена предстать перед судом. Он смотрел на своего обвинителя и чувствовал любовь к нему. Клей казался таким молодым и уязвимым, но и по-мальчишески нетерпеливым; скажи Бэрден нужное слово, его возвышение будет гладким, скажи он не то слово, и грязь покроет их обоих с головой, и Клей, возможно, лишится той движущей силы, которая вознесла его уже так высоко, что можно было без преувеличения назвать его будущим королем.

Бэрден, как ему показалось, обезоруживающе улыбнулся:

– Ты сильно к этому стремишься?

Вызов был брошен ему мгновенно.

– А вы, в мои годы?

Бэрден кивнул:

– Но не любой ценой.

Клей посмотрел на него с искренним изумлением:

– Цена не так уж высока.

Бэрден непроизвольно вздрогнул. Правда невыносима, но и неотвратима. Он принял взятку. Разоблачен. И заслужил наказание. Но не от Клея; хотя, если ад существует...

– Для тебя это плохое начало.

– А для вас – плохой конец. Вот почему этого надо избежать. – Пауза была театральна, намерения – самыми лучшими.

– Ты ждал так долго. – Расчетливость Клея приводила Бэрдена в восхищение. Что ж, было чем восхищаться – тайно вооружиться с таким расчетом, что, как только вспыхнет война, ничего не подозревающий противник моментально будет уничтожен, сражен оружием, которое он, в данном случае, сам же изготовил.

– Как бы то ни было, я не собирался воспользоваться.. – Снова незаконченная фраза, из деликатности конечно. После жестокого удара пусть тело врага мягко покоится в могиле.

– Но ты воспользовался. Или намерен..

– У меня нет выбора. Сами понимаете.

– Возможно ли, в самом деле, чтобы ты держал это наготове десять долгих лет, так, на всякий случай? – Более всего поражал его многолетний улыбчивый обман.

Клей не лгал, и это был дурной знак.

– Да, только на всякий случай.

– В тихом омуте..

– Вода не течет. – Клей засмеялся. Комбинация из двух пословиц была их старой шуткой. Бэрден улыбнулся своему убийце. Он относился к Клею, как к сыну, который, как положено в легенде, поднимает на него руку, чтобы занять его высокое место.

– Ты говорил тогда с Эдом нилсоном? – Бэрден удивлялся, откуда у него такое любопытство к деталям.

– Да. Он заплатил конгрессмену, который передал мне пленку, и сказал, чтобы я вас не тревожил.

Лицо Бэрдена исказилось.

– Жаль, что не потревожил.

– Знаете, в те дни я был так наивен. – Клей внезапно решил исповедаться. Даже *in extremis*[96 – При смерти, на смертном одре (лат.). Здесь: в минуту крайних испытаний.] их отношение друг к другу не изменилось. – Я не мог поверить, что вы на это способны.

Бэрден закрыл глаза, ища смерть под веками, но вместо нее увидел лицо своего отца. Наконец победа! Сын, вызывавший зависть, сломлен и обесчещен. Капрал конфедератов восторжествовал, как оба они и предполагали с того самого дня, когда он объявил: «Я добьюсь успеха», а отец ответил: «Ты достаточно лжив, способен на вкрадчивые речи и выбираешь кривые дороги. Почему бы тебе не стать президентом? Стране это пойдет на пользу. Все кругом воры, все лгуны! О, ты пойдешь далеко!» На что юноша ответил: «Я пойду далеко, потому что я не такой слабый, как ты. Я никогда не жалею. Я добьюсь победы своим путем». Иронический смех: «Это путь на панель. Туда тебе и дорога. Я же предпочитаю остаться самим собой, со своими ранами...» – «Будь они прокляты, твои раны!» – «Вы правы, мистер Президент. А теперь убирайся к черту!»

И вот он убрался в ад, и дьявол сидел напротив, заставляя его вспоминать, как он совершил то, чего надеялся никогда не совершить. И что еще хуже, прогулки по панели никуда его не привели.

Клей продолжал исповедоваться:

– Я считал, что это совершенно невыносимо. Вы, самый неподкупный человек в сенате, так я считал, во всяком случае. Вот почему сначала я отказывался верить. Но затем понял, как все это увязывается одно с другим. В тот год вы хотели подняться на самый верх. И вам нужно было достать денег. И где еще могли вы достать сразу так много?

Бэрден намеренно прижал больное плечо к рукоятке кресла. Боль приходила и уходила острыми приливами, но подлинная агония продолжалась, ничуть не ослабевая.

– Я даже искренне восхитился вами. Суметь так сохранить облик политического святого, такого праведного, что дух захватывало, а на деле..

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
С этим пора кончать.

– Я рад, что ты действительно восхищался мной. – Бэрден хотел быть ироничным, но вышло патетично. – Что же, теперь это все в прошлом, да?

– Пока – в прошлом. – В первый раз Клей угрожал.

– Миллисент! – Голос Бэрдена показался неожиданно резким ему самому, это был крик Прометея: клюв стервятника вонзился в его сердце.

Вошла Миллисент:

– Разрешите?

– Пожалуйста, – сказал Бэрден. Превозмогая боль, он попытался встать с кресла. Клей подбежал к нему, взял под руку. Все было как в доброе старое время.

III

– Я хотел бы сказать несколько слов перед этой комиссией, состоящей из необычайно... я бы даже сказал, пугающе представительных американцев. Я обратил внимание, что ваше, без сомнения, искреннее стремление к конформизму в политике подчинено вашей коллективной... простите мне это слово... страсти к рекламе. Ведь политика – единственная профессия, в которой посредственности могут привлечь к себе внимание клеветническими выпадами.

Председатель комиссии подал знак сенатскому приставу:

– Выведите его!

Другой член комиссии закричал:

– Он проявляет неуважение к конгрессу!

Но Питер не двинулся с места. Он невозмутимо продолжал:

– Господа, вы пригласили меня для обсуждения проблемы коммунизма, именно к этому я и намерен приступить. Как все мы знаем, коммунисты проникли в Белый дом, Пентагон, в школы, печать, церкви, кинопромышленность. Они всюду заняты своей тайной подрывной деятельностью. Что же следует предпринять? Как можем мы остановить эту ужасную болезнь, подтачивающую самую сердцевину нашего общества? У меня есть рецепт. Каждый гражданин должен ежедневно приносить клятву верности флагу. Таким образом мы сумеем скоро выяснить, кто хороший американец, а кто – нет, потому что, как нам известно, агенты Советов предпочитают смерть клятве верности нашему довольно-таки неугомонному флагу. А если мы обнаружим врага, мы сможем выслать его в Россию, предоставив возможность федеральному бюро расследований заняться своим настоящим делом – взнузданием черномазых.

Давайте теперь поразмыслим о борьбе за умы людей за пределами этой свободной страны. Коммунисты сулят утопию, привлекающую людей двух типов: невежд и дегенератов. В самом деле, раз статистика нас убеждает в том, что все невежественные болваны и сексуальные дегенераты являются *ipso facto*[97 – в силу самого факта; тем самым (лат.).] коммунистами, мы можем сделать отсюда вывод, что любой сексуальный дегенерат, по определению, является не только невежественным болваном, но и коммунистом или по крайней мере сочувствующим. Поскольку сенатор установил, что сотрудники государственного департамента сплошь гомосексуалисты, вряд ли кого-нибудь удивит, что они одновременно представляют из себя и невежественных болванов, и коммунистов, которых надлежит искоренить. То, что сам сенатор питает склонность к молоденьким мальчикам...

– Вот его показания. Чем, черт побери, ты занимаешься? – Иниэс появился в комнате в тот момент, когда Питер изображал, как он игриво подносит палец к носу председателя комиссии.

– Я разговаривал с самим собой, – сказал Питер.

– О чем?

– На разные темы. В данный момент я выступал с речью перед Комиссией палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности.

– Очень похоже, что тебе действительно придется ее произнести. Ты будешь апеллировать к Пятой поправке[98 – Пятая поправка к конституции США устанавливает, что граждане могут привлекаться к ответственности лишь по постановлению суда присяжных и не должны понуждаться к даче показаний против самих себя.], как поступили все, кроме Билли Торна. Он пел соловьем. Посмотри. – Иниэс швырнул показания Торна в постель, где восседал Питер среди подушек и гранок дюжины статей для журнала. Он полдня проводил в постели, работая, разговаривая по телефону, принимая сотрудников журнала, чьи рабочие кабинеты помещались на первом этаже большого дома в негритянских трущобах, который Питер купил для себя и редакции.

До сих пор соседи Питера не проявляли ни малейшего интереса к попыткам журнала привлечь внимание к их печальной доле. Питера и его друзей подозревали в том, что они устраивают оргии. Зачем еще нужно белым прятаться в «респектабельном» негритянском квартале? Большинство белых склонны были согласиться в этом со своими черными собратьями. В лучшем случае они считали Питера эксцентричной натурой, которая, как им казалось, деклассируется. Несмотря на всю расплывчатость своих политических позиций, Питер находил родной город все более и более забавным. Политика и возмущала его, и доставляла ему удовольствие. Не без интереса он отмечал, что каждое новое знакомство напоминает бесконечный роман с бесчисленными главами, которые приходилось либо пропускать, либо домысливать, так как за один раз можно было внимательно прочитать только несколько страниц; и все же на основе этих неполных данных (как это опасно для критиков!) выносилось суждение о всем произведении.

К счастью, Иниэс был той книгой, которую Питер мог читать не торопясь. Интерес к политике пробудил в его друге сенатор Маккарти, и Иниэс делил теперь свое время между Вашингтоном, где он помогал издавать журнал, и Нью-Йорком, где он жил с детской докторшей-психиатром с дефектом речи. И ни на минуту не переставал писать. Недавно он вызвал большой шум, объявив, что, поскольку либералы уже по определению являются мазохистами, в противовес им всегда должен найтись садист с бичом в руке. Это значило, что Маккарти был не только необходим, но и достоин восхищения, поскольку взаимодействие либералов и маккартистов способно оздоровить общество, а именно к этому надо стремиться. Хотя Питер питал отвращение к таким эмоциональным построениям, он понимал, что они пользуются большим успехом в эпоху обожествления страстей, и думал, что с течением времени неизбежно расширится пропасть между теми, кто чувствует, и теми, кто думает, или же, скорее, просто между теми, кто думал, что чувствует, и теми, кто чувствовал, что думает. Размышляя об этом, он изучал показания Билли Торна.

Билли Торн согласился дать показания комиссии. Он согласился также не настаивать на Пятой поправке к Конституции, поскольку, по словам адвоката комиссии, хотел «чистосердечно во всем признаться». Что он и проделал. На протяжении двадцати страниц своих показаний он назвал всех своих знакомых в правительственных учреждениях, которые были или могли быть коммунистами. Питер швырнул листы показаний Торна на прикрытую простыней возвышенность своего живота.

– Почему он это сделал? – Питер повернулся к Иниэсу, который свернулся в кресле, стоявшем возле постели, и читал какую-то гранку. Настоящий литератор готов читать все, что попадет под руку, лишь бы не остаться без чтива.

– Он хочет получить работу.

– Кто его возьмет? Правительство не возьмет. Особенно теперь.

– Может и взять. Не правительство, так кто-нибудь еще. Сегодня требуется только одно: сказать, что ты сожалеешь, и обвинить других. Кайся и процветай. Читал, что он сказал о нас?

Питер кивнул. Глаза его прежде всего отыскивали в тексте собственную фамилию.

– Я болван. Ты сочувствующий. Но мы не коммунисты, и он это знает. Никогда не думал, что он на это способен. – Питер отсутствующе, словно ласковую

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
собачонку, похлопывал себя по животу. – Если когда-нибудь и был мученик,
так это Билли Торн.

Конечно, это было именно то заявление, которым не мог не воспользоваться
Иниэс.

– Разве ты не понимаешь? Он будет мучеником. Его будут ненавидеть ему
подобные. Предатель, Иуда Искариот, осведомитель. Если хочешь пострадать, а
именно этого он и желает...

– ... истинный либерал, – подсказал Питер.

– ... есть ли лучший способ испытать боль...

С улицы донесся звук выстрела.

– Теперь они стреляют в нас! – Питер натянул простыню до подбородка.

Иниэс подошел к окну.

– Я не вижу винтовок. Может быть, это выхлоп автомобиля?

– Человек все еще там?

Иниэс кивнул.

– Как он сегодня одет?

– Цилиндр. Красно-сине-белая жилетка. Как у дяди Сэма.

– Прекрасно. А какой лозунг?

– «Здесь живут коммунисты». Это первая строчка, а под ней: «Убирайтесь в
Россию, если вам не нравится Америка».

– Не думаю, что он такой добряк, каким выглядит, – сказал Питер
задумчиво. – Мог бы найти себе более достойное занятие, чем пикетировать
нас.

– Иногда я думаю, что победят сумасшедшие. – Иниэс отвернулся от окна. – Ты
видел сегодня почту? Одно из писем написано на туалетной бумаге,
использованной.

– Красноречиво.

– Как правило, к извращениям подобного рода склонны скрытые фашисты,
исключая, быть может...

В комнату вошла Диана:

– Питер, я должна поговорить с тобой! Извини, Иниэс.

Когда Иниэс вышел, Диана села на край постели Питера. Впечатление было
такое, что они женаты уже лет двадцать.

– Что-нибудь не в порядке?

– Все! – Она взяла показания Билли.

– Ты имеешь в виду Билли?

– Боже мой, нет! Речь идет об отце. Я не знала о пресс-конференции Клея до
сегодняшнего утра, пока не увидела газеты. Я, конечно, сразу же помчалась
домой и застала там мать, болтающую с корреспондентами, потому что отец
отказался их принять.

Диана сложила показания Билли сначала вдвое, затем вчетверо, попытка
сложить их еще раз вдвое не удалась.

– Он сидел на скамье в саду. Когда я заговорила с ним, он даже не услышал
меня, да и, наверное, не видел.

– Он вдруг очень состарился, – сказал Питер скорее себе, чем ей, пытаясь как-то объяснить состояние сенатора, хотя тот, по-видимому, просто был расстроен.

– Вообще-то он даже показался мне вполне бодрым. Затем, когда я спросила, правда ли то, что сказал Клей, он... он...

– Он сказал, что это правда?

Диана кивнула, и Питер понял, что она не опечалена, как сначала ему показалось, а разгневана не на шутку.

– По его словам, он после длительного размышления решил, что нет никакого смысла добиваться еще одного срока в сенате, потому что это ни к чему, раз он вышел из борьбы за президентство. Он сказал, что устал от сената и хочет заработать денег, пока еще не слишком поздно, поскольку я...

– Поскольку ты явно не собираешься замуж?

– Благодарю вас. – Диана ткнула его пальцем в живот. – Но он так и не рассказал мне, почему он все же принял такое решение.

– А может, и рассказал. Вполне возможно, что он и в самом деле устал от сената. Я, например, устал.

– Это единственное, чем он жил. – Она нахмурилась. – Клей что-то такое с ним сделал.

– Что он мог сделать?

– Не знаю. Угрожал... чем-нибудь. Я вдруг подумала, что это из-за той истории с Эдом Нилсоном.

– Но история-то была абсолютно невинная, кажется? Нилсона даже не упекли в тюрьму.

– Какое значение имеет невинность, если ты выглядишь виновным?

– Внешний вид – все, существо дела – ничто. – Питер механически повторил свою любимую фразу. – Может быть, он еще передумает?

– Нет. Он объявит о своем решении в понедельник. Это конец. – Она заплакала, и Питер пытался ее утешить, предаваясь одновременно нелегким размышлениям.

Диана вытерла глаза простыней.

– Ты должен встать. Это безнравственно – проводить полдня в постели.

– Но мне надоело стоять. В постели я думаю, планирую, замышляю, даже когда вытираю салфеткой твои глаза.

– Как я ненавижу Клея! – сказала Диана с неожиданной страстью.

Питер задумчиво смотрел на нее, желая понять, что она чувствует на самом деле. И решил ее испытать.

– Я смогу сделать так, что его не выберут.

Диана посмотрела на него красными от слез глазами.

– Должен я это сделать?

– Да. – Категоричность ответа убеждала.

– Я тоже так думаю. – Питер был задумчив. – Это уничтожит моего отца.

Диана улыбнулась ему сквозь слезы:

– А разве ты стремишься к этому?

Питер засмеялся:

- Да, пожалуй, я этого хочу. Лишенный любви отца, я был лишен и его ненависти. Теперь я добьюсь хотя бы этого. Мне жаль его.
- Добьешься. Он любит Клея. – Она встала и подошла к зеркалу.
- Что ты хочешь этим сказать? – Питер подозрительно взглянул на нее.
- Это же совершенно ясно. – Быстрыми движениями она поправила прическу.
- Так же считала и Инид.
- Я не имею в виду – физически. По крайней мере мне так не кажется. Да я в этом и ничего не понимаю. Но, во всяком случае, это неестественно, чтобы один мужчина целиком отдавал себя карьере другого и был готов пожертвовать своей дочерью, не говоря уж... – Диана собиралась и дальше говорить о его отце. Но Питер этого не хотел. Он откинул простыню и сел на кровати, не без удовольствия разглядывая свое огромное тело, производившее впечатление необычайной физической силы. Обманчивое впечатление, доставлявшее ему радость: он был физическим трусом и готов был пойти на что угодно, лишь бы избежать боли, перехитрить смерть. Следствием этой природной трусости было желание восстановить равновесие своей натуры постоянными испытаниями духовной смелости, поэтому он легко решался на поступки, которые, он знал, не принесут ему популярности.
- Давайте вести себя этически, а также исторически. – Он снял пижамную куртку.
- Что это значит? – Она положила гребенку.

Он кинул книгу, где на заложенной странице была подчеркнута фраза: «История имеет дело с результатами, мотивы и намерения – предмет этики».

- Кьеркегор. Всегда приятно, когда модный автор может сообщить что-то полезное.

Он снял телефонную трубку, вызвал секретаршу и попросил ее соединиться с конторой Эла Хартшорна.

- Кто такой Эл Хартшорн и что ты намерен предпринять?
- Это адвокат, и я веду себя исторически.
- Ты уверен, что это сразит Клея?

Питер кивнул и сбросил на пол пижамные брюки.

- Ты выглядишь как японский борец, – сказала Диана.
- Скажи Иниэсу, что поиски своего «я» закончились.

Стоя в ванной под сильными струями воды, он раздумывал над тем, что ему предстояло сказать.

IV

Блэз нажал кнопку телевизора. Глухой голос заполнил комнату:

«... за рекой Хань. Тем временем соединения коммунистов перешли тридцать восьмую параллель, и, как сообщается, армия Корейской республики отступает по всему фронту. Сегодня днем президент Трумэн будет совещаться с Советом национальной безопасности, и ожидается, что он...»

- ... ничего не предпримет. Народ не хочет войны! – Гарольд Гриффитс зло крикнул телевизионному диктору, как будто тот нес ответственность за упадок американской нации.

«Известно, что генерал Макартур стоит за прямое введение американских войск

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
в Корею...»

– Слава богу, у нас есть Мак! – Гарольда приободрил этот ясный контрапункт торжественной теме диктора.

«В свете резолюции, принятой во вторник Советом Безопасности Организации Объединенных Наций, свободный мир должен оказать такую помощь Корейской республике, какая потребуется для отражения вооруженного нападения. Однако лишь на пресс-конференции президента, которая состоится сегодня вечером, мы узнаем, в каких пределах будут использованы вооруженные силы Соединенных Штатов...»

– Выключите, Блэз, – не допускающим возражения тоном сказал Клей. Были дела поважнее войны в Азии. Блэз послушно выключил звук в тот момент, когда на экран выплыло лицо генерала Макатура с длинным крашеным чубом, тщательно уложенным поперек лысины, что делало генерала похожим на стареющего повесу, с помощью косметики пытающегося вернуть себе былую внешность молодого любовника.

Клей повернулся к Карлу, который стоял возле Блэза.

– Покажи им вырезки из газет штата.

Карл передал Блэзу толстый пакет из плотной коричневой бумаги. Но Блэз даже не взглянул на вырезки и отдал пакет Гарольду, который, перебирая вырезки, выискивал свою фамилию.

– По-моему, – сказал Клей, – могло быть и хуже.

Гарольд недоуменно посмотрел на него:

– Меня называют лжецом, ты понимаешь? Вот здесь...

– Да, Гарольд, – спокойствие не покинуло Клея. – Меня тоже называют лжецом и, кроме того, мошенником.

– Я подам в суд за клевету. Я вынужден подать в суд за клевету. – Гарольд внезапно умолк, сообразив, по всей вероятности, что ответчик не кто иной, как сын его патрона. Какое-то мгновение эта ситуация даже развлекала Клея. Но Гарольд не был лишен сообразительности. – Знаете, кто на самом деле за этим стоит? Бэрден Дэй.

Блэз отсутствующе поднял на него глаза. Гарольд продолжал:

– Он и его дочь убедили Питера написать. А старому мерзавцу именно это и...

Клей жестом прервал Гарольда.

– Успокойся, – тихо сказал он. Клей подозревал, что Гарольду известно все не только про Нилсона и Бэрдена, но и про его собственные отношения с Бэрденем. К счастью, Гарольд, хорошо это или плохо, был его неизменным союзником. – Вообще-то пресса штата, – заметил он рассудительно, – не так страшна, как я опасался. Газеты, которые поддерживают демократов, пишут, что это клевета...

– Конечно! – в голос закричал Гарольд. – К несчастью, большинство газет в этом вашем богом забытом штате поддерживают республиканцев, и они...

– ... они никогда не позволят избирателю забыть, что я мошенник. Это совершенно верно. – Клея радовало, что он в состоянии говорить о себе самое худшее без стыда и раздражения.

– Но ты же не мошенник! – Гарольд стукнул ладонью по пачке с газетными вырезками; слишком много чувства, подумал Клей и спокойно сказал:

– Так по крайней мере написано.

Клей заметил, что Карл улыбнулся; он попытался представить, о чем действительно думает Карл. Когда появилась статья Питера, его сотрудники отреагировали на нее с праведным возмущением. Но по прошествии нескольких дней Клей уловил некоторую перемену. Ясно было, что они задавали вопросы, а

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
это значило, что он попал в настоящую переделку.

Нападение Питера было тонко продумано. Он умышленно писал не о Клее, а об использовании денег и рекламы в политической жизни. Он рассказал несколько известных всей стране легенд, которые, утверждал он, были хладнокровно придуманы людьми, чье основное занятие – продажа товаров при помощи телевидения. Затем, почти вскользь, он рассказал, как создавался образ Клея. Он отдал должное его природному шарму, политической сноровке. Он отметил, что Клей ничего не сделал в палате представителей, но справедливости ради добавил, что это скорее вина системы, чем Клея. И несмотря на то, что он ничем не заслужил преклонения, он рассматривается всеми как один из самых значительных политических деятелей в Соединенных Штатах. Питер спрашивал почему и отвечал: для продажи товара были истрачены огромные деньги, и пока торговля шла бойко. С помощью прессы, которую всегда можно деликатно купить, и телевидения, время на котором прямо предназначено для продажи, такой представительный человек, как Клей, мог быть полностью преобразен, чтобы соответствовать тому типу руководителя, какой предпочитали в настоящее время избиратели. Питер затем объяснил, какой тип политического деятеля был признан специалистами идеальным для 1950 года, и продемонстрировал, как был подан Клей, чтобы выглядеть молодым, но не зеленым, консервативным, но не реакционным, религиозным, но не фанатичным, хотя и вдовым (капелька трагедии всегда украшает легенду), но любящим отцом, о чем свидетельствуют многочисленные фотографии Клея с дочерью в Лавровом доме, занятых всевозможными играми, верховой ездой, прогуливающимися, взявшись за руки, среди ядовитых плющей на потомакских берегах. Затем, как бы вспомнив ненароком, Питер написал, что на самом деле произошло на аэродроме Лингайен.

– ...назвал меня лжецом. Это чистая клевета...

Клей оборвал Гарольда:

– Выживешь. Не волнуйся. Никто не ждет правды от прессы. Вопрос в другом: как мне слезть с крючка?

– Предполагается, что политические деятели должны быть честными? – мстительно сказал Гарольд.

Блэз посмотрел на него:

– Мы все приложили руку. Ты рассказал историю. Я ее напечатал, а Клей... да, ему предстоит нелегкая схватка на выборах.

– Вот было бы хорошо, – сказал Клей, глядя на телевизор, на экране которого появился государственный секретарь, вылезавший из длинного автомобиля, – если бы удалось возбудить дело против «Американской мысли». – Воцарилась продолжительная пауза. Гарольд и Карл чувствовали себя неловко. Блэз с жалким видом устался в пол. Клей терпеливо ждал. Когда он увидел, что Блэзу нечего сказать, он продолжал: – Я знаю, нелегко судиться с собственным сыном. Но если вы согласитесь, это сделаю я.

– Ты сможешь выиграть? – Блэз посмотрел на него так, словно задал совсем другой, не имеющий отношения к делу вопрос.

– Если я проиграю на выборах, я смогу доказать, что мне был причинен ущерб. Но к тому времени все это будет, конечно, представлять собой лишь академический интерес. А до суда дело вряд ли дойдет.

Однако Карл сказал наконец самое существенное:

– Все зависит от этого доктора, который утверждает, что вас не было на аэродроме во время боя.

– Клей там был. – Гарольд двигал нижней челюстью, пока не стал похож на генерала Макартура, который в этот момент снова выплыл на экран телевизора: ястребиный профиль на фоне грозового неба.

Теперь, когда Питер был снят с повестки дня, Блэз снова стал самим собой.

– Я не думаю, что будет так уж трудно нагнать страху на этого доктора.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Чтобы он отказался от своего заявления?

– Почему бы и нет? – проворно сказал Блэз. – Я знаком с одним из попечителей клиники, в которой он работает. Он обещал мне свое содействие. Не беспокойтесь.

– Но ущерб уже причинен, – мрачно сказал Гарольд. – Так или иначе, мы будем выглядеть чертовскими дешевками.

Неудачное выражение, подумал Клей, когда секретарь передал ему результаты последнего опроса. Если бы выборы состоялись сегодня, он получил бы на восемь процентов голосов меньше своего республиканского оппонента.

– Плохие новости? – спросил Блэз. Не желая отвечать, Клей включил звук телевизора. Некоторое время он слушал голос диктора: «...вчерашняя резолюция палаты представителей о продлении призыва на военную службу единодушно одобрена сегодня сенатом. Сенатор Тафт, однако, выразил сожаление, что президент узурпировал права конгресса и вовлек Соединенные Штаты в то, что, по существу, является войной...»

Клей принял решение и повернулся к Блэзу; впервые за этот день он улыбнулся.

V

Фальшиво-искренний тон и чрезмерно нежные жесты людей, чувствующих себя не в своей тарелке, превратили в сплошное мучение нечастые теперь визиты Бэрдена в кулуары сената. Для своих коллег, да и для себя самого он был уже вне этого мира, уступив свое место в нем человеку более молодому.

Тридцать шесть лет наблюдал Бэрден, как люди приходят в сенат и покидают его, и если покидают не по своей воле, это всегда невыносимо печальное зрелище. Как прежде он держал себя с другими, так теперь они держались по отношению к нему: с вежливой угловатостью и вместе с тем совсем не так, как полагается в предвидении их общего кошмара – конца карьеры. Потеряв надежду на президентство, он считал само собой разумеющимся, что будет оставаться в сенате до конца своих дней; хватаящая за душу картина, как он лежит на кожаном диване в гардеробе, окруженный друзьями, к которым он обращает свои последние слова – для Истории. Но если только он не умрет до января, то и этой мечте не суждено сбыться. Он конченный человек; ему никогда не вернуться, и все это знали. Знали они и то, что его каким-то образом заставили выйти из игры, чтобы расчистить дорогу Клею. Никто, к счастью, не подозревал, в чем дело, и он по крайней мере мог удалиться с непоруганной честью.

Кулуары были переполнены, и впервые за последние недели Бэрден оказался не единственным объектом жалости. Вчера был первый вторник после первого понедельника в ноябре, день, когда голосует этот великий народ.

– Это чудовищно, – сказал один из сенаторов. – Никогда не видел ничего подобного. – Он втащил Бэрдена в кружок испуганных сенаторов. – Вы счастливчик, что выбрались отсюда как непобежденный чемпион.

С ужасом говорили о сенаторе Маккарти. Клуб до сих пор не принимал его всерьез, считая всю его рекламу чем-то вроде театрального действия. Только теперь они поняли, насколько они его недооценивали. Он провел победоносную кампанию против своих врагов в сенате. Даже лидер большинства в сенате потерпел поражение в этой схватке и должен был уйти.

– Самая грязная кампания в истории политики, – сказал злой на язык пожилой сенатор.

– Люди просто с ума посходили на этой проблеме коммунизма. Назвать Тайдингса коммунистом! – От этой мысли волосы становились дыбом.

– По-видимому, – сказал Бэрден, – пришла пора занять определенную позицию. – Но такое время, очевидно, все еще не настало. Если удалось свалить Тайдингса, ни один сенатор не может чувствовать себя в безопасности. Люди находились в невменяемом состоянии, и Бэрден весьма мудро делал все от него зависящее, чтобы успокоить и развеселить их, делая

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org вид, что он соглашается с тем, что война в Корее идет из рук вон плохо из-за того, что дома засели предатели. Настали мрачные времена в истории страны, и это даже радовало Бэрден. Если ему суждено погибнуть, почему бы Республике не погибнуть вместе с ним? Мраморные руины на месте Капитолия, обожженные черепа в густой траве неподстриженных газонов. Славное зрелище!

Из зала заседаний в кулуары вышел Момбергер. Он подозвал Бэрдену.

– Новости – паршивей некуда. – Это было очевидно. Коллеги горячо поносили избирателей. Никто по-настоящему не винил Маккарти. Когда люди сходят с ума, всегда находится кто-то, толкающий их на еще большие глупости. Маккарти не мог отвечать за это; подлец был просто верен себе, иным он и не мог быть.

– Клей еле-еле пролез. – Момбергер показал Бэрдену бумажку с цифрами. – Вот окончательные итоги по округам.

Бэрден изучал список округов, его округов; он знал каждый из них, как собственное дитя, знал, как они голосовали за последние сорок лет, знал почему и мог предсказать с немалой точностью, как они проголосуют. Цифры на листке бумаги представляли не абстрактных избирателей, а друзей и союзников, врагов и перебежчиков. Он нашел некоторое удовлетворение в том, что Клей победил крайне незначительным большинством: всего в двадцать две тысячи на более чем миллион поданных голосов.

– Мы едва не потеряли штат, черт возьми. – Момбергер был мрачен; через два года ему самому предстояло встретиться с теми же избирателями.

Бэрден пытался его утешить:

– Вам нечего беспокоиться. Через два года Маккарти и в помине не будет.

– Я в этом не уверен. Смотрите, что он сделал с Тайдингсом, Бентоном[99 – Сенатор от штата Коннектикут в 1950–1952 гг. Резко выступал против сенатора Дж. Маккарти.] и Лукасом[100 – Сенатор-демократ от штата Иллинойс с 1939 по 1951 г. Лидер большинства в 1949–1951 гг.]. Ей-ей, он проглотил их с потрохами. – Момбергеровский лексикон Дальнего Запада был им почерпнут, как было известно Бэрдену, из тысячи вестернов, прочитанных Джессом в детстве, которое он провел отнюдь не на Дальнем Западе, а в Потакете, штат Род-Айленд. Теперь Джесс вступил уже в столь почтенный возраст, что люди нисколько не сомневались в том, – что он и в самом деле путешествовал с Дэйви Крокеттом[101 – Крокетт Дэвид (1786–1836) – легендарный герой американской истории, воплощавший в себе дух «фронттира» и пионеров Америки, авантюрист и политический деятель.], был знаком с Пэтом Гарретом и как равный имел дело с братьями Джеймсами[102 – Известные в конце XIX в. бандиты. Братья Джеймсы, в частности, специализировались на ограблении банков и поездов.]. Из всех сенаторов Бэрден один знал секрет Момбергера.

– Ты бы прошел куда лучше, старый дурак! Какого черта ты отказался от переизбрания? – Момбергер пристально посмотрел на него, чуть-чуть задрал голову и слегка прищурил глаза – как бы от яркого солнечного света прерий.

– О, Джесс... – вздохнул Бэрден. Он выдумал уже такое количество историй, что забыл, какую именно он рассказывал Момбергеру. Официальная версия заключалась, конечно, в том, что он покидает сенат, поскольку, по его убеждению, для него настала пора перестать быть актером и присоединиться к зрителям. К несчастью, допросы с пристрастием вынуждали его к более сложным разработкам темы. Он говорил о книгах, которые намерен написать, об университетах, в которых собирался преподавать, о должности федерального судьи, которую хотел занять, и, конечно, о деньгах, зарабатывать которые он должен был теперь впервые в своей жизни. В последние месяцы он намекал на что угодно, начиная с неизлечимой болезни и кончая желанием всей своей жизни стать послом в Ирландии (в этом заскоке он признался близкому другу государственного секретаря и теперь терзался, представляя себе, что думает о его претензиях эта достопочтенная особа, так как знал, что правительство никогда его не жаловало).

– Тридцати шести лет вполне достаточно, – сказал он Момбергеру, на что тот ответил:

– Черта с два!

К Бэрдену подошел посыльный:

– Звонили из вашей канцелярии, сенатор. Просили передать, что вас ждет мистер Сэнфорд.

Момбергер несколько озадаченно посмотрел на Бэрдену.

– Зачем тебе понадобился Блэз Сэнфорд? Уж не собрался ли ты стать одним из его паршивых обозревателей, а?

– Это не Блэз, а его сын.

– Тот богатый маленький комми...

– Друг Дианы, не забывай.

– Тебе не очень-то везет с зятьями, а?

В коридоре, куда он вышел из сенатского крыла Капитолия, его обняла Айрин Блок.

– Cher ami![103 – Милый друг (фр.)]– звенел ее голос. На них глазели туристы. – Ну что за выборы! – Она держала его за запястья, словно он мог вознестись на небо, как святая Тереза.

– Цицерон сказал, что жизнь похожа на театр... – Но она не дала Бэрдену закончить.

– Столько милых друзей потерпели поражение! Бедный сенатор Лукас, этот святой, и он должен теперь уйти!

– Мы все должны уйти, Айрин. Я опаздываю, меня ждут.

– Но вы никогда не уйдете. Я хочу сказать, что вы ведь останетесь в Вашингтоне?

– Конечно, где же мне еще быть? Где еще могу я заработать на жизнь? – Но и эта патетическая нотка успеха не имела. Она его не слушала.

– Знать, что вы здесь, – это так помогает жить! Вы не знаете, где найти сенатора Тафта?

Бэрден сказал, что он об этом не имеет ни малейшего представления.

– В его канцелярии мне сказали, что он в зале заседаний. Вы, конечно, видели результаты последнего опроса? – Ее глаза, ищущие сенатора Тафта, смотрели мимо него.

Бэрден покачал головой и воровски высвободил одно запястье.

– На Тафте остановили свой выбор практически все республиканские лидеры, а это означает, что он наверняка станет кандидатом в президенты.

Она нахмурилась, когда в сопровождении какого-то ирландца мимо прошествовал приземистый улыбающийся сенатор Маккарти.

– А как же генерал Эйзенхауэр?

– У него нет никаких шансов, – решительно отрезала Айрин. – Они его не любят, и я его не люблю. Вы читали, что написал о нем вчера Гарольд Гриффитс? Даже он отвернулся от Эйзенхауэра, а вы знаете его пристрастие к военным.

– Меня ждет Питер Сэнфорд. – Бэрден высвободил второе запястье.

– Comme il est mechant[104 – как это скверно (фр.)],– сказала она весело. – Вы должны как можно скорее навестить меня: мы будем пить чай а deux[105 – вдвоем (фр.)].– Она многозначительно улыбнулась и потрепала его по щеке своей изящной лапкой. – Но только после января: до тех пор я ангажирована.

Питер сидел один в приемной, читая книжку в мягкой обложке, которую он с виноватым видом запихнул в карман при появлении Бэрдена, но с таким расчетом, чтобы сенатор успел заметить ее название, это были «Статьи федералиста» [106 – Сборник, состоящий из 85 политических эссе, написанных в 1787–1788 гг. А. Гамильтоном, Дж. Мэдисоном и Дж. Джеем. Считается классикой американской политической мысли.]. Бэрден уже замечал, что с тех пор, как началась война, интерес к прошлому Америки пошел на убыль, во всяком случае вне академических кругов. Для большинства история начиналась теперь с Нового курса, и всякое упоминание о старой республике вызывало нескрываемое раздражение у тех, кто стремился к реформам в настоящем и к совершенству в будущем, – категория людей, к которой Питер явно не принадлежал.

– Где миссис Блейн?

– Сказала, что уходит завтракать.

– Я всеми покинут. Вы видите меня среди руин Карфагена. Задумайся о моей судьбе, и ты поймешь, что только последний день может быть счастливым.

– У вас меланхолическое настроение, – понимающе улыбнулся Питер и вслед за Бэрденом вошел в кабинет. В центре его стоял огромный ящик, наполовину набитый книгами.

– Вы же пробудете здесь еще три месяца...

– Ну и что... – Бэрден развалился на кожаном диване. – Я хочу уйти незаметно, воровски, постепенно. И в тот день, когда истечет мой срок, я исчезну так, что этого никто не заметит.

– Вы боитесь жалости?

– Разве я один этого боюсь?

– Жалости не боятся женщины. И некоторые мужчины. – Питер показал Бэрдену газету, раскрытую посередине. – Вот он, ему рассказывают о результатах выборов.

Бэрден без всяких эмоций посмотрел на фотографию. Клей в форме полковника пожимал руку генерала Макар-тура, который торжественно поздравлял «новоизбранного сенатора». После утверждения его кандидатуры в июне полковник Овербэри отбыл в действующую армию в Корею. Фронтовой офицер Первой американской механизированной дивизии, полковник Овербэри отказался вести предвыборную кампанию, заявив, что «народ моего штата уже знает, на какой позиции я стою. Как солдат, я не вправе сказать что-либо, кроме того, что грязное дело нужно довести до конца, и я в меру своих скромных сил делаю все возможное».

Бэрден выпустил из рук газету.

– Он выиграл. – Пожалуй, это было одновременно и самое меньшее, и самое большее, что он мог сказать.

Питер кивнул; его огромное тело едва умещалось в кресле-качалке.

– С его стороны это было гениальное решение – вернуться в армию. Будет смешно, если он станет теперь настоящим героем только для того, чтобы опровергнуть твою статью. – Бэрден поймал себя на нелепом ощущении, что ему хочется нападать на Питера и защищать Клея.

– К счастью, до этого не дойдет. Большую часть времени он проводит в штабе, но кто узнает об этом? Особенно после всех тех фотографий, где он запечатлен в бою. Очевидно, он собирается оставаться в Корею до января. И тогда, овеянный славой, он вернется, чтобы занять свое место в сенате.

– Из него получится хороший сенатор. – Бэрден почти верил тому, что говорил.

– Хороший?

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Недоумение Питера раздражало Бэрдена.

- Да, хороший. Он честолюбив и поэтому должен быть хорошим.
- Или по крайней мере не быть особенно плохим.
- Он, конечно, будет усердным...
- Или делать вид.
- Это тоже требует усердия. – Бэрден засмеялся вопреки своему страданию. – Ты должен быть снисходительным. Нет ничего труднее для современного политического деятеля, нацелившегося на Белый дом, чем выглядеть занятым, не делая на самом деле ничего за что потом придется отвечать. Он будет стараться изо всех сил, уверяю тебя.
- Для себя самого.
- Это естественно.
- Тогда мне бы хотелось, чтобы нами правили неестественные люди.
- Управляли? В этом доме никто не управляет! – взорвался Бэрден. Наконец он сказал правду. – Это никому не по плечу. Когда я впервые пришел сюда, сенатор, который хотел что-то осуществить, мог добиться успеха, если проявлял должное старание. А теперь? Мы голосуем «за» или «против», и эти наши «за» и «против», как правило, можно совершенно точно рассчитать заранее. Хочешь верь, хочешь нет, но действительно было такое время, когда законодательство исходило от конгресса. Я сам когда-то написал закон, ставший законом страны. Теперь же мы получаем законы готовыми – работа тысяч юристов в сотнях учреждений, – и никто здесь даже не читает того, что мы одобряем или отвергаем.
- Это никому не по плечу.
- Именно.

Питер не хотел примириться с этой мрачной точкой зрения.

– Отдельные сенаторы кое в чем еще обладают властью. Клей будет иметь власть.

Бэрден покачал головой:

- Но не в сенате. Здесь он будет еще одним «за» или «против», сенатские лидеры заранее будут знать, как он проголосует.
- Надо, пожалуй, отказаться от всей системы.
- Мы уже от нее отказались, – сказал Бэрден. – Мы живем теперь под диктатурой президента и проводим периодические референдумы, которые позволяют нам сменить диктатора, но не диктатуру.
- Но, пожалуй, это единственный способ управлять таким обществом, как наше.
- Я бы постыдился так думать. Но ведь я консерватор, что естественно в мои годы.
- Мы все называем настоящее постыдным, хотя в прошлом тоже было не лучше, – мрачно заметил Питер. – В этом я убежден.
- Ну что ты. Лучшие времена были.

Бэрден поднялся навстречу брошенному ему вызову, вспомнил битву при Шайлоу, хотел сказать о генерале Ли и Линкольне, но Питер не желал этого слушать. Он прервал Бэрдена:

- Нами всегда правили обезьяны, и наши жалобы – это просто мартышкина болтовня...
- Нет! – Бэрден поразился собственной горячности. – У нас был наш золотой

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org век. – Он показал на портрет Джефферсона над камином.

– Согласен, он был недолог и, как и все человеческое, пошел прахом, и в этом некого винить. Жизнь нами располагает, и ни твои мартышки, ни обезьяны не несут за это ответственности. Добро случается редко, и все тут, хотя большинству из нас нелегко с этим примириться.

– Золотого века никогда не было, – упорствовал Питер. – Золотого века никогда не будет, и сущий идеализм думать, будто мы можем быть другими, нежели есть сейчас, – ликовал Питер в своем отчаянии.

Бэрден вздохнул, это состояние было ему слишком хорошо знакомо.

– Что же, скажем тогда так: были некогда в нашей истории времена, когда несколько влиятельных людей хотели сделать жизнь лучше, в отличие от сегодняшнего дня, когда важны стали только деньги... – Он замолчал и улыбнулся. – Но каково бы ни было положение вещей в прошлом, настоящем или будущем, ты, как и я когда-то, стремишься сделать его лучше. Если бы ты и в самом деле был таким пессимистом, ты не затеял бы издания «Американской мысли» и тебя не занимало бы в данный момент ничего, кроме удовольствий.

– Удовольствия у всех разные, – загадочно отозвался Питер. Долгое время оба молчали. Питер раскачивался в кресле, Бэрден рассматривал портрет Джефферсона. Затем Питер сказал:

– Как вы думаете, почему моя статья о Клее не возымела эффекта? Ведь это была правда, уничтожающая правда.

– Очевидно, не уничтожающая. Во всяком случае, на публику производят впечатление лишь победители.

– Но победители время от времени превращаются в проигравших. Иногда даже садятся за решетку.

– Но сказать, что Клей – фальшивый герой...

– Я это доказал...

– ...значит лишь сбивать с толку людей, которые уже приняли его за того, кем он, по их мнению, является, – за подлинного героя, получившего необычайную рекламу. Важно только это их первое впечатление. А его-то ты и не изменишь, разве что устроишь публичный судебный процесс.

Питер вздохнул, но это было больше похоже на стон. Кресло-качалка трещало под его весом.

– Видимо, я наивен.

– Лучше сказать, ты оптимист. Ты думаешь, что достаточно одной твоей правоты. Так никогда не бывает. Хотя, должен сказать, что, если бы не война в Корее, ты бы, наверное, свалил его. Почему ты его ненавидишь? – Бэрден с нетерпением ждал, что ответит Питер.

– А вы почему?

– Я – нет. – Бэрден говорил правду.

– Но он выжил вас. Вы должны его ненавидеть.

Бэрден пересел на стул и вдруг насторожился, почуяв опасность.

– Откуда ты знаешь?

Но Питер как будто его не слышал.

– Диана полагает, что отец любит Клея больше, чем меня. Но это слишком просто. Я никогда особенно не любил своего отца, и это значит, что я должен был бы радоваться тому, что он связался с Клеем, потому что добром это не кончится.

– Добром ничто не кончается. Ты говоришь, что он выжил меня...

– На самом деле это из-за Инид. – Питер перестал раскачиваться и обхватил руками свои большущие колени; он казался изваянным из камня. – Клей убил ее...

– О... – Бэрден жестом показал, что ему не пристало высказываться о чужих семейных делах.

– Я знаю, она все равно вряд ли бы выжила, но они добились ее.

– А теперь ты хочешь Добить Клея.

– Это было бы только справедливо.

– Так же, как Клей добил меня? – напрямик спросил Бэрден.

– Да. – Питер посмотрел Бэрдену прямо в глаза. – Это та старая история с покупкой земли у индейцев. И чтобы избежать разоблачения, вы вышли из игры.

На письменном столе Бэрдена медная линейка косо пересекла последний номер «Ведомостей конгресса». Ему не понравился угол, и он подвинул линейку так, чтобы она рассекла журнал точно пополам.

– Как ты узнал об этом?

– У меня есть друг в «Трибюн», который при случае дает мне читать статьи до их опубликования. Гарольд Гриффитс описал всю сделку. Она уже набрана.

– Почему он пишет об этом теперь, когда я уже оставил политику?

– Он считает, что вы имеете какое-то отношение к тому, что написал я. Он не может нападать на меня из-за отца...

Не в силах сдержаться, Бэрден задал вопрос, который не следовало задавать:

– Ты веришь, что я взял взятку?

– Почему бы и нет? – Питер встал и заговорил вдруг громким голосом: – Если учесть, какие люди вас окружают, непонятно, почему вы должны от них отличаться.

– Кто-то должен. – Голос Бэрдена был еле слышен.

Но Питер его не слушал.

– Добродетели нет ни в ком из нас, сенатор. Мы дикари, и не пытайтесь мне доказывать, что при нем было лучше. – Питер показал на Джефферсона. – Он лгал, надувал, писал прелестную прозу и собирал рецепты, которые хотел силой прописать этой глупой стране, и наконец умер, и на этом все закончилось. И не говорите, что будущее мнение о нас имеет какое-то значение, потому что род человеческий умрет в один прекрасный день – отнюдь не преждевременно, и тогда уж, ей-богу, плевать, кто был в этой грязной клетке мартышкой, а кто орангутангом.

Питер подошел к двери; завершив свою тираду, он быстро взглянул на заключенное в рамку изречение Платона За-тем снова повернулся к Бэрдену и заговорил уже совершенно спокойно:

– На вашем месте я обратился бы к Блэзу. Он вас любит, если он вообще может кого-нибудь любить, кроме Клея, но и это не любовь, а то, что греки называли «роковой страстью», и если уж говорить о греках, то ваш Платон не прав, – он ткнул пальцем в висевшее на стене изречение: «Мы не рождаемся только для самих себя». – Это подделка. Платон никогда этого не писал. Он должен был, пожалуй, но не сделал этого. Так чем я могу вам помочь?

Миновав Чейн-Бридж, они свернули влево на шоссе, ведущее к Великим водопадам. Прошли годы с тех пор, как Бэрден был здесь в последний раз, и он с грустью замечал, как изменился пейзаж. Деревянные коробки новых домов светлыми пятнами выделялись на фоне темных деревьев, а рекламные щиты предлагали совершенно новые жилые дома по умеренным ценам со всеми современными удобствами всего в двадцати минутах езды от деловой части

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org Вашингтона. Бэрдену не понравилось то, что он увидел. Но сегодня он решительно не хотел расстраиваться. Он не будет думать ни о чем, кроме прохладных лесов, в которых пахнет грибами и гнилью.

– Поворот там, сразу за заправочной станцией.

– О'кей, – сказал шофер, молодой негр, которого нашел ему Генри, ушедший работать на правительство с благословения Бэрдена, хотя тот и дал его против своей воли. Потерять мрачного Генри было все равно, что потерять брата, но он не мог лишить его возможности заработать государственную Пенсию. Генри торжественно удалился прошлым летом, пообещав появляться по воскресеньям, чтобы присматривать за розами, и он действительно время от времени появлялся в доме, чтобы поговорить с сенатором о политике, опрыскать одну-две розы. Он также долгое время беседовал наедине со своим преемником, но так и не смог пока его убедить в необходимости обращаться к хозяину «сэр». Бэрден недолюбливал своего нового шофера, но был не в силах искать ему замену.

Да и Китти не очень-то ему помогала. Она теперь не интересовалась ничем, кроме птиц, для которых в настоящий момент изобретала особо изошренное святилище, и проводила дни в их щебечущем обществе. В халате и шлепанцах, нечесаная, она редко с кем-либо разговаривала, что было не так уж плохо, так как с годами ее мозги наполнились причудливыми фантазиями, и теперь она выбалтывала не шокирующую правду, а свои эксцентрические мечты, которые ставили в тупик даже тех, кто хорошо ее знал. Но со своими птицами она была счастлива, и Бэрден даже завидовал тому, что ей удалось целиком и полностью скрыться от общества. Китти теперь никогда не будет больно, разве что разобьется птичка, но и это немедленно обратится в радость похорон в торжественном молчании деревьев. Теперь, когда она была ему нужна, она ушла, что было довольно справедливо, так как в те дни, когда он был ей нужен, он относился к ней с безразличием, забывая о ее существовании, и оставлял одну, отправляясь в свои бесчисленные поездки вдоль и поперек Америки в те годы, когда стремился стать президентом. Теперь поездок больше не будет, он снова дома, но девушка, на которой он женился полстолетия тому назад, перестала существовать, а на ее месте появилась старуха с крошками черствого хлеба для кормления птиц в поредевших волосах.

– Куда теперь? – В голосе шофера слышалась враждебность и раздражение.

Бэрден выглянул в окно. Они были на незнакомом шоссе с новыми домами по обеим сторонам, над каждым торчала телевизионная антенна, ловящая в воздухе грубые картинки и лживые слова. «О, проклятый век!» – подумал он, ненавидя все вокруг.

– Прямо. Никуда не сворачивай. – Он узнал рожицу, в которой Генри обычно ставил машину. По крайней мере сосны не изменились, не испоганились.

– Но что я должен делать? – Черное лицо смотрело на него глупыми, непонимающими глазами.

– Подождать, – холодно сказал Бэрден. Он вышел из машины и зашагал к лесу, где Север и Юг сошлись в смертельной схватке, и по крайней мере в тот день Юг, его Юг, победил.

Репейники облепили его брюки, когда он пробирался через высокую траву, но он не остановился, чтобы отодрать их. У него была одна мысль – отыскать свой холм. От этого теперь зависело все. Если он его разыщет, все будет хорошо. Он будет в безопасности от любого нападения, защищен победой южан, исполненной добродетели, храбрости, чести. Слова лепились в его голове, как репейники. И хотя он напоминал себе, что слова значат только то, чего мы от них ждем, он знал также, что, наполненные смыслом, они приобретают магическую силу и способны как разрушать, так и созидать.

Поле не изменилось. Но на холме, где он любил сидеть, деревья были выкорчеваны, вырыт котлован и ровными рядами сложены бетонные плиты. И пулю уже давно, конечно, зачерпнул своим ковшом экскаватор, вырывший котлован под фундамент будущего дома.

– Что вам здесь нужно? – Голос принадлежал человеку с мрачным лицом, в синих джинсах и куртке-штормовке.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Простите, – вежливо сказал Бэрден. – Я сенатор Дэй.

– Я не спрашивал, кто вы такой. Я спросил, что вам здесь нужно. Это частная собственность.

Бэрден, ошарашенный, отступил от оскверненного холма.

– Прошу извинения. Я не знал, что здесь кто-нибудь живет. Я часто...

– Я установил щит с надписью. Надеюсь, вы умеете читать.

– Да. Конечно. Очень даже неплохо. Благодарю вас. – Разгневанный, он повернулся к мужчине спиной. Он назвал себя, но на грубияна это не произвело никакого впечатления. Так проходит мирская слава.

Бэрден шел обратно к машине через лес, чувствуя, что человек все еще наблюдает за ним, словно он собирался поджечь лес или каким-то иным способом нанести ущерб его собственности.

Шофер включил радио на полную мощность. Он упивался звуками и, приоткрыв толстые губы, внимал любовным жалобам.

– Выключи эту мерзость!

Молодой негр неторопливо поднял на него глаза, постигая смысл приказа. Затем выключил радио и нехотя открыл Бэрденому дверцу.

– Поедем вдоль реки. Я скажу, где остановиться. – Когда машина тронулась с места, Бэрден понял, что он дрожит. Он изо всех сил сжал руки, пытаясь унять дрожь. Но тело его все еще содрогалось. Очевидно, это была замедленная реакция на то, что сообщил ему Питер. Не желая осмыслить свое крушение, он заставил тело принять на себя удар, от которого уклонялось сознание.

Он попытался представить себе, что произойдет в следующие дни. Статья появится в четверг. Он предчувствовал ее глумливый тон. Гарольд в последнее время увлекся разоблачением мелкого (и никогда – крупного) взяточничества в конгрессе. Раздутые штаты помощников, незаконные пожертвования на проведение избирательных кампаний стали обычными преступлениями, и эти разоблачения на короткое время ставили в неловкое положение того или иного законодателя, но никогда не причиняли им серьезного ущерба. Американцы всегда считали, что их выборные представители продажны: они сами поступали бы точно так же на их месте. И рядовые граждане каждодневно обжуливали друг друга, всучивали товары, не обладающие разрекламированными достоинствами, да и во всех других отношениях вели себя, как и их правители. Если Клей Овербэри смог разыграть из себя героя войны и попасть в сенат, размышляли они, он заслужил большую власть. В конце концов, он ничем не отличался от торговца подержанными автомобилями, который наживается на том, что не в силах уже исправно служить своему хозяину. Лозунг «Если не можешь быть честным, будь по крайней мере осторожным» стал воплощенной мудростью нации, и ведь действительно глупо, если тебя ловят на месте преступления. Бэрден абсолютно не был убежден и в том, что Клей потерпел бы поражение, если бы не сбежал на спасительную войну. Людей, похоже, совершенно перестали интересоваться принципами морали. Нужно только побеждать, и Клей победил. Вот почему, победы он сам на президентских выборах сорокового года, взятые у Нилсона деньги рассматривались бы ретроспективно как приятная необходимость, чем они в каком-то смысле и были. Даже сейчас он сожалел не столько о том, что продал свой голос, сколько о другом: он не выполнил своего долга перед индейцами.

Пот катился по его лицу, а похолодевшие руки и ноги дергались, как будто кто-то, а не он сам управлял ими. Нужно взять себя в руки. Он вспомнил, как недавно к нему пришел один из тех индейцев, земля которых была продана Нилсону. «Нам никогда еще так не фартило, как с продажей этой земли. Ни черта, никакой нефти в ней не нашли, и если бы мы ее не продали, то и остались бы на ней по сей день дураки дураками. А теперь у меня собственное дело и...» История успеха: хороший исход недобрых дел.

Но Бэрден не хотел легкого утешения. Всю свою жизнь он верил, что никто не должен вести себя неподобающе, невзирая на опыт других, и большую часть своей жизни он был честным. Даже когда он раздражался пышными тирадами о

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org всех глубинах и меляч чести, он шел на минимальные компромиссы с собственным пониманием добродетели. Тот факт, что другие не разделяли его скрупулезной деликатности, только радовал его. Но теперь все это позади, он разоблачен, и это тем более ужасно, что другие по крайней мере никогда не говорили, что лучше быть честным, чем бесчестным, благородным, чем подлым, хорошим, чем плохим; никакая софистика относительно того, что истинно хорошо, не могла спасти его от самого себя, не говоря уже о неминуемом всеобщем презрении после появления статьи Гарольда. Если говорить честно, наибольшую боль причиняла ему именно мысль о том, что скажут другие. Больно сознавать, что они будут смеяться над ним за то, что его поймали, радоваться краху его карьеры, а затем с легкостью забудут о самом его существовании, потому что кто он такой в конечном счете, – как не еще один продажный политикан, дни которого миновали?

– Останови здесь.

Шофер слишком резко нажал на тормоз. Бэрден стукнулся больным плечом о дверцу машины. Еле слышно выругался. Затем, не давая возможности этому идиоту спросить, что делать дальше, сказал ему, что он должен его подождать.

– Я хочу пройтись. Можешь включить радио.

Деревья с облетевшими листьями спускались по крутому склону к Потомаку, коричневые воды бурлили среди рассекавших их острых скал, по которым, наверно, переправляются через реку гиганты.

Узкая дорожка вилась среди деревьев, и он побежал вниз, к реке, как мальчишка, думая только о том, чтобы скрыться от людей, от реальности.

За резким поворотом дорожки возникла разрушенная хижина с наполовину содранной крышей, взломанной дверью и окнами. Бэрден остановился и заглянул внутрь. Пол был покрыт пожелтевшими газетами и пеплом давнего костра. Он подумал, что душа его – такое же темное убежище, потрепанное и запущенное; впустил едет и увидел пустые пивные бутылки, использованные презервативы и почему-то один ботинок. Он пошел дальше вниз, радуясь прохладе леса, шуму воды среди порогов, который нарастал с каждым его шагом.

Тропинка вывела его на узкий каменистый пляж. Между высоких камней, сглаженных последним оледенением, стоял его отец в рваном мундире конфедератов, с ружьем в руках, как и в тот день на поле битвы при Шайлоу, когда сын не узнал его. Но теперь ошибки не могло быть. Пылающие глаза разгневанного юноши принадлежали человеку, который всю жизнь был его главным учителем.

Бэрден заговорил первый.

– Ты был прав, – сказал он. – Все пошло прахом. Можешь радоваться. – Он попытался сделать шаг к капралу конфедератов, но тот отступил, и Бэрден заметил его рваный мундир и свежую рану.

– Она все еще кровоточит! – Этот торжествующий крик заставил юношу направить на Бэрдена ружье, не давая ему приблизиться. Но Бэрдена в его страстном порыве не могла остановить даже смерть. Вся жизнь его в это мгновение сосредоточилась на зияющей ране, и у него было только одно желание на свете – остановить кровотечение.

Застывшими пальцами он вытащил из кармана носовой платок. Затем он пошел к раненому солдату, пока тот не обратился в бегство. Ведь это не простой солдат, а его отец, сраженный в честном бою вражеской пулей. Капрал армии конфедератов не уклонился от встречи, и наконец они стояли лицом к лицу.

Бэрден долго смотрел в его голубые глаза, в которых с необыкновенной точностью отражалась пустота неба. Затем медленно протянул руку с носовым платком. Только ружье преграждало ему дорогу. Он терпеливо ждал, пока наконец, точно по волшебству, ружье не опустилось. С криком бросился он к юноше, который был его отцом, приложил платок к его ране, потерял равновесие, навалился на любимое существо, был принят в объятия давно умерших рук, и, как нетерпеливые любовники, они сплелись и вместе рухнули вниз.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

I

Словно чужак, не уверенный в ожидающем его приеме, Питер вошел в переполненную гостиную и увидел, что люстру с эмблемой принца-регента сменило фантастическое сооружение из цветного венецианского стекла. В доме переменилось все, кроме людей: регентский хрусталь мог уступить место венецианскому стеклу, но Люси Шэттак была тут, и лишь некоторая задубелость ее лица говорила о том, что, возможно, со временем она тоже перестанет существовать.

– Питер, голубчик! – Она в соответствии с ритуалом обняла его и прошептала ему на ухо: – Что она сделала с домом! Никогда не видела ничего подобного!

– Все это не так страшно. – Яркие пятна материи, экзотическое стекло и современная мебель в экстравагантном вкусе сочетались таким образом, чтобы создать впечатление дерзкого изобилия, которое ему, пожалуй, даже нравилось, поскольку он давно уже привык к мысли, что Лавровый дом всего-навсего строение – недвижимость, которая, как и все прочие, сменив хозяина, неизбежно изменит и свой характер. Таким образом, фон его юности был жизнерадостно стерт рукой декоратора, претворившего в жизнь мечту клиента.

– Фредерика, наверное, умерла бы, если б увидела это! – Казалось, мысль о смерти ее давней подруги от удара приводила Люси в восторг.

– Но она этого никогда не увидит. Она поклялась, что никогда больше не переступит порог своего бывшего дома. – Хотя Фредерика чуть ли не больше всех хотела продать дом («слишком много воспоминаний»), она очень огорчилась, когда дом в конце концов купила миссис Огден Уотресс. К счастью, хлопоты по воссозданию Лаврового дома в особняке на Массачусетс-авеню, построенном еще до «депрессии», в стиле ренессанс, отвлекли ее от мрачных мыслей; со своей стороны Блэз был страшно рад переселиться в город, поближе к своей штаб-квартире на Девятой улице.

– Твой отец здесь, хочешь верь, хочешь нет.

– Очень даже верю. Почему бы нет?

Миссис Уотресс, увидев Питера с другого конца комнаты, издала радостный крик и покинула двух своих собеседников (членов правительства в одинаковых очках без оправы), чтобы приветствовать его в его бывшем доме.

– Ну, как вы на это смотрите? Разве я не сотворила чудо? – Айрин указала на образчики примитивного искусства, венецианское стекло, картину Моне над камином.

– Дом стал неузнаваем, – прохладно констатировал Питер. – Вот только снаружи он все тот же.

– Это ненадолго. Я пристраиваю крыло в стиле Палладио для Огдена и его охотничьих трофеев. Мы устроили целую галерею, в ней будут одни только звериные головы.

– Вам надо бы установить плату за вход, – сказала Люси Шэттак. – Я с удовольствием буду платить.

Питер сделал вид, что не заметил устремленного на него взгляда Люси.

– Как нравится мистеру Уотрессу Вашингтон?

– Понравится. – Айрин еще никогда не была столь великолепно самоуверенна. – Ну, а уж о людях Эйзенхауэра, таких, как Фостер Даллес, он знает все. Собственно говоря, cher[107 – Дорогой (фр.).] Фостер был стряпчим у Уотресса.

– Знаю, – сухо ответила Люси. – Я тоже была невестой Уотресса. Но даже с

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org таким адвокатом, как шер фостер, Огден и Скайлер прогорели. – В буйном злопахательстве Люси не было ничего личного. Она всегда знала подноготную решительно всех, однако относительно Уотрессов даже она не смогла бы раскопать ничего нового, ибо это севшее на мель семейство оказалось в центре всеобщего внимания с тех самых пор, как сенатор Овербэри женился на Элизабет Уотресс. Пышная церемония бракосочетания была несколько омрачена неожиданным появлением Скайлера Уотресса; он во что бы то ни стало хотел быть на свадьбе посаженным отцом – к великому ужасу самой Элизабет, поскольку о том, что Скайлер пьяница, знали абсолютно все. Но в церкви он вел себя прилично и, как только церемония окончилась, великодушно исчез. Он долго не давал о себе знать и лишь осенью прислал новобрачным газетную вырезку с описанием матча водного поло в Санта-Барбаре, в котором он забил три гола. Сопроводительного письма при вырезке не было. К счастью, на свадьбе его более чем успешно заменяла его бывшая жена Люси и его недавно обанкротившийся брат Огден, не говоря уже о шафере Блэзе, который, не преминул отметить Питер, вел себя так, словно был отцом жениха.

Свадьбу играли в Лавровом доме, и, хотя никто не знал, приглашена ли Айрин Блок, она была тут как тут и творила Историю. За несколько минут знакомства с Огденом Уотрессом она решила, что для нее настала пора снять вдовий траур, и, хотя она впоследствии призналась Питеру, что ей было очень жаль расставаться со своей прежней фамилией, в конце концов она принесла эту жертву на алтарь любви. После церемонии бракосочетания, совершенной на борту парохода компании «Кьюнард», направлявшегося в Гавр, она стала миссис Огден Уотресс. Уже как предмет чистого интереса и восторженных сплетен второй брак Айрин произвел в городе почти такую же сенсацию, как и гораздо более пышное венчание Клея и Элизабет, и все дамы сошлись на том, что Айрин достойна всяческого восхищения. Ее борьба увенчалась успехом. Теперь на нее уже не посмотришь свысока или покровительственным взглядом. А с покупкой Лаврового дома ее триумф стал полным. Все бывали у нее в гостях, кроме матери Питера, но о ней никто не вспоминал.

– У Огдена исключительные деловые способности! – Айрин благожелательно смотрела на своего высокого, неуклюжего, краснолицего мужа, который давал пояснения нескольким озадаченным гостям перед скульптурой в стиле модерн, такой огромной, что она загоразивала чуть ли не весь проход в зал, служивший при Питере для игры в карты, а теперь, насколько он мог разобраться с того места, где он стоял, приспособленный под замысловато освещенную картинную галерею.

– В таком случае он сильно изменился с тех пор, как я была замужем за Скайлером. В мое время братья соревновались между собой, кто больше денег просадит.

– Мы с Питером терпеть не можем бизнеса, правда? – Айрин с улыбкой посмотрела на Питера, и тот согласился, что бизнес – не по его части. – Мы au fond spiri-tuel[108 – В сущности, люди духовного склада (ломаный французский).], вот почему удивительно, что мы зарабатываем деньги.

Люси была заинтригована.

– Неужели этот ваш коммунистический манифест приносит доход?

– Да, конечно, – мягко ответил Питер; нападки на «Американскую мысль» никогда его не уязвляли. – В сущности говоря, благодаря сенатору Маккарти наш журнал стал чуть ли не массовым изданием. Во время заседаний сената, когда этот демагог усмотрел знаменательный и зловещий симптом в повышении по службе некоего безвестного армейского зубного врача, подозреваемого в симпатии к левым, «Американская мысль» в ряде статей выступила против сенатора. Вслед за тем дела Маккарти пошли все хуже и хуже, и Питер льстил себе мыслью, что закат Маккарти хотя бы отчасти был делом рук его и Инизса. Расследователь сам попал под расследование, и после четырех лет национального бедствия сенат Соединенных Штатов с присущей ему тяжелодумностью собирался вынести Маккарти вотум недоверия за недостойное поведение в их общем доме.

– Элизабет! – Айрин обняла дочь Люси, которая, на взгляд Питера, стала еще красивее, чем до замужества.

Айрин была с этим согласна:

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– Это все материнство! Посмотрите на нее, Люси! Посмотрите, какой милой стала наша девочка!

– Да, конечно, она выглядит лучше, чем во время беременности, тогда она была вся в пятнах. Здравствуй, дорогая. – Люси небрежно поцеловала дочь. Затем, выступая в своей обычной подстрекательской роли, повернулась к Питеру: – В этом году вы настроены более миролюбиво друг к другу?

– Я всегда настроен миролюбиво, – ответил Питер, но руки Элизабет не подал. С ее лица ни на секунду не сходила широкая улыбка.

– Я тоже! – Ее глаза сияли. – Во всяком случае, я стараюсь, потому что Клей говорит: не припутывай к политике личное. Только у меня не всегда это получается. Иной раз, когда какой-нибудь ничтожный хам нападает на Клея, я выхожу из себя и говорю что-нибудь ужасное, и тогда Клей набрасывается на меня!

– Подразумевается, что только ничтожный хам может выступить с нападками против него? – Когда Люси была не в своей стихии, можно было не сомневаться, что она создаст ее.

Айрин поспешно принялась спасать подорванный мир между ними:

– Мы все должны быть друзьями! К тому же ведь мы все родственники! Я tante[109 – Тетя (фр.).] Элизабет, а Клей и Питер...

– Вы приходитесь мне тетушкой, не так ли? Ой, как я рада!

Питер просто поражался Элизабет. Прежде она невероятно презирала «эту ужасную Айрин», а теперь прямо-таки воспылала к ней любовью, не в пример своей матери, которая продолжала изводить Айрин, словно та по-прежнему была миссис Сэмюэл Блок, прорывавшейся на все приемы, а не спасительницей братьев Уотресс, вместе с Блэзом взявшей на себя заботу о карьере сенатора Овербэри.

– А Клей – зять Питера...

– Он был моим зятем. – Голос Питера прозвучал резче, чем ему хотелось.

Широкие челюсти Элизабет плотно сомкнулись, хотя улыбка не сходила с лица.

– Но ведь семейная верность живет, несмотря ни на что.

– Моя – да. – Питер спрашивал себя, неужели она когда-нибудь по-настоящему нравилась ему. – Но только по отношению к моей семье, а не к нему. Вернее говоря, к Инид.

– А вот и сенатор Уоткинс! – Айрин покинула своих родственников.

– Инид была чудесная девушка. – Элизабет говорила так, словно защищала покойную. – И ужасно верная, а это, по-моему, самое важное на свете.

– Да ну? – искренне удивилась ее мать.

– Возможно, важнее верности действительно нет ничего на свете, – сказал Питер, – но как раз этого-то Инид и не доставало.

– Да как ты можешь так говорить о ней? – Ярость Элизабет, никогда не загоняемая вглубь, наконец излилась, к явному удовольствию ее матери. – Почему тебе непременно надо на кого-нибудь нападать? В особенности на бедную покойницу Инид.

– А я вовсе на нее не нападаю. Я только сказал, что верность не была в числе ее сильных сторон.

– Элизабет совершенно помешана на верности, – сказала ее мать. – По-моему, это у нее от Клея. Прежде мы и слова-то такого не знали, не так ли, дорогая?

– Нет, знали, уж я-то во всяком случае. – Оказавшись на знакомой почве, Элизабет обрела утраченное равновесие. – Мне всегда казалось, что человеку

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org следует точно знать, кто его друзья и чего можно от них ожидать. – Она повернулась к Питеру: – У меня уже набрался маленький черный список.

– Друзей или врагов? – Питер испытывал величайшее наслаждение.

– Конечно, врагов! В конце концов, месть может быть так же сладка, как и любовь.

– Господи боже, ну и ребеночка я родила! – Голос Люси звучал чуть ли не почтительно. Она переменяла тему разговора, словно опасаясь, уж не с ее ли собственного имени начинается список. – Клей с тобой? Он приехал?

– Да. Он в библиотеке с мистером Сэнфордом. Они смотрят Клея по телевизору, его интервью, заснятое на пленку.

– Тебе не мешало бы присоединиться к ним, – сказала Люси Питеру. Он ответил, что ему не хочется. – Ну, хотя бы посмотри, что Айрин сделала с комнатой. Она оклеила стены джутовой тканью. Вот интересно, какво Блэзу, когда он приезжает в Лавровый дом и видит в нем такие перемены?

Хотя вызов Питеру бросила Люси, ответила Элизабет:

– Мистер Сэнфорд обожает Айрин и считает, что она сделала с домом чудеса. – Элизабет взглянула на Питера, вызывая его на спор.

– Разумеется, – безмятежно ответил Питер. – Айрин всегда была одной из любимиц отца. Вообще-то говоря, это при вас она впервые попала к нам на обед.

Элизабет не помнила этого случая. Улыбаясь, она шепотом сказала, что хочет шампанского. Питер и Люси наблюдали, как она шла через комнату. Все взгляды были устремлены на нее.

– Прелесть, как хороша, – сказал Питер.

– Но в другом стиле, чем Инид, – неожиданно сказала ее мать.

– Это верно, – согласился Питер. – Будем надеяться, что ей больше повезет.

– Так оно и будет, если только она не запьет, как ее отец. Во всяком случае, они прекрасно подходят друг другу.

Питер кивнул:

– Она всегда очень любила Клея.

– Не знаю, как насчет Клея, но вот славу она действительно любит. Она пойдет на что угодно, лишь бы быть замеченной. – Обычный иронический тон Люси вдруг пропал. Питер с удивлением взглянул на нее.

– Большинство людей таково, – уклончиво заметил он.

– Большинство способно пойти на многое, но не на что угодно.

– Ну, если бы не было таких, как Клей и Элизабет, то не было бы и Истории. Великое – удел ненасытных.

– А нужна ли она нам, История? – вдруг усмехнулась Люси; в горячем свете гостиной Айрин она походила на высохшую ящерицу.

– С ней проходит время.

– О, оно и так проходит. В сущности, я восхищаюсь дочерью. Из всех известных мне женщин она одна добилась того, чего хотела, за исключением разве что...

– Айрин! – одновременно произнесли оба.

– Tante Irene[110 – Тетя Ирен (фр.)], – весело повторила Люси. – Бедный Огден! Он всегда был таким снобом, а теперь только взгляни на него! Но ведь Уотрессы для того и родились, чтобы их унижали женщины. Уж конечно, его

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
брату досталось от меня.

Появление Миллисент Смит-Кархарт положило конец их интимной беседе. Люси присоединилась к своей приятельнице, и, пока они шли через переполненную комнату, Питер размышлял о природе игры, в которую играли присутствующие. Попросту говоря, это была война. А покоряет Б, Б покоряет В, а В покоряет А. Каждый на свой лад борется за первенство, и отрицать эту изначально присущую людям хищность значило бы проявить сентиментальность; попытаться приспособиться к ней было бы ошибкой; изменить ее было невозможно. Но Питер еще не был внутренне готов примириться с тем фактом, что даже для него не существует иной альтернативы, как стать жестоким хищником в войне в джунглях, – войне, которой суждено продолжаться, с ним или без него, до скончания рода человеческого.

Чувствуя себя глубоко несчастным, Питер направился в столовую. Там, как он и надеялся, под нарочито уродливой бронзовой вертушкой, которая непрерывно вращалась сама по себе, был выставлен стол и буфет. Хотя стол в большей своей части был заполнен неизбежной копченой ветчиной и копченой индейкой, ряд серебряных кастрюлек выглядел многообещающе. Он приподнял крышку с кастрюльки, и его настроение улучшилось при виде некоей смеси из куриной печенки и водяных каштанов. Он съел каштан и обжег себе небо. Невзирая на боль, он съел другой, восхищаясь искусством гения, которому первому пришло в голову сочетать столь удачно дополняющие друг друга субстанции.

Когда Питер принялся за вторую кастрюльку, голос Гарольда Гриффитса за его спиной произнес:

– У Айрин повар – армянин. Но он горазд на всяческие подделки в духе китайской кухни.

– Не такие уж это подделки, – возразил Питер, его рот был теперь набит горошком с грибами.

– Подожди, вот отведаешь настоящей на формозе. У Чан Кайши, пожалуй, лучший китайский повар в мире.

– Но, уж конечно, не раньше, чем будет развязана война?

Однако Гарольд теперь был слишком важной фигурой, чтобы принимать такие шутки. Наиболее воинственно настроенный из газетчиков, он ратовал за немедленное вторжение в континентальный Китай и делал это всякий раз, возвращаясь из своего ежегодного паломничества к свергнутому главнокомандующему на формозе. Не далее как сегодня утром он превозносил в своей статье мудрость и энергичность генералиссимуса, красоту и утонченность его жены, мужественность его отборных войск, всегда готовых отвоевать страну, которая в результате их поражения погрузилась во тьму.

Гарольд вежливо спросил, придет ли Диана, и Питер так же вежливо ответил, что придет. Но, несмотря на эту кажущуюся непринужденность, Гарольд не простил Питеру его разоблачений относительно того, что произошло на Филиппинах, а Питер не простил Гарольду того, что тот отомстил не ему, а Бэрдену Дэю: объявление о смерти сенатора было помещено в том же номере газеты, что и статья Гарольда, разоблачившая его продажность. Это мгновенно вызвало симпатию к Бэрдену: все полагали, что он покончил с собой от отчаяния, хотя Диана утверждала, что он утонул случайно и почти наверняка привлек бы Гарольда к ответственности за клевету. С горя она сама собиралась это сделать, но ей сказали, что клеветать на мертвых невозможно.

Хотя Гарольд неизменно спрашивал его о Диане (Питер знал, что в Вашингтоне их давно уже считают супругами, которые по тем или иным эксцентрическим соображениям не хотят связывать себя узами традиционного брака), она до сих пор не разговаривала с Гарольдом, и это очень его огорчало, поскольку Гарольд считал, что он не вышел за рамки своей работы, а при такой работе, как он любил говорить, «щепки летят во все стороны». Сам Питер ни разу не говорил на эту тему ни с Гарольдом, ни с Блэзом, уже хотя бы потому, что в некотором смысле считал себя не менее виноватым, чем их. Не напиши он свою статью, Гарольд не набросился бы на сенатора.

Питер принялся за креветок, Гарольд ел индейку. Разговор шел о Маккарти – это был единственный вопрос, по которому их мнения сходились. Оба надеялись, что сенат вынесет ему вотум недоверия.

– Фактически, – сказал Гарольд, – как раз об этом Клей и говорит сейчас по телевидению.

– Он проголосует за недоверие... в конце-то концов? – не удержавшись, спросил Питер.

Ответ Гарольда можно было предугадать.

– Ты не понимаешь, какое давление на него оказывают.

– Как раз это-то я понимаю. Если он хочет, чтобы его выдвинули в вице-президенты, он должен искать поддержки в городах на Севере, в особенности среди ирландцев, ведь они видят в Маккарти избранника божьего, призванного оградить их от цивилизации.

– Клей проголосует завтра против Маккарти, – флегматично ответил Гарольд.

– Значит, это безопасно. Рад это слышать. – Питер съел тарталетку с крабовой начинкой; подливка была слишком пресная, ее следовало сдобрить горчицей. – Скажи мне, как по-твоему, пойдет Эдлай Стивенсон на то, чтобы Клей баллотировался в одной упряжке с ним в пятьдесят шестом году?

– Почему нет? Ему непременно придется взять кого-нибудь вроде Клея для равновесия, какого-нибудь... э-э...

– Реакционера?

– Клей не реакционер, и ты отлично это знаешь.

– В таком случае, как ты определишь политическую линию Клея? Я спрашиваю всерьез. Мне действительно хочется знать. – Хотя, на вкус Питера, тесто было несколько тяжеловатым, он все же съел еще одну тарталетку; на этот раз в подливке он учуял легкий привкус карри.

– Он прагматик. Ему приходится приводить свою линию в соответствие со стоящей перед ним задачей, – последовал быстрый ответ.

Питер воткнул в куриную печенку крохотную серебряную вилочку.

– Выходит, прагматик – это приспособленец?

– А ты считаешь, можно стать президентом и при этом не быть приспособленцем? – Гарольд говорил весело и напористо. Приобретя издательский опыт, Питер заметил, что очень многие из тех, кто, подобно Гарольду, пишет о политике, тянутся к безжалостным, жестоким и самовластным. Это потому, как он однажды причудливо объяснял в одной из своих статей, что писаки, постоянно имея дело с чернилами, жаждут крови.

– Возможно, что нет. – К его досаде, в куриной печенке оказался песок. – Собственно говоря, лицемерие Клея – вот что отталкивает меня больше всего. Читает нравоученьца, а сам повсюду шныряет, везде пролезает...

– Перестань! – Голос Гарольда звучал резко. – Так делают все.

– А мне не нравится, как делают все.

– Тем хуже для тебя. – Гарольд пальцами содрал жир с копченой ветчины. – Потому что изменить мир невозможно.

– Рад это слышать. – За последние годы Гарольд, пожалуй, стал не менее прозорливым, чем сам Питер, и эта схожесть не только не располагала, но даже, пожалуй, еще больше отталкивала их друг от друга. – На мой взгляд, в общем и целом мир устраивает тебя таким, какой он есть. Клей на подъеме. Запад на закате. Чего тебе еще надо? – Гарольд не отвечал и налегал на индейку. Питер принял за ветчину. Тут к ним присоединились две хорошенькие девушки – они хотели есть. В изысканно игривой манере Гарольд пустился подробно обсуждать китайскую кухню, сопровождая свои слова громким лающим смехом, от которого девушки, насытившись, убежали.

Гарольд сделал вид, будто они ему приглянулись.

– Родственницы Огдена Уотресса. Чертовски симпатичные мордашки, как по-твоему?

– О да, – ответил Питер. Его, как всегда, забавляли натужные усилия Гарольда показать, что он интересуется женским полом. – Но я предпочитаю хорошо поесть, ты это прекрасно знаешь. Признаться, мы оба чуточку напоминаем Юджина Пэлита, помнишь? В том фильме, где он объелся и умер...

– Это было с Гаем Кибби. – На какое-то мгновение в Гарольде проглянуло его прежнее «я», но оно было тут же вытеснено новым. – Странное дело, – продолжал он. – Как-то вечером мы были с Клеем в клубе «Салгрейв», он смотрит в танцевальный зал на девиц и вдруг спрашивает: «Со сколькими из них ты переспал?» «С двумя-тремя», – отвечаю я ему, а он говорит: «А я переспал со всей этой проклятой оравой!»

– А где была Элизабет, когда он это сказал?

Гарольд с подозрением осматривал приправленный шафраном рис.

– Он говорил о прошлом.

– О настоящем, судя по тому, что мне приходится слышать. Как она с этим мирится? – Это был явно риторический вопрос, ибо терпимость Элизабет к многочисленным и беспорядочным связям Клея уже стала частью вашингтонского фольклора. Было известно даже, что при случае Элизабет сама подсаживает красивых девиц к мужу за обедом, как будто это косвенно приобщало ее к любовным уладам, от которых она была столь неприкрыто отлучена. В ее оценке Вашингтон почти поровну разделился на два лагеря: одни видели в ней женщину непреклонного характера, другие считали ее лишь необыкновенно умной, в лучшем случае – неамериканкой. Питер был склонен восхищаться тем, как она справляется с трудной ситуацией, но, в конце концов, она и Клей были скорее союзники, чем любовники, причем она нисколько не уступала ему в честолубии.

Столовая начала заполняться людьми, которые, не в пример сбежавшим девицам, жаждали послушать Гарольда. Он их уважил. Пока Гарольд обсуждал текущие события, Питер вдруг сообразил, что Гарольд – всего-навсего актер, исполняющий роль применительно к обстоятельствам. С равным успехом Гарольд мог быть поэтом-неудачником и другом сына газетного магната, летописцем солдатской славы и мудрым советчиком народа, который должен приготовиться к последней битве между атомами света и атомами тьмы. Наконец-то раскусив Гарольда, Питер испытал облегчение: дружба, об утрате которой он раньше так горевал, на деле оказалась всего-навсего снятым с репертуара номером программы.

Питер предоставил Гарольда его слушателям и вышел в холл – как раз прибыла новая группа гостей. Не увидев среди них Дианы, он направился в гостиную. В эту минуту из библиотеки вышел Блэз. Словно по уговору, отец и сын решили не подавать друг другу руки. Вместо этого Питер указал на огромную яркую кляксу – картину, висевшую на стене напротив.

– Теперь тут большие перемены!

– Это чудовищно! – Хотя Блэз и состоял в политическом союзе с миссис Уотресс, он вовсе не собирался брать в придачу все ее причуды. – Слава богу, Фредерика ничего этого не видит.

– Как Клей? Он там? – Питер указал на дверь библиотеки.

– Да, – отец, казалось, был чем-то озабочен. – Мы смотрели его выступление по телевидению. Ты видел, что Айрин сделала с комнатой для игры в карты? Музей ужасов.

Догадавшись, что отец не хочет, чтобы он пошел в библиотеку, Питер сказал:

– Я уже несколько месяцев не видел Клея. Полагаю, что мне следовало бы повидаться с ним. – И он предоставил Блэза его обычной клиентуре, которая уже начала стекаться к нему.

Клей сидел у телевизора. Рядом с ним сидел Иниэс Дункан. Иниэс сказал:

– Я уже с утра в городе. Собирался позвонить тебе попозже.

Питер ответил, что все в порядке, не понимая, что делает Иниэс в стане врага.

Питер поздоровался с Клеем, и тот ответил ему мальчишеской улыбкой, никак не вязавшейся с серьезным лицом сенатора Клея Овербэри, смотревшим на них с экрана телевизора. Программа подходила к концу, уже перечислялись ее участники. В сером, неверном свете на экране Клей казался зрелым и преисполненным чувства ответственности, совсем не таким, каким он был теперь, – неожиданно юным, словно ему на все наплевать.

– Я там дважды чуть не сыпанулся, – сказал он, указывая на телевизор. – Им очень хотелось меня угробить. Вот бы ты порадовался! – За последнее время в манере Клея появилось нечто подкупающе новое: со своими заклятыми врагами он обращался с той же доверительной непринужденностью, что и с союзниками.

– Они не раскололи тебя на Маккарти? – спросил Питер так же непринужденно. – Ты поддержишь вотум недоверия?

– А меня нечего было и раскалывать. Я сказал, что я за порицание. Нет, они хотели поймать меня на другом...

Питер не преминул отметить изменение формулировки.

– Ты за порицание, а не за вотум недоверия?

– Это одно и то же. – Различие между формулировками, казалось, мало занимало Клея.

– Нет, не одно и то же. Как по-твоему, Иниэс? – Питер повернулся к своему другу и издателю.

– Мм... нет, конечно. – Иниэс мог как угодно вилять мыслью в своих рассуждениях, его ответные реакции могли быть как угодно превратны, но, когда дело касалось фактов, он был предельно точен. – Порицание в сенате – это нечто гораздо более мягкое, чем недоверие. В данном случае это уловка, дающая всем возможность выпутаться из затруднительного положения.

– А Клею хочется выпутаться.

Но Клей, казалось, не слышал. Он задумчиво глядел на свое изображение в телевизоре.

– Эти прожекторы – чистое убийство, – сказал он наконец. – Смотрите, как они подсвечивают меня снизу. Создается впечатление, будто у меня двойной подбородок.

– Наверное, какой-нибудь кинооператор из либералов. – Питер заметил, что там, где раньше висел портрет Бэрра, теперь красовался коллаж из газетных вырезок.

– Нет, – вдруг сказал Клей, выключая телевизор. – Мне ничто не грозит. Маккарти конец. – Он похлопал по телевизору. – И доконала его вот эта штука. Он плохо выглядит на экране, жалкий ублюдок, мне жаль его.

– Но ты все-таки за порицание, хотя бы в сенате?

– Конечно, конечно. Я вместе со всеми попляшу на его могилке.

Клей утратил всякий интерес к этой теме. Не в его натуре было тратить попусту время на теоретизирование или анализ того, что уже потеряло для него всякий смысл.

– Я пишу книгу, – сказал он.

В этот самый момент Питер сел на некое подобие скамьи, в действительности оказавшееся лакированным чайным столиком китайской работы; под тяжестью Питера столик треснул и рассыпался на куски.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Клей рассмеялся. Иниэс встревоженно улыбнулся. Питер остался сидеть на полу посреди обломков. Он с достоинством скрестил ноги и спросил, какова тема книги.

– Американская мысль, что же еще? «Мысль» с маленькой буквы. Может, ты выбросишь обломки в камин? Никто этого не заметит. – Происшествие насмешило Клея, но Питер словно не слышал его последних слов.

– Ну, и какие же у тебя мысли по поводу американской мысли? – Со своего места на полу Питер производил впечатление очень рассудительного человека.

– Надеюсь, в книге все будет ясно.

– Что именно?

– Кто мы такие, по моему мнению, и какими нам следует быть.

– Так кто же мы такие?

– Прежде всего, наилучшая альтернатива коммунизму, – живо ответил Клей.

– Ну, тут тебе Иниэс все растолкует. А какими нам следует быть?

– Хорошими.

– Вот оно что! – фыркнул Питер. – Ведь это легко, не так ли? Во всяком случае, на словах.

– Это вовсе не легко, – обеспокоенно проговорил Иниэс. – В сущности говоря, это всего труднее поддается определению. Даже Витгенштейн^[111] – Витгенштейн Людвиг (1889–1951) – австрийский философ, логик и математик.]...

– Для нас – нелегко, согласен, но для Клея быть хорошим – значит сдерживать коммунизм, сбалансировать бюджет...

– Мне кажется, его амбиции идут дальше.

Сообразив наконец, что к чему, Питер даже не пытался скрыть свое изумление.

– Иниэс! Ты собираешься писать книгу за него?

– Я обещал помочь. Ну, знаешь, мыслишку здесь, мыслишку там. – Иниэс чувствовал себя неловко, однако не думал оправдываться.

– Но какую именно из твоих мыслишек? Необходимость отойти от двухпартийной системы, сходство между оргазмом и атомным взрывом, телереклама как главная причина рака? – Отступничество Иниэса не только изумило, но и странным образом развеселило его. Он повернулся к Клею: – Иниэс набит идеями. Придется выбирать осторожно.

– Постараюсь. – Клей чувствовал себя как нельзя более непринужденно. – Я не собираюсь забираться слишком глубоко...

– Естественно. – Питер посмотрел на встревоженного Иниэса и спросил: – Ну а ты, Иниэс, почему ты хочешь забраться так глубоко?

– Я смотрю на это дело иначе. В конце концов, я буду просто помогать. – Но Питер видел, что Иниэс страдает, что в нем идет ожесточенная внутренняя борьба.

– Он парень что надо, – сказал Клей. – И в философском плане мы не так далеки друг от друга, как можно подумать.

– Король-философ! – Питер медленно поднялся на ноги. – Вы меня поражаете. Оба.

– Спасибо. – Клей тоже встал. Он улыбнулся. Он был само обаяние. – Не тужи, Питер. Все будет хорошо.

– Для тебя или для страны?

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
– А это одно и то же. Разве я тебе не говорил? – Клей произнес это так, словно хотел подразнить его, но Питер знал, что он говорит совершенно серьезно.

– Нет, это не одно и то же. – Питер держался за свои позиции, словно за глыбу, случайно преградившую противнику путь.

– А кто может сказать? – Клей попытался обойти Питера, но тот намеренно закрыл собой проход, не желая упускать добычу.

– Я могу, в числе прочих.

– Ну так скажи! Объясни всем, что во мне не так. А что, в самом деле? – Клей не переставал обаятельно улыбаться.

– Я уже писал об этом, – ответил Питер. – По-моему, я сказал все.

– Но тебе никто не поверил.

– Да, но, несмотря на это, правда не перестала быть правдой. Грубо говоря, ты не то, чем ты кажешься. Разумеется, и с большинством людей обстоит так же, но между тем, что ты есть на самом деле, и тем, чем ты кажешься, – на миллион долларов рекламы. Она старается внушить нам, будто ты герой войны, – а ты не герой; будто ты серьезный, думающий сенатор, – а ты не таков; будто тобою руководят лучшие побуждения, – а ты..

– А откуда ты знаешь, кто я и что я? – Голос Клея прозвучал резко, а лицо его было теперь таким же серым, как и то, что за минуту до этого глядело на них с экрана телевизора.

– Я знаю, что ты сделал и чего ты не сделал. В политике ты играешь в шахматы. Если опрос общественного мнения обнаруживает сдвиг влево, ты сдвигаешься влево. Компьютер может предсказать твою позицию по любому вопросу. – Питер повернулся к Инизсу: – Ты совершенно правильно разгадал его. Он занимается политикой в вакууме. В нем ничего нет, кроме желания быть первым.

Клей отступил от Питера и придвинулся к Инизсу, словно ища в нем союзника, но затем вдруг остановился, поняв, что это может быть расценено как отступление. Он повернулся к Питеру и сказал:

– Ты завидуешь мне потому, что твой отец больше заинтересован в моей карьере, чем в твоей..

Выпад был настолько неожиданный, что Питер рассмеялся:

– Нет! Придумай что-нибудь получше. У тебя никогда не было отца, и ты преувеличиваешь значение отцов для тех, у кого они есть. Я не завидую тебе ни в чем, вот разве что твоему необыкновенному успеху. Это что-то поразительное, но, в конце концов, это зависит не от тебя.

– Ты ревнуешь меня, – упорствовал Клей, – к Инид.

Питер подумал, что, быть может, он недооценивал Клея.

Он знал, что наглости у его врага хоть отбавляй, но считал его неспособным сказать правду.

– Я не уверен, – продолжал он, – что ревность – это то слово. Но я не отрицаю, что никогда не прощу ни тебе, ни отцу ее убийства. – От пронизательных глаз Питера не укрылось, что лицо Клея стало как маска, отлитая из металла.

Но вот Клей заговорил совершенно бесцветным голосом:

– Я сделал то, что считал для нее наилучшим. Она была алкоголичкой, и мне сказали, что она неизлечима. Возможно, мы были не правы, поместив ее в лечебницу. Не знаю. Но я любил ее, хотя, возможно, не так страстно, как ты.

Питер сжался, приготовившись к удару, который – он это знал – должен был незамедлительно последовать.

Клей был решительно настроен идти до победного конца.

– Она рассказала мне, что случилось. Она мне все рассказывала. Вот почему она всегда трепетала перед тобой. Из-за того, что произошло между вами в тот день, в этом вот доме, в подвале, в кладовой.

В наступившей тишине пробили часы. Клей подобрал с полу обломки чайного столика и сложил их на столе.

– Я скажу Айрин, что кто-то сломал столик. Наверное, его можно отреставрировать. – Он направился к двери и задержался на пороге. – У Инид не было секретов. Но ведь она любила и приврать, так что... – Не договорив, Клей вышел из комнаты.

– Ну что же, – сказал Питер Иниэсу, – герой нашел своего автора.

– Дело обстоит совсем не так. – Иниэс был потрясен услышанным не меньше, а, пожалуй, даже больше, чем Питер. Оказывается, между средним классом, к которому он принадлежал, и классом, само существование которого он нередко отрицал, есть гораздо более глубокое различие, чем он предполагал: греховные мечтания одного оборачивались действиями другого.

– Желаю удачи, – сказал Питер и пошел к выходу, но Иниэс схватил его за руку, словно ища у него поддержки.

– Нет, я правда помогу ему, но это совсем не то, что ты думаешь.

– А я разве сказал тебе, что я думаю? – Голос Питера звучал очень вежливо. – Но объясни мне, почему ты помогаешь ему?

– Прежде всего, я думаю, что он станет президентом. – Иниэс проявил не свойственную ему прямоту.

– Это возможно, и как раз поэтому мы... я должен приложить усилия к тому, чтобы он потерпел поражение.

– Ты не видишь, что люди меняются, растут? – Иниэс перепевал последнюю рекламу Клея. Как утверждали авторы журнальных статей, за последние годы Клей «вырос», «пошел вглубь», и теперь уже все, кроме безнадежно предубежденных против него из партийных соображений, признавали, что он вступил в полосу «новой зрелости».

– Разумеется, люди меняются: они меняют свою тактику. Клей привлек на свою сторону консерваторов. Теперь ему понадобился ты. Все это ясно как божий день.

– Положим, ты прав. Тогда из соображений чистого практицизма не следует ли стать в его ряды, попытаться воздействовать на него?

К чему вели эти логические ухищрения Иниэса, слишком легко было предсказать, и Питер оборвал его:

– Не будь ребенком. – Этим он оставлял позади своего прежнего учителя. – Он использует тебя. Но ты никогда не сможешь его использовать.

– Ты несправедлив, – упорствовал Иниэс. – Мне кажется, в нем есть нечто большее.

– Ладно, пиши за него книгу, там посмотрим. – Питер направился к двери, даже не поинтересовавшись, как, когда и по чьей инициативе родился этот замечательный союз.

Но Иниэс от него не отставал. Он жаждал слов утешения.

– Если бы Клей был способен осуществить все, что следует сделать, ты бы все равно был против него?

– Он не способен на это. Он будет продолжать в прежнем духе, будет делать лишь такие ходы, которые напрашиваются сами собой. Но если бы он вдруг изменился к лучшему, я и тогда был бы против него.

– Почему? Из-за... из-за... – Десять лет фрейдистского психоанализа приучили Иниэса изъясняться символами.

– Тебе известны причины. В конце концов, ты сам же изложил мне половину из них. Клея интересует только его собственное «я» – очень неважное «я», в особенности если дело обернется скверно для нас.

– А кто лучше? Разве они все не на один манер?

Неожиданный пессимизм Иниэса рассмешил Питера.

– Ты совсем вошел в мою роль. Ведь это мое амплуа – думать, что все лишь игра, и независимо от того, кому достанется главный трофей, жизнь будет идти своим чередом. Но ведь это ты обладал нравственным чувством, видел в истории цель, хотел коренных перемен...

– Но я и остался таким. Я не изменился. Я только...

– Ты изменился, раз ты полагаешь, что Клей – то, что тебе надо.

– Мне кажется, его можно воспитать, – гнул свое Иниэс. – Тот факт, что он обратился ко мне, доказывает...

– ...что он не дурак. – Теперь Питеру было все ясно: несмотря на явные угрызения совести, уже начинавшийся процесс самооправдания очень скоро закончится в пользу Клея. Власть оказалась неотразимой даже для этого некогда неподкупного книжника. – Знаешь, как это ни ужасно, по характеру я больше похож на Клея, чем на тебя, – признался Питер, это была его последняя дань их старой дружбе. – Я был приучен уважать дела, а не теории, победы, а не добродетели. Политика, на мой взгляд, – сплошная импровизация. А ты видишь в ней ряд важных документов, излагающих ту или иную точку зрения и отражающих некий широкий исторический процесс. В конечном счете ты, возможно, прав. Но сейчас все трофеи достаются ловким пустышкам, вроде Клея, и пусть даже я могу быть несправедливым к ним, я обладаю их кругозором, чего у тебя никогда не будет.

– Но он не такой уж пустой. И уж конечно, гораздо более либеральный, чем ты склонен допустить. С помощью людей вроде нас...

– О господи! Иниэс, ты дурак! – сам того не желая, взорвался Питер: как-никак, он во многом походил на своего магната-отца и, подобно ему, был преисполнен жажды навязать свою волю другим. Но если его отец избрал освященный обычаям путь к знакомым вершинам, Питер пытался докопаться до сути вещей в надежде определить источник своего разлада с миром, слишком усердно старавшимся обмануть его и дать ему все, чего он мог только пожелать. Но он знал, что по-настоящему хочет лишь одного – познать добро, и, поскольку абсолюты для него неприемлемы, ему остается лишь сопротивляться тому, что, на его взгляд, дурно от начала до конца; он сознавал, что в тот момент, когда он перестанет говорить «нет», он, как Иниэс, опустится до уровня Клея, для которого все сводится к одному: подействует или не подействует, поднимусь или упаду? Ослепленный перспективой реальной власти, Иниэс теперь был всецело поглощен Клеем, и Питера это огорчало, но не удивляло: быть человеком – значит быть предсказуемым в своих поступках. Ему оставалось только извиниться. – Прости меня, – сказал он. – Я не хотел на тебя кричать.

– Я понимаю. – Иниэса всего трясло. – Разумеется, ты в таком нервном напряжении после того, что было сказано...

– Я всегда в напряжении. – Питер улыбнулся. – Желаю удачи.

– Я переезжаю в Вашингтон. – Иниэс выглядел особенно жалким при всех своих блестящих видах на будущее. – Он хочет, чтобы я все время был здесь.

– Ну, значит, мы с тобой чаще будем встречаться, – сказал Питер, кладя этим конец их дружбе. Он открыл дверь в холл. – Во всяком случае, ты испытаешь все на деле, чем бы это ни кончилось.

Клей не собирался говорить всю правду, но на мгновение потерял над собой контроль. Доведенный Питером до бешенства, он использовал последнее оружие, поступил опрометчиво и знал, что должен будет за это поплатиться. Но желание причинить Питеру боль было слишком сильным, говорил он себе в оправдание, когда вошел в гостиную и немедленно оказался в центре всеобщего внимания. В последние месяцы его известность настолько возросла, что люди, обращавшие раньше на него внимание потому, что он был неким молодым человеком с большим будущим, теперь не без удивления относились к нему, как к тому самому молодому человеку с большим будущим. Во всей стране он был единственным в своем роде, и он принимал этот факт как должное. Все развивалось так, как когда-то предсказывал Блэз.

На другом конце комнаты под гобеленом современной работы стояла девушка, которой он раньше никогда не видел. Высокая, стройная, яркая блондинка с веснушками. Вот это ему сейчас больше всего нужно, подумал Клей, с отчаянием сознавая, что у него почти нет шансов приблизиться к ней, так как их разделяла комната, полная людей, жаждавших поговорить с ним, увидеть его, дотронуться до него; разделявшее их пространство казалось ему дорогой с препятствиями, на которой кто-то весьма ловко расставил мины и разбросал мотки колючей проволоки. Но он все же попытается пройти этот полный опасностей путь, так как девушка определенно того стоила. Она еще ни разу не взглянула в его сторону.

– Блэз сказал, что вы были неподражаемы по телевидению! – Клей знал, что восхищение Айрин вполне искренне. В равной степени она была очарована сенатором Тафтом, губернатором Стивенсоном, генералом Макартуром и, конечно, президентом, которого она на одном из последних приемов прижала в угол и настаивала, чтобы он говорил с ней по-французски – разве не он своими руками освободил эту *deux vert pays* [112 – Нежно-зеленую страну (фр.)], Францию? Но с тех пор, как Айрин превратилась в миссис Уотресс, ее энтузиазм ко всевозможным знаменитостям несколько поутих под влиянием новых родственных связей, и, внося уже немалый вклад в денежный фонд Клея, она намеревалась приберечь свои самые изысканные гиперболы для мужа своей племянницы, будущей Первой леди страны.

Клей согласился, что он, видимо, неплохо выглядел по телевидению.

– Ну, конечно! Вы всегда прекрасно выглядите на экране, потому что вы такая *complete* [113 – Цельная (фр.)] личность! Вот в чем секрет успеха, любого успеха! – Айрин оглядела комнату, которую она обставила, и людей, которыми-она ее заполнила. – Нужно быть смелым. Но в то же время оставаться *dans le vrai* [114 – Самим собой (фр.)].

К ним подошла Миллисент Смит-Кархарт, ведя на буксире Люси Шэттак. Из престарелых вашингтонских дам Миллисент больше всего раздражала Клея, но ради Элизабет он вопреки всему пытался ее очаровать, что было нелегко, учитывая, что она считала его причиной самоубийства Бэрдена, и он это знал.

– Говорят, вы собираетесь проголосовать за резолюцию, осуждающую это чудовище! – Миссис Кархарт тяжело повисла на Люси.

– Я намерен это сделать. – Клей улыбнулся ей самой чарующей из своих улыбок, но ее старые глаза, затуманенные катарактами, этого не заметили.

– Я так рада. Все-таки он зашел слишком далеко, и мы не можем этого допустить. – У Миллисент был угрюмый вид. – И без того в наши дни все так хрупко.

– Ну что вы, дорогая, – сказала Люси Шэттак. – Вы хотите сказать, что мы потрескались, как ваши чайники мейсенского фарфора?

– Если бы мы были такими же утонченными! – откликнулась Миллисент. – Знаете, когда я в последний раз говорила с милым Бэрденем Дзем, он сказал, что намерен выразить вотум недоверия сенатору Маккарти, и это я ему возражала. Никогда я так не заблуждалась!

– Возможно, тогда это было преждевременно, – сказал Клей, наблюдая за девушкой: она разговаривала теперь с молодым человеком, которого он не знал. Надо каким-то образом приблизиться к ней, пока ее не похитил этот незнакомец. Миллисент по-прежнему говорила о Бэрдене Дзе, но Клей отнюдь не

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org чувствовал себя неловко. Что прошло, то прошло; он никогда не оглядывался назад. Однако в тот день он был не только расстроен смертью Бэрдена, но и взбешен поступком Гарольда, который явился ее причиной. Ведь Гарольд знал о его сделке с Бэрденем, и простая преданность, не говоря уже о здравом смысле, должна была заставить его молчать. Но Блэз всегда говорил, что Гарольд – порочный тип, и его надо или принимать таким, какой он есть, или не принимать вовсе. Во всяком случае, смерть Бэрдена была ударом для Клея; он искренне любил этого человека, с которым провел большую часть своей юности. И даже в самые последние дни жизни сенатора Клей продолжал восторгаться им и был уверен, что старик испытывает к нему те же чувства; в конце концов, Бэрден Дэй пережил столько политических бурь и должен был понимать, что, когда приходит пора уйти, когда проиграна последняя битва, не остается ничего другого, как возможно более достойно уступить дорогу. Разве сам он не доказал, взяв деньги у Нилсона, что был достаточно практичен и прекрасно понимал мир, в котором жил?

Клей попытался отделаться от дам. Он сказал, что ему надо переговорить с Гарольдом Гриффитсом. Но Миллисент не хотела его отпускать.

– Расскажите нам сначала о президенте. Как он относится к сенатору Маккарти?

– Президент – республиканец, – сказал Клей. – Он не поверяет мне своих мыслей. Да я, честно говоря, едва с ним знаком.

– Это немыслимо! – Миллисент была поражена. – Но так или иначе, президент должен быть доволен случившимся. Он так похож на моего дядюшку, такой же приветливый и добрый.

– Ну, конечно! – сказал Клей, который был абсолютно убежден, что Эйзенхауэр отнюдь не приветливый и не добрый. Во время их последней встречи президент называл его просто «Овербэри», как будто Клей был младшим офицером его штаба, а не членом августейшего сената, вес которого, согласно конституции, ничуть не уступает весу главы государства.

Наконец Клею удалось отделаться от дам, и он пробрался к Гарольду, который находился в центре комнаты; по пути он обменялся любезностями со множеством незнакомых ему людей, которые считали, что он их знает, раз они сами видели его на телевизионном экране. В тот момент, когда он подошел к Гарольду, девушка и ее молодой спутник скрылись в комнате для карточной игры.

– Кто она такая? – спросил Клей, понижая голос и глядя на дверь, в которую только что вошла девушка. – Та высокая, с веснушками.

– Кузина Огдена Уотресса... а также твоей жены, – мстительно добавил Гарольд. – Она приехала на уик-энд. Помолвлена с кем-то из Нью-Йорка. Но ляжет ли она, как выражаются твои голливудские друзья, я не знаю.

– Благодарю за информацию, – сухо сказал Клей. Тот факт, что девушка приходилась родственницей Элизабет, несколько усложнял дело – больше для девушки, чем для него, ибо секс он воспринимал как чувство голода, и ничего больше, хотя знал, что это не совсем так. С годами ему нужны были все новые и новые победы, и отнюдь не только для удовольствия. Его влекли не только победы над женщинами, но косвенным образом и над мужчинами, которые их желали. Его уже разжигала мысль, что девушка помолвлена «с кем-то из Нью-Йорка», не говоря уже о молодом человеке, с которым она вошла в комнату для карточной игры.

Клей просто стремился побеждать. И хотя всегда была опасность скандала, он не собирался меняться, несмотря на завуалированные предупреждения Блэза. Завуалированные потому, что брошенное Инид обвинение заставляло их тщательно остерегаться друг друга. Они не были между собой откровенными ни в чем, кроме политики. Клей был абсолютно убежден, что интерес к нему Блэза не имеет ничего общего с сексом. Это было скорее косвенное воплощение в жизнь честолюбия Блэза. Подобно тому как Клей достигал власти над мужчинами, завоеывая их женщин, так Блэз добивался власти над миром, устраивая карьеру Клея.

Неудивительно, что Блэз был настороже. Недавно он сказал, что Клею, пожалуй, не следует быть таким – он выразился несколько уклончиво – «общительным». Но Клей был фаталист. Пусть будет то, чему суждено быть;

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org слишком поздно переделывать свой характер, считал он, и с этим Элизабет пришлось смириться.

Клей поставил условием их свадьбы, что он будет продолжать жить, как жил прежде, и она согласилась, притворившись перед собой и перед ним, что, поскольку ее положение супруги не будет поставлено под угрозу, она не видит причин мешать его кратким развлечениям. Конечно, она мешала, но никогда не делала этого прямо. Он сожалел, что причиняет ей боль, но не мог и не хотел стать другим. Да она, кроме всего прочего, и не знала, какой он, этот человек, за которого она вышла замуж, и, хотя она ему нравилась и он гордился ее успехом в свете, она никогда не интересовала его, как Инид. Несколько драматизировав это различие между ними, он дал понять Элизабет (не высказав этого прямо), что не будет возражать, если она тайно заведет себе любовника, и он подозревал, что так оно и случилось, потому что последнее время она держалась с необычайной непринужденностью, даже наедине с ним; это доказывало, что их семейное счастье будет, видимо, держаться на услугах третьих лиц.

– Как прошла твоя встреча с Иниэсом? – спросил Гарольд.

– Он на нашей стороне. – Молодой человек, сопровождавший кузину Уотрессов, вышел из карточной комнаты один. Это вселяло надежду.

– Невероятно! – Гарольд был искренне поражен, и Клей подумал, не видит ли Гарольд в Иниэсе потенциального конкурента. – Если ты смог прибрать к рукам Иниэса Дункана, ты сможешь это сделать с кем угодно!

– Прибрать к рукам? Не знаю, о чем ты. – Клей был рад, что девушка осталась одна.

– Питер будет вне себя от бешенства.

Клей нахмурился: напоминание о Питере испортило предвкушение встречи с девушкой.

– Он вошел в библиотеку, когда я говорил с Иниэсом. Он знает все, кроме того, что Иниэс сам пришел к нам.

– Что же, понемногу все от него разбегаются.

Гарольд мрачно предсказывал скорый конец «Американской мысли», но, когда он заговорил, Клей думал только о Питере и Инид, занимающихся любовью. Он не поверил Инид, когда однажды, пьяная, она выболтала ему все это.

Это выглядело как экстравагантная ложь, которая доставляла ей особое удовольствие – вроде обвинения его и Блэза в любовной связи. Он совсем забыл об этом, и, лишь столкнувшись с открытой враждебностью Питера, импульсивно, безотчетно, вспомнил о ней, увидев по выражению лица Питера, что на сей раз Инид сказала ужасную правду. Но он не желал задумываться о том, что все это значило. Потому что это была победа Питера, победа слишком унижительная для Клея, чтобы над нею размышлять, потому что быть вторым – все равно что быть ничем. И он, отбросив прошлое, нырнул в настоящее.

Гарольд рассказывал о своей встрече с Эдлаем Стивенсоном, который весьма благосклонно подумывал о Клее как кандидате в вице-президенты; однако губернатор не давал никаких обещаний, так как сам не был уверен в повторном выдвижении своей кандидатуры в президенты. Клей и Гарольд обменялись мнениями о номинальном лидере своей партии. Гарольд находил его привлекательным, Клей – нет. Слишком уж бесстрастен. Клею особенно претила манера его вечно морализировать; создавалось впечатление, что он действительно думает то, что говорит, а это, по мнению Клея, недопустимо для политического деятеля. Но был он лицемером или нет, никто не мог отрицать его воздействия на молодежь. Молодые люди тянулись к нему. В то время как банальность Эйзенхауэра успокаивала большинство людей среднего возраста, риторика Стивенсона будоражила тех, кто по справедливости должен был бы восхищаться Клеем. Но время на стороне Клея. Он мог позволить себе подождать – во всем, кроме этой девушки в карточной комнате.

Клей оставил Гарольда, быстро подошел к двери в карточную комнату и, пораженный, остановился: она была заполнена до краев картинами и скульптурами, как картинная галерея, и гости задумчиво бродили от экспоната

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
к экспонату, словно недоумевая, не выставлено ли это все на продажу.

Она стояла одна перед приземистой фигурой из камня, очевидно поглощенная ею. Убедившись, что за ними никто не наблюдает, Клей подошел к девушке (найдется ли такой мужчина, который не желал бы ее?) и сказал:

– Привет!

III

Блэз стоял один в конце комнаты и смотрел через замерзшее окно на свои прежние владения.

– Она, наверное, выстроит китайскую пагоду или японский чайный домик, – сказал Питер, подходя к отцу. На какое-то мгновение между ними установилось согласие. Блэз порицал все, что сделала Айрин, но затем вдруг напомнил себе, что об этом надо забыть.

– Разумно. – Питер нарисовал крест на замерзшем окне. – Я только что говорил с Инизсом.

– Да, он согласился помогать нам. Мне кажется, что это хорошая мысль, – прямо сказал он.

– Безусловно, для тебя и для Клея. – Питер был мрачен. – И, конечно, печальная для меня.

– Да. – Блэз не хотел больше говорить об этом. – Айрин тоже оказалась в трудном положении.

– Из-за того, что она связана теперь не только со мной, но и с Клеем?

Блэз кивнул.

– Ты случайно не собираешься помочь ей выбраться из него? – Питер хотел знать, как далеко готов пойти отец ради Клея.

– Нет. Я никогда не даю советов, пока меня об этом не просят.

– Но если она попросит?

– Клей должен быть президентом. – Блэз был удивительно спокоен: редкое для него состояние.

– Как видно, он совсем завоевал тебя. – Питер тоже был удивительно хладнокровен. – Да, Инид была права.

Блэз стер крест, нарисованный на стекле Питером, словно хотел зачеркнуть его последние слова.

– Инид... – начал он.

– Впрочем, не знаю, насколько она была права, да и не хочу этого знать. Но с Клеем ты зашел слишком далеко.

Не без удовольствия Питер увидел на лице отца знакомые ему признаки гнева, но он обрезал отца, прежде чем тот заговорил.

– То, что я написал, думают все, только боятся это сказать.

– Тогда я советую и тебе научиться бояться. – Лицо отца налилось краской.

– Мне уже поздно, – холодно сказал Питер.

– Ты так... тщеславен! – Блэз произнес это слово во весь голос, и гости, вошедшие в комнату, зашептались.

– Всегда приходится платить за право остаться в живых. – Питера радовало, что отец выходит из себя. – Но ведь тщеславием страдаем мы оба.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Но Блэз приготовил ему сюрприз.

– Ты уверен, что понимаешь все, и поэтому принял сторону Инид, так и не зная, что она сделала. – Питер был поражен. Блэз, привыкший, чтобы его заявления о любви и ненависти принимались как закон, не имел привычки вдаваться в объяснения.

– Что же она такое сделала, что мне надлежит принять во внимание?

– Это она расстроила их семейную жизнь. Изменила она, а не Клей. Он поймал ее, а не наоборот и ради нее, ради семьи, принял все на себя.

– Я этому не верю! – Питер был поражен не тем, что сделала Инид, потому что она была способна на все, и он это отлично знал, а тем, что Клей принял вину на себя. Это было на него непохоже, если, конечно, он не ошибался в своем противнике. Но это немыслимо. И все же на какое-то время Питера охватил ужас.

– Спроси у матери. Инид рассказала ей незадолго до... своего конца. Теперь ты понимаешь, что Клей ни в чем не был виноват.

Питер увидел то, что не принимал за правду.

– Может быть, и не виноват. Может быть, он хотел ее защитить, и это совсем неглупо, ведь это был скорейший способ завоевать тебя, тот жест, который ты бы оценил, да так и вышло. Но если все и было так, он все же виноват в том, что заточил ее и теперь ее нет.

– Это я ее заточил. И я за это отвечаю.

Питер уважал отца за неспособность притворяться, и на эту высказанную отцом правду он ответил именно то, что заслужил Блэз.

– Тогда, выходит, Инид была права. Ты влюблен в Клея. И сошел с ума. – Прежде чем Блэз смог что-нибудь сказать, Питер распахнул дверь на террасу. Холодный воздух остудил обоих. – Дело не в том, что это постыдно. Наоборот. Тебе можно позавидовать. Я не люблю никого, кроме Дианы, но это не в твоём высоком вкусе. Однако тут все дело в Клее. Он этого недостойн, хотя это уже не мое дело. Между прочим, – улыбнулся он, вспомнив вдруг слова Инизэса Дункана, – значение имеет сама страсть, а не ее объект. – Питер вышел и захлопнул за собой дверь.

Он стоял на террасе и глубоко дышал, словно хотел навсегда очистить свои легкие от воздуха, который он вдыхал в Лавровом доме. Не чувствуя холода, просветленный от избытка кислорода, он пересек лужайку. Замерзшая трава поскрипывала под его тяжелыми шагами, когда он проходил мимо мраморной Венеры и гипсового Пана, последних реликвий царствования Фредерики.

К своему удивлению, Питер обнаружил, что думает о Билли Торне, он случайно встретил его несколько недель назад в доме банкира-консерватора, с которым Питер виделся время от времени отчасти потому, что знал его много лет, но главным образом из-за того, что мог за несколько минут понять из его разговоров состояние умов не только консервативных кругов страны, но и настроение президента, человека столь же сбитого с толку, сколь и сбивающего с толку: согласившись на перемирие с Северной Кореей (но продолжая вроде бы священную войну против коммунизма), он вызывал восхищение Питера как этим актом, так и своей риторикой, которую Питер находил чисто американской в ее бессознательном лицемерии. Он не был удивлен, обнаружив Билли в доме банкира, потому что, если Билли и не обратился еще в католичество (как правило, последнее прибежище для разочарованных левых радикалов), он стал очень часто выступать по телевидению, разглагольствуя о коммунистическом заговоре. Но, несмотря на эту его деятельность, он выглядел весьма жалким, когда Питер поздоровался с ним. Они говорили о Маккарти, и Билли сказал, что при всей своей жестокости этот человек совершил благое дело, раскрыв широчайший коммунистический заговор. Питер ответил, что лично он был поражен, узнав, какой это был узкий и плохо организованный заговор, если согласиться с тем, что Маккарти его раскрыл. Затем он спросил Билли, что же его, в конце концов, убедило в том, что прав Эйзенхауэр, а Маркс ошибался. Желая выглядеть последовательным, Билли и так и этак манипулировал аргументами, и в результате получилось, что Маркс и Эйзенхауэр стали на какое-то время

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Кастором и Полидевком[115 – В греческой мифологии – близнецы, сыновья Зевса и Леды.] нового порядка. Но затем он сказал откровенно:

– Я понял, что никого нельзя изменить, иначе как под дулом винтовки, а я не хотел держать эту винтовку.

Возражение Питера, что, быть может, перемены осуществимы менее драматическим путем, экстремистская натура Билли отказалась принять. Когда не стало одного бога, потребовалось найти другого, и безбожник Питер счел грубым и нетактичным осуждать темперамент, столь отличный от его собственного.

Теперь он стоял у края бассейна, в котором лежало бревно, защищающее цемент от разрушения льдом. На мгновение выглянуло солнце, и его бледные лучи немного согрели Питера, но солнце тотчас скрылось в облаках; скоро пойдет снег. Он подошел к раздевалке, попробовал дверь, но она была заперта. В дальнем конце лужайки, под террасой, он остановился, посмотрел вниз на полузамерзшую реку и подумал о Джеймсе Бэрдене Дзе.

Это было тяжелое для них время, особенно когда Диана пыталась убедить Нилсона привлечь Гарольда Гриффитса к ответственности за клевету, и Нилсон откровенно сказал ей, что история с покупкой земли – чистейшая правда. С тех пор Диана не упоминала об отце в разговорах с Питером, за исключением одного случая, когда она пыталась определить, сколько стоило Блэзу избрание Клея в сенат. Они сошлись на двух миллионах долларов. Порицая не только экстравагантность своего отца, но и систему, при которой это стало необходимостью, Питер осуждал их обоих, пока Диана не сказала:

– Все так делают. Почему Клей и твой отец должны быть исключением?

– Прежде всего потому, что это незаконно, хотя и никого не заботит.

– Но что, объясни бога ради, значит «незаконно», – презрительно сказала она. – Закон не имеет к ним отношения. И никого не волнует, кроме нас с тобой да бедного отца, который считал, что должен играть в эту игру по их правилам, и быстро попался. Что и убило его.

– То, что он попался?

– Нет, желание походить на них. Он на самом деле верил, что есть вещи, которых нельзя делать, тогда как Клей полагает, что не следует делать только одного – проигрывать. Вот почему он выйдет победителем. Он именно то, что нужно в наше время.

– Тогда мы должны сделать так, чтобы победа не досталась ему легко. – Питер не мог этого не сказать.

Диана с ним согласилась. Чем больше они узнавали друг друга, тем становились ближе друг другу, и Питер был уверен в том, что уже почти настал момент, когда он сможет сделать шаг, которого она ждала и к которому он сам всегда стремился, потому что уже знал, что ее ненависть к Клею перестала быть довольно распространенной маской любви. Теперь он был уверен в ней, как вообще в чем-либо можно быть уверенным, и, хотя вначале он отдавал ей больше, чем она ему, ее чувства наконец уравнились с его чувствами. Наконец она стала не только тем, чего он хотел, но и тем, что ему нужно, потому что только она понимала те внезапные приступы отвращения к себе подобным, которые регулярно повергали его в отчаяние, и, хотя она разделяла его чувство, она никогда не переставала считать, что нужно продолжать говорить и делать то, что должно быть сказано и сделано. Он любил ее настойчивость и, когда он был с ней, забывал надолго то, что думал о роде человеческом: что поколения людей приходят и уходят, и, с точки зрения вечности, они не более чем бактерии на предметном стекле микроскопа, и падение республики или рождение империи – хотя и важно для тех, кого это непосредственно касается, – невозможно разглядеть на стекле, даже если чей-то глубоко заинтересованный взгляд попытается проникнуть в существо упорно плодящихся созданий, которые или погибнут в назначенный час, или, если им повезет, станут чем-то иным, ибо в способности изменяться – основа жизни и ее надежда.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Джоан Дидион

ДЕМОКРАТИЯ

Перевод Т. А. Ротенберг

Joan Didion DEMOCRACY

New York, 1984

© Joan Didion, 1984

ЧАСТЬ 1

1

Зарево на рассвете во время тех тихоокеанских испытаний являло собой нечто необыкновенное.

Нечто, достойное созерцания.

Нечто, способное заставить думать, что видишь Бога, – говорил он.

Говорил он ей.

Говорил Джек Ловетт Инез Виктор.

Инез Виктор, урожденной Инез Кристиан.

Он говорил: небо было таким алым, каким его не мог изобразить никакой художник; один из теоретиков взрывов – неплохой художник, рисующий по воскресеньям, – все время пробовал – и ни разу у него не получилось. Он просто никак не мог ухватить тон; даже близкого ничего не выходило. Таким вот алым было небо, а воздух влажным от ночного дождя, мягким, влажным и наполненным цветами, цветами, которые ты обычно закалывала в волосы, когда ехала в Шофилд, – гардениями; по утрам воздух был напоен гардениями, и неважно, что на тех расстрелянных островах было не очень-то много цветов.

Большинство из них были просто атоллами.

Обыкновенными песчаными отмелями.

Пара сборных домишек из гофрированного железа и одна из тех посадочных полос, которые просто раскатывают, ну знаешь – как подстилку, просто раскатывается, как паршивый коврик в ванной.

На том острове все было, прямо как в детской книжке «Швейцарская семья Робинсон». Никто из наблюдателей не мог там приземлиться, покуда технари не подготовят взрыв, а я и был там наблюдателем, не более того. Просто катался туда. На представление. Ты меня знаешь. Иногда мы туда добирались, а погода портилась, и мы ждали днями – просто сидели там и рубили кокосы; а однажды в Джонстоне готовились к необычному испытанию, и понадобилось три недели, чтобы удовлетворить экспертов по погоде.

Это был взрыв «Чудо женщина-2».

Помню, я сказал тебе, что был в Маниле.

Помню, что привез тебе из Манилы какой-то маленький сувенир; на самом-то деле я купил его в Джонстоне у пилота самолета-разведчика, а он прилетел из Кларка.

Три недели сидения на проклятом острове Джонстона в ожидании погоды, а в результате и рассказать-то было не о чем.

И все это время мы жили в воде.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Играли в «джин» и шлепали комаров.

Гулять было невозможно. Идти некуда. Писать невозможно – кончик пера прорывал бумагу; одно становилось там понятно – отчего на тех островах так мало писали.

А вот что было можно, так это говорить. Поверь, там пришлось выслушать историю жизни каждого со всеми подробностями – сидишь-то на острове в полторы мили длиной, большую часть которого занимает взлетная полоса.

Технари – некоторые из них – были там уже три месяца. Вот уж кто был на пределе.

Затем погодники давали «добро» и оп! – конец историям. Все забирались в транспорт около трех утра, отъезжали на несколько миль и ждали рассвета.

Ждали, когда небо станет алым.

А затем, естественно, следовал взрыв.

Невада, Алеуты – там все было совсем по-другому.

Никто не питал особо теплых чувств к Неваде[116 – Полигоны ядерного оружия.], хотя там, на Меркурии, и впрямь случались смешные штуки, как, например, когда ливерморская машинка пшикнула впустую, и фотографии из Лос-Аламоса[116 – Полигоны ядерного оружия.], смеясь как сумасшедшие, принялись щелкать ливерморскую башню – она, понимаешь, все стояла, это штуковина на две мегатонны, в чем и заключался юмор ситуации. На Алеутах была просто собачья служба – вселенская задница! – они прописывали миру клизму, а вставляли в Амчитке. Тамошние взрывы сделали свое дело, потому что тогда для диагностики стали использовать компьютеры вместо моделирующих систем, но по алеутским делам не затоскуешь, там даже веселого ничего не происходило; было полно конгрессменов, поверишь ли – с женами и дочерьми; большое событие для гражданских, но ничего интересного, пшик, ноль.

Говорил он ей.

Говорил Джек Ловетт Инез Виктор (урожденной Инез Кристиан) весной 1975 года.

«Но те события в Тихом океане», – говорил Джек Ловетт.

Те взрывы где-то в 1952-м, 1953-м.

Боже, это было чудесно.

Ты была еще маленькой девочкой из средней школы, когда я туда ездил, ты втыкала в волосы цветы и отправлялась в Шофилд – маленькая сумасшедшая девчушка с островной лихорадкой, – меня следовало бы посадить в тюрьму. Я удивляюсь, что твой дядя Дуайт не явился туда с ордером на арест. Я удивляюсь, что вся чертова компания «Кристиан» не собралась для линчевания.

Вода под мостом.

Дело прошлое.

С тех пор ты немного поездила по миру.

Ты была в порядке.

Ты заполнила танцевальную карточку, ты посмотрела представление.

Интересные времена.

Я говорил тебе в Джакарте в 1969-м, что у нас с тобой нюх на интересные времена.

Бог мой, Джакарта!

Вселенская задница, южный ярус.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Но я скажу тебе кое-что о Джакарте 1969-го: Джакарта 1969-го – это
посильней Бьенхоа 1969-го.

«Слушай, Инез, лови момент, пока есть возможность», – говорил Джек Ловетт
Инез Виктор весной 1975 года.

«Слушай, Инез, пан или пропал».

«Слушай, Инез, un regard d'adieu[117 – прощальный взгляд (фр.)], как мы
говорили в Сайгоне, прощальный взгляд сквозь дверь».

«Ох, черт побери, Инез», – говорил Джек Ловетт однажды весенней ночью
1975-го, в одну из ночей в пригороде Гонолулу весной 1975-го, однажды ночью
весной 1975-го, когда самолеты «С-130» и «С-141» уже курсировали между
Гонолулу, Андерсеном, Кларком и Сайгоном всю ночь – тридцатиминутный
разворот над Таншоньятом, касание земли, загрузка и обратно порожним рейсом
– высадив подчиненных, вывезя дельцов, вывезя деньги, вывезя комнатных
собачек и завезенных ранее девочек для баров и фарфоровых слоников. «Ох,
черт побери, Инез, – говорил Джек Ловетт Инез Виктор, – жена Гарри
Виктора».

Прощальный взгляд сквозь более чем одну дверь.

Эту историю трудно рассказывать.

Зовите меня автором.

Читатель, позволь представить тебе Джоан Дидион, от характера и поступков
которой будет во многом зависеть, насколько интересными явятся эти
страницы; вот она сидит за своим письменным столом в собственной комнате в
принадлежащем ей доме на Уэлбек-стрит.

Так мог бы начать эту повесть Троллоп.

У меня нет для нее окончательного варианта начала, хотя, конечно,
определенные соображения имеются. У меня есть, например, следующие строки
Уоллеса Стивенса:

Пальма на краю сознания,
За последней мыслью, встает
В бронзовой дали;
Златоперая птица
Поет в ветвях непостижимую мысли
И чувству людскому чужеземную песнь.

Поразмыслите об этом.

У меня есть: «Краски, влажность, жара, достаточное количество голубизны в
небе» – исчерпывающее объяснение Инез Виктор, почему она осталась в
Куала-Лумпуре. Поразмыслите над этим. У меня есть те алые рассветы, о
которых говорил Джек Ловетт. У меня есть сон, периодически повторяющийся; в
этом сне все поле моего зрения заполняется радугой, в которой я отворяю
дверь в заросли тропической зелени (я думаю, это – банановая роща, большие
глянцевитые листья отяжелели от дождя, однако, поскольку на пальмах не
видно ни одного банана, любители символики могут успокоиться) и наблюдаю,
как спектр разделяется на чистые цвета. При достаточно внимательном
рассмотрении все эти данные обнаруживают тенденцию независимости не только
от какой-либо личности, но и от самого повествования, что не позволяет
считать их идеальными образами для начала повести, но приходится обходиться
тем, что есть в наличии.

Карты на стол.

Инез Виктор и Джек Ловетт заинтересовали меня в тот момент моей жизни,
когда мне не хватало уверенности, не хватало даже минимального запаса
«эго», признаваемого всеми писателями необходимым для написания романов, не
хватало убежденности, не хватало выдержки, чтобы разобраться с прошлым, и
интереса к воспоминаниям, не хватало веры даже в собственное мастерство.

В пособии по композиции для студентов я наткнулась недавно на очень точное
(по характеристике моей манеры) задание: «Дидион начинает с достаточно

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org ироничного упоминания непосредственной причины, заставляющей ее писать данный отрывок. Попробуйте использовать этот прием для начала эссе; вам может захотеться скопировать иронический-однако-серьезный тон Дидион, либо вы можете попробовать сделать ваше эссе остроумным. Рассмотрим более широкий вопрос роли фона: как использует Дидион обстановку в качестве риторической основы? Она снова и снова возвращается к различным деталям этой обстановки: где, как и с какими результатами? Рассмотрим также включенность самой Дидион в общий фон и получаемый результат. Каким образом он достигается?»

Вода под мостом.

Как сказал бы Джек Ловетт.

Вода под мостом – взорви его за собой.

Итак, у меня нет прокаженного, который каждое утро в семь приходит к дверям.

Нет угольной компании «Тропический пояс», нет ясно различимой фигуры на гребне неизменного холма.

На самом деле неизменных холмов не существует: будучи внучкой геолога, я рано научилась не любить абсолютную изменчивость холмов, водопадов и даже островов. Когда холм падает в океан, я вижу в этом закономерность. Когда 5,2 балла по шкале Рихтера трясут письменный стол в моей собственной комнате принадлежащего мне дома на моей неповторимой Уэлбек-стрит, я продолжаю печатать. Холм есть временный объект для приложения усилия; таким же объектом может быть «эго». Водопад есть саморегулирующееся несоответствие потока рельефу: то же самое, насколько мне известно, относится и к мастерству. Сам остров, на который Инез Виктор вернулась весной 1975-го, – Оаху; поднявшаяся над поверхностью воды постэрозивная масса суши вдоль Гавайской гряды есть временное явление, и каждый дождь или толчок, испытанный плитами тихоокеанской платформы, изменяет его форму и укорачивает срок его существования в качестве перекрестка на Тихом океане. В свете вышеизложенного трудно с уверенностью судить о том, что здесь произошло весной 1975-го. Или ранее.

На самом деле я уже опустила довольно много из того, что произошло ранее.

Опустила большинство историй, до сих пор неизменно присутствующих в застольных разговорах в той части света, где родилась Инез Виктор и куда она вернулась в 1975 году.

Опустила, например, все истории о достоверных случаях заболевания тифом во время морских путешествий в первые десять месяцев 1856 года.

Опустила все рассказы об игре света и тени, которую случалось наблюдать в ночном море у Канарских островов; о скалах гуано[118 – Гуано (исп.) – разложившийся в условиях сухого климата помет морских птиц. В Южной Америке его залежи используются как удобрение.] к юго-востоку от Фолклендов; о биллиардных в старом отеле «Эстрелла дель Мар» на чилийском побережье; о неповторимых блюдах из вареной говядины, которые ели на островах Тристан-да-Кунья в 1859 году, и о легендарных играх в покер в панамском «Истмусе» в 1860-м с упоминаниями проигрышей и выигрышей (в золоте) каждого игрока.

Опустила безутешного вдовца, утопившегося, когда подплывали к берегу.

Уклонилась от описания празднества по случаю завершения строительства первого большого ирригационного рва на ранчо Нуанну.

Выбросила, по сути, те самые истории, с помощью которых большинство знакомых мне жителей этих островов утверждают свое место в более широкой схеме представлений, которая служит им крепостью в мире наступающего моря, эрозии рифов, затопленных долин и искрящихся мелководий, оставшихся после исчезновения островов. Сисси ли, бабушка Инез Виктор, или лучшая подруга Сисси – Тита Доуделл – надевала костюм Лесси-горянки на детский бал во дворце в 1892-м? Если Сисси нарядилась, как Лесси-горянка, а Тита Доуделл – испанской танцовщицей (дедушка Инез совершенно определенно был одним из

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Крестьянских Детей Всех Национальностей, что было документально зафиксировано, это Инез и ее сестра Жанет знали по фотографии, висевшей на лестничной площадке дома на Маноа-роуд), тогда какое отношение имеет костюм Лесси-горянки к Комитету реставрации дворца на ссуду от невестки Титы Доуделл? Кстати, о невестке Титы Доуделл: столовое серебро перешло к ней от тети Тру – общей тети для Инез, ее отца и бабушки Жанет? Возможно ли, чтобы огненный опал тети Тру из Великого барьерного рифа (окруженный бриллиантовой крошкой) упал в водосток клуба «Шлюпки и каноз», если Жанет, или Инез, или даже их кузина Алиса Кэмпбелл носили его вместо невестки Титы Доуделл? Куда девались калабаши, которые отец Алисы Кэмпбелл получил от судьи Тейера? У кого диванчик из дерева коа Лейлани Тейер? Когда мать Инез и Жанет покинула Гонолулу на переоборудованном корабле «Лэрлин» и уже не вернулась, имела или не имела она право брать желтый алмаз Тру? Все это очень важные вопросы для жителей тех островов, характерные детали фона, однако фон этот – для другой повести.

3

«Представьте мою мать танцующей» – так начиналась эта повесть, написанная от первого лица. Первым лицом была Инез, замененная впоследствии третьим лицом.

«Инез представила свою мать танцующей».

«Инез помнила свою мать танцующей».

«Бело-коричневые туфли-лодочки, очень изящные. Плетеные босоножки на высоких каблуках из белого шелкового шнура, очень красивые. Белые гардении в ее волосах на пляже в Ланикаи. Белая шелковая блуза с серебряными блестками в форме звезд. В форме молодой луны. В форме снежинок. С течением времени подобные сентиментальные подробности жизни забываются. Танцы под маскировочной сеткой на лужайке в Канеохэ. Голубая луна на ранчо в Нуанну. Видела, как она стояла одна. Танцует, она улыбалась».

Ничего подобного Инез не помнила.

Инез помнила туфли и блестки-снежинки, но лишь представляла свою мать танцующей, чтобы уяснить себе, что история эта – из разряда романтических. Вы заметите, что дочери в романтических историях всегда напоминают своих матерей танцующими либо собирающимися идти танцевать: эти отправляющиеся танцевать матери материализуются в затемненной детской (в подобных историях никогда не фигурирует спальня, обязательно детская, на английский манер), окутанные облаком духом, и их появлению непременно сопутствует вспышка света от бриллиантовой заколки в волосах. Они бросают взгляд в зеркало. Они улыбаются. Они не задерживаются, ибо это – один из тех моментов, когда интересы матерей резко расходятся с желаниями дочерей. Эти матери действуют быстро. Эти матери наклоняются для поцелуя и уезжают танцевать. Уехала мать Инез и Жанет, но не танцевать, а в Сан-Франциско на переоборудованном «Лэрлине». Я особо выделяю слово «переоборудованном», поскольку именно так отъезд Кэрл Кристиан был описан Инез и Жанет: как неожиданная, но увлекательная возможность совершить первый послевоенный переезд на переоборудованном «Лэрлине». «Просто поддалась искушению» – именно так описала это Кэрл Кристиан.

Я занималась там исследованием провинциальных нравов, жестокой тирании сословия и привилегий, которые служат человеку крепостью в мире тропиков; Гонолулу во время второй мировой войны, военное положение, подводные лодки и самолеты и некий вкладчик из Гонконга, с которым, как говорили, Кэрл Кристиан пила брэнди и кока-колу, – местный скандал. Я больше интересовалась Кэрл Кристиан, чем ее дочерьми, интересовалась упрямым одиночеством, которое она довела до совершенства за время замужества за Полом Кристианом, интересовалась ее положением аутсайдера на островах и ее компенсаторным стремлением быть «одаренной», не одаренной в какой-то области, но просто одаренной, ее положением в обществе, которого Кристианы ее лишили. Кэрл Кристиан прибыла в Гонолулу в качестве невесты в 1934 году. К 1946-му она уже так серьезно нуждалась в общении, что удерживала Инез и Жанет дома вместо того, чтобы отправить в школу, под тем предлогом, что она учит их, как следить за ногтями. На пляже в Ланикаи она громко читала им романы, модные романы, выписанные из библиотеки при аптечном заведении в Каилуа. «Годы неожиданностей заканчивались, – читала она, и

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
голос ее повышался, обозначая драматическую ситуацию, а затем могла вдруг прибавить собственную краску, – теперь их можно было пожинать. Смотрите: неожиданный урожай – это объясняет само название, очень поэтично, счастливый конец, n'est-ce pas[119 – не правда ли (фр.)]?»

Ей нравились французские фразы, но знала она только те немногие, что запомнила за семестр в начальном колледже в Стоктоне, штат Калифорния, составивший все ее высшее образование. Ей также нравились счастливые концы, и она усматривала их для Инез и Жанет везде, где только могла: в пробке из-под кока-колы, проплывшей мимо содранного колена, в радуге после дождя, в журнальных историях о женитьбах во время увольнений и в недоставленных по недоразумению письмах от дорогого Джона, и – последнее, но не менее важное – в ее собственном романе, начало которого она датировала днем отбытия из Стоктона и получением работы манекенщицы в «Ай'Мэгнин» в Сан-Франциско. «Восемнадцати лет и совершенно неотразимая в костюме от „Шанель“, настоящая Маккой», – говорила она Инез и Жанет. «Восемнадцати лет и совершенно неотразимая в вечернем туалете от „Мэнбоше“, оригинальном образце. Восемнадцати лет и совершенно неотразима в платье для коктейлей от „Пату“, белая сатиновая вставка по косой линии, разговоры о том, как все отпали, спина, оголенная вот досюда». Платье от «Пату» с косой вставкой часто фигурировало в рассказах, поскольку именно в нем она украдкой курила сигарету на этаже служебного помещения в «Ай'Мэгнин», когда Пол Кристиан по ошибке вышел из лифта не на своем этаже (еще одна недоставка по недоразумению) и рассеял все тени, принес счастливейший день ее жизни, один взгляд на него – и она увидела мир совершенно иным; но отметим одну деталь: своеобразие ситуации состояло в том, что мир был островом посреди Тихого океана, а Пол Кристиан редко там бывал. «Когда мужчина держится вдали от женщины, это значит, что он желает сохранить ее любовь», – просвещала Кэрл Кристиан Инез и Жанет. У нее имелся целый свод сигналов, которые, по ее представлению, мужчины и женщины подавали друг другу (когда женщина выдыхает дым в лицо мужчине – это верный признак ее заинтересованности им; когда мужчина говорит женщине, что ее платье слишком открыто, – это значит, что он ее обожает), – туманные аксиомы, которые она вычитала, или о которых слыхала, или изобрела сама в романтические школьные годы, аксиомы, за которые она цеплялась, неизменно сталкиваясь с доказательствами обратного. То, что она плохо рассчитала, выйдя замуж за Пола Кристиана, – этот вывод она, видимо не в состоянии была сделать. Она соорудила «любовный узелок» из того, что ей показалось первыми седыми волосами, и отправила ему почтой в Куэрнаваку. «Mon cher, Paul»[120 – Дорогой Поль (фр.)], – написала она на открытке, к которой приколотла «любовный узелок». Инез смотрела, как она связывает волоски, но несколько лет не видела открытки, затерявшейся в одной из коробок с ни на что не годными вещами, принадлежащими Полу Кристиану, которые он периодически присылал из разных мест Инез и Жанет с корабельной почтой. «С кем вы там... чтобы удрать с этого острова? (Шучу, конечно.) XXXX. K.»

Она оставляла темно-красные следы губной помады на едва раскуренных сигаретах, затушенных о кофейные блюдца, или о бутылки из-под кока-колы, или в песке. Она часами сидела за туалетным столиком, усыпанным маленькими бумажными зонтиками, прилагавшимися к напиткам; желтыми, черепаховыми, вызывающе алыми крошечными зонтиками из бумажных салфеточек, похожими на стайку пестрых бабочек. Она сидела за этим туалетным столиком и брила ноги. Она сидела за этим туалетным столиком и втирала в брови крем. Она сидела за этим туалетным столиком и обучала дочерей тому, что считала языком любви, – примечательно, что сама она в этой науке не преуспела. Год или два после того, как Кэрл Кристиан покинула Гонолулу, Жанет сидела на пляже в Ланикаи и пересыпала песок, отыскивая прикуренные сигареты со следами губной помады своей матери. Те немногие, что она обнаружила, она прятала в коробку из-под ботинок вместе с бумажными салфеточками с туалетного столика Кэрл Кристиан и почтовыми открытками из Сан-Франциско, Кармела и озера Тахо.

Из двух дочерей я сперва больше заинтересовалась Жанет, которая была моложе Инез. Я заинтересовалась той печатью, которая осталась на Жанет от матери, ее защитным налетом провинциальной светскости, ее поразительным жадным любопытством к чужой сексуальной жизни, ее меркантильным подходом к эмоциональным переживаниям, ее снисходительным отношением к любому человеку, не имевшему тех товарных качеств, которыми, как она считала, обладала она. Еще девушкой она была всегда снисходительна, например к Инез, приходя в замешательство и даже злясь, когда, как она считала, ситуация складывалась особенно удачно для Инез и столь неутешительно для нее самой. Мне было интересно узнать, как муж Жанет, Дик Зиглер, составил себе

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org скромное состояние на домостроительстве в Гонконге и потерял его при развитии открытого всем ветрам Оаху. Я интересовалась бабушкой Инез и Жанет – покойной Сибил (Сисси) Кристиан, женщиной, о которой помнили в Гонолулу из-за ее диких причуд и неприязней, которые в этой части света сходили за взгляды, а также из-за послания, в котором она отреклась от своей невестки. Алоха оэ. «Я уверена, что ваша мать желает посещать ночные клубы», – говорила Сисси Кристиан Инез и Жанет, столь своеобразно объясняя отъезд Кэрол Кристиан. «Но она же возвращается», – сказала Жанет. «Время от времени», – сказала Сисси Кристиан. Этот разговор произошел за обедом в клубе «Пасифик», через час после того, как Инез и Жанет вместе с их дядей Дуайтом проводили отплывающий переоборудованный «Лэрлин». Жанет выскочила из-за стола. «Теперь ты счастлива?» – спросил у своей матери Дуайт Кристиан. «Кто-то ведь должен был это сделать», – сказала Сисси Кристиан. «Но необязательно перед обедом», – заметил Дуайт Кристиан.

Они представлялись мне семьей, в которой колониальный импульс наложил отпечаток на всех. Мне был интересен отец Инез и Жанет – Пол Кристиан, тот способ, которым он пересоздал свой образ, превратившись в романтического изгнанника Тихоокеанского региона, эмигранта, живущего на деньги с родины. «Он грозился положить конец „этому чертовому культу перевозок“, – сказал однажды о нем брат Пола Кристиана Дуайт. Мне был интересен не только Пол, но и Дуайт Кристиан, его контракты на постройки в Лонс-Бин и заливе Камрань, его уверения в том, что он участвовал во всех соревнованиях по гольфу на площадках системы Роберта Трента Джонса», за исключением «королевского» в Рабате; тот особый способ, с помощью которого он использовал Уэнделла Омурра для выживания Дика Зиглера с подветренного острова Оаху, а также, совершенно случайно, и из контейнерного бизнеса. «Позволь мне дать тебе небольшой совет, – сказал Дуайт Кристиан, когда Пол Кристиан взял в этом деле сторону Дика Зиглера. – „Жизнь можно понять, лишь оглянувшись назад, но прожить ее надо глядя вперед“. Это Кьеркегор». У Дуайта Кристиана было целое досье подобных цитат, в большинстве своем взятых из колонки «Мысли о деловой жизни» в «Форбсе» и перепечатанных секретарем на каталожных карточках три на пять. Эти карточки были забором, огородившим его глубочайшую застенчивость. «Недавно у Расина я наткнулся на следующую мысль», – говорил он в тех случаях, когда его вызывали на заседание правления держателей акций, или в речи на выпускном вечере в школе Пунахоу, или когда делали его фото, на котором он запечатлен одетым в шелковый костюм, сшитый в Гонконге, и алюминиевую каску с инициалами «Д. К.» по канту, по колено в песке на краю сухого карьера.

Именно эта фотография появилась в «Бизнес уик», в то время, когда Дуайт Кристиан пытался (как выяснилось – неудачно) захватить «Британские пастбища».

У меня также есть две фотографии из «Форчун»; на одной Дуайт Кристиан управляет трактором на поле сахарного тростника; на другой – сидит верхом на бетонном волнорезе в восемнадцать тысяч тонн, а над его головой висит грузовой самолет компании «Пан-Америкен».

На самом деле у меня есть несколько фотографий Кристианов: в преуспевающей и поглощенной своими делами колонии Кристианы выглядели достаточно престижно и были достаточно уверены в себе, по крайней мере в те времена, когда росла Инез, и достаточно наивны, дабы не возражать против помещения их фотографий в газете. У меня есть Сисси Кристиан, она курит сигарету в нефритовом мундштуке, вручая Премию Кристиана за химические исследования в сахарной промышленности в Гавайском университете в 1938 году. У меня есть Дуайт и Руфи Кристиан, танцующие на чайном вечере в отеле «Александр Янг» в 1940 году. У меня есть Кэрол Кристиан – вторая слева в группе молодых матрон из Гонолулу, встречающихся в 1942 году каждый вторник, чтобы выпить дайкири, съест салат с цыпленком и скрутить бинты для Красного Креста, однако на самом деле ее приглашали в эту группу лишь дважды, и оба раза – Руфи Кристиан. «Приглядишься к этой толпе, и увидишь, как проступает прозелень», – сказала она, когда стало ясно, что ее не зачислят в постоянные участники. «Увидишь, как проступает прозелень» – эти слова Кэрол Кристиан говорила часто. Она говорила их, когда догадывалась о неприязни, критике или даже обоснованном осуждении ее кем-либо, или – перенося свои эмоции на Инез и Жанет. Казалось, она верит в то, что является объектом сильной «зависти» – этого слова Инез старалась избегать в дальнейшей жизни, и, возможно, она была права.

«Я замечаю даже легчайший налет извести».

«Отчетливый зелено-желтый цвет».

«Довольно быстро начинаешь понимать, кто твои друзья».

На самом деле трудно было сказать, кто были друзья Кэрл Кристиан, поскольку у нее не было друзей, кто не являлся бы прежде всего другом Пола Кристиана, другом Сисси Кристиан или друзьями Дуайта и Руфи Кристиан. «Она, похоже, достаточно приятная девчушка, – говорил о ней один из кузенов Пола Кристиана после того, как она прожила в Гонолулу десять лет. – Конечно, я не так давно ее знаю».

У меня, как это ни странно, есть всего две фотографии Пола Кристиана, и ни на одной из них у него нет той доверчивости или наивности, с которыми его мать, брат и даже его жена глядели в камеру. На первой Пол Кристиан изображен играющим в триктрак с Джоном Хестоном в Куэрनावак в 1948 году. На этом неудачном снимке, сделанном приблизительно в то время, когда шли приготовления к отъезду его жены из Гонолулу на переоборудованном «Лэрлине», Пол Кристиан бос и черен от солнца. Вторая фотография запечатлела Пола Кристиана в тот момент, когда он покидал АМХ[121 – Ассоциация молодых христиан.] в Гонолулу в наручниках, 25 марта 1975 года, через несколько часов после того, как он произвел несколько выстрелов, приведших к мгновенной смерти Уэнделла Омура и последовавшей позже смерти Жанет Кристиан Зиглер. На этой фотографии Пол Кристиан снова бос. его закованные руки подняты – театральный жест покорности, даже готовности к распятию; вид у него столь захватывающий, столь многозначительный, что эта фотография обошла газеты даже в тех частях света, где не могло быть никакого интереса к Кристианам или Уэнделлу Омура или даже к Гарри Виктору. На большей части территории Соединенных Штатов интерес к Гарри Виктору, разумеется, был. ОСТРОВНАЯ ТРАГЕДИЯ КОСНУЛАСЬ СЕМЕЙСТВА ВИКТОРОВ – такой заголовок поместила нью-йоркская «Таймс».

Вы видите осколки той повести, которую я больше не пишу: остров, семью, всю ситуацию. Мое терпение иссякло. Нервы не выдержали. И все же: остался некий час между полуднем и вечером, когда лучи солнца бьют горизонтально из-за деревьев, и все, что я вижу, – этот остров, ситуацию на нем. Порой в такие минуты какой-то момент ситуации кажется мне особенно существенным, иногда – другой. Я вижу Инез Кристиан Виктор весной 1975 года, идущей по узкому пляжу за домом Жанет, впереди нее – угасающее солнце, отражающееся в брызгах у Блэк-Пойнта. Я вижу Джека Ловетта, наблюдающего за ней, мужчину за шестьдесят, в костюме из легкой полосатой ткани, сшитом на заказ, с ослабленным галстуком, но с хорошей военной выправкой, предполагающей дисциплинированность, отправляемую ради самой дисциплинированности; мужчину, который, наблюдая, как Инез Виктор удерживает равновесие на камнях, где волна разбивается о мол, курит одну из пяти сигарет, которые он себе позволяет за день. Я вижу, как Инез поворачивается и идет назад к нему; солнце теперь за ее спиной, вода омывает крупный коралловый песок вокруг ее босых ног.

Я вижу, как Джек Ловетт ждет ее.

Я не много рассказала вам о Джеке Ловетте.

В эти дни я очень часто обнаруживала, что мои заметки – о Джеке Ловетте, о костюмах из легкой полосатой ткани, сшитых на заказ, о широком круге его интересов и знакомств и о людях, с которыми он обычно разговаривал (шоферы посольств, механики, стюардессы на самолетах, доценты кафедр английской литературы, путешествующие на стипендию Фулбрайта, агрономы из тропиков, получившие возможность путешествовать при содействии фонда Рокфеллера, служащие гостиниц и агенты по продаже билетов, продавцы дробилок для риса и сушилок для кокосов, и датских пестицидов, и немецких лекарств) в Маниле и Джакарте и в районе Малаккского пролива.

О его взглядах на информацию как нечто ценное само по себе.

О его подходе к самолетам.

О его способности сводить воедино наблюдение, сделанное в одном месте, с разговором, происшедшим в другом, и прикидывать, когда придет время прибраться к рукам «Боинг-727» или «С-46».

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
О том, как он ждал Инез.

Некоторое время я вела записи о том, как Джек Ловетт ждал Инез Виктор.

4

Широко распространено мнение, что первые впечатления являются определяющими. Первый взгляд, упавший на кого-то в другом конце комнаты; первое посещение места строительства большого здания; первая встреча протагонистов – все это считается обязательными сценами, подразумевается, что их будут вспоминать потом, вызывать в памяти до окончания повествования, и не только пишущие романы, но и выжившие в происшествиях и свидетели убийств; вспоминать, по сути, каждый, кто прибегнет к повествовательному методу.

Я не уверена в этом.

Впервые я увидела Джека Ловетта в фотостудии журнала «Вог» на 40-й Вест-стрит, куда он пришел повидаться с Инез.

По разным обстоятельствам и занимаясь различными делами, Инез Виктор и я тогда, в 1960 году, работали в «Боге», и, хотя она обреталась в отделе мод, а я – в крошечной камерке этажом выше, представлявшей собой отдел публицистики, у нас иногда возникал повод (когда надо было сфотографировать драматурга, принимавшего участие в программе показа мод, или, к примеру, товары представляла актриса) побыть вместе. Я вспоминаю, как в то утро пришла в студию поздно и застала Инез сидящей за деревянным столом и, очевидно, не замечавшей, что рефлектор направлен прямо на ее колено, что из стереосистемы с силой в восемьдесят децибел несется голос Чабби Чекера и что здесь же находится манекенщица – увядшая красотка по имени Кики Уатт; пока ее расчесывали, она пыталась рассказать Инез о некоем Стенли, которого обе как будто знали.

«В полночь звонят в дверь – кого, думаю, несет, – перекрикивала музыку Кики. – Стенли».

Инез промолчала. Стол, за которым она сидела, был завален бумажными пакетами из закусочной на первом этаже, из одного сочился кофе, но Инез, казалось, этого не замечала. Все ее внимание было поглощено мужчиной, который сидел напротив; я видела его впервые, он был значительно старше нас и чувствовал себя явно неудобно в довольно богемной атмосфере студии. Я не встречалась с Гарри Виктором, но усомнилась в том, что это – муж Инез. Помнится, я подумала, что он мог бы быть ее отцом.

«Да вырубите же кто-нибудь эту музыку! – закричала Кики. – Ну вот. Теперь ты можешь меня слышать. Итак. Я сказала, что на рассвете у меня должны быть съемки, но ты ведь знаешь Стенли – Стенли надо было выпить. Естественно».

«Естественно. – Инез взглянула на меня. – Это Джек Ловетт. Он прямо с самолета».

Джек Ловетт встал и поздоровался со мной, стараясь не глядеть на Кики, которая приспустила накидку и засовывала комки ваты себе в бюстгальтер.

«„Ну и свинарник у тебя“, – заявил Стенли, отпив полстакана. – Кики села на стол между Инез и Джеком Ловеттом и принялась рыться в пакетах. – „Служанка не пришла“, – сказала я. – „Не думаю, чтобы у тебя был пылесос“, – говорит Стенли, хо-хо, каков сарказм, как это забавно. „Действительно нет, – говорю я, – у меня нет пылесоса“. Кстати, у меня его и правда нет, вернее – был, но рус забил его моими драгоценностями. „Послушай, – говорит Стенли. – Как только Дэйзи уедет на Мэйн, я привезу пылесос. На лето“, – говорит он. Представляешь?»

«Еще бы», – сказала Инез. Из одного из пакетов она вынула пончик и протянула Джеку Ловетту. Джек Ловетт отрицательно покачал головой.

«Стенли ушел, я обо всем этом подумала, и, знаешь, мне захотелось себя убить. Представляешь?»

«Еще бы». – Инез откусила от пончика и сунула его обратно в пакет.

«Он хотел забрать из моей квартиры все спиртное – ты знаешь почему?»

«Потому, что ты не хотела пользоваться пылесосом Дэйзи, – сказала Инез, а затем посмотрела на меня: – В Нью-Йорке он пролетом, на два часа, и пришел повидать меня».

Она повернулась к Джеку Ловетту и улыбнулась.

Я знала Инез Виктор вот уже почти год, но никогда не видела, чтобы она так улыбалась.

«Он не может остаться, – сказала она затем. – Потому что, бьюсь об заклад, он устраивает где-нибудь небольшой переворот».

Таков он, первый взгляд.

Определяющий характер момента остается невыявленным.

В действительности я знаю многое о Джеке Ловетте.

Некоторые мужчины (реже – женщины) существуют особняком, они не связаны с каким-либо определенным местом или организацией и чувствуют себя наиболее удобно не в полном одиночестве, но в присутствии незнакомых людей. Им, к примеру, удобно в самолетах. Они забираются внутрь, устанавливают определенные отношения с командой (разбудить или не будить; больше льда или не надо совсем; наладить свет для чтения; после Сингапура пересесть на место за перегородкой), раскладывают одеяла, подушки, обозначают территорию. Жизнь им скрашивает меню с акварелью Донга Кингмена на обложке, усовершенствованная повторяемость блюд (Rôti au Vol, Legumes Garnis[122 – «Жаркое в полете», овощной гарнир (фр.).]) во время случайных посадок в течение полетов, которые продолжаются одиннадцать, двенадцать, двадцать два часа. Перелет, занимающий менее восьми часов, для них просто скачок, поездка, которую такие люди едва замечают. На земле они чувствуют себя в своей тарелке только в вестибюлях отелей и секторах транзита, в экспресс-кафе и «Клиппер-клубах» всего мира – в закрытых помещениях, где они всегда помнят имена обслуживающего персонала, тех, кто готовит напитки и ведет переговоры о следующих перелетах. Эти люди узнают друг друга и обмениваются бессвязными воспоминаниями о других путешествиях и отсутствующих путешественниках.

«То совместное предприятие в Дакаре», – говорят они.

«Фрэнк был в Дакаре».

«В пятницу я видел Фрэнка в Гонконге, он вернулся из Китая».

«Фрэнк и я были на встрече в Сурабая с тем джентльменом, который ни слова не говорит по-английски. Всю встречу он просидел кивая и улыбаясь, прямо будда, а затем произнес те несколько слов по-английски, которые я от него слышал. „Шесть сотен миллионов стерлингов“, – сказал он».

«Все они считают в стерлингах».

Фрэнк спокойно это выслушивает, как настоящий игрок, смотрит на часы и встает. «Если решите говорить о реальных цифрах, – говорит Фрэнк будде – по-английски, как вы понимаете, – сегодня ночью вы сможете застать меня в „Хилтоне“». Выражение лица будды не меняется. Будда думает, что Фрэнк будет потеть в ожидании этого звонка в Джакарте. «В Маниле, – говорит тогда Фрэнк, – „Хилтон“ в Маниле».

Они вспоминают других Фрэнков, другие встречи, «Хилтоны» по всему миру. Они сдержанны, устали и лишь профессионально вежливы. Их ответы кажутся прагматичными, но часто ответы эти – на удивление абстрактны, основаны на системах понятий, которые знакомы только им. Другие люди для них – просто джокеры, полезные на руках, но опасные на столе; они тяготеют к занятиям, в которых они могут поступать по собственному усмотрению, играть по своей собственной системе, исходя из своей собственной информации. Любая информация рассматривается как полезная. Неверная информация есть сама по себе верная информация об информанте.

Я говорила, что Джек Ловетт был одним из тех людей, для которых информация была самоцелью.

Он был также человеком, не принимавшим случай в расчет.

Многие люди не переносят случайностей, но здесь было нечто большее: Джек Ловетт не верил, что случай вообще имеет место. В системе Джека Ловетта любое поведение было намеренным и цель могла быть достигнута кем угодно, располагавшим лучшей информацией и правильно ее оценивавшим. Лаосская деревня, обозначенная на одной карте и отсутствующая на другой, предполагала не случайную ошибку, но уничтоженное население – энное количество мужчин, женщин и детей, построенных поутру между этими двумя картами и сгребенное бульдозерами в общую яму. Перевозка судами лазерных зеркал из Лонг-Бич для гонконгской фирмы, не занимавшейся лазерами, предполагала не неверно выписанное направление, но перегруппировку, реэкспорт и переориентировку технологии для недружески настроенных действующих лиц. Для Джека Ловетта все нации являлись «действующими лицами», в частности «действующими лицами государства» (здесь настоящими джокерами становились «действующие лица-не-государства», однако, по обширному опыту Джека Ловетта, как правило, действующее лицо-не-государство гораздо менее интересовалось лазерными зеркалами, нежели «М-16», «АК-47», «ФН-ФАЛ» – неперемненными атрибутами кратковременной власти, и, когда делался сам по себе показательный скачок в сторону долговременного планирования, это, вероятно, непосредственно вело к урану на уровне оружия), и рассматривал он этих действующих лиц абстрактно: как дружеских или недружеских, преданных или ненадежных; как большое количество оружия, собранное на одной «доске». Азия представляла собой десять тысяч танков там и три сотни «фантомов» здесь. Сердце Африки было средством обогащения.

5

Женщина, на которой Джек Ловетт был женат с 1945 по 1952 год, на протяжении их совместной жизни определяла род его занятий – заносил ли в качестве его супруги сумму на банковский счет, заполнял ли больничную карту к новому гинекологу или квитанции за телефон и газ – как «армейский офицер». И на самом деле, Карлу Ловетт можно было легко принять за жену военного – аптекарская дочка из Сан-Хосе, она привычно делала покупки в армейском магазине и проводила большую часть дня в плавательном бассейне при офицерском клубе; ее не трогало происходящее вокруг, она не реагировала на плохой климат. Для Карлы Ловетт все было едино – что Форт-Худ, что Джорджтаун, Манила или шофилдские казармы, особенно после нескольких рюмок.

Женщину, на которой Джек Ловетт был женат с 1962 по 1964 год, звали Бетти Беннетт, родилась она в Гонолулу, была в разводе и жила всего в нескольких шагах от Жанет и Дика Зиглера на побережье Кахалы. Жанет Зиглер время от времени играла с ней в бридж и обсуждала поездки за покупками на материк. Дом в Кахале достался Бетти Беннетт от прежнего мужа, и она продолжала жить в нем как до, так и после замужества за Джеком Ловеттом, – после восемнадцати месяцев их союз распался, не оставив ярких воспоминаний у обоих. Когда Бетти Беннетт заполняла форму на свой развод с Джеком Ловеттом (я сказала «свой» развод, наверное, произвольно, поскольку Бетти Беннетт была женщиной, употреблявшей притяжательные местоимения рефлексивно, например: «мой дом», «моя машина 450-Сл», «мой свадебный обед»), она охарактеризовала род его занятий как «управляющий авиаперевозками». Согласно заявлению Джека Ловетта на выдачу визы в 1975 году, он являлся бизнесменом. Согласно визитным карточкам Джека Ловетта, в 1975 году он был консультантом по международному развитию.

По словам самого Джека Ловетта, он был человеком, у которого «в горне лежали разные железки».

Человеком, «не допускаящим сбой в делах».

Человеком, «делавшим свой маленький бизнес то там, то тут».

Человеком, делавшим то, что было в его силах.

Любой, кто имел хоть какое-то отношение к репортерской работе в середине и

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org конце 60-х и начале 70-х годов, неизбежно сталкивался с Джеком Ловеттом. Он был контактным человеком. Он знал массу вещей. После того как я закончила свою первую повесть и оставила «Вог», став репортером, я не раз с ним сталкивалась – чаще всего в Гонолулу, но иногда в каком-нибудь секторе для транзитных пассажиров или в американском посольстве, и, поскольку он, вероятно, считал меня подругой Инез Виктор, он не распространял на меня своего инстинктивного недоверия к репортерам. Я не хочу сказать, что он когда-либо говорил мне что-то, чего бы не желал мне доверить. Я просто говорю, что мы беседовали, а иногда мы даже беседовали об Инез Виктор. Мне вспоминается один такой разговор в Гонолулу в 1971 году и другой – на «Гаруда-727», у которого заклинило шасси, и он летал над Южно-Китайским морем, сбрасывая горячее. Джек Ловетт сказал мне, например, что считает Инез «одной из самых благородных» женщин, которую он когда-либо встречал. Я помню это именно потому, что слово «благородная» казалось пришедшим из другого века, а потому удивительным и немного забавным.

Он никогда не говорил мне, чем конкретно занимается, а я об этом не спрашивала. Как раз то, чем занимался Джек Ловетт, без слов понималось многими людьми, знавшими его, но не обсуждалось. Будь он упомянут в справочнике «Кто есть кто» – а его там не было, – даже самый невнимательный читатель заметки о нем мог бы составить определенное представление, усмотрев то, что люди из разведки называют словом «интерес». Подобная заметка включила бы странные, находящие одна на другую даты, необычные должности в необычные времена. Там были бы назначение во Вьетнам, миссии на Гаити, в Квебеке, Равалпинди. Там были бы связи с компаниями, занимающимися обслуживанием воздушных доставок, авиагрузов, запасных частей к самолетам; с компаниями, номера телефонов которых начинались с цифры «800», а адресами являлись номера почтовых ящиков в Майами, Гонолулу, Пало-Алто. Там были бы пробелы. Военная карьера показалась бы изменчивой, необычной.

Наконец, к этой статье была бы сноска, в которой бы сообщалось, что лицо не предоставило никакой информации, поскольку Джек Ловетт предоставлял информацию лишь в том случае, когда видел шанс, пусть и весьма зыбкий, получить какую-то информацию взамен. Регистрируясь в отеле, он давал в качестве своего адреса номер одного из тех почтовых ящиков в Майами, Гонолулу или Пало-Алто. Квартира, которую он сохранял за собой в Гонолулу, из одной комнаты – спальни, располагалась в здании, населенном по большей части девицами по вызову, и была арендована «Организацией среднетихоокеанского развития». Эту тенденцию запутывать даже самую косвенную информацию можно было рассматривать как профессиональный рефлекс, но можно было воспринять и как нечто более основательное – как склонность к секретности, свойственную темпераменту, как скрытность, не столько проистекающую из занятий Джека Ловетта, сколько приведшую его к ним. Я вспоминаю историю, которую услышала в 1973 или 1974 году от фотографа из ЮПИ, который набрел на Джека Ловетта в гонконгском ресторане – заведении, расположенном на верхнем этаже дома в районе Ваньчай, где посетители оставляли свои личные бутылки в гнездах над стойкой кассира. Бутылка Джека Ловетта стояла на его столе – кварта «черного» «Джонни Уокера», однако имя хозяина, написанное его собственной рукой и приклеенное к этикетке, было «Дж. Локхарт». «Неохота, чтобы твое имя красовалось на слишком большом количестве бутылок по всему городу», – говорят, так ответил Джек Ловетт, когда фотограф упомянул о наклейке. Таков был человек, более двадцати лет неизменно хранивший серьезное чувство к женщине, каждый шаг которой фиксировался на фотопленке.

В этом контексте я всегда вспоминаю Инез Виктор в тот момент, когда она смотрит отрывок из фильма Вашингтонского отделения Эн-би-си о вечере, устроенном губернатором Нью-Йорка на «Крыше св. Реджиса»; это было нечто вроде послеполуденной встречи – помолвки, или крестин, или годовщины – номинально частной, но широко освещенной в печати. В отрывке из этого фильма, который был снят и показан впервые 18 марта 1975 года, ровно за неделю до того, как Пол Кристиан произвел выстрелы, повлекшие за собой серию интересующих нас событий, мы видим Инез Виктор танцующей с Гарри Виктором. На ней синее шелковое платье и блестящая темная соломенная шляпа с красными черешнями. В этом отрывке слышно, как она беспрестанно повторяет слово «чудесно».

«Чудесный день».

«Вы чудесно выглядите».

«Как здесь чудесно».

«Освободите место для сенатора», – постоянно говорит молодой человек в темном костюме с красным галстуком. На втором плане – несколько таких же молодых людей, каждый из которых держит папку с зажимами. Молодой человек на первом плане едва осознает присутствие Инез Виктор, и его папка несколько раз сталкивается со стеганой сумочкой, висящей на ее плече. «Сенатор Виктор находится здесь в качестве гостя губернатора, пожалуйста, дайте ему немного места».

«Играет более активную роль», – повторяет молодая женщина с микрофоном.

«Сенатор находится здесь в качестве гостя губернатора, пожалуйста, никаких интервью, всё, всё, уберите это».

Оркестр играет сегидилью. «Это ли не романтично?»

«Держите два лифта», – говорит другой молодой человек.

«Я простой гражданин», – говорит Гарри Виктор.

«Чудесно», – говорит Инез Виктор.

Впервые я увидела этот клип не во время первого показа, но несколько месяцев спустя, тогда, когда имя Джека Ловетта упоминалось в новостях, когда – ведь для того, чтобы раскрутить и запустить в работу историю их связи, потребовалось два или три дня – Инез Виктор можно было видеть, наверное, раз десять между пятью пополудни и полночью на «Крыше св. Реджиса».

6

Позвольте мне установить личность Инез Виктор.

Урожденная Инез Кристиан, она, как вы знаете, появилась на свет на гавайской территории в первый день января 1935 года.

Там ее знали как племянницу Дуайта Кристиана.

Как внучку Сисси Кристиан.

Разумеется, как дочь Пола Кристиана, однако Пол Кристиан обычно пребывал в Куэрनावакке или Танжере или шел на 129-метровом двухмачтовом паруснике класса «Тринтелла» через Маркизские острова и упоминался не так часто, как его мать или брат. Известна она была и как дочь Кэрол Кристиан, однако Кэрол Кристиан объявилась с материка и исчезла, уехав на материк, – одна из тех историй, что так широко распространены в этой части света, повесть в своем роде, но не та, которую я имею в виду.

Жена Гарри Виктора.

«О черт, Инез», – сказал Джек Ловетт.

Жена Гарри Виктора.

Он сказал это вечером в конце марта 1975 года, когда они с Инез сидели в работавшем круглые сутки пустом баре, что через мост напротив Шофилдских казарм, и смотрели по телевизору эвакуацию из какой-то столицы в Юго-Восточной Азии. Противоречивые донесения, говорил ведущий, ситуация быстро ухудшается. Сцены паники и смятения. «Сливай воду», – сказал бармен. «Привет, Дананг». На экране над стойкой с крыши американской миссии снова и снова взлетал вертолет; Джек Ловетт молча смотрел на экран, а через какое-то время попросил бармена убрать звук и включить в сеть музыкальный автомат. «Здесь не танцуют, – сказал бармен. – Я уже и так снял все ограничения». «Пора снять и с танцев, – сказал Джек Ловетт. – Не прятал бы усилитель „Сансуй“ под прилавок». Бармен убрал звук и включил музыкальный автомат. Джек Ловетт ничего не сказал Инез, он только посмотрел на нее долгим взглядом, затем встал и взял ее за руку.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
«Мамаз энд Папаз», пели «Я хочу присниться тебе хоть на миг».

С крыши американской миссии поднялся еще один вертолет.

В этом баре, что через мост напротив Шофилдских казарм, Инез не говорила «чудесно», когда танцевала. Она не говорила «чудесный день», когда танцевала. Она не говорила «вы чудесно выглядите» или «здесь чудесно». Танцуя, она вообще ничего не говорила; она даже и не танцевала в том смысле, как вы, я или агентство, устанавливающее правила для танцев в баре, представляют себе танцы. Она просто стояла спиной к музыкальному автомату, и ее руки лежали на плечах у Джека Ловетта. Волосы ее были распущены и спутались во время езды в Шофилд; сидящая прядь на левом виске, которую она обычно прятала, выбилась наружу. Глаза закрыты, чтобы их не утомляло мигание телеэкрана.

«Наконец-то эти поганые арвины стреляют друг друга», – сказал бармен.

«О черт, Инез, – сказал Джек Ловетт. – Жена Гарри Виктора».

7

К весне 1975 года Инез Виктор являлась женой Гарри Виктора уже двадцать лет.

Все два года, что Гарри Виктор служил в министерстве юстиции, весь период, связанный с появлением в «Нью-Йорк тайме мэгэзин» статьи «Справедливость для кого? – Молодой юрист ищет выход», написанной Гарри Виктором с Р. У. Диллоном.

Все время работы «Легальной коалиции соседей», которую Гарри Виктор и Билли Диллон организовали в помещении магазинчика в восточном Гарлеме. Всю рекламную кампанию по книге Гарри Виктора «Вид с улицы: коренные причины, радикальные решения и умеренное предложение», в основу которой легли исследования, проведенные автором совместно с Р. У. Диллоном.

Все марши в штате Миссисипи и долине Сан-Хоакин, все успешные избирательные кампании Гарри Виктора в конгресс 1964, 1966 и 1968 годов.

Все сидячие забастовки в Гарварде, Пентагоне и на химических заводах Доу в Мичигане, Пенсильвании и Западной Виргинии.

Все три года, после того как в 1969 году Гарри Виктора назначили на вакантное место в сенате в связи со смертью занимавшего эту должность.

Всю историю с Конни Уиллис и Фрэнсис Ландау («Инез, милочка, прошу тебя – веди себя хорошо: видишь, какие девочки идут в ногу с жизнью», – сказал Билли Диллон Инез о Конни Уиллис и Фрэнсис Ландау), всю основную кампанию по сбору средств в Калифорнии («Инез, милочка, прошу тебя, надень босоножки на платформе, на дне бочки очень много зелени», – говорил Билли Диллон Инез в Калифорнии), все поездки с выступлениями, все заседания специальных комитетов и миссий по сбору информации в Джакарте, Сантьяго, Манагуа и Пномпене; весь 1972 год, когда провалилась попытка выставить свою кандидатуру в президенты, и все время после этой неудачи, когда он тщетно старался выудить для себя «хорошее» посольство (это был единственный период, когда названия Джакарта, Сантьяго, Манагуа и Пномпень не слетали с губ Гарри Виктора).

Во время всех суровых испытаний.

Всех войн.

Весь последний рывок к желанному месту под солнцем: весь то! период, когда посредством маневра вышеупомянутые элементы образовали безопасное место на поле, бороздку, аморфное, но рожденное вдохновением единство риторики и популярности, известное как Союз демократических учреждений.

Инез Виктор была там.

Из-за того что Инез Виктор там была, многие люди верили в то, что знают ее; не «большинство» людей, поскольку демография воображаемого избирательного

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org округа Гарри Виктора основывалась на комфорте и сопутствующих ему опасениях, но большинство людей определенного типа, большинство людей, читавших определенные газеты и покупавших определенные журналы, большинство людей, знавших, какие девочки идут в ногу с жизнью, большинство людей, знавших, где именно на дне бочки было очень много зелени, большинство людей, которые должны были заметить Инез, когда она покупала недорогие эстампы на распродаже в нижнем этаже «Блумингдейла», или выбирала очищенную землянику в «Гристеде», или ждала одного из двойняшек, родившихся у них с Гарри Виктором – девочку Джесси или мальчика Эдлая, – напротив школы Долтон.

Все эти люди точно знали, что делала Инез Виктор с очищенной земляникой из «Гристеда» (подавала ее в серебряной чаше на своих знаменитых вечерах в канун Нового года в их квартире в районе Центрального парка, согласно «Вогу»); что делала Инез с недорогими эстампами, которые покупала на распродаже в нижнем этаже «Блумингдейла» (разрезала их на круглые салфетки для своих знаменитых вечеров «Четвертого июля» в Амагансетте, согласно «Даблю»); сколько Инез Виктор заплатила за батники цвета хаки от «Унгаро», что были на ней во время подписания конвента 1968 года, – Конвента 1968 года, заключенного в Чикаго, во время которого Гарри Виктора фотографировали для «Лайфа», когда он плакал от слезоточивого газа в парке Гранта.

Это были люди, каждый из которых знал кого-то, кто знал кого-то, кто знал, что в одну из ночей 1972 года, когда у Гарри Виктора закончились первичные выборы в Калифорнии, еще до того, как закрылись избирательные участки, Инез Виктор улетела обратно в Нью-Йорк на самолете для прессы и пела «Теперь все кончено, мой бедный бэби» вместе с оператором из Эй-би-си и фотографом из «Роллинг стоун».

Все эти люди видели Инез – через телефотообъективы, – когда она сушила прекрасные светлые волосы своей Джесси у плавательного бассейна рядом с домом в Амагансетте. Все эти люди видели Инез – в «Дейли ньюс», – когда она покидала больницу «Ленокс-Хилл» с Эдлаем, снимки были сделаны в связи с его первой автомобильной катастрофой. Все эти люди видели фотографию за фотографией знака беспорядка в библиотеке квартиры в районе Центрального парка: кувшины из Кантона, наполненные маркированными карандашами, пачки «Монда», «Форин афферз» и «Гарвард бизнес ревью», блокноты для деловых записей, несколько телефонов, фотографии в рамках, запечатлевшие Гарри Виктора на барбекю с Элеонорой Рузвельт, Гарри Виктора, проходящего через полицейский кордон с Корретой Кинг, и Гарри Виктора, играющего на берегу в Амагансетте с Джесси и Эдлаем и с русским волкодавом Фрэнсис Ландау.

Эти люди собирали свою пошлину.

Этим я хочу сказать, что Инез Виктор рассматривала большинство событий как возможность быть сфотографированной.

Этим я хочу сказать, что Инез Виктор выработала особую манерность, характерную для людей, постоянно бывающих на публике: фиксировала свой взгляд на чем-то в отдалении, привыкла успокаивать себя, стирая эмоции с лица, прижимая к вискам средние пальцы, заметно часто моргала, так как вспышки камер вызвали постоянное раздражение сетчатки ее глаз.

Этим я хочу сказать, что Инез Виктор утратила определенные детали.

Вспоминаю, как однажды я присутствовала в номере-люкс отеля «Дорал» в Майами в один из последних дней суеты кампании 1972 года за избрание Гарри Виктора, когда репортер из отдела публицистики Ассошиэйтед Пресс спросила Инез, чем приходится «поступаться больше всего» ради общественной жизни.

«В основном – памятью», – сказала Инез.

«Памятью?» – повторила женщина из Ассошиэйтед Пресс.

«Да, памятью. Именно ее я назвала бы главной ценой. Безусловно». В то утро люкс в «Дорал» представлял собой кресало, из которого высекали искры. На диванчике, который двое рабочих тащили обратно к стене, сидел Билли Диллон и пытался говорить по телефону. В прихожей звукооператор одной из

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
телекомпаний упаковывал оборудование, оставленное прошлой ночью.

«Мне кажется, я могу говорить и за Инез, заявляя, что мы ждем того времени, когда будем простыми мистер и миссис Виктор», – сказал Гарри накануне вечером во время своего выступления, которое передавали по всем трем телеканалам. Теперь Инез стоя искала чистую пепельницу на столике на колесах, уставленном полупустыми бокалами.

«Что-то вроде шокотерапии», – добавила она.

«Вы имеете в виду, что прошли курс шокотерапии?»

«Нет. Я имею в виду, что вы теряете нить. Как если бы вы прошли курс шокотерапии».

«Понятно. „Теряете нить“ чего именно?»

«Того, что произошло».

«Понятно».

«Того, что вы сказали. И не сказали».

«Да. Понятно. Во время кампании».

«Ну, не совсем. Во время... – Инез оглянулась на меня за помощью. Я прикинулась увлеченной газетой „Геральд“, выходящей в Майами. Инез опорожнила пепельницу в крышку из-под киноплетки и снова села. – Во время всей вашей жизни».

«Вы упомянули шокотерапию. А сами вы никогда не...»

«Я же сказала – нет. Или я не сказала – нет? Я сказала „как если бы“. Я сказала „что-то вроде“. Я имела в виду, что вы слили горячее. Сбросили груз. Катапультировали команду. Вы теряете нить».

Наступило молчание. Билли Диллон повесил телефонную трубку на плечо и показал, как отбивают мяч внутренней стороной ракетки. «Инез, это игра, это теннис» – так Билли Диллон обычно говорил Инез об интервью. Между ними это было принято. Например, в то утро, когда Инез сказала, что не будет давать интервью АП, поскольку я специально пришла с ней повидаться. «Обязательно будешь», – сказал Билли Диллон. – Оно продлится всего икс минут. Ограниченное время. На время этих икс минут ты здесь для того, чтобы играть. Ты установишь мяч, – здесь Билли Диллон сделал паузу и продемонстрировал скрытую подачу, – между линиями. Главная цена, которую приходится платить за общественный образ жизни, – частная жизнь, Инез, это легкий удар. Самое сложное в вашингтонской жизни – найти няню, когда идешь на званый ужин в „Гридироне“ [123 – Респектабельный журналистский клуб.]. Забавная сторона вашингтонской жизни – это когда уводишь друзей из дома в кафетерий сената поесть бобового супа. Ты пробовала приготовить его дома по рецепту, но вкус получается всегда не тот. Да, ты собираешь рецепты. Да, ты обеспокоена тем, что на питание семьи уходит все больше денег. Девяносто девять процентов твоих знакомых в Вашингтоне в основном озабочены тем, что на питание семьи уходит все больше денег. Школы. Закладные. Программы. Ты всегда рассматривала победу как оценку не самого человека, но его программы. И еще: возможность поражения ты рассматриваешь со смешанными чувствами. И вот почему: потому, что превыше всего ты научилась ценить момент частной жизни».

«Моменты частной жизни», – беззвучно проговорил Билли Диллон в номере отеля «Дорал».

Инез намеренно отвернулась от Билли Диллона.

«Вот пример. – Она зажгла спичку, посмотрела, как она горит, и задула ее. – Перед тем как сюда прийти, вы посмотрели кое-какие материалы обо мне».

«Да, я выполнила маленькое домашнее задание. – Палец женщины замер у диктофона над кнопкой „стоп“. Теперь уже она беспомощно оглянулась на меня. Я стала смотреть в окно. – Естественно. Это моя работа. Мы все так делаем».

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
«Я как раз об этом».

«Боюсь, я не совсем...»

«То, что может быть, а может и не быть достоверным, повторяется в материалах до тех пор, пока вы уже не можете отличить правду от вымысла».

«Но поэтому-то я и пришла к вам. Я не пишу статью по чужим материалам. Я ее напишу, исходя из того, что вы мне скажете...»

«Точно так же вы могли бы писать и по вырезкам, – сказала Инез. В ее голосе звучала рассудительность. – Потому что я потеряла нить. О чем я и сказала в самом начале».

ИНЕЗ ВИКТОР УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ЕЕ СЛОВА ЧАСТО ПРИВОДЯТСЯ НЕВЕРНО – в таком виде информация пошла по телетайпам Ассошиэйтед Пресс. «Кто-то там тебе симпатизирует – ведь не напечатали же ИНЕЗ ВИКТОР ОТРИЦАЕТ, ЧТО ПОДВЕРГАЛАСЬ ШОКОТЕРАПИИ», – сказал Билли Диллон, прочтя сообщение.

8

Я никогда не знала наверняка, что думала Инез о годах, проведенных ею в Вашингтоне и Нью-Йорке. Идея «самовыражения», похоже, ей в голову не приходила. Время от времени она занималась какими-то случайными делами, но не стремилась к постоянному занятию. Даже детали ведения домашнего хозяйства мало ее занимали. Домами, где она жила, занималась вышколенная прислуга, и, несмотря на обилие фотографий в рамках и продуманный беспорядок, они были совершенно лишены индивидуальности, не отражали индивидуального стиля, лишь условности, принятые в среде людей, с которыми она теперь встречалась. Ничто из далекого мира, в котором она выросла, не проникало в мир, в котором она очутилась: Кристианы, как и многие другие семьи на острове, окружали себя напоминаниями о своих свершениях, акварелями и раскрашенными чайными чашками, свидетельствами того, что здесь знают языки, и музыкальными инструментами, на которых могли играть, рекомендательными письмами и сувенирами, приобретенными в свадебных путешествиях, на выставках лошадей и во время путешествий в Китай, и именно отсутствие подобного груза с потонувшего корабля составляло отличительную черту домов Инез – как если бы она застегнула привязные ремни и взмыла с дематериализовавшегося под ней острова.

Разумеется, на ее счет ходили слухи. Она любила художников и часто отводила им на своих больших приемах один-два стола, так что известное число людей говорило о ее романе то с тем, то с другим, а то и со всеми сразу. По словам Инез, у нее не было ни одного. Я точно знаю, что у нее никогда не было того, что называется «пристрастием к напиткам» – еще одна сплетня, – однако разговоры об этом не прекращались, частично из-за того, что Гарри Виктор почти ничего не делал, чтобы они прекратились. Например, в переполненном ресторане на 50-х улицах Ист-сайда кто-то слышал, как Гарри Виктор спрашивал Инез, не собирается ли та заменить обед выпивкой. В одном месте фильма вашингтонского филиала Эн-би-си о приеме на «Крыше св. Реджиса» видно, как Гарри Виктор берет из рук Инез бокал шампанского и убирает его из поля зрения камеры.

Инез все было безразлично. Казалось, вся ее жизнь волнует ее так же мало, как и те занятия, которые она пробовала и оставляла, подобно платьям на один сезон. Когда Гарри Виктор служил в министерстве юстиции, Инез, покуда не родились близнецы, работала лектором в Национальной галерее. Когда Гарри Виктор оставил министерство юстиции и переехал в Нью-Йорк, Инез перешла в «Вог» и получила одну из тех должностей, которые в журналах мод выдумывают для неустроенных молодых женщин с хорошими связями, для женщин, которым необходимо место, чтобы проводить время в перерывах между домашними обязанностями, замужествами или зваными обедами. Позже она провела год в «Парк-Бернете». Она участвовала в различных заседаниях, в работе комитетов милосердия, в комиссиях по сохранению дикой природы и «увеличению возможностей»; когда стало ясно, что Гарри Виктор будет выставлять свою кандидатуру и Инез понадобится то, что Билли Диллон называл «особым интересом», она неожиданно и с горячностью стала настаивать, что хочет работать с беженцами, однако было решено, что беженцы – всегда момент спорный, а потому такого рода «особый интерес» несколько неуместен.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Вместо этого, поскольку Инез постоянно интересовалась и к этому времени неплохо разбиралась в живописи, для нее придумали должность консультанта коллекций, принадлежавших американским посольствам по всему миру. В теории жены новых послов должны были представлять Инез сведения о размерах стен в домах, обставленных мебелью за счет госдепартамента, а Инез – советовать, какого рода картины подходили больше всего не только для декорации конкретных стен, но и соответствовали бы значимости посольства. «Ну, к примеру, я вряд ли послала бы Сарджента [124 – Сарджент Джон Сингер (1856–1925) – американский живописец, автор светских и тонких психологических портретов.] в Заир», – рассказывала она репортеру, но трудно было заставить ее объяснить почему. Как бы то ни было, лишь два посла получили новое назначение за все время работы Инез в качестве консультанта, что делало этот «особый интерес» отнюдь не всепоглощающим. Что касается ее желания работать с беженцами, она в конце концов осуществила его в Куала-Лумпуре; когда я ее там увидела, мне пришлось в голову, что сама Инез Виктор являлась в некотором роде беженцем. У нее был защитный инстинкт удачливого беженца. Она никогда не оглядывалась назад.

9

Или – почти никогда.

Я помню только один случай, когда Инез Виктор действительно сделала попытку оглянуться назад.

Попытку, реальное усилие.

Этот случай был нетипичной для Инез попыткой систематизации и своего прошлого, предпринятой на веранде красного дерева в доме, который Гарри и Инез Виктор снимали весной, когда он читал лекции в университете в Беркли, в промежутке между кампанией 1972 года и заключительным этапом кампании по сбору средств для Союза демократических учреждений. Оно началось со ссоры после факультетского обеда в честь Гарри.

«Я всегда стремился говорить с американским народом снизу вверх», – сказал Гарри, когда за столом один физик стал расспрашивать о его подходе к той или иной энергетической программе, и Инез показалось, что на живой и приятный, насколько позволяли обстоятельства, вечер пал некий унылый покров.

«Не сверху вниз, – добавил Гарри. – Только посмейте говорить с американским народом сверху вниз».

Физик продолжал гнуть свою тему – техническую и весьма неясную.

«Либо Джефферсон был прав, либо – нет, – сказал Гарри. – Я склонен верить первому».

Инез уже неоднократно приходилось слышать это от Гарри – обычно тогда, когда у него не было под рукой фактов, и она никогда бы об этом не заговорила, если бы Гарри не вспомнил физика по дороге домой.

«Он не приготовил свое домашнее задание, – сказал Гарри. – Эти парни получают Нобелевские премии и дальше плывут по течению».

Инез – она была за рулем – ничего не ответила.

«Тебе не стоит так нажимать на педаль газа, – сказал Гарри, когда она повернула на дорогу, ведущую в Сан-Луис, – если только позади нас нет чего-то такого, о чем я не знаю».

«Тебе не стоит так нажимать на риторику за обеденным столом, – услышала Инез собственный голос, – если только ты не стремишься к чему-то, о чем я не знаю».

Наступила тишина.

«Этого можно было бы и не говорить, – сказал наконец Гарри; голос у него был сперва напряженным и обиженным, затем выровнялся для ответного удара. – Я, собственно, не возражаю против того, чтобы ты срывала на мне свое

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
очевидное несчастье, однако я рад, что дети в Нью-Йорке».

«И вдалеке от моего очевидного несчастья – насколько я понимаю, ты это имеешь в виду».

«Именно это».

Они молча легли в постель, а на следующее утро, когда Гарри отправился в кампус, не сказав ни слова, Инез взяла кофе и пачку сигарет на залитую солнцем веранду красного дерева и присела, чтобы обдумать слова «свое очевидное несчастье». Ей не казалось, что она столь очевидно несчастна, но также не казалось, что она ощутимо счастлива. Казалось, «счастье» и «несчастье» вообще не те карты, которыми она привыкла играть. Там на веранде в прозрачном утреннем солнечном свете она решила восстановить детали тех обстоятельств, при которых, по ее воспоминаниям, она была счастлива. Размышляя над этими обстоятельствами, она была поражена их незначительностью, невозможностью состыковать их с основными событиями ее жизни. В ретроспективном рассмотрении она, казалось, больше всего была счастлива в снятых домах и за ленчем.

Она вспомнила, как была особенно счастлива, сидя одна за ленчем в номере чикагского отеля, когда ветер гнал снег по выступам окна. Был еще ленч в Париже, который она помнила в деталях: поздний ленч, вместе с Гарри и близнецами в Прэ-Кателан во время дождя. Она помнила, как его струи стекали по большому стеклам, как дождь шумел в деревьях, как ветки шуршали по окнам, а внутри был теплый свет. Она помнила, как Джесси издавала радостные звуки, настоятельно указывая пальцем на пуделя, сидевшего на позолоченном стульчике в противоположном углу комнаты. Она помнила, как Гарри расстегнул пуговицы на промокшем свитере Эдлая, поцеловал влажные волосы Джесси и налил каждому из них полстакана белого вина.

Она смогла восстановить целый день из жизни в Гонконге – день, который они провели вдвоем с Джесси в снятом доме с видом на Репалс-Бей. Она и Гарри оставили Эдлая в Гонолулу с Жанет и Диком Зиглерами, впихнули Джесси в самолет на Гонконг, а когда на рассвете приземлились, то узнали, что Гарри ожидали в Сайгоне для участия в брифинге по сложившейся ситуации. Гарри немедленно вылетел в Сайгон, а Инез с Джесси ждали его в доме, принадлежавшем главе гонконгского бюро «Тайм». Выставленные перед домом бегонии в горшках вызвали в Инез ощущение счастья, счастливой делали ее и высохшая лужайка, и особый отблеск солнца на поверхности моря. Чувством счастья наполнило ее даже брошенное на ходу, когда он отдавал ей в аэропорту ключи от дома, замечание шефа бюро «Тайм» о том, что недавно в саду видели детенышей кобры. Это введение в день детенышей кобры сообщило Инез чувство трансцендентальной пользы собственных действий, побудило исполнять желания Джесси. Она отнесла Джесси от крыльца к качелям во дворике. Она отнесла Джесси с качелей во дворике на скамейку, откуда они могли наблюдать за игрой солнечных бликов на поверхности моря. Она даже отнесла Джесси из дома в правительственную машину, которая прибыла к закату, чтобы отвезти их в отель, куда Гарри должен был приехать в полночь.

Там, на залитой солнцем террасе красного дерева на Сан-Луис-роуд, Инез начала думать о Беркли как о еще одном месте, которое позже сможет стать воспоминанием о состоянии особого счастья: еще один снятый дом, и она решила не забывать об этом, однако к июню того же года, возвратившись в Нью-Йорк, она уже не могла припомнить все детали. Именно в июне Эдлай попал в катастрофу (вторую, тяжелую, при которой пятнадцатилетняя девушка из Денвера потеряла левый глаз и одну почку); в этом же июне 1973 года Инез обнаружила Джесси на полу в ее спальне, а в мусорной корзинке валялись стеклянная ампула и игла одноразового пользования.

«Позволь мне умереть, и пусть все это кончится, – сказала Джесси. – Пусть я буду в земле и усну».

Прибыл доктор в тренировочном костюме.

«У меня двойка по истории, – сказала Джесси. – Никто не садится со мной за обедом. Не говорите папе».

«Я здесь», – сказал Гарри.

«Папа здесь», – сказала Инез.

«Не говорите папе», – сказала Джесси.

«Стоило бы подумать о лечении», – сказал доктор.

«Стоило бы также подумать о прикреплении наркологов к долтонской школе, – сказал Гарри. – Ладно, забудем, не надо меня цитировать».

«Сейчас время стресса», – сказал доктор.

Первым психоаналитиком, которого порекомендовал доктор, была молодая женщина из клиники на 61-й Ист-стрит, специализировавшаяся на лечении того, что психиатры называют «юношеским злоупотреблением химическими веществами».

«Возможно, было бы полезным поговорить о вас, – сказала врач. – О вашей собственной жизни, мироощущении».

Инез помнила, что врач носила серебряный анк[125 – Священный крест, символ жизни в Древнем Египте.]

Она помнила, что через разделяющее стекло видела, как Джесси жует прядь своих длинных светлых волос, склонившись над многофазовым «Реестром личности», выпущенным в Миннесоте.

«Моя жизнь – не совсем та проблема, которой следовало бы заняться сейчас, – вспоминала она свои слова. – Не так ли?»

Врач улыбнулась.

Инез зажгла сигарету.

Ей пришло в голову, что, если бы она просто вошла в соседнюю комнату, взяла Джесси за руку, посадила бы на самолет и увезла куда-нибудь в этой самой тренировочной майке с эмблемой школы «Долтона», все случившееся просто перестало бы существовать. Они могли бы встретиться с Эдлаем в Колорадо-Спрингсе. Эдлай вернулся в Колорадо-Спрингс днем раньше на сессию в школе, где он хотел набрать побольше баллов, что дало бы ему возможность попасть в колледж и получить отсрочку от призыва в армию. Они могли бы поехать повидаться с Гарри в Энн-Арборе. Этим утром Гарри уехал в Энн-Арбор читать лекции о положительных и отрицательных аспектах гражданского неповиновения.

«Я никак не могу до нее достучаться, – сказал Гарри, перед тем как уехать в Энн-Арбор. – Может, Эдлай и сукин сын, но с ним я могу говорить. Когда я говорю с ней, у меня ощущение, что я обращаюсь к НЛО».

«Эдлай, – сказала Инез, – как ни странно, верит, что может удовлетворить преподавателей по курсу американской истории знаниями за три четверти по курсу истории американского кино».

«Очень хорошо, Инез. Нагло, но хорошо».

«Нагло, но правда. И к тому же – более того – я попросила Эдлая найти время сходить в больницу проведать Синтию. И вот что он сказал».

«Какую Синтию?» – спросил Гарри.

«Синтию, которую он едва не убил в катастрофе. „С ней порядок, она в повестке дня“. Так он сказал».

«Он по крайней мере что-то сказал. А она уставится на тебя, и все».

«Ты постоянно говоришь она. Ее зовут Джесси».

«Я знаю это чертово имя».

Вот Энн-Арбор.

Гарри сидит в аудитории без пиджака и выражает восхищение («Да что вы, какое там восхищение, при виде этих ребят я испытываю нечто вроде благоговения») самым социально ответственным поколением, когда-либо

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
бунтовавшим в американских кампусах.

Вот Колорадо-Спрингс.

У Эдлая уже есть повестка дня.

Джесси оторвала взгляд от миннесотского многофазового «Реестра личности», мимолетно улыбнувшись из-за разделительного стекла.

«„Проблема на настоящий момент“, как вы выражаетесь, состоит в привычке к употреблению определенных веществ. – Терапевт открыла ящик, достала пепельницу и подтолкнула ее вдоль стола к Инез. Она все еще улыбалась. – Я заметила, что вы курите».

«Да-да. – Инез потушила сигарету и встала. Лицо у Джесси было ясным, волосы – медового цвета, никак не скажешь, что под рукавами джемпера с эмблемой школы „Долтон“ на ее гладких загорелых руках были видны следы от иглы. – А еще я пью кофе».

Выражение лица врача не изменилось.

Позвольте мне умереть, и пусть все это кончится.

Опустите меня в землю и дайте мне заснуть.

Не говорите папе.

Инез взяла свой жакет.

По другую сторону разделительного стекла Джесси вынула из сумочки, висевшей у нее на плече, карманное зеркальце и принялась подводить глаза карандашом.

Второй психоаналитик был уверен, что ответ даст более внимательный анализ родственной gestalt терапии. Третий применял методику, включавшую элементы аверсионной терапии. В клинике Сиэтла, куда наконец в конце 1974 года отправили Джесси, в частном заведении, специализировавшемся на лечении того, что четвертый аналитик именовал «подростковой зависимостью от химических веществ», персонал называл пациентов клиентами, их держали на метадоне и подыскивали им временную работу, «соответствующую особенностям характера и индивидуальным навыкам каждого отдельного клиента». Джесси работала официанткой в местечке Паджет-Саунд, в заведении «Замок королевского краба».

«Здорово оттягивает, – сказала Джесси по телефону, – особенно если удастся не упустить кусочек маринованной свеклы в салат из крабов».

От искреннего усилия держаться бодро, слышавшегося в голосе Джесси, у Инез сдавило горло.

«Все это пригодится», – сказала наконец Инез, и Джесси хихикнула.

«Точно», – сказала она, сделав в слове ударение так, чтобы оно подразумевало согласие. Ей еще не было восемнадцати.

10

Другие берега.

Инез перестала жить одна на квартире в районе Центрального парка после того, как домоправитель рассказал репортеру из «Ньюсдей», как он пришел спустить воду в батареях, а миссис Виктор попросила его приготовить ей двойную водку. Она брала маникюрные ножницы и соскребала наклейки с пустых пузырьков от лекарств перед тем, как выбросить их. Она перестала покупать книги в специализированном магазине на Мэдисон-авеню после того, как обнаружила фамилии, адреса и инструкции по обслуживанию постоянных клиентов, включая и свои собственные («привратник – Ллойд, горничная уходит в 4»), в открытой бухгалтерской книге у стойки кассира. Она запретила распечатывать в квартире письма от незнакомых людей и другие почтовые отправления от кого бы то ни было. Она посоветовалась с Билли Диллоном

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org относительно возможности возбуждения дела против журнала «Пипл» за то, что он включил историю об автомобильной катастрофе с Эдлаем в статью о проблемах с детьми знаменитостей, а также обращения к ежегоднику «Кто есть кто?» с просьбой изъять упоминание о ней, Джесси и Эдлае из статьи о Гарри Викторе. «Я не очень-то вижу в этом смысл, Инез, – сказал Билли Диллон, – поскольку встречаю твое имя в газетах минимум два-три раза в неделю».

«Смысл этого, – сказала Инез, – в том, что где-то кто-то может сидеть в библиотеке и читать „Кто есть кто?“».

„Рассматривай этого кого-то как свой хлеб с маслом, просто как любознательного гражданина“, – сказал Билли Диллон, однако Инез так не могла. Незнакомые люди испытывали разочарование и бывали сбиты с толку. Незнакомый человек мог испытать слишком глубокое разочарование, чтобы удовлетвориться беседой из „Ньюсдей“ и запутаться. Жизнь за пределами объектива кинокамеры, жизнь, которой жили (по представлению Инез) ее отец, и ее дядя Дуайт, и ее сестра Жанет, стала для Инез лишь отвлеченной идеей, чем-то, о чем она знала, но не вполне понимала. Она, к примеру, не могла понять, как мог ее отец давать номер ее телефона неизвестным людям, с которыми он встречался в самолетах, а затем звонить ей, чтобы упрекнуть за то, что она быстро прекращала телефонный разговор. „Мне казалось, ты могла бы потратить несколько минут, – сказал Пол Кристиан во время одного из таких звонков. – Этот молодой человек, не поговорив с которым ты повесила трубку, между прочим, знает много интересных подробностей об убийстве в Сан-Минео и очень хотел, чтобы Гарри его выслушал“. Она, к примеру, не понимала, что заставляло Дуайта посылать ей вырезки каждой статьи из „Эдвертайзер“, выходящей в Гонолулу, где упоминались их с Гарри имена. Эти вырезки приходили пачками, к которым была прикреплена визитная карточка Дуайта. „Неплохо идет“, – писал он порой на карточке карандашом. Не понимала она также, как могла согласиться Жанет во время кампании 1972 года дать интервью „Си-би-эс рипортс“ об их с Инез детских годах. Тот специальный выпуск этой программы был посвящен кратким биографиям жен кандидатов, и Инез смотрела его вместе с Гарри и Билли Диллоном в библиотеке нью-йоркской квартиры. Там был клип, где Гарри говорил о необыкновенном чувстве преданности, присущем Инез, в другом – Билли Диллон говорил о необыкновенном отношении Инез к искусству, а также был фрагмент, где директор долтонской школы говорил о необыкновенном интересе Инез к образованию, но появление в программе Жанет было полной неожиданностью.

„Нет, я бы не сказала „привилегированное“, – говорила Жанет перед камерой. Похоже, она сидела босая на катамаране перед своим домом на берегу. – Нет. Об этом нет и речи. Ничего „привилегированного“. Я бы просто назвала это замечательно бесхитрым образом жизни, о котором можно сказать „унесенный ветром““.

„Надеюсь, никто не усечет, что она говорит о второй мировой войне“, – сказал Билли Диллон.

„Разумеется, тогда у каждого была своя прекрасная китайская, ама“, – говорила перед камерой Жанет. Голос ее был высоким, задыхающимся и нервным. Камера показала Коко-Хэд. Инез взяла блокнот и стала писать. – «А потом у нас с Неззи была вроде бы гувернантка-француженка, она была из Нейи, нечего и говорить – мадемуазель говорила на безупречном французском, я помню, как Неззи сводила ее с ума, разговаривая на ломаном диалекте».

«Мадемуазель», – сказал Билли Диллон.

Инез не подняла головы от блокнота.

«Мадемуазель, – повторил Билли Диллон, – и Неззи».

«Меня никогда не называли „Неззи“».

«Теперь называют», – сказал Билли Диллон.

«Они хорошо сработали, – сказал Гарри Виктор, – им пришлось доставать подпись Жанет на пропуск на прибрежную-территорию-находящуюся-в-частной-собственности, – он наклонился, чтобы достать из-под стола телефон, – а также для ее „мерседеса“. Это Морт».

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
«Спроси Морта, как ему гувернантка из Нейи, – сказал Билли Диллон. – Возможно, Жанет пригласит мадемуазель в Западную Виргинию приготовить пару чашечек кофе».

Инез промолчала.

Ее никогда не называли Неззи.

Она никогда не говорила на ломаном языке.

Гувернантка из Нейи вовсе не была гувернанткой, а женой пилота транспортного самолета в Хикаме, который снимал студию над гаражом Сисси Кристиан в течение шести месяцев между происшествием в заливе Лейте и окончанием войны.

Жанет рассказывала «Си-би-эс рипортс», как ее и Инез учили укладывать скатерти между листами голубой шелковистой бумаги.

Гарри проводил свое вечернее совещание по телефону с Мормом Голдманом из МТИ[126 – Массачусетский технологический институт.], Перри Янгом из Гарварда и людьми, связанными с нефтехимией в Станфорде.

Никакой Неззи.

Никакого ломаного языка.

Никакой гувернантки из Нейи.

«Этот полив насчет голубых скатертей „проникает прямо в умы и сердца“», – сказал Билли Диллон.

«Морт все еще считает позицию по солнечной энергии негативной, Билли; может, тебе лучше взять трубку», – сказал Гарри Виктор.

«Скажи Морту, что мы только что расцеловались с этой позицией навсегда, – сказал Билли Диллон. – Только крупным шрифтом. Избранные места». Он смотрел, как Инез отрывала верхний листок от блокнота, на котором писала.

«Непосредственно для любителей голубой бумаги».

1) «Сияющая звезда», – написала Инез на кусочке бумаги.

2) «Мерцающая звезда»

3) «Утренняя звезда»

4) «Вечерняя звезда»

5) «Южная звезда»

6) «Северная звезда»

7) «Небесная звезда»

8) «Звезда меридиана»

9) «Дневная звезда»

10) ???

«Послушай Инез, – сказал Билли Диллон. Если ты пишешь проект послания Жанет, передай ей, что мы аннулируем ее номер».

«Тут Морт затронул щекотливую проблему, Билли, – сказал Гарри Виктор. – Возьми трубку».

Инез смяла листок и бросила его в огонь. В тот день, когда Кэрл Кристиан уехала навсегда на «Лэрлине», Жанет плакала не переставая до тех пор, пока ее не забрали из клуба «Пасифик» и не отвезли к педиатру, где только и смогли успокоить, но Инез не заплакала ни разу. Алоха оэ. Я рассказываю вам о женщине, верившей, что в тот день, когда она вспомнит названия всех

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org десяти транспортных кораблей, курсировавших между Гонконгом и Коулунгом, в название которых входило слово «звезда», благодать снизойдет на тех, кого она любит, и мир – на ее домашних. Она никогда не могла припомнить десятого. Десятый должен был бы быть «ночной звездой», но нет, название было другим. Во время кампании 1972 года и даже позже я видела в способности Инез Виктор к пассивной отчужденности аффектацию, порожденную скукой, фривольной привычкой, в сущности, ничем не занятого ума. Однако после того, что случилось весной и летом 1975 года, я взглянула на это по-иному. Я увидела в этом главный механизм, дающий возможность прожить жизнь, основная расплата за которую – память. Слей горячее. Сбрось груз. Катапультируй команду.

11

Весной 1975 года, в последние дни того, что Джек Ловетт называл «попыткой помочь» Вьетнаму, мне довелось преподавать в Беркли, читать цикл лекций на той же основе, что читал их Гарри Виктор между кампанией 1972 года и заключительным этапом кампании по сбору средств для Союза демократических учреждений; жить одной в комнате при факультетском клубе и встречаться с десятком или около того студентов с английского отделения для обсуждения с ними идеи демократии в работах некоторых писателей постиндустриальной эпохи. Я использовала время своих семинаров для обнаружения сходства в стилях и особенно – в идеях демократии (гипотеза заключалась в том, что способ построения писателем предложения отражал образ его мышления) у Джорджа Оруэлла и Эрнеста Хемингуэя, Генри Адамса и Нормана Мейлера. «Холмы напротив были серые и морщинистые, как шкура слона» и «эта война была рэкетом – точно так же, как и все другие войны»: и то и другое было написано Джорджем Оруэллом, однако эхом откликалось и у Эрнеста Хемингуэя. «Наверное, ни одному ребенку, родившемуся в тот год, не выпало лучшей судьбы» и «он начал ощущать сорокафутовое динамо, как моральную силу, очень похоже на то, как ранние христиане ощущали Крест»: и то и другое принадлежало Генри Адамсу, но отзывалось и у Нормана Мейлера.

«О чем это нам говорит?» – спрашивала я свой класс.

Рассмотрим роль писателя в постиндустриальном обществе.

Рассмотрим политическую подоплеку доверия к абстрактным словам и недоверия к ним, рассмотрим социальную организацию, подразумеваемую при использовании третьего лица в автобиографических произведениях.

Рассмотрим также «включенность» самой Дидион – и изменения в атмосфере повествования, последовавшие в результате. Каким образом? Так получилось, что я сама была выпускницей Беркли, а это означало, что двадцать лет назад в такой же, или похожей, комнате (высокие фрамуги, резные украшения из золотистого дуба, следы от растоптанных сигарет на полу – шестьдесят лет выпускных страстей, не исключая и моих) я рассматривала те же вопросы или что-то похожее. В 1955 году в этом кампусе я впервые заметила, как ускорило время. В 1975 году оно уже не просто ускорило, но коллапсировало, проваливалось само в себя – этот процесс напоминал превращение взрывающейся звезды в черную дыру; на фоне всего, что осталось не усвоенным мною, мне вспоминаются лишь обрывки неверно заученных стихов. Приношу извинения А. Э. Хаусману, Т. С. Элиоту, Дэлмору Шварцу:

Из тех трижды по двадцать да десяти, что даются[127 – Три по двадцать и десять (библ.) – 70 лет. Употребляется также для обозначения нормальной продолжительности человеческой жизни.]

Эти двадцать моих уже не вернутся.

Черно-бурые над головою крыла,

двадцать лет, и весна прошла.

В той школе до срока мы постигаем,

что время – костер, на котором сгораем.

Сентиментальное видение временного пристанища.

Все меньше времени остается для подобных смотров и пересмотров.

В этом довольно лихорадочном состоянии я, казалось, могла сосредоточиться лишь на чтении газет, особенно на чтении сообщений из Юго-Восточной Азии: в рушащихся столицах мне виделся наглядный пример эффекта черных дыр. Я

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org сказала «рушащихся». Многие из студентов, с которыми я говорила, употребляли выражение «освобождаемых». «Пресса истеблишмента предлагает нам радостные новости», – сказал один из них, и в следующий раз в разговоре я заменила «рушащиеся» на «закрывающиеся».

Каждое утро я шла пешком от факультетского клуба до газетного киоска на Телеграф-авеню, чтобы купить сан-францисскую «Кроникл», лос-анджелесскую «Таймс» и нью-йоркскую «Таймс». Каждый полдень я читала те же сообщения, но под другими заголовками и в других колонках в сан-францисской «Икзэминер», оклендской «Трибюн» и «Газетт», выходящей в Беркли. Между двумя выпусками успевали испариться танковые батальоны. Триста самолетов с зафиксированной геометрией крыла исчезли до новой статьи об игре президента в гольф в клубе избирательного округа Эльдорадо, Палм-Дезерт, штат Калифорния.

Я опускала заметки политического характера, сосредоточиваясь на деталях: стоимость визы, дающей возможность покинуть Камбоджу за несколько недель до закрытия Пномпеня, составляла пятьсот американских долларов. Посадочные огни для вертолетов, садившихся на крышу американского посольства в Сайгоне, были красный, белый и голубой. Американская эвакуация из Камбоджи и Вьетнама проходила соответственно под кодовыми обозначениями «Взлет орла» и «Порывистый ветер». Количество купюр, сожженных во дворе ДАО[128 – Служба атташе министерства обороны.] в Сайгоне перед тем, как поднялся последний вертолет, составило три с половиной миллиона американских долларов и восемьдесят пять миллионов пиастров. Кодовое наименование этой операции было «Сожжение денег». Количество вьетнамских солдат, которым удалось забраться в последний американский «727-й», покидавший Дананг, составило 330 человек. Количество вьетнамских солдат, сорвавшихся со стоек шасси «727-го», составило 1 человек. «727-й» принадлежал «Уорлд Эйруэйз». Пилота звали Кен Хили.

Я снова и снова перечитывала сообщения, не в силах оторваться от повторов и неразберихи распадающейся картины, словно от огней умчавшегося поезда, но читала я исключительно статьи, имевшие хотя бы отдаленное отношение к Юго-Восточной Азии. Все остальные новости проходили незамеченными и непрочитанными, и, если бы первое полученное сообщение, что Пол Кристиан убил Уэнделла Омуру, не было озаглавлено ПРОТИВНИК КОНФЛИКТА ВО ВЬЕТНАМЕ ИЗ КОНГРЕССА ЗАСТРЕЛЕН В ГОНОЛУЛУ, я, вероятно так его и не прочла. В этот первый полдень Жанет Зиглер не была упомянута ни разу, однако уже утренние выпуски пестрели ее именем, в «Кроникл» были ее фотографии, нью-йоркская «Таймс» отвела ей отдельную колонку под заголовком ТРАГЕДИЯ НА ОСТРОВЕ КОСНУЛАСЬ СЕМЕЙСТВА ВИКТОР, где фигурировали Инез и Гарри Виктор.

Это было 26 марта 1975 года.

В среду утром.

Я попробовала позвонить Инез Виктор в Нью-Йорк, но ее уже не было на месте.

12

Взгляните на это следующим образом.

Представьте себе восход солнца в то утро в среду 1975 года, каким его видел Джек Ловетт.

Из комнаты для операторов в аэропорту Гонолулу. Теплый дождь на взлетной полосе.

Запах авиабензина.

Чартерные рейсы военного назначения – предлог для пребывания Джека Ловетта в комнате операторов аэропорта – «С-130-е», «ДС-8-е», прибывавшие из Сайгона уже на протяжении всей ночи, сгрудились вокруг ангаров обслуживания.

Первый луч света, прорвавшийся над морем и очертивший рельефы двух островов (сперва одного, а затем – ровно девяносто секунд спустя – второго) – двух неясных массивов, видимых на горизонте к юго-востоку только на протяжении этих двух-трех минут ежедневно, когда солнце всходит за ними.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Регулярный рейс из аэропорта Кеннеди через Лос-Анджелес, выполняемый «747-м» компании «Пан-Америкен», – «747-м», возникающим из молочных разводов на небе, касающимся земли точно по расписанию; большие колеса разбрызгивают воду на гудронной полосе, легкое торможение, дрожь при выключении двигателей.

Пять тридцать семь утра.

Наземная команда в тонких желтых куртках.

Трап, подъезжающий к самолету.

Представитель авиакомпании, ожидающий внизу у трапа с зонтиком в руках, декларации в защитном целлофановом пакете и перекинутая через левую руку гирлянда цветов.

Женщина, которую ожидают представитель авиакомпании и Джек Ловетт (предлог, под которым Джек Ловетт находится в комнате операторов аэропорта, и действительная причина его пребывания там различны), выйдет из самолета предпоследней. Эта женщина в том возрасте (слегка за сорок в этом конкретном случае), когда в определенное время дня можно выглядеть очень хорошо (хорошее время для таких женщин – воскресный ленч летом, особенно если они надевают соломенную шляпу, затеняющую глаза, и шелковую блузку, закрывающую локти, а также если они воздержатся от желания выпить после ленча еще один бокал белого вина), а в другое время дня – не так хорошо. Пять тридцать семь утра – не лучшее время дня для этой женщины, готовящейся сойти с «727-го» компании «Пан-Америкен». У нее голые ноги, бледные, несмотря на приятный среди женщин с определенными средствами круглогодичный загар, на ней легкие туфли с завязками, одна из которых развязалась и соскользнула вниз. Ее темные волосы, тщательно причесанные по привычке убирать седую прядь на левом виске, – сухие и тусклые после ночи, проведенной в самолете. Ни следа косметики. Темные очки. Короткая трикотажная юбка с жакетом, под которым хлопчатобумажная кофточка; как только она сходит с самолета во влажную жару дождливого тропического утра, она снимает жакет и наклоняется, чтобы поправить завязку на туфле. Когда представитель компании со своим зонтиком начинает подниматься по трапу, она оглядывается назад, очевидно сконфуженная.

Мужчина сзади нее на трапе, человек, который в списке пассажиров записан как ДИЛЛОН Р. У., наклоняется к ней и что-то тихо и коротко говорит.

Она смотрит вверх, улыбается представителю компании и послушно наклоняется вперед, в то время как тот пытается одновременно прикрыть ее зонтиком и надеть на плечи гирлянду.

Должно быть, он говорит «Алоха-оэ».

Очень мило.

Трагические обстоятельства.

Все, что в силах сделать наша компания и я лично.

Соответствующее обслуживание.

Когда прибудет сенатор.

Очень мило.

В то время как представитель компании говорит с человеком, записанным под именем ДИЛЛОН Р. У., – очевидно, о машинах, багаже, соответствующем обслуживании, когда прибудет сенатор, – женщина стоит немного в стороне, все еще заученно улыбаясь. Она вышла из-под зонтика, и струйки дождя стекают по ее лицу и волосам. Ее пальцы безотчетно вынимают цветы из гирлянды, подносят к лицу, прижимают лепестки к щеке, сплющивая их. Два часа спустя, когда она через стеклянное окно отделения интенсивного ухода на третьем этаже Королевского медицинского центра увидит тело своей сестры Жанет, лежащей без сознания, на ней будет та же короткая трикотажная юбка и венки с расплюснутыми цветами.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Эта сцена – мой прокаженный у дверей, моя угольная компания «Тропический пояс», моя одинокая фигура на гребне неизменной горы.

Инез Виктор в 5.47 утра 26 марта 1975 года, мнущая цветы венка под дождем на взлетной полосе.

Наблюдающий за ней Джек Ловетт.

«Уведите же ее с этого чертова дождя», – говорит Джек Ловетт, не обращаясь к кому-либо персонально.

ЧАСТЬ 2

1

В тот раз, когда, как мне показалось, Дуайт Кристиан был особенно очевидно самим собой, он курил длинную гавану и с явным удовлетворением разглядывал пар, поднимающийся над освещенным плавательным бассейном за домом на Маноа-роуд. Поднимающийся пар и подсветка придавали воде, мрачно пузырящейся у фильтра стока, таинственный отблеск; поскольку воздух в тот вечер был теплым, температура воды, учитывая пар, должна была быть за сто градусов [129 – По шкале Фаренгейта.]. Помню, я спросила Дуайта Кристиана, каким образом (подразумевая – зачем) ему удастся поддерживать в бассейне такую температуру. «Нагреть бассейн – не проблема», – сказал Дуайт Кристиан, как будто я его поздравила с неким достижением. Дело в том, что Дуайт Кристиан был склонен интерпретировать все, что говорили ему женщины, как поздравление. «Хитрость в том, чтобы бассейн охладить».

Мне не приходило в голову, сказала я, что плавательный бассейн может нуждаться в охлаждении.

«Это вам не приходилось жить на побережье Мексиканского залива», – сказал Дуайт Кристиан, раскачиваясь на каблуках. «Там их надо охлаждать; мы разработали технологию в Дхагране. Сделали это самые первые для „Арам-ко“. Эффективно в стоимостном отношении. Использовали ее и там, и в Дубай. Пришлось. Иначе мы ошпарили бы свой персонал».

Что-то мечтательное появилось на мгновение в его взгляде, что-то неожиданно мягкое при воспоминании о Дхагране, Дубай, эффективной технологии для «Арамко», а затем, совершенно внезапно, он издал шипящий горловой звук, очевидно показывавший, как мог быть ошпарен персонал, и засмеялся.

Таков был Дуайт Кристиан.

«Посетили Дуайта и Руфи Кристиан на их благодатном островном форпосте, из наших одноклассников он изменился меньше всех за эти годы и все еще удерживает пальму первенства по гостеприимству», – прочла я недавно в записях выпускников Станфорда (Миллс-колледж, выпуск 33-го года).

В тот раз, когда, как мне показалось, Гарри Виктор был особенно очевидно самим собой, он разыгрывал роль патрона представителей правительств Западной Европы за обеденным столом в Лондоне на Трегунтер-роуд. «Рано или поздно, все они появляются со списками предполагаемых закупок», – говорил он над «риджстаффелем» на тарелках с синим узором в китайском стиле и слабым виски с содовой, который он попивал весь вечер. На этот обед он прибыл не с Инез, а с молодой женщиной, которую он неоднократно представлял как «внучку первого еврея в Верховном суде Соединенных Штатов». Этой молодой женщиной была Фрэнсис Ландау. Фрэнсис Ландау слушала все, что говорил Гарри Виктор, с неослабевающим вниманием, отрывая свой взор лишь для того, чтобы прокомментировать сказанное менее внимательным слушателям; ее слегка искаженное болезнью щитовидной железы лицо заострилось в свете свечей, голос был резким, поставленным, – настойчивое эхо каждого высказывания, какое ей когда-либо довелось слышать.

«Иными словами – то, чего они хотят, – сказала Фрэнсис Ландау, – от Соединенных Штатов».

«А это обычно – ядерное топливо», – сказал Гарри Виктор, взяв десертную

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org ложку и рассматривая маркировку. Казалось, его вдруг стала утомлять столь восторженная интерполяция Фрэнсис Ландау. Он был достаточно восприимчивым человеком, однако ему была присуща тупая самоуверенность, неколебимый эгоцентризм, характерные для многих, кто какое-то время был связан с Вашингтоном. «Прошлой ночью я спал на авианосце в Индийском океане», – несколько раз повторил он перед обедом. Подтекст этого высказывания, вероятно, был тот, что он спал на авианосце, дабы Лондон мог спать спокойно, и я была поражена, до какой степени Индийский океан, авианосец – и даже он сам – мыслятся им как абстракции, бесплотные придатки политики.

«Ядерное топливо, чтобы вогнать в дрожь своих кормильцев», – добавил он, а затем, совершенно необъяснимо для других гостей, он, как бы машинально, прочел несколько строк из стихов Одена, которые в том году он включал во все свои публичные высказывания: «„Нам с читателем известно, внушено со школьных лет: не чините зла другому – зло получите в ответ“. У. Х. Оден. Но мне не следовало говорить это вам. – Он сделал паузу. – Это английский поэт».

Таков был Гарри Виктор.

Всем этим я хотела сказать, что могу припомнить момент, когда поведение Гарри Виктора полностью соответствовало его сути, и я могу вспомнить момент, когда Дуайт Кристиан, казалось, был абсолютно самим собой, и я могу вспомнить подобные моменты в поведении большинства знакомых мне людей, настолько сейчас укоренилось в поведении очертить личность, показать характер, однако я не могу припомнить ни одного момента, когда бы Инез Виктор или Джек Ловетт раскрылись мне, позволив охарактеризовать себя. Они были одинаково неуловимыми, в известном смысле эмоционально невидимыми, ни с чем не связанными, осмотрительными до непроницаемости и, наконец, уклончивыми. Казалось, все было им чужим, кроме, как это ни странно, друг друга.

Они встретились в Гонолулу зимой 1952 года. Я могу совершенно точно охарактеризовать приход зимы в Гонолулу: начинает дуть ветер кона, и сезон меняется. «Кона» означает подветренную сторону, и этот самый ветер задувает с подветренной стороны острова, намывая грязь на рифы, разбрасывая по пляжам апельсиновую кожуру и обертки, смятые бумажные стаканчики, сшибая цветы со сливовых деревьев и сухую листву с пальм. Море становится молочного цвета. На деревянных крышах кишат термиты. Температура меняется совсем незначительно, но плавают только туристы. На горизонте знакомого мира существует только вода, вода как единственная объективная данность, вода как тот конец, к которому, очевидно, придет и этот остров, и в воздухе витает некое беспокойство. Мужчины типа Дуайта Кристиана наблюдают за паром, поднимающимся с поверхности плавательных бассейнов, и все чаще звонят в места разработок в Тайбэе, Пенанге, Джедде. Женщины типа Руфи Кристиан вынимают из кладовок свои меха, меха, что передаются от матери к дочери практически ни разу не надеваемыми – не утратившими первоначального блеска, – и мечтают о поездках на материк. В эти дни и ночи полосы дождя закрывают горизонт, а у северного берега вздымаются буруны, и полная изолированность этого места ощущается особенно пронзительно; как раз такой ночью 1952 года Джек Ловетт впервые увидел Инез Кристиан и распознал в зерне ее предсказуемых устремлений и тщеславия юности эксцентричность, скрытность, эмоциональное одиночество под стать его собственному. Теперь я это понимаю.

Кое-что из этого я узнала от него.

1 января 1952 года.

Антракт в балете, одна из тех третьестепенных бродячих трупп, предоставляющая женщинам, детям и добропорядочным отцам семейств маленьких городков ежегодную возможность увидеть «Полдень фавна» и гранд па-де-де из «Щелкунчика»; счастливый момент, подарок судьбы, повод приодеться после удручающего однообразия этого времени года и особой утомительности праздников, постоять на улице под импровизированным навесом, попивая шампанское из бумажного стаканчика. Сдержанные приветствия. Рассеянное внимание. Сисси Кристиан курит сигарету в нефритовом мундштуке. Инез в темных очках (в темных очках потому, что спала всего четыре часа, поспорила с Жанет, поговорила по телефону с Кэрл Кристиан в

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org Сан-франциско и Полом Кристианом в Суве и большую часть дня проплакала в своей комнате: одна из последних судорог ее отрочества), она то откалывает, то прикалывает гардению к своим влажным волосам. Это наша племянница Инез, говорит Дуайт Кристиан. Инез, майор Ловетт. Джек. Инез. Миссис Ловетт. Карла. Вздох, сигарета. Шампанское тепловато. Один бокал тебе не повредит, Инез, это ведь твой день рождения. День рождения Инез. Инез семнадцать лет. Действительно, вечер Инез. Инез у нас – поклонница балета.

«Почему вы носите солнечные очки?» – спросил Джек Ловетт.

Смутившись, Инез прикоснулась к очкам, словно хотела их снять, затем вместо этого, глядя на Джека Ловетта, откинула волосы назад, ослабив шпильки, державшие гардению.

Инез Кристиан улыбнулась.

Гардения упала на влажную траву.

«В свое время я знала всех генералов в Шофилде, – сказала Сисси Кристиан. – Как же там весело было тогда!»

«Не сомневаюсь», – сказал Джек Ловетт, не отводя глаз от Инез.

«Некоторые из них были отличными игроками в поло, – сказала Сисси Кристиан. – Не думаю, чтобы вам доводилось часто играть».

«Я не играю», – сказал Джек Ловетт.

Инез Кристиан прикрыла глаза.

Карла Ловетт осушила свой бумажный стаканчик и смяла его в руке.

«Инез семнадцать лет», – повторил Дуайт Кристиан.

«Ну, а я выпила бы чего-нибудь покрепче», – сказала Карла Ловетт.

В дни, следовавшие за этой встречей, образ Инез Кристиан ни разу полностью не исчезал из мыслей Джека Ловетта; это было не столько ее осознанное присутствие, сколько тень, полутон. Он думал об Инез, когда просто куда-то шел или просто ложился спать. Он вспоминал об Инез Кристиан во время затиший между спорами, становившимися все более редкими, которые он и Карла Ловетт вели в ту зиму относительно того, когда, или как, или почему она его покинет. Его интерес к Инез не был, как ему представлялось, сексуальным: даже на этой, самой вялой стадии их семейной жизни его влекло к Карле, влекла именно ее заторможенность; он все еще мог испытать сильное возбуждение, увидев, как она расчесывала волосы, или натягивала юбку, или сбрасывала гуарачес, которые носила вместо шлепанцев.

Джек Ловетт считал, что в Инез Кристиан его привлекло другое. Инез представлялась ему слушающей что-то, что он ей говорил, слушающей очень серьезно, а затем подающей ему руку. На этой картине она была с гарденией в волосах и в белом платье, которое надевала в балет, в том единственном платье, в котором он ее видел, и кроме них двоих никого не было. На этой картине они, по сути, были единственными людьми на Земле.

«Просто до чертиков романтично».

Как сказал мне Джек Ловетт на борту «Гаруда-727», у которого заклинило шасси.

Он помнил, что ногти у нее были короткие и неотполированные.

Он помнил шрам на ее запястье и то, как он вдруг подумал, не сделала ли она это нарочно. Вряд ли, решил он.

Ему пришло в голову, что он может ее уже никогда не встретить (принимая во внимание его ситуацию, ее ситуацию, остров и тот факт, что, с ее точки зрения, он на этом острове был чужим), но однажды в субботнюю ночь в феврале он в буквальном смысле слова нашел ее посреди тростникового поля – остановился, чтобы не врезаться в стоящий на узкой дороге между Эва и Шофилдом «бьюик», и там была она, Инез Кристиан, семнадцати лет, заливавшая

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org воду в радиатор большого «бьюика», в то время как ее кавалер – парень в красной рубашке с оксфордской эмблемой – блевал, стоя на корточках в тростнике.

Они пили пиво, сказала Инез Кристиан, на карнавале в Вахиаве. Там были солдаты, бутылка рома, спор насчет того, сколько плюшевых собак выиграно за стрельбу, приехала военная полиция, а теперь случилось вот это.

Парня звали Бобби Страдлер.

Она немедленно поправилась: Роберт Страдлер.

«Бьюик» принадлежал отцу Роберта Страдлера, и, по ее мнению, следовало бы вытолкать «бьюик» на дорогу и вернуться при дневном свете с буксиром.

«„Следовало бы“, – сказал Джек Ловетт. – Вы настоящая Мисс Хорошие Манеры».

Инез Кристиан пропустила его замечание мимо ушей. Отец Роберта Страдлера мог организовать буксир.

Она сама могла организовать буксир.

При дневном свете.

Она была босиком, говорила очень отчетливо, как бы пресекая любое подозрение в том, что сама может быть пьяна. Только позже, сидя уже на переднем сиденье в машине Джека Ловетта на пути в город (Роберт Страдлер спал на заднем сиденье, обняв призовых плюшевых собак), Инез Кристиан дала понять, что помнит его.

«Меня не волнует, что вы женаты, – сказала она. Она сидела очень прямо и во время разговора не отрывала взгляда от дороги. – Так что решать вам. В большей или меньшей степени».

От нее пахло пивом, кукурузными хлопьями и кремом «Нивея». В следующий раз, когда они встретились, у нее с собой был ключ от дома на ранчо в Нуанну. Они встречались несколько раз до того, как он сказал ей, что Карла Ловетт фактически оставила его: проспала до полудня в последний день января, а затем, в нехарактерном для нее припадке гормональной энергии, упаковала свои гуарачес и короткие ночные рубашки, пластинки Гленна Миллера и купила билет в Травис; когда он это рассказал, она только пожалала плечами.

«Это ничего не меняет, – сказала она. – С фактической стороны».

С фактической стороны это действительно ничего не меняло, и Джеку Ловетту пришло в голову, что то, что сперва он принял в Инез Кристиан за чрезвычайную беспечность, может также быть истолковано и как заложенное в ее характере нежелание вдаваться в какие-либо проблемы. Тайная природа их встреч никогда не ставилась под вопрос. Отсутствие какого бы то ни было обозримого будущего этих встреч стало предметом разговора лишь однажды, и начал его он сам.

«Ты будешь помнить об этом?» – спросил Джек Ловетт.

«Вероятно», – сказала Инез Кристиан.

Ее отказ строить самые общие умозрительные предположения заинтересовал, даже уязвил его, и, на удивление самому себе, он продолжал настаивать:

«Ты поступишь в колледж, выйдешь замуж за какого-нибудь игрока в сквош и забудешь все, чем мы занимались».

Она ничего не сказала.

«Ты пойдешь своим путем, я – своим. Так следует понимать?»

«Пожалуй, наши пути будут пересекаться, – сказала Инез Кристиан. – Тут ли, там ли».

К сентябрю 1953 года, когда Инез Кристиан оставила Гонолулу, чтобы провести первый из четырех лет в колледже «Сара Лоуренс», где она решила изучить

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org историю искусств, Джек Ловетт был в Таиланде, готовя то, что позже получило название «воздушной операции в Азии». К маю 1955 года, когда Инез Кристиан вышла из танцевального класса колледжа «Сара Лоуренс» во вторник в полдень, села в машину Гарри Виктора и поехала в Нью-Йорк, чтобы выйти за него замуж в мэрии, в трикотажной юбочке для занятий, завязанной поверх балетного трико и с пучком маргариток в качестве букета, Джек Ловетт был уже в Сайгоне, налаживая подъездные пути к тому, что в 1955 году еще не называлось «попыткой помощи». В 1955 году он еще называл это «проблемой мятежников», но уже тогда видел ее перспективы. Они представлялись ему благоприятными. Мне кажется, так думали, пока эта проблема существовала. «Это не игрок в сквош», – написала Инез Кристиан наискось на объявлении о помолвке, которое в конце концов отправила на его адрес в Гонолулу, но получил он его только через шесть месяцев.

Мне вдруг пришло в голову, что Гарри Виктор мог поехать в заведение «Сара Лоуренс» в майский полдень во вторник, забрать Инез Кристиан в ее балетном костюме и жениться на ней в мэрии под влиянием порыва, возможно единственного в жизни Гарри Виктора, и порыв этот можно интерпретировать как весенний каприз, однако такая трактовка была бы неверной. Свою роль в этом сыграли и факторы практического характера. Со следующего понедельника Гарри Виктор должен был приступить к работе в Вашингтоне, а Инез Виктор была на втором месяце беременности.

Свадебный полдень был теплым и светлым.

Билли Диллон присутствовал в качестве свидетеля.

После церемонии Инез и Гарри Виктор, Билли Диллон и девушка, с которой он познакомился в этом году, переехали на пароме на Стейтен-Айленд и вернулись обратно, пообедали у «Лучова» и отправились в центр города послушать Мэйбл Мерсер.

«Этой весной... – пела Мэйбл Мерсер, и еще – придет мой звездный час».

Ровно через два месяца после свадьбы у Инез случился выкидыш, но к тому времени Гарри Виктор изучал всякие тайные пружины в министерстве юстиции, а Инез отделяла квартиру в Джоржтауне (белые стены, гарвардские стулья, литографии), и они давали званые вечера, приглашали помощников-администраторов, угощали *supremes de volaille a Pestrakon*[130 – Потрошки домашней птицы под эстрагоном (фр.)] за датским тиковым столом в гостиной. Когда Джек Ловетт наконец получил извещение Инез, он послал ей свадебный подарок, который выиграл в покер в Сайгоне, – серебряную сигаретницу с выгравированной надписью «Резиденция генерал-губернатора Индокитая».

2

их пути и на самом деле пересекались.

То там, то тут.

Достаточно часто за те двадцать с чем-то лет, во время которых Инез Виктор и Джек Ловетт были лишены возможности прикасаться друг к другу, выразить незаконное удовольствие в присутствии друг друга или неоправданный интерес к делам друг друга, совершенно особым образом лишены возможности быть наедине друг с другом, что сохраняло в них желание встречи.

Сильным, живым.

Об этом можно было думать поздно ночью.

Это было нечто личное.

Она всегда искала его.

Она никогда не рассчитывала наверняка его увидеть, но, выходя из самолета в определенных частях света, она всегда задумывалась о том, где он, как он, что он может сейчас делать.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
И время от времени он поджидал ее.

Например, в Джакарте в 1969 году.

Я узнала это от нее.

Официальная миссия КОДЕЛ[131 – делегации конгресса.], совместно с гостями и приглашенными, проверка состояния прав человека в развивающихся странах (получающих помощь от США).

Один из многих случаев, когда Гарри Виктор снисходил в ту или иную тропическую столицу и располагался там, пожимая официальные заверения, что в данной развивающейся стране (получающей помощь от США) права человека не нарушаются.

Один из нескольких случаев за годы после того, как Гарри Виктор впервые добился своего избрания в конгресс, когда Инез Виктор сошла с самолета в какой-то тропической столице, и ее встретил Джек Ловетт.

Временно прикомандированный к посольству.

По специальному предписанию министерства обороны.

Отправляющий функции советника в частном секторе.

«Конгрессмен – это как раз то, чего нам здесь не хватало», – запомнила Инез слова Джека Ловетта, произнесенные в ту ночь на таможне в джакартском аэропорту. В таможне было многолюдно и душно, и Инез пришло в голову, что в ней слишком много американцев. Там была Инез, там был Гарри, там были Джесси и Эдлай. Там был Билли Диллон. Там была Фрэнсис Ландау в том же тщательно отглаженном комбинезоне и французских «авиаторских» очках, которые она носила за год до этого в Гаване. Там была Жанет, одетая исключительно в розовое: розовые сандалии, розовая соломенная шляпа, розовое полотняное платье с отделкой в зубчик. «Я думала, розовый цвет – национальный цвет Индии», – сказала Жанет в комнате отдыха отеля «Кэти Пасифик» в Гонконге.

«Индия единственного числа. Нет, индий».

«Индия, индии – какая разница. Все на одно лицо, n'est-ce pas?[132 – Не так ли? (фр.)]»

«Для тебя, может быть, и да», – сказала Фрэнсис Ландау.

«И что же это должно означать?»

«Это означает, что я не совсем понимаю, отчего это ты решила вырядиться как член английской королевской фамилии, путешествующий по колониям».

Жанет бросила оценивающий взгляд на комбинезон Фрэнсис Ландау, застиранный и отглаженный до сходства с серебряной патиной, через свободные складки которого соблазнительно просвечивала кожа Фрэнсис Ландау.

«Это оттого, что я не взяла с собой свои боевые доспехи», – сказал тогда Жанет.

Инез не помнила точно, почему с ними была Жанет (очередной кризис местного масштаба, или сезон скандалов с Диком Зиглером, или результат пикировки с Дуайтом Кристианом, серия срочных телефонных звонков и формальное приглашение); так же смутно она помнила и предлог, под которым с ними была Фрэнсис Ландау (советник по законодательным вопросам, официальный фотограф, составитель того или иного предварительного отчета типа «Использование индонезийского диалекта бахаса в начальном обучении на Суматре» или «Влияние гражданских волнений на инфраструктуру, оставленную датчанами на Яве»), однако все они были там – на таможне в джакартском аэропорту вместе с девятнадцатью местами багажа, двумя большими сумками с книгами, двумя теннисными ракетками и досками для катания на волнах, которые, по настоянию Жанет, привезли из Гонолулу в качестве подарков для Джесси и Эдлая. Джек Ловетт подобрал ракетки и передал их посольскому шоферу.

«Здесь просто рай для тенниса, и никто не против того, чтобы мальчики,

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org подающие мячи, имели при себе автоматы».

«Давайте внесем ясность с самого начала: я не хотел бы, чтобы этот визит был чем-либо омрачен», – сказал Гарри Виктор.

«Никакой посольской оркестровки», – сказал Билли Диллон.

«Никаких официальных отчетов», – сказал Гарри Виктор.

«Никаких сообщений в прессе», – сказал Билли Диллон.

«Я хотел бы, чтобы было ясно, – сказал Гарри Виктор. – Я обещаю безусловную конфиденциальность».

«Гарри хотел бы, чтобы было ясно, – сказал Билли Диллон, – он не представляет посольство».

Джек Ловетт открыл дверцу одной из посольских машин, припаркованных по две за таможенной.

«В одну прекрасную ночь вы следуете парадным строем по городу в одном из этих кораблей детройтского производства с номером „СД-12“ и вам перекроет дорогу грузовик – вот тогда вы все это и объясните ребятам, которые из него вылезут. Вы им все это расскажете. Они вполне могут и перестать размахивать своими „узи“ [133 – Автомат японского производства.]. Ведь вы же тот самый американец, который не представляет посольство. Это произведет на них впечатление. Они сразу же освободят вам дорогу».

«Надо сразу же прояснить один момент», – сказала Фрэнсис Ландау.

«Поручаем тебе его прояснить», – сказала Жанет.

Фрэнсис Ландау проигнорировала Жанет. «Гарри. Билли. Поправьте меня, если вы не согласны. Этот момент...»

«Они сложат свои „узи“ и отступят, отдавая честь», – сказал Джек Ловетт.

«Похоже, Фрэнсис одета как раз для такого случая», – сказала Жанет.

«Момент, который мне хотелось бы подчеркнуть, заключается в следующем, – сказала Фрэнсис Ландау. – Конгрессмен Виктор не заинтересован в конфронтации».

«Он и это может им сказать. – Джек Ловетт смотрел на Инез. – Какие еще моменты вы хотели бы прояснить? Еще что-то должно быть понято однозначно? Миссис Виктор?»

«Насчет этого друга Инез», – сказала Фрэнсис Ландау позже той же ночью в отеле.

Инез лежала на постели в номере, который в конце концов нашли для нее, Гарри и близнецов. Произошла некоторая неувязка относительно того, где они остановятся: в отеле или в резиденции посла; когда же Гарри настоял на отеле, пришлось возвращать багаж из резиденции. «Мы всегда размещали представителей конгресса в резиденции», – беспрестанно повторял младший представитель местной администрации. «Эта делегация не представляет посольство», – сказал Джек Ловетт, и в отеле «Боробудур» были приготовлены дополнительные комнаты. Джек Ловетт ушел, а представитель местной администрации ждал внизу багаж с рацией в руках и с одним из десяти подписанных автором экземпляров книжки в мягкой обложке «Взгляд с улицы: коренные причины, радикальные решения и скромные предложения», который Фрэнсис Ландау догадалась положить в свою дорожную сумку.

«Который именно из друзей Инез», – сказала Инез.

«Джек – как там его дальше».

«Ловетт. – Жанет исследовала занавески. – Его зовут Джек Ловетт. Похоже, это самый худший из всех узоров, которые я когда-нибудь видела».

«Батик, – сказала Фрэнсис Ландау. – Традиционные промыслы. Значит –

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org Ловетт».

«Ничего себе менторский тон у Фрэнсис, – сказала Жанет. – Батик. Традиционные промыслы. Вот батик, и вот тоже батик, Фрэнсис. К твоему сведению».

Фрэнсис Ландау высыпала лед с подноса в пластиковое ведро.

«Чем он занимается?»

Инез встала:

«Мне кажется, Фрэнсис, он участвует в проведении кредитно-экспортной программы. – Она взглянула на Билли Диллона. – Действуя независимо от, Пертамина».

«Распределение фондов по программе „Помощь“. – сказал Билли Диллон. – Исследует подходы. И так далее».

«Именно так он и сказал. – Фрэнсис Ландау опустила в стакан три кубика льда. – Этими же словами».

«А я думала, он занимается самолетами, – сказала Жанет. – Инез? Разве нет? Когда он был женат на Бетти Беннетт? На твоём месте, Фрэнсис, я бы несколько опасалась этих ледяных кубиков. Ледяные кубики – это не традиционные промыслы».

«Неужели авиабизнес? – сказала Фрэнсис Ландау. – „Боинги“? „Дугласы? Какой авиабизнес?»

«Фрэнсис, я бы не развивал дальше эту тему», – сказал Гарри Виктор.

«Я бы определенно не стал это ворошить, – сказал Билли Диллон. – Проехали».

«Не так это просто», – сказал Гарри Виктор.

«Но это просто нелепо», – сказала Фрэнсис Ландау.

«Это тебе не белое и черное», – сказал Гарри Виктор.

«Достаточно серое, – сказал Билли Диллон. – Без лишних расспросов».

«Но это как раз то, что я не переношу. – Фрэнсис Ландау посмотрела на Гарри Виктора. – То, чего ты неносишь».

Инез посмотрела на Билли Диллона.

Билли Диллон пожал плечами.

«Гарри, если бы ты мог себя слышать... „Не так это просто. „Не белое и черное. Это не тот Гарри Виктор, которого я...» – Фрэнсис Ландау осеклась.

Наступила тишина.

«Вы четверо и вправду забавная компания», – сказала Жанет.

«От этого разговора я чувствую себя почти больной», – сказала Фрэнсис Ландау.

«От разговора или от ледяных кубиков», – сказала Жанет.

Когда Инез думала о той неделе в Джакарте в 1969 году, ей вспоминались в основном облака, низко висевшие над городом и задерживавшие испарение сточных канав, автомобильных выбросов и гниющей растительности, как в зловонной теплице. Она вспоминала этот облачный покров, она вспоминала молнии, поблескивавшие на горизонте перед рассветом, она вспоминала дождь, смывавший дикие орхидеи в проточные траншеи для отбросов, заполненные мутной беловатой жидкостью.

Она вспоминала слухи.

Каждый день там возникали новые слухи.

Газеты, при всей их подцензурности, умудрялись помещать сообщения об этих слухах в статьях, в которых осуждалось распространение слухов или, как это представлялось в газетах, бичуя распространение фальшивых сведений, угрожающих общественной безопасности. Для осуждения фальшивых сведений их, разумеется, нужно было сообщить, в чем и был весь фокус. Среди фальшивых сведений, осужденных однажды, был слух, что один американский турист был убит во время волнений в Сурабая – волнения же в Сурабая были не более чем еще одним слухом, осужденным в предыдущий день. Далее, был слух, что сингапурская «Стрейтс тайме» сообщила, что был убит не только американский турист, но и немецкий бизнесмен, а волнения случились не только в Сурабая, но и в Соло, однако даже существование в «Стрейтс тайме» подобного сообщения было невозможно подтвердить, поскольку «Стрейтс тайме», по слухам, была конфискована на таможне. Слух о том, что «Стрейтс тайме» конфисковали на таможне, сам по себе не был подтвержден – очередное фальшивое известие, угрожающее общественной безопасности, – однако до конца той недели в Джакарте «Стрейтс тайме» не было.

Инез вспоминала, как Гарри давал пресс-конференцию и говорил репортерам, которые не сочли за труд явиться, что волнения в Сурабая отражают нормальный процесс бурного становления демократии.

Инез помнила, как Билли Диллон вел переговоры с репортерами, чтобы те передали содержание пресс-конференции Гарри в «Нью-Йорк тайме» и «Вашингтон пост» вовремя, самое крайнее в пятницу.

«Я предоставил вам возможность встретиться с ним, теперь вы сделайте мне одолжение, – говорил Билли Диллон. – Я не хотел бы, чтобы сообщения о нем попали лишь в дневные воскресные выпуски – вы понимаете, что я имею в виду».

Инез помнила, как Джек Ловетт спросил Билли Диллона, не хочет ли тот привести «распорядок» волнений в соответствии с графиком выпуска «Лос-Аджелес таймс».

Инез помнила:

прием, устроенный для Гарри в университете за ночь до того, как в обеденном зале посольства взорвалась граната. Она помнила, как Гарри снова и снова повторял, что американцы извлекают важные уроки в Юго-Восточной Азии. Она помнила, как Джек Ловетт сказал наконец, что может припомнить только один урок, который американцы извлекли из Юго-Восточной Азии. «Что имеется в виду?» – спросил кто-то. Не Гарри. Гарри был слишком осмотрителен, чтобы такое сказать. Должно быть, это спросила Фрэнсис Ландау или Жанет. «Что имеется в виду?» – спросила Фрэнсис Ландау или Жанет, и Джек Ловетт, перед тем как ответить, обрезал кончик у сигары.

«Когда наступают на мину, она тотчас же взрывается», – сказал Джек Ловетт.

Голые лампочки заливали ярким светом стол, заставленный подносами с подслащенным гранатовым соком; маленькие золоченые стулья были поставлены в ряд, на улице что-то случилось: у дверей появилось несколько военных, временами доносился ружейный выстрел, конгрессмен говорит, конгрессмен уверен, основные уроки для Америки в Юго-Восточной Азии.

«Пора отсюда убираться», – сказал Джек Ловетт.

«Черт побери, я еще не закончил», – сказал Гарри Виктор.

«Мне кажется, на веранде нарушаются некоторые права человека», – сказал Джек Ловетт.

Гарри вновь повернулся к председателю Исламского союза.

Рука Жанет застыла над подслащенным гранатовым соком, будто она ждала, что он вдруг превратится в мартини с водкой.

Инез наблюдала за Джеком Ловеттом. Она никогда раньше не видела, чтобы Джек Ловетт выказывал признаки недовольства или раздражения. Недовольство и

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org раздражение были двумя из многих эмоций, которые Джек Ловетт старался особенно не выказывать, однако в тот момент он их обнаружил.

«Вы, я смотрю, и вправду интересный народ, – сказал Джек Ловетт. Он сказал это Билли Диллону, но смотрел при этом на Гарри. – Вы на самом деле не видите, что происходит на ваших глазах. Не замечаете до тех пор, пока об этом не прочтаете. Вам надо прочесть о чем-то в „Нью-Йорк тайме“ – тогда вы начинаете об этом говорить. Произносить речи. Призывать к расследованию. Возможно, через год-два вы сюда приедете расследовать, что произошло этой ночью».

«Вы не понимаете», – сказала Инез.

«Я понимаю, что он мчится по кругу, нацепив шоры, Инез».

Инез помнила:

Джек Ловетт заходит за ними в кафе гостиницы «Боробудур» на следующее утро после того, как в столовую посольства подбросили гранату. У посла, рассказывает он, есть бунгало в Панкэке. В горах. Инез, Жанет и дети должны переждать там. До тех пор, пока ситуация не выкристаллизуется. От Богора всего несколько часов езды, не более, что-то вроде курорта, он их туда довезет.

«База в горах, – сказала Жанет. – Божественно».

«Не называй это место базой в горах, – сказала Фрэнсис Ландау. – „База в горах“ – империалистический термин».

«Оставим политику до того, как туда доберемся», – сказал Джек Ловетт.

«Я не хочу ехать», – сказала Фрэнсис Ландау.

«Всем до заднего места, поедете вы или нет, – сказал Джек Ловетт. – Вы здесь вовсе не то лицо, которому оказывается главное внимание».

«Все же несколько отдает алармизмом», – сказал Гарри Виктор. Он разбивал вареное яйцо. Джек Ловетт подождал, покуда он не выудит из яйца содержимое, и только затем ответил.

«Вы прекрасно выбрали место для семейного отдыха, – сказал тогда Джек Ловетт. – Настоящий Вайкики [134 – Модный курорт на Гавайях.]. Непонятно, отчего сюда еще не пустили чартерные рейсы. Мне также интересно, понимаете ли вы, чего нам будет стоить заполучить обратно ребенка конгрессмена».

Голос Джека Ловетта звучал мягко, и Гарри ответил ему в тон.

«Ах, – сказал Гарри, – конечно же, нет. До тех пор, пока об этом не напишет „Нью-Йорк таймс“».

Инез помнила:

зеленая лужайка вокруг бунгало посла в Панкэке, живая изгородь из гардений.

Поблекший ситец мебельных чехлов в бунгало в Панкэке, английские примулы, заросли бамбука и орхидеи в распадке.

Туманы, окутывавшие Панкэк.

Они с Джеком Ловеттом стояли на зеленой лужайке в Панкэке, и туман просачивался сквозь растрескавшийся цемент пустого плавательного бассейна, через распадок, модный курорт на Гавайях, сквозь заросли бамбука и орхидей, через английские примулы.

Они стояли с Джеком Ловеттом.

Инез помнила это.

Инез помнила также, что единственным убитым при взрыве гранаты в посольской столовой был индонезийский водитель из моторизованного взвода. Эти новости дошли в Панкэк по радио, в то время как Инез и Джек Ловетт сидели в темноте

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org на веранде, ожидая известий, что все успокоилось и можно отвезти детей вниз в Джакарту. Летали светлячки и москиты, вспоминала Инез. В бунгало Джесси и Эдлай пытались поймать сингапурскую телепрограмму, а Жанет пыталась обучить слугу приготовлению пунша из молока кокосового ореха. Телефоны не работали. Радио по большей части трещало от атмосферных разрядов. По сообщениям радио выходило, что остальной индонезийский и американский персонал получил легкие ранения, а территория вокруг посольства была безопасна. Посол дал интервью, в котором выразил убеждение, что бомбардировка посольской столовой явилась единичным инцидентом и не отражала общего настроения в стране. Гарри дал интервью, в котором выразил убеждение, что этот единичный инцидент отражает естественный процесс бурного становления демократии.

Джек Ловетт выключил радио.

Некоторое время слышался только звон москитов.

Рука Джека Ловетта лежала на подлокотнике кресла, и в свете окон бунгало Инез могла видеть у него на запястье тонкие, пронизанные светом волоски. Волоски были ни светлые, ни седые, но светлее кожи Джека Ловетта. «Ты его не понимаешь», – сказала наконец Инез.

«О нет, я его понимаю, – сказал Джек Ловетт. – Он конгрессмен».

Инез ничего не сказала.

Волоски на запястье Джека Ловетта пропускали свет, были почти прозрачные, совершенно бесцветные.

«Это означает, что он радиоактер, – сказал Джек Ловетт. – Гражданское лицо».

Инез слышала, как Жанет говорила со слугой внутри бунгало. «Я сказала – кокосовое молоко, – повторяла Жанет. – Не козье молоко. Мне кажется, вы подумали, что я сказала – козье. Мне кажется, вы меня не поняли».

Инез не пошевелилась.

«Кто эта Фрэнсис?» – спросил Джек Ловетт.

Инез ответила не сразу. Инез давно приняла то, что как-то сказал ей Билли Диллон: женщины, подобные Фрэнсис, – в порядке вещей. Фрэнсис входила в порядок вещей подобно тому, как в этот порядок входили сборщики пожертвований. Иногда такие сборы были крупными – где-нибудь в отеле, а иногда – маленькими – где-нибудь дома; иногда призывы были конкретными, иногда – самыми общими, однако все они были одинаковыми. Всегда происходило мгновенное снижение уровня шума, когда входил Гарри, всегда были молодые люди, которые говорили с Инез ради того, чтобы снискать расположение Гарри, всегда были эти очень хорошенькие женщины того типа, которых влечет жизнь на людях. Всегда была или Фрэнсис Ландау, или Конни Уиллис. Фрэнсис Ландау была богатой, а Конни Уиллис была певицей, но они были совершенно одинаковыми. Они слушали Гарри совершенно одинаково. У них был один и тот же способ отказываться от собственных притязаний ради того, чтобы быть услышанными.

«Это просто средство достижения цели», – говорила Фрэнсис о своих деньгах.

«Две строчки про кока-колу и визг», – говорила Конни о своем пении.

Если бы не Фрэнсис и не Конни, были бы Мередит, или Брук, или Бинки, или Лэйси. Инез подумала, стоит ли объяснять это Джеку Ловетту, и не стала. Она знала о том, что было в порядке вещей в ее жизни, а Джек Ловетт – о том, что в порядке вещей – в его, и ничто из этого не имело ни малейшего отношения к данному моменту на этой веранде. Джек Ловетт взял свой полосатый пиджак и надел его – Инез наблюдала за ним. Ей было слышно, как Жанет говорила Джесси и Эдлаю о козьем молоке в пунше из молока кокосовых орехов.

«Характерные проявления преувеличенной вежливости, присущей этим людям, – говорила Жанет. – Они никогда не признают, что не поняли тебя. Они будут настаивать, что ты неясно выразилась, – все эти „нет-нет, позвольте“».

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
«Может быть, и так, а может, у него просто нет кокосового молока», – сказал
Джек Ловетт.

Ни Фрэнсис, ни Жанет не имели никакого отношения к этому моменту на
веранде.

Инез закрыла глаза.

«Нам следовало бы спуститься обратно, – сказала она наконец. – Я думаю, нам
следовало бы спуститься обратно».

«Бьюсь об заклад, ты считаешь, что так и „следует“ сделать, – сказал Джек
Ловетт. – Не правда ли, Мисс Хорошие Манеры?»

Инез сидела совершенно неподвижно. Через открытую дверь она видела, как
Жанет шла к веранде.

Джек Ловетт встал.

«Это у нас все еще есть, – сказал он. – Не правда ли?»

«Есть что?» – спросила вышедшая Жанет.

«Ничего», – сказала Инез.

«Полно этого „ничего“», – сказал Джек Ловетт.

Жанет перевела взгляд с Джека Ловетта на Инез.

Инез подумала, что Жанет сейчас расскажет ей историю про пунш из молока
кокосового ореха, но Жанет не стала. «Только посмейте удрать вдвоем и
оставить меня в Джакарте с Фрэнсис», – сказала Жанет.

Это был 1969 год, Инез Виктор видела Джека Ловетта еще только дважды, между
1969 и 1975 годами: первый раз на большом приеме в Вашингтоне и второй – на
похоронах Сисси Кристиан в Гонолулу. Несколько месяцев после того вечера на
веранде бунгало в Панкэке Инез казалось, что ей вообще-то следует оставить
Гарри Виктора, хотя бы временно – снять маленькую студию, к примеру, или
выдвинуть какую-нибудь туманную причину, чтобы не ехать с ним в Вашингтон,
а быть в Амагансетте, когда он был в Нью-Йорке, и какое-то время она так и
поступала, но только между избирательными кампаниями.

Конечно же, вы помните, как Инез Виктор участвовала в кампаниях.

Инез Виктор, улыбающаяся у кухонного стола в Манчестере, штат Нью-Гэмпшир,
ее рука с вилкой замерла над тарелкой со взбитыми яйцами и тостом.

Инез Виктор, улыбающаяся при открытии городского центра в Мэдисоне, штат
Висконсин, ее глаза слезятся на ярком солнце, потому что было решено, что в
солнечных очках она выглядит недостаточно симпатично.

Инез Виктор, говорящая по-испански во время уличного фестиваля в восточном
Гарлеме. «*Buenos días*» [135 – *Добрый день (исп.)*], – говорила Инез Виктор то
тут, то там при подходящем случае. В двадцати восьми штатах и по крайней
мере на четырех языках Инез Виктор говорила, что она чрезвычайно счастлива
быть здесь в этот день со своим мужем. *Yo estoy muy contenta a es-tar aquí
hoу con mi esposo*. В двадцати восьми штатах она говорила обычно
по-английски, но для лос-анджелесской «Ла Опиньон» и майамской «Ла Пренса»
– по-испански, что тот период, когда они с мужем жили отдельно, для каждого
из них сослужил большую службу: они обновили свои отношения, стали более
преданны друг другу («*Vida nueva*» [136 – *Новая жизнь (исп.)*]), – сказала она
для «Ла Опиньон», что было не совсем так, поскольку репортер лишь
подыгрывал Инез, проводя интервью на испанском, он попал в струю) и их брак
стал крепче, чем когда бы то ни было. «Ох, черт», – сказал Джек Ловетт Инез
Виктор в Вахиаве 13 марта 1975 года. Жена Гарри Виктора.

3

Эквилибристы знают, что взгляд вниз означает падение.

Знают это также писатели.

Один лишь взгляд вниз – и те стойкие чары взвешенных суждений, под обаянием которых пишется роман, мгновенно рассеиваются; чтобы вернуть их, приходится заниматься магией. Мы изобретаем некий ритуал: планируем долгие прогулки, вечера в одиночестве, умеренную выпивку на закате и тщательно продуманную еду в тщательно выбранные часы. Мы избегаем приступать к делу в менее благоприятные моменты дня. Мы наводим порядок в кабинетах, раскладываем и перекладываем определенные предметы, талисманы, прочие вещицы. Вот некоторые вещицы, которые я перекладывала в это утро.

Вещь 1: старый выпуск «Кто есть кто», открытый на статье о Гарри Викторе.

Вещь 2: обложка номера «Ньюсуик» за 21 апреля 1975 года в рамочке, на ней черно-белая фотография американского посла в Камбодже Джона Гантера Дина, оставляющего Пномпень с флагом под мышкой. Под фотографией подпись: «Сматывая удочки». На заднем плане этой фотографии видны несколько человек, один из которых, как мне кажется (задний план нечеток), – Джек Ловетт. Эта фотография могла быть сделана в то время, когда Инез Виктор ждала Джека Ловетта в Гонконге.

Вещи 3 и 4: два потускневших моментальных снимка, сделанные «Кодаком»; на обоих – преломленные радуги на лужайке дома, который я арендовала в Гонолулу в тот год, когда принялась делать записи об этой ситуации.

Другие тотемы: хрустальное пресс-папье, отбрасывающее на стену цветные пятна, напоминающие те преломленные радуги на лужайке (влажная, упругая бермудская трава, я помню, как она колола мои босые ноги) того арендованного дома в Гонолулу. Карта Оаху, на которой крестиком помечено местоположение все того же дома в районе Кахалы, а красными точками – дом Дуайта и Руфи Кристиан на Маноа-роуд и дом Жанет и Дика Зиглера на Кахала-авеню. Почтовая открытка, купленная мною в то утро, когда я улетала из Сингапура, чтобы повидаться с Инез Виктор в Куала-Лумпуре, с изображением тогдашнего куала-лумпурского аэропорта в Субанге. На этом снимке совершенно не видно самолетов, однако хорошо видно вывешенное на смотровой площадке аэропорта полотнище с надписью «ПРИВЕТ УЧАСТНИКАМ ТРЕТЬЕГО МИРОВОГО ЧЕМПИОНАТА ПО ХОККЕЮ!». То утро, когда я купила эту открытку, было одним из нескольких – не слишком многочисленных, подобных дней было четыре или пять за несколько лет, – когда я верила, что эта повесть уже у меня в руках.

Несколько замечаний о тех годах

Я арендовала дом в Гонолулу в 1975 году, летом, когда все, кроме Жанет, были еще живы и занимавшие меня события еще не стали «историей», которую ее действующие лица отказывались комментировать. Летом 1975 года каждый из главных и второстепенных героев все еще придерживался собственной версии о недавних событиях, и я провела лето, собирая и группируя эти версии, многие из которых противоречили друг другу, большинство же отвечало интересам опрашиваемого, занимаясь, в сущности, чисто репортерской работой. Год, когда я полетела в Куала-Лумпур повидаться с Инез Виктор, был также 1975-й, после Рождества. Я совершенно точно помню, что это было после Рождества, потому что большую часть нашей первой встречи Инез посвятила собиранию серебряного «дождика» с рождественского дерева в административном здании лагеря беженцев, где она в то время работала. Она снимала «дождик» по одной нитке за раз, расправляя серебряную фольгу ногтем большого пальца и укладывая их в пустую коробку; делая это, низким голосом и довольно безразличным тоном она говорила о проблемах, которые возникли у Гарри Виктора с Союзом демократических учреждений. Союз демократических учреждений был основан, сказала Инез, людьми, которые желали сохранить неизменным весь комплекс идей, тот особый политический динамизм, который и должен был представлять Гарри Виктор (она сказала «Гарри Виктор», а не «Гарри», как если бы официальное лицо было совершенно не тем «Гарри», который, как она позже сказала, последнюю неделю звонил ей каждую ночь), однако между некоторыми из основных вкладчиков произошел идеологический раскол, и эти внутренние разногласия стали угрожать существованию союза как такового.

Инез расправила еще одну нить «дождика» и уложила ее в коробку. Стены

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org комнаты покрывали диаграммы, иллюстрирующие процесс прохождения беженцев через лагерь (или, точнее, приток беженцев в лагерь, поскольку много прибывало, но мало кто уходил), а через открытую дверь я могла видеть доктора-индуса в соседней комнате, готовившегося к осмотру одного из нескольких маленьких детей. У всех детей на щеках была яркая сыпь, а маленький мальчик на столе – ему было около четырех лет, одет он был в слишком большой по размеру легкий свитер с надписью ОГАЙО, УЭСЛИ – непрерывно кричал и кашлял резким, сухим кашлем туберкулезника, который перекрывал звук голоса Инез.

Союз qua Союз.

Добавьте к этому все легкопредсказуемые сложности в организации широкой поддержки в отсутствие войны.

Добавьте, далее, обычные попытки IRS[137 – налоговое управление США.] изменить статус союза, по которому он был освобожден от уплаты налогов.

Добавьте, наконец, отчетливое ощущение, что идея возможности для Гарри Виктора стать однажды кандидатом в президенты утратила свою движущую силу. Источником движущей силы было само ощущение этой движущей силы. Ощущение же присутствия такой движущей силы, естественно, оказалось серьезно подорванным после всего, что произошло.

Вспоминаю, как я ухватилась за это «все, что произошло», намереваясь увести Инез от Союза демократических учреждений, однако в тот первый полдень было трудно заставить Инез переменить тему. Когда движущая сила уходит, говорила она, снимая уже последнюю порванную нитку «дождика» с искусственных иголок, с ней уходят и деньги.

Ребенок на столе издал пронзительный крик.

Доктор-индус резко сказал что-то по-французски и отложил шприц для подкожных инъекций.

Инез ни разу не подняла глаз, и мне вдруг показалось, что я наблюдаю какое-то совершенно непонятное представление. Можно было рассматривать эту игру как и непреднамеренную, но точно так же и как намеренную, продуманную попытку лишить меня всякой надежды на то, что Инез Виктор когда бы то ни было заговорит о том, как она уехала из Гонолулу с Джеком Ловеттом.

4

Здесь мне вновь приходится преодолевать сопротивление материала.

Вот два документа, имеющие отношение к делу.

Копию первого я получила от Билли Диллона в августе 1975 года, причем не в Гонолулу, а в Нью-Йорке в течение тех нескольких дней, что я провела там, когда Марта Вайнъярд говорила с ним и Гарри Виктором.

ПАТРУЛЬ ПРИБЫЛ НА МЕСТО ПРОИСШЕСТВИЯ В 7.32 УТРА 25 МАРТА 1975 ГОДА. НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ, НО СНАРУЖИ ДОМА ПОЛИЦЕЙСКИЕ ЗАФИКСИРОВАЛИ АВТОМАТИЧЕСКИЕ ВОРОТА В ПОЗИЦИИ «ОТКРЫТО», АВТОМАТИЧЕСКУЮ ПРОТИВОПОЖАРНУЮ СИСТЕМУ ВКЛЮЧЕННОЙ, АВТОМАТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ ОЧИСТКИ БАСЕЙНА ВКЛЮЧЕННОЙ. ПОЛИЦЕЙСКИЕ ЗАФИКСИРОВАЛИ НА ПОДЪЕЗДНОМ ПУТИ ДВЕ АВТОМАШИНЫ: «ФОРД» КЛАССА «СЕДАН» ВЫПУСКА 1975 ГОДА (ЦВЕТ ЧЕРНЫЙ), НОМЕРНОЙ ЗНАК «OYL-644» СО ЗНАКОМ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВУ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И «МЕРСЕДЕС» ВЫПУСКА 1974 ГОДА МАРКИ «230-SL» (ЦВЕТ СВЕТО-КОРИЧНЕВЫЙ) С НОМЕРНЫМ ЗНАКОМ «ЖАНЕТ».

ПОЛИЦЕЙСКИЕ ВОШЛИ В ДОМ ЧЕРЕЗ ОТКРЫТУЮ ДВЕРЬ, НЕ ЗАМЕТИВ ПРИЗНАКОВ БЕСПОРЯДКА ИЛИ БОРЬБЫ, И ПРОСЛЕДОВАЛИ В ГОСТИНУЮ, ГДЕ ОБНАРУЖИЛИ ПОСТРАДАВШУЮ, ИДЕНТИФИЦИРОВАННУЮ КАК ЖАНЕТ КРИСТИАН ЗИГЛЕР, ЛЕЖАЩУЮ НА КОВРЕ ЛИЦОМ ВНИЗ. ПОСТРАДАВШАЯ НАХОДИЛАСЬ НА КОВРЕ У СТЕНЫ, ВЫЛОЖЕННОЙ ИЗ ОБЛОМКОВ ВУЛКАНИЧЕСКОЙ ЛАВЫ, ВЕДУЩЕЙ К ПУСТОМУ БАСЕЙНУ-АКВАРИУМУ, В КОТОРОМ ПОЛИЦЕЙСКИЕ ОБНАРУЖИЛИ ВОДОРОСЛИ И РЫБУ ТИПА ЯПОНСКОГО КАРПА. ПОСТРАДАВШАЯ БЫЛА ОДЕТА В БЕЛУЮ БЛУЗКУ, СВЕТО-КОРИЧНЕВЫЕ БРЮКИ, СВЕТО-КОРИЧНЕВУЮ КУРТКУ, НА НОГАХ – ТУФЛИ ТИПА МОКАСИН, БЕЗ ЧУЛОК. В КОЖАНОЙ СУМКЕ НА ДЛИННОМ РЕМНЕ, ЛЕЖАВШЕЙ НА КРАЮ БАСЕЙНА ИЗ ОБЛОМКОВ ВУЛКАНИЧЕСКОЙ ЛАВЫ, СОДЕРЖАЛОСЬ УДОСТОВЕРЕНИЕ ПОТЕРПЕВШЕЙ, НЕСКОЛЬКО

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
КРЕДИТНЫХ КАРТОЧЕК, ЛИЧНЫЕ ВЕЩИ И 94 ДОЛЛАРА НАЛИЧНЫМИ; БЫЛО ОЧЕВИДНО, ЧТО
ВЕЩИ НИКТО НЕ ТРОГАЛ.

ПОЛИЦЕЙСКИЕ ОБНАРУЖИЛИ ПОСТРАДАВШЕГО, ИДЕНТИФИЦИРОВАННОГО ПОЗЖЕ КАК УЭНДЕЛЛ
ДЖАСТИС ОМУРА, ЛЕЖАВШЕГО НА СПИНЕ У ДИВАНА С ХОРОШО РАЗЛИЧИМОЙ
ОГНЕСТРЕЛЬНОЙ РАНОЙ В ВЕРХНЕЙ ЧАСТИ ЖИВОТА. ПОСТРАДАВШИЙ БЫЛ ОДЕТ В БРЮКИ
СВЕТЛО-КОРИЧНЕВОГО ЦВЕТА, РУБАШКУ МОДЕЛИ «АЛОХА», ХЛОПКОВУЮ СПОРТИВНУЮ
КУРТКУ, БЕЛЫЕ НОСКИ И КРОССОВКИ.

У ПОСТРАДАВШЕГО ПУЛЬС НЕ ПРОЩУПЫВАЛСЯ, РЕСПИРАТОРНАЯ АКТИВНОСТЬ
ОТСУТСТВОВАЛА.

У ПОСТРАДАВШЕЙ ПРОЩУПЫВАЛСЯ СЛАБЫЙ ПУЛЬС, НАБЛЮДАЛАСЬ НЕРИТМИЧНАЯ
РЕСПИРАТОРНАЯ АКТИВНОСТЬ.

«СКОРАЯ ПОМОЩЬ» И ПОЖАРНАЯ КОМАНДА ПРИЕХАЛИ ОДНОВРЕМЕННО В 7.56 УТРА, ЧТО
СОВПАЛО ПО ВРЕМЕНИ И С ПРИБЫТИЕМ Г-ЖИ РОЗЫ Л. ХАЯКАВЫ, ПРОЖИВАЮЩЕЙ ПО
АДРЕСУ: 21-я АВЕНЮ, 1173, НАЗВАВШЕЙ СЕБЯ ПОСТОЯННОЙ ПРИХОДЯЩЕЙ ДОМАШНЕЙ
ПРИСЛУГОЙ И ПОКАЗАВШЕЙ, ЧТО В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ОНА ВИДЕЛА ПОТЕРПЕВШЮ НАКАНУНЕ
В 1 ЧАС ПОПОЛУДНИ И ПОТЕРПЕВШАЯ БЫЛА ТОГДА В ДОБРОМ ЗДРАВЬИ И ХОРОШЕМ
НАСТРОЕНИИ. Г-ЖА РОЗА Л. ХАЯКАВА ПОКАЗАЛА, ЧТО ВИДЕЛА ПОТЕРПЕВШЕГО ТОЛЬКО
ОДИН РАЗ, КОГДА ТОТ ВЫСТУПАЛ НА НЕДАВНЕМ БАНКЕТЕ, УСТРОЕННОМ «НИСЭЯМИ»[138
- Американцы японского происхождения во втором поколении.] В ЧЕСТЬ
СПОРТСМЕНОВ СРЕДНИХ ШКОЛ ОСТРОВА ОАХУ ЯПОНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ, СРЕДИ
КОТОРЫХ БЫЛ И СЫН ИНФОРМАНТКИ ДЭНИЕЛ М. ХАЯКАВА, ПРОЖИВАЮЩИЙ ПО ТОМУ ЖЕ
АДРЕСУ (В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ ОТСУТСТВУЕТ).

МАШИНА «СКОРОЙ ПОМОЩИ» С ПОСТРАДАВШЕЙ ОТБЫЛА В КОРОЛЕВСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ
ЦЕНТР В 8.04 УТРА.

ПЯТНА КРОВИ, ОБНАРУЖЕННЫЕ ПОСЛЕ ТОГО, КАК ТЕЛО ПОСТРАДАВШЕЙ БЫЛО УВЕЗЕНО, В
ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ ИСЧЕЗЛИ ПОСЛЕ ТОГО, КАК Г-ЖА РОЗА Л. ХАЯКАВА СТАЛА
ЗАМЫВАТЬ КОВЕР ХОЛОДНОЙ ВОДОЙ. ПОЛИЦЕЙСКИЕ УБЕДИЛИ Г-ЖУ РОЗУ Л. ХАЯКАВУ
ВРЕМЕННО ОТЛОЖИТЬ ЭТУ РАБОТУ.

ПОТЕРПЕВШИЙ БЫЛ ПРИЗНАН МЕРТВЫМ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ. А ПОПЫТКИ РЕАНИМАЦИИ
ПРЕКРАЩЕНЫ В 8.25 УТРА, ПО ПРИБЫТИИ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ГЛАВНОГО МЕДЭКСПЕРТА ФЛОЙДА
ЛЮ, ДОКТОРА МЕДИЦИНСКИХ НАУК. ТЕЛО УВЕЗЕНО ПОСЛЕ ПРИБЫТИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
СЛЕДСТВИЯ И ДРУГИХ МЕДЭКСПЕРТОВ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО В 9.00 УТРА.

КОПИЯ – СЛЕДОВАТЕЛЮ.

КОПИЯ – В ОТДЕЛ РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВ.

Второй документ – телеграмму, отправленную из Гонолулу 2 октября 1975 года,
мне показала ее получательница Инез Виктор, когда я встретила с ней в
декабре того же года в Куала-Лумпуре.

ПОБЕДА тчк МЫСЛЕННО ТОБОЙ В ЧАС НАШЕГО ТРИУМФА тчк (ПОДПИСЬ) ДУАЙТ.

Несмотря на подпись, эту телеграмму, сказала Инез, послал не Дуайт
Кристиан, а ее отец Пол Кристиан в то утро, когда его официально поместили
в государственную клинику для умалишенных в Гонолулу.

5

инез об этом сказал Билли Диллон.

На кухне дома в Амагансетте.

Куда он ехал два часа под дождем по длинной автостраде Лонг-Айленда и еще
один час по магистрали Монтока (в туннеле был настоящий потоп, сам туннель
был пробит в горе и переходил в подвесной мост); отказавшись от своих
планов поехать на пикник и провести день на бегах, он сел за руль сразу
после звонка Дика Зиглера.

Дик Зиглер позвонил в контору и постарался связаться с Гарри.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Дик Зиглер пока что не участвовал в действии; Дик Зиглер был на острове Гуам и в течение двух дней пытался составить для плановой комиссии компании «Агана-Мариана» заключение о возможном воздействии ее работ на окружающую среду.

Жанет не была мертва.

Важно было помнить, что Жанет не была мертва. Жанет была серьезно ранена, это да, собственно говоря, она была подключена к аппарату искусственного поддержания жизнедеятельности в Королевском медицинском центре, но Жанет не была мертва.

Уэнделл Омура был мертв.

Инез должна была помнить Уэнделла Омуру, Инез наверняка встречала Уэнделла Омуру в Вашингтоне, Уэнделл Омура был одним из тех «нисэев», кто вышел с действительной военной службы из 442-й, благодаря стипендии для бывших военнослужащих закончил юридический факультет по специальности «военное право» и провел последующие двадцать лет, обделывая дела в самолете, курсировавшем между Вашингтоном и своим округом. Награжден Серебряной Звездой. «Крестом за боевые заслуги». Настоящий «крутой» мужик из округа Колумбия – пару лет назад перенес операцию на сердце в госпитале Уолтера Рида, а когда через неделю после его выхода из больницы тот фрайер попытался взять его «за горло», Омура послал его «от винта». Тот еще тип – оставил в дураках Ассоциацию отставных морских офицеров, не говоря уже о случае с фрайером, – возможно, он и не предполагал покупать ферму, сидя на террасе Жанет.

Поедая пирожное.

Занялся делами, смотри в оба.

Детали случившегося были несколько туманными.

Во-первых, не спрашивайте, почему Уэнделл Омура очутился на террасе у Жанет.

Во-вторых, не спрашивайте, как это Пол Кристиан был замечен выходящим из дома Жанет с револьвером «Магнум-357», завернутым в пляжную подстилку.

Его видел разносчик газет.

Разносчик газет узнал Пола Кристиана, так как он приносил газеты и Жанет, и Полу Кристиану. Не спрашивайте, как смог разносчик газет распознать «Магнум-357», возможно, он подрабатывал заодно и в качестве наемника. Так-то вот. Пол Кристиан определенно присутствовал на месте случившегося, однако никто не мог найти Пола Кристиана.

Роль Пола Кристиана просматривалась весьма смутно.

Пол Кристиан, этот «поганый тайфун», как звал его Билли Диллон.

Инез помнила, как молча все это выслушивала.

«Я оставил во Флориде записку для Гарри, чтобы он позвонил, как только появится в отеле, – сказал Билли Диллон. – Конечно, об этом сообщалось, но, возможно, Гарри не слушал радио».

Инез зажгла сигарету и выкурила ее, прислонившись к раковине и глядя на дождь, падавший на серое полуденное море. Гарри был в пути, он должен был выступить в Бал-Харборе перед водителями грузового транспорта. Эдлай был с Гарри, зарабатывая зачет по курсу социологии в одном из бостонских колледжей, куда его наконец-то приняли. Джесси, будучи в Сиэтле, наверно, как раз колдовала в ресторане «Замок короля крабов»; надев свой фартук, выстраивала «панцири» для крабов, нарезанный салат, три крабьи клешни, специальный соус «Королевский краб» и ломтики лимона. Инез знала точно, чем занимается Джесси в «Замке короля крабов», поскольку провела с Джесси Рождество в Сиэтле. Джесси постриглась, набрала четыре килограмма веса и, напичканная метадоном, казалась вполне веселой.

«Я уже вроде бы начала подумывать уйти отсюда и устроиться на какую-нибудь

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org работу, – сказала Джесси, когда Инез спросила, не собирается ли та вернуться к учебе, для начала год-два побыть в Нью-Йоркском университете. – Я тут узнала, что во Вьетнаме есть очень даже приличная работенка».

Инез с изумлением уставилась на нее.

Информация, которой располагала Джесси о возможной работе во Вьетнаме, была весьма приблизительной, но Джесси предполагала, что займется «готовкой еды для строительных бригад, оказанием первой помощи и всем таким прочим».

Инез попыталась как можно лучше сформулировать в уме свои возражения.

«Я это узнала от одного знакомого парня, который работает в компании „Боинг“, он часто ошивается в „Замке“, ты его не знаешь».

Инез самым нейтральным тоном, на какой была способна, сказала, что, по ее мнению, Вьетнам – не лучшее место, где стоило бы искать работу.

Джесси дернула плечом.

«Как там наша чокнутая?» – спросил Эдлай, когда через несколько дней после Рождества Инез вошла в квартиру у Центрального парка.

«Вот этого не нужно», – сказал Гарри.

Инез не сказала о работе во Вьетнаме ни Гарри, ни Эдлаю.

«Звонил Дик, он все еще на Гуаме, – сказал Билли Диллон. Он отыскал в холодильнике куриную ногу и начал есть. – Он говорит, что ему „кажется“, он сможет попасть на сегодняшний вечерний рейс в Гонолулу. Я спросил, а почему „кажется“, а он говорит, что Микронезийская авиакомпания бастует, а у „Пан-Америкен“ и „Трансуорлд эйрлайнс“ все уже заказано, но он „пробивает“ себе место. Диспетчер с большой буквы, этот твой свояк! Я ему сказал: „Дик, подними свою задницу и дуй в Андерсон, я слышал, что командующий стратегическими военно-воздушными силами еще держит бронь на Гонолулу“. „А что я им скажу?“ – спрашивает Дик. „Скажи им, что твой тесть ухлопал конгрессмена“. „Погоди-ка секундочку, парень, – говорит Дик. – Не так быстро“. И дальше он говорит – ты только послушай, я цитирую: „Имеется уверенность, что происшедшее удастся свести к несчастному случаю“».

Инез ничего не сказала.

«Нет, это просто Белоснежка и семь гномов. „Имеется уверенность“. Где имеется уверенность? Там, на Гуаме?»

Я попробовал ему сказать: „Дик, так не пойдет“, а он говорит: „почему?“ Он говорит „почему!“ Убит член конгресса, застрелена жена Дика, в этом замешан его тесть, который, надеюсь, мы помним об этом, является еще и тестем человека, собирающегося стать президентом, а Дик говорит об „ощущении“. „Дик, – сказал я, – поверь, это дохлый номер“».

Инез ничего не сказала.

На доске над телефоном она нашла написанный мелом номер и стала его набирать.

«Мы вылетаем из аэропорта Кеннеди в полночь рейсом „Пан-Америкен“. Час ожидания в Лос-Анджелесе, а потом мы в Гонолулу. Я сказал Дику, что мы не...»

Билли Диллон осекся. Он смотрел, как Инез набирает номер.

«Инез, – сказал он наконец. – Я не мог не заметить, что ты звонишь в Сиэтл. Я искренне хочу верить, что ты не звонишь Джесси. Именно теперь».

«Именно это я и делаю. Я хочу ей сказать».

«Тебе не кажется, что на нашем счету и так немало проигранных подач? Не думаешь ли ты, что Джесси могла бы и подождать, пока мы не отыграем хотя бы один мяч?»

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
«Она все равно об этом прочитает».

«Если только об этом напечатают в „Тайгер бит“».

«Не говори этого. Алло? – Голос Инез внезапно смягчился. – Говорит Инез Виктор, мать Джессики Виктор. Да-да, мама Джесси. Я звоню из Нью-Йорка. Точнее – из Амагансетта...»

«Вот это хорошо, – сказал Билли Диллон. – Все идет прекрасно. Амагансетта вызывает „Королевского краба“».

«Джесси? Дорогая! Ты меня слышишь? Нет, немного пасмурно. Собственно, идет дождь. Послушай. Я...»

Внезапно Инез протянула трубку Билли Диллону.

«Никогда не начинай с погоды, – сказал Билли Диллон, беря трубку. – Джесси? Джесси, деточка! Это дядя Уильям. Твоя мама и я летим сегодня ночью в Гонолулу. Мы хотели, чтобы и ты была на фотографии, у тебя найдется минутка? Ну так скажи своим крабам, чтобы они стояли вольно, Джесси, о'кей».

«Ну, дерьмо, – пробурчал Билли Диллон в телефонную трубку в секторе для пассажиров „Пан-Америкен“ в лос-анджелесском аэропорту, когда Дик Зиглер сказал ему, что Пол Кристиан позвонил в полицию из Ассоциации молодых христиан в Гонолулу и потребовал, чтобы они его забрали. – Ну, в бога и в душу, лучше бы я сообщил об этом Гарри».

К этому времени Гарри Виктор уже закончил свое выступление перед водителями грузового транспорта в Бал-Харборе и направлялся на завтрак в Хьюстоне. Переговорив с Диком Зиглером, Билли Диллон позвонил по трем номерам во Флориду и по пяти в Техас, но Гарри был где-то между всеми этими местами, а ждать его не было времени, так как уже шла посадка на рейс. «Ну, дерьмо», – не переставал повторять Билли Диллон по пути через Тихий океан, выкладывая карту за картой в пасьянсе «солитер» в пустом салоне на верхней палубе. Инез полулежала на изогнутой кушетке и наблюдала за ним. Инез наблюдала Билли Диллона за раскладыванием «солитера» во время множества полетов. В какой-то момент каждого полета он говорил ей: «Почему бы не надеть улыбку и не пройтись легкой походкой по салону», а на следующий день Инез появлялась на фотографиях в газетах – жена кандидата в президенты, «легкой походкой проходящая по салону», «с улыбкой уклоняющаяся от вопросов».

«Должен признать, что не ожидал подобного от твоего отца, – сказал теперь Билли Диллон. – Что у него не все дома – это я знал, но мне казалось, что он зациклен только на себе. Собственно, я думал, что он и теперь считает, что находится в Танжере. Или где там он был, мать его так, когда засыпал письмами „Тайм“, требуя для Гарри импичмента».

«Тунис, – сказала Инез. – Он был в Тунисе. Он переехал в Гонолулу в прошлом году. Прорицатель сказал ему, что Жанет нуждается в нем. Я тебе говорила. Послушай. Ты помнишь, как перед первичными выборами в Иллинойсе тебя, Гарри и меня провели через морг в Кук-Кантри?»

«Двадцать восемь выступлений за два дня в Чикаго, а затем эти комики заставили нас заранее пожать руку следователю по делам об убийствах, – как же, помню очень хорошо. Своего рода метафора. А что?»

«В прозекторской что-то шумело, как электрическая пила».

«Совершенно верно».

«Что это было?»

«Это была электрическая пила. – Билли Диллон перетасовал карты и снял колоду. – Не бери в голову».

Инез ничего не сказала.

«Не пытайся предугадать события. Здесь уже ничего не изменишь, принимай вещи такими, какие они есть. Попробуй хоть раз думать, как Джесси. Я сказал

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Джесси, что в Жанет стреляли, что Жанет в коме, мы не знаем, что будет, и ты знаешь, что на это говорит мне Джесси? Джесси говорит: „Думаю, что бы ни случилось, это ее карма“».

Инез ничего не сказала.

«Ее... карма... – Билли Диллон принялся раскладывать новый „солитер“. – Такое вот мнение у „Королевского краба“. Эй, Инез, не плачь. Попробуй немного поспать».

«Не пей столько», – сказал Билли Диллон около трех утра. Немного позже, когда к ним поднялась стюардесса и села рядом, он сказал ей: «Мне хотелось бы, дорогая, чтобы ты поняла меня с одного раза: компания нам не нужна». Когда стало светать и самолет начал снижаться, Билли Диллон потянулся через стол, взял Инез за руку и не отпускал. В Амагансетте Инез сказала Билли Диллону, что лететь с ней нет никакой необходимости, однако для Билли Диллона лететь вместе с Инез стало чем-то вроде части привычного механизма контроля за ситуацией для Гарри, и он держал руку Инез всю дорогу до приземления, которое произошло в 5.37 утра по гавайскому времени 26 марта 1975 года на летной полосе, омытой мягким теплым дождем.

6

я была приучена не доверять версиям других людей, однако приходится обходиться тем, что есть.

Проведем тригонометрическую съемку.

Сделаем поправку на искажения.

Взвесим наклонности, предрасположенности, особые обстоятельства, которые изменяют спектр, в котором каждый из наблюдателей видит ситуацию.

Учтем, какой фильтр стоит на объективе. Скажем так. Нижеследующее дано исключительно через фильтр Билли Диллона.

Билли Диллон запомнил, как Дик Зиглер постоянно повторял: «Вот сука». На Дике Зиглере все еще был помятый хлопчатобумажный костюм, в котором он прилетел с Гуама; он сидел на полу в комнате Дуайта и Руфи Кристиан, размазывая креветочную пасту по всему крекеру, даже по краям.

Билли Диллону особенно запомнился этот крекер. Билли Диллон не мог припомнить за всю свою жизнь, чтобы крекеру оказывали подобное внимание.

«Настоящая сука. Все эти дела... Она была в полном порядке, когда я улетал на Гуам».

«А почему, собственно, ей было не быть в полном порядке?» – спросила Инез.

Дик Зиглер не поднял головы.

«В пятницу она собиралась в Сан-Франциско. Повидать ребят. Крис и Тимми как раз возвращались из школы, она все рассчитала».

«Я говорю, что это не затяжная болезнь, – сказала Инез. – Огнестрельная рана».

«Инез, – сказал Дуайт Кристиан. – Тебе не кажется, что это покрепче любого мартини, который ты достаешь в Нью-Йорке».

«У этого заболевания нет симптомов», – сказала Инез.

«Инез», – сказал Билли Диллон.

«Я добавляю одну каплю глицерина, – сказал Дуайт Кристиан. – Старый восточный трюк».

«Она уже заказала места для ужина, – сказал Дик Зиглер. – На три персоны. В ресторане Трейдера».

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org

«У тебя тоже аппетит не пропадает», – сказала Инез.

«Инез», – повторил Билли Диллон.

«Я только сейчас тебя услышала», – сказала Инез.

«В чем проблема?» – спросил Дик Зиглер.

«Это насчет Уэнделла Омур», – сказала Инез.

«Руфи все это контролирует. – Похоже было, что Дуайта Кристина охватил организаторский зуд. – Цветы в похоронное бюро. Кое-что для дома. Глубочайшие соблезнования. Трагический инцидент, безупречная служба. И тому подобное. Так, Руфи?»

«Милли готовит свое блюдо из крабов. – Руфи принялась намазывать крекер креветочной пастой. – Она пришлет его домой».

«Я не совсем то имела в виду», – сказала Инез.

«Я почти не знал этого парня, – сказал Дик Зиглер. – Лично».

«Кто-то должен был его знать, – сказала Инез. – Лично».

Дуайт Кристиан откашлялся.

«А что, Инез, Эдлай все еще остается большим поклонником бейсбола?»

Инез посмотрела на Билли Диллона.

Билли Диллон встал.

«Мне кажется, Инез имела в виду...»

«Джесси все так же помешана на лошадях?» – спросила Руфи Кристиан.

«Помешана на лошадях, – повторил Билли Диллон. – Да. Все так же. Можно и так сказать. Итак. Если я правильно понял Инез – Инез, поправляй меня, если я буду говорить что-то не то, – Инез пока еще не вполне ясно...»

Билли Диллон потерял нить рассуждений.

Теперь Руфи выкладывала из рассыпавшихся крекеров хризантему.

«Это – деликатная область», – сказал наконец Билли Диллон.

Инез поставила свой бокал:

«Инез пока еще не совсем ясно, что делал Уэнделл Омур на террасе дома Жанет и Дика в семь утра, – сказала она. – Это во-первых. Во-вторых...»

«Скажи Джесси, что у нас на ранчо есть новая аравийская лошадь, – сказал Дуайт Кристиан. – Вороная с синим отливом кобыла, горячая, просто огонь».

«...во-вторых, Инез пока еще не совсем ясно, что делал папа на террасе дома Жанет и Дика с „Магнумом“».

«Твоего отца не видели с „Магнумом“ на террасе, – сказал Дик Зиглер. – Его видели выходящим из дома. Давайте придерживаться тех фактов, которые известны».

«Дик, – сказала Инез. – Он сказал, что был на террасе. Он сказал, что стрелял из „Магнума“. Ты это знаешь».

Наступила тишина.

«Билли, тебе следовало бы показать Инез ранчо, – произнесла Руфи Кристиан, не поднимая головы. – Скажи Милли, чтобы собрала вам с собой обед, побродите там весь день».

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
«В-третьих, – сказала Инез, – хотя это и не столь важно, Инез пока еще не совсем ясно, что папа делал в Ассоциации молодых христиан».

«Если вы объедете вокруг с наветренной стороны, вы сможете увидеть новую затею Дика, – сказала Руфи Кристиан. – „Морское ранчо“? „Морская гора“? Ну, как он там его называет?»

«Он называет это „Морской лужайкой“, – сказал Дуайт Кристиан. – Уже в самом названии видится изъясн».

«Чертово болото – вот и все».

«Давайте о чем-нибудь другом», – сказал Дик Зиглер.

«Когда-то точно таким же был центр Гонолулу, Дуайт. Вот и все».

«„Морская лужайка“. Вот уж действительно, в названии выражена суть. Отличное пастбище для креветок».

«Это же превосходная земля, Дуайт. И ты это знаешь».

«Превосходное болото. Прошу прощения. Превосходное священное болото. Получается, что Дик купил себе старинное кладбище кахунов. На любые работы там наложено строжайшее табу».

«Плевал я на это табу. Табу появилось после того, как ты начал шуры-муры с Уэнделлом Омурой».

«Кстати, об Уэнделле Омуре», – сказала Инез.

«Если вы проедете с наветренной стороны, вы также сможете остановиться в Ланикаи. – Руфи Кристиан казалась рассеянной, сосредоточенной исключительно на своей хризантеме из крекера. – Сделай так, чтобы Билли почувствовал, как мы здесь на самом деле живем».

«Мне кажется, как раз сейчас он чувствует», – сказала Инез.

Дуайт Кристиан вытащил дольку лимона из своего мартини и принялся ее изучать.

Дик Зиглер рассматривал потолок.

«Давайте начнем с того, что условимся: папа был на террасе», – сказала Инез.

«Инез, – сказал Дуайт Кристиан. – У меня на жалованье тридцать два юриста. В этом доме. Если бы я захотел послушать разглагольствования законника, я бы вызвал одного из них. Предложил бы ему выпивку. А кстати...»

Дуайт Кристиан протянул свой бокал.

«Мысль Дуайта, как я ее вижу, заключена в следующем, – сказала Руфи Кристиан. Она наполнила бокал Дуайта Кристиана из шейкера, стоявшего на столе, поднесла к губам и сделала недовольную гримасу. – Зачем выставлять напоказ семейное белье?»

«Именно, – сказал Дуайт Кристиан. – Зачем, черт побери, делать упор только на отрицательном?»

«Плевал я на это табу», – сказал Дик Зиглер.

Поскольку фильтр Билли Диллона настроен на комическую сторону вещей, у его памяти широкий диапазон. Несколько месяцев спустя он говорил, что этот его первый вечер в Гонолулу дал ему новый «угол зрения» на технику разрешения кризисных ситуаций в американских деловых кругах. «Они занимаются этим с крекером в зубах, – сказал он. – Старый восточный трюк. Его знают все акулы». В своем же отчете о том вечере и последовавших четырех днях Билли Диллон ни разу не упомянул Джека Ловетта, что было его собственным трюком.

У меня также есть версия Инез.

Не то чтобы она противоречила версии Билли Диллона, однако и далеко не во всем с ней совпадает. В рассказе Инез о том первом вечере в Гонолулу речь идет в меньшей степени о тех членах семьи, которые присутствовали, нежели об отсутствовавших.

Меньше касается, скажем, Дика Зиглера, чем Жанет.

Меньше Дуайта и Руфи Кристиан, чем Пола Кристиана и даже Кэрол.

По версии Инез, например, она по крайней мере расставила по своим местам все, что касалось комнаты Пола Кристиана в Ассоциации молодых христиан.

Комната в Ассоциации молодых христиан должна была послужить ранним предупреждением – с этим могли согласиться даже Дик Зиглер и Дуайт Кристиан.

Разумеется, один из них рассказал Инез еще до всего этого о комнате ее отца в Ассоциации молодых христиан.

Его знаменитая комната на одного человека в «А».

Пол Кристиан занял эту комнату, когда вернулся из Туниса. Никто не мог с уверенностью утверждать, что он провел там хотя бы одну ночь, однако он о ней часто упоминал. «Мне пора в мою одиночку в „А“», – говорил он обычно, покидая обеденный стол в доме Дуайта, Дика и Жанет или какого другого дома в Гонолулу, и можно было быть уверенным, что кто-нибудь из гостей тоже поднимался и что-то срочно предлагал: у одних – свободный коттедж, у других – комната с отдельным выходом, тут – домик на берегу, там – детская пристройка, которую нет смысла оставлять нежилой. Приходи и живи, не дай месту пустовать. Правда; сделайте одолжение. Как бы сдаваясь, Пол Кристиан в таких случаях пожимал плечами и поднимал руки ладонями вверх. «Боюсь, всем известно мое положение», – бормотал он, уступая просьбам.

В тот год Пол Кристиан часто говорил о своем «положении». Разумеется, Инез слыхала, как ее отец говорил о своем положении.

Он характеризовал свое положение как «внизу» или «на дне», считая себя пассивной жертвой внезапного поворота фортуны и эгоизма членов его семьи («Дуайт сейчас наверху, ему не понять моего положения», – говорил он своим собеседникам, среди которых был и Дик Зиглер), а за несколько месяцев до происшедшего он стал пользоваться домом, расположение которого – из него были видны одновременно дом Жанет и Дика на Кахала-авеню и поле для гольфа, на котором Дуайт Кристиан играл каждое утро, – в точности соответствовало его представлениям.

«Ирония состоит в том, что, готовя себе растворимый кофе, я могу наблюдать, как Дуайт делает первый удар по мячу», – говорил он иногда.

«Ирония состоит в том, что, поедая свой скромный обед из консервированного тунца, я теперь могу видеть, как Жанет отдает приказание своему садовнику», – говорил он в других случаях.

Это было место, идеально соответствующее тому долгому состоянию рефлексии, в котором Пол Кристиан возвратился из Туниса, и за январь и февраль он, казалось, находил все меньше и меньше причин покидать снятый дом. Нескольким людям он сказал, что пишет автобиографию. Другим он сказал, что собирает некоторые документы, которые раскрыли бы все «темные» моменты в истории проживания их семьи на островах; об этом своем намерении он отзывался так: «Улики против Кристианов, и посмотрим, как выпадут фишки». Он отклонял приглашения именно тех хозяек (вдов, разведенных, женщин из Сан-Франциско, снявших дома на Даймонд-Хэд и восседавших в своих дворах в длинных марлевых сарафанах), за чьим столом он считался главным украшением.

«Я не в том положении, чтобы ответить вам взаимностью», – говорил он в случае, если продолжали настаивать, и по крайней мере одна из женщин, которой он так ответил, сказала Руфи Кристиан, что Пол заставил ее устыдиться, как если бы именно ее приглашение было самонадеянной попыткой

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org воспользоваться блеском аристократического титула, носитель которого впал в нищету. Он отклонил приглашение на ужин с танцами, который Дуайт и Руфи Кристиан устраивали, по традиции, в феврале, накануне гавайского праздника открытых дверей. Он отклонил по крайней мере два приглашения, к которым были приложены авиабилеты (первое – на семейный праздник в Пэбл-Бич во время американского турнира «Кросби», второе – на бал-маскарад в новом курортном местечке к югу от Акапулько), объяснив это тем, что нравственное чувство не позволяет ему принять билеты первого класса в то время, как он низведен до положения, когда ему приходится есть консервированных тунцов.

«Честное слово, папа, все несколько удивлены эти заявления насчет „консервированных тунцов“» – так видимо, сказала Жанет однажды в феврале.

«Совершенно не представляю почему. Тем более что „всем“ это есть не приходится».

«Но ведь и тебе тоже – вот о чем я говорю. Дуайт считает...»

«Уверен, Дуайта это должно раздражать».

Жанет попыталась зайти с другой стороны.

«Папа, может, дело в слове „консервированный“? Какие еще бывают тунцы?»

«Свежие, как ты знаешь. Но дело ведь не в этом, не так ли?»

«А в чем же?»

«Честное слово, лучше бы вы с Дуайтом не обсуждали моих дел. Я несколько удивлен».

Слезы отчаяния наворачивались на глаза Жанет.

«Консервированный тунец, – сказала она наконец. – Его даже нельзя назвать дешевым».

«Может быть, ты сможешь предложить что-нибудь подешевле, – сказал Пол Кристиан, – для своего отца».

«Пошли ему неразделанного тунца, – посоветовал Дуайт Кристиан, когда Жанет рассказала ему о том, какой оборот принял их разговор. – Пусть его доставят ему на дом. Обложенного льдом. Тушу голубого тунца в полтонны. Черт побери, я сам это сделаю».

Пол Кристиан перестал разговаривать с Дуайтом за месяц до этого, после того как остановился у его конторы, чтобы сказать, что, с его точки зрения, ежегодный ужин с танцами накануне гавайского праздника открытых дверей является вульгарной экстравагантностью.

«Вульгарной», – повторил Дуайт Кристиан.

«Да, вульгарной. С моей точки зрения».

«Почему бы тебе не говорить с точки зрения камбоджийского сироты?»

«Не понимаю».

«Я могу понять точку зрения камбоджийского сироты. Я могу даже оценить отношение этого сироты к ужину с танцами в Гонолулу. Я вряд ли буду целиком и полностью на его стороне, но уважать его точку зрения я могу; я могу...»

«Что ты можешь?»

В тот момент, когда Дуайт Кристиан рассказывал про это Инез, он понял, что в той пикировке выиграть было невозможно. Выиграть в той пикировке было невозможно с тех самых пор, когда Пол Кристиан взял за правило приходить к нему не в дом, а в контору. Он заходил без предупреждения в середине дня и усаживался в приемной «охлаждать каблуки», как какой-нибудь коммивояжер, торгующий буровым оборудованием, где его и заставлял Дуайт Кристиан, возвращаясь с обеда.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
«Ваш брат ожидает вас уже почти час», – говорила секретарша в приемной, и Дуайту слышался в ее тоне упрек.

Это был не столь существенный, но эффективный следующий тактический шаг после отклонения приглашений по той причине, что он не может ответить взаимностью. Воздействие этого приема на Дуайта трудно было выразить словами. Дуайт Кристиан не был уверен в том, что сказал об этом даже Руфи. Он просто выбросил эго из головы. Все происходящее казалось абсурдным. Тогда в конторе Дуайт Кристиан понял, что Пол Кристиан уже не выставляет себя в качестве очередной жертвы эгоизма членов семьи. Теперь он разыгрывал из себя жертву намеренной травли собственной семьей.

«Я могу, что называется, „купить“ точку зрения сироты, – сказал наконец Дуайт Кристиан. – Но твоей я купить не могу».

«Разоблачающий тебя выбор слов».

Дуайт Кристиан ничего не сказал.

«Все время стараемся что-то купить, так что ли, Дуайт?»

Перед тем как что-либо сказать, Дуайт Кристиан подравнял бумаги на своем столе.

«Руфи будет тебя не хватать», – сказал он наконец.

«Уверен, что вы подыщете кого-нибудь из своих восточных друзей, чтобы заполнить место за столом», – сказал Пол Кристиан.

Позже, в тот день, секретарша из приемной заметила старшему секретарю Дуайта Кристиана, который в свою очередь передал это ему самому, что, по ее мнению, «немножко грустно», что брату мистера Кристиана приходится жить в Ассоциации молодых христиан.

Это было в январе.

Сперва Дуайт Кристиан сказал «февраль», но Руфи поправила его: это должен был быть январь, поскольку тогда только что разослали приглашения на вечер с танцами.

Сам вечер был в феврале.

День открытых дверей тоже был в феврале.

В феврале был вечер и день открытых дверей, и разрыв с Жанет из-за консервированного тунца. В феврале же было ежегодное собрание компании «Кристиан корпорейшн», на котором Пол Кристиан поразил всех и особенно (по словам Руфи) себя, представив на рассмотрение резолюцию, призывающую компанию «объясниться». Разумеется, газеты за это ухватились. «Неподтвержденные обвинения были выдвинуты одним из инакомыслящих членов семьи, однако голосовавшие в подавляющем большинстве были на стороне руководства „Кристиан корпорейшн“ вчера, на ежегодном заседании», – писала «Эдвертайзер», выходящая в Гонолулу. «НЕДОВОЛЬНЫЙ КРИСТИАН ЖАДЕТ РАЗОБЛАЧЕНИЯ» – под таким заголовком поместил это сообщение «Стар-бюллетень».

Собрание компании состоялось пятнадцатого февраля.

Первого марта Пол Кристиан всплыл на страницах «Эдвертайзер», адресовав письмо редактору газеты с требованием изъятия фотографии, на которой Жанет вручала награду Товарищества охраны окружающей среды республиканцу Уэнделлу Омуре (округ Гавайи) за его особые заслуги в предотвращении земельных разработок. Насколько можно было судить, протест Пола Кристиана против помещения фотографии основывался не на том факте, что земельные разработки, которые предотвратил Уэнделл Омуре, проводил Дик Зиглер. Его иск носил общий характер и заканчивался словами: «Это не должно быть забыто».

«Не уверена, что они действительно могут снять эту фотографию, Пол», – сказала Руфи Кристиан, когда тот позвонил, специально выбрав тот час, когда Дуайт был на поле для гольфа, чтобы спросить, видела ли она его письмо.

«Я просто хотел, чтобы Жанет знала, – сказал Пол Кристиан, – что в моих глазах она пала окончательно».

То же самое он сказал Дику Зиглеру:

«Это оскорбление для тебя, – добавил он. – Как она посмела!»

«Я уважаю вашу точку зрения, – осторожно ответил Дик Зиглер, – однако сомневаюсь, что стоило высказать ее на страницах „Эдвертайзер“».

«Дики, они зашли слишком далеко».

После письма в «Эдвертайзер» Пол Кристиан стал звонить Дику Зиглеру по нескольку раз в день с таинственными заверениями. «Придет наш день», – говорил он, или: «Тяжелые времена, Дики, продержись еще немного». Поскольку для Дика Зиглера это был год определенных трудностей, определенных неудач, определенных расхождений с Дуайтом Кристианом (отказ Дуайта Кристиана проложить обсаженную деревьями аллею, которая явилась бы детонатором последующего развития наветренной стороны, был лишь одним из примеров) и определенной напряженности отношений с Жанет (то, что она приняла сторону Дуайта, решившего отложить разбивку аллеи на наветренной стороне, дела не улучшило), в целом он воспринял звонки тестя как выражение поддержки.

И все же Дик Зиглер сказал Инез, что эти звонки его беспокоили.

Он находил их в некотором смысле неумеренными.

Он находил их странными.

«Пусть я не самый проникательный человек в мире в том, что касается психологии, – сказал Дик Зиглер, – но, мне кажется, твой отец слишком близко принимает все к сердцу».

«Каша у него в голове», – сказал Дуайт Кристиан.

«Все вы крепки задним умом», – сказала Руфи Кристиан.

«Что это значит, черт побери? – Дуайт Кристиан перестал пить мартини и впал в сильное раздражение. – Разумеется, задним умом. Боже ты мой! „Крепки задним умом“».

«Жанет любит тебя, Инез, – сказал Дик Зиглер. – Никогда не забывай об этом. Жанет любит тебя».

8

За время нашего разговора в Куала-Лумпуре Инез Виктор снова и снова возвращалась к первому дню своего пребывания в Гонолулу. Ее рассказ не был последовательным. Например, сперва она сказала мне – быть может оттого, что я передала ей слова Билли Диллона о крекере, – о разговоре с Дуайтом и Руфи Кристианами и Диком Зиглером, однако с Дуайтом и Руфи Кристианами и Диком Зиглером она в тот день говорила позднее.

Сначала была больница.

Она с Билли Диллоном поехала в больницу сразу же из аэропорта, но Жанет готовили к срочной процедуре откачивания жидкости из черепной коробки, и Инез смогла увидеть ее только через стекло реанимационного отделения.

Затем они поехали в тюрьму.

«Думаю, этим вечером Дуайт на радостях откроет бутылку шампанского», – сказал Пол Кристиан в комнате свиданий с адвокатами.

Инез посмотрела на Билли Диллона.

«Почему?» – спросила она наконец.

«Ты знаешь. – Пол Кристиан улыбнулся. Он казался спокойным, даже игриво

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org настроенным, говоря с ней, он отклонился назад на своем деревянном стуле и уперся босыми пятками в пластиковый стол в комнате свиданий с адвокатами. Штанины его брюк были закатаны, и из-под них виднелись загорелые лодыжки. Его голубая тюремная рубашка была элегантно завязана узлом на талии. – Вы там. Я здесь. Можете праздновать. Почему бы и нет».

«Не надо».

«Что – не надо? Я, в общем-то, рад, что ты пришла. – Пол Кристиан все еще улыбался. – Я все думал – что же случилось с диванчиком из дерева „коа“, принадлежавшим Лэйлани Тайер...»

Инез задумалась.

«Он у меня в Амагансетте, – сказала она наконец. – Что же касается Жанет...»

«Странно, но, когда я у тебя был, я его не заметил».

«Ты был у меня в Нью-Йорке. Диванчик – в Амагансетте. Папа...»

«Ну, твои апартаменты я не особо рассмотрел. Учítывая, как меня тащили на так называемый прием».

Инез закрыла глаза. Пол Кристиан заехал в Нью-Йорк без уведомления в 1972 году на обратном пути в Гонолулу вместе с человеком, с которым он познакомился на Сардинии, актером, представившимся лишь по имени – Марк. «Не имею ни малейшего представления, о чем ты думала – писал Пол Кристиан в письме Инез, – когда я привез к тебе моего доброго друга, и, вместо того чтобы воспользоваться возможностью получше его узнать, ты потащила меня (совершенно проигнорировав предложение Марка приготовить плов, который, поверь мне, ни у кого ранее нареканий не вызывал) на безусловно худший из приемов, на которых я когда-либо бывал, где никто не делал ни малейшей попытки общаться...»

«Вообще-то это был вовсе никакой не прием», – услышала Инез свой голос.

«Инез, – сказал Билли Диллон, – поезд ушел».

«Только не по моим стандартам, – сказал Пол Кристиан. – Нет. Это никак нельзя было назвать приемом».

«Это и не должен был быть прием. Это был благотворительный вечер. Ты помнишь, Гарри там выступал».

«Конечно, помню. Я слушал. Мистер.. Диллер, если не ошибаюсь? Или Диллман?»

«Диллон, – сказал Билли Диллон. – Тот, что всегда бежит по второй дорожке».

«Так вот, мистер Диллман, присутствующий здесь, может подтвердить, что я слушал. Когда выступал твой муж. Я также помню, что ни одна душа, с которой я говорил, не имела ни малейшего представления о том, что говорил твой муж».

«Ты говорил с агентами тайной полиции».

«Какая разница! На них на всех были коричневые ботинки. Я очень удивлен, что диванчик Лэйлани у тебя. Ведь ты никогда ее хорошо не знала».

Билли Диллон посмотрел на Инез.

«Приехали».

«Когда мы учились в „Калифорничке“, ее все называли „Канака“ [139 – житель островов Южного моря.], – сказал Пол Кристиан. – Канака Тайер».

Инез ничего не сказала.

«Она была членом клуба „Пи Фи“».

Инез ничего не сказала.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
«Мы с Лэйлани были как брат и сестра. День и ночь – вечеринки. Лэйлани пела джазовые песенки. Я собирался на ней жениться. На ней, а не на твоей матери. – Он промурлыкал несколько тактов из „Гулянки ночных задир“, но не закончил. – Хочешь – верь, хочешь – нет, а меня считали наилучшей партией. Смешно, не правда ли?»

Инез отстегнула часы и посмотрела на циферблат.

«Моя жизнь могла сложиться совершенно по-другому. Если бы я женился на Лэйлани Таейр».

Инез перевела часы с нью-йоркского на время в Гонолулу.

«Этот диванчик всегда мне многое напоминал».

«Хочешь – я тебе его отдам», – осторожно сказала Инез.

«Очень благородно с твоей стороны, но нет. Не надо, благодарю».

«Я могла бы отправить тебе его морем».

«Разумеется, ты „могла бы“. Я знаю, что ты „могла бы“. Но дело ведь не в том, что ты „могла бы“, не так ли?»

Инез ждала.

«Я покончил со всем этим», – сказал Пол Кристиан.

Билли Диллон открыл свой «дипломат»:

«Вы имеете в виду – потому что находитесь здесь».

«Со всей этой жизнью, – сказал Пол Кристиан. – Вежливые дети в миссии и жалкие обломки убогой мебели. А всего-то маленькие ширмочки, из-за которых они ссорятся. А этот драгоценный диванчик, которым ты так гордишься. Все это, в сущности, дерьмо. Третий сорт. Жалкий, если хочешь знать».

Билли Диллон достал из «дипломата» блокнот:

«Надеюсь, мы сможем сейчас выяснить несколько моментов. Просто некоторые детали, которые помогут восстановить...»

«И если ты, Инез, не понимаешь, что для меня значит это твое предложение взять диванчик...»

«... восстановить хронологию...»

«... оскорбление в тот момент, когда я раздавлен...»

«... время, передвижения...»

«... тогда извини. Инез, мне не хочется вообще об этом говорить».

За последовавшие полчаса Билли Диллону удалось вытянуть следующую информацию. Утром за день до событий, где-то между 6.45 и 7.10, находясь на полпути между бассейном с рыбками и выходом на террасу Жанет, Пол Кристиан выпустил пять пуль из револьвера «Магнум-357» системы «Смит и Вессон», который принес с собой в пляжной подстилке. Затем он убрал «Магнум» в пляжную подстилку и сделал один звонок – не называя себя, дал дежурному в полицейском участке адрес Жанет.

Да, он сознавал, что Уэнделл Омур лежал на полу.

Он был также уверен в том, что Жанет находилась на полу.

Да.

Инез и мистер Диллман никогда не смогут понять, что он ощущал в тот момент.

Выйдя из дома Жанет, он пошел не в дом, где жил, а прямо в центр города, в АМХ. Он пятьдесят раз переплыл бассейн в АМХ: тридцать раз на спине и

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
двадцать – австралийским кролем.

«Обязательно напишите „кроль“, – сказал он. – Теперь они, кажется, называют этот вид „вольным стилем“, но только не я».

«Так, – сказал Билли Диллон, – „кроль“».

После бассейна Пол Кристиан позавтракал чаем и простоквашей в кафетерии АМХ. Там у него произошел небольшой инцидент с кассиром.

«Инцидент какого рода?» – спросил Билли Диллон.

«Когда кто-нибудь говорит мне: „Желаю хорошо провести день“, я обычно отвечаю: „Извините, у меня на сегодня другие планы“, и это обычно ставит его на свое место, но с этим приятелем такого не произошло. „Ну, ты и комик“, – сказал он. Что ж, я просто посмотрел на него».

«Итак, это и был инцидент», – сказал Билли Диллон.

«Когда кто-то хамит, лучше не отвечать».

«Понятно», – сказал Билли Диллон.

Затем Пол Кристиан пошел в свою комнату, где и провел остаток дня, упаковывая то небольшое, что у него там было. К каждой коробке он прикрепил список с ее содержимым. Он составил общий список вещей, указав, в какой коробке они находятся. Он написал несколько писем, в том числе одно к Жанет, в котором объяснил, что «отвечает за свои действия», и в начале вечера, незадолго до того, как позвонить в полицию и назвать себя, оставил письма с инструкциями относительно их отправки у ночного портье внизу. С ночным портье также произошел «небольшой инцидент».

«Он хамил», – сказал Билли Диллон.

«Совершенно нахально. Точно так же, как и полицейские».

«Полицейские вели себя неподобающе».

«Они обращались со мной, как с обычным преступником».

«Которым вы не являетесь».

«Которым я ни в коем случае не являюсь. Я сказал им об этом. То же самое, что я сказал Жанет. Что я отвечаю за свои действия».

«Вы сказали полиции, что отвечаете за свои действия».

«Совершенно верно».

«Точно так же, как вы сказали Жанет».

«Именно. – Пол Кристиан посмотрел на Инез. – Ты все время молчишь».

Инез ничего не ответила.

«Следует ли мне рассматривать твое молчание как неодобрение?»

Инез ничего не ответила.

«Теперь, когда я сижу в тюрьме, как обыкновенный преступник, ты собираешься нанести *coeur de grase*? [140 – Последний удар (фр.).] Переступить через меня?»

Пол Кристиан повернулся к Билли Диллону:

«Мы всегда были близки с Жанет. Не то, что с этой».

Наступило молчание.

«Вам будет не хватать Жанет», – сказал Билли Диллон.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Пол Кристиан снова посмотрел на Инез.

«Мне следовало бы знать, что ты пожалуешь на это торжество, – сказал он.

После того как Пола Кристиана вывели из комнаты. Инез зажгла сигарету и, пока она курила, никто из них не проронил ни слова. Билли Диллон делал пометки в своем блокноте и не смотрел на нее.

„Ну и что ты на это скажешь?“ – спросил он наконец.

„Откровенно говоря, я не очень люблю сумасшедших. Они меня не интересуют“.

„Безусловно, это – один из подходов к делу, Инез. – Билли Диллон убрал свой блокнот в „дипломат“ и закрыл его. – Прямой. Жесткий. Однозначный. Однако я хотел бы заметить, что сегодня нам стоит приблизиться к той отметке на шкале чувств, что поближе к „состраданию“. Твой отец – „больной человек“. У него „самая обыкновенная болезнь“. Ему необходимо лечение“.

„Его необходимо изолировать“.

„Это как раз то, что мы называем „лечением“, Инез. Мы назовем это „лечением“, когда будем говорить со следователем из отдела убийств; будем называть это „лечением“, когда станем говорить с судебными экспертами, и будем называть „лечением“ в разговоре с Фрэнком Тавагата“.

„Я даже не знаю, кто такой Фрэнк Тавагата“.

„Ты также не знаешь и ребят из отдела расследования убийств, Инез. Просто представь себе, что остаток дня мы проведем в дозоре. Я готов. – Билли Диллон посмотрел на Инез. – Как ты? Все в порядке?“

„Да“.

„Тогда, беби, нацепи улыбку и легко пройдишь по салону, о'кей?“

9

„Мне нет необходимости говорить тебе, Фрэнк, что Гарри благодарен тебе за то, что ты сделал для него в Майами“, – сказал Билли Диллон в два часа пополудни в кабинете Фрэнка Тавагата. Билли Диллон и Инез уже встретились со следователями, подключенными к делу: они также встретились с психиатрами, подключенными к обследованию Пола Кристиана; пришло время встретиться и с Фрэнком Тавагата. На самом деле Инез знала Фрэнка Тавагата. Она познакомилась с ним на конвенте 1972 года. В числе прочих делегатов. Он был адвокатом, однако, как сказал Билли Диллон, причина увидеться с ним состояла не в этом. „Этот парень искренне верит, что для того, чтобы устроить свою бабушку в рай, следует всего лишь пригласить на судебное заседание нужных людей, – сказал Билли Диллон. – И это – его сильная сторона“.

„В 72-м ты прошел для нас по проволоке, – сказал теперь Билли Диллон. – Гарри помнит об этом“.

„Гарри сделал пару полезных дел для Уэнделла. – Фрэнк Тавагата не смотрел в сторону Инез. – Все, что я делал для Гарри, я делал для Уэнделла. Непосредственно для него“.

„Гарри знает об этом. Гарри уважает твою позицию. Давление переходит в толчок – и на этот раз ты выступаешь за Уэнделла. Собственно, поэтому, Фрэнк, мы и не давим. Говоря с Гарри или со мной – ты говоришь с судьей при закрытых дверях. Непосредственно“.

„Непосредственно с судьей, – повторил Фрэнк Тавагата. – Все же я ничем не могу вам помочь“.

„Разумеется, не можешь. Просто скажи пару слов“.

„Я их только что сказал“.

Инез наблюдала за Билли Диллоном. Она устала. Она не ела с того времени,

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org как накануне позавтракала в Амагансетте. Она не знала, чего хочет Билли Диллон от Фрэнка Тавагата, но знала, что он это получит. Она видела это по легкой напряженности его плеч – знак полной сконцентрированности, с которой он полностью отдавался достижению того, чего хотел.

„Уэнделла очень любили, – сказал Билли Диллон. – В местной японской общине. Я это знаю“.

„Очень любили“.

„Очень уважаемая семья. Семья Омура. В этих краях их очень уважают“.

„Очень уважают“.

„В общем так же, как и Кристианов. Какая ирония. – Билли Диллон посмотрел в окно. – Один из Омура даже связан с Дуайтом Кристианом, не так ли? Через Уэнделла. Какие-то деловые отношения. Сбыт товаров или еще что-то?“

Фрэнк Тавагата ответил не сразу.

Билли Диллон продолжал смотреть в окно.

„Я бы не стал называть это сбытом товаров“, – сказал наконец Фрэнк Тавагата.

„Конечно, ты не стал бы, Фрэнк. И я не стал бы“.

Наступила тишина.

„Твоя жена, кажется, Омура? – спросил Билли Диллон. – Или я ошибаюсь?“

„Нет“, – сказал Фрэнк после небольшой паузы.

„Твоя жена – не Омура?“

„Я имел в виду – нет, ты не ошибся“.

Билли Диллон улыбнулся.

„Таким образом, наверняка создалась бы конфликтная ситуация, – сказал Фрэнк Тавагата, – если вы просите меня работать на защиту“.

„Мы не говорим о „защите“, Фрэнк. Мы говорим о деле, которое вообще не должно дойти до суда“.

„Понимаю“.

„Мы говорим о больном человеке. Которому нужно помочь. – Билли Диллон посмотрел на Инез. – Которому необходимо лечение. И который его получит“.

„Да, понимаю“, – сказал Фрэнк Тавагата.

„Послушай, Фрэнк. Все, чего мы от тебя хотим, – твоего толкования, разъяснения ситуации, твоего расклада: чего следует ожидать. Ты знаешь общину. Ты знаешь окружную прокуратуру“.

Фрэнк Тавагата ничего не ответил.

„Я не склонен думать, что найдется кто-нибудь столь близорукий, кто решил бы строить свою карьеру, разыгрывая эту карту через телевидение, но я не знаю вашей прокуратуры. Единственное, что мне известно, что какой-то парень работает в опасной зоне. Парень думает, что сможет составить себе имя на судебном процессе, поставив Кристианов в трудное положение...“

Фрэнк Тавагата молчал.

„Поставив в трудное положение Гарри. Потому что – надо смотреть правде в глаза – подбираются-то к Гарри“.

„Я бы сказал – „подбирались“ к Гарри“.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
„Позволь мне выбрать слова“.

„Гарри ведь один раз уже „сделали“, не так ли? В 1972-м?“

„Ну что ж, мой черед стрелять, Фрэнк. Ты это заслужил. Значит, один из кузенов Уэнделла, так? Эта сделка с Дуайтом Кристианом“.

Фрэнк Тавагата взял со стола серебряную ручку и сжал ее между большим и указательным пальцами.

Инез наблюдала за плечами Билли Диллона. „Рыцарь-убийца, – так Гарри всегда называл Билли Диллона, – посвященный в рыцари ударом меча по плечу“.

Билли Диллон едва уловимо наклонился. Вперед.

Инез вдруг пришло в голову, что сам Гарри никогда не был крестоносцем, потому что не умел достаточно собраться. Какая-то часть его внимания всегда оставалась сосредоточенной на самом себе. Политик. Так сказал Джек Ловетт в Панкэке. Радиоактер.

„По-моему, что-то промелькнуло в „Бизнес уик“? – спросил Билли Диллон. – Совсем недавно. Что-то о контейнерных перевозках? Кажется, так? Один из кузенов Уэнделла?“

„Один из братьев Уэнделла. – Фрэнк Тавагата положил ручку на место в ониковую подставку и только после этого заговорил снова: – Его кузина – моя жена“.

„Вот и чудненько, – сказал Билли Диллон. – Обожаю эти маленькие городки“.

К трем часам в тот день стороны пришли к соглашению, о котором вскоре следовало сообщить Гарри Виктору, что Фрэнк Тавагата как можно аккуратнее и осторожнее провентилирует в окружной прокуратуре вопрос, каким образом заменить возможное заключение Пола Кристиана лечением.

Стороны пришли к договоренности, что Фрэнк Тавагата обсудит предпочтительность такого поворота дел с некоторыми ключевыми фигурами в политических кругах японской общины.

Стороны пришли к согласию, что Фрэнк Тавагата предоставит сведения о настроении и окружного прокурора, и местной общины в распоряжение тех адвокатов, что будут представлять интересы Пола Кристиана на процессе, который в идеале обе стороны должны будут разыграть с хореографической четкостью.

„Вы не представляете себе, что такое настоящий криминалист“, – сказал Фрэнк Тавагата.

„Я прекрасно представляю этого сукина сына, специалиста по имущественным тяжбам, – сказал Билли Диллон. – Один из сторонников старой линии. Один из тех парней, кто не знает точно, где в здании суда находится сортир. Однако я тебе уже сказал. Мы здесь не выстраиваем защиту в уголовном деле“.

Они обговорили все это и, кроме того, пришли к соглашению, что никто не будет доискиваться, почему Уэнделл Омуре в законодательном порядке наложил запрет на разработку „Морского Луга“ Дика Зиглера, как это законодательное решение могло сыграть в пользу Дуайта Кристиана или какую выгоду мог недавно получить брат Уэнделла Омур от отдела контейнерных перевозок „Кристиан корпорейшн“.

„Откуда ты все это узнал?“ – спросила Инез, когда они с Билли Диллоном вышли из конторы Фрэнка Тавагаты.

„Я же сказал откуда. Из „Бизнес уик“. Из той газеты, что я читал, когда самолет шел на посадку“.

„О Дуайте?“

„Не совсем о нем“.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
„О Дике?“

„О некоем Омуре, занявшемся контейнерными перевозками. Две строчки.
Заголовок. И это все“.

„Ты даже не знал, что это был брат Уэнделла Омурь?“

„Но я же знал, что его зовут Омур“.

„Омур – такое же распространенное имя, как Смит“.

„Инез, на догадках обвинения не построишь, – сказал Билли Диллон. – Нужно
знать ходы“.

10

К тому времени, когда Инез и Билли Диллон снова попали в Королевский
медицинский центр в этот их первый день в Гонолулу, было уже почти четыре
часа пополудни, а состояние Жанет не изменилось. По словам дежурного в
реанимационном отделении, пациент не подавал признаков улучшения своего
состояния, которые они хотели бы увидеть. Температура тела пациента то
поднималась, то падала. Такое колебание температуры у пациента предполагало
значительные повреждения ствола головного мозга.

Нет, технически пациент не является мертвым.

Электроэнцефалограмма пациента еще не стала ровной линией.

Технической смерти не произойдет до тех пор, пока они не получат не одну,
а три „ровные“ энцефалограммы, снятые через каждые восемь часов.

Да, тогда это будет техническая смерть.

„Техническая – в отличие от какой?“ – спросила Инез.

Дежурный смутился:

„То, что мы называем технической смертью, – это смерть... ну...“

„В отличие от реальной смерти?“

„В отличие от... ну... не-смерти“.

„Техническая жизнь? Вы это имеете в виду?“

„Это вовсе не обязательно ситуация „или – или“, миссис Виктор“.

„Жизнь или смерть? И не обязательно или – или?“

„Инез“, – сказал Билли Диллон.

„Я хочу знать точно. Он это имеет в виду?“

„Я имею в виду, что существует определенная „серая“ область, которая может
быть, а может и не быть...“

Инез посмотрела на Билли Диллона.

„Он говорит, что она не вытянет“, – сказал Билли Диллон.

„Это я и хотела узнать“.

Инез стояла у металлической кровати и наблюдала, как Жанет дышит с помощью
респиратора.

Билли Диллон немного подождал, а затем отвернулся.

„Она позвонила мне, – сказала наконец Инез. – Она позвонила мне на прошлой
неделе и спросила, помню ли я кое-что. Я сказала, что нет. Но я помнила“.

Когда Инез в Куала-Лумпуре рассказывала мне о том, как она смотрела на Жанет, подсоединенную к системам жизнеобеспечения, она несколько раз упомянула этот телефонный звонок – один из полуночных звонков, которые Жанет обычно делала в Нью-Йорк, или Амагансетт, или туда, где в это время находилась Инез.

„Ты помнишь?“ – обычно спрашивала Жанет во время таких разговоров.

„Ты помнишь агатовую фигурку, которую Сисси держала на столе в холле? Столик черного дерева в холле. Столик черного дерева, про который Лоуэлл Фрэзир сказал, что это – клен, покрашенный черной краской. Ты не можешь не помнить Лоуэлла Фрэзира, ты же помнишь, какой гвалт подняла Сисси, когда Лоуэлл и папа отправились вместе на Фиджи. Тогда, когда папа хотел купить отель. Инез, отель на десять комнат. В Суве. После того, как уехала мама. Или до того? Ты должна помнить. Сосредоточиться. Ну, раз уж я тебя поймала. Я искренне удивлена, что ты подняла трубку, обычно тебя нет, я наблюдаю совершенно райский закат, а что там у тебя?“

„А у нас – полночь“, – сказала Инез во время этого последнего звонка Жанет.

„Я набрала номер, и ты взяла трубку. Поразительно. Обычно я попадаю на твой автоответчик. Так. Соберись. Я думала о маме. Ты помнишь, как мама плакала наверху во время моей свадьбы?“

„Нет“, – ответила Инез, но она помнила.

В день, когда Жанет вышла замуж за Дика Зиглера в Ланикаи, Кэрл Кристиан уже за завтраком принялась пить шампанское. В том году у нее было занятие – зазывать знаменитостей на радиоинтервью-шоу в Сан-Франциско, и где-то к полудню она принялась звонить своим „звездам“ в отели Вайкики с просьбой, как она выражалась, появиться в роли гостей на свадьбе Жанет.

„Возможно, вы помните, а может быть, и нет, что я – мать невесты“, – говорила Кэрл Кристиан, приветствуя гостей на приеме.

„На твоём месте я бы не так нажимал на выпивку“, – сказал Пол Кристиан.

„Как бы мне подсуетиться: верно выбрать кавалера“, – пела Кэрл Кристиан под аккомпанемент джазового оркестра, приглашенного для танцев на палубе и игравшего на дощатом помосте, который рабочие из „Кристиан корпорейшн“ соорудили на берегу накануне утром.

„Твоя мать превращает вечер в состязания на приз „чаши роз“ (кто больше выпьет)“, – сказал Гарри Виктор.

„Кэрл – настоящий молоток“, – сказал Дуайт Кристиан.

„Как бы мне не ошибиться: выйти за миллионера“.

Когда Жанет пошла наверх, чтобы переодеть свое белое батистовое свадебное платье, Кэрл Кристиан начала плакать. „Я не осуждаю твоего дядю Дуайта, – повторяла она, сидя на кровати, в которой лет пятнадцать назад любила подремать с Инез и Жанет. – Он болеет за нас всем сердцем. Это не его вина. Но ваша бабушка. Сисси. Правда. Уж слишком. Как бы то ни было, все рав... Все хорошо, что хорошо кончается в постели. Старая сан-францисская поговорка. Я получила безумно интересную работу, которую я никогда бы не получила, а вы получили...“

Инез, чью беременность уже нельзя было не заметить, сидела на постели и пыталась успокоить мать.

„Мы нашли себе мужей“, – подсказала Жанет.

„Забудьте о мужьях, – сказала Кэрл Кристиан. – У вас были лошади. В свое время их сменили автомашины. Вы брали уроки тенниса.“

Если бы я взяла вас с собой, я не смогла бы расплатиться и за перетяжку ваших ракеток.

Не будем вспоминать уроки.

Забудем о маленьких белых платьях.

Не станем заострять внимание на комплектах свитеров из кашмирской шерсти, золотых браслетах и пальто из верблюжьей шерсти.

Я прошу различать Жанет Кристиан и миссис Зиглер – ты стала таковой, имея пальто из верблюжьей шерсти.

Оно было на тебе, когда ты приехала на пасху в 1950-м“.

Mon cher Paul [141 – мой дорогой Поль (фр.)]; с кем ты там... чтобы удрать с этого острова? (Шучу, разумеется.) XXXX, К.

Ни Инез, ни Жанет ничего не говорили. В спальне были открыты все окна, и звуки вечеринки доносились наверх в свете заката. Внизу на пляже подружки невесты играли в волейбол в своих льняных платьях. Джазовый оркестрик исполнял попури из „Моей прекрасной леди“. „Братец Гарри, – услышала Инез голос Дика Зиглера прямо под окнами спальни, – давай-ка этот парень приготовит тебе настоящий коктейль“.

„Где Инез? – спросил Гарри Виктор. – я не хочу, чтобы Инез переутомлялась“.

„Хватит этой шипучки, пришло время крепких напитков“, – сказал Дик Зиглер.

„Извините, но я ищу свою жену“, – сказал Гарри Виктор.

„Извините, а кто из вас мужчина? – сказал Дик Зиглер. – я очень сомневаюсь, что она потерялась“.

Наверху, в темнеющей спальне, Жанет сняла с себя гирлянду розового жасмина и повесила ее на плечи матери.

„Как бы мне подсуетиться: верно выбрать кавалера.

Как бы мне не ошибиться: выйти за миллионера“.

Инез это хорошо помнила.

Инез также помнила, что, когда им с Жанет было соответственно четырнадцать и двенадцать лет, Жанет изучила фотографии Кэрл Кристиан и сделала себе такую же прическу.

Инез также помнила, что, когда им с Жанет было пятнадцать и тринадцать, Жанет выставляла под настольной лампой в своей комнате для занятий почтовые открытки из Сан-Франциско, с озера Тахо и из Кармела и пробовала подражать почерку Кэрл Кристиан.

„Партнеры в удивительно современном браке, в котором каждый предоставляет другому свободу иметь широкий круг своих интересов“ – так Билли Диллон разгадал загадку Пола и Кэрл Кристианов для биографии Гарри Виктора в его предвыборной кампании. Автор не был в состоянии правильно это преподнести, и Билли Диллон лично выработал формулировку.

Алоха оэ.

кажется, твоей маме хочется в ночной клуб.

Через девятнадцать дней после свадьбы Жанет Кэрл Кристиан была мертва – она погибла в авиакатастрофе на самолете компании „Пайпер апаш“, неподалеку от Рено, и вот теперь на третьем этаже в реанимационном отделении Королевского медицинского центра при смерти была Жанет. Жанет попросила Инез вспомнить, а Инез притворилась, что не помнит, и вот теперь Жанет перешла в некую „серую“ область между „или“ и „или“.

Алоха оэ.

Инез коснулась руки Жанет, а затем отвернулась.

Стук ее каблуков по больничному полу вдруг показался ей несинхронным ее походке.

Звук ее голоса, когда она благодарила дежурного, показался ей бестелесным, каким-то чужим.

Снаружи больницы все еще шел дождь, а на скоростной автомагистрали Луналило не было машин. По радио в машине передавали сводку Королевского медицинского центра о состоянии здоровья Жанет и сведения о количестве конгрессменов и других официальных лиц, приславших телеграммы или другие письменные послания с выражением сочувствия и глубокого соболезнования в связи со смертью Уэнделла Омуры. Среди посланий было одно от Гарри, в котором выражались не только сочувствие и глубокое соболезнование, но и убежденность в том, что это прискорбное происшествие для всех американцев станет стимулом преодоления (Инез узнала стиль Билли Диллона в этом нейтральном слове „присшествие“), – преодоления разобщенности и различий, о которых столь трагически напомнил этот случай в отдаленном районе Тихого океана.

„Не в таком уж и отдаленном, если и здесь поддаются соблазну бесплатной рекламы по радио“, – сказала Инез Билли Диллону.

В пять часов пополудни, когда Инез и Билли Диллон приехали в дом Дуайта и Руфи Кристианов, первое, что заметила Инез, была фотография Жанет, стоявшая на столике в холле, – фотография, сделанная в день свадьбы Жанет и Дика Зиглера, – Жанет босая на пляже в Ланикаи в своем белом батистовом свадебном платье. Фотография была явно не на своем месте – почему Инез ее и заметила. Эта фотография стояла всегда на туалетном столике Руфи Кристиан, а теперь она стояла здесь, в недавно почищенной серебряной оправе; со стола, куда ее поставили, были совсем недавно убраны ключи от машины, шарфы, лакированные шкатулки и малахитовые лягушки. Фотография эта была жертвоприношением, посланием во искупление неведомому провидению; послание же состояло в том, что Жанет уготована к смерти.

„Я позвонил сегодня утром в церковь святого Эндрью и сказал Чипу Кинсолвингу, что нам понадобится, – говорил в соседней комнате Дуайт Кристиан. – Когда придет время. Самая обычная служба, вошли и вышли, обычное дело: из земли вышли – в землю уйдем. Ну, может быть, пару – как это называется – псалмов. Только не тот, где говорится, что „Господь – пастырь твой...“. Я специально предупредил. Дик? Ты ведь этого хотел?“

„Не надо опережать события, – сказал Дик Зиглер. – Откуда я знаю, чего хочу? Она еще не умерла“.

„Покорная скотина – „Господь – пастырь мой“, – сказал Дуайт Кристиан. – В этой семье не было овец“.

„Я скажу вам, чего я хочу, – услышала Инез собственные слова. Словно под воздействием димедрола, она смутно уловила в собственном голосе враждебность. – Я хочу, чтобы эту фотографию поставили туда, где она всегда стояла“.

В тот момент, когда Инез Виктор вошла в комнату дома на Маноа-роуд, на ней все еще была короткая трикотажная юбка, такой же жакет и гирлянда из жасминов, в которой она покинула аэропорт десять часов назад.

В течение которых она не сомкнула глаз.

В течение которых она ничего не ела.

В течение которых она не видела Джека Ловетта, хотя Джек Ловетт видел ее.

„Уведите же ее с этого чертова дождя“, – сказал Джек Ловетт.

11

Вот скудные сведения о том, как Джек Ловетт провел несколько месяцев, предшествовавших прибытию Инез Виктор в Гонолулу: он провел эти месяцы, курсируя между Сайгоном, Гонконгом и Гонолулу. Оставалась масса мелких дел, недоработанных моментов, пунктов, по которым необходимо было договориться. Нужно было выправить выездные бумаги. Нужно было перевести деньги. Для некоторых партий закупленного вооружения надо было заменить

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org сопроводительные сертификаты, приобрести въездные визы, начать переговоры, заключить контракты, снять дома для перемещенных вьетнамских офицеров и официальных лиц (даже эта самая мелкая деталь требовала деликатного подхода в те месяцы, когда каждый уже знал, что война заканчивается, но делал вид, что это не так), и Джек Ловетт осуществлял подобные закупки сам, расплачиваясь наличными и ссылаясь при этом на заокеанских заказчиков; все это представляло собой бесконечно запутанный клубок нитей, посредством которых переориентировался этот призрачный бизнес, основанный на утверждаемой необходимости оказывать постоянную помощь. То, что во время войны можно подзаработать, мы все теоретически понимаем. Гораздо меньше среди нас тех, кто рассматривает войну как сугубо коммерческое предприятие, – таким, однако, человеком был Джек Ловетт, и понимал он это не абстрактно, но нутром, и первоочередная забота для него в те месяцы, после которых Инез Виктор снова попала в поле его зрения (она постоянно находилась в сфере его периферического видения – мерцающая тень, образ, отчетливо проступавший вперед, когда он был один в комнате отеля или на высоте в 35 тысяч футов), состояла в том, чтобы полнее обеспечить определенные интересы бизнеса. Например, в то утро, когда Джек Ловетт наблюдал прибытие Инез в аэропорту Гонолулу, он также следил за прибытием в Сайгон и получением разрешения на последующий вызов морским путем в Женеву через Ванкувер определенного количества золотых слитков, упакованных в ящики с соломой с надписью „домашняя утварь“. Когда позже он упомянул Инез об этих слитках, он описал происходившее как „услугу, которую я кое-кому оказал“. Весной 1975 года Джек Ловетт оказал многим людям много услуг, и многие люди в свою очередь оказывали услуги Джеку Ловетту.

Будучи читателем, в данный момент вы несколько опережаете события.

Будучи читателем, вы уже знаете, что той весной Инез Виктор и Джек Ловетт покинули Гонолулу вдвоем. Вы знаете об этом потому, что я рассказала вам еще раньше. Не расскази я, вы все равно знали бы об этом: вы бы догадались, ведь большинство читателей опережает повествователя; а может быть, вы об этом даже помните из статей, опубликованных в газетах, и телепередач того времени, когда операция, проводимая Джеком Ловеттом, распалась на части.

Вы, возможно, видели даже киноклип, который я упомянула. С Инез Виктор, танцующей на „Крыше св. Реджиса“.

И тем не менее.

Я могла бы шаг за шагом проследить все четыре дня, которые Инез оставалось провести в Гонолулу, могла бы перейти из жилой комнаты дома на Маноа-роуд в столовую и рассказать вам в деталях, что произошло в тот первый вечер в Гонолулу, когда Инез, Билли Диллон, Дик Зиглер, Дуайт и Руфи Кристианы наконец уселись ужинать.

Я могла бы рассказать вам о Джеке Ловетте, без приглашения вошедшем в столовую через застекленные двери, отделявшие ее от плавательного бассейна.

Я могла бы описать вам Инез, поднявшую голову и внезапно его увидевшую.

„Чертовы фоторепортеры разбили лагерь на лужайке перед домом, – привела бы я слова Дуайта Кристиана. – Джек, ты знаком с Инез? Ты знаешь Дика, мужа Жанет? А присутствующего здесь Билли ты знаешь?“

„Пару лет назад мы вместе были в Джакарте, – говорил бы у меня Джек Ловетт Дуайту Кристиану, глядя при этом на Инез. – И Инез там была. Инез была в Джакарте вместе с Жанет“.

„Инез также была в Джакарте вместе со своим мужем, – сказал бы Билли Диллон нарочито приятным голосом. – И с двумя своими детьми“.

„Эти стервятники собрались на лужайке по той причине, что Жанет не вытянет“, – произнес бы Дуайт Кристиан.

„Перестаньте говорить, что Жанет „не вытянет“, – сказал бы Дик Зиглер. – Сидите здесь, уминаете курицу, запеченную в тесте, и беседуете о том, что Жанет „не вытянет““.

„Сменим предмет разговора, – отозвался бы Дуайт Кристиан. – Ради Дика. Пока

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
я не доем свою курицу, запеченную в тесте. Джек, что ты скажешь, если я тебе сообщу, что „Кристиан корпорейшн“ увеличила стоимость полной реконструкции в заливе Камрань?“

„Я скажу, что „Кристиан корпорейшн“ проводит там реконструкцию для Хо Ши Мина. – Джек Ловетт продолжал смотреть только на Инез. – Как поживаете?“

Инез ничего не ответила; взгляд ее был направлен на Джека Ловетта.

„Не хотите ли куда-нибудь сходить?“ – спросил Джек Ловетт; голос его был низким и чрезвычайно спокойным.

За столом наступила тишина.

Инез взяла вилку, но немедленно положила ее на стол.

„Милли еще не приносила десерт“, – слабым голосом сказала Руфи Кристиан.

„Инез“, – сказал Билли Диллон.

Джек Ловетт оторвал взгляд от Инез и посмотрел на Билли Диллона.

„Вот что, – сказал он тем же низким и спокойным голосом. – Мне некогда здесь в игрушки играть“.

Такие вот дела.

Я совершенно точно могла бы обо всем рассказать.

Я знаю все условия договора и то, как их соблюдать, как разрисовать уже натянутый мною холст; я знаю, что сказал он и что сказала она, а кроме того, знаю – поскольку сердцевинкой повествования служит определенный высчитанный эллипс, молчаливый уговор между писателем и читателем о том, что один удивляет, а другой удивляется, – как не рассказать вам о том, чего вы пока что не хотите знать. Я уважаю ту роль, которую играют детали в подобных повествованиях: не просто курица, запеченная в тесте, и равным образом не просто погода (мне нравится писать о погоде, но это легко), не просто то, как на следующее утро облака сгустились над Кулау-Рэйндж или как потрескивали пальмы за домом Жанет в сумерках (любой может написать о пальмах в сумерках), когда Инез пошла взять платье, в котором должны были хоронить Жанет.

Я имею в виду нечто большее, чем просто погоду.

Я имею в виду своеобразие характеров, окружения, незначительных на первый взгляд деталей.

Тот факт, например, что Гарри и Эдлай Виктор прибыли в Гонолулу утром 28 марта, утром страстной пятницы, – в то утро, когда тело Жанет было доставлено для вскрытия судебной экспертизой; они прилетели тогда на самолете компании „Уорнер коммюникейшнс“. То обстоятельство, что за время долгих пасхальных дней перед похоронами Жанет Эдлай неоднократно находил возможности, чтобы упомянуть про самолет компании „Уорнер коммюникейшнс“. Деликатность причин, по которым не Инез, но Гарри и Эдлай должны были звонить вдове Уэнделла Омуры. Препираания по поводу приготовления к похоронам Жанет (в конце концов Дик Зиглер все-таки пожелал, чтобы пастырем Жанет был Господь – хотя бы потому, что этого не хотел Дуайт Кристиан) и способ, которым Руфи Кристиан заполнила промежуток между смертью и похоронами Жанет, – усиленными занятиями домашним хозяйством. Легкая перепалка, вспыхнувшая, когда Инез посоветовала Дику Зиглеру не перекладывать на плечи Руфи обязанность позвонить в школу Крису и Тимми и сказать, что их мать умерла.

„Честное слово, Инез, когда дело идет о детях, я не считаю, что последнее слово должно быть за тобой, – сказал Дик Зиглер. – Памятуя о Джесси“.

„Оставь Джесси в покое, – сказала Инез. – Звони“.

Небольшое затруднение, случившееся субботним утром, когда Крис и Тимми прилетели с учебы, а служебные собаки в аэропорту обнаружили в одном из их

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org ранцев марихуану. Точный текст письма, отправленного Полом Кристианом в „Эдвертайзер“, в котором он высказал „негодование“ по поводу того, что ему не разрешили присутствовать на похоронах Жанет. Точное местоположение пассажа в Вайанаэ, куда Джек Ловетт отвез Инез, чтобы встретиться со специалистом по радарным установкам, который, как говорили, видел Джесси.

Джесси.

Джесси – сумасшедшая номер восемь в этом повествовании.

Сейчас я намерена обратиться к Джесси, однако сперва хотела бы предупредить: подобно Джеку Ловетту и (как выяснилось) Инез Виктор, у меня нет времени играть в игрушки.

Назовем это голосом комментатора.

Сигналом тревоги в нашем повествовании.

12

Первая электроэнцефалограмма в виде совершенно прямой линии, обозначавшая, что у Жанет прекратилась какая бы то ни было фиксируемая мозговая активность, была получена около шести вечера в среду, 26 марта, вскоре после того, как Инез и Билли Диллон прибыли в дом на Маноа-роуд. Электроэнцефалограмма была изучена главным невропатологом, который вел Жанет, приблизительно в то же время, когда Инез, Билли Диллон, Дик Зиглер, Дуайт и Руфи Кристиан сели за курицу, запеченную в тесте. Невропатолог уведомил следственный отдел о том, что получена первая нулевая расшифровка, позвонил в дом на Маноа-роуд, пытаясь связаться с Диком Зиглером, услышал короткие гудки и уехал из больницы, оставив дежурному указание позвониться Дикю Зиглеру. Десять минут спустя „скорая помощь“ доставила в Центр больного с тяжелым ножевым ранением, и дежурный забыл о приказе звонить Дикю Зиглеру.

Это ставит один из тех вопросов, возможность ответить на который дает лишь анализ событий: сколь существенно повлиял бы на происходившее звонок из больницы, если бы он имел место до того, как Инез поднялась из-за обеденного стола и, пройдя гостиную, вышла с Джеком Ловеттом из дома через входную дверь? Не думаю, однако звонок из больницы мог бы быть истолкован как „причина“ того, что Инез вышла из-за стола.

Иная причина, нежели Джек Ловетт.

Причина, которая устроила бы всех.

Итак, на данный момент их устроило признание того, что Инез переутомилась. Руфи Кристиан первая нашла это слово. „Она просто переутомилась“, – сказала Руфи Кристиан, а Билли Диллон подхватил и повторил: „Переутомилась. Конечно. Естественно. Она переутомилась“.

Инез только что вышла из дома.

„Ты, наверное, уже можешь снять гирлянду?“ – сказал Джек Ловетт, когда они сидели у него в машине перед домом на Маноа-роуд. Похоже было, что большинство репортеров уже ушли с лужайки. Когда Инез и Джек Ловетт вышли из дома, на ступеньках оставался только один фотограф, да и тот, сделав по долгу службы несколько снимков, отошел в сторону. Джек Ловетт дважды включил и дважды выключил зажигание.

Инез сняла помятую гирлянду с шеи и опустила ее на сиденье между ними.

„Не представляю, куда я собирался тебя отвезти, – сказал Джек Ловетт. – Честно“.

Инез посмотрела на Джека Ловетта, а затем принялась смеяться.

„Черт возьми, Инез. Откуда мне было знать, что ты пойдешь?“

„У тебя было двадцать лет. Чтобы подумать, куда нам поехать“.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
„Да, конечно. Перестань смеяться. Я привык думать, что всегда смогу взять тебя в Сайгон. Пить там цитрусовый сок и смотреть теннис. Ладно, поставь на этом крест. Хочешь поехать в больницу?“

„Представь, что мы поехали в Сайгон. Представь, что все так и случилось. Вообрази себе. Все равно, это же только в мыслях“.

„Не совсем“, – сказал Джек Ловетт.

Инез посмотрела на него, затем в сторону. Фотограф на ступеньках зажег сигарету, но тут же щелчком отправил ее через лужайку. Он подхватил свою камеру и направился к машине. Инез взяла гирлянду и вновь положила ее.

„Мы едем в больницу или нет?“ – сказала она наконец.

Так вот и получилось, что Инез Виктор и Джек Ловетт вместе поднялись на третий этаж в реанимационное отделение Королевского медицинского центра, когда, по словам старшего из двух следователей по делам об убийствах, часы Жанет уже вели другой счет.

„Я все же не вполне это понимаю, – продолжала повторять Инез заведующему отделением и двум следователям по делам об убийствах. Следователи по делам об убийствах пришли в больницу лишь для того, чтобы взять показания у одной из сиделок, и не имели ни малейшего желания составлять компанию допрашиваемому заведующему. – Вы получили прямую линию в шесть часов. Так ведь вы говорили?“

„Именно“.

„Вам же нужны три таких. Каждая через восемь часов. Ведь вы мне так говорили? Сегодня в полдень. О технической смерти“.

„Тоже верно. – Лицо заведующего покраснело от раздражения. – По крайней мере через восемь часов“.

„Тогда почему вы мне говорите, что наметили вторую электроэнцефалограмму на девять часов завтрашнего утра?“

„По крайней мере на восемь часов. Как минимум“.

При чем здесь – по крайней мере? Вы могли сделать ее сегодня в два утра».

«Это не было бы нормальной процедурой».

Инез посмотрела на следователей.

Следователи смотрели в сторону.

Инез посмотрела на Джека Ловетта.

Джек Ловетт пожал плечами.

«Сделайте ее в два, – сказала Инез. – Или ее перевезут в другое место, где это сделают в два часа».

«Перемещение пациентки может усложнить выяснение причины смерти».

Дежурный посмотрел на следователей, ожидая поддержки.

«Трудно будет что-либо утверждать».

«Плевала я на выяснение причины смерти», – сказала Инез.

Все молчали.

«Да сделай ты это в два», – сказал старший из следователей по делам об убийствах.

«Я заметил, ты все еще получаешь то, что хочешь», – сказал Джек Ловетт Инез.

Они сделали это в два и еще раз в десять утра, и каждый раз линия была прямой, однако главный невропатолог, проконсультировавшись со следователями по делам об убийствах и юристами Центра, сказал, что всех успокоило бы четвертое обследование. Четвертый результат явился бы гарантией против утверждений, что смерть наступила в результате отключения системы жизнеобеспечения. Получив его, каждый мог жить спокойно.

«Каждый, кроме Жанет», – сказала Инез, сказала она это только Джеку Ловетту.

Спустя восемь часов они снова проделали эту процедуру, и снова линия была прямой и в 19.40, во вторник 27 марта, было объявлено, что Жанет Кристиан Зиглер умерла. На протяжении почти двадцати четырех часов, предшествовавших этому объявлению, Инез не выходила из пустой комнаты для посетителей в хирургическом отделении, где она сидела на большой софе. Почти все это время Джек Ловетт провел с ней. Из всего, что Джек Ловетт говорил ей за эти почти двадцать четыре часа, Инез позже могла отчетливо вспомнить только рассказанную ей историю о женщине, служившей у него кухаркой в Сайгоне в 1970 году. На протяжении нескольких месяцев эта женщина пыталась отравить некоторых из гостей, приглашенных к обеду, олеандровыми листьями. Она мелко крошила эти листья в определенные тарелки с супом, в которых появлялась очень приятная пенка, полная гемотоксинов. Хотя ни один из этих гостей не умер, по крайней мере двое – корреспондент агентства Рейтер и обозреватель журнала «Арми информэйшн дайджест» – заболели, однако никто на заподозрил повараху до тех пор, пока ее зять, убежденный, что дочь хозяйки наставила ему рога, не пришел к Джеку Ловетту с этой историей.

«А какова была цель?» – спросила Инез.

«Чья цель?»

«Поварихи. – Инез пила пиво, Джек Ловетт принес бутылку в больницу. – Каковы были ее мотивы?»

«Ее мотивы. – Казалось, Джеку Ловетту эта часть истории была неинтересна. – Выяснилось, что ее просто обманули. Сугубо личное дело. В общем, эта история мне ничего не дала. Хотя сперва мне показалось, что я на что-то напал».

Инез допила пиво и внимательно посмотрела на него. Она поразмыслила, стоит ли спрашивать, на что, как он думал, он напал, и решила, что не стоит. После этого небольшого происшествия с поварихой он отказался от служанки, сказал он. После этого незначительного случая с поварихой он снова стал останавливаться в гостинице «Дюк». Когда бы он ни был в Сайгоне.

«Тебе там нравилось, – сказала Инез. Пиво расслабило ее, и она начала засыпать, держась за руку Джека Ловетта. – Тебе там очень нравилось, ведь так?»

«Иногда бывало хуже, иногда – лучше. – Джек Ловетт выпустил руку Инез и накинул на ее голые ноги свой пиджак. – А вообще-то да, – сказал он наконец. – Жить там было неплохо».

Несколько раз в течение этих суток в больницу приходил Дик Зиглер, но в целом он, казалось, испытывал облегчение, предоставив Инез контролировать ситуацию. «Жанет даже не знает, что мы здесь», – говорил Дик Зиглер каждый раз, когда приходил в больницу.

«Я здесь не ради Жанет», – сказала наконец Инез, но Дик Зиглер проигнорировал это замечание.

«Даже не знает, что мы здесь», – повторил он.

Довольно часто в больницу приходил Билли Диллон.

«Естественно, ты переутомлена, – говорил Билли Диллон каждый раз, когда приходил в больницу. – Поэтому я не воспринимаю ничего всерьез. Спросите меня, что я думаю о поступках Инез, и я скажу – никаких комментариев. Она переутомилась».

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
«Послушай, – сказал Билли Диллон, придя в больницу в последний раз. – Нас атакует с флангов „Король крабов“. Гарри воспользовался самолетом компании „Уорнер“, чтобы долететь до Сиэтла и привезти на похороны Джесси, а Джесси сообщила Гарри, что не приедет на похороны».

Инез посмотрела на Билли Диллона.

«Ну?» – сказал Билли Диллон.

«Что – ну?»

«Что мне сказать Гарри?»

«Скажи ему, что надо получше все устраивать», – сказала Инез Виктор.

13

Мне бы следовало рассказать вам кое-что о Джесси Виктор – то, что понимали очень немногие. Гарри Виктор, например, никогда этого не понимал. Инез понимала это весьма смутно. Дело вот в чем: Джесси никогда не считала, что с ней что-то не в порядке. То, что она употребляла героин, она не рассматривала как некий акт протеста, или образ жизни, или даже как дурную привычку, как это некоторые называли; она считала это решением потребителя. Джесси Виктор употребляла героин просто потому, что предпочитала героин кофе, аспирину и сигаретам, точно так же, как кинофильмам, магнитофонным записям, косметике, одежде и ленчам. Ее не раз подвергали обследованиям с помощью обычных тестов и каждый раз признавали чуткой, руководствующейся высокими целями, умнее Эдлая, не поддающейся заблуждениям, прямой. Быть может, именно по причине этой прямоты ей и не хватало чувства юмора. Чего ей хватало в достатке, так это пристрастной одержимости, какой-то светящейся серьезности; всех ошеломляла ее манера «отшивать» кого-либо тем серьезным низким голосом, от которого Инез бросало в дрожь и когда Джесси было восемнадцать, и когда было два года, – «ослиная задница», говорила она. «Ты, ослиная задница» – так Джесси назвала Эдлая в тот вечер, когда он с Гарри Виктором прилетел в Сиэтл, чтобы забрать ее на похороны Жанет, а Джесси отказалась ехать. Она согласилась только поужинать с ними, пока заправлялся самолет компании «Уорнер коммюникейшнс», но ужин прошел плохо.

«Задача в том, чтобы превратить антивоенные сентиментальничанья в многоцелевую программу, – сказал за обедом Эдлай. Он рассказывал Гарри Виктору о статье, которую предлагал написать для первой страницы „Нью-Йорк тайме“. – Как раз это мы все время пережевываем в Кембридже».

«Интересно, – сказал Гарри Виктор. – Дашь мне взглянуть. Джесс, а ты что думаешь?»

«Я думаю, ему не стоит говорить „Кембридж“, – сказала Джесси.

«Ты, наверное, спала, когда я туда уезжал, – сказал Эдлай. – Но так уж получилось, что учусь я именно в Кембридже».

«Может, и так, – сказала Джесси, – но так уж получилось, что ты не поступил в Гарвард».

«Ладно, ребята, вы оба хороши. – Гарри Виктор повернулся к Эдлаю: – Я могу кого-нибудь подыскать в „Таймс“. Если у тебя серьезные намерения».

«Серьезные. Пришло время. Пора моему поколению вступать в диалог, если ты понимаешь, о чем я».

«Ты, ослиная задница», – сказала Джесси.

«Ну, – сказал Гарри Виктор после того, как Эдлай вышел из-за стола. – А как вообще дела?»

«Я готова уехать...»

«Ты же сказала, что не поедешь. Что у тебя принципы. Что ты не бываешь на похоронах. Для меня этот твой принцип несколько нов, но не обращай внимания

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org – это твое дело. Я это принимаю. В качестве принципа».

«Я не имела в виду – уехать на похороны Жанет. Я имела в виду уехать вообще. И точка. Отсюда. Из Сиэтла».

«Ты не прошла еще курс».

«Курс, – сказала Джесси, – для ослиных задниц».

«Одну минуту», – сказал Гарри.

«Я принимала детокс, очистилась и не вижу больше проблем».

«Что это значит: принимала детокс? По плану должен был быть не детокс, а метадон».

«Мне не нравится метадон».

«Почему?»

«Потому, – терпеливо сказала Джесси, – что мне от него не становится лучше».

«Ты чувствуешь себя от него плохо?»

«Нет, я от него не чувствую себя плохо. – Джесси восприняла вопрос очень серьезно. – Просто от него мне не становится лучше».

Они замолчали.

«Что конкретно ты хочешь делать?» – спросил наконец Гарри.

«Я хочу, – Джесси изучала кусок хлеба, который она скатала в шарик, – устроить свою обычную жизнь. Заняться чем-то всерьез, понимаешь?»

«Отлично. Хорошие новости. Приятно слышать».

«Заняться своей карьерой».

«А именно?»

Джесси крошила хлебный шарик на маленькие кусочки.

«Не пойми меня превратно, Джесси. Все это очень приятно слышать. Единственное, что я хочу сказать, – тебе необходима программа. – Гарри Виктор почувствовал, что от идеи выработки программы у него потеплело на душе. – План. Собственно, два плана. Взаимосвязанных. План долгосрочный и план на ближайшее будущее. Каков твой долгосрочный план?»

«Я не собираюсь баллотироваться в конгресс, – сказала Джесси. – Если ты это имеешь в виду».

Это замечание так огорчило Гарри, что дальше он уже не расспрашивал.

«Ну ладно. Хорошо. А как насчет твоих ближайших планов?»

Джесси взяла другой кусочек хлеба.

Что-то оборвалось в душе Гарри Виктора. Последний час он пытался выбросить из головы любые предположения о том, почему предыдущим вечером Инез вышла из дома Дуайта Кристиана с Джеком Ловеттом. Ему рассказал Билли Диллон. «Тебе следует думать, что она переутомилась», – посоветовал Билли Диллон. «Мне следует думать, что она ополоумела». Немного раньше, за ужином, он опробовал версию с переутомлением на Джесси и Эдлае. «Я бы не удивился, узнав, что ваша мать несколько переутомилась», – сказал он. Эдлай положил меню и сказал, что он хочет салат из креветок, лангет по нью-йоркски с кровью, но все же достаточно прожаренный, сметану и картошку с луком. Джесси положила меню и посмотрела на Гарри – подозрительно, как ему показалось, – из-под соломенного теннисного козырька, который она не сняла за обедом.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Джесси подозрительно уставилась на него из-под соломенного теннисного козырька, а Эдлай захотел лангет по-нью-йоркски с кровью, но все же достаточно прожаренный, а Инез вышла из дома Дуайта Кристиана с Джеком Ловеттом, и вот теперь Джесси крошила хлеб на кусочки, смахивавшие на куриный помет.

«Ты можешь мне сделать одолжение? Джесси? Ты можешь или съесть этот хлеб, или оставить его в покое?»

Джесси сложила руки на коленях.

«Я все еще вроде работаю над своим ближайшим планом, – сказала она чуть погодя. – В настоящее время».

В действительности у Джесси Виктор уже был план на ближайший четверг в Сиэтле, тот же план, который она в общих чертах изложила Инез на Рождество, план, о котором Инез специально не стала упоминать, когда описывала Гарри и Эдлау визит к Джесси, – если только то порождение атмосферы, стремлений, слухов и изоляции, в которой существовала Джесси в Сиэтле, можно было назвать планом, – получить работу во Вьетнаме.

Инез не упомянула об этом плане Гарри, поскольку не верила в возможность его реализации.

Джесси не упомянула об этом плане Гарри, поскольку не верила, что план такого рода он был в состоянии понять.

В данном случае я понимаю точку зрения Джесси. Гарри сразу же заговорил бы о деталях. Гарри спросил бы Джесси, читала ли она последнее время газеты. Гарри не понял бы, что эти детали не играли для Джесси никакой роли. Получить работу во Вьетнаме для Джесси было первым шагом, важным, собственно, самим по себе долгожданным шансом получить возможность действовать, а поскольку она была уверена, что все там происходящее – не более чем политика, а политика – для ослиных задниц, она не изменила бы своего решения в тот мартовский вечер 1975 года (в тот самый вечер, когда, как выяснилось, американская эвакуация из Дананга переросла в неконтролируемые беспорядки), даже если бы что-то услышала, или увидела, или вычитала в газете.

Если Джесси вообще когда-то читала газеты.

Для Инез и Гарри Виктора это представлялось весьма сомнительным.

Когда следующей воскресной ночью, пасхальной воскресной ночью 1975 года, – в ночь перед похоронами Жанет, – до них в Гонолулу дошли сведения о том, что три часа спустя после того, как самолет авиакомпании «Уоркер коммюникейшнс» вылетел из Сиэтла, унося Гарри и Эдлау Виктора в Гонолулу, Джесси вышла из клиники, специализировавшейся на лечении подростковой зависимости от химических веществ, и договорилась, что ее посадят на транспортный самолет «С-5А», который спустя семнадцать с половиной часов (дважды дозаправившись в полете) приземлился на сайгонской авиабазе Таншоннят. «Может, она услышала, что там легче затариться травкой», – сказал Эд-лай, и Инез ударила его.

14

Она проделала это без паспорта (ее паспорт лежал в пустой копилке в квартире у Центрального парка), имея при себе пресс-карточку, которую в шутку сделал для нее кто-то из «Лайф» во время кампании 1972 года. С этой пресс-карточкой Джесси Виктор в возрасте пятнадцати лет не смогла пройти за сцену стадиона «Колизей» в Нассау во время концерта «Пинк Флойд», но в возрасте восемнадцати лет она помогла ей прилететь в Сайгон. Теперь это кажется поразительным, однако мы забываем, насколько суматошными и горячечными были те несколько недель в 1975 году: «пересчет сумм обложения», розыгрыш «рассчитанных партий», выделение дополнительной помощи, несмотря на доклады о мрачной фантазмагории воздушных грузов и морских пехотинцев, скученных на крыше миссии, затруднительнейшем положении персонала, бетонированные площадки перед ангарами, заваленные обувью и поломанными игрушками. В ситуации неотвратимо надвигающегося кризиса

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org случилось многое из того, что никак не могло произойти за несколько месяцев до этого и несколько недель спустя; одним из таких происшествий был случай с Джесси Виктор. Разумеется, американскую девушку, прилетевшую на базу Таншоннят, должны были там и задержать, но Джесси Виктор никто не задержал. Разумеется, американская девушка, прилетевшая на базу Таншоннят без паспорта, не могла бы пройти иммиграционный контроль, предъявив одни только водительские права, зарегистрированные в Нью-Йорке, но Джесси Виктор прошла. Разумеется, американская девушка без паспорта, с водительскими правами, зарегистрированными в Нью-Йорке, и в соломенном теннисном козырьке, не смогла бы выйти из заваленного терминала аэропорта Таншоннят и сесть в автобус, идущий в Шолон, причем за ней наблюдали несколько человек, и никто не сделал попытки ее остановить, но Джесси Виктор проделала именно это. Или казалось, что ей это удалось.

К тому времени, когда Джек Ловетт прибыл в дом на Маноа-роуд в тот пасхальный воскресный вечер с историей об американской девушке, которой оказалась Джесси, – американской блондинке, оставившей в Таншоннят вместо визы водительские права, зарегистрированные в Нью-Йорке, – Инез и Гарри Виктор говорили друг с другом лишь в присутствии посторонних.

Они вели себя очень предупредительно друг к другу на официальных обедах, но избегали необязательных приемов.

Они спали в одной комнате, но в разных постелях.

«Ты переутомилась, – сказал Гарри Виктор вечером в пятницу. – Все навалилось разом».

«Собственно, я ни в малейшей степени не переутомлена, – сказала Инез. – Мне грустно. Грусть – это не то, что переутомление».

«Почему бы не выпить еще, – сказал Гарри Виктор. – Для разнообразия».

К субботе ссора, тлевшая в отдаленных степях кампании 1972 года, снова занялась, вечером она ярко вспыхнула и запылала необоримым пламенем.

«Ты знаешь, чего я в особенности не могла переносить? – сказала Инез. – Было совершенно невыносимо в Майами, когда ты назвал себя гласом поколения, принявшего огонь на полях сражений во Вьетнаме и Чикаго».

«Удивительно, оказывается, ты была достаточно трезва, чтобы обратить внимание на мои слова. В Майами».

«На твоём месте я бы сменила тему. Мне кажется, ты уже состриг почти все купоны, которые надеешься получить с этого».

«С чего?»

«С Бремни Гарри Виктора. Я была достаточно трезва, чтобы заметить, как ты воздерживался от высказываний от имени этого поколения до второго закрытого собрания партийных лидеров по обсуждению оргвопросов. Только после того, как ты понял, что не доберешь голосов, ты стал гласом поколения, принявшего огонь на полях сражений во Вьетнаме и Чикаго. В дополнение к сказанному. Более того. Собственно говоря, это поколение никогда не было твоим, ты был старше».

Наступила тишина.

«Позволь теперь мне сделать ход, – сказал Гарри Виктор, – раз уж речь зашла о „старше“».

Инез ждала.

«Мне кажется, ты выбрала не лучший способ соблюдения условностей в связи со смертью твоей сестры. Может быть, я не прав».

Инез долго глядела в окно перед тем, как заговорить.

«В целом нам было не так уж плохо вместе, – сказала она наконец. – В абсолютном исчислении».

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
«Предполагается, что я должен обратить внимание на форму прошедшего времени, не так ли?»

Инез не повернулась от окна. Было темно. Она так долго жила на севере, что совершенно забыла, как быстро тут темнеет. В тот день во второй половине дня она поехала взять платье, в котором по просьбе Дика Зиглера должны были похоронить Жанет, и сумерки застали ее в доме Жанет на побережье. «Ты заberi платье, – сказал Дик Зиглер. – Поезжай ты. Я не могу заглянуть в ее шкаф». После того как Инез нашла платье, она села на кровать Жанет и позвонила Джеку Ловетту по стилизованному под старину телефону Жанет. «Послушай, – сказала Инез, когда увидела его. – То розовое платье, которое на ней было в Джакарте, – оно в шкафу. У нее было четырнадцать розовых платьев. Я сосчитала. Четырнадцать». Говорила она сквозь слезы. «Четырнадцать розовых платьев, висящих рядком. Неужели никто ей никогда не говорил? Что розовое ей не идет?» Там, на побережье, с Джеком Ловеттом, при последнем свете уходящего дня, Инез заплакала первый раз за эту неделю, однако, вернувшись в дом на Маноа-роуд, где был Гарри, она вновь почувствовала себя словно запечатанной; в ней как бы снова включился механизм блокировки от опасных перегрузок.

«Мне кажется, я заслуживаю несколько большего, нежели изменения времени на прошедшее», – сказал Гарри.

«Не драматизируй», – сказала Инез.

Или не сказала.

Либо она сказала Гарри в тот субботний вечер «не драматизируй», либо она сказала Гарри в тот субботний вечер «я люблю его». Более вероятным кажется, что она сказала «не драматизируй», но хотела она сказать «я люблю его», – точно же она не помнила. Она помнила, наверное, что сами слова «Джек Ловетт» остались между ними не сказанными до вечера субботы.

«Там внизу твой друг Ловетт», – произнес тогда Гарри.

«Джек», – сказала Инез, но Гарри уже вышел из комнаты.

Джек Ловетт повторил подробности истории про американскую девушку в Таншоннят дважды: один раз для Инез, Гарри и Билли Диллона, и второй – когда пришли Дуайт Кристиан и Эдлай. При повторном рассказе детали выглядели еще менее правдоподобными. Самолет «С-5А», пресс-карточка, теннисный козырек, автобус до Шолона.

«Так-так, – все время повторял Гарри. – Да».

Впервые Джек Ловетт услышал имя Джесси в то воскресное утро от одного из людей, с которым он постоянно встречался на авиалинии в Таншоннят. Потребовалось еще пять звонков и остаток дня, чтобы установить принадлежность водительских прав, оставленных на таможенном контроле вместо визы.

«Так-так, – сказал Гарри. – Да. То есть вы, собственно, не видели этих прав».

«Гарри, как я мог видеть эти права? Права в Сайгоне».

Инез смотрела, как Джек Ловетт открывает конверт, на котором были нацарапаны какие-то записи. Ловетт. Джек. Твой друг Ловетт.

«Джессика Кристиан Виктор? – спросил Джек Ловетт, глядя в свои записи. – Родилась 23 февраля 1957 года?»

Гарри не взглянул на Инез.

«Светлые волосы, серые глаза? Рост 163 см? Вес 50 кг? – Джек Ловетт сложил конверт и спрятал его в карман пиджака. – Адрес был ваш».

«Но вы его не записали».

Джек Ловетт посмотрел на Гарри:

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
«Потому, Гарри, что я знаю его. Сентрал Парк-Уэст, 135».

Наступила тишина.

«Когда она получала права, ее вес был больше, – сказала наконец Инез, – сейчас она весит около 46 килограммов».

«Тот факт, что у кого-то были права Джесси, не обязательно означает, что это была Джесси», – сказал Гарри.

«Да, не обязательно», – сказал Джек Ловетт.

«Да боже ты мой, – сказал Гарри. – В стране у каждого подростка есть теннисный козырек».

«При чем здесь теннисный козырек?» – спросила Инез.

«Она как-то надевала такой, – сказал Эдлай, – за обедом. В Сиэтле».

«Черт с ним, с этим козырьком. – Гарри взял телефонную трубку. – Билли, у тебя есть номер Сиэтла?»

Билли Диллон вынул из кармана маленькую тонкую кожаную записную книжку и раскрыл ее.

«У меня есть», – сказала Инез.

«У Билли тоже. – Гарри барабанил пальцами по столу, пока Билли Диллон набирал номер. – Говорит Гарри Виктор, – сказал он через минуту. – Я хотел бы поговорить с Джесси».

Инез посмотрела на Джека Ловетта.

Джек Ловетт снова изучал свой конверт.

«Так-так, – сказал Гарри. – Да. Конечно».

«Черт», – сказал Билли Диллон.

«Есть один парень, который сегодня утром прилетел из Таншоньята, – сказал Джек Ловетт. – Специалист по радарам, работал в американских войсках ПВО».

«Да, ее тетя, – сказал Гарри. – Нет, у меня есть. Спасибо. – Он повесил трубку. Он все еще не смотрел на Инез. – Ваш ход», – сказал он немного спустя.

«Этот парень должен был ее видеть», – сказал Джек Ловетт.

«Так видел или нет?» – спросил Гарри.

«Я не знаю, Гарри. – Голос Джека Ловетта был ровным. – Я еще с ним не говорил».

«Тогда это к делу не относится», – сказал Гарри.

«Она весит всего 46 килограммов», – сказала Инез.

«Ты это говоришь уже второй раз, – сказал Гарри. – Это так же относится к делу, как специалист Ловетта по радарам. Это ничего не значит».

«Я вам скажу, что это значит, – сказал Дуайт Кристиан. – Это значит, что все приметы сходятся».

Гарри вытаращился на Дуайта Кристиана, а затем посмотрел на Билли Диллона.

«Добро пожаловать в тяжелые времена, приятель, – сказал Билли Диллон. – Поговорим о „Морской Лужайке“».

«В действительности она перевесит девять десятых из них, – сказал Дуайт Кристиан. – Девять десятых населения Сайгона».

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
«Ты ведь можешь все уладить. – Билли Диллон посмотрел на Гарри. – Попробуешь через госдепартамент? Через обычные каналы?»

«„Обычные каналы“ – тоже мне, Микки Маус, – сказал Дуайт Кристиан. – Позвони в Белый дом. Скажи им, чтобы разложили костер под посольством. Надави на них. Потребуй ее освобождения».

«Ее освобождения откуда?» – спросил Гарри.

«Из лап граждан Сайгона. – сказал Билли Диллон. – Твоя подача».

Наступила тишина.

«Я не умею так элегантно выражаться, как вы двое, но я знаю, чего хочу. – Голос Дуайта Кристиана стал жестким и взвешенным. – Я хочу, чтобы она вернулась оттуда, Гарри».

«Это не так-то просто, Дуайт».

«Непросто, если ты из Вашингтона, – сказал Дуайт Кристиан. – Думаю, что нет. Поскольку я не из Вашингтона, я не совсем понимаю, в чем тут проблема».

«Дуайт, – начала Инез, – проблема в том...»

«На работах у водопада Игуассу моего мастера взяли заложником; тогда я, как и сейчас, не умел элегантно выражаться, а также не был человеком из Вашингтона, однако я прекрасным образом вызволил его».

«... в том, Дуайт, что никто не брал Джесси заложницей».

Дуайт Кристиан посмотрел на Инез.

«Она просто поехала туда сама», – сказала Инез.

«Я знаю это, дорогая, – голос Дуайта Кристиана смягчился. – Я просто хочу, чтобы кто-нибудь объяснил мне – почему».

Тогда-то Эдлай и сказал, что там, наверное, можно дешево затариться травкой.

Тогда-то Инез и ударила Эдлая.

Тогда-то Гарри и сказал: «не прикасайся к моему сыну».

«Но папа, – повторял Эдлай в последовавшей за этим тишине. – Но папа. Мама».

Ало ха оэ.

Билли Диллон однажды спросил меня – как я считаю, уехала ли бы Инез той ночью, если бы там не было Джека Ловетта. Поскольку человеческое поведение определяется, на мой взгляд, обстоятельствами, я без особого внимания отнеслась к этому вопросу. Ответ, конечно: нет, но ответ этот безотносителен, поскольку Джек Ловетт там был.

В ту ночь Джек Ловетт был одним из обстоятельств.

Джек Ловетт был там, а Джесси, была в Сайгоне – вот еще одно обстоятельство той ночи.

Джесси была в Сайгоне, а специалист по радарам, который, как говорили, видел ее, должен был встретиться с Джеком Ловеттом на веранде клуба «Плейбой» в Вайанаэ. Этот специалист по радарам, который то ли видел, то ли не видел Джесси, встречался с Джеком Ловеттом в Вайанаэ, а электрик, работавший на установке опытного реактора в Далате, встречался с Джеком Ловеттом в Вахиае.

Опытный реактор в Далате был в ту ночь обстоятельством лишь в том смысле, что эту карту Джек Ловетт разыгрывал той весной.

Джек Ловетт пока что не видел возможности вывоза топлива, но он хотел знать – для будущих подсчетов, – сколько этого топлива осталось, в каком оно состоянии и для кого предназначается.

Опытный реактор в Далате был той ниточкой, за которую Джек Ловетт еще не тянул в попытках перестроить призрачный бизнес, основанный на утверждаемой необходимости оказывать постоянную помощь, – вот почему в ту пасхальную воскресную ночь 1975 года он взял Инез сперва на встречу со специалистом по радарам на веранду клуба «Плейбой» в Вайанаэ, а затем – за перевал Колэколэ на встречу с электриком в баре «Веселый разговор» в Вахиаве.

В круглосуточный «Веселый разговор» в Вахиаве.

В «Веселом разговоре» в Вахиаве, что расположен по другую сторону моста, напротив шофилдских казарм.

Где Инез стояла повернувшись спиной к музыкальному ящику и обнимала Джека Ловетта.

Где группа «Мамаз энд Папаз» пела «Приснись мне хоть на миг».

Специалист по радарам оказался понятливым.

«Мне не нужна эта головная боль», – сказал специалист по радарам.

Электрик уже ушел из «Веселого разговора», но оставил у бармена записку.

Из Дананга смываются: этот пижон в Далате – не жилец, – было сказано в записке.

На экране над баром летали вертолеты. Одни поднимались с крыши американской миссии, другие – исчезали в огненном шаре над складом боеприпасов, третьи – делали вынужденную посадку на воду, покрытую нефтяной пленкой, оставшейся от взрыва корабля «Пайонир контендер».

«Наконец поганые азиаты стреляют друг друга», – сказал бармен.

«Ох, черт, Инез, – сказал Джек Ловетт. – Жена Гарри Виктора».

«Послушай, – сказала Инез. – Для того, что следовало бы сделать, уже слишком поздно. Забудь о том, что следовало бы сделать».

Так, в пасхальную ночь 1975 года Джек Ловетт и Инез Виктор сели на самолет сингапурской авиалинии, вылетающий из Гонолулу в 3.45 утра, и день спустя в 9.40 утра приземлились в гонконгском аэропорту Кайтак.

Недавно, когда я летела этим рейсом, я вспомнила об Инез, описывавшей тот полет, как рассвет длиной в одиннадцать часов.

Инез сказала, что она не сомкнула глаз.

Инез сказала, что она все еще помнит холод стекла, к которому прижималась щекой.

Инез сказала, что перелет в Гонконг с вылетом из Гонолулу в 3.45 утра в точности соответствовал ее представлениям о смерти, которую она желала бы для себя.

Всю дорогу рассвет.

Нечто необыкновенное, как сказал Джек Ловетт в «Веселом разговоре» о другом рассвете в другом году. Нечто, достойное созерцания.

Мне кажется, что поведение Инез Виктор в ту ночь, когда она летела в Гонконг, в конечном счете могло не так уж и зависеть от обстоятельств.

Ведь ей надо было иметь с собой паспорт, не правда ли?

О чем это говорит?

ЧАСТЬ 3

1

В тот день, когда Джек Ловетт улетел в Сайгон, в Гонконге начался дождь. Дождь превратил улицы в грязные потоки, единственная пара туфель, которую Инез взяла с собой, заскорузла, дождь поломал цветы дерева цезальпинии на балконе квартиры, в которой ее оставил Джек Ловетт, и закрыл вид из окна спальни на дорогу в «Счастливую долину». Дождь напоминал ей о Гонолулу. Дождь и затянутый горизонт, поломанные цветы и постоянный запах плесени в маленькой квартире, – все напоминало ей Гонолулу, разве что в Гонконге было холодней. Ей все время было холодно. Каждое утро после отъезда Джека Ловетта Инез просыпалась рано с легкой дрожью, надевала галоши и плащ, найденные в шкафу, где, кроме этих вещей, ничего не было, и выходила на прогулку. Она разработала себе маршрут. Сперва шла вниз по Куинз-роуд, затем поворачивала у англиканской церкви и поднималась по Гарден-роуд до американского консульства, где усаживалась в приемной и читала газеты.

В приемной американского консульства Инез довольно часто читала о родственниках Гарри Виктора. В «Саус Чайна морнинг пост» она прочла, что супруга Гарри Виктора не присутствовала на похоронах зловки Гарри Виктора – частном богослужении в Гонолулу, после которого сенатор Виктор уклонился от разговора с репортерами.

В азиатском издании «Интернэшнл геральд трибюн» она прочла, что тестю Гарри Виктора потребовалось лечение в центральном тюремном госпитале округа Гонолулу в связи с легкими ранами, которые он нанес себе при попытке самоубийства посредством бритвы марки «Бик». В международных изданиях «Тайм» и «Ньюсуик» она прочитала, что дочь Гарри Виктора при нелепых или таинственных обстоятельствах пропала без вести во Вьетнаме.

Слово «нелепых» было употреблено в «Тайм», а «таинственных» – в «Ньюсуик». И в «Тайм», и в «Ньюсуик» употребили слова «пропала без вести», так же как и в «Саус Чайна морнинг пост», выпусках «Уолл-стрит джорнл» и «Интернэшнл геральд трибюн» для Азии, и «Стрейтс тайме», и «Нью-Йорк тайме», и «Вашингтон пост», полученных в консульстве через три дня после выхода, которые она прихватила домой. Инез казалось, что слова «пропала без вести» не вполне отражают случившееся. Пилоты сбитых истребителей считались «пропавшими без вести», равным образом, как и корреспонденты, которых видели в последний раз попавшими в засаду. «Пропать без вести» подразумевало исполнение неких обязанностей, что не совсем совпадало с посадкой в Сиэтле на транспортный самолет «С-5А» и полетом в Сайгон в поисках работы. Возможно, в этом и состояла нелепость, а может даже и таинственность происшедшего.

Обычно Инез заканчивала чтение газет, когда время уже близилось к полудню, она шла от консульства по Гарден-роуд к зданию, которое, похоже, было китайским детским садом, с террасой, крытой рифленным пластиком, на которой играли дети. Она стояла на дожде, наблюдая за ребятами до тех пор, пока они по сигналу маленького колокольчика не строились в цепочку и не маршировали внутрь; затем она брала такси и возвращалась в квартиру, вешала сушить плащ на дверь ванной и ставила галоши у дверей. Она не имела ни малейшего представления о том, кому принадлежали эти плащ и галоши. Она не имела никакого представления о том, кому принадлежала эта квартира.

«Одному человеку во Вьентьяне», – сказал Джек Ловетт, когда она спросила об этом.

Она решила, что это – женщина, так как и галоши, и плащ были маленькие. Она решила, что эта женщина – американка, потому что единственный предмет в домашней аптечке – пластиковая бутылочка с таблетками аспирина – был с наклейкой знакомой ей нью-йоркской аптеки... Она решила, что эта американка была репортером, поскольку на кухонном столе стояла стандартная пишущая машинка «Смит-корона» и лежала книга «Словосочетания в современном английском языке», а также «Памяти Каталонии» Джорджа Оруэлла в мягкой обложке в выдвижном ящике тумбочки у кровати. Инез знала по опыту, что все

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org репортеры имели книгу «Памяти Каталонии» в мягкой обложке и держала ее в одном месте со спичками, свечкой и записной книжкой на случай, если отель будут бомбить. Когда она спросила Джека Ловетта, действительно ли хозяйка квартиры, пребывающая во Вьентьяне, американка и репортер, он пожал плечами.

«Это не имеет значения, – сказал он. – Квартира хорошая».

После этого, читая газеты в приемной американского консульства, Инез взяла за правило просматривать подписи под сообщениями из Вьентьяна в поисках женских имен, но ей не попало ни одного.

Телефон в квартире никогда не звонил. Информация для Джека Ловетта в Гонконге поступала в маленький отель близ Коннот-роуд; этот же номер Инез дала Эдлаю, когда дозвонилась до него в Гонолулу в день своего прибытия. Поскольку Гарри повесил трубку, не дождавись конца фразы, когда она позвонила ему из Вахиавы, чтобы сказать, что уезжает в Гонконг, она перезакказала разговор на имя Эдлая, однако первым трубку взял Гарри.

«Мне довелось узнать, что ты в Гонконге», – сказал Гарри.

«Естественно, тебе довелось, – сказала Инез. – Я сказала тебе, что еду туда».

«Вы будете говорить с этим лицом? – повторял оператор. – Это то лицо, с которым вы хотели говорить?»

«Повесь трубку», – сказала Инез.

«Нет, – сказал Гарри. – Это не то лицо».

«Это не имеет к тебе никакого отношения, – сказала Инез, когда наконец трубку взял Эдлай. – Я хотела удостовериться, что ты это знаешь».

«Папа сказал мне. – Эти слова Эдлая прозвучали несколько осуждающе. – А к кому это имеет отношение?»

«Во всяком случае, не к тебе».

«И что же я должен сказать папе?»

Инез подумала над этим вопросом.

«Скажи ему „привет“», – ответила она наконец.

В Гонконге был вторник, а в Гонолулу – понедельник.

В Гонконге была среда второго апреля, когда Джек Ловетт улетел в Сайгон искать Джесси.

Дважды в течение этой первой недели – недели постоянных дождей – он неожиданно возвращался в Гонконг: первый раз на транспортном самолете компании «Эйр Америка» с восьмьюдесятью тремя гражданами третьих стран, подпадавшими под категорию сферы американских интересов, второй – чартерным рейсом на «Боинге-707» компании «Пан-Америкен» вместе с офицерами и денежными запасами сайгонских отделений Американского банка, Первого государственного «Сити-банка» и «Чейз Манхэттен банка». В первый раз он прилетел всего на несколько часов, которые провел у телефона в квартире, во второй раз он остался на ночь, и они поехали в Репалс-Бей, где выбрали номер с видом на море. Они заказали ужин в номер, спали, просыпались и снова засыпали, и всякий раз, когда они не спали, Джек Ловетт говорил. Казалось, номер в Репалс-Бее он считает нейтральной территорией, где ему можно было говорить то, что нельзя было сказать в квартире, принадлежавшей кому-то во Вьентьяне. Он говорил всю ночь. Он говорил, обращаясь к Инез, но как бы с самим собой. Некоторые слова и фразы постоянно повторялись.

фаза фиксированной геометрии крыла.

Ударные операции маловысотных штурмовиков.

Секретные нелегальные полеты.

«Изъятие».

Активы.

АМР[142 – Агентство Международного развития.] без активов.

ЮСИА[143 – информационное агентство США.] без активов.

Под «активами» Джек Ловетт, похоже, понимал воздушный транспорт, самолеты и деньги. Активы были у ДАО. Нужно было увеличивать собственные активы, поскольку без частных активов не могло быть гарантий эвакуации. Эвакуации никто гарантировать не мог, поскольку все они там жили в мире снов. Там царило время дилетантов. Там заправляли бумагомаратели.

Каждый раз, когда Джек Ловетт говорил «там», он бросал взгляд на окна, выходящие на залив, как если бы это «там» можно было увидеть, как будто его взгляд обладал способностью телескопического видения на девятьсот миль через Южно-Китайское море. Ближе к рассвету он заговорил о списках, которые они там составляли. Они наконец-то решили сосчитать тех, кого следовало вывозить в первую очередь в том случае, если будет необходима эвакуация.

В случае, если...

И нез следовало обратить внимание на это «в случае, если».

«В случае, если» подтверждало, что на этих задворках «хозяйничают» их обитатели.

Различные службы не могли прийти к единому мнению, и каждая из них составляла свой собственный список. Некоторые говорили, что он включил сто пятьдесят тысяч человек, другие – что в десять раз больше. Никто, казалось, не спешил выводить точную цифру. Они обсуждали эвакуацию двадцатилетних контактов с Америкой, не говоря уже о своих собственных жирных американских задницах. Они дискутировали, словно для этого у них было двадцать лет.

Двадцать лет впереди и аплодисменты местного населения. Для решения проблемы была назначена межведомственная группа. Чтобы все утрясти. Межведомственная группа встретилась за ужином в резиденции, собралась на чертов ужин в чертовой резиденции, чтобы добавить еще немного жиру к своим задницам, и ко времени, когда роздали сигары, им все еще не было известно – в первую очередь следовало вывозить сто пятьдесят тысяч человек или в десять раз больше, но они очень хорошо знали, что им нужно.

Им была нужна настенная карта.

Им была нужна настенная карта, которую они постоянно называли «Сайгонское метро».

Эта настенная карта была реквизирована.

Центральной разведывательной службой.

Теперь они должны были получить свою карту со дня на день и собирались сделать следующее: обозначить на ней плотность населения. Иными словами, они собирались отметить на ней маленькими разноцветными булавками местонахождение различных типов людей, которых они, возможно, захотят пригласить для завершающего изъятия.

В случае, если...

Только в этом случае.

Да-да, «типы» людей.

Маленькая зеленая булавка для каждого обладателя продовольственного талона в посольстве.

Маленькая желтая булавка для каждого обладателя талона на спиртное при ДАО.

Маленькая красная булавка для каждого действительного члена «Серкль

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org спортиф». Заметь: «действительных». Неплательщики членских взносов в расчет не идут.

Маленькие белые булавки – это и вправду был удар. Слушай внимательно. Собирались проанализировать все данные о вызовах такси за период с 1 января по 1 апреля. Затем маленькая белая булавка втыкается в карту, указывая все точки в «Сайгонском метро», куда направляли такси. Не повезло тем ребятам, которые ездили на своих собственных машинах. По «Сайгонскому метро». А вот взяли бы тачку – и попали бы на карту. «Эта карта должна была стать истинным произведением искусства». Если бы у кого-нибудь там было чувство ответственности перед грядущими поколениями, он бы вывез оттуда эту карту и положил под стекло в государственном департаменте.

Со всеми булавками.

Memento mori, «Сайгонское метро».

К тому времени, когда он кончил говорить, в комнате было уже светло.

Инез села на край постели и стала расчесывать волосы.

«Ну и что ты думаешь?» – спросил Джек Ловетт.

«Я не знаю».

Из-за полузакрытых ставен Инез могла видеть отблески раннего рассвета на воде. В первый раз ей пришло в голову, что это – то же самое море, на которое она смотрела с Джесси в тот день, когда в арендованном саду не было змеенышей кобры, а Гарри был в Сайгоне на брифинге по вопросам текущего момента. Теперь, похоже, текущих моментов больше не предвидится, и Джесси была в Сайгоне, и Джек Ловетт собирался обратно в Сайгон, но Джек Ловетт мог не успеть найти ее до того, как все это произойдет.

Никто не знал, что из себя представляло «это».

Именно так он ей говорил.

Она сильнее прижала щетку к волосам:

«Я не знаю, как происходит эвакуация».

«Только не таким способом».

«Она не входит ни в какой список, не так ли? – Инез обнаружила, что не может произнести имя Джесси. – На карте ее нет».

Джек Ловетт встал и открыл ставни пошире. На какое-то время дождь прекратился, но теперь он пошел снова, и пошел сильно, поблескивая в пятнах солнечного света на пальмовых листьях напротив окна и запруживая разбитый фонтан напротив отеля.

«Нет, разве что она вступила в „Серкль спортиф“, – сказал Джек Ловетт. – Нет. – Он снова закрыл ставни и повернулся к Инез. – Положи щетку и посмотри на меня, – сказал он. – Неужели ты думаешь, что я ее там оставляю?»

«Ты можешь ее не найти».

«Я всегда находил тебя, – сказал Джек Ловетт. – Думаю, что сумею найти и твою дочь».

2

Джек Ловетт действительно нашел дочь Инез Виктор.

Джек Ловетт действительно нашел дочь Инез Виктор в тот самый день, потому что «дуракам счастье», как он любил говорить; просто сел на рейсовый самолет «Эйр Вьетнам» из Гонконга в Сайгон, приземлился в Таншоннят и спустя полчаса уже смотрел на Джесси Виктор.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Джек Ловетт называл это «дуракам счастье», однако не факт, что нам с вами выпало бы подобное «дурацкое счастье».

Вы или я, например, могли бы и не завязать отношений с инструктором по обслуживанию вертолетов, который оказался в тот день одним из двух других пассажиров «Боинга-707» компании «Эйр Вьетнам».

Джек Ловетт завязал.

Джек Ловетт познакомился с этим инструктором по обслуживанию вертолетов таким же образом, как он завязывал отношения с водителями из посольств, заправщиками горючего, стюардессами, аспирантами кафедр английской литературы, путешествовавшими на стипендию Фулбрайта, агрономами тропических регионов, ездившими на средства Фонда Рокфеллера, мелкими клерками, агентами по продаже билетов, продавцами рисомолок и сушилок кокосовых орехов, пестицидов из Дании и немецких лекарств.

Рефлекторно.

Инструктор по обслуживанию вертолетов, который в тот день оказался одним из двух других пассажиров «Боинга-707» компании «Эйр Вьетнам», последний раз был в Сайгоне в 1973 году, когда заканчивался срок его контракта... Он жил в Лос-Анджелесе, работал на фирме «Хьюз», но теперь возвращался, чтобы разыскать жену и маленькую дочь, которых оставил в 1973 году. Жена была со своей семьей в Плейку, она позвонила ему и сказала, что их маленькая дочь ослепла в самолете «С-130» во время эвакуации на юг, когда ей на лицо попала жидкость из протекавшей гидравлической линии. Жена сказала ему, что в Сайгоне пока еще безопасно, но он решил, что пришло время поехать и разыскать ее, у него был адрес, который она ему дала, но, по словам приятеля, с которым он связался, ТАКОГО АДРЕСА НЕ СУЩЕСТВОВАЛО... Инструктор по обслуживанию вертолетов казался веселым в начале полета, но после двух порций виски настроение у него испортилось.

Прежде всего, что она сделала, чтобы попасть на «С-130»?

Неужели и другие уехали из Плейку?

Что с этим проклятым адресом?

Джек Ловетт предложил подвезти его в Сайгон, и инструктор по обслуживанию вертолетов захотел сделать одну остановку, чтобы проверить адрес у бармена, которого он знал по «Клубу легионеров».

Именно так Джек Ловетт нашел Джесси Виктор. Разносившую напитки и французские котлеты в американском «Клубе легионеров» на магистрали между Таншоннят и Сайгоном.

На ней все еще был теннисный козырек.

Аo dai[144 - фартук (вьетн.)] и теннисный козырек.

«Э нет, родной, я остаюсь, – сказала Джесси Джеку Ловетту, когда он предложил ей расторгнуть контракт и сесть в машину. – У типчика, который только что вошел, в посольстве приятель, он ему шепнет, когда позвонят в колокольчик».

Джесси настаивала на том, чтобы остаться, но Джек Ловетт все же сказал бармену пару слов.

Джек Ловетт сказал бармену:

«Это дочь чертова Гарри Виктора».

«Насчет колокольчика, о котором ты говорила, – сказал Джек Ловетт, вернувшись к Джесси. – Я в него только что позвонил».

3

«Когда кого-нибудь ищешь в зарослях, надо идти в „Клуб легионеров“, – сказал Джек Ловетт, когда наконец дозвонился до Инез в Гонконге. – Господи,
Страница 420

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
твоя воля. „Клуб легионеров“. Где я только не был, даже у Мими, и не знал,
как мне не хватает „Клуба легионеров“».

Он звонил из отеля «Дюк».

Джесси он оставил на ночь в квартире женщины, которую называл исключительно «Б. Дж». Она была аналитиком в службе разведки при ДАО.

Б. Дж. подержит Джесси, покуда он не сможет ее вытащить.

Б. Дж. позаботится о Джесси.

В тот же вечер Б. Дж. уже расспросила инспектора воздушных перевозок особого отдела о возможности посадить Джесси на самолет до Трэвиса в качестве сопровождающей одного из сирот. Эти сироты имели сопровождающих, конечно, а как же, в этом-то и был весь фокус – впихнуть как можно больше никак не связанных с этим делом людей, не называя это эвакуацией. Эти сироты, они могли быть сиротами, а могли и не быть, но у всех был сопровождающий. Вся чертова ДАО пыталась примазаться к сиротам.

Об этом в «Клубе легионеров» не знали.

Туда-то и приходилось смотреть, когда искали кого-нибудь в зарослях.

«Насчет этих полетов в Трэвис», – сказала Инез.

«Черт возьми, только заглянул, а уж никуда больше и не надо смотреть». – Кажется, Джек Ловетт все никак не может успокоиться от того, насколько логично было искать Джесси в «Клубе легионеров». Вот оно. Вот она, эта хижина. Американский легион, пост номер 34. Над дверью надпись с размахом: В Эти Двери Входят Наиславнейшие Бойцы Америки. Да, в эти двери входит каждый вольнонаемный, любой ковбой, по контракту прибывший в Юго-Восточную Азию. Парни, прибывшие в 66-м с воздушной кавалерией. Парни, эвакуировавшиеся из Китая в 49-м. Пижоны. Пижоны, считающие, что у них в посольстве есть друзья.

«Самолет, который разбился, летел с сиротами до Трэвиса, – сказала Инез. Звук в трубке пропадал, и она едва его слышала. – На прошлой неделе».

«Есть и другие варианты», – сказал Джек Ловетт.

«Другие варианты, чтобы разбиться?»

«Другие рейсы, Инез. Другие виды рейсов. У Б. Дж. с ней все в порядке. Никаких проблем на данный момент. Я все проверю. Я устрою ее на хороший рейс».

Инез ничего не сказала.

«Инез, – сказал Джек Ловетт. – За этого своего ребенка можешь быть совершенно спокойна. Я ее притаскиваю к Б. Дж., после криков и брыканий всю дорогу, а через полчаса они уже уплетают цыпленка и сравнивают макияж для глаз. Гаснет свет, и Джесси говорит Б. Дж., что знает, где они могли бы добыть электрогенератор, принадлежащий связистам. Так и сказала – „добыть“. Попади она сюда пораньше, она бы уже занималась рэкетом».

Инез ничего не сказала.

На их разговор наложился какой-то другой, и она слышала смех и резкие всплески кантонского диалекта.

«Она такая же отчаянная, как и ты», – сказал Джек Ловетт.

«Это еще ни разу не предотвращало авиакатастрофы», – сказала Инез как раз перед тем, как в трубке послышались короткие гудки.

После того как Инез повесила трубку, она попыталась дозвониться Гарри в квартиру на Централ-Парк-Уэст. Номер Гарри был занят, а когда она попробовала другие – ответил Билли Диллон.

«Это весьма забавно, – сказал Билли Диллон, когда она рассказала ему о

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Джесси. – Это просто чертовски забавно».

«И что же тут, собственно, забавного?»

«Я не знаю, Инез. Если ты не находишь забавным, что мы поставляем девушек для баров Сайгона, то я ничем не могу тебе помочь. Кстати, Инез. Сделай нам всем одолжение. Ты не скажешь обо всем Гарри сама?»

Инез сказала Гарри сама.

«Понятно, – сказал Гарри. – Да».

Наступило молчание.

«Вот, – сказала Инез. – Такие дела».

«Разносит напитки. Так. Я найду Эдлая в школе».

«Что он делает в школе?»

«В каком смысле – „что он делает в школе“? Ты считаешь, что Эдлаю тоже следовало бы разносить напитки?»

«Я думала, он проходит практику у тебя и не вернется в университет до мая».

«Он хотел что-то организовать, – сказал Гарри. – Ну да не в этом дело».

«Организовать что?»

«Да там одно дело».

«Какого рода дело?»

«Всенощную службу за освобождение Сайгона», – сказал наконец после некоторого колебания Гарри.

Инез ничего не сказала.

«Инез, ему восемнадцать лет. – Гарри занял оборону. – Он хочет заявить о себе».

«Разве я что-то сказала против?»

«Оно было очень выразительным. Твое молчание».

Инез промолчала.

«Джесси шатается по Сайгону, ты уезжаешь со своим „возлюбившим войну“, Эдлай пытается заявить о себе, и тебе нечего сказать».

«Будем считать, что я не слышала этих слов».

«Отлично, – сказал Гарри. – Считай, что хочешь».

Всю ту ночь Инез лежала без сна в квартире, принадлежавшей кому-то во Вьетнаме, и слушала коротковолновый приемник, который оставил там Джек Ловетт. По коротковолновому приемнику она могла ловить Сайгон и Бангкок. Джек Ловетт объяснил ей, что слушать. Джек Ловетт сказал ей также – еще слишком рано, чтобы услышать то, что он ей велел слушать, однако она все равно слушала – когда ей не спалось или хотелось услышать человеческий голос.

«Мама просит тебя позвонить домой», – скажет диктор американской радиослужбы в Сайгоне, когда придет время последней фазы эвакуации, а затем прозвучит условная музыкальная запись.

Это должна была быть пластинка Бинга Кросби «Я грежу о белом Рождестве».

«Я бы придумала что-нибудь более подходящее, – сказала Инез, когда Джек Ловетт сообщил ей, что надо слушать. – Для середины апреля. Вдруг, ни с

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org того ни с сего, в середине апреля. Я бы совершенно точно придумала бы что-нибудь получше, чем „Мама просит тебя позвонить домой“ и „Я грежу о белом Рождестве“».

«Что тебя не устраивает?» – спросил Джек Ловетт.

«Просто это не самый лучший условный сигнал, о котором я когда-либо слышала».

«Это будет и не самая лучшая эвакуация, о которой ты когда-либо слышала, – сказал Джек Ловетт. – А тебе хотелось бы, чтобы все было безупречно».

К четырем утра Инез встала с постели, села у окна и, не зажигая света, выкурила сигарету.

Окно было открыто, и снаружи дождь плескался по балкону. Поскольку ловить голос диктора американской радиослужбы, который скажет «Мама просит тебя позвонить домой», время еще не пришло, Инез крутила ручку настройки и наконец поймала, очевидно, интервью корреспондента Би-би-си с бывшими официальными лицами из правительства Республики Вьетнам, которые только что прилетели в Накхонпханом в Таиланде.

«У американской стороны не осталось никаких надежд», – сказал один из них.

«Американцы больше никогда не вернуться, – сказал другой. – En un mot[145 – Одним словом (фр.)], привет».

Их голоса звучали приятно, но формально.

Звук то появлялся, то исчезал.

Слушая дождь и голоса, то доносящиеся из Накхонпханом, то исчезающие, Инез думала о Гарри в Нью-Йорке, Эдлае в университете и Джесси у Б. Дж., и ей пришло в голову, что впервые почти за двадцать лет она осознала, что никто из них ее особо не интересовал.

До какой-то степени она была ответственной за них, да, но они не интересовали ее.

Безусловно, они были связаны с ней, однако она уже не могла осознать ни своей, ни их уникальности, ни своих, ни их отличительных черт, одаренности, особого призвания. Какая разница, в конце концов, что думала она, что думал Гарри, или Джесси, или Эдлай? В конечном счете какая разница, чем человек располагает в этом мире, что называет домом, почему мечтает о «белом Рождестве»? Мир в эту ночь был полон людей, перелетавших с места на место, пропадавших и вновь появлявшихся, и не было никакой причины ей, Гарри, или Джесси, или Эдлаю, или, по такому случаю, Джеку Ловетту или Б. Дж., или женщине во Вьентьяне, на чей балкон в этот момент падал дождь, быть исключенными из общего движения.

Только потому, что они верили, что у них есть дом, куда можно позвонить.

Только потому, что они были американцами.

Нет.

En un mot, привет.

ЧАСТЬ 4

1

Теперь я понимаю, что состояние мрачноватого спокойствия, в котором я нашла Инез в Куала-Лумпуре, возникло на восемь месяцев раньше, в тот период в Гонконге, когда она обратила внимание на то, что американский паспорт не освобождает ее от способности видеть «дальний план». Под «дальним планом» она, на мой взгляд, подразумевала историю, или, точнее, реальную возможность «иметь или не иметь», конвульсии мира, по большому счету не

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org зависящие от индивидуальных усилий в нем живущих, против чего восставал жизненный опыт Инез. Ее детство прошло в атмосфере уверенности в том, что комфортабельная здоровая жизнь американской колонии в тропиках в роли посредника являла собой непрестанную череду побед индивидуумов над враждебным окружением. Основой ее взрослой жизни была уверенность Гарри Виктора в том, что он станет президентом.

Тот период в Гонконге, когда к Инез пришло сознание отсутствия у американцев каких-либо особых прав, не был отмечен каким-либо откровением, или случайным прозрением, или драматическим событием. Она прибыла в Гонконг в первый день апреля и уехала из него в первый день мая. За эти четыре или пять недель упоминания о Жанет, Уэнделле Омуре и террасе дома Жанет понемногу исчезли даже из гонолульской газеты «Эдвертайзер», разрозненные страницы которой Инез иногда обнаруживала в холлах отелей, где останавливались экипажи самолетов.

Пол Кристиан был признан недееспособным, и его не предали суду.

Всенощная Эдлая, посвященная освобождению Сайгона, превратилась в молебен «За мир в Азии» и была высоко оценена губернатором штата Массачусетс, как пример высокой сознательности студенческого городка, – еще одна ситуация, устроенная Билли Диллоном.

Военный транспортный самолет «С-141», в который Джек Ловетт впихнул Джесси (впихнул буквально – взял руками за плечи и толкнул в люк, потому что в тот вечер где-то между входом номер один и взлетной полосой базы Таншоннят Джесси поняла, что рейс, который, по словам Джека Ловетта, они встречали, был ее собственный, и попыталась улизнуть), приземлился без происшествий на аэродроме Агана острова Гуам, так же как и пассажирский «Боинг-747», на котором Джесси улетела с Гуама в Лос-Анджелес.

Гарри Виктор встретил Джесси на таможне.

Они с Джесси поужинали в ресторане «Чейзен».

Инез знала, что Гарри и Джесси ужинали в ресторане «Чейзен», так как они позвонили ей в Гонконг прямо со своего крайнего столика у двери. Джесси сказала, что Джек Ловетт обманом привез ее с собой на базу Таншоннят, пообещав, что, после того как они встретят этот единственный рейс, они пойдут смотреть фильм с Джоном Уэйном в кинотеатре «Эдем». Джесси сказала, что она не хотела смотреть фильм с Джоном Уэйном, но Б. Дж. после обеда вернулась на работу в ДАО, и ничего не оставалось, как или смотреть фильм, или сидеть там одной и шизеть...

Джесси сказала, что, поняв, что происходит, она спросила Джека Ловетта, почему ей нужно садиться на этот рейс, и Джек Ловетт был груб.

«Потому, что я выбросил на ветер миллион пиастров, чтобы ты смогла на него сесть», – ответил этот козел и толкнул ее.

Сильно.

У нее до сих пор синяк на руке.

Спустя сорок восемь часов.

«Передай этому козлу, что я должен ему миллион пиастров», – сказал Гарри, когда взял трубку.

По словам Инез, Джесси приземлилась в Лос-Анджелесе пятнадцатого апреля.

По словам Инез, двадцать восьмого она уже не могла прозвониться в Сайгон; двадцать девятого американская радиослужба дважды передала «Я грежу о белом Рождестве» и бесчисленное количество раз – Инез сбилась со счета – «Звездно-полосатый флаг – навечно», а затем прекратила передачу; а первого мая Джек Ловетт позвонил ей из Субик-Бей и сказал, чтобы она встретила его в Маниле.

Однажды я попробовала выстроить хронологию событий того периода, которые помнила Инез, и нарисовала схему, которая и сейчас висит у меня в кабинете.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Насколько точна эта схема, трудно сказать, и не только потому, что Инез не вела никаких записей событий, но и из-за их последовательности.

Например, я совершенно не представляю, что имела Инез в виду: что пятнадцатого Джесси приземлилась в Лос-Анджелесе или в Гонконге.

В любом случае пятнадцатое вызывает сомнения, потому что Джек Ловетт был с Джесси в Сайгоне за сорок восемь часов до того, обещая ей фильм с участием Джона Уэйна и сажая ей синяки на руку, и многие считали, что Джек Ловетт был в Пномпене несколько дней (более одного, но менее пяти) в промежутке между тем, как двенадцатого числа там закрылось американское посольство, а семнадцатого в город вошли красные кхмеры. Донесение, в котором Джек Ловетт фигурировал в Пномпене после закрытия посольства, позже породило догадки, которые вылились в расследование.

2

Когда писатели говорят о непредсказуемости человеческого поведения, они обычно подразумевают вовсе не непредсказуемость, а высшую предсказуемость – более сложную закономерность, выявляющуюся лишь постфактум. Изучите картинку. Найдите зверя в джунглях, фигуру на ковре.

Ключи к контексту.

Соответствующую причину.

Я изучаю эту картинку уже несколько лет и до сих пор не могу найти причину тому, отчего Инез Виктор в конце концов согласилась рассказать о том, что, «как ей казалось», произошло («Как мне кажется, мы были в Джакарте», – говорила Инез, или: «Скажем, это было в мае», как если бы самые недвусмысленные детали, касающиеся места и времени, по своей природе были непознаваемыми, допускающими различные истолкования) весной и летом 1975 года.

Сначала она не соглашалась.

Сначала я поговорила с Билли Диллоном, Гарри Виктором, Дуайтом Кристианом и даже коротко – с Джесси, Эдлаем и Диком Зиглером, у каждого из которых, как я уже сказала, имелся определенный интерес в изложении собственной версии событий, но Инез оставалась недостижимой. Во-первых, их с Джеком Ловеттом местопребывание исходило всякую возможность разыграть случайную встречу. Я могла позвонить Дуайту Кристиану и сказать, что я случайно очутилась в Гонолулу, но я не могла позвонить Инез и сказать, что я случайно очутилась в Куала-Лумпуре. Никто не мог «случайно очутиться» в Куала-Лумпуре, никто не попадал туда проездом: Куала-Лумпур не лежит на перекрестке дорог, и там моя встреча с Инез предполагала преднамеренность, конкретную цель с моей стороны и конкретное решение с ее.

Во-вторых, в то лето и осень, когда Инез уехала из Гонолулу с Джеком Ловеттом, она казалась недостижимой эмоционально. Создавалось впечатление, что она отказалась от дальнейшего участия в этой истории, воздвигнув между собой и тем, что произошло, преграду из обретенного ею спокойствия.

ЗДЕСЬ СЕЙЧАС ПОРА МУССОНОВ И БОЛЬШАЯ ВЛАЖНОСТЬ, ОБЫЧНО ВО ВРЕМЯ МУССОНОВ СЮДА НИКТО НЕ ПРИЕЗЖАЕТ, НО Я УВЕРЕНА, ЧТО ГАРРИ И БИЛЛИ СМОГУТ РЕШИТЬ САМИ, ЧТО ВАМ НУЖНО ЗНАТЬ. ИЗВИНИТЕ, ЧТО ПИШУ В СПЕШКЕ. НАИЛУЧШИЕ ПОЖЕЛАНИЯ, ИНЕЗ В.

Таким был ответ, нацарапанный на почтовой открытке с изображением отеля «Экваториел» в Куала-Лумпуре, на мое письмо, посланное в июле 1975 года из Гонолулу, в котором я спрашивала Инез, смогу ли я с ней повидаться. Поскольку за «летними муссонами» в Куала-Лумпуре сразу же следуют «зимние муссоны», которые в свою очередь длятся до самого начала следующих «летних муссонов», то ответ Инез был еще менее двусмысленным, чем мог показаться. В октябре я написала второе письмо из Лос-Анджелеса и более или менее своевременно получила вторую открытку, на которой вновь был изображен холл отеля «Экваториел», где, кстати, Инез не останавливалась:

ТО, ЧТО ВАС ИНТЕРЕСУЕТ, ДАВНО В ПРОШЛОМ, И, ОТКРОВЕННО ГОВОРЯ, Я БЫ ЛУЧШЕ СМОТРЕЛА ВПЕРЕД. ИНЫМИ СЛОВАМИ, ВАШ ВИЗИТ ВРЯД ЛИ БЫЛ БЫ ПРОДУКТИВЕН. И.

На этой открытке стояла дата второе ноября, а в Лос-Анджелес она пришла пятнадцатого. Десять дней спустя я получила третью весточку от Инез – вырезку из книжного обозрения, в которой бегло упоминалось мое имя. В записке, прикрепленной к вырезке, говорилось: ИЗВИНИТЕ, ЕСЛИ МОЯ ЗАПИСКА БЫЛА РЕЗКОВАТА, НО Я УВЕРЕНА, ЧТО ВЫ МЕНЯ ПОНИМАЕТЕ. ИНЕЗ.

Неделю спустя Инез позвонила мне домой в Лос-Анджелес, для чего ей пришлось потратить некоторое время, узнавая номер телефона, и попросила меня приехать в Куала-Лумпур.

Собственно, она, по сути, не «просила» меня приехать в Куала-Лумпур.

Если быть точной, то она сказала: «Когда вы приедете в К.-Л.».

Я задумалась.

«Я бы хотела с вами встретиться, – добавила она. – Я бы показала вам город».

В то время я думала, что она решила поговорить со мной только потому, что имя Джека Ловетта начинало всплывать в связи с расследованиями военных, денежных и технологических сделок некоторых бывших или даже ныне открыто или тайно действующих агентов правительства Соединенных Штатов. Были даже намеки на торговлю наркотиками, которые хотя и получили широкую огласку и часто фигурировали в ранних сообщениях (вспоминаю, как во многих заголовках повторялось словосочетание «Золотой треугольник», и нечеткую фотографию двух людей, выходящих из здания на Виктория-пик, один из которых был назван «бывшим партнером Ловетта по бизнесу», а второй – «известным в Гонконге опиумным королем „Триад“»), однако эти сообщения оставались лишь намеками, слухами, ни разу не подтвержденными, а другие заявления были достаточно убедительными и не слишком неожиданными для любого, кто взял на себя труд подумать о том, что делал Джек Ловетт в этой части света.

Тут были и связи с межотраслевыми транспортно-воздушными компаниями, лишенными реальных активов. Тут было и пребывание на посту директора банка в Виле, причем то обстоятельство, что правительственные чиновники являлись совладельцами акций, давало возможность с прибылью использовать эту должность. Тут были все специальные предписания, специальные консультации и особые отношения того меняющегося мира, в котором сбор информации был неотделим от ее использования и где национальные и частные интересы (интересы государственных и негосударственных действующих лиц, сказал бы Джек Ловетт) не сталкивались, а превращались в единый клубок обмена услугами.

Для того чтобы понять, что делал Джек Ловетт, нужно было только понять, как естественно было для него делать это, насколько мгновенно он оказывался целиком вовлеченным в это и как предельно просто у него все получалось. Ему никогда не изменял природный талант сводить вместе нужных людей; скажем, нужного человека из министерства обороны с нужным человеком в Ливерморе, или Лос-Аламосе, или Брукхейвене [146 – Центры разработок ядерного оружия в США.] или – более характерный пример, выгода от которого вычисляется еще быстрее, – Начальника тылового разведывания при Главнокомандующем морской пехотой США во Вьетнаме – с Дуайтом Кристианом.

Всегда было и что-то еще.

Эмоциональное одиночество, некоторая отстраненность, распространявшаяся на вопросы национальной и политической лояльности.

Было бы неверным называть Джека Ловетта нелояльным, хотя, думается, тогда некоторые так делали.

Было бы правильным лишь сказать, что он рассматривал страну, с паспортом которой он путешествовал, как абстракцию, как действующее лицо – государство, одно из нескольких, неизменно присутствующее в любой данной пьесе.

Иными словами.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
То, что делал Джек Ловетт, никогда не было белым или черным, а в конечном счете могло быть (поскольку принципиальным выигрышем для него была следующая абстракция, выстраивание пирамиды из все новой информации) полностью лишено этического содержания, однако, поскольку оттенки серого цвета в газетных статьях, как правило, не воспроизводились, вся история в ее первоначальном виде выглядела не лучшим образом. То обстоятельство, по сообщениям, что Джек Ловетт совершал некие тайные сделки с потерпевшей поражение третьей силой (или четвертой силой, или пятой силой – в этой истории концы с концами не сходились постоянно), в Пномпене в те дни, когда там закрылось американское посольство, выглядело не лучшим образом. То, что лондонский делец, продававший американское оружие, брошенное в Южном Вьетнаме, получил груз от одной из служб перевозок Джека Ловетта, выглядело не лучшим образом. Для меня было очевидным, что связь с Инез выйдет наружу довольно скоро (как и произошло в ту неделю, когда я вернулась из Куала-Лумпура, а ролик компании «Даблю-эн-би-си» с Инез, танцующей с Гарри Виктором на «Крыше св. Реджиса», временно заслонил мои собственные впечатления от общения с Инез), и я решила, что Инез хочет повидать меня только потому, что со мной хотел встретиться Джек Ловетт. Я решила, что во время моего визита Джек Ловетт найдет способ довести до меня свою информацию. Я решила, что Инез подыгрывает ему.

Короче говоря, что моя поездка в Куала-Лумпур является элементом его оборонной стратегии, что могла понимать, а могла и не понимать Инез.

Эти умозаключения, как выяснилось, были слишком упрощенным представлением об Инез Виктор.

3

Прежде всего она хотела рассказать мне о том, что Джек Ловетт был мертв.

Что Джек Ловетт умер девятнадцатого августа приблизительно в одиннадцать вечера у края мелкой части пятидесятиметрового бассейна в джакартском отеле «Боробудур».

После того как проплыл свои обычные тридцать дистанций.

Что она привезла тело Джека Ловетта в Гонолулу и похоронила его двадцать первого августа на маленьком кладбище у шофилдских казарм. За оградой которого хоронили мертворожденных. Рядом с могилами итальянских военнопленных. Рядом с кустом джакаранды, но джакаранда уже отцвела. Когда джакаранда цвела и роняла лепестки на траву, голубой ковер простирался как раз до надгробия Джека Ловетта. Так близко была могила от джакаранды. Полковник, с которым она связалась в Шофилде, сперва предложил другое место, но принял ее доводы. Полковник, с которым она связалась в Шофилде, очень ей помог.

Чрезвычайно любезен.

Чрезвычайно добр, на самом деле.

Так же как и первый человек, с которым она связалась.

Мистер Созбадио. В Джакарте. Мистер Созбадио был представителем банка в Виле на Яве; как оказалось, именно его номер телефона дал ей Джек Ловетт на случай каких-либо проблем во время тех четырех-пяти дней, которые они были в Джакарте.

Джек Ловетт не сказал ей имени мистера Созбадио.

Только номер телефона.

Чтобы звонить. Если она заболит, или ей понадобится найти его в течение дня, или опять начнутся волнения, когда он будет в Соло или Сурабае. И она думала об этом телефонном номере именно в тот момент, когда взглянула и увидела, что Джек Ловетт лежит лицом вниз в очень мелком конце бассейна – на длинной полосе, где глубина воды не более фута и весь день плескались маленькие дети, говорившие с техасским акцентом.

Это произошло совершенно неожиданно.

Она смотрела, как он плывет к мелкому концу бассейна.

Она нагнулась, чтобы взять для него полотенце.

Именно в тот момент, когда она потянулась за полотенцем, она подумала о телефонном номере, который он ей дал: о том, кто ответит, если она позвонит.

Затем она подняла голову.

В этот поздний час в бассейне никого не было. Последние игроки ушли с теннисных кортов, ночное освещение было выключено. Даже в баре при бассейне были закрыты ставни, но на его наружной стене был телефон, и именно по этому телефону двадцать минут спустя Инез набрала номер, который дал ей Джек Ловетт. Она сидела на краю бассейна, голова Джека Ловетта была у нее на коленях, пока не прибыл доктор-тамилец. Доктор-тамилец сказал, что те двадцать минут, когда она делала Джеку Ловетту искусственное дыхание, уже не имели значения. Доктор-тамилец сказал, что это произошло мгновенно в кровеносных сосудах, ничего нельзя было сделать. В крови, сказал он, щелкнул пальцами и одновременно провел ладонью у себя под горлом – коротким режущим движением.

К бассейну тамильского доктора привел мистер Созбадио.

Именно мистер Созбадио вдел руки Джека Ловетта в рукава его полосатого пиджака и донес его до служебной стоянки, где была машина.

Именно мистер Созбадио посоветовал говорить всякому, кто приблизится к машине, что мистер Ловетт пьян, именно мистер Созбадио поднялся вверх за ее паспортом, и именно мистер Созбадио предложил, для того чтобы обойти некоторые трудности, которые, вероятно, возникли бы при вывозе мистера Ловетта из Индонезии, нанять небольшой самолет – он знал, как это делается. Он знал также, где можно достать хороший самолет, чтобы обойти местный контроль и перелететь из Денпасара в Халлим. У него оказался знакомый пилот – хороший друг, который согласится доставить миссис Виктор с мистером Ловеттом туда, куда пожелает миссис Виктор.

В пределах возможностей самолета этого класса.

Самолет был пассажирским, семиместным, марки «Лир».

Из Халлима в Манилу, без проблем.

Из Манилы на Гуам, без проблем.

До Гонолулу – проблематично, но с разрешением на дозаправку на некоторых атоллах, недоступных для коммерческих самолетов, мистер Созбадио надеялся все уладить.

Скажем, в Кваджалейне.

Скажем, в Джонстоне.

От Гуама до Кваджалейна – приблизительно тысяча триста миль, вполне в пределах лёта.

Из Кваджалейна в Джонстон, скажем, тысяча восемьсот, даже учитывая снос, поскольку ветры там в основном западные, – все равно в пределах лёта.

Из Джонстона до Гонолулу – ровно семьсот семнадцать, и совершенно никаких проблем.

У мистера Созбадио был с собой калькулятор, и он, стоя в Халлиме у ангара, рассчитывал нормы веса, подъемную силу, расстояние и силу ветра, куда Инез наблюдала, как доктор-тамилец и пилот отнесли Джека Ловетта в самолет на задние кресла для пассажиров и положили его в мешок для трупов. Перед тем как застегнуть мешок, доктор-тамилец осмотрел карманы полосатого пиджака Джека Ловетта и передал мистеру Созбадио несколько визитных карточек. Мистер Созбадио взглянул на карточки и опустил их себе в карман, не отрываясь от калькулятора. Инез подумала, стоит ли спрашивать у мистера

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Созбадио о том, чьи визитки были в карманах Джека Ловетта, и не стала. Джек Ловетт как-то сказал ей, что, когда кто-то умирает, лучше, если в его карманах не находят твоей визитной карточки. Молния на мешке для трупов зацепилась за лацкан полосатого пиджака, и мистер Созбадио помог доктору-тамильцу освободить ее. Инез также решила не спрашивать мистера Созбадио, откуда взялся мешок для трупов.

Хлопчатобумажное платье, которое было на ней, промокло от воды из бассейна и охладило кожу.

Всю ночь она чувствовала запах хлорки.

В Маниле она не выходила из «Лиры».

На Гуаме, в полусне, она чувствовала, как самолет снижается, видела посадочные огни, слышала голоса американской наземной команды. Пилот прошел в комнату операторов и принес термос с кофе и газету. «Там, где начинается день Америки», – было написано на орле изображенного в ней флага.

В Кваджалейне она могла видеть с воздуха ракетные установки; на земле ей сказали, что у нее нет разрешения на выход из самолета.

В Джонстоне ей удалось выйти, и она прошла одна до конца длинной посадочной полосы, до места, где асфальт встречался с лагуной. Джек Ловетт провел в Джонстоне три недели. В 1952-м. В ожидании погоды. Тот запуск назывался «Чудо женщина – 2». Она помнила это. Она даже помнила, как он сказал ей, что был в Маниле, и сувенир, который он ей привез. Филиппинскую блузу. Накрахмаленные белые кружева. В первое лето своего замужества за Гарри Виктором она нашла ее в ящике и надела, когда они были в Рехоботе. Накрахмаленное белое кружево на обнаженной коже возбуждало их обоих, и позже Гарри спрашивал, отчего она больше никогда этой блузки не надевает.

Манильский сувенир.

Купленный в Джонстоне у знакомого летчика, прилетевшего из Кларка.

Она теперь знала.

Она сняла сандалии и побродила в лагуне, брызгая теплой водой себе в лицо, смочила свой пестрый платок, затем повернулась и пошла назад к «Лиру». Пока пилот говорил с механиками о малом контуре, который, по его мнению, барахлил, Инез открыла мешок для трупов. Она собиралась вложить намоченный пестрый платок в руку Джека Ловетта, но, когда увидела, что тело уже задеревенело, снова застегнула молнию. Платок она оставила внутри. Сувенир из Джонстона. Ей пришло в голову, что его стоило бы похоронить в Джонстоне, но никто в Джонстоне не знал о теле на борту «Лиры», к тому же уже существовала договоренность между мистером Созбадио и полковником из Шофилда, и она полетела дальше и сделала это в Шофилде.

И это было хорошо.

В Джонстоне было бы правильнее, но и в Шофилде было хорошо.

Особенно после того, как она выбрала другую сторону.

Сторону рядом с джакарандой.

Первое место, которое ей предложил полковник, было слишком близко к ограде. К ограде, которая скрывала могилы казенных солдат. Их было семь. В знак того, что они умерли в бесчестье, их могилы были развернуты от флага, за оградой. Она знала об ограде, так как ей ее показал Джек Ловетт вскоре после того, как они встретились. Они еще поспорили из-за этого. Она посчитала это жестоким и странным – клеймить позором мертвых. Раз и навсегда. Он же не считал это жестоким или странным, а просто бессмысленным. По его мнению, просто сентиментально придавать значение тому, по какую сторону ограды тебя похоронят.

Она точно помнила, что он тогда сказал.

Все равно восходит солнце, и все равно ты его не видишь, сказал он.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
И все же.

Пусть это не имеет значения, но она не хотела, чтобы его похоронили где-нибудь у ограды, и полковник сразу пошел ей навстречу.

Так что все устроилось.

Все было хорошо.

В тот же вечер она купила билет на пассажирский самолет до Сингапура и сразу же пересела на рейс до Куала-Лумпура.

Она никому не позвонила.

После обеда мы сидели на веранде бунгало, которое Инез снимала в Куала-Лумпуре, и она мне все это рассказала. Шел первый день моего пребывания там. После полудня в клинике она все время говорила о Гарри Викторе и о Союзе демократических учреждений, а когда за обедом я спросила, где Джек Ловетт, она сказала только, что его нет в Куала-Лумпуре. После обеда мы молча сидели на веранде, а затем она начала свой рассказ с короткой фразы.

«В августе что-то случилось», – сказала она.

Где-то между Гуамом и Кваджалейном она спросила, не хочу ли я чаю, и вынесла на веранду щербатый чайник для заварки, картинка на котором говорила о возрасте бунгало: бульдог с сигарой в пасти, а по его бокам – две прелестные девушки, под одной надпись «Лиллибет». под другой – «Маргарет Роуз». Инез была босая. Ее волосы были зачесаны назад, на лице – ни следа косметики. Пока она рассказывала, один раз внезапно пошел сильный дождь, на время занавесивший террасу стеклянной пеленой, а после дождя вокруг лампы роились термиты и падали в наши чайные чашки, но Инез не замечала термитов, как она не заметила дождя или картинки на чайнике. После того как она кончила говорить, мы какое-то время сидели молча, а затем Инез налила мне другую чашку чая, выбросив термитов ногтем. «Что вы об этом думаете?» – спросила она.

Я ничего не ответила.

Инез пристально посмотрела на меня.

Я думала об этом точно то же, что, наверное, думала об этом Инез, но это к делу не относилось. Я думала, что в ту ночь, когда она везла тело Джека Ловетта из Джакарты в Шофилд, по всему Тихоокеанскому региону уничтожались бумаги, но это к делу не относилось. Мы сидели в болотистом лесу на краю Азии, в городе, который практически не существовал еще век назад, а сейчас существовал лишь как обломок территориальных притязаний, и женщина, когда-то думавшая о жизни в Белом доме, выбрасывала термитов из своей чайной чашки и рассказывала мне о посадках на нескольких коралловых атоллах в семиместном самолете, на борту которого в мешке для трупов находился мужчина.

Американец в мешке для трупов.

Американец, который, как говорилось, делал дело в ситуациях, в которых не предполагалось участия каких-либо американцев.

Что я об этом думаю.

Наконец я пожала плечами.

Инез продолжала смотреть на меня еще некоторое время, а затем сама пожала плечами.

«Как бы там ни было, мы были вместе, – сказала она. – Мы были вместе всю нашу жизнь. Если вас это интересует».

В бунгало зазвонил телефон.

Инез не отреагировала на звонок.

Вместо этого она встала, оперлась на деревянные перила веранды и посмотрела на влажное сплетение лиан и казуарии, окружавших бунгало. Сквозь заросли я могла видеть огни фар редких машин на Ампанг-роуд. Встав, я могла бы увидеть огни отеля «Хилтон» на горе. Телефон перестал звонить до того, как Инез снова заговорила.

«Не то чтобы это имело какое-нибудь значение, – сказала она тогда. – Я имею в виду, что все равно восходит солнце и все равно он его не видит. Это звонил Гарри».

4

Джек Ловетт ловил омаров в лагуне у Джонстона в 1952-м. Инез намочила свой пестрый платок в лагуне у Джонстона в 1975-м. Джесси и Эдлай играли в Марко Поло в пятидесятиметровом бассейне отеля «Боробудур» в Джакарте в 1969-м. Джек Ловетт умер в пятидесятиметровом бассейне отеля «Боробудур» в Джакарте в 1975-м. В 1952 году Инез и Джек Ловетт бродили по кладбищу у шофилдских казарм. Он показал ей ограду и могилы, развернутые изголовьями от флага. Мертворожденные и итальянские военнопленные, а также казненные солдаты – все это было там, в 1952-м. Даже джакаранда должна была быть там, в 1952-м.

На протяжении пяти дней, которые я провела в Куала-Лумпуре, Инез упоминала подобные «корреспонденции» [147 – Слово «correspondence» переводится с английского как «послание» и «совпадение».] – ее выражение – неоднократно, как если бы это были послания, предназначенные специально для нее, доказательства некой связи событий, о которой она не подозревала. Казалось, она находила в этих неясных связях нечто необычайное. Принимая во внимание жизнь, за которую главной расплатой была память, думаю, она была права.

К тому времени, как я вернулась в Лос-Анджелес, Джеку Ловетту было отправлена повестка в суд, и клип, где Инез танцевала на «Крыше св. Реджиса», впервые был показан по телевидению. Я совершенно не могу понять, отчего именно этот клип явился единственным и столь часто воспроизводимым телевидением символом жизни, столь исчерпывающе документированной, как жизнь Инез Виктор, однако так оно и было, и через несколько дней в январе 1976 года эта пленка начала собственную жизнь, совершенно независимую от запечатленного на ней довольно несущественного момента. Иногда ее прокручивали всего секунду-другую, обрезав так, что она выглядела обыкновенной фотографией; в другой раз – в полном варианте – она представляла разыгранной на экране короткой пьесой, завершающейся драматической развязкой, когда помощник говорил: «Держите два лифта», а Гарри Виктор говорил: «Я просто рядовой гражданин», и Инез произносила: «Чудесно», и оркестр играл «Это ли не романтично».

Думаю, одна из причин того, что эту пленку крутили снова и снова, заключалась просто в том, что это был самый последний из роликов, на которые снимали Инез Виктор.

Подозреваю, что другая причина состояла в том, что шляпа с красными черешнями, слова «просто рядовой гражданин», «чудесно» и «это ли не романтично» заключали иронию, доступную даже самому неискушенному зрителю.

Три недели спустя репортеру газеты «Вашингтон пост» удалось выяснить в отделе документации Пентагона, что причина, по которой Джек Ловетт не отреагировал на повестку в суд, заключалась в том, что уже в августе он был мертв, действительно похоронен на земле, принадлежащей государству, а на бумагах, разрешающих его похороны на земле, принадлежащей государству, стоит подпись Инез Виктор.

В тот вечер пленку крутили еще два раза и больше не показывали.

Во всяком случае, если и показывали, то я об этом не знаю – даже тогда, когда Эн-би-си обнаружила, что Инез Виктор работает в управлении лагеря беженцев в Куала-Лумпуре, и Инез Виктор уклонилась от интервью.

В марте 1976 года Билли Диллон показал мне ответ из тринадцати слов на письмо, посланное Инез. Он решил написать письмо, поскольку звонить ей было, по его словам, пустым делом.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
«По телефону ни о чем конкретном не поговоришь, – сказал Билли Диллон, показывая мне ее ответ. – Тамошняя мать-настоятельница Тереза хочет, чтобы она перешла на работу в клинику. Ну, я и написал. Рассказал новости, немножко сплетен, пара мыслишек подлиннее и пристегнул один вопрос. Всего один. Я спрашиваю, может ли она сообщить хотя бы один чертов довод, отчего находится в этом проклятом К.-Л., и вот, что я получаю – тринадцать слов».

Он протянул мне листок линованной бумаги, на котором характерными каракулями Инез было написано: «Краски, влажность, жара, достаточное количество голубизны в небе. Четыре чертовы причины. Привет. Инез».

Краски, влажность, жара.

Достаточное количество голубизны в небе.

Суть этого я изложила раньше, но не контекст, пытаюсь таким образом, как вы могли заметить, поддерживать связь с читателем этого романа, состоящего из разрозненных беглых впечатлений. Собственно, он оказался не тем романом, который я собиралась писать, да и я – не совсем тот человек, который собирался его писать. Не было у меня и ощущения убыстрения темпа повествования, которое обычно ведет роман к завершению, того импульса, который возникает, когда события настигают свои собственные тени, карты ложатся одна на другую и возможность выбора сводится к нулю.

Может быть, из-за того, что ничто в этой ситуации не побуждает сохранять основополагающее свойство повествования, состоящее в том, что прошлое становится прологом к настоящему, проблема выбора в этом случае остается открытой.

Все может случиться.

Как вы, возможно, знаете, а может, и не знаете, у Билли Диллона – новый кандидат, конгрессмен, работавший раньше в НАСА [148 – Национальное управление по авиации и исследованию космического пространства.], уверенный, что возраст и подготовка позволят ему оказаться по нужную сторону, как он выражается, «планки»; иногда, когда Билли Диллон приезжает в Калифорнию для сбора средств, я с ним ужинаю. В некотором смысле я заменила для Билли Диллона Инез в качестве женщины, на которой, как ему кажется, он хотел бы жениться. Опять-таки, как вы знаете или, возможно, не знаете. Гарри Виктор находится сейчас в Брюсселе в качестве специального посланника при «Общем рынке». У Эдлая и Джесси все в порядке: Эдлай в Сан-Франциско, служит в федеральном бюро девятого округа; Джесси – в Мехико-Сити, где она, как это ни странно, пишет роман и живет с «резервистом» «Ньюсуик», который набирает очки в разных «горячих» столицах мира, чтобы вернуться в Нью-Йорк и попасть в штат редакции. Когда и если ему это удастся, думаю, Джесси не останется с ним, поскольку она питает слабость к «горячим столицам». «Представьте мою мать танцующей...» – так, я надеялась, будет начинаться роман Джесси, однако, судя по последнему письму, которое я от нее получила, сейчас она пишет исторический роман о Максимилиане и Карлоте.

Инез, разумеется, все еще в Куала-Лумпуре.

Раз в неделю она пишет Джесси, несколько реже – Эдлаю и совсем теперь уж редко – Гарри. Иногда она присылает открытку Билли Диллону, а мне – странные вырезки. Один вечер в неделю она читает лекции по американской литературе в Малайзийском университете, а после этого ужинает в «Лэйк-клубе», однако большинство ее вечеров, так же как и дней, проходит в административных заботах теперь уже в дюжине лагерей беженцев вокруг Куала-Лумпура.

Год назад, когда я была в Лондоне, «Гардиан» поместила статью о беженцах в Юго-Восточной Азии, в которой цитировала Инез.

Она сказала, что, хотя все еще считает себя американской национальности (странный оборот речи, но написано было именно так), она останется в Куала-Лумпуре до тех пор, пока оттуда не отправят последнего беженца.

Поскольку последнего беженца, похоже, не вывезут из Куала-Лумпура ни при моей жизни, ни при жизни Инез, я могла заключить, что она намерена

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org оставаться там и дальше, но я уже привыкла к сюрпризам. Когда я читала в Лондоне «Гардиан», я внезапно отчетливо представила себе Инез и офис в лагере, и на меня нахлынули чувства, которые испытываешь, когда летишь в эту часть света, где яркая зелень, и прозрачная голубизна, и мели на месте бывших островов, но с тех пор я туда не возвращалась.

Идеология и история в зеркале романа

Во второй половине 80-х годов наши взгляды на Соединенные Штаты Америки быстро меняются. Суждения становятся более взвешенными, терпимыми, даже комплиментарными. Следуя в очередной раз выдвигаемому тезису «учиться у Запада», все громче говорят о желательности заимствования не только передовой технологии, но и соответствующих принципов трудовой этики, о возрождении таких регуляторов и форм хозяйственной деятельности, как насыщенный реальным содержанием банковский кредит, союзы потребителей, акционерные товарищества.

Намного медленнее и с гораздо меньшим энтузиазмом со стороны ответственных лиц воспринимаются некоторые краеугольные положения американского общественно-политического устройства. Уже не первый год, например, дебатировался вопрос об обособлении трех источников власти – законодательной, исполнительной и судебной – с особым акцентом на непременимых гарантиях подлинной независимости судопроизводства. С другой стороны, достаточно быстро прививаются к нашей практике определенные навыки зондирования общественного мнения, соперничества кандидатов и предвыборной агитации, навыки разномыслия в рамках социалистического плюрализма.

Особую широту демонстрируют порой средства информации, когда они не просто пробавляются вкраплением отдельных жемчужных зерен в общую панораму негативно истолкованной американской действительности, но отваживаются на сравнительно объективную характеристику достоинств и недостатков ее основных системообразующих параметров. Так, в газетах, издаваемых самым массовым тиражом, теперь можно прочесть, что и революция 1776–1783 годов, и последовавшие затем законодательные акты, которые многое дали для формирования политической культуры нового общества, представляли собой глубоко продуманные деяния, и это дало возможность американцам избежать привычного для нашей страны в XX веке движения «путем проб и ошибок», приводивших в конечном счете к кризисным ситуациям.

«Становление Америки было историческим экспериментом, поставленным чуть ли не в лабораторных условиях. Данное обстоятельство позволило политической системе США развиваться эволюционным путем, без срывов и эксцессов», – пишет вашингтонский корреспондент «Правды» В. Линник, ссылаясь далее на мнение одного из первых американских президентов Дж. Адамса, который утверждал, что «уравновешивание каждой из ветвей власти двумя другими будет сдерживать популяризацию к тирании». В прессе последнего времени можно было прочесть и о такой актуальной для наших перестроечных процессов «детали», как о существующий в США запрет на совмещение государственной должности с участием в каком-либо представительном органе, о примерах (подобных уотергейтскому) решительной борьбы законодателей и юристов против злоупотреблений исполнительной власти.

Важны, однако, не сами примеры, сколь многочисленными и показательными они бы ни были, осаживания зарвавшихся должностных лиц и коррумпированных политиков. Гораздо важнее общий принцип придирчивого общественного контроля за духовным и политическим здоровьем нации в целях защиты гражданских свобод от посягательств индивидуального либо группового честолюбия. В постоянном внимании к этой проблеме и в самом деле заключена (по словам того же В. Линника) «сила американской демократической традиции и политической культуры американского общества».

Тяга средств массового просвещения населения к большей объективности приятна и похвальна. Однако, помимо зависимых от колебаний конъюнктуры газет и журналов, помимо подверженного той же болезни и не столь оперативного круга малотиражных научных публикаций, у нашего современного читателя всегда имелся незаменимый источник надежного знания о зарубежном мире. Этим источником служила переводная беллетристическая литература, которая – в незаурядных своих проявлениях – доносила правду об образе жизни в той или иной стране, о ее социальном-политическом устройстве, о

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
морально-культурном климате, и так происходило даже тогда, когда все помыслы автора были сосредоточены, казалось бы, исключительно на «чистом искусстве».

Если иметь в виду только американскую прозу, она предоставляет возможность различить общезначимые черты социальной организации и в рафинированных произведениях наподобие «Женского портрета» Г. Джеймса, и в откровенно рассчитанных на сенсацию «боевиках» типа «Челюстей» П. Бенчли. Размышляя в первую очередь о личных судьбах своих героев, многие писатели США стремились и к анализу исторических судеб своей страны, не в последнюю очередь зависящих от кипения политических страстей и функционирования национальных институтов. «Вы можете не заниматься политикой, все равно политика занимается вами» – в духе этого популярного еще в XIX веке афоризма они рассматривали встающую перед каждым вдумчивым художником проблему взаимодействия личности и общества. Так крепили реалистические тенденции в американской прозе, так складывался в ее недрах жанр «политического романа», у истоков которого находится открывающий настоящий сборник роман Генри Адамса «Демократия» (1880).

Уже самое начало книги выдает в ее авторе литератора отчетливой философической складки. Каких только вопросов общего свойства не касается он на нескольких вводных страничках, долженствующих представить читателю миссис Маделину Лайтфут Ли, одну из центральных фигур повествования. В чем состоит смысл жизни человека, обладающего известным состоянием и поэтому способного сосредоточиться на проблемах, выходящих за пределы тоскливой обыденщины? Христианская мораль настаивает на служении ближнему, но каким конкретным образом и какую роль должны в таком случае сыграть благотворительность, передача средств на общественные нужды, реформаторство и, наконец, самосовершенствование? Не скрывается ли тайна предназначения отдельной личности в современном мире в сфере политики? Все эти мысли писатель вкладывает в голову тридцатилетней нью-йоркской вдовушки, немного греша тем самым против психологической убедительности образа, но зато заблаговременно сообщая своему рассказу необходимую меру идеологической масштабности.

Стилистика и образный строй «Демократии» указывают на немалую зависимость Г. Адамса от так называемой викторианской литературной традиции. Особенно близок американскому прозаику У. Теккерей, о чем свидетельствуют рисунок и звучание фразы, приемы характеристики персонажей. Некоторые из них, похоже, имеют своих прототипов столько же в социальной среде Вашингтона или Нью-Йорка, сколько и в мире образов «Ярмарки тщеславия» и «Виргинцев». Достаточно указать, что адвокат Джон Каррингтон прямо-таки списан с самоотверженного и скромного Доббина, претендующего на роль «положительно прекрасной личности» в «романе без героя» Теккерей. «Двадцать лет постоянного груза ответственности и несбывшихся надежд придавали его манерам оттенок озабоченности, граничившей с глубокой грустью. Самой же привлекательной его чертой было то, что он никогда не говорил – и, по-видимому, не думал о себе самом» – таким представляет Каррингтона автор, и эти скудные ремарки сразу же образуют прочную основу для полета читательского воображения.

Пример Теккерей послужил путеводной звездой для Адамса – конструктора характеров и ситуаций. В анализе же государственных учреждений Соединенных Штатов он явно следует по стопам Ч. Дикенса, автора язвительных «Американских заметок» и соответствующих глав романа «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита». Как раз одну из этих книг (скорее всего, первую) внимательно читает переселившаяся в Вашингтон Маделина Ли утром того дня, когда ей было суждено впервые увидеть и услышать в конгрессе США сенатора Рэтклифа, с которым ее вскоре свяжут серьезные и сложные взаимоотношения. И совершенно в духе далеко не безобидных диккенсовских парадоксов звучит первое, пока еще «пристрелочное» замечание прозаика относительно сущности американских политических установлений: «Демократия, в правильном ее истолковании, есть не что иное, как управление народом силами самого народа на благо сенаторам...»

Сквозь пелену не всегда содержательных светских разговоров, постепенно, но неуклонно и явственно на авансцену романа Г. Адамса выступают проблемы, вся важность которых должна быть осознана и прочувствована каждым новым читательским поколением. «Неужели мы обречены всегда быть во власти воров и хапуг? Неужели порядочное правительство несовместимо с демократией?» – восклицает Маделина Ли, находясь под впечатлением разоблачений, потрясших

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
администрацию президента Улисса Гранта, в прошлом боевого генерала, одного из героев Гражданской войны между Севером и Югом. Но разложение правящей верхушки, как хорошо осведомлен современный читатель нашего сборника, характерно не только для «прогнившего буржуазного строя», и поэтому его не должны оставить равнодушным рассуждения на сей счет персонажей «Демократии».

Как избежать коррупции, то есть того всесилья бюрократического аппарата, что с неизбежностью порождает взяточничество и прочие аморальные поступки в качестве своего рода «ответной» или «защитной» реакции со стороны вконец отчаявшейся общественности? Ответ на этот наболевший вопрос, исходящий от одного из «блестящих умов» американской столицы Натана Гора, лишь немногим отличается от знаменитой и уже несколько примелькавшейся сентенции, приписываемой Уинстону Черчиллю. «Я верю в демократию, – изрекает он, – потому что эта форма правления, как мне представляется, есть неизбежное следствие всех иных, бывших до нее... Я допускаю, что демократия – всего-навсего эксперимент, но это единственный путь, по которому обществу стоит идти, единственная концепция его функций, достаточно широкая, чтобы удовлетворить ее стремления, единственный результат, который стоит усилий и риска».

То, что для «стороннего наблюдателя» Н. Гора существует в виде «бесконечных величин» чистой теории, наиболее ответственные из вашингтонских политиков стремятся воплотить на практике. Напуская туману в обществе восторженно внимающих их излияниям дам, они иногда готовы утверждать, что любят власть ради самой власти и лишь поэтому домогаются поста президента. Но ведь в отличие от деспотических режимов власть американских президентов, особенно в XIX веке, была в известной степени номинальной. Главная цель политиков благонамеренного склада неизменно состояла в ином – стоять на страже демократических принципов, ограждать их от посягательств как вдохновляемых той или иной утопической идеей фанатиков, так и обыкновенных проходимцев, стремящихся на высшие должности лишь для того, чтобы беспрепятственно залезть в общественный карман.

К числу руководимых высокой идеей альтруистов трудно, однако, отнести сенатора Рэтклифа, чей образ занимает видное место на авансцене книги Адамса. Отмечая в Рэтклифе изрядный практический ум и сильную волю, писатель вместе с тем ставит под сомнение его этическую позицию. Признавать за сенатором, как на этом настаивают некоторые из его противников, «слепое невежество по части нравственных законов» было бы слишком опрометчиво, и все же по мере развертывания действия в морали Колосса Прерий (так называют его в Вашингтоне) обнаруживается все больше и больше изъянов.

В глазах предубежденно настроенного болгарского посланника барона Якоби Рэтклиф с самого начала являл собой «тип деятеля, сочетавшего крайнюю самоуверенность и деспотичность с чрезвычайно узкой образованностью и низменным личным опытом». Последнее, впрочем, вряд ли можно поставить в вину выходцу из «бревенчатой хижины» в штате Иллинойс, где полтора столетия тому назад условия для развития высокой культуры, конечно же, во многом уступали даже европейским окраинам. Что из того, если Рэтклиф путает Мольера с Вольтером, не владеет языками и нетверд в хронологии исторических событий. Гораздо большую угрозу таит в себе другая черта личности сенатора, определяющая его позицию при решении важных вопросов в конгрессе, – его верность узкопартийным интересам, вступающим, согласно мысли автора романа, в противоречие с высшими идеалами и целями, которыми должна руководствоваться американская нация.

Именуя посланника Якоби «неуязвимым циником из XVIII века», писатель делал акцент скорее на эпитете и обстоятельстве времени, нежели на центральном понятии в этом словосочетании. Неуязвимость логики престарелого аристократа, успевшего в ранней молодости впитать в себя отголоски великих идей, состоит в том, что он исходит из тех самых понятий и представлений, которым в наши дни в России конца XX века вновь возвращается право именоваться «истинными», «вечными», «общечеловеческими». Партийную систему, которая в своем крайнем выражении подменяет принцип всеобщности принципом партикуляризма, или, иначе говоря, разобщенности, Якоби справедливо считает подобием религиозного раскола, неоднократно приводившего в прошлом к самым губительным последствиям. Однако, задержавшись одной ногой в XVIII столетии и твердо предпочитая Европу «варварским» Соединенным Штатам, он не в состоянии уразуметь главного в американском политическом опыте, того, о чем за несколько десятилетий до изображенных в романе событий красноречиво

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org писал другой европеец, француз де Токвиль, – изначально присущей демократии способности к саморегулированию и самосовершенствованию.

К сожалению, высоким и сложным материям нет места в политическом мире Вашингтона, каким он предстает в изображении Г. Адамса. Хитросплетения сделок и интриг, которыми сенатор Рэтклиф пытается связать свободу действий нового президента, выглядят на современный взгляд довольно-таки наивными. Где тонко, там и рвется, и Рэтклиф сам чуть не увязает в сплетенной им паутине ложных ходов, двусмысленных обещаний и тому подобных экивоков. Однако президент устоял, как устояла перед аналогичной атакой и миссис Ли, скорее интуицией, нежели рассудком, распознавшая всю «этическую пустотелость» своего настойчивого поклонника.

Вряд ли есть необходимость заострять читательское внимание на тех несообразностях, которыми изобилует собственно событийная, «внутриполитическая» канва произведения. Психологических натяжек в тексте «Демократии» еще больше, поскольку исследования диалектики души и последовательности мысли чаще всего подменяются у Адамса декларативной риторикой. Но, разумеется, американского прозаика извиняет хотя бы то, что им писался фактически не роман, а беллетризованный памфлет и основную свою цель автор видел (вслед за целой плеядой своих предшественников, включая Т. Мора, Дж. Свифта, Дж. Ф. Купера) не в передаче «самодвижения жизни», а в том, чтобы в первую очередь дать выход собственным острокрытым эмоциям.

Всю меру язвительности авторских инвектив, обращенных против сословия государственных мужей, примкнуть к которому Г. Адамс безуспешно стремился на протяжении многих лет своей жизни, выдает его, казалось бы, случайное замечание, отождествляющее участие в политической жизни с отбыванием срока в каторжной тюрьме. Отличительными качествами сенаторов и конгрессменов он считает «дурные манеры и дурную нравственность», но еще более уничижительной оценки удостоиваются в книге новоиспеченный президент («эта деревенщина из индианского захолустья») и его супруга. Если воспринимать ироническое комментирование Адамсом государственного механизма США по критериям, прилагаемым к полноценным социально-психологическим произведениям, значительная часть его обвинений, несомненно, повиснет в воздухе. Но писатель и сам сознавал намеренную заостренность и полемичность основных положений своей книги. Рисуя удручающую картину того, «с каким скрипом крутится политическая машина, обдавая грязью все вокруг», он вместе с тем отдавал себе отчет в том, что «под пеной, всплывающей на поверхность политического океана, существуют здоровые течения с благородным руслом, которые смывают эту пену и поддерживают чистоту во всей толще воды».

Неопытность Адамса-романиста, заставлявшая его то и дело прибегать к сугубо условным сюжетным построениям, с меньшей силой сказалась в кульминационных сценах произведения. Воспроизведенный в последних главах книги конфликт между сенатором Рэтклифом и миссис Ли по-настоящему драматичен. Содержащееся в их диалоге столкновение требований реальной жизни с абсолютным нравственным чувством возрождает старый спор о том, оправдывает ли благородная цель применение небезупречных средств для ее достижения. Разумеется, «преступления» Рэтклифа ни в коей мере не соизмеримы с той откровенной беспринципностью, что совершенно неприкрыто предстала всему миру в XX веке в практике тоталитарных режимов. Но для нравственной философии Америки любая «мелочь», любые «огрехи» – в особенности когда речь шла о лицах, посвятивших себя служению обществу, – выростала в проблему поистине планетарных размеров.

Столетие, разделившее скандалы в правительстве У. Гранта, которые дали Г. Адамсу тему для своей книги, и фатальный для президента Р. Никсона «уотергейтский» кризис, было отмечено в политике США постоянным балансированием между принципиальностью и прагматичностью, между последовательным «морализмом» и «искусством возможного». Эта дилемма сохранялась и в последующие годы, что было особенно ярко продемонстрировано в случае с глубоко задевшим администрацию Р. Рейгана делом «Иран-контрас». Изгнание в 70–80-х годах из правительственных кругов изрядного числа высокопоставленных деятелей порой за самые пустячные на сторонний взгляд правонарушения вновь подтверждало незабываемость строгих норм, которыми руководствуется при решении этических проблем американское общественное мнение.

В своей речи на конференции «Город Вашингтон в литературе» (апрель 1986 года), в работе которой мне довелось участвовать, видный критик А. Кейзин

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org назвал Г. Адамса «Вольтером, Гиббоном, Прустом и даже, увы, апокалиптически настроенным Освальдом Шпенглером столичного общества». Можно утверждать, что некоторые из названных функций автора «Демократии» и автобиографического «Воспитания Генри Адамса» в известной мере унаследовал в наши дни Гор Видал, создатель целого цикла произведений об американской политической истории. Знакомясь с его романом «Вашингтон, округ Колумбия» (1967), читатель попадает в накаленную общественно-политическую обстановку середины XX века. Рожденные творческой фантазией автора фигуры вашингтонских политиканов, богатых предпринимателей и просто столичных бонвиванов хорошо вписываются в картину реальных событий. Начальной точкой отсчета для своего рассказа прозаик многозначительно избирает июль 1937 года – момент решительного сражения между «традиционными» взглядами на природу и назначение политической системы Соединенных Штатов и «новым курсом» президента Франклина Делано Рузвельта.

Прозвучавшие тогда предложения президента относительно реформы Верховного суда были истолкованы ревнителями «классических» пропорций государственного устройства США как вызов конституционному принципу разделения и взаимного уравновешивания слагаемых политической мощи. Свойственная Рузвельту и прежде тенденция к укреплению центральной исполнительной власти, то есть института президентства, встретила на сей раз с серьезными возражениями. По заключению авторов новейшего коллективного труда «История США», эта попытка поколебать полуторавековой статус высшего судебного органа и, стало быть, расшатать покоящуюся на «трех китах» твердь американского общества вызвала оппозицию со стороны не только консервативного крыла конгресса: «В сенате против Рузвельта выступили некоторые республиканцы-прогрессисты. В демократической партии в лагерь противников правительства перешли многие видные либералы» [149 – История США. М., «Наука», 1985, т. 3, с. 234.]. После поражения Рузвельта между противостоящими сторонами и течениями политической мысли было объявлено короткое перемирие, но последующие десятилетия американской истории (включая и два срока президентства Р. Рейгана) прошли под знаком все того же «перетягивания каната», то ослабевающей, то возобновляющейся борьбы между сторонниками и оппонентами «сильной» федеральной власти.

Периодические, хотя порой и с достаточно длительной амплитудой, колебания политического маятника способны нагнать смертную тоску на иного философски настроенного наблюдателя обстановки в Соединенных Штатах. Американских же политиков коловращение жизни по давно накатанному маршруту ничуть не смущает: ведь оно служит прямым, хотя и своеобразным, подтверждением нужности и важности их деятельности. «Он полагает, что правительство должно заниматься всем, а я не вижу, каким образом оно может взять на себя больше того, что входит в круг его нынешних обязанностей, если мы намерены сохранить в стране хоть какую-то личную свободу» – в этой фразе сенатора Бэрдена Дэя заключена не только суть разногласий между этим вымышленным персонажем романа и вполне реальным президентом Ф. Рузвельтом, но и вся парадигма политической активности официального Вашингтона на протяжении как минимум последнего полувека.

Интеллектуальный примитивизм политологии – как теории, так и ее практического применения – хорошо сознают наиболее проницательные персонажи Г. Видала. Со ссылкой на опыт Вудро Вильсона в романе звучит любопытная сентенция: «Самое худшее в должности президента – это необходимость выслушивать то, что ты уже давно знаешь». Предсказуемость и очевидность не просто суждений, но и самих политических решений являются неотъемлемой особенностью данной сферы на всех ее уровнях. Вот почему в Америке, особенно в XX веке, политика крайне редко привлекала к себе мыслителей или хотя бы тех, кто органически не расположен к тривиальности. Сын аптекаря, кадровый военный, несостоявшийся галантерейщик, отставной актер – именно этим людям, олицетворяющим и «средний» социальный класс, и усредненное мышление, Соединенные Штаты вверяли в послевоенное время честь находиться у кормила власти. Возникающие при этом издержки мало кого пугали, ибо в правовом государстве со стабильной конституцией у общественности есть все условия, чтобы подправить даже самого строптивого главу администрации, а если понадобится, то и призвать его к ответу за противозаконные действия.

«Планировать в политике слишком часто – не более чем форма самоуспокоения. Предвидеть будущее совершенно невозможно», – замечает Г. Видал от имени сенатора Дэя, который держит совет со своим помощником Клеем Овербэри. Дар предвидения необходим политику, несмотря на то что спектр вероятности сведен, как правило, всего лишь к двум-трем вариантам, но еще

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org более головоломной предстает перед ним проблема личной лояльности сподвижников и приближенных. Можно даже утверждать, что это не проблема, а настоящее наваждение, незримый дамоклов меч, зависший над головами тех администраторов, что не обладают решительным интеллектуальным либо организаторским превосходством над своим окружением. В рамках государственно-монополистической системы, уничтожающей свободу выбора и пространство для маневра, угрозы открытого соперничества почти не существует, а вот в условиях широкой демократии она дает себя знать на каждом шагу. Бэрдена Дзя, и не его одного, преследует все та же навязчивая идея – «ни про кого никогда нельзя с уверенностью сказать „наш“», хотя это в общем-то вполне естественно, поскольку постулат безграничной преданности в корне расходится с общим содержанием понятия «заниматься политикой».

В отличие от «Демократии» Г. Адамса «Вашингтон, округ Колумбия» является не только произведением на «политическую тему», но и романом историческим, то есть охватывающим довольно значительный промежуток времени и откликающимся на важные события внутри и за пределами Америки. Стремясь к точной датировке эпизодов книги, писатель почти всякий раз соотносит их с памятными моментами прошлого. Тут и уже упоминавшееся поражение Рузвельта в конгрессе, и его реванш некоторое время спустя по вопросу о помощи противникам Гитлера, и визит в американскую столицу королевской четы из Великобритании, и известие о японской атаке в Пёрл-Харборе. Стоит подчеркнуть, что именно Пёрл-Харбор в каком-то смысле не только решил исход войны, но и определил контуры послевоенного мира. Всего через несколько дней после бомбардировки Гавайев Гитлер неожиданно для всех объявил войну Соединенным Штатам, положив тем самым начало растянувшемуся на три с половиной года «самоубийству германской империи» (согласно определению западногерманского историка и публициста С. Хаффнера). С этого часа даже те, кто ненавидел Сталина, предпочитая ему «бесноватого фюрера», который по крайней мере не занимался методическим уничтожением собственного народа, дали свое согласие на вхождение США в антифашистскую коалицию.

Существовал, впрочем, и иной, гипотетический вариант военно-политического расклада сил, отвечавший сугубо «нутряным» интересам «чистой, простой и богобоязненной» Америки. «Если мы поможем Гитлеру в России, он поможет нам против японцев. При глобальном разделе мира мы получим Азию, а он оставит за собой Европу, и все будут довольны», – изрекает у Видала один из персонажей со ссылкой на агентурные данные, полученные из нейтральной Швейцарии. Холодный прагматизм такого рода расчетов было трудно переварить тем, кто, подобно Рузвельту, любой ценой стремясь к победе над Германией, предпочитал видеть в сталинистском Советском Союзе «недозревшую демократию», которая будто бы имеет все шансы стать полноценным, ответственным членом демократического сообщества. Как считают некоторые американские консерваторы, отмежевываясь от прозорливых предостережений, уступив нажиму на Ялтинской конференции, Рузвельт, хотя и невольно, заложил фундаментальные основы всемирного раскола, сохранявшегося в своей незыблемости по меньшей мере четыре послевоенных десятилетия.

Знакомство с романом Видала поможет нашему читателю, особенно более старшего возраста, лучше разобраться в судьбе, надеюсь, еще не забытого Гарри Гопкинса. В годы войны он наряду с Рузвельтом и генералом Эйзенхауэром олицетворял в глазах советских людей почему-то пришедшие им вдруг на помощь Соединенные Штаты, которые дотоле неизменно клеймились официальной пропагандой как «пособник фашизма» и «цитадель международной реакции». На мировой арене Гопкинс был персоной самого крупного калибра, доверенным лицом президента и исполнителем многих его предначертаний, о чем хорошо рассказал драматург Роберт Шервуд в известной советскому читателю двухтомной работе «Рузвельт и Гопкинс». Но в самой Америке Гопкинса всегда считали калифом на час, поскольку он не был тесно связан ни с одним из штатов и полагался лишь на «высочайшую» поддержку.

Этот пример показателен и для иллюстрации непростых и непривычных, с точки зрения многих европейцев, взаимоотношений «по вертикали» в рамках конкретно взятой политической партии. Для американцев характерна гораздо большая степень независимости отдельных деятелей от «генеральной линии», что, конечно же, впрямую связано с индивидуализмом, давно ставшим в США национальной религией. Видал напоминает, в частности, о той неприязни, которая существовала между Ф. Рузвельтом и его партнером – техасцем Джоном Гарнером. Независимостью суждений отличались и другие вице-президенты – Генри Уоллес (опять-таки при Рузвельте) и Губерт Хэмфри, не потерявшийся в тени, которую отбрасывала незаурядная личность Линдона Б. Джонсона. И лишь

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org в 70–80-е годы почти полная бессловесность стала уделом вице-президентов, сделавших, похоже, основную ставку на то, что эта позиция непременно обернется для них крупными дивидендами в час избирательной кампании и выдвижения «надежных», проверенных кандидатур.

Главным связующим звеном между сценами политической и частной жизни, воспроизведенными в романе «Вашингтон, округ Колумбия», является фигура Клея Овербэри. Некоторое время Клей живет под двойным прессом домашних неурядиц и укрепляющегося в нем сознания неудачи своей карьеры. Не то чтобы ему совсем были неведомы радости жизни. Клей не обделен ни привлекательной внешностью, ни хватким умом, ни прилежностью и исполнительностью – качествами, особенно необходимыми для «бумажной работы» в офисе крупного политического босса. Отсутствует другое: деньги и прежде всего нужные связи, без которых честолюбию и таланту нечего делать в наше время на общественно-политической арене. Можно, правда, заметить, что Клею Овербэри не хватает также идеалов, но если бы таковые у него были, то Клей обратился бы, наверное, в полностью «голубого» персонажа, и тогда читатели книги утратили бы всякую веру в этот художественный образ.

Уход добровольцем в действующую армию и полученный «за морями» жизненный опыт заметно раздвинули умственные горизонты героя романа. Его размышления в канун падения гитлеровской Германии находятся в русле споров ведущих политологов, озабоченных внезапным, всего в течение трех с небольшим лет осуществившимся изменением роли Америки в мире. «Закоренелые идеалисты» наподобие сенатора Бэрде на Дэя, похоже, списанного с его реального коллеги по республиканской партии А. Ванденберга, полагали, что особая миссия Соединенных Штатов состоит в том, чтобы «одарить всех отверженных чувством собственного достоинства» (впоследствии, во времена Дж. Картера и Р. Рейгана, эта внешнеполитическая цель стала именоваться борьбой за соблюдение прав человека). Более прагматичные идеологи, вроде издателя Г. Люса и откликающегося на его философию Клея Овербэри, были убеждены, что ход событий окончательно превратил изоляционистскую республику в первостатейную мировую державу и что второй половине XX столетия суждено стать «американским веком».

Кульминация «послевоенной» части произведения Г. Видала находит выражение в столкновении интересов рвущегося вверх по лестнице престижа и власти Клея Овербэри и его бывшего шефа сенатора Дэя, который также собрался было баллотироваться на выборах в конгресс 1950 года. Жестокий шантаж, предпринятый Клеем, укладывается в четко выверенную автором схему, но не вполне убедителен в психологическом отношении. Во второй половине книги, в угоду взглядам романиста, характер Клея, с которым читатель уже успел, казалось бы, свыкнуться, претерпевает разительную трансформацию. Как представляется, Видал полностью солидарен со старческими сетованиями Дэя на то, что после войны «люди не знают иного мотива, кроме выгоды, не признают иного критерия, кроме успеха, иного бога, кроме честолюбия». Иначе ему вряд ли надо было бы представлять Клея в обличье «шагающего по трупам» политика «новой» формации.

Столь же мало достоверна в психологическом плане эволюция и некоторых других персонажей, в частности миллионера Сэнфорда и его сына Питера. Резкую перемену отношения Сэнфорда к своему зятю Клею в романе объясняют то так, то эдак, предпочитая в конечном счете невнятную фрейдистскую трактовку с намеком на будто бы объединявшие обоих мужчин гомосексуалистские мотивы. На той же основе замешено и усвоение Питером, поначалу вполне безликим отпрыском богатых родителей, леворадикалистских и чуть ли не социалистических взглядов. В борьбу с Клеем он вступает под воздействием не столько убеждений, сколько глубоко запрятанных эротических комплексов, подсознательной ревности к удачливому свояку, который уже на первых страницах книги соблазнил сестру Питера Инид и отверг Диану, ставшую впоследствии любовницей новоявленного радикала.

Заметное место в композиционной структуре романа Видала занимает авантюра некоего Нилсона, всучившего-таки сенатору Дэю взятку в обмен за поддержку сделки о покупке у индейцев предположительно нефтеносного земельного участка. Злоупотребление Бэрдена Дэя своим общественным положением подобно глубокой занозе, терзающей его совесть. В условиях открытого общества все тайное так или иначе становится явным, и последующие маневры по сокрытию обстоятельств подобны судорогам существа, обреченного на гибель. Положение сенатора и без того неустойчиво, поскольку, принадлежа к партии президента, он постоянно находится к нему в оппозиции, хотя и не заходит в этом слишком

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org далеко, чтобы не быть обвиненным в пособничестве республиканцам.

По большей части прозаику удастся провести своего вымышленного героя по тонкому льду и избежать нарушения исторической достоверности. Следя за карьерой этого незаурядного деятеля, воплощающего преемственность многих лучших традиций американской демократии, задаешься, однако, вопросом о причинах нехватки у него в самые ответственные моменты политической воли. Почему Бэрдэн Дэй попал впросак, свернув в 1940 году свою избирательную кампанию? Почему он бездействовал, когда это было на руку его противникам? Почему ничем не воспрепятствовал движению своей репутации «вниз по склону», превращению из крупнейшего национального лидера в «один процент с хвостиком» высшей палаты конгресса, насчитывавшей в ту пору 96 членов?

Положим, сенатор Дэй – лицо вымышленное и собирательное и писатель не мог переиначивать в своем произведении подлинную историю. Но аналогичная отрешенность в критические мгновения была зафиксирована в XX веке и в целом ряде других случаев – в связи, например, с Л. Д. Троцким, который, как кажется, вполне безучастно, чуть ли не с французским романом в руке следил за нехитрыми в общем маневрами, лишившими его заслуженного авторитета и высокого официального положения. Один из секретов, подводящих к ситуации, когда удав заглатывает своего соперника, уменьшившегося до размеров кролика, раскрыт Гором Видалом. Надо лишь «наобещать всяческих благ, которые и не собираешься предоставлять, с тем чтобы тот, кому их обещают, сохранял самое приятное и оптимистическое расположение духа». И этот не новый прием почти неизменно эффективен, поскольку он рассчитан на свойственную каждому нормальному человеку, хотя и иррациональную, веру в порядочность коллег и благосклонность фортуны.

Заключительные главы книги воскрешают в памяти так называемую эпоху маккартизма в недавней истории США, когда малосимпатичному в частной жизни и действительно схожему с аристократическими демагогами сенатору удалось увлечь за собой значительную часть общественного мнения, а на выборах в конгресс осенью 1950 года буквально разгромить в очной схватке многих из своих либеральных соперников. Не одобряя образа мыслей Дж. Маккарти и развернутую им «охоту за ведьмами», писатель, однако, точно выделяет по крайней мере некоторые из причин всплеска в США антикоммунистических настроений. Одна из них – война в Корее, которая восстановила американцев против идей коммунизма больше, чем любая другая акция того злосчастливого периода, за исключением, пожалуй, лишь «утечки» из США ядерных секретов. Сталин сошел в могилу, но интенсифицированная его усилиями «холодная война» продолжала полыхать, и даже в конце 80-х годов, невзирая на «перестройку» и «новое политическое мышление», глубоко внедрившиеся убеждения в «коварстве Советов» не так-то легко изгнать из сознания наиболее умудренной части американского общества.

За двадцать с лишним лет, истекших после публикации романа «Вашингтон, округ Колумбия», беллетристика на внутривнутриполитические темы сделалась одной из наиболее популярных разновидностей американской прозы. Кто только себя в ней не пробовал: дети бывших президентов и сами отставные государственные мужи, сотрудники столичных газет и профессора экономики и социологии. Роман известной писательницы Джоан Дидион «Демократия» (1984) вносил, однако, немало нового в достаточно стандартизированные и, стало быть, привычные приметы сложившейся жанровой модификации. Те, кто ожидал увидеть в нем такие типичные для политического романа черты, как отчетливое столкновение противоположных философских концепций, прямое сопряжение с важными историческими событиями и, наконец, анализ американской политической машины, были несколько разочарованы, ибо в основе «Демократии» находилась романтическая любовная история в сопровождении постоянно звучащего авторского комментария. И все-таки нельзя отрицать наличия в книге Дидион немаловажной идеологической подоплеку, дешифровка которой указывает на тесную связь содержания романа с некоторыми более общими тенденциями современной социально-политической практики в Соединенных Штатах.

«Демократия» Дж. Дидион не только по названию перекликается с «Демократией» Г. Адамса; на законном основании рядом с ними становится и только что проанализированный роман Г. Видала. В отличие от создателей расплодившихся в последнее время «политических боевиков» авторов этих книг влекли к себе не возможность беллетризации хорошо известных теперь уже и по школьным учебникам событий и не эффектные декорации «коридоров власти». «Серьезные писатели» тем и разнятся от ловкачей, греющих руки на внезапно сложившейся

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org конъюнктуре, что их заботят не грошовые «сенсации» и «разоблачения», а гораздо более глубокие исторические и психологические процессы. Главным же объектом пытливого мысли остается человек, а точнее – тема моральной ответственности, нависающей над тем, кто дерзает противопоставить свою волю, убеждения и честолюбие сложившемуся ходу вещей в надежде на благотворные, хотя, как правило, и весьма туманно вырисовывающиеся перемены.

Центральная пара персонажей романа Дидион принадлежит к избранному кругу американской знати, которая, как и во времена Ф. С. Фицджеральда, по-прежнему завораживает воображение немалого числа литераторов. Знаменитости нередко жалуются, что их частная жизнь отдана на растерзание толпам любопытствующих. Но если б этого не было, то знаменитости утратили бы свой статус и превратились бы в простых смертных, что вряд ли входит в их намерения. Это относится и к политикам, которые обречены жить в стеклянном доме, насквозь просвечиваемом средствами информации.

Итак, Инез и Гарри Виктор являются неперенными фигурами светской хроники, мишенями, находящимися под прицелом фото-и телеобъективов. Гарри Виктор, насколько можно судить по его послужному списку, – политик либерального склада, напоминая чем-то и Эдварда Кеннеди, и Юджина Маккарти, а еще больше Гэри Харта. Его карьера в 60-е годы захватила важные вехи массовых оппозиционных движений: антирасистские марши протеста в штате Миссисипи, забастовки сельскохозяйственных рабочих в калифорнийской долине Сан-Хоакин, столкновения с полицией в Чикаго летом 1969 года. На протяжении этих лет Виктор трижды успешно баллотировался в палату представителей, отслужил половинный срок в сенате, а в 1972 году стал одним из претендентов на президентскую должность от партии демократов.

При всей важности этих подробностей стоит заметить, что как политические убеждения Виктора, так и его деятельность в качестве одного из лидеров «молодых либералов» намечены в «Демократии» лишь слабой контурной линией. Смысловым узлом романа и вместе с тем начальной точкой развития нескольких сюжетных линий становятся два не связанных между собой события, датированные весной 1975 года: вывод американских войск из обреченного Сайгона на финальной стадии вьетнамской войны и убийство в пригороде столицы Гавайских островов Гонолулу двух человек. Одной из убитых, как читатель уже знает, была сестра Инез Виктор, убийцей же оказался их отец Пол Кристиан.

По-видимому, Дидион слишком буквально восприняла известную оценку чеховских пьес, в которых, «в то время как люди пьют чай, рушатся их судьбы». Реальные контуры драматических конфликтов здесь нарочито размыты, замаскированы мишурным блеском «диалогов с подтекстом» или репортажным перечислением зигзагообразных передвижений главных персонажей по земному шару. Лишь изредка эта словесная завеса несколько рассеивается, чтобы посвятить любопытствующих в обстоятельства жизни членов семейства Кристианов– Викторов.

Ретроспективное изложение хода событий, завершившихся трагедией в доме Кристианов, в очередной раз варьирует тему «распада буржуазной семьи» и не выходит за рамки устоявшихся стереотипов. Гораздо примечательнее конфликт, назревавший с годами между Гарри и Инез Виктор. Первые облачка на супружеском горизонте появились уже давно, потом их становилось все больше и больше, и все это было связано с крепнущей симпатией Инез к ее многолетнему платоническому поклоннику по имени Джек Ловетт.

Хотя в романе об этом ни разу не говорится прямо, но без большого риска ошибиться можно предположить, что Ловетт принадлежит к числу тех, кого лет тридцать – тридцать пять тому назад с легкой руки Грэма Грина начали именовать «тихими американцами». И характерно, что человек подобного рода занятий, призванный охранять и укреплять «национальные интересы» США в Юго-Восточной Азии и в бассейне Тихого океана, не только постепенно выдвигается на авансцену произведения, но и пользуется при этом расположением как героини романа, так и самой писательницы. «Вы – любопытная публика, – обращается Ловетт к Гарри Виктору и его политическому единомышленнику Билли Диллону. – Вы не видите того, что происходит у вас перед глазами. Вам нужно сначала прочесть об этом в „Нью-Йорк тайме“ и уж потом начать действовать. Произнести речь. Создать комиссию. Предложить провести расследование, а потом, через год или два, выехать на место для ознакомления с тем, что происходит здесь сегодня».

Знакомство Ловетта с семейством Викторов длилось не менее двадцати лет, и к концу этого срока различие между мужем и поклонником сделалось особенно контрастным. С одной стороны – пустословие либеральствующего политика, цепляющегося за любую возможность остаться в поле зрения общественности и, к неудовольствию собственной жены, беспринципно приноравливающегося к обстоятельствам; с другой же – немногословная уверенность в себе «человека дела», который раз за разом находит поводы, чтобы доказать Инез свою преданность. Прежде всего Ловетт – организатор-профессионал, хотя писательница и не разглашает подробностей многочисленных «миссий», выпадавших на его долю. Но кроме того, он еще и герой-любовник, который долгие годы тоскует по прекрасной даме своей мечты и завоевывает ее полную благосклонность, возвращая Инез ее восемнадцатилетнюю дочь, считавшуюся безвозвратно пропавшей. «Джек Ловетт назвал свою удачу в розысках Джесси чистой случайностью, но будь на его месте вы или я, у нас никогда ничего не получилось бы» – так комментирует этот эпизод Дидион.

Страницы романа, повествующие о внезапной смерти Ловетта, по-настоящему глубоко эмоциональны, ибо они лишены той интеллектуальной иронии, без которой писательница не обходилась на протяжении всего текста. Ловетт умирает на руках Инез потому, что цель его жизни достигнута: он наконец-то вместе со своей любимой и ему больше нет нужды приносить жертвы, метаться из конца в конец по тысячемильному периметру, спорить с пустоголовыми краснотелами и между тем методично делать свое дело. Погребение Инез тела Ловетта на военном кладбище Гонолулу под сенью вечнозеленой джакаранды добавляет еще одну трогательную деталь в рассказ о мужском постоянстве, которое не осталось невознагражденным.

Но следует подчеркнуть: с точки зрения Джоан Дидион, Джек Ловетт не просто современный вариант «рыцаря без страха и упрека». Его образ и деятельность находятся, хотя и в опосредованной, соотносительности с определенным в международных отношениях курсом, который в 80-е годы оказался для Америки достаточно успешным. Завершающееся ныне десятилетие изменило в США многое и во внутривластном, духовном климате. После десятилетия самобичеваний подавляющее большинство американцев перешло к активной поддержке основных институтов своей страны, которые, как показали последние годы, пользуются все большим вниманием в качестве примерного образца для высвобождения из ледяной хватки командно-бюрократической системы.

Во время одной из своих поездок в США, осенью 1988 года, я был свидетелем проходивших 8 ноября выборов президента и конгресса, наблюдая это событие в маленьком городке, типичном для «одноэтажной Америки». Та легкость, с которой Дж. Буш, этот ближайший сподвижник Р. Рейгана, взял верх над М. Дукакисом, казалась поразительной, но она была полностью объяснима в контексте текущей эволюции общественных настроений и политической мысли Соединенных Штатов. «Преемственность и последовательность» – таким был клич республиканцев, которым их соперники-демократы не смогли противопоставить ничего принципиально нового.

Идеи экономической свободы и децентрализованного управления, приоритета неотчуждаемых в пользу государства прав личности, поощрения индивидуальных и групповых инициатив, мира, основанного на противопоставленной безрассудству силе, доказали в 80-е годы свою устойчивость и плодотворность. И вполне закономерно, что с движением времени положительный американский опыт, зафиксированный как в фактах истории, в живых социальных установлениях, так и в литературных текстах, пользуется в нашей стране все возрастающим вниманием со стороны истинных ревнителей демократических преобразований.

А.С. Мулярчик

Примечания

1

Скука (фр.).

2

Трансценденталисты – сторонники идей, распространяемых членами литературно-философского кружка, группировавшегося вокруг публициста и философа Р. У. Эмерсона (1803–1882), который утверждал ценность духовного мира, противопоставляя его сугубо утилитарному взгляду, согласно которому в основе деятельности человека лежит эгоистический интерес, стяжательство. Сочетание «комиссионеры-трансценденталисты» носит явно иронический характер. (Здесь и далее прим, перев.)

3

Клан богатых плантаторов-рабовладельцев из штата Виргиния. Из семейства Ли вышел главнокомандующий армией конфедератов генерал Р. Э. Ли (1807–1870).

4

Одна из главных улиц Бостона. Здесь – символизирует бостонский высший свет.

5

Площадь в Вашингтоне, на которую выходит фасад Белого дома.

6

Конная статуя Эндрю Джэксона (1767–1845). седьмого президента США, установленная на Лафайет-сквер в 1853 г.

7

Знаменитый парижский модельер, имевший филиалы своей фирмы в США.

8

Католические священники, входившие в общину Святого Павла, основанную в Нью-Йорке в 1858 г.

9

Город в штате Виргиния, где 9 апреля 1865 г. основные военные силы Конфедерации под командованием генерала Ли сдались генералу Гранту, в результате чего Гражданская война 1861–1865 гг. закончилась.

10

имеется в виду книга Ч. Диккенса «Американские заметки» (1842), где в гл. VII дается весьма нелестное описание Вашингтона и обеих палат конгресса.

11

Уэбстер Дэниел (1782–1852) – американский государственный деятель, государственный секретарь США (1841–1843, 1850–1852).

12

Клей Генри (1777–1852) – американский государственный деятель.

Калхун Джон (1782–1850) – американский государственный деятель; вице-президент США (1825–1832).

13

Плут (фр.).

14

Слово чести (фр.).

15

«Но здесь я стою...» – первая половина известного изречения Мартина Лютера (1483–1546) – «Здесь я стою, и не могу иначе», – из его речи на Вормском рейхстаге в 1521 г.

16

Речь идет о пышных церемониях и празднествах при дворе испанских королей из династии Габсбургов (1516–1700).

Эскуриал – дворец в Мадриде.

17

Намек на низкий нравственный и интеллектуальный уровень американских избирателей. Йеху – полностью деградировавшие человеко-подобные существа, которых наблюдает Гулливер во время пребывания в стране благородных лошадей Гуигнгнмов (Дж. Свифт «Путешествия Гулливера», ч. IV).

18

Последователи ультрамонтанства, направления в католицизме, добивавшегося неограниченного права для папы римского вмешиваться в религиозные и светские дела любого католического государства.

19

Имеются в виду Капитолий и Белый дом.

20

Поместье Джорджа Вашингтона в Виргинии.

21

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Стюарт Гилберт (1755–1828) – американский художник, создавший целую портретную галерею своих современников, в том числе портрет Дж, Вашингтона (1795).

Гриноу Горацио (1805–1852) – американский скульптор, автор статуи Вашингтона, установленной перед Капитолием.

22

Джоджиана Кавендиш, герцогиня Девонширская (1757–1806), приобрела известность выступлениями в поддержку кандидатуры Генри Фокса на парламентских выборах в 1784 г.

23

Имеется в виду речь Дж. Вашингтона, произнесенная им 19 сентября 1796 г., в которой он изложил свои идеи демократического правления. В марте 1797 г. Вашингтон, уйдя в отставку, поселился в Маунт-Верноне.

24

Двойник; второе «я» (лат.).

25

Церемонии вступления в должность президентов США состоялись 4 марта. Начиная с 1937 г. инаугурация проходит 20 января.

26

форма прощальной визитной карточки.

27

Всегда есть последнее убежище (фр.).

28

В Арлингтоне находится кладбище, где похоронены участники Гражданской войны.

29

Роман английского писателя Уильяма Теккерея (1848).

30

Персонажи одной из исторических поэм английского поэта Роберта Саути (1774–1843).

31

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org

О дружбе семейств Адамсов и Ли рассказывается в автобиографической книге Г. Адамса «Воспитание Генри Адамса» (глава IV). – М., «Прогресс», 1988.

32

В Древнем Риме сецессия (от лат. *secession* – уход, удаление) – выход плебеев из состава римской общины, оставлявший город фактически без военной защиты. По аналогии в период, предшествовавший Гражданской войне в США, и во время этой войны сторонники отделения рабовладельческих штатов называли свое движение «сецессией».

33

Крах (фр.).

34

Безделушки (фр.).

35

Здесь в мае 1864 г. шли сражения между армиями генерала Гранта и генерала Ли, в результате которых погибло около 28 тысяч человек.

36

Сказка для детей английского писателя Чарлза Лэма (1775–1834).

37

Стихотворение английской поэтессы Энн Линдсей (1750–1825).

38

Маколей Томас (1800–1859) – известный английский историк, автор классического труда «История Англии» (1849–1851).

39

«Рассвет в июне» (фр.).

40

Геба Выходящая из пены (лат.).

41

Канут (Кнут) (ок. 995–1035) – король Англии (1016–1035) и Дании (1018–1035).

42

Комический персонаж из произведения Б. Р. Шиллабера «Жизнь и высказывания миссис Паррингтон» (1854).

43

Стихотворение английского поэта Роберта Браунинга, вошедшее в сборник «Драматическая лирика» (1842).

44

Новые звезды (астр.).

45

Блистательным веком (фр. – имеется ввиду конец XIX века)

46

Сладкий напиток, приправленный сарсапарилем, сушеными корнями растения Североамериканского континента.

47

Франклин Делано Рузвельт.

48

Намек на ФБР – федеральное бюро расследований.

49

«Разве они умерли?» (фр.)

50

Имеется в виду Капитолийский холм, где стоит здание конгресса США.

51

Уильям Дженнингс Брайан (1860–1925) – американский адвокат, политический деятель, трижды (в 1896, 1900 и 1908 гг.) выдвигался кандидатом на пост президента США от демократической партии и все три раза терпел поражение.

52

Имеется в виду Гражданская война в США 1861–1865 гг.

53

То есть сенатор, избранный в сенат ранее своего коллеги от того же штата.

54

Булл-Ран – место одного из кровопролитнейших сражений Гражданской войны.

55

интимный (фр.).

56

То есть во время Гражданской войны 1861–1865 гг.

57

Самтер – правительственный форт в штате Южная Каролина, с осады которого южанами (12–14 апреля 1861 г.) началась Гражданская война в США.

58

Да, да (нем.).

59

«Не стану спорить» (лат.) – заявление обвиняемого в уголовном процессе, которое не лишает его права отрицать справедливость обвинений в последующем судебном разбирательстве.

60

Филип Генри Керр, лорд Лотиан – британский посол в США в 1939–1940 гг.

61

Кеннеди Джозеф Патрик – американский посол в Англии в 1937–1940 гг., отец Джона Ф. Кеннеди.

62

ПП – палата представителей конгресса США. 1776 – год принятия Декларации независимости США. Название, подчеркивающее исключительную важность законопроекта, который Г. Гопкинс охарактеризовал как «Декларацию взаимозависимости», было предложено самим Ф. Д. Рузвельтом. (См. Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. 1958, с. 392.)

63

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
На месте преступления (лат.).

64

Ей-ей! (фр.)

65

Девушек (фр.).

66

Традиционные встречи общественности в Чатокуа (штат Нью-Йорк), где на берегу одноименного озера под открытым небом проводятся лекции, концерты и т. д.

67

Истина в вине (лат.).

68

Милый (нем.).

69

После соития (лат.).

70

Персонаж греческой мифологии. Помог Парису украсть спартанскую царицу Елену.

71

Английскому пороку (фр.).

72

Панели (фр.).

73

Брюс Роберт – основатель графского рода норманнского происхождения (XI в.), сподвижник Вильгельма Завоевателя.

74

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Броун Томас (1605–1682) – английский медик и философ.

75

Скромный прием с коктейлями (фр.).

76

Говядина по-вашингтонски (фр.).

77

Пайл Эрнест (1900–1945) – американский журналист, получивший за свои корреспонденции с Тихоокеанского театра военных действий Пулитцеровскую премию (1944).

78

Участок Североамериканского континента, открытый в XI в. викингом Лейфом Эрикссоном. Дольше не установлено, что именно было открыто; так называют районы от Ньюфаундленда до Виргинии.

79

«О забавах священников» (лат.).

80

Не так уж долго (фр.).

81

Увы (фр.).

82

Черт возьми (фр.).

83

Строка стихотворения Уитмена, написанного на смерть Авраама Линкольна.

84

Цели политики США, провозглашенные Ф. Д. Рузвельтом в послании конгрессу 6 января 1941 года: свобода слова и выражения мнения, свобода вероисповедания, свобода от нужды и свобода от страха.

85

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Праздник (фр.).

86

Весьма рафинированной молодой особе (фр.).

87

То есть в Белом доме.

88

Йорк Элвин Кэллем – американский солдат, геройски отличившийся в первую мировую войну на франко-германском фронте.

89

Ах, какое несчастье! (фр.).

90

Богини судьбы в скандинавской мифологии.

91

Сенатор-демократ от штата Мэриленд в 1927–1951 гг.

92

Американский профессор, специалист по Дальнему Востоку, в годы второй мировой войны служил в военной разведке, был советником Чан Кайши. В 1950 г. сенатор Маккарти обвинил его в шпионаже в пользу СССР. Был осужден Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности и федеральным Большим жури. В 1955 г. все обвинения против О. Лэттимора были сняты.

93

Менкен Генри (1880–1956) – американский издатель и журналист, зло высмеивавший политические нравы США.

94

Мистический знак в индуизме и буддизме.

95

Бэкон Фрэнсис (1561–1626) – английский философ и политический деятель, был уличен в коррупции.

96

При смерти, на смертном одре (лат.). Здесь: в минуту крайних испытаний.

97

В силу самого факта; тем самым (лат.).

98

Пятая поправка к конституции США устанавливает, что граждане могут привлекаться к ответственности лишь по постановлению суда присяжных и не должны понуждаться к даче показаний против самих себя.

99

Сенатор от штата Коннектикут в 1950–1952 гг. Резко выступал против сенатора Дж. Маккарти.

100

Сенатор-демократ от штата Иллинойс с 1939 по 1951 г. Лидер большинства в 1949–1951 гг.

101

Кроккет Дэвид (1786–1836) – легендарный герой американской истории, воплощавший в себе дух «фронттира» и пионеров Америки, авантюрист и политический деятель.

102

Известные в конце XIX в. бандиты. Братья Джеймсы, в частности, специализировались на ограблении банков и поездов.

103

Милый друг (фр.).

104

Как это скверно (фр.).

105

Вдвоем (фр.).

106

Сборник, состоящий из 85 политических эссе, написанных в 1787–1788 гг. А.

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Гамильтоном, Дж. Мэдисоном и Дж. Джеем. Считается классикой американской
политической мысли.

107

Дорогой (фр.).

108

В сущности, люди духовного склада (ломаный французский).

109

Тетя (фр.).

110

Тетя ирен (фр.).

111

Витгенштейн Людвиг (1889–1951) – австрийский философ, логик и математик.

112

Нежно-зеленую страну (фр.).

113

Цельная (фр.).

114

Самим собой (фр.).

115

В греческой мифологии – близнецы, сыновья Зевса и Леды.

116

Полигоны ядерного оружия.

117

Прощальный взгляд (фр.).

118 Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org

Гуано (исп.) – разложившийся в условиях сухого климата помет морских птиц. В Южной Америке его залежи используются как удобрение.

119

Не правда ли (фр.).

120

Дорогой Поль (фр.).

121

Ассоциация молодых христиан.

122

«Жаркое в полете», овощной гарнир (фр.).

123

Респектабельный журналистский клуб.

124

Сарджент Джон Сингер (1856–1925) – американский живописец, автор светских и тонких психологических портретов.

125

Священный крест, символ жизни в Древнем Египте.

126

Массачусетский технологический институт.

127

Три по двадцать и десять (библ.) – 70 лет. Употребляется также для обозначения нормальной продолжительности человеческой жизни.

128

Служба атташе министерства обороны.

129

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
По шкале Фаренгейта.

130

Потрошки домашней птицы под эстрагоном (фр.).

131

Делегации конгресса.

132

Не так ли? (фр.).

133

Автомат японского производства.

134

Модный курорт на Гавайях.

135

Добрый день (исп.)

136

Новая жизнь (исп.)

137

Налоговое управление США.

138

Американцы японского происхождения во втором поколении.

139

Житель островов Южного моря.

140

Последний удар (фр.).

141

Демократия. Вашингтон, округ Колумбия. Адамс Генри filosoff.org
Мой дорогой Поль (фр.).

142

Агентство Международного развития.

143

Информационное агентство США.

144

Фартук (вьетн.).

145

Одним словом (фр.).

146

Центры разработок ядерного оружия в США.

147

Слово «correspondence» переводится с английского как «послание» и «совпадение».

148

Национальное управление по авиации и исследованию космического пространства.

149

История США. М., «Наука», 1985, т. 3, с. 234.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!